РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА.

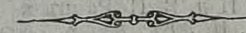
ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 9.

СЕНТЯБРЬ 1905 г.

Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, а также въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній (Ж. М. Н. Пр. за апрѣль 1902 года)

Золотая медаль на международной выставкѣ „Дѣтскій міръ“ въ 1904 году.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.
1905.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ (16-й годъ изданія).

NB Сентябрьская книжка „Русской Школы“ вышла съ значительнымъ запозданіемъ по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ и вслѣдствіе неоднократныхъ забастовокъ въ типографіяхъ.

Книга 9—Сентябрь 1905 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА.

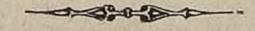
ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 9.

СЕНТЯБРЬ 1905 г.

Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, а также въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній (Ж. М. Н. Пр. за апрѣль 1902 годъ).

Золотая медаль на международной выставкѣ „Дѣтскій міръ" въ 1904 году.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.

1905.

Содержаніе II-го тома общепедагогическаго журнала „Русская Школа“.

Май—Іюнь,—Іюль—Августъ за 1905 г.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Критика и библіографія.

Педагогическая хроника.

Разныя извѣстія и сообщенія.

РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 9.

СЕНТЯБРЬ 1905 г.

Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, а также въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній (Ж. М. Н. Пр. за апрѣль 1902 годъ).

Золотая медаль на международной выставкѣ „Дѣтскій міръ" въ 1904 году.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.

1905.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ 30 Сентября 1905 г.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО УЧЕБНОМУ ВѢДОМСТВУ.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

Объ устройствѣ учебной части въ гимназіяхъ на 1905/6 и 1906/7 уч. годы.

(30 апрѣля 1905 г.—Предл. мин. отъ 5 іюня 1905 г., за № 10974).

Съ окончаніемъ 1904/5 учебнаго года истекаетъ срокъ дѣйствія таблицы уроковъ для шести первыхъ классовъ мужсскихъ гимназій, установленной циркулярнымъ предложеніемъ министерства народнаго просвѣщенія отъ 18 мая 1904 года, за № 15315.

При обсужденіи въ министерствѣ народнаго просвѣщенія вопроса объ устройствѣ учебной части въ мужскихъ гимназіяхъ на предстоящій учебный годъ, въ которомъ необязательность изученія греческаго языка распространяется на VII-й классъ большинства этихъ учебныхъ заведеній, было признано желательныхъ ввести съ 1905/6 учебнаго года въ VII классѣ, а съ 1906/7 учебнаго года и въ VIII классѣ мужскихъ гимназій преподаваніе философской пропедевтики и законовѣдѣнія.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 30 день апрѣля текущаго года Высочайше на сіе соизволилъ.

Руководствуясь таковымъ Высочайшимъ повелѣніемъ, а также указаніями, Высочайше преподанными въ 1-й день мая 1904 г., г. министръ народнаго просвѣщенія увѣдомилъ г. попечителя округа, для соотвѣтствующаго распоряженія, что съ будущаго 1905/6 учебнаго года въ VII классѣ гимназій, поименованнымъ въ п. IV Высочайшаго повелѣнія 20 іюля 1902 года, надлежитъ ввести преподаваніе законовѣдѣнія при одномъ урокѣ и философской пропедевтики при двухъ урокахъ въ недѣлю, а въ VIII классѣ тѣхъ же гимназій продолжать съ 1906/7 учебнаго года преподаваніе названныхъ предметовъ при двухъ урокахъ по каждому изъ нихъ. На счетъ остающихся затѣмъ свободными трехъ уроковъ греческаго языка въ VII классѣ признано цѣлесообразнымъ усилить преподаваніе русскаго языка, физики и нѣмецкаго языка. Что же касается гимназій, поименованныхъ въ п. III Высочайшаго повелѣнія 20 іюля 1902 г., то въ VII и VIII классахъ оныхъ надлежитъ ввести

преподаванiе одной лишь философской пропедевтики при двухъ уро-кахъ въ недѣлю въ томъ и другомъ классѣ, каковое должно быть на-чато въ VII классѣ съ 1905/6 учебнаго года. Необходимые для препо-даванiя философской пропедевтики въ этихъ гимназiяхъ два часа при-знано возможнымъ, не увеличивая общаго числа уроковъ, выдѣлить изъ уроковъ по древнимъ языкамъ. При этомъ имѣлось въ виду, что курсъ латинскаго языка въ VII классѣ въ 1905/6 учебномъ году еще не затронутъ реформой 1901-2 учебнаго года, такъ какъ ученики этого класса, поступившiе въ 1899 году, въ 1901 г. были уже въ III классѣ, когда реформа коснулась латинскаго языка въ I и II классахъ; такимъ образомъ для нихъ уменьшенiе одного часа по этому предмету будетъ менѣе чувствительнымъ, чѣмъ для другого предмета, тѣмъ болѣе, что курсъ грамматики долженъ быть къ этому классу уже законченъ. Что же касается греческаго языка, то ученики VII кл. начали его уже послѣ реформы, т. е. съ IV класса, гдѣ они были въ 1902/3 учебномъ году, и въ VI кл., т. е. въ 1904—1905 учебномъ году, должны были также за-кончить необходимый грамматическiй курсъ; при уменьшенiи числа уроковъ по греческому языку на одинъ недѣльный часъ придется лишь нѣсколько сократить количество читаемыхъ текстовъ авторовъ.

Въ соотвѣтствiи съ изложенными указанiями, на 1905/6 учебный годъ въ семи классахъ мужскихъ гимназiй должна быть установлена нижеслѣдующая таблица уроковъ.

Примѣчанiе 1-ое. Въ гимназiяхъ, поименованныхъ въ п. IV Вы-сочайшаго повелѣнiя 20 iюля 1902 г., желающiе изучать грече-скiй языкъ занимаются имъ въ V классѣ при пяти урокахъ, въ VI кл. при трехъ урокахъ и въ VII кл. при четырехъ урокахъ въ недѣлю сверхъ общихъ для всѣхъ учениковъ прочихъ пред-метовъ.

Примѣчанiе 2-ое. Во II, III, IV и V классахъ всѣхъ гимназiй, а равно въ VII классѣ гимназiй, поименованныхъ въ п. IV Высо-чайшаго повелѣнiя 20 iюля 1902 г., обязательно обученiе обоимъ новымъ языкамъ; отъ изученiя второго новаго языка въ VII классѣ этихъ гимназiй могутъ быть освобождены лишь тѣ уче-ники, которые въ 1904/5 учебномъ году обучались одному новому языку, въ VI же классѣ гимназiй, поименованныхъ въ п. IV озна-ченнаго Высочайшаго повелѣнiя, а также VI и VII классахъ гим-назiй, поименованныхъ въ п. III того же Высочайшаго повелѣнiя, обязательно изученiе лишь того новаго языка, которому ученики обучались въ 1904/5 учебномъ году. Ученики V, VI и VII клас-совъ гимназiй, поименованныхъ въ п. IV Высочайшаго повелѣнiя 20 iюля 1902 г., будучи освобождены, по желанiю родителей, отъ изученiя греческаго языка въ началѣ или серединѣ учебнаго года, обязаны изучать оба новые языка.

Предлагаемая на 1905/6 учебный годъ таблица уроковъ не подле-житъ введенiю въ Рижской городской гимназiи, гимназiяхъ при исто-рико-филологическихъ институтахъ С.-Петербургскомъ и Нѣжинскомъ, въ гимназическихъ классахъ лицея Цесаревича Николая въ Москвѣ, въ гимназическихъ отдѣленiяхъ С.-Петербургскихъ училищъ при церк-вахъ св. Петра, св. Анны, св. Екатерины и реформатскихъ, а также училища при евангелическо-лютеранской церкви апостоловъ Петра и

	КЛАССЫ.										
				IV.		V.		VI.		VII.	
	I.	II.	III	Гимназіи, поименованныя въ п. IV Высочайшаго повелѣнія 20 іюля 1902 г.	Гимназіи, поименованныя въ п. III Высочайшаго повелѣнія 10 іюля 1902 г.	Гимназіи, поименованныя въ п. IV Высочайшаго повелѣнія 20 іюля 1902 г.	Гимназіи, поименованныя въ п. III Высочайшаго повелѣнія 20 іюля 1902 г.	Гимназіи поименованныя въ п. IV Высочайшаго повелѣнія 20 іюля 1902 г.	Гимназіи, поименованныя въ п. III Высочайшаго повелѣнія 20 іюля 1902 г.	Гимназіи, поименованныя въ п. IV Высочайшаго повелѣнія 20 іюля 1902 г.	Гимназіи, поименованныя въ п. III Высочайшаго повелѣнія 20 іюля 1902 г.
Законъ Божій	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2
Русскій языкъ	5	5	4	4	4	3	3	5	3	4	3
Латинскій языкъ	—	—	5	5	4	5	5	5	5	5	4
Греческій языкъ	—	—	—	—	4	—	6	—	6	—	5
Философская пропедевтика	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2
Законовѣдѣніе.	—	—	—	–	—	—	—	—	—	1	-
Математика	4	4	4	4	4	5	5	4	4	3	3
Физика	—	—	—	—	—	—	—	3	2	4	4
Исторія	2	2	2	3	3	4	4	3	2	2	2
Географія	2	2	2	2	2	2	2	—	—	—	—
Нѣмецкій языкъ	5	3	3	3	2	3	3	3	3	3	2
Французскій языкъ .	—	6	3	4	2	3	3	3	2	3	2
Природовѣдѣніе	2	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—
Рисованіе	2	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Чистописаніе	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого . . .	26	28	28	27	27	27	29	28	29	29	29

Павла въ Москвѣ. Въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ, а также въ VIII классѣ всѣхъ прочихъ гимназій остается въ силѣ таблица уроковъ, утвержденная въ 1890 году.

На 1906/7 учебный годъ таблица уроковъ для VIII класса гимназій, поименованныхъ въ п. IV Высочайшаго повелѣнія 20 іюля 1902 г., устанавливается въ слѣдующемъ видѣ:

Законъ Божій	2	урока.
Русскій языкъ	4	„
Латинскій языкъ	5	„
Греческій языкъ	—	„
Философская пропедевтика	2	„
Математика	4	„
Физика	3	„
Исторія	2	„
Нѣмецкій языкъ	2	„
Французскій языкъ	3	„
Законовѣдѣніе	2	„
Всего.	29	уроковъ.

Ближайшія указанія относительно программъ преподаванія въ гимназіяхъ философской пропедевтики и законовѣдѣнія будутъ сообщены дополнительно. (Циркуляръ по Виленскому уч. окр. 1905 г. № 6

Объ окончательныхъ испытаніяхъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 30-й день апрѣля сего года. Высочайше повелѣть соизволилъ, во исполненіе п.п. 3 и 2 Высочайшаго повелѣнія 16 минувшаго апрѣля: 1) допустить къ окончательнымъ экзаменамъ весною текущаго года тѣхъ изъ находящихся на выпускныхъ курсахъ высшихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія студентовъ, коихъ найдутъ того достойными начальства учебнаго округа и соотвѣтствующаго учебнаго заведенія;

2) допустить къ выпускнымъ экзаменамъ въ сентябрѣ текущаго года таковыхъ же студентовъ, если они по какимъ-либо причинамъ окажутся не въ состояніи приступить къ экзаменамъ нынѣ, и

3) внесенную за текущій семестръ плату возвратить лишь студентамъ, выбывающимъ въ текущемъ же семестрѣ изъ учебнаго заведенія; остальнымъ же зачесть ее за предстоящій осенній семестръ.

Увѣдомляя о таковомъ Высочайшемъ повелѣніи, г. министръ народнаго просвѣщенія, въ предложеніи отъ 2 мая сего года за № 8767, разъяснилъ, что студенты, пользующіеся стипендіями, пособіями и освобожденіемъ отъ платы, сохраняютъ за собою эти льготы на основаніи дѣйствующихъ правилъ. (Циркуляръ по Западно-Сибирскому уч. окр. №№ 5—6).

О переводѣ студентовъ на слѣдующіе курсы.

Государь Императоръ 21 мая 1905 года Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) разрѣшить въ университетахъ, управляемыхъ по уставу 1884 г., студентамъ, числившимся весной 1905 г. на второмъ, четвертомъ и шестомъ семестрахъ, а на медицинскомъ факультетѣ и на восьмомъ, въ случаѣ возбужденія сими студентами соотвѣтствующаго ходатайства и неимѣнія препятствія къ удовлетворенію таковаго со стороны ректора и попечителя учебнаго округа, перейти условно на слѣдующіе семестры; 2) разрѣшить въ виду такого условнаго перевода полукурсовыя испытанія въ декабрѣ 1905 года для зачета перваго и второго, третьяго и четвертаго, пятаго и шестого, а на медицинскомъ факультетѣ седьмого и восьмого семестровъ, при чемъ лицъ, выдержавшихъ успѣшно сіи испытанія, считать окончательно переведенными на соотвѣтствующіе семестры, а не выдержавшихъ сихъ испытаній числить на тѣхъ весеннихъ семестрахъ, на коихъ лица сіи числились и въ январѣ 1905 года, съ предоставленіемъ имъ права держать весной 1906 года полукурсовыя испытанія на общихъ основаніяхъ; 3) лица, не воспользовавшіяся льготой, устанавливаемой пунктомъ первымъ или ея не удостоенныя и не подавшія прошеній объ увольненіи изъ университета, признаются оставшимися на повторительный годъ на тѣхъ же курсахъ на общихъ основаніяхъ; 4) предложить факультетамъ при составленіи обозрѣнія преподаванія озаботиться назначеніемъ въ осеннемъ и весеннемъ семестрахъ 1905—06 академическаго года дополнительныхъ необязательныхъ курсовъ лекцій, которые имѣли бы цѣлью облегчить студентамъ усвоеніе знаній по тѣмъ предметамъ, по которымъ полукурсовыя испытанія сими студентами сданы еще не были; 5) тѣхъ лицъ, кои въ силу Высочайшаго повелѣнія 30 апрѣля 1905 года допущены къ окончательнымъ испытаніямъ въ текущемъ году и которые его въ семъ году не выдержатъ, допускать впредь въ случаѣ непріобрѣтенія ими впослѣдствіи установленнаго выпускного свидѣтельства о зачетѣ восьми и десяти полугодій къ испытаніямъ въ коммиссіяхъ на правахъ экстерновъ; 6) пункты первый, второй, третій и четвертый распространить и на всѣ остальныя высшія какъ мужскія, такъ и женскія учебныя заведенія вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Что же касается выпускныхъ студентовъ и слушательницъ сихъ послѣднихъ высшихъ учебныхъ заведеній, то предоставить начальствамъ сихъ заведеній выработать примѣнительно къ требованіямъ, предъявляемымъ экзаменующимся въ качествѣ экстерновъ условія, на коихъ студенты и слушательницы могли бы быть допущены къ окончательнымъ испытаніямъ въ послѣдующіе за 1905 годы и представить соображенія по сему предмету въ министерство. (Телеграмма министра народнаго просвѣщенія отъ 21 мая 1905 года). (ib.)

ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ, ДАННЫЙ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ.

Въ неустанныхъ заботахъ Нашихъ о преуспѣяніи высшихъ учебныхъ заведеній и водвореніи въ нихъ правильнаго теченія академической жизни признали Мы за благо, впредь до введенія въ законодательномъ порядкѣ новыхъ уставовъ высшихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, издать временныя объ управленіи ими правила.

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ статей дѣйствующихъ нынѣ уставовъ россійскихъ университетовъ, Демидовскаго юридическаго лицея, ветеринарныхъ и технологическихъ институтовъ, Московскаго техническаго училища и Ново-Александрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства подлежатъ примѣненію нижеслѣдующія правила:

§ 1. Въ университетахъ совѣту и факультетамъ предоставляется избирать: первому—ректора и его помощника, гдѣ таковая должность установлена закономъ, вторымъ — декановъ и секретарей факультетовъ.

Ректоръ и его помощникъ избираются изъ числа ординарныхъ профессоровъ: деканы и секретари—изъ всѣхъ профессоровъ соотвѣтственнаго факультета.

Избранныя совѣтомъ и факультетами лица представляются въ установленномъ порядкѣ на утвержденіе.

Примѣчаніе. Выборы вышеозначенныхъ должностныхъ лицъ должны быть произведены въ нынѣшнемъ же учебномъ году предъ началомъ учебныхъ занятій.

§ 2. Заботы о поддержаніи правильнаго хода учебной жизни въ университетѣ возлагаются на обязанность и отвѣтственность совѣта. Въ этихъ видахъ:

а) совѣту предоставляется принимать соотвѣтственныя мѣры, дѣйствуя въ полномъ составѣ или чрезъ избранную для сей цѣли коммиссію;

б) въ томъ случаѣ, если, несмотря на принятыя совѣтомъ мѣры, въ университетѣ произойдутъ нарушающіе правильное теченіе академической жизни безпорядки, совѣту предоставляется ходатайствовать о пріостановленіи занятій вполнѣ или частью на болѣе или менѣе продолжительный срокъ;

в) начальство надъ инспекціею ввѣряется ректору, который о поддержаніи въ университетѣ порядка и о надлежащихъ въ семъ смыслѣ указаніяхъ инспектору предлагаетъ, если сочтетъ это необходимымъ, на обсужденіе совѣта или избранной послѣднимъ коммиссіи;

г) разбирательство по студенческимъ дѣламъ ввѣряется профессорскому дисциплинарному суду на точномъ основаніи Высочайше утвержденныхъ 27 августа 1902 г. правилъ.

§ 3. Устанавливаемыя настоящими временными правилами обязанности и полномочія совѣтовъ, факультетовъ и ректоровъ распростра-

няются и на соотвѣтствующіе органы власти другихъ вышеозначенныхъ учебныхъ заведеній.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ".

Въ Петергофѣ.
27 августа 1905 г.

О предоставленіи Министру Народнаго Просвѣщенія права утверждать въ званіи учителя гимназій лицъ съ высшимъ образованіемъ. (29 мая 1905 года № 10849).

Инспекторскій отдѣлъ собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи неоднократно возбуждалъ вопросъ о неправильности установленнаго циркуляромъ Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 24-го ноября 1889 г. за № 19612 порядка назначенія лицъ, окончившихъ курсъ университетовъ по уставу 1884 г., преподавателями гимназій и реальныхъ училищъ безъ особаго на званіе учителя гимназій испытанія.

Въ устраненіе сего Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и было испрошено прилагаемое при семъ въ копіи Высочайшее повелѣніе 28 августа 1904 года на предоставленіе Министру Народнаго Просвѣщенія права впредь до утвержденія новаго положенія о средней школѣ утверждать въ званіи учителя гимназій безъ особаго на сіе званіе испытанія тѣхъ лицъ съ высшимъ образованіемъ, кои будутъ признаны имъ, Министромъ, достаточно подготовленными для преподавательской дѣятельности.

Изъ точнаго смысла приведеннаго Высочайшаго повелѣнія слѣдуетъ, что утвержденіе преподавателей, не державшихъ спеціальнаго испытанія, въ званіи учителя гимназій должно производиться властію Министра по удостовѣреніи непосредственнымъ начальствомъ подготовленности преподавателей; въ виду сего лишь по выясненіи послѣдняго обстоятельства окружное начальство имѣетъ входить съ соотвѣтствующими представленіями въ Министерство. При этомъ такой порядокъ распространяется не только на лицъ, получившихъ дипломы 1-й и 2-й степени на основаніи университетскаго устава 1884 г., но и на всѣхъ вообще лицъ съ высшимъ образованіемъ.

Всеподданнѣйшій докладъ Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 28 августа 1904 года. О предоставленіи Министерству Народнаго Просвѣщенія права утверждать въ званіи учителя гимназій лицъ съ высшимъ образованіемъ.

По Высочайше утвержденному 22-го апрѣля 1868 года мнѣнію Государственнаго Совѣта для пріобрѣтенія званія учителя гимназій установлены особыя двухъ родовъ испытанія: а) сокращенныя для лицъ, пріобрѣтающихъ званіе учителя по одному изъ предметовъ того факультета, который они окончили и б) полныя для прочихъ лицъ съ высшимъ или гимназическимъ образованіемъ. Въ развитіе означеннаго закона, Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія 15-го мая 1870 г. были изданы правила о производствѣ спеціальныхъ испытаній, въ коихъ

указано, что вовсе освобождаются отъ испытанія лица, приготовленныя по распоряженію Министерства спеціально къ замѣщенію учительскихъ вакансій въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ. Хотя означенное постановленіе Министерства и не противорѣчитъ Высочайшему повелѣнію 22 апрѣля 1868 года, но оно не имѣетъ твердаго основанія въ законѣ, а потому вопросъ этотъ надлежало бы обсудить въ законодательномъ порядкѣ. Но такъ какъ въ ближайшемъ будущемъ предстоитъ пересмотръ всѣхъ законовъ о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, то я полагалъ бы наиболѣе отвѣчающимъ интересамъ учебнаго дѣла предоставить Министру Народнаго Просвѣщенія, впредь до обнародованія новаго положенія о средней школѣ, право утверждать въ званіи учителя гимназій безъ особаго на сіе званіе испытанія тѣхъ лицъ съ высшимъ образованіемъ, кои будутъ признаны имъ, Министромъ, достаточно подготовленными для преподавательской дѣятельности.

На приведеніе въ исполненіе изъясненнаго предположенія пріемлю долгъ всеподданнѣйше испрашивать Высочайшее Вашего Императорскаго Величества соизволеніе. (Циркуляръ по Западно Сибирскому уч. окр. 1905 г. №№ 5—6).

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

О порядкѣ возбужденія нѣкоторыхъ ходатайствъ.

Въ министерство народнаго просвѣщенія нерѣдко поступаютъ разныя ходатайства служащихъ въ учебныхъ заведеніяхъ по дѣламъ, разрѣшеніе которыхъ предоставлено, по закону, непосредственно власти мѣстнаго учебнаго начальства, или же рѣшеніе коихъ хотя и зависитъ отъ министерства, но можетъ послѣдовать лишь по предварительномъ истребованіи отъ подлежащаго мѣстнаго учебнаго начальства заключенія и необходимыхъ свѣдѣній по предмету ходатайства просителей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ министерство весьма часто поступаютъ просьбы родителей учащихся какъ въ высшихъ и среднихъ, такъ и въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ объ опредѣленіи дѣтей въ учебныя заведенія, освобожденіи ихъ отъ платы за ученіе, допущеніи къ переэкзаменовкамъ, объ оставленіи на повторительный курсъ въ томъ классѣ и тому подобныя ходатайства, которыя, на основаніи дѣйствующихъ законоположеній и распоряженій министерства, подлежатъ подачѣ непосредственно въ учебныя заведенія или попечителямъ учебныхъ округовъ.

Первая категорія дѣлъ имѣетъ послѣдствіемъ возвращенія ходатайствъ съ указаніемъ на подвѣдомственность ихъ мѣстному учебному начальству или передачу на усмотрѣніе и окончательное распоряженіе сего послѣдняго, вторая же—истребованіе заключеній и дополнительныхъ свѣдѣній, безъ которыхъ дѣло не можетъ получить дальнѣйшаго движенія. Всѣмъ этимъ въ совокупности создается совершенно излишняя и безполезная переписка, обременяющая только министерство и канцеляріи окружныхъ управленій и замедляющая безъ всякой нужды движеніе дѣлъ.

Вслѣдствіе сего г. министръ народнаго просвѣщенія въ предложеніи отъ 18-го іюня 1905 г. за № 12156 поручилъ объявить служащимъ по С.-Петербургскому учебному округу, а также родителямъ учащихся: 1) что они, въ видахъ ускоренія въ рѣшеніи возбуждаемыхъ ими ходатайствъ, должны обращаться съ прошеніями непосредственно къ соотвѣтствующему начальству, которое, когда то окажется нужнымъ, имѣетъ представлять возбуждаемыя ходатайства на усмотрѣніе высшей инстанціи, 2) что за симъ всѣ прошенія, неправильно направляемыя непосредственно въ министерство, не могутъ претендовать на скорое разрѣшеніе, ибо требуютъ предварительныхъ справокъ на мѣстѣ, и 3) что жалобы на неправильныя, по мнѣнію просителей, дѣйствія и рѣшенія мѣстныхъ органовъ власти должны быть направляемы черезъ обжаловываемое лицо къ непосредственному его начальнику и только при неполученіи въ мѣсячный срокъ отвѣта—вторично къ сему послѣднему.

Сообщается по округу для руководства въ подлежащихъ случаяхъ. (Циркуляръ по С.-Петербургскому уч. окр. 1905 г. № 8).

По поводу исключенія изъ оклада лицъ податного состоянія, поступившихъ на государственную службу.

При существованіи подушной подати крестьяне и мѣщане, поступившіе на государственную службу, исключались по правиламъ устава о службѣ гражданской и устава о податяхъ изъ податного оклада.

Принявъ во вниманіе, что, въ виду послѣдовавшей отмѣны подушной подати въ значительной части мѣстностей Имперіи, вышеупомянутыя правила объ исключеніи крестьянъ и мѣщанъ изъ оклада могли сохранить свое дѣйствіе лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ временно оставлена подушная подать (для крестьянъ), министерства внутреннихъ дѣлъ и финансовъ циркулярными предложеніями разъяснили губернаторамъ и казеннымъ палатамъ, что въ настоящее время вступленіе крестьянъ и мѣщанъ въ гражданскую службу, послѣднихъ—повсемѣстно, а первыхъ—за исключеніемъ мѣстностей, гдѣ сохранилась еще подушная подать, не должно сопровождаться исключеніемъ ихъ ни изъ оклада, ни изъ общества.

Имѣя въ виду, что обусловливаемый приведенными циркулярными разъясненіями *отказъ казенныхъ палатъ* исключать изъ оклада лицъ податныхъ состояній, поступившихъ на государственную службу, по учебной части, или удостоенныхъ дипломами въ испытательныхъ коммиссіяхъ, *не можетъ служить препятствіемъ ни къ замѣщенію должностей названными лицами,* въ установленныхъ закономъ случаяхъ, *ни къ выдачѣ присужденныхъ имъ дипломовъ,* въ установленномъ ст. ст. 43 и 51 уст. о сл. прав., изд. 1896 г., и ст. 1, и слѣдующими, приложеніе къ ст. 482 уст. о прм. нал, изд. 1893 г., порядкѣ, департаментъ общихъ дѣлъ, по соглашенію съ департаментомъ народнаго просвѣщенія и отдѣломъ промышленныхъ училищъ, отношеніемъ отъ 8-го іюля 1905 г. за № 8047 увѣдомилъ, что могущія возникнуть для лицъ, коихъ казенныя палаты отказались бы исключать изъ оклада, какія-либо затрудненія подлежать устраненію путемъ соотвѣтственнаго обращенія сихъ лицъ не-

посредственно, помимо учрежденій министерства народнаго просвѣщенія, въ подлежащія общества и казенныя палаты.

Сообщается по округу для свѣдѣнія. (Циркуляръ по С.-Петербургскому уч. окр. 1905 г. № 8).

По вопросу о вознагражденіи преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній, призванныхъ изъ запаса на военную службу, и ихъ замѣстителей.

Вслѣдствіе возбужденнаго попечителемъ Московскаго учебнаго округа вопроса о размѣрѣ содержанія лицъ преподавательскаго персонала, призванныхъ по случаю мобилизаціи на дѣйствительную военную службу изъ запаса, министерство народнаго просвѣщенія, разъяснило (въ отношеніи отъ 2-го сентября 1904 г. за № 1886), что подъ содержаніемъ, сохраняемымъ по ст. 32 уст. о воин. пов., за тѣми изъ преподавателей учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, которые, состоя въ запасѣ, призваны на дѣйствительную службу по случаю мобилизаціи, надлежитъ разумѣть только штатное содержаніе за 12 нормальныхъ уроковъ и что, на основаніи примѣчанія къ ст. 562 т. III уст. о сл. правит., изд. 1896 г., выдача вознагражденія лицамъ, замѣщающимъ преподавателей, призванныхъ изъ запаса, не носитъ обязательнаго характера, почему таковое лишь въ случаяхъ настоятельной необходимости, за невозможностью иначе обезпечить правильный ходъ преподаванія, должно быть относимо на спеціальныя средства учебнаго заведенія.

Подвергнувъ нынѣ новому разсмотрѣнію, въ связи съ отзывомъ государственнаго контроля, вопросъ о вознагражденіи преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній, призванныхъ изъ запаса на военную службу, и ихъ замѣстителей, министерство народнаго просвѣщенія пришло къ заключенію, что подъ содержаніемъ, оставляемымъ, въ силу ст. 32 уст. о воин. повин., за означенными преподавателями, слѣдуетъ разумѣть *все* содержаніе, какое преподаватель получалъ до призыва за уроки, за исправленіе письменныхъ работъ, за классное наставничество, за обязанности библіотекаря и секретаря педагогическаго совѣта, если онъ таковыя исполнялъ, подобно тому, какъ это установлено по отношенію къ преподавателямъ, подвергшимся сумасшествію. Что же касается упомянутаго выше примѣчанія къ ст. 562 т. III св. зак., уст. о службѣ гражд., изд. 1896 г., то примѣчаніе это, въ виду особыхъ условій учебной службы и установленнаго закономъ порядка вознагражденія преподавателей, не можетъ во всей полнотѣ быть примѣняемо ко всѣмъ учебнымъ заведеніямъ.

Посему и въ отмѣну приведеннаго выше разъясненія министерство народнаго просвѣщенія находитъ необходимымъ преподать къ руководству подлежащихъ учебныхъ начальствъ слѣдующія указанія:

1) Преподаватели среднихъ учебныхъ заведеній, призванные на дѣйствительную службу изъ запаса, сохраняютъ за собою *все* содержаніе, которое они получали до призыва, въ томъ числѣ вознагражденіе за дополнительное, сверхъ 12-ти, уроки, за исправленіе письменныхъ работъ, классное наставничество, исполненіе обязанностей библіотекаря или секретаря педагогическаго совѣта.

2) Расходъ по выдачѣ вознагражденія замѣстителямъ преподавателей, призванныхъ на дѣйствительную службу изъ запаса, подлежитъ отнесенію на штатныя средства учебнаго заведенія; въ случаѣ недостаточности ихъ—на спеціальныя средства учебнаго заведенія; въ случаѣ же недостаточности и этого источника можетъ быть возбужденъ вопросъ объ отнесеніи расхода полностью или въ извѣстной части на общіе остатки отъ смѣтныхъ назначеній по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.

Объ изложенномъ, за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищъ министра, тайный совѣтникъ Ренаръ увѣдомилъ въ предложеніи отъ 11-го мая 1905 г. за № 9334.

Сообщается по округу для руководства въ подлежащихъ случаяхъ. Циркуляръ по С.-Петербургскому уч. окр. 1905 г. № 7).

Объ экзаменахъ на званіе учителей и учительницъ рисованія и черченія.

Въ дополненіе къ утвержденному министерствомъ народнаго просвѣщенія, 18-го іюля 1903 г., положенію объ учителяхъ и учительницахъ рисованія и черченія, разосланному по учебнымъ округамъ при предложеніи министерства отъ того же 18-го іюля № 22113, отдѣлъ промышленныхъ училищъ, по приказанію г. министра, и по соглашенію съ Императорскою академіею художествъ, въ отношеніи отъ 19-го мая 1905 г. за № 3071 сообщилъ въ разъясненіе §§ 7, 9 и 10 означеннаго положенія, что: 1) экзамены на званіе учителей рисованія среднихъ учебныхъ заведеній должны производиться только въ художественныхъ училищахъ, подвѣдомственныхъ Императорской академіи художествъ, въ особыхъ коммиссіяхъ, согласно §§ 6-му и 7-му упомянутаго положенія; 2) экзамены учителей рисованія низшихъ учебныхъ заведеній, равныхъ городскимъ училищамъ по положенію 1872 г., должны производиться въ тѣхъ же коммиссіяхъ при художественныхъ училищахъ (§ 6-й и примѣч. къ § 9-му положенія и примѣчаніе 2-е къ § 10-му); вмѣстѣ съ тѣмъ, по силѣ § 6-го положенія, учительскіе институты, какъ подготовляющіе учителей для городскихъ училищъ по положенію 1872 года, могутъ предоставлять тѣмъ своимъ воспитанникамъ право на преподаваніе рисованія и черченія, которые удовлетворили на испытаніи требованіямъ, означеннымъ въ §-мъ положенія объ учителяхъ и учительницахъ рисованія и черченія, и 3) экзамены учителей рисованія начальныхъ училищъ, на основаніи § 6-го и примѣчанія 1-го къ § 10-му разсматриваемаго положенія, могутъ производиться, кромѣ художественныхъ училищъ, лишь въ тѣхъ учрежденіяхъ и учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, на которыя возложено производство испытаній на званіе учителей начальныхъ училищъ, при чемъ на основаніи § 6-го и примѣчанія 2-го къ § 10-му положенія объ учителяхъ и учительницахъ рисованія и черченія, учительскія семинаріи могутъ предоставлять тѣмъ своимъ воспитанникамъ право преподавать рисованія въ начальныхъ училищахъ, которые удовлетворили на испытаніи требованіямъ, означеннымъ въ § 10-мъ названнаго положенія.

Сообщается по округу для свѣдѣнія. (Циркуляръ по С.-Петербургскому уч. окр. 1905 г. № 7).

О порядкѣ пріема учениковъ-евреевъ среднихъ учебныхъ заведеній изъ приготовительнго класса въ I (Отнош. Деп. Нар. Просв. отъ 23 мая 1905 г., за № 10131).

Вслѣдствіе отношенія Вашего Превосходительства отъ 2-го минувшаго апрѣля, за № 7162, Департаментъ Народнаго Просвѣщенія имѣетъ честь изъяснить, что ученики-евреи приготовительнаго класса средних учебныхъ заведеній должны быть принимаемы въ I классъ по конкурсному испытанію на общемъ основаніи съ мальчиками христіанскихъ исповѣданій, не подвергаясь вторично процентному ограниченію (коему они подвергались при пріемѣ въ приготовительный классъ); но такіе ученики должны быть принимаемы во вниманіе при расчетѣ вакансій для вновь поступающихъ евреевъ. (Циркуляръ по Московскому уч. окр. 1905 г. № 6).

По вопросу о допущеніи почетныхъ смотрителей городскихъ училищъ въ оцѣнкѣ письменныхъ работъ и устныхъ отвѣтовъ учащагося. (Предлож. Мин. Нар. Просв. отъ 8 мая 1905 г., за № 9195).

Начальство Московскаго учебнаго округа просило разъясненія по вопросу о томъ, имѣетъ ли право педагогическій совѣтъ городского училища допускать почетнаго смотрителя училища къ оцѣнкѣ письменныхъ работъ и устныхъ отвѣтовъ подвергающихся всякаго рода испытаніямъ въ названныхъ педагогическихъ совѣтахъ.

Вслѣдствіе сего увѣдомляю Ваше Превосходительство, что согласно ст. 3142 Св. Зак., т. XI, ч. I (изд. 1893 г.), почетный смотритель присутствуетъ въ засѣданіяхъ педагогическаго совѣта съ правомъ голоса по всѣмъ дѣламъ, и потому означенному лицу должно быть предоставлено право принимать участіе въ оцѣнкѣ письменныхъ работъ и устныхъ отвѣтовъ подвергающихся всякаго рода испытаніямъ въ педагогическихъ совѣтахъ городскихъ училищъ. (Циркуляръ по Московскому уч. окр. 1905 г. № 6).

О разрѣшеніи на открытіе параллелей властью мѣстнаго учебно окружнаго начальства.

Пунктомъ 20-мъ Высочайше утвержденнаго 19 апрѣля 1904 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта, въ измѣненіе приложенія къ ст. 18 Счетн. Уст., Попечителямъ учебныхъ округовь предоставлено производство постоянныхъ и единовременныхъ расходовъ до 2000 р. въ одинъ разъ изъ собираемыхъ за ученіе суммъ и другихъ принадлежащихъ учебнымъ заведеніямъ спеціальныхъ средствъ на потребности, указанныя въ п. 1-мъ примѣчанія къ ст. 30 приложенія къ ст. 18 Счетнаго Устава Министерства Народнаго Просвѣщенія по прод. 1902 г.

Сопоставляя это законоположеніе со ст. ст. 20, 1539 (п. 6) и 1760 (п. 6) т. XI ч. I Св. Зак., Уст. учен. учр. и учебн. зав., изд. 1893 г., о порядкѣ разрѣшенія на открытіе параллельныхъ отдѣленій въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, Министерство признало, что, такъ какъ

содержаніе каждой параллели не превышаетъ 2000 р. въ годъ, то разрѣшеніе на открытіе параллелей должно принадлежать компетенціи мѣстнаго учебно-окружнаго начальства.

Объ этомъ, на основаніи предложенія за Министра Народнаго Просвѣщенія г. Товарища Министра отъ 8-го февраля сего года за № 2464, сообщается для свѣдѣнія и руководства въ подлежащихъ случаяхъ. (Циркуляръ по Кіевскому уч. окр. 1905 г. №№ 5—6).

О вознагражденіи преподавателей исторіи въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ за исправленіе письменныхъ ученическихъ работъ на историческія темы.

За Министра Народнаго Просвѣщенія г. Товарищъ Министра предложеніемъ отъ 12 мая сего года за № 9505 увѣдомилъ, что Министерство Народнаго Просвѣщенія разрѣшаетъ выдавать преподавателямъ исторіи въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ вознагражденіе за исправленіе письменныхъ ученическихъ работъ на историческія темы изъ спеціальныхъ средствъ названныхъ учебныхъ заведеній.

При этомъ, принимая во вниманіе новизну настоящаго дѣла и возможность значительнаго разнообразія въ количествѣ означенныхъ письменныхъ работъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, Министерство полагаетъ цѣлесообразнымъ, не устанавливая опредѣленныхъ нормъ указаннаго вознагражденія, предоставить мѣстному учебно-окружному начальству опредѣлить размѣръ его количествомъ труда, положеннаго на исправленіе ученическихъ упражненій тѣмъ или другимъ преподавателемъ исторіи.

Объ изложенномъ имѣю честь увѣдомить, для соотвѣтственныхъ распоряженій, присовокупляя при этомъ, что впредь при исходатайствованіи вознагражденія за исправленіе письменныхъ ученическихъ работъ надлежитъ представлять свѣдѣнія о количествѣ произведенныхъ и исправленныхъ работъ, съ указаніемъ темъ оныхъ. (Циркуляръ по Кіевскому уч. окр. 1906 г. №№ 5—6).

По вопросу объ увеличеніи установленнаго дѣйствующими распоряженіями предѣльнаго возраста для поступающихъ въ учительскіе институты и семинаріи.

Одинъ изъ попечителей учебныхъ округовъ вошелъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія съ ходатайствомъ объ увеличеніи установленнаго дѣйствующими распоряженіями предѣльнаго возраста для поступающихъ въ учительскіе институты и семинаріи.

Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и Военное, съ которыми были сдѣланы сношенія по сему предмету, изъявили согласіе на принятіе въ учительскіе институты, семинаріи и школы, по усмотрѣнію подлежащихъ учебныхъ начальствъ, молодыхъ людей, кои достигли уже призывного возраста, но лишь не позднѣе 15-го августа года призыва.

Объ изложенномъ, согласно предложенію г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 7—25 апрѣля 1905 г., за № 7435, сообщается для руководства. (Циркуляръ по Кіевскому уч. окр. 1905 г. №№ 5—6).

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСНОВНОГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями основного отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній.

— „*Билибинъ, Н.* Теоретическая ариѳметика. Изданіе 6-е, Н. И. Билибина. С.-Пб. 1905. Стр. 205. Цѣна 1 р. 25 коп.“ (для старшихъ классовъ).

— „*Гартцъ, В. Ѳ.* Ариѳметика. Изданіе 2-е, испр. С.-Пб. 1904. Стр. 240. Цѣна 80 коп.“

— „*Кричагинъ, Н.* Учебникъ минералогіи и физической геологіи. 6-е испр. изданіе, К. Л. Риккера. С.-Пб. 1905. Стр. XII+206. Цѣна 1 р. 10 коп.“

— „*Osterloff, Waldemar.* Lehrgang der deutschen Sprache. Kursus I. (Stufe I u. II). Verlag von L. Fischer. Warschau und Lodz. 1905. 225+IV. S. Preis geb. 90 Kop.“ (для младшихъ классовъ, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія учебнаго S. комитета).

— „*Поспишиль, А. О.* Учебникъ латинскаго языка. Часть I. Изданіе 7-е. Кіевъ. 1905. Стр. 84. Цѣна 50 коп.“ (для III класса).

— „*Преображенскій, А.* Теорія словесности. (Начало эстетики, реторики и поэтики). Изданіе 4-е, испр., В. В. Думнова. М. 1905. Стр. VII+168. Цѣна 75 коп.“

— „*Trojanowski, A. von.* Kurzgefasste deutscher Grammatik. Siebente verbesserte Auflage. St. Pbg. 1905. Стр. IV+148. Цѣна 75 коп.“ (для тѣхъ учебныхъ заведеній, въ коихъ преподаваніе ведется на нѣмецкомъ языкѣ).

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Am Wege. Erzählungen neuerer deutscher Schriftsteller. Russische Schulausgabe von *P. Ney* (Deutsche Autoren. Band 19). Kiew. 1905. 167 S. Preis geb. 60 Kop.“ (для среднихъ классовъ).

— „*Воиновъ, А.* Сборникъ ариѳметическихъ задачъ. Павловскъ н/Д. 1905. Часть I. Цѣлыя числа. Стр. 123. Цѣна 35 коп.—Часть II. Дробныя числа. Стр. 171. Цѣна 45 коп.“ (для младшихъ классовъ).

— „*Гуриновичъ, П.* Систематическій сборникъ ариѳметическихъ за-

дачъ и примѣровъ. Выпускъ I. Варшава. 1905. Стр. 147. Цѣна 45 коп". (для приготовительныхъ классовъ, а равно и для низшихъ училищъ).

— „*Корханиди, П.* Начальная русская хрестоматія. Изданіе 4-е. Тифлисъ. 1904. Стр. 441+VI. Цѣна 70 коп." (для младшихъ классовъ).

— „*Кохъ, А. В.* Нѣмецкая хрестоматія. Отдѣлъ для старшихъ классовъ. С.-Пб. 1905. Стр. 352. Цѣна въ перепл. 1 р. 30 коп."

— „Сборникъ современной нѣмецкой прозы. Томъ I. Ausgewählte moderne deutsche Prosa. Bearbeitet von *Ernst von Pezold.* Band I. С.-Пб. 1905. Стр. 173. Цѣна 65 коп."

в) въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній [1]):

* „Атласъ плодовъ. Сочиненіе, составленное подъ общей редакціей *А. С. Гребницкаго.* Изданіе Императорскаго Россійскаго Общества плодоводства. Вып. III. С.-Пб. 1905. Стр. (309—429). Цѣна 6 руб."

— „*Байронъ.* Т. I. (Библіотека великихъ писателей подъ ред. *С. А. Венгерова*). Изданіе Брокгауза-Ефронъ. С.-Пб. 1904. Стр. VI+602". Цѣна не обозначена (для старшаго возраста, а равно и для выдачи ученикамъ въ видѣ награды).

— „*Барсуковъ, Николай.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга 19-я. С.-Пб. 1905. Стр. XI+499. Цѣна 2 р. 50 коп."

— „*Віоле-ле-Дюкъ, Е.* Объ украшеніи зданій. Переводъ съ французскаго подъ ред. *Н. Н. Спиридонова.* Изданіе 2-е, М. П. Петрова. (Архитектурная библіотека). С.-Пб. 1904. Стр. 79. Цѣна 1 руб."

— „Ежегодникъ русскаго горнаго общества. Подъ ред. *А. К. фонъ-Меккъ.* I. 1901. М. 1903. Стр. 108. Цѣна 1 р. — II. 1902. М. 1904. Стр. 178. Цѣна 2 р.—III. 1903. М. 1905. Стр. VIII+157. Цѣна 2 р." (какъ за истекшіе годы, такъ равно и по предварительной подпискѣ и на будущее время).

— „*Паркеръ, Э.* Китай, его исторія, политика и торговля съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Перевелъ съ англ. *Грулевъ.* С.-Пб. 1903. Стр. XXIV+569+6 картъ. Цѣна 3 р. 50 коп."

— „Руководство для ботаническихъ экскурсій. I часть. Новочеркасскъ. 1905. Стр. 71. Цѣна 60 коп."

— „*Светъ Марденъ, Орисонъ.* Строители судьбы или путь къ успѣху и могуществу. Изданіе О. Н. Поповой. С.-Пб. 1905. Стр. 348. Цѣна 1 р 30 коп."

— „*Синайскій, А.* Магометанство въ его исторіи и отношеніи къ христіанству. Культурно-историческій очеркъ. Изданіе 2-е, испр. и доп., И. Л. Тузова. С.-Пб. 1904. Стр. 65+14. Цѣна 40 коп."

— „*Скляровъ, В. Н.* Что такое холера и какъ уберечься отъ нея. Уфа. 1905. Стр. 31. Цѣна 15 коп." (также и ученическія библіотеки низшихъ училищъ).

* „*Стюартъ,* миссисъ *Мэкъ-Энери.* Маленькій Джорджъ. Рождественскій разсказъ. Съ анг. *З. Р.* Изданіе ред. журн. „Всходы". С.-Пб. 1904. Стр. 100. Цѣна 20 коп." (для младшаго и средняго возрастовъ).

---

[1]) Книги, отмѣченныя знакомъ *, допущены также въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

* „*Тотоміанцъ*, *В.* Мощь коопераціи. Изданіе 2-е магазина „Книжное дѣло". М. 1903. Стр. 24. Цѣна 15 коп."

— „*Фавръ*, *Луи.* Научный духъ и научный методъ. Переводъ съ франц. подъ ред. *В. М. Чернова.* Изданіе Вл. Распопова. Одесса. 1905. Стр. 71. Цѣна 20 коп." (для старшаго возраста, а равно и въ библіотеки учительскихъ институтовъ).

* „*Эберсъ*, *Георгъ.* Дочь египетскаго царя. (Eine ägyptische Königstochter). Историческій романъ. Переводъ *Владиміра Вольфсона.* 2-е изданіе. С.-Пб. 1901. Стр. 412 + XXXV. Цѣна 1 р. 50 коп." (для старшаго возраста).

2. Допустить *условно* слѣдующія книги:

въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— „1) Задушевное слово. Еженедѣльный иллюстрированный журналъ. Для дѣтей старшаго возраста. Т. XLIV. Изд. т-ва М. О. Вольфа. С.-Пб. и М. 1904. Подписная цѣна въ годъ 6 р. — 2) То же. Чтеніе для дѣтей старшаго возраста. Т. XLIV. Цѣна 4 р. 50 коп., въ коленк. перепл. 5 р. 25 коп." (для младшаго возраста съ тѣмъ, чтобы были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

Опредѣленіями основного отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „*Аріянъ*, *П. Н.* Первый женскій календарь на 1905 г. Годъ VII. С.-Пб. 1905. Стр. XVI + 482. Цѣна 1 р." — допустить въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книгу: „*Березкинъ*, *Д. М.* Въ дебряхъ сектантства. Повѣсть изъ хлыстовско-скопческой жизни. Изданіе П. П. Сойкина. С.-Пб. 1904. Стр. 160. Цѣна 60 коп." — допустить въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книгу: „*Лиданова*, *Л.* Грунятка. Разсказъ. М. 1905. Стр. 80. Цѣна 25 коп."—допустить въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книгу: „*Острогорскій*, *А. Н.* Среди природы. (Разсказы о явленіяхъ природы). Изданіе 4-е, испр. и доп., П. В. Луковникова. С.-Пб. 1903. Стр. 216. Цѣна 1 р. 25 коп., въ папкѣ 1 р. 50 коп., въ коленк. перепл 2 р." — допустить въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА ПО НАЧАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣла ученаго комитета министерства народнаг просвѣщенія по начальному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „Агаватъ Ціонъ ве-Іерушолаимъ. Варіанты, разночтенія и пополненія текста Іерусалимскаго Талмуда, изданные по древнимъ печатнымъ и рукописнымъ источникамъ съ критическими замѣчаніями и объясненіями *Б. Ротнеромъ*. Трактатъ Берахотъ. Вильна. 1904. Стр. VI+218.—Трактатъ Шаббатъ. Вильна. 1902. Стр. VI+168.—Трактаты Терумотъ и Халла. Вильна. 1904. Стр. 164.“ (для еврейскихъ училищъ).

— „*Вишневскій, Г.* Ариѳметическій задачникъ. Изд. 22-е, стереот. бр. Башмаковыхъ. С.-Пб. 1905. Стр. 158+II. Цѣна 35 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ и для приготовительныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Гольдблатъ, Ю.* Географія Россійской Имперіи. 2-е испр. изд. Вильна. 1905. Стр. 81. Цѣна 45 коп.“ (для городскихъ училищъ).

— „*Граменицкій, С.* Сборникъ задачъ и примѣровъ. Пособія для обученія начальной ариѳметикѣ. 5-е изд. Ташкентъ. 1903. Стр. 165. Цѣна 45 коп.“ (для начальныхъ училищъ и для приготовительныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Гречушкинъ, С. И.* Міръ Божій. Русская азбука. Изд. 2-е, В. В. Думнова. М. 1904. Стр. IV+60. Цѣна 15 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „1) 12 стѣнныхъ раскрашенныхъ картинъ по естественной исторіи. 1-е дополненіе къ 20-ти стѣннымъ раскрашеннымъ таблицамъ. Изд. магаз. „Сотрудникъ школъ“. М. 1900—1901. Цѣна 1 р. 50 коп., отдѣльно каждый листъ по 15 коп.“ — 2) „2-е дополненіе стѣнныхъ раскрашенныхъ картинъ по естественной исторіи. 12 таблицъ. М. 1903. Цѣна 1 р. 50 коп., отдѣльно каждый листъ по 15 коп.“—„3) 3-е дополненіе стѣнныхъ раскрашенныхъ картинъ по естественной исторіи. 20 таблицъ. М. 1903—1904. Цѣна 2 р. 50 к., отдѣльно каждый листъ по 15 коп“.

— „*Кринскій, М.* Первинка, т. е. Букварь древне-еврейскаго языка. Изд. 6-е, „Тушія“. Варшава. 1904. Стр. 68. Цѣна 30 коп., въ перепл. 35 коп.“ (для еврейскихъ училищъ).

— „*Кринскій, М. О.* Свѣтъ ученья. Библейско-талмудическая хрестоматія. Изд. „Гаоръ“. Варшава. 1904. Стр. 98. Цѣна 35 коп., въ перепл. 40 коп.“ (для еврейскихъ училищъ).

— „*Левнеръ, І. Б.* Шулхонъ орухъ еврейскаго вѣроученія. Вильна. 1905. Стр. 67+20. Цѣна 50 коп.“ (для еврейскихъ училищъ).

— „*Максимовъ, И. П.* Серія репетиціонныхъ географическихъ картъ. Гомель. 1905. Цѣна по 3 коп. за экземпляръ, а Европейской Россіи (на большихъ двойныхъ листахъ)—5 коп.“ (также для среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Максимовъ, И. П.* 1) Учебная карта древняго азіатскаго міра. Изд. 3-е. Гомель. 1903.—2) Учебная карта древней Греціи. Изд. 3-е. Гомель. 1904.—3) Учебная карта древней Италіи. Изд. 3-е. Гомель. 1904.—4) Учебная карта Европы въ эпоху великаго переселенія народовъ (во 2-ой половинѣ V-го вѣка). Изд. 3-е. Гомель. 1904.—5) Учебная карта Южной Европы въ эпоху крестовыхъ походовъ. Изд. 2-е. Гомель. 1902.“ (для городскихъ, по Положенію 31-го мая 1872 г., училищъ).

— „*Матвѣева, А.* Русская грамматика въ диктовкахъ. 2-й и 3-й годъ обученія. Изд. 3-е, Н. П. Карбасникова. С.-Пб. 1901. Стр. 145+62+XXIV. Цѣна 70 коп.“

— „*Пассъ, Э. А.* Краткія молитвы для еврейскихъ дѣтей съ русскимъ переводомъ. Вильна. 1904. 1) Для толка „Ашкеназъ“. Стр. 69+11+23.— 2) Для толка „Сефардъ“. Стр. 71+11+23.—3) Для толка „Ри“. Стр. 72+11+23“ (для тѣхъ учебныхъ заведеній, въ коихъ преподается законъ еврейской вѣры).

— „*Правдинъ, В.* Систематическій сборникъ ариѳметическихъ задачъ. Изд. Ф. И. Трескиной. Часть I. Числа первой тысячи. Рига. 1904. Стр. 96. Цѣна 20 коп.—Часть II. Числа любой величины. Рига. 1905. Стр. 74. Цѣна 15 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „Русская исторія въ картинахъ. (Учебный Отдѣлъ Общества распространенія техническихъ знаній). Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1904. Листъ I-й. Начало Руси.—Листъ II-й. Первые князья.—Листъ III-й. Крещеніе Руси“.

— „*Сандомирскій, Э.* Сборникъ упражненій по ариѳметикѣ. Кишиневъ. 1905. Часть 1-я. 1-я сотня. Стр. 70. Цѣна 15 коп.—Часть 2-я. Цѣлыя числа любой величины. Стр. 100. Цѣна 20 коп.“ (для начальныхъ училищъ).

— „*Темкинъ, Б. М.* Бетъ-гасеферъ-гашолемъ. Руководство къ обученію Библіи и древне-еврейскому языку. Часть III. Вильна. 1902. Стр. VI+276.—Часть IV. Вильна. 1903. Стр. 200.“ (для еврейскихъ училищъ).

— „*Темкинъ, Б. М.* Пардесъ гайлодимъ. (Дѣтскій садъ). Вильна. 1903. Часть I. Древне-еврейскій букварь. Стр. 128.—Часть II. Руководство къ первоначальному обученію еврейскому языку. Стр. 140“ (для еврейскихъ училищъ).

— „*Троцкій, М.* Краткая грамматика древне-еврейскаго языка. Одесса. 1905. Стр. 103+VI. Цѣна 45 коп.“ (для начальныхъ еврейскихъ училищъ).

— „*Ушинскій, К. Д.* Родное слово. Годъ 2-й. 2-я послѣ азбуки книга для чтенія. Изд. 113-е. С.-Пб. 1905. Стр. 188+IV. Цѣна 35 коп.“

— „*Шельцель, К. Э.* Книга для чтенія. Часть 2-я. Изд. Е. П. Распопова. Одесса. 1905. Стр. 119. Цѣна въ перепл. 65 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ, въ мѣстностяхъ съ инородческимъ населеніемъ).

— „*Ярошевская, М. Т.* Первоначальная географія съ картинами Содержаніе: Краткое описаніе Россіи и свѣдѣнія изъ математической, физической и всеобщей географіи. Изд. 6-е, доп. М. 1905. Стр. IV+192. Цѣна 65 коп.“

б) въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Алферовъ, А., А. Грузинскій, Ѳ. Нелидовъ, С. Смирновъ.* Десять чтеній по литературѣ. Изд. 2-е, фирмы „Сотрудникъ школъ“. М. 1903. Стр. 248. Цѣна 1 р.“ (съ тѣмъ, чтобы 3-е изданіе книги было исправлено согласно замѣчаніямъ Ученаго Комитета).

— „*Анастасіевъ, А.* Религіозно-нравственное воспитаніе въ начальной школѣ. Изд. Училищнаго при Св. Синодѣ Совѣта. С.-Пб. 1905. Стр. 63. Цѣна 30 коп.“

— „*Бандаковъ, Василій.* Царство благодати или Собраніе истинъ и примѣровъ изъ житія святыхъ, по Четьи-Минеи. Изд. 2-е, испр. и доп. А. Д. Ступина. М. 1901. Стр. XXVIII+339. Цѣна 1 руб. 50 коп." (также въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Барсовъ, М.* Сборникъ статей по истолковательному и назидательному чтенію Апокалипсиса, съ библіографическимъ указателемъ. Изд. А. Д. Ступина. М. 1902. Стр. VII+318. Цѣна 1 р." (также въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Барсовъ, М.* Сборникъ статей по истолковательному и назидательному чтенію Дѣяній Св. Апостоловъ, съ библіографическимъ указателемъ. Изд. 2-е, А. Д. Ступина. М. 1903. Стр. XV+584. Цѣна 2 руб." (также въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Волотовскій, А. С.* Спутникъ экзаменатора. Матеріалъ и вопросы для испытанія дѣтей, кончающихъ курсъ начальной школы. Вып. I. С.-Пб. 1904. Стр. 96. Цѣна 40 коп.—Вып. II. С.-Пб. 1905. Стр. 94. Цѣна 40 коп." (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Гальпернъ, С.* Сеферъ седеръ гадоросъ гашоломъ, т. е. Хронологія библейскихъ и талмудическихъ событій. Переработалъ и дополнилъ *И. М. Лейнеръ.* Часть 1-я, вып. 1-й. Варшава. 1901. Стр. 64." (для еврейскихъ учебныхъ заведеній).

— „*Сандомирскій, Э.* Приложенія для учителя къ обѣимъ частямъ борника упражненій по ариѳметикѣ того же автора. Кишиневъ. 1905. Стр. VIII+(69—76)+IV+(97—112). Цѣна 10 коп." (для начальныхъ училищъ).

— „Седеръ оламъ, т. е. Алфавитный указатель собствен. именъ. находящихся въ библіи и Талмудѣ, и хронологія событій. Варшава. 1904. Стр. 94." (для еврейскихъ учебныхъ заведеній).

— „Талмудъ. Мишна и Тосефта. Критическій переводъ *Н. Переферковича.* Изд. П. П. Сойкина. Т. III (книга 5 и 6). С.-Пб. 1900. Стр. VIII+432 Цѣна 2 руб. 50 коп.—Т. IV (книга 7 и 8). С.-Пб. 1901. Стр. V+522. Цѣна 3 руб.—Т. V (книга 9 и 10). С.-Пб. 1903. Стр. V+428. Цѣна 3 руб." (для еврейскихъ училищъ).

— „Энциклопедическій словарь. Издатели: Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ) и И. А. Ефронъ (С.-Пб.). Полутомъ 82. С.-Пб. 1904." (для учительскихъ семинарій, городскихъ и 2-хклассныхъ приходскихъ училищъ).

в) ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній [1])

— „*Алешинъ, Вл.* Ручеекъ. Дѣтскій альманахъ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1905. Стр. 102+II. Цѣна въ папкѣ 50 коп."

— „Арабскія сказки. Переводъ съ франц. *Б. Д. Порозовской* (Иллюстр. сказочная библіотека Ф. Павленкова). № 101. Исторія Али-Бабы и сорока разбойниковъ. Маленькій кади. С.-Пб. 1899. Стр. 48. Цѣна

---

[1]) Сочиненія, допущенныя въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, считаются допущенными также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для публичныхъ народныхъ чтеній, а равно могутъ быть пріобрѣтаемы, по усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ, и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

15 коп.—№ 102. Путешествія Синдбада-мореплавателя. С.-Пб. 1899. Стр. 63. Цѣна 20 коп.—№ 103. Калифъ на день. С.-Пб. 1899. Стр. 46. Цѣна 15 коп.—№ 104. Аладдинъ и волшебная лампа. С.-Пб. 1899. Стр. 63. Цѣна 20 коп.—№ 105. Приключенія калифа Гаруна-аль-Рашида. С.-Пб. 1901. Стр. 32. Цѣна 10 коп.—№ 106. Волшебный конь. Исторія Суменскаго султана и врача Дубана. С.-Пб. 1901. Стр. 32. Цѣна 10 коп.—№ 107. Живая статуя. С.-Пб. 1901. Стр. 32. Цѣна 10 коп.—№ 108. Исторія принца Ахмета и феи Пари-Бану. С.-Пб. 1901. Стр. 40. Цѣна 13 коп."

— „*Гриммъ*, братья. (Иллюстрированная сказочная библіотека Ф. Павленкова. Переводъ съ нѣмецкаго *Б. Д. Порозовской*. С.-Пб. 1898). № 87. Храбрый портняжка. Двѣнадцать братьевъ. Ваня и Маша. Три пряхи. № 88. Сказка о добромъ молодцѣ, не знавшемъ страху. Вѣрный Иванъ. Три лѣсныхъ человѣка. Старый Султанъ.—№ 89. Три золотыхъ волоса. Царевичъ-лягушка. Братецъ и сестрица. Бременскіе музыканты. Умница Эльза.—№ 90. Золушка. Король Дроздова-борода. Счастливецъ Гансъ. Желѣзный Иванъ.—№ 91. Три брата. Мальчикъ-съ-пальчикъ. Заяцъ и ежъ. Гусятница у колодца. Духъ въ бутылкѣ—№ 92. Два брата. Докторъ Всезнайка.—№ 93. Барабанщикъ. Молодой великанъ. Могильный холмъ. Семь швабовъ.—№ 94. Ослиный салатъ. Гвоздика. Золотой гусь. Женихъ-разбойникъ. Три счастливчика.—№ 95. Незабудочка. Умники. Четыре мастера своего дѣла. Мудрая королева. Одноглазка, двухглазка и трехглазка.—№ 96. Шестеро товарищей. Ранецъ, шапка и рожокъ. Волкъ и козлята. Бѣляночка и Розочка. Умный портняжка. Въ каждой книжкѣ по 32 стр. Цѣна каждой книжки 10 коп."

— „*Додэ, А.* Былое. Изд. М. В. Клюкина. М. 1905. Стр. 52. Цѣна 15 коп."

— „Древнія сказанія (по Груббе). Изд. т-ва И. Д. Сытина. (Народная библіотека и школа). М. 1905. 1) Два героя—Геркулесъ и Тезей. Стр. 22.—2) Разрушеніе Трои. Стр. 29.—3) Странствованія царя Одиссея. Стр. 31.—4) Великіе законодатели Ликургъ и Солонъ. Стр. 24.—5) Начало стараго Рима. Стр. 31. Цѣна каждой книжки 10 коп."

— „*Дружбинъ, П.* 1) Объ умѣ и нравахъ слоновъ. Стр. 56. Цѣна 15 коп.—2) Объ умѣ и нравахъ львовъ. Стр. 31. Цѣна 10 коп.—3) Объ умѣ и нравахъ обезьянъ. Стр. 71. Цѣна 20 коп.—4) Объ умѣ и нравахъ собакъ. Стр. 64. Цѣна 20 коп.—5) Объ умѣ и нравахъ кошекъ. (Домашняя кошка, дикая кошка и гепардъ). Стр. 56. Цѣна 15 коп. (Все—изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1905)".

— „*Засодимскій, П.* Милочка. Повѣсть. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1905. Стр. 55. Цѣна 20 коп."

— „*Кедрова, А.* Что случилось въ лѣсу и другіе разсказы. (Библіотека Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества). М. 1905. Стр. 40. Цѣна 60 коп."

— „*Кименталь, Викторъ.* Ученическій карманный словарь для правописанія. С.-Пб. 1900. Стр. II+54. Цѣна 15 коп."

— „*Корчевская, О.* Сѣверныя сказки для маленькихъ дѣтей. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1904. Стр. 110. Цѣна 50 коп."

— „*Костромской (П. Соколовъ).* Въ глухой тайгѣ. Очеркъ. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1904. Стр. 80."

— „*Лавровъ, В. М.* Исторія о гномахъ и о сироткѣ Марисѣ. Съ польскаго *Маріи Конопницкой*. Изд. ред. журн. „Дѣтское чтеніе". М. 1905. Стр. 228. Цѣна 80 коп."

— „*Леандеръ.* Сказки. Переводъ съ нѣм. *Б. Д. Порозовской.* (Иллюстр. сказочная библіотека Ф. Павленкова. С.-Пб. 1904). № 112. Невидимое царство. Чудесный органъ. Сказка о королевѣ, которая не умѣла печь пряничныхъ орѣховъ. Волшебный перстень. Три сестры съ стекляными сердцами. Стр. 47. Цѣна 15 коп.—№ 113. Принцъ въ болотѣ. Неудачникъ и счастливица. Птичка. Маленькій арапъ. Стр. 48. Цѣна 15 коп.“

— „*Лейхманъ, Л.* Окраска кожъ. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1904. Стр. 40. Цѣна 5 коп.“

— „*Лукашевичъ, Клавдія.* Сказки родной Украины. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1905. Стр. 141. Цѣна 75 коп.“

— „*Лункевичъ, В.* Чудеса общежитія. Жизнь первобытнаго человѣка и современныхъ дикарей. Изд. Ф. Павленкова. (Научно-популярная библіотека для народа). С.-Пб. 1905. Вып. I. Стр. 135. Цѣна 35 коп.— Вып. II. Стр. 72. Цѣна 20 коп.“

— „Наши герои на Дальнемъ Востокѣ. Примѣры ихъ доблестныхъ подвиговъ. С.-Пб. 1904. Вып. I. Священно-служители и моряки. Стр. 47. Цѣна 15 коп.—Вып. II. Герои Портъ-Артура. Стр. 39. Цѣна 15 коп.— Вып. III. Герои Манчжурской арміи. Стр. 98+II. Цѣна 30 коп.“

— „*Позняковъ, Н. И.* Отъ сердца къ сердцу. Разсказы и сказки Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1905. Стр. 190. Цѣна 75 коп.“

— „Польскія сказки. Цвѣтокъ папоротника. Чудесный грошикъ. Волшебная скрипка. Переводъ съ польскаго *Т. О. Якубовскаго* (Иллюстр. сказочная библіотека Ф. Павленкова. № 97). С.-Пб. 189 . Стр. 48. Цѣна 15 коп.“

— „*Потанина, А.* Дорджи, бурятскій мальчикъ. Разсказъ. Изд. „Посредника“. № 534. М. 1905. Стр. 75. Цѣна 15 коп.“

— „*Преображенскій, И. В.* Послѣдніе дни и часы жизни Государя Императора Александра III. Его праведная кончина и погребеніе. Дни скорби въ Россіи и за границею. (По поводу 10-лѣтія со дня кончины) С.-Пб. 1905. Стр. 31. Цѣна 10 коп.“

— „*Проскурниковъ, Т. В.* А. В. Суворовъ, какъ геніальный русскій полководецъ. Бѣлгородъ. 1903. Стр. 16. Цѣна 10 коп.“

— „*Радакова, Ел.* и *А. Савичъ.* Швейцарія. Издательскій комитетъ Харьковскаго общ. распр. въ народѣ грамотности. № 22. 4-е изд. Харьковъ. 1901. Стр. 64. Цѣна 3 коп.“

— „*Сергѣенко, П. А.* Искатели клада. Сцены изъ деревенской жиз ни Изд. ред. журн. „Дѣтское чтеніе“. (Библіотека для семьи и школы) М. 1905. Стр. 163. Цѣна 50 коп.“

— „*Скопинъ, В.* Бизонъ. (По Брэму). (Дѣтская библіотечка т-ва И. Д. Сытина). М. 1905. Стр. 32. Цѣна 6 коп.“

— „*Скопинъ, В.* Благородный олень. (По Брэму). (Дѣтская библіотечка т-ва И. Д. Сытина). М. 1905. Стр. 32. Цѣна 6 коп.“

— „*Скопинъ, Вл.* Бѣлый медвѣдь. (По Брэму). (Дѣтская библіотечка т-ва И. Д. Сытина). М. 1905. Стр. 32. Цѣна 6 коп.“

— „*Скопинъ, Вл.* Крокодилъ. (По Брэму). (Дѣтская библіотечка т-ва И. Д. Сытина). М. 1905. Стр. 32. Цѣна 6 коп.“

— „*Сысоевъ, В.* Вдова Акулина. Изд. М. В. Клюкина. М. 1905. Стр. 130. Цѣна 80 коп.“.

— „*Толычева, Е.* Мининъ и Пожарскій. Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова и подвигъ Ивана Сусанина. Разсказъ изъ рус-

ской исторіи. Изд. 5-е, испр. и доп., Н. С. Аскарханова. С.-Пб. 1904. Стр. 48. Цѣна 15 коп.".

— „*Тулуповъ, Н. В.* Разсказы о животныхъ. Тигръ. Составл. по Брэму· Франклину, Фогту и др. (Дѣтская библіотечка т-ва И. Д. Сытина)· М. 1905. Стр. 32. Цѣна 6 коп.".

— „Японскія сказки. Переводъ съ нѣм. *Б. Д. Порозовской.* (Иллюстр. сказочная библіотека Ф. Павленкова. С.-Пб. 1899). № 98. Добрые сыновья. Женихи Готару-Гиме, принцессы свѣтляковъ. Храбрый рыцарь. Стр. 32. Цѣна 10 коп.—№ 99. Долгъ платежемъ красенъ. Рыбакъ Урашима. Лиса и барсукъ. Неприступный замокъ. Не убивай! Корабль счастья. Стр. 48. Цѣна 15 коп.—№ 100. Путешествіе двухъ лягушекъ. Два сосѣда. Сказка изъ жизни морского дна. Стр. 32. Цѣна 10 коп."

— „*Ярошевская, М. Т.* Вокругъ свѣта. Картинки съ краткимъ текстомъ. Выпускъ 5-й. Людскіе промыслы въ разныхъ странахъ. М. 1905 Стр. 64. Цѣна 15 коп."

г) въ безплатныя народныя читальни и библіотеки [1]:

— „Акацуки" передъ Портъ-Артуромъ. (Изъ дневника японскаго морского офицера Нирутака). Переводъ съ нѣмецкаго. Изд. ред. „Новаго журнала литературы, искусства и науки" (Ѳ. И. Булгакова). С.-Пб. 1905. Стр. 112. Цѣна 15 коп.".

— „*Алтаевъ, А.* Черная смерть. Повѣсть изъ флорентійской жизни XV вѣка. Изд. ред. журн. „Всходы". С.-Пб. 1905. Стр. 146. Цѣна 40 коп." (также въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Арабскія сказки. Переводъ съ франц. *Б. Д. Порозовской.* (Иллюстр. сказочная библіотека Ф. Павленкова). № 109. Завистливыя сестры. С.-Пб. 1901. Стр. 32. Цѣна 10 коп.—№ 110. Рыбакъ и заколдованное царство. С.-Пб. 1901. Стр. 31. Цѣна 10 коп.

— „*Баракшинъ, А. А.* Судъ Божій совершился. Разсказъ. М. 1905. Стр. 25".

— „*Барсовъ, К. А.* Болгарія и Болгары. Очеркъ. Изд. 2-е, испр. и доп., М. В. Клюкина. М. 1905. Стр. 47. Цѣна 15 коп." (также для публичныхъ народныхъ чтеній).

— *Барсовъ. К.* Китай и китайцы. Очеркъ. Изд. 2-е М. В. Клюкина. М. 1905. Стр. 48. Цѣна 10 коп." (также въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Васинъ, Н.* Неутомимый путешественникъ. (Жизнь и путешествія Г. М. Стэнли). Очеркъ. Изд. М. В. Клюкина. М. 1905. Стр. 40. Цѣна 10 коп."

— „*Веніаминовъ, I. Г.* Религія и христіанство въ Японіи. Издалъ В. Березовскій. С.-Пб. 1905. Стр. 61. Цѣна 30 коп." (также въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

---

[1]) Книги, допущенныя въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, считаются допущенными также въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, а равно могутъ быть пріобрѣтаемы, по усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ, и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— „*Верещагинъ, Александръ*. По Манчжуріи. (1900—1901 гг.) Воспоминанія и разсказы. С.-Пб. 1903. Стр. 198. Цѣна 1 руб. 25 коп.“

— „*Гуринъ, Г. И.* Бѣшенство у животныхъ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1905. Стр. 34. Цѣна 3 коп.“

— „*Гуринъ, Г. И.* Сибирская язва, сапъ и мытъ у животныхъ. Изд т-ва И. Д. Сытина. М. 1905. Стр. 69. Цѣна 5 коп.“.

— „*Данилинъ, И.* Передъ праздникомъ. Разсказъ. Изд. Вятскаго т-ва. № 13. Вятка. 1903. Стр. 8. Цѣна 1 коп.“

— „*Дерновъ, М. А.* Пчеловодныя принадлежности. Изд. А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1904. Стр. IX+128. Цѣна 80 коп.“

— „*Докторовъ, И.* Эдуардъ Дженнеръ. Изобрѣтатель оспопрививанія Біографическій очеркъ. (Библіотека—копѣйка. № 1). Одесса. 1905. Стр. 8. Цѣна 1 коп.“

— „*Достоевскій, Ѳ. М.* 1) Представленіе. (Изъ „Записокъ изъ мертваго дома“). Изд. 2-е. С.-Пб. 1890. Стр. 27. Цѣна 10 коп.—2) Лѣтняя пора. (Изъ „Записокъ изъ мертваго дома“). Изд. 2-е. С.-Пб. 1890. Стр. 30. Цѣна 10 коп.—3) Разсказъ о купцѣ. Изъ романа „Подростокъ“. С.-Пб. 1897. Стр. 23. Цѣна 10 коп.—4) Въ барскомъ пансіонѣ. Изъ романа „Подростокъ“. Изд. 2-е. С.-Пб. 1897. Стр. 14. Цѣна 5 коп.—5) Честный воръ. Изъ записокъ неизвѣстнаго. С.-Пб. 1890. Стр. 22. Цѣна 10 коп.—6) Мальчикъ у Христа на елкѣ. Разсказъ. Изд. 22-е. С.-Пб. 1902. Стр. 14. Цѣна 5 коп.—7) Вѣрующія бабы. (Изъ романа „Братья Карамазовы“). Изд. 2-е. С.-Пб. 1890. Стр. 14. Цѣна 5 коп.“

— „*Достоевскій, Ѳ. М.* Пушкинъ. (Очеркъ). Рѣчь, произнесенная 8-го іюня 1880 г. С.-Пб. 1899. Стр. 18. Цѣна 10 коп.“ (также въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Елеонскій, С.* „Подпасокъ“. Разсказъ. Изд. Вятскаго т-ва. № 26. Вятка. 1904. Стр. 15. Цѣна 2 коп.“

— „*Жилкинъ, И.* Старообрядцы на Волгѣ. Изд. В. К. Самсонова. Саратовъ. 1905. Стр. 74. Цѣна 35 коп.“

— „Земскій сборникъ Черниговской губерніи. Изд. Черниговской губернской земской управы. Годъ 35-й. Черниговъ. 1903. №№ 1—12.—Годъ 36-й. Черниговъ. 1904. №№ 1—12. Цѣна за годъ 4 руб.“.

— „*К., С.* Начало раскола. [Музей прикладныхъ знаній (политехническій) въ Москвѣ. Учебный отдѣлъ. Коммиссія по составленію коллекцій тѣневыхъ картинъ. М. 1904. Стр. 20. Цѣна 6 коп.“ (также для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Кольбъ*. Какъ я былъ рабочимъ въ Америкѣ. Regierungsrat Kolb als Arbeiter in Amerika. Переводъ съ нѣм. *Вс. Кожевникова* и *С. Кержнера* Изд. О. Н. Поповой. С.-Пб. 1905. Стр. 164. Цѣна 50 коп.“

— „*Кунилов, Ѳ. П.* Въ свѣтлый праздникъ. 3 разсказа. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1905. Стр. 48. Цѣна 6 коп.“

— „*Лункевичъ, В.* Чудеса науки и техники. Изд. Ф. Павленкова. (Научно-популярная библіотека для народа). С.-Пб. 1904. № 37. Вып. 1-й: Паръ и электричество. Стр. 98. Цѣна 25 коп.—№ 38. Вып. 2-й: Книгопечатаніе. Фотографъ. Фонографъ. Стр. 64. Цѣна 16 коп.“ (также для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Надѣйся на Бога и не унывай въ несчастьѣ. Разсказъ для школъ народа. Изд. 3-е, А. Д. Ступина. М. 1904. Стр. 48. Цѣна 10 коп.“

— „*Петлинъ, И.* Опытъ составленія каталога для школьныхъ и на-

родныхъ библіотекъ. Изд. кн. маг. „Трудъ“. М. 1905. Стр. VIII + 273. Цѣна 80 коп.“

— „*Порѣцкій, С.* Воздушные путешественники. (Общедоступная библіотечка Горбунова-Посадова для семьи и школы. Вып. 5-й. М. 1905. Стр. 53. Цѣна 15 коп.“ (также для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Порѣцкій, С. А.* Путешествіе по Сахарѣ. По Брэму. (Общедоступная библіотечка Горбунова-Посадова для семьи и школы. Вып. 3-й). М. 1905. Стр. 39. Цѣна 10 коп.“ (также въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Потанина, А.* Разсказы о бурятахъ, ихъ вѣрѣ и обычаяхъ. Изд. „Посредника“. № 523. М. 1905. Стр. 60. Цѣна 12 коп.“ (также для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Пушкинъ, А. С.* Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ. № 60. М. 1903. Стр. 32. Цѣна $1^1/_2$ коп.“.

— „*Рабиновичъ, И. О.* Природа и люди Кореи. С.-Пб. 1904. Стр. 59+1 карта. Цѣна 40 коп.“

— „*Разинъ, А.*, и *В. Лапинъ.* Откуда пошла Русская земля и какъ стала быть. 2-е изд., т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. 1904. Стр. II+776 Цѣна 2 р. 25 коп.“ (также въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Русскіе писатели. (Маленькая хрестоматія. Выпускъ 24-й). Составилъ *Д. С. Истоминъ.* Изд. Н. С. Аскарханова. С.-Пб. 1904. Стр. 160. Цѣна 35 коп.“.

— „Русскіе писатели. Маленькая хрестоматія. Вып. 43-й. Составилъ *К. Говоровъ.* Изд. Н. С. Аскарханова. С.-Пб. 1904. Стр. 48+95. Цѣна 30 к.“

— „*Слезкинъ, П.* Зерновые злаки, ихъ жизнь и пріемы воздѣлыванія. Изд. А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1904. Стр. 233. Цѣна 1 р. 75 коп.“

— „Солдатская библіотека. Изд. В. А. Березовскаго. 16-й комплектъ №№ 301—320. С.-Пб. 1904. Цѣна за книжку отъ 3 до 10 коп.“

— „*Сувировъ, Н. И.* Манчжурія. Ея населеніе, богатство и роль въ событіяхъ на Дальнемъ Востокѣ, предшествовавшихъ русско-японской войнѣ. Издалъ В. Березовскій. С.-Пб. 1904. Стр. 132+1 карта. Цѣна 70 коп.“

— „*Сувировъ, Н. И.* Тибетъ. Описаніе страны и отношеніе къ ней Китая и Англіи до послѣдняго времени. Издалъ В. Березовскій. С.-Пб 1905. Стр. 137+1 карта. Цѣна 1 р.“

— „*Сысоевъ, В.* Сказки дѣдушки Спиридона. Изд. М. В. Клюкина. М. 1905. Стр. 68. Цѣна 40 коп.“

— „*Сѣверцевъ-Полиловъ, Г. Т.* Подъ шрапнелью и ядрами... Разсказы изъ Русско-Японской войны. Изд. В. Д. Карчагина. М. 1905. Стр. 88 Цѣна 50 коп.“

— „*Телешовъ, Н.* Домой! Разсказъ. Изд. 2-е „Посредника“. № 322. М. 1903. Стр. 32. Цѣна 3 коп.“

— „*Шевченко, Тарасъ.* Кобзарь въ переводѣ русскихъ поэтовъ подъ ред. *Ник. Вас. Гербеля.* Изд. 4-е, вновь испр. и значит. доп., М. В. Клюкина. М. 1905. Стр. 366. Цѣна 1 р.“

— „*Штейнбергъ, П. Н.* Огородъ и садъ любителя. Изд. П. П. Сойкина. (Сельскохозяйственная библіотека). С.-Пб. 1903. Стр. 322. Цѣна 1 р. 50 коп.“

— „*Штейнбергъ, П. Н.* Цвѣтоводство. (Неприхотливыя цвѣтущія растенія въ комнатахъ и саду). Изд. П. П. Сойкина. (Полезная библіотека). С.-Пб. 1903. Стр. 184+VI. Цѣна 75 коп.“

2. Допустить *условно* слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Пастуховъ, А.* Дружокъ. Годъ 1-й. Азбука и 1-я послѣ азбуки книга для русскаго и церк.-слав. чтенія. Изд. 2-е, испр. и сокр., М. Д. Наумова. М. 1905. Стр. 150. Цѣна 30 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи приняты были во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

б) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

— „*Литвененко, К. А.* Сборникъ систематическихъ диктантовъ. Изд. К. Тихомирова. М. 1904. Стр. XI+VIII+236+CIX 6. Цѣна 60 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книга была исправлена, согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Засодимскій, П. Вл.* Дѣдушкины разсказы и сказки. Изд. 3-е, т-ва И. Д. Сытина. М. 1905. Стр. 298. Цѣна 1 р.“ съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книги приняты были во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

Опредѣленіемъ отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденнымъ г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „*Сувировъ, Н. И.* Прошлое и настоящее Японіи. Культурно-историческій очеркъ. Издалъ В. Березовскій. С.-Пб. 1904. Стр. 168+1 карта. Цѣна 75 коп.“ — допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССІОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессіональному образованію, утвержденными его превосходительствомъ г. товарищемъ министра, постановлено:

— Журналъ „Вѣдомости сельскаго хозяйства и промышленности (органъ южно-русскаго общества поощр. землед. и сельск. промышл.) 102 номера за 1904 г. и 24 номера за 1905 г.“ — допустить разсмотрѣнныя изданія журнала за 1904 г. и первую половину 1905 г. въ библіо-

теки сельско-хозяйственно-техничэкеъхи и ремесленныхъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Брошюру *Л. К. Лейхмана*: „Словарь латинскихъ и нѣмецкихъ названій химическихъ реактивовъ, съ переводомъ ихъ на русскій языкъ. С.-Пб. 1905 г.“, —допустить въ библіотеки промышленныхъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

ОТЪ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ [1]).

3. *Записка члена ученаго комитета В. В. Сиповскаго по вопросу о введеніи въ курсъ исторіи русской словесности новѣйшей русской литературы.*

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ приходилось мнѣ заниматься изученіемъ новѣйшей русской литературы съ учениками старшаго возраста средне-учебнаго заведенія (Петровское коммерческое училище). Такимъ образомъ я имѣлъ возможность на практикѣ ознакомиться съ хорошими и дурными сторонами введенія въ курсъ средней школы новѣйшей русской литературы, какъ обязательнаго предмета. Не рѣшусь, конечно, утверждать, что за какіе-нибудь три года можно было всесторонне оцѣнить все значеніе такого курса, но, полагаю, тѣмъ не менѣе, что за мною есть нѣкоторый опытъ, котораго, повидимому, нѣтъ у большинства преподавателей русскаго языка и словесности, выразившихъ свое мнѣніе по поводу поставленнаго министерствомъ народнаго просвѣщенія вопроса о томъ, желательно ли введеніе въ курсъ гимназій и реальныхъ училищъ изученіе новѣйшей литературы, и, если желательно, то въ какой мѣрѣ. Какъ извѣстно, изъ присланныхъ мнѣній, вопросъ о желательности введенія новѣйшей русской литературы (а также и западно-европейской) рѣшенъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ въ утвердительномъ смыслѣ. Но въ рѣшеніи вопроса, въ какой мѣрѣ можетъ быть выполнена пробная программа министерства народнаго просвѣщенія, какія измѣненія (сокращенія и добавленія) должны быть въ ней сдѣланы, мнѣнія значительно разошлись. Знакомство съ этими мнѣніями и привело меня къ сознанію, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ они создались совершенно теоретическимъ путемъ,—въ нихъ не видно яснаго сознанія, что такое „исторія новѣйшей русской литературы“, какъ предметъ изученія въ средней школѣ; для многихъ остались неясными цѣли этого изученія, плохо выясненными средства и методы преподаванія. Многія педагогическія конференціи учебныхъ заведеній 14 округовъ словно старались превзойти одна другую въ знаніи именъ великихъ русскихъ писателей и вносили ихъ въ свои пробныя программы, не задумываясь надъ тѣмъ, какъ осуществить на практикѣ свои благія пожеланія. Вотъ это обстоятельство и заставляетъ меня высказать нѣсколько соображеній относительно поднятаго нынѣ министерствомъ весьма существеннаго вопроса,

---

[1]) *Окончаніе.* См. іюль-августовскую книжку „Русской Школы“ за 1905 годъ.

болѣе или менѣе удовлетворительное разрѣшеніе котораго чревато послѣдствіями.

Къ несомнѣннымъ и ближайшимъ послѣдствіямъ изученія въ классѣ произведеній новѣйшихъ русскихъ писателей надо отнести прежде всего то *оживленіе*, которое сразу овладѣваетъ классомъ съ того момента, когда раскрывается томикъ сочиненій Тургенева, Толстого, Достоевскаго. Интересы учениковъ сразу возростаютъ, мысль ихъ сосредоточивается на каждомъ новомъ образѣ, каждой мысли автора; ученики разсѣянные замѣтно фиксируютъ свое вниманіе; лучшіе ученики волнуются, — по ихъ лицамъ, ихъ глазамъ видно, какъ въ нихъ разростаются новыя мысли, новые запросы... Ни Пушкинъ, ни Гоголь не задѣваютъ ихъ вниманія въ такой мѣрѣ. Это оживленіе, по моимъ наблюденіямъ, иногда не замираетъ даже послѣ урока, когда группа учениковъ (разумѣется, наиболѣе воспріимчивыхъ и впечатлительныхъ) продолжаютъ споры, неконченные въ классѣ. Мнѣ приходилось наблюдать, какъ изъ этихъ группъ выдѣляются охотники расширять свои познанія въ интересующей ихъ области,—они обращались ко мнѣ съ просьбою устраивать съ этой цѣлью внѣклассныя вечернія бесѣды, гдѣ бы можно было читать рефераты по разнымъ вопросамъ русской литературы и обмѣниватся взглядами. Такія бесѣды по вечерамъ устраивались подъ моимъ руководствомъ два года; къ нимъ участники относились съ необыкновенной страстью, и предолжались онѣ обыкновенно съ 8-ми часовъ до 11—12-ти.

Такимъ образомъ, все это несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ, что, съ расширеніемъ программы, русская словесность сдѣлается однимъ изъ самыхъ живыхъ, интересныхъ предметовъ и перетянетъ на свою сторону вниманіе многихъ учениковъ отъ другихъ предметовъ.

Эта тревога мысли и чувства, конечно, сама по себѣ можетъ повести къ хорошимъ и дурнымъ послѣдствіямъ, — все зависитъ отъ того направленія, которое будетъ дано умѣлымъ руководителемъ. Несомнѣнно одно: живой интересный предметъ подыметъ *интересъ* къ осмысленному чтенію, быть можетъ, пріучитъ уважать чужое мнѣніе, заставитъ внимательнѣе относиться къ своимъ собственнымъ заключеніямъ. Наконецъ, рефераты, споры, безъ сомнѣнія, разовьютъ у многихъ даръ слова, способность спорить и убѣждать.

Второе наблюденіе, сдѣланное мною, касается нравственнаго воздѣйствія новой литературы. Полная откровенность съ моей стороны и со стороны учениковъ позволила мнѣ встать въ такія отношенія съ классомъ, при которыхъ ясной сдѣлалась мнѣ внутренняя работа, происходившая въ нѣкоторыхъ юныхъ сердцахъ, несомнѣнно, подъ вліяніемъ болѣе или менѣе основательнаго знакомства съ идеями лучшихъ русскихъ писателей. Въ теченіе двухъ лѣтъ на моихъ глазахъ въ классѣ образовались двѣ группы учениковъ съ болѣе или менѣе прояснившимися міросозерцаніями: сторонники ученія Толстого, Достоевскаго о необходимости нравственнаго самосовершенствованія и сторонники обличительнаго направленія, которыхъ тянуло къ Некрасову, Бѣлинскому. Когда послѣ разбора „Войны и Мира“ я задалъ нѣсколько темъ для класснаго сочиненія, первые взяли тему: „Каратаевъ и Пьеръ Безухій“, а вторые: „Личность и исторія“, при чемъ идеи Толстого о незначительности роли личности подвергались критикѣ. У меня было

нѣсколько выпусковъ, которые кончали курсъ училища безъ изученія новѣйшей русской литературы: тамъ такого дѣленія на группы не было. Такимъ образомъ, несомнѣнно, только изученіе новѣйшей русской литературы прояснило и заострило міросозерцаніе учениковъ. Особенно въ этомъ отношеніи разительно было впечатлѣніе отъ разбора романовъ „Преступленіе и Наказаніе“ и „Войны и Мира“; Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій въ такой мѣрѣ не задѣли никого. Изъ приведенныхъ фактовъ, несомнѣнно, явствуетъ, что расширеніе программы русской словесности въ указанномъ направленіи имѣетъ громадное *воспитательное значеніе.* Она пріучаетъ внимательнѣе всматриваться въ жизнь своей и чужой души; она заставляетъ задумываться надъ вопросами такими, на которыхъ само по себѣ вниманіе юноши, быть можетъ, и не остановилось бы, если бы великій писатель не заставилъ это вниманіе остановиться. Я помню, какъ въ классѣ 35 человѣкъ съ болѣзненнымъ, скажу, благоговѣйнымъ вниманіемъ выслушаны были и разобраны тѣ мѣста романа Достоевскаго, гдѣ выступалъ скорбный, блѣдный образъ Сонечки Мармеладовой. Съ такимъ же вниманіемъ, но не съ такимъ единодушнымъ сочувствіемъ выслушивался апоѳеозъ Каратаева и развѣнчиваніе „личности“ въ образѣ Наполеона.

Словомъ, повторяю, воспитательное значеніе новѣйшей русской литературы несомнѣнно. Но это обстоятельство и дѣлаетъ обращеніе съ нею въ классѣ страшно труднымъ, даже опаснымъ. Всѣ предметы, занятія, науки, идеи, чувства, которые имѣютъ, такъ называемое „воспитательное“ значеніе,—оружіе обоюдоострое; при неумѣніи съ нимъ обращаться, легко придти къ результатамъ совершенно обратнымъ въ двухъ параллельныхъ классахъ, при различныхъ учителяхъ, впечатлѣнія отъ любого литературнаго произведенія могутъ быть діаметрально противоположны. Раскольниковъ въ одномъ классѣ, можетъ быть предстанетъ, какъ преступникъ, искупившій вину наказаніемъ; въ другомъ, какъ сверхчеловѣкъ, дрогнувшій на минуту и испортившій все свое дѣло!

Вотъ почему, я полагалъ бы, что прежде чѣмъ вписывать въ §§ программы имена русскихъ писателей, необходимо ученому комитету и министерству ясно опредѣлить, въ какомъ направленіи должно идти это воспитательное воздѣйствіе русской литературы и, соотвѣтственно этому, выбирать произведенія. Этой сознательности „направленія“ нѣтъ въ тѣхъ мнѣніяхъ, которыя представлены изъ 14 округовъ въ ученый комитетъ, а безъ нея не будетъ въ программѣ ясности цѣли, не будетъ руководящей нити для преподавателей, не будетъ возможности контроля не будетъ единства въ преподаваніи.

Но, конечно, ясность мысли, вложенной въ программу, не спасетъ дѣла, если у исполнителей ея, — „преподавателей“, не будетъ ясности и стойкости убѣжденій, не будетъ „проникновенности“ въ трудность отвѣтственность и святость того новаго дѣла, которое, увы, тяжелымъ и новымъ бременемъ ляжетъ на ихъ плечи.

Что касается до того, какого направленія лучше всего придерживаться при выборѣ произведеній, то я бы предложилъ внести въ программу тѣ, въ которыхъ проповѣдуется христіанская мораль, по скольку она нашла себѣ отраженіе въ міросозерцаніи лучшихъ людей древней

Руси, въ лучшихъ людяхъ изъ народа и въ убѣжденіяхъ тѣхъ великихъ русскихъ писателей, которые сумѣли въ русской душѣ найти этотъ живой родникъ, очищающій душу Раскольника, примиряющій съ людьми кн. Болконскаго, умиротворяющій г. Безухаго, просвѣтляющій сердце Лизы Калитиной. Конечно, я внесъ бы въ программу тѣ произведенія, въ которыхъ это „христіанство" русскаго человѣка сказывается въ гуманномъ отношеніи „нищимъ духомъ" къ маленькимъ людямъ, „бѣднымъ", „униженнымъ и оскорбленнымъ".

Изъ произведеній „обличительной" литературы я предложилъ бы взять лишь тѣ, которыя имѣютъ историческое значеніе, не затрагиваютъ еще не закрывшихся ранъ нашей жизни. Къ такимъ произведеніямъ надо отнести романъ Гончарова „Обломовъ", сочиненія Островскаго и нѣкоторыя произведенія Некрасова (см. ниже перечень).

Я бы воздержался отъ включенія въ программу тѣхъ произведеній, въ которыхъ недостаточно ясна точка зрѣнія самого писателя на своихъ героевъ („Отцы и дѣти", „Новь", „Дымъ", „Обрывъ") или выражено слишкомъ много страсти („Бѣсы").

Пробная программа, разосланная ученымъ комитетомъ въ прошломъ учебномъ году, преслѣдовала, главнымъ образомъ, цѣли дать историческую связь явленіямъ новѣйшей литературы съ новой (Пушкинъ и Гоголь). Такую точку зрѣнія, конечно, возможно и необходимо удержать въ той программѣ, которую предлагаю я. Для удобства и наглядности исторической связи въ этомъ случаѣ лучше всего распредѣлить литературный матеріалъ не по писателямъ, а по жанрамъ. Напримѣръ:

Писатели Пушкинскаго направленія.

Лирика—a) *представители чистаго искусства* (характерныя стихотворенія Майкова, Фета, А. Толстого, Полонскаго).

b) *Народники* (Некрасовъ, Никитинъ, А. Толстой, Кольцовъ).

c) *Философы* (Баратынскій, Тютчевъ).

Драматурги: А. Толстой („Донъ Жуанъ" „Трилогія"). Островскій (историческія пьесы), Мей.

Романисты: Тургеневъ („Дворянское Гнѣздо", „Рудинъ").

Писатели Гоголевскаго направленія.

Драматурги: Островскій—„Гроза", „Свои люди сочтемся".

Романисты: Тургеневъ—„Записки охотника", Гончаровъ—„Обломовъ", Достоевскій—„Бѣдные люди", „Униженные и оскорбленные".

Писатели-моралисты.

Достоевскій—„Преступленіе и Наказаніе".

Толстой—„Дѣтство и Отрочество", „Война и Миръ", „Смерть Ивана Ильича".

„Писатели-моралисты", повидимому, свободные отъ связей съ направленіями Пушкинскимъ и Гоголевскимъ, однако, найдутъ себѣ историческое освѣщеніе при сопоставленіи съ идеалами древней Руси, съ аскетическимъ міросозерцаніемъ ея, съ образами святыхъ изъ рус-

скихъ и переводныхъ житій. Они найдутъ себѣ освѣщеніе въ міросозерцаніи Пушкина, поскольку оно выразилось въ его творчествѣ и жизни въ послѣдній періодъ, и, наконецъ, въ послѣднемъ періодѣ жизни Гоголя, въ его „Перепискѣ съ друзьями". Требованіе знакомить учениковъ съ русской критикой (Бѣлинскій, Добролюбовъ, Писаревъ), требованіе, которое заявлено нѣкоторыми изъ подавшихъ свои мнѣнія черезъ округъ въ ученый комитетъ, я рѣшительно отказался бы вносить въ программы. Бѣлинскій не можетъ быть предметомъ изученія вслѣдствіе неустойчивости его взглядовъ (нѣсколько разъ кореннымъ образомъ мѣнялись его взгляды хотя бы на Пушкина), вслѣдствіе ошибочности нѣкоторыхъ его мнѣній, достаточно оцѣненныхъ научной критикой, наконецъ, даже вслѣдствіе недостаточности его знаній (народная поэзія, русская литература XVIII в. и западно-европейская). Какое значеніе для средней школы можетъ имѣть изученіе писателя, котораго на каждомъ шагу должно изобличать? Отдѣльныя вѣрныя характеристики, имъ сдѣланныя, мнѣнія и мысли по разнымъ вопросамъ русской литературы должны быть введены въ курсы попутно при прохожденіи Жуковскаго, Пушкина, Лермонтова и др. Писаревъ точно также неудобенъ въ средней школѣ по тѣмъ же соображеніямъ; отдѣльныя же мнѣнія его по поводу того или другого произведенія точно также могутъ быть введены въ курсъ. Изъ сочиненій Добролюбова я предложилъ бы внести въ курсъ знакомство съ его двумя статьями: „Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ", „Что такое обломовщина".

Обѣ статьи должны быть въ отрывкахъ прочтены и разобраны при изученіи соотвѣтствующихъ сочиненій Островскаго и Гончарова („Гроза" и „Обломовъ"). Такъ же попутно можетъ быть введено въ курсъ знакомство со взглядами Ап. Григорьева, Страхова и др.

Въ приведенную программу я включилъ лишь тѣ произведенія, которыя, на мой взглядъ, должны быть разобраны въ средней школѣ; но, кромѣ этихъ *обязательныхъ* произведеній, можно составить списокъ желательныхъ, которыя могли бы представить матеріалъ для необязательныхъ (вечернихъ или праздничныхъ) внѣклассныхъ бесѣдъ. Въ этотъ списокъ внесъ бы я всѣ произведенія Островскаго, всѣ произведенія Тургенева, нѣкоторыя произведенія Толстого („Юность", „Анна Каренина"), Достоевскаго („Братья Карамазовы", Идіотъ"), Салтыкова („Господа Головлевы"). Предметомъ этихъ бесѣдъ могли бы служить также тѣ изъ произведеній западно-европейской литературы, которыя не нашли себѣ мѣста въ расширенной программѣ теоріи словесности.

Предлагаемая мною программа *обязательнаго* курса новѣйшей русской словесности, конечно, не есть программа *исторіи* этой литературы. Это — лишь разборъ наиболѣе крупныхъ произведеній, безъ пониманія которыхъ неприлично получить аттестатъ зрѣлости при окончаніи средней школы. „Non multa, sed multum" — это изреченіе должно быть выбрано девизомъ къ предлагаемому курсу. Лучше разобрать и изучить нѣсколько крупныхъ произведеній, чѣмъ заполнить курсъ десятками произведеній, знакомство съ которыми будетъ бѣглое, поверхностное, сведется къ пересказу содержанія, къ заучиванью чужихъ мнѣній—или критиковъ, или преподавателя, или составителя учебниковъ.

Почти всѣ педагогическія конференціи высказываютъ пожеланія, чтобы въ новой программѣ министерство устранило эпизодическое знакомство съ отдѣльными произведеніями и ввело бы историческое изученіе русской литературы. Это пожеланіе основано на недоразумѣніи: исторіи новѣйшей русской литературы нѣтъ совершенно — наша *наука* кончается Пушкинымъ и Гоголемъ. Что послѣ нихъ, то не изучено, не выяснено, то еще не въ рукахъ ученыхъ, а критиковъ-публицистовъ и до сихъ поръ не вызвало ни одного ученаго изслѣдованія, которое бы давало какіе-нибудь общепринятые и общеобязательные выводы. Что же касается до литературы древней и новой, то, если здѣсь и возможно что-то, напоминающее исторію, то всякій призракъ ея исчезаетъ, когда сторонники „исторіи русской литературы“ энергично требуютъ сокращенія курса древней литературы, уничтоженія курса юго-западной литературы XVII в., сокращенія литературы XVIII в. Мое личное мнѣніе, что исторія литературы, какъ наука, можетъ имѣть мѣсто только въ университетѣ. Только тамъ можетъ быть серьезно поставленъ вопросъ о развитіи литературныхъ видовъ, о взаимодѣйствіи культуры и литературы, о чуждыхъ вліяніяхъ. Если на исторію поэзіи смотрѣть, какъ на исторію развитія ея видовъ, то ради непрерываемости этого развитія придется въ звенья этой цѣпи вплетать произведенія, малозначительныя сами по себѣ. Чтобы, напримѣръ, показать у насъ исторію развитія ложноклассической драмы (зарожденіе, расцвѣтъ и вырожденіе), надо взять эту драму цѣликомъ,—тогда мы получимъ исторію псевдоклассической драмы. Пока такой постановки вопроса нѣтъ даже въ университетахъ,—и тамъ нѣтъ еще научнаго преподаванія исторіи, и тамъ еще есть только эпизодическое знакомство съ произведеніями Сумарокова, Княжнина, Озерова. Вотъ почему, если въ университетахъ исторія литературы русской еще дѣло будущаго, то говорить о такомъ курсѣ въ средней школѣ есть или самообманъ, или печальное заблужденіе. Итакъ, *исторія русской литературы не можетъ имѣть мѣсто въ средней школѣ*: нужно, чтобы молодой человѣкъ, оканчивающій курсъ средней школы, зналъ и понималъ, въ какомъ направленіи шло творчество древней Руси и новой Россіи; онъ долженъ прочувствовать это творчество, проникнуть духомъ въ тѣ міровоззрѣнія родного ему народа, которыя складывались вѣками. Такому пониманію древней и новой литературы должно способствовать историческое освѣщеніе тѣхъ характерныхъ произведеній, которыя войдутъ въ программу. Ученикъ долженъ ясно представить себѣ культурное состояніе той эпохи, которая выразилась созданіемъ этихъ произведеній. Онъ долженъ уяснить связь себѣ между нѣкоторыми произведеніями, и этого вполнѣ достаточно для средней школы. Такимъ образомъ, изученіе русской словесности, на мой взглядъ, должно остаться попрежнему эпизодическимъ, но въ это изученіе необходимо внести широкое историческое освѣщеніе. Тогда и предложенная мною программа изученія новѣйшей русской литературы по характеру тѣсно примкнетъ къ изученію литературы древней и новой. Конечно, нельзя не согласиться, что при выборѣ произведеній для новой программы многое должно быть отброшено, какъ не имѣющее ничего общаго съ литературой (напр., переписка Грознаго съ Курбскимъ, Домострой и пр.).

Необходимо оставить всѣ тѣ произведенія и, кромѣ того, внести такія, въ которыхъ есть зерна поэзіи, есть намекъ на эстетику, была и есть пища для народнаго творчества. Вотъ почему, напримѣръ, и проповѣди Иларіона и Кирилла Туровскаго, и житія, и легенды, особенно древнія повѣсти должны войти въ эту программу.

Изученіе народной поэзіи должно быть совершенно выброшено изъ курса историческаго, такъ какъ изученіе устнаго творчества никогда не было и не можетъ быть историческимъ. Вся народная поэзія вполнѣ умѣстится въ расширенной программѣ теоріи словесности (см. приложенную примѣрную программу).

Обращаюсь опять къ наиболѣе жгучему пункту новой программы—къ курсу новѣйшей литературы. Затрудненія, съ которыми на первыхъ порахъ встрѣтится преподаватель, слѣдующія: прежде всего наши ученики не пріучены въ достаточной степени къ „чтенію", медленному, вдумчивому, съ карандашомъ въ рукахъ, когда мысль читающаго цѣпляется иногда за одно, повидимому, незначительное слово автора, за намекъ на мимолетное сравненіе... На основаніи личнаго опыта я знаю, какъ трудно въ старшихъ классахъ пріучить къ такому чтенію, когда они не пріучены съ младшихъ классовъ къ обстоятельному критическому разбору крупныхъ *идейныхъ* произведеній. Вотъ почему уже съ среднихъ классовъ нужно пріучать учениковъ къ всестороннему детальному разбору не *отрывковъ* изъ хрестоматіи, отрывковъ, не дающихъ представленія объ *идеѣ* всего произведенія—а цѣлыхъ крупныхъ произведеній. Всего удобнѣе пріучать учениковъ къ критическому анализу на произведеніяхъ Гоголя, Пушкина и Лермонтова. Со своими учениками я подробно, останавливаясь по мѣсяцамъ, разбираю въ IV классѣ „Тараса Бульбу" и „Капитанскую Дочку", въ V классѣ „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ"... и „Старосвѣтскіе помѣщики"; въ VI классѣ—„Евгеній Онѣгинъ", „Герой нашего времени", „Мертвыя души", „Шинель", „Ревизоръ". Въ результатѣ такого параллельнаго съ прохожденіемъ курса изученія лучшихъ произведеній новой литературы я достигаю того, что знакомство съ Пушкинымъ и Гоголемъ дѣлается болѣе основательнымъ, и ученики пріучаются болѣе внимательно относиться къ чтенію.

Второе затрудненіе при прохожденіи курса новѣйшей литературы заключается въ томъ, что произведенія этой литературы не оцѣнены еще научной критикой, а потому совершенно ускользають отъ той болѣе или менѣе спокойной оцѣнки, которая возможна уже для Пушкина и Гоголя. Вотъ почему я и предложилъ выше внести въ обязательную программу лишь тѣ произведенія, которыя не могутъ вызвать рѣзкой разноголосицы, какъ, напримѣръ, „Отцы и Дѣти". Преподаватель, во всякомъ случаѣ, долженъ всегда имѣть въ виду, что возможны нѣсколько точекъ зрѣнія на то или другое произведеніе, онъ всегда долженъ ожидать возраженій со стороны какого-нибудь бойкаго ученика, наканунѣ прочитавшаго критическую статью, бьющую на оригинальность. Конечно, для борьбы съ такими неожиданностями необходимо, чтобы преподаватель былъ хорошо подготовленъ къ курсу, былъ бы начитанъ не только въ разбираемыхъ произведеніяхъ, но и въ обширной критической литературѣ. Онъ долженъ въ любой мо-

ментъ сумѣть оріентироваться въ деталяхъ, въ мелочахъ, чтобы не быть захваченнымъ врасплохъ своими юными слушателями. Во всякомъ случаѣ, чтобы избѣжать непріятнаго, непедагогическаго столкновенія каѳедры со школьной скамьей, преподаватель долженъ помнить, что, пока новѣйшая русская литература не сдѣлалась предметомъ научнымъ,—*всѣ мнѣнія о ней одинаково справедливы,* во всякомъ случаѣ неоспоримы, такъ какъ коренятся на личныхъ убѣжденіяхъ. Спорить страстно съ ученикомъ, слишкомъ горячо опровергать мнѣніе критика, держащагося иного взгляда на то или другое произведеніе,—значитъ или порабощать себѣ убѣжденіе класса, или вооружать эти убѣжденія противъ себя. Споры о литературныхъ герояхъ поведутъ къ спорамъ объ убѣжденіяхъ, а имъ не мѣсто въ классѣ. Вотъ почему лучшимъ средствомъ предупредить непріятныя столкновенія убѣжденій — это обнаружить съ каѳедры широкую терпимость въ мнѣніяхъ, сразу допустить возможность нѣсколькихъ точекъ зрѣнія на поднятый вопросъ. Конечно, если отношенія класса къ преподавателямъ ровны и дружны, если преподаватель вооруженъ терпимостью къ чужому мнѣнію, тогда эти споры въ классѣ могутъ имѣть очень благотворное воздѣйствіе на юныя сердца. Во всякомъ случаѣ, я предпочелъ бы, чтобы столкновеніе мнѣній всегда прояснилось, хотя бы въ видѣ спора, такъ какъ гораздо хуже, если оно останется глухимъ, затаеннымъ: ученикъ изъ осторожности промолчитъ передъ учителемъ, останется при своихъ убѣжденіяхъ, быть можетъ, свои сомнѣнія онъ выскажетъ товарищамъ, тѣ примкнутъ къ этой тайной оппозиціи, и въ концѣ концовъ всѣ рѣчи преподавателя будутъ и впредь приниматься съ глухимъ недовѣріемъ. Въ результатѣ, въ такомъ классѣ преподаваніе литературы не будетъ имѣть никакого воспитательнаго значенія, а, напротивъ, будетъ дѣйствовать развращающе на классъ, усиливъ существующую рознь между каѳедрой и скамьей. Ученики будутъ повторять то, что отъ нихъ требуется, но не будутъ вѣрить своимъ словамъ. Признаюсь, когда я приступалъ къ преподаванію новѣйшей литературы, я болѣе всего боялся „молчанія“ въ классѣ, а съ другой стороны, мнѣ рисовалась не особенно пріятной перспектива выслушиватъ незрѣлыя опроверженія моихъ словъ какимъ-нибудь бойкимъ говоруномъ, класснымъ Демосѳеномъ. Какъ бы ни были хороши отношенія класса къ учителю, но впечатлѣніе отъ бойкихъ рѣчей товарища, „смѣющаго имѣть собственное мнѣніе“, всегда очень сильно создается въ классѣ настроеніе, поддерживающее смѣльчака; классъ съ любопытствомъ ждетъ, какъ вывернется преподаватель, когда ему станутъ доказывать, что все, кажущееся ему „бѣлымъ“, есть „черное“. Единственный выходъ изъ такихъ затрудненій заключается, на мой взглядъ, въ методѣ преподаванія новѣйшей литературы. Оно должно вестись не лекціоннымъ способымъ, чтобы не съ каѳедры ученики слышали опредѣленное безапелляціонное мнѣніе, а чтобы эти мнѣнія слагались у самихъ учениковъ, какъ результатъ классныхъ бесѣдъ. Надо, *чтобы ученики спорили не съ учителемъ, а другъ съ другомъ*; роль преподавателя направлять споры къ опредѣленной ему необходимой цѣли. Въ заключительномъ словѣ онъ, *щадя юныя самолюбія,* резюмируетъ все сказанное и лишь тогда высказываетъ свое личное мнѣніе. При такомъ методѣ преподаванія будетъ развиваться самостоятель-

ность мысли у учениковъ, и въ то же время авторитетъ преподавателя не будетъ страдать отъ этой самостоятельности. Въ воспитательномъ же отношеніи значеніе оппозиціи, которую встрѣтитъ „классный говорунъ“ въ средѣ своихъ товарищей, прямо громадно.

Конечно, такія „бесѣды“ не должны обращаться въ средство для развѣдыванія политическихъ убѣжденій ученика. Преподаватель, который воспользуется откровенностью ученика въ этомъ смыслѣ, навсегда погубитъ свое живое дѣло въ классѣ.

Необходимо помнить, что, если ученики средне-учебныхъ заведеній тронуты теперь политической пропагандой, то въ ихъ средѣ она не пустила еще такихъ глубокихъ корней, чтобы карать ихъ „за убѣжденія“. Многія страницы лучшихъ произведеній русской литературы вызовутъ въ классѣ живыя восклицанія, протесты и одобренія толкованія учителя нѣкоторыми учениками могутъ быть встрѣчены иронической усмѣшкой или протестомъ,—все это неизбѣжно, по преподаватель, прочувствовавшій произведенія Толстого („Война и Миръ“) и Достоевскаго („Преступленіе и Наказаніе“), имѣетъ въ своихъ рукахъ такое могучее оружіе, которымъ онъ безъ труда можетъ бороться съ какой-угодно пропагандой, и онъ долженъ бороться только этимъ оружіемъ. Помню, какъ однажды при разборѣ Раскольникова на моемъ урокѣ вдругъ произошелъ неожиданный инцидентъ: одинъ ученикъ, всегда скромный и тихій, выдержанный и спокойный, вдругъ съ горящими глазами, нервнымъ приподнятымъ голосомъ сталъ доказывать, что голодный имѣетъ нравственное право убить человѣка сытаго. Въ другой разъ возникъ вопросъ о политическихъ убійствахъ по поводу Пьера Безухаго, хотѣвшаго убить Наполеона. Въ обоихъ случаяхъ спорить было нетрудно, не выходя изъ предѣловъ того богатаго литературнаго матеріала, который собранъ въ романѣ Достоевскаго и Толстого. Я привелъ эти два случая, чтобы показать, какіе острые вопросы могутъ возникать въ классѣ по поводу произведеній новѣйшей литературы.

Вотъ почему опять невольно возвращаешься къ вопросу, подготовлены ли наши учителя къ отвѣтственной роли руководителей юношескихъ сердецъ?

Но введенія этой литературы въ курсъ средней школы желаетъ само министерство, желаютъ всѣ попечители округовъ, профессора университетовъ, почти всѣ преподаватели, желаетъ все общество, журналы и газеты... Остается думать, что это массовое единодушное стремленіе говоритъ о неизбѣжной необходимости расширить программу въ указанномъ смыслѣ; очевидно, всѣ надѣются справиться съ предстоящей трудной задачей. Шероховатости въ обиходѣ школы при введеніи новыхъ писателей, конечно, будутъ,—но приходится думать, что онѣ сгладятся со временемъ, и все войдетъ въ нормальную колею. Во всякомъ случаѣ, министерство должно предвидѣть всѣ возможныя неудобства и даже опасности этого нововведенія. Для этого, прежде всего, надо вооружить тѣхъ, кому придется на своихъ плечахъ выносить всю тяжесть этого новшества: надо помочь гг. преподавателямъ, давъ имъ ясное указаніе, какія цѣли должны преслѣдовать они въ классѣ, какъ вести свое дѣло. На основаніи личнаго опыта я знаю насколько тяжелъ трудъ преподавателя русской словесности: препода-

ватели другихъ предметовъ (языковъ и математики), имѣющіе дѣло съ ученическими письменными работами, не имѣютъ никакого представленія о томъ, что значитъ добросовѣстно поправить сочиненія 40 учениковъ въ классѣ: надо вдуматься въ планъ каждой работы, въ каждой надо уловить иногда серьезныя невыясненныя идеи автора, надо внести порядокъ въ ходъ его мышленія, выдѣлить существенное, отодвинуть неважное, надо, наконецъ, исправить стиль, ошибки и пр. и пр. Все это необходимо, чтобы сумѣть объяснить ученику его промахи. Теперь, когда мы вводимъ въ курсъ словесности еще новѣйшую литературу, когда мы желаемъ ввести еще западно-европейскую, когда мы говоримъ о внѣклассныхъ вечернихъ бесѣдахъ, мы *удесятеряемъ* тяжесть его труда. Вотъ почему, если поднятъ вопросъ объ увеличеніи содержанія учителей, то для преподавателя словесности окладъ жалованья долженъ быть, по крайней мѣрѣ, *удвоенъ* сравнительно съ окладомъ его товарищей. Наконецъ, еще не малое затрудненіе заключается въ трудности достать необходимыя сочиненія. Даже въ Петербургѣ иногда невозможно бываетъ въ городскихъ библіотекахъ по мѣсяцамъ достать необходимыя произведенія,—полагаю, что въ провинціи недостаточный ученикъ будетъ поставленъ въ безвыходное положеніе. Пріобрѣтать всѣ сочиненія авторовъ, которые войдутъ въ будущую программу, значитъ истратить около ста рублей. Отдѣльныя изданія того или другого произведенія стоятъ недешево („Война и Миръ"— 4 руб. 50 коп., „Преступленіе и Наказаніе"—2 руб.). Сочиненія Тургенева, Островскаго и Гончарова продаются только цѣликомъ. Хрестоматіи, въ которыхъ изъ огромнаго романа помѣщаютъ обыкновенно два-три отрывка, совершенно безполезны.

Въ томъ заведеніи, въ которомъ я состою преподавателемъ, библіотека очень богата; кромѣ фундаментальной, есть общая и классная,—поэтому полныя собранія нѣкоторыхъ авторовъ имѣются въ 10 экземплярахъ, и все-таки приходилось по недѣлямъ откладывать классную бесѣду, такъ какъ не всѣ ученики могли къ сроку ознакомиться съ произведеніемъ, не будучи въ состояніи достать необходимую книгу. Вслѣдствіе этого, приходилось задавать большія произведенія мѣсяца на два, или на лѣто, а уроки промежуточные я заполнялъ класснымъ чтеніемъ произведеній небольшого объема и тутъ же въ классѣ разбиралъ съ учениками прочтенное. Такъ какъ за неподготовленный разборъ и за классную бесѣду ставить отмѣтки невозможно, то приходилось для ихъ провѣрки пользоваться письменными работами.

Такъ, напримѣръ, послѣ разбора романа „Обломовъ" всѣ ученики представили домашнія сочиненія на пять темъ: „Содержаніе романа", „Обломовъ" (характеристика), „Ольга", „Штольцъ", „Что такое Обломовщина". Подобнаго рода письменные итоги классныхъ бесѣдъ закрѣпляютъ въ памяти ученика все слышанное имъ и продуманное въ классѣ. Они служатъ ученику прекраснымъ пособіемъ для повторенія передъ экзаменомъ, когда перечитывать сочиненія нѣтъ времени, да и достать ихъ трудно.

Въ добавленіе къ своей запискѣ привожу проектъ нѣкоторыхъ §§-овъ изъ подробной программы по новѣйшей исторіи русской литературы.

„Записки Охотника“ („Хорь и Калинычъ“, „Касьянъ съ Красивой Мечи“, „Малиновая вода“, „Льговъ“, „Бѣжинъ Лугъ“, „Бирюкъ“, „Бурмистръ“, „Живыя мощи“). Русскій крестьянинъ и помѣщикъ по запискамъ охотника. Общественное и историко-литературное значеніе „Записокъ“. Русская критика о „Запискахъ“.

„Рудинъ“. Содержаніе романа. Характеристика Рудина и Наташи. Различные взгляды русской критики на этотъ романъ.

„Дворянское Гнѣздо“. Содержаніе романа. Характеристика Лаврецкаго и Лизы. Русская критика о романѣ.

„Война и Миръ“. Содержаніе романа. Характеристика главныхъ героевъ (П. Безухій, Болконскій, кн. Марія, Н. Ростовъ и Наташа). Народъ, какъ главный герой романа (представители народа—Кутузовъ и Каратаевъ). Философія народа по роману (фатализмъ и оптимизмъ). Хищные и смирные типы въ романѣ Толстого (славянофильская критика Ап. Григорьева и Страхова)—Кутузовъ и Наполеонъ—представители этихъ типовъ. Идея романа „Война и Миръ“. Взглядъ гр. Толстого на исторію. Русская критика о романѣ.

4. *Программа курса русской словесности* (IV—VIII классы).

I.

Курсъ IV класса.

Элементарныя свѣдѣнія о составѣ и формѣ литературныхъ произведеній.

1. Основныя понятія теоріи сочиненія. Предметъ сочиненія. Тема и заглавіе. Идея. Содержаніе, планъ и изложеніе.

2. Понятіе о литературномъ стилѣ, какъ внѣшней сторонѣ словесныхъ произведеній. Общія свойства стиля и особенности стиля въ зависимости отъ предмета и характера сочиненія, а также личности и цѣлей автора.

3. Главнѣйшіе тропы и фигуры.

4. Строеніе рѣчи. Рѣчь устная и книжная, періодическая и отрывистая.

5. Форма изложенія: монологическая, діалогическая и эпистолярная.

6. Различіе между прозой и поэзіей на параллельныхъ примѣрахъ.

7. Понятіе о повѣствованіи, описаніи и разсужденіи (съ указаніемъ на ораторскую рѣчь), какъ типахъ и элементахъ сочиненія.

8. Дѣленіе русской стихотворной строки. Стопа, риѳма и строфа.

9. Эмпирическое понятіе объ эпосѣ, лирикѣ и драмѣ.

10. Практическое ознакомленіе съ нѣкоторыми видами стихотвореній и произведеній художественной прозы (басня, элегія, баллада, новелла, романъ, сказка).

Объяснительная записка.

Пріуроченіе элементарныхъ свѣдѣній по теоріи словесности къ курсу IV класса, гдѣ имъ посвящается два часа въ недѣлю, обусловлено слѣдующими соображеніями.

1. Затруднительно приступать съ учениками къ историческому обзору, а тѣмъ болѣе детальному разсмотрѣнію литературныхъ произведеній въ

V классѣ, если ученики предварительно не были нѣсколько ознакомлены съ элементами ученія о сочиненіи и слогѣ и не имѣли хотя бы эмпирическаго понятія о поэзіи и ея свойствахъ.

2. Для сознательнаго отношенія къ работѣ надъ сочиненіемъ необходимо также понимать хотя бы основы искусства ихъ составленія, къ каковымъ мы причисляемъ, прежде всего, требованіе отъ сочиненія содержательности, отъ изложенія—раздѣльности и нѣкоторой систематичности, отъ слога—правильности и ясности. Чтобы требованіе это не казалось ученикамъ апріорнымъ и насильственнымъ, учитель долженъ обосновать его на разборѣ образцовыхъ сочиненій и выводѣ изъ нихъ нѣкоторыхъ доступныхъ ученикамъ теоретическихъ положеній.

3. За первые три года класснаго обученія въ средней школѣ изъ прочитанныхъ и объясненныхъ въ классѣ литературныхъ произведеній и выученныхъ стихотвореній у учениковъ, перешедшихъ въ 4-й классъ, накопляется довольно значительный литературный матеріалъ (разсказы Тургенева, отрывки изъ сочиненій Пушкина, С. Аксакова, Гончарова, стихотворенія Пушкина, басни Крылова, и т. д.), который и долженъ быть использованъ для выясненія элементарныхъ теоретическихъ понятій о литературѣ, и въ частности объ изобразительныхъ свойствахъ русскаго языка и русскомъ стихѣ. То, что и теперь дѣлается мимоходомъ всѣми учителями русскаго языка въ младшихъ классахъ при чтеніи съ учениками христоматіи. по нашей программѣ IV класса, сводится и нѣсколько систематизируется: курсъ, такимъ образомъ, мало измѣняетъ существующій порядокъ преподаванія, такъ какъ онъ непосредственно вытекаетъ изъ объяснительнаго чтенія, пересказа и декламаціи литературныхъ образцовъ, которыми занимаются ученики въ трехъ младшихъ классахъ и продолжаютъ заниматься въ четвертомъ.

Въ проектированной программѣ намѣчены только тѣ пункты, вокругъ которыхъ всего естественнѣе, повидимому, группировать имѣющійся въ распоряженіи учениковъ литературный матеріалъ. Никакому преподавателю, конечно, не придетъ въ голову забивать въ этихъ видахъ головы дѣтей теоретическими положеніями, которыя еще не могутъ быть усвоены учениками даже эмпирически. Съ другой стороны, если термины—поэзія, проза, лирика, баллада, повѣсть и т. п. и не могутъ быть выяснены ученикамъ IV класса ни психологически, ни историко-генетически, то это нисколько не мѣшаетъ учителю закрѣпить при ихъ помощи тѣ группы ученическихъ представленій, которыя могутъ быть имъ выдѣлены изъ накопленнаго въ ученическомъ обиходѣ литературнаго матеріала.

Иногда высказывается опасеніе, что слишкомъ раннее приложеніе теоретическихъ требованій и схемъ къ изложенію мыслей грозитъ дать въ ученическомъ сознаніи перевѣсъ элементу формальному надъ реальнымъ: дѣти будутъ пріучаться смотрѣть болѣе на свойства изложенія, чѣмъ на дѣльность самихъ мыслей, а это отразится на ихъ сочиненіяхъ и впослѣдствіи.

Такое опасеніе можетъ разсѣяться не тѣмъ или инымъ построеніемъ учебной программы, а лишь улучшеніемъ метода преподаванія. Отъ сознательности работы преподавателя и его искусства зависитъ оживлять и умѣрять формальный моментъ преподаванія.

Но ученическое сочиненіе на первыхъ порахъ не можетъ, конечно, не быть формальнымъ (переложеніе, составленіе или выдѣленіе плана, запол-

ненiе схемъ плана на основанiи даннаго литературнаго произведенiя). Едва ли только надо особенно бояться нѣкотораго формализа русскаго сочиненiя учениковъ въ его первой стадiи, да и позже: слѣдуетъ помнить, что ученическiя сочиненiя въ гимназiи служатъ вовсе не къ тому, чтобы готовить писателей, а лишь къ тому, чтобы научить правильному изложенiю мыслей а письмѣ, т. е. въ формѣ законченной. Нѣтъ никакого сомнѣнiя, что войди сочиненiе нормальнымъ элементомъ въ составъ каждаго учебнаго курса,—на урокахъ русскаго языка учителямъ можно бы было и нѣсколько расширить рамки сочиненiя; но при теперешней постановкѣ дѣла, когда русскiй языкъ, какъ учебный предметъ, обусловливаетъ другiе,—вниманiе преподавателя должно останавливаться, особенно на первыхъ порахъ, главнымъ образомъ, на формальномъ моментѣ сочиненiя. Не надо забывать и того, что съ ослабленiемъ преподаванiя древнихъ языковъ и введенiемъ натуральнаго метода въ обученiе французскому и нѣмецкому языку въ младшихъ классахъ, какому же предмету, какъ не тому же русскому языку, пополнять являющiеся въ результатѣ измѣненiя курса недочеты въ формальномъ развитiи учениковъ?

II.

Курсъ V класса.

Народная словесность.

Обрядовыя пѣсни. Природа, какъ основа народной поэзiи. Языческiй и христiанскiй календари.

Коляда (обряды и пѣсни). Исторiя этого праздника. Встрѣча весны. Великъ день. Радуница. Красная горка. Егорьевъ день.

Хороводы и хороводныя пѣсни. Русальная „зеленая“ недѣля. Семикъ Купала.

Свадебная „игра“. Содержанiе игры и пѣсни, поющiяся во время обряда Похоронные обряды и причитанiя.

Заговоры. Ихъ значенiе и исторiя.

Былевая поэзiя. „Былина“—„старина“, „богатырь“—„храбръ“. Исторiя былины (ея созданiе и судьбы).

Кiевскiе богатыри (былины героическiя и бытовыя—былины объ Ильѣ Муромцѣ, Добрынѣ, Алешѣ Поповичѣ, Соловьѣ Будимировичѣ, Дюкѣ Степановичѣ, Чурилѣ Пленковичѣ).

Новгородскiе богатыри (Садко, Василiй Буслаевичъ).

Старшiе богатыри (Вольга, Микула Селяниновичъ, Святогоръ).

Литературныя обработки „былины“ въ русской литературѣ XVIII—XIX в.

Историческiя пѣсни. Пѣсни татарскаго перiода. Пѣсни о Грозномъ. Южнорусскiя думы. Пѣсни о Петрѣ Великомъ.

Бытовыя пѣсни. Ихъ содержанiе и мотивы (пѣсни о „добромъ молодцѣ“, „дѣвушкѣ“, о „замужествѣ“, „любви“). Пѣсня народная искусственная въ русской литературѣ XVIII—XIX в.

Современная народная пѣсня („частушка“). Идейное содержанiе новой пѣсни (вопросы семейныхъ отношенiй, „любовь“, „общество“ и его „судъ“, „бракъ“, „деревня“).

Пословицы, какъ матерiалъ для характеристики народнаго мiросозер-

цанія. (Пословицы миѳическія, христіанскія, историческія, бытовыя, философскія и сатирическія). Юридическое значеніе пословицъ. Поговорки и присловья.

Загадки. Ихъ значеніе и исторія.

Сказки. Сказки животнаго эпоса. Сказки бытовыя, философскія, сатирическія и юмористическія. Происхожденіе сказокъ. Литературная судьба ихъ. Сказка искусственная въ русской литературѣ XVIII—XIX столѣтія.

III.

Историческій курсъ словесности.

I. Періодъ Кіевскій (до XIII вѣка).

Состояніе культуры Кіевской Руси. Крещеніе Руси и возникновеніе письменности. Вліяніе Византіи и южныхъ славянъ.

a. *Переводная письменность,* заимствованная у южныхъ славянъ.

α) *церковная.* Переводы св. Писанія. Житія святыхъ (Кипріана и Іустины* [1]). Житіе Андрея Юродиваго*. Изъ житія Василія Кесарійскаго). Патерики. Проповѣди (Іоаннъ Златоустъ, Ефремъ Сиринъ, Григорій Богословъ). Шестодневъ Іоанна Экзарха. Іоаннъ Дамаскинъ. Церковная поэзія. Сборники (Святославовъ Изборникъ).

β) *полуцерковная.* Апокрифы, ихъ художественное значеніе для искусства и поэзіи. Ветхозавѣтные апокрифы (повѣсть о Китоврасѣ*. „Суды Соломона“ *). Новозавѣтные апокрифы („Хожденіе Богородицы по мукамъ“ *). Палея Историческая и Толковая.

γ) *свѣтская.* Историческія сочиненія (хроники, хронографы). Повѣсти („Александрія“, „Дѣяніе Девгенія“ *, „Сказаніе о премудромъ Акирѣ“ * „О Вавилонскомъ Царствѣ“ *, „Житіе Варлаама и Іоасафа“ *).

b) *Подражательная письменность.*

α) *церковная.* Житія русскихъ святыхъ („Житіе Ѳеодосія Печерскаго“ * „Житіе Бориса и Глѣба“). Кіево-Печерскій Патерикъ. Проповѣди (Иларіона *, Кирилла Туровскаго *). Хожденіе игумена Даніила *.

β) *свѣтская.* Лѣтопись *. Слово о Полку Игоревѣ *.

II. Періодъ переходный (отъ Кіева къ Москвѣ—XIII—XV вв.).

Перенесеніе центра государственной жизни на сѣверо-восточную окраину. Особенности возникшей тамъ новой культуры. Новыя заимствованія у сербовъ и болгаръ въ XIV—XVI вв. (Кипріанъ, Цамвлакъ).

---

[1]) Произведенія, отмѣченныя *, рекомендуется читать (въ классѣ или дома) цѣликомъ, или въ отрывкахъ, смотря по желанію гг. преподавателей; остальныя произведенія могутъ быть изучены учениками по пересказамъ учебниковъ.

Судьбы народной поэзіи и письменности:

α) *церковной*. Житія сѣверо-восточныхъ святыхъ. (Св. Александра Невскаго *. Св. Сергія Радонежскаго *).

β) *полуцерковной*. Популярность апокрифовъ. Русскія легенды („Житіе св. Меркурія“ *, „Житіе Петра царевича Ордынскаго“ *). („Повѣсть о муромскомъ князѣ Петрѣ“ *). Легенды сказки („О Ноѣ и Евѣ“, „Бѣдная вдова“ *, „Хожденіе въ адъ и рай“ *). Духовные стихи. („Стихъ объ Егоріи Храбромъ“ *, „Хожденіе Богородицы по мукамъ“ *, „О Вознесеніи Христа“ * „Стихи объ Іоасафѣ“ *).

γ) *свѣтской*. Судьбы лѣтописи (мѣстныя лѣтописи: московскія, новгородскія, ихъ характеристика). Историческія (повѣсти. „О прихожденіи Тохматыша“ *). Проповѣди (Серапіонъ и др.). „Слово о погибели земли Русской“. Слово Даніила Заточника *. Повѣсти, посвященныя Куликовской битвѣ. („Задонщина“ *, „Повѣданіе“).

III. Періодъ Московскій (XV—XVII вв.).

Паденіе Царьграда. Флорентійская Унія. Идеалы Московской Руси („Домострой“, „Переписка Грознаго съ Курбскимъ“). Максимъ Грекъ. Исправленіе книгъ. Нилъ Сорскій и Іосифъ Волоцкій. Отраженіе новой культуры на народной поэзіи и письменности. „Четьи-Минеи“, „Стоглавъ“ Повѣсти историческія („О паденіи Пскова“), политическія („Сказаніе о князѣхъ владимірскихъ“ *, „Повѣсть о Новгородскомъ бѣломъ клобукѣ“ *). Повѣсть полуцерковная („Іуліанія Лазаревская“ *). Авантюрные романы въ ранней русской передѣлкѣ („Сказаніе объ Еруслане Лазаревичѣ“ * и „Сказка о Бовѣ Королевичѣ“ *).

IV. Умственный и нравственный переломъ Московской Руси (XVII в.).

Движенія въ области мысли религіозной, политической и эстетической. Побѣда идеаловъ земной жизни надъ идеалами аскетическими и въ связи съ этимъ возникновеніе реалистической литературы.

Сатирическая повѣсть („Шемякинъ Судъ“ *, „Повѣсть о Ершѣ Ершовичѣ“ *). Скоморошество.

Реалистическая повѣсть. „Повѣсть о Горѣ Злосчастьи“ *, „Савва Грудцынъ“ *, Фролъ Скобѣевъ“ *.

1. *Югозападно-русская литература XVII в.* Историко-культурныя основанія возникновенія этой литературы и характеръ ея. Кіевская Академія и значеніе ея для русской литературы. Русская проповѣдь этого періода (Лазарь Барановичъ, Іоанникій Голятовскій). Лирика. Драма (Алексѣй, человѣкъ Божій). Теорія словесности.

Авантюрные романы (съ польскаго), „Тристанъ“, „Ланжелоттъ“, „Повѣсть о Петрѣ Златыхъ Ключей“, „Повѣсть о Брунцвикѣ“, „Повѣсть о Василіи Златовласомъ“.

Нравоучительныя повѣсти: „Римскія Дѣянія“ („Объ Апполонѣ, королѣ Тирскомъ“ *, „Житіе св. Евстафія Плакиды“ *), „Великое Зерцало“.

Смѣхотворныя повѣсти („Фацеціи“). Лубочныя картины.

2. *Московская Русь наканунѣ Петра.* Западныя вліянія (чрезъ посред-

ство юго-западной Руси) на жизнь и литературу. Культурное содержаніе Московской жизни этой эпохи:

a) *исправленіе стараго*; b) *пополненіе жизни новымъ содержаніемъ*. Переводная литература въ Москвѣ (научная, историческая и беллетристическая). Лирика (Симеонъ Полоцкій). Драма („Блудный сынъ" Симеона Полоцкаго). Театръ Грегори.

Подробный разборъ въ классѣ повѣстей Пушкина: „Дубровскій", „Станціонный Смотритель"; Гоголя: „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иванъ Никифоровичемъ", „Старосвѣтскіе помѣщики", „Шинель"; С. Аксакова: „Дѣтскіе годы Багрова внука"; Л. Толстого: „Севастопольскіе разсказы".

V. Петровскій (Петербургскій) періодъ русской литературы.

Курсъ VI класса.

Культурное содержаніе русской жизни въ петровскую эпоху. Передовые дѣятели этой эпохи (Ѳ. Прокоповичъ, Посошковъ, и Татищевъ). Переводная литература. Лирика петровской эпохи (Ѳ. Прокоповичъ). Любовныя пѣсни. Театръ Натальи Алексѣевны. Русская повѣсть („Повѣсть о россійскомъ матросѣ Василіи" *, „Исторія объ Александрѣ, россійскомъ дворянинѣ"). Драма (трагедо-комедія Ѳ. Прокоповича „Владиміръ").

Псевдоклассицизмъ, его исторія и сущность (взгляды на поэзію Аристотеля, Горація и Буало).

a) Псевдоклассическая *сатира* (Горацій, Ювеналъ, Буало). Кантемиръ, какъ псевдоклассикъ. Содержаніе его сатиръ. Типы и характеры, имъ выведенные. Реализмъ въ его сатирахъ. Ихъ литературная исторія.

b) Псевдоклассическая *ода* (ода въ древней Греціи, во Франціи и Германіи XVII в.). Ломоносовъ, какъ псевдоклассикъ-одописецъ. Жизнь и личность Ломоносова. Первый періодъ его творчества и его особенности. Второй періодъ (съ восшествія на престолъ Императрицы Елизаветы). „Ода на день восшествія Императрицы Елизаветы" *. Природа въ поэзіи Ломоносова. Паѳосъ его настроеній. Постепенное освобожденіе отъ псевдоклассицизма. Ломоносовъ, какъ сочинитель духовныхъ одъ („Утреннее и вечернее размышленіе" *, переложеніе псалмовъ). Сумароковъ, какъ сочинитель одъ (оды торжественныя, „Разныя оды" *, „Вздорныя оды" *).

c) Псевдоклассическая *драма* во Франціи XVII в. и въ Западной Европѣ (Корнель и Расинъ, ихъ отношеніе къ античной трагедіи. Мольеръ и его отношеніе къ древней комедіи). Сумароковъ, какъ сочинитель трагедій („Хоревъ" *, „Гамлетъ"), какъ сочинитель комедій („Лихоимецъ" *, „Опекунъ").

d) Псевдоклассическая *теорія словесности*. Тредіаковскій, его труды въ этой области.

Переводный романъ этой эпохи. Лесажа: „Жилблазъ", Фенелона: „Похожденія Телемака", Прево: „Приключенія маркиза Г" *.

Журналистика. „Вѣдомости" при Петрѣ. Первые журналы при Елизаветѣ („Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія"). Жур-

налъ Сумарокова „Трудолюбивая пчела“. Русское общество Елизаветинской эпохи. Императрица Елизавета—предшественница Императрицы Екатерины

VI. Екатерининскій періодъ русской литературы.

Императрица Екатерина, ея личность и значеніе ея въ исторіи русскаго общества и въ исторіи русской литературы. Пробужденіе самодѣятельности въ русскомъ обществѣ (Новиковъ, Радищевъ, кн. Щербатовъ и Болтинъ, какъ выразители русскаго самосознанія). Вольтерьянство и масонство.

A. *Судьбы псевдоклассицизма въ русской литературѣ этой эпохи.*

a) *Лирика.* Херасковъ. Содержаніе и настроенія его лирики. Державинъ, какъ отраженіе русскаго общества этой эпохи, какъ пѣвецъ „Фелицы“. Политическіе мотивы его поэзіи. Философское его міросозерцаніе (оды „Фелица“ *, „Вельможа“ *, „Водопадъ“ *, „Богъ“, „На смерть кн. Мещерскаго“ *). Мелкія лирическія произведенія.

b) *Эпопея* въ Западной Европѣ и у насъ. „Россіада“ * и „Владиміръ“ Хераскова. Шутливая эпопея. „Душенька“ Богдановича.

c) *Драма.* Княжнинъ, какъ сочинитель трагедій и комедій. Императрица Екатерина, ея трагедіи (подражаніе Шекспиру). Крыловъ, его жизнь и творчество (трагедіи и комедіи).

B. *Реалистическое направленіе въ русской литературѣ Екатерининскаго періода.*

a) *Сатирическіе журналы* этой эпохи. Императрица Екатерина („Всякая Всячина“), Новиковъ („Трутень“, „Живописецъ“, „Кошелекъ“). Крыловъ („Почта духовъ“, „Зритель“).

b) *Бытовая комедія.* Императрица Екатерина („Именины г-жи Ворчалкиной“, „О, время“ *). Фонвизинъ, его жизнь и творчество („Бригадиръ“, „Недоросль“).

C. *Сентиментально-реалистическое направленіе.*

Поэзія „свободнаго чувства“ въ англійской и нѣмецкой литературѣ XVIII в. „Слезная драма“. Лирика „прекраснодушія“ въ Германіи. Семейный англійскій романъ (Стернъ, Ричардсонъ, Руссо, Гете.) Фильдингъ, какъ представитель художественнаго реализма.

a) *Лирика.* Карамзинъ, его личность и творчество. Особенности его лирики.

b) *Драма.* Первые опыты слезной драмы у насъ (Херасковъ, Веревкинъ, Карамзинъ).

c) *Повѣсть.* Комаровъ („Несчастный Никаноръ“ *), Чулковъ („Горькая участь“ *), Карамзинъ („Письма русскаго путешественника“ *, „Бѣдная Лиза“ *), „Наталья боярская дочь“ *, „Флоръ Силинъ“ *), А. Измайловъ („Евгеній“ *).

d) *Журналистика.* „Дѣтское Чтеніе“, „Московскій Журналъ“.

D. *Народническое направленіе въ литературѣ этого періода.* (Собираніе пѣсенъ и сказокъ).

a) *Лирика.* Подражаніе народной пѣснѣ (Богдановичъ, И. Дмитріевъ Нелединскій-Мелецкій).

d) *Эпопея.* Подражаніе народной былинѣ. Карамзинъ („Илья Муромецъ“), Львовъ („Добрыня“), Радищевъ („Сказка о Бовѣ“), В. Майковъ („Елисей“).

c) *Романъ*: 1) сложившійся изъ переработки былины. Чулковъ („Русскія Сказки“); 2) народный романъ („Жизнь и похожденія Ваньки Каина“).

d) *Драма.* Комическая опера. Аблесимовъ („Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и сватъ“ *), Княжнинъ („Несчастье отъ кареты“ *).

VII. Елександровскій періодъ русской литературы.

Культурно-историческое содержаніе эпохи. Карамзинъ, какъ публицистъ („Вѣстникъ Европы“, „Записка о древней и новой Россіи“), какъ историкъ („Исторія Государства Россійскаго“). Борьба Карамзинистовъ и Шишковистовъ („Арзамасъ“ и „Бесѣда любителей русскаго слова“, какъ представители двухъ направленій—умирающаго классицизма и развивающагося сентиментально-реалистическаго направленія).

А. *Сентиментально-реалистическое направленіе.*

Жуковскій, какъ представитель „поэзіи личнаго чувства“. Его жизнь и вліяніе ея на творчество. Лирика Жуковскаго, ея мотивы („Мой другъ, хранитель ангелъ мой“ *, „Море“ *, „19 марта 1823 г.“ *, „Элегія на кончину королевы Вюртембергской“ *). Баллады переводныя и оригинальныя („Людмила“, „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“ *, „Теонъ и Эсхинъ“, „Свѣтлана“ *).

Второй періодъ его творчества; интересъ къ объективному творчеству (народный эпосъ разныхъ народовъ: „Ундина“ *, „Наль и Дамаянти“, „Рустемъ и Зорабъ“ *, „Одиссея“).

В. *Классическое направленіе.*

Батюшковъ, какъ представитель неоклассицизма. Его жизнь и творчество. Катенинъ, Мерзляковъ, Гнѣдичъ.

С. *Реалистическое направленіе.*

a. *сатира.* Крыловъ и его басни [1]), И. Дмитріевъ („Чужой толкъ“ *).

b. *романъ.* Нарѣжный („Россійскій Жилблазъ“, „Бурсакъ“ *).

c. *драма.* Шаховской и его комедіи. Грибоѣдовъ, его жизнь и творчество („Горе отъ ума“ *).

D. *Народническое направленіе.*

Интересъ къ народной поэзіи въ началѣ XIX в. „Сборникъ Кирши

---

[1]) Наиболѣе характерныя басни должны быть прочитаны въ классѣ или дома. Выборъ басенъ предоставляется г. преподавателю.

Данилова", появленіе въ печати „Слова о Полку Игоревѣ". Собираніе народныхъ пѣсенъ и сказокъ.

a. *лирика*. Подражаніе народной пѣснѣ (Мерзляковъ, Дельвигъ).

b. *сказки и былины* въ литературной обработкѣ.

Подробный разборъ въ классѣ романовъ Пушкина: „Евгеній Онѣгинъ", Лермонтова: „Герой нашего времени", Гоголя: „Ревизоръ", „Мертвыя души".

Курсъ VII класса.

А. С. Пушкинъ. Его литературная дѣятельность, какъ результатъ всѣхъ намѣченныхъ до него литературныхъ направленій (псевдоклассицизмъ и неоклассицизмъ, сентиментализмъ и реализмъ, народничество).

Біографія поэта, поскольку она объясняетъ его личность и творчество

Пушкинъ до Лицея. Родители его. Няня. Поэтическое и литературное воспитаніе его. Первые опыты [1]).

Пушкинъ въ Лицеѣ. Товарищи и учителя. Стихотворенія, посвященныя Лицею. Литературныя вліянія, имъ испытанныя (Батюшковъ, Жуковскій, Парни, Вольтеръ). Творчество поэта въ эту пору [1]).

Пушкинъ по окончаніи Лицея. Русское общество этой поры. Настроенія поэта. Произведенія, посвященныя этой порѣ [1]). „Русланъ и Людмила" *.

Пушкинъ на югѣ. Поэзія міровой скорби (Шатобріанъ и Байронъ). Настроенія поэта и отраженія ихъ въ его поэзіи. Поэмы „Кавказскій Плѣнникъ" *, „Евгеній Онѣгинъ" *. Стихотворенія, посвященныя жизни въ Крыму и на Кавказѣ [2]).

Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ. Увлеченіе Шекспиромъ и народной поэзіей. „Онѣгинъ" *, „Цыгане" *, „Борисъ Годуновъ" *. Стихотворенія, посвященныя жизни въ селѣ Михайловскомъ [1]). Пушкинъ—поэтъ русской дѣятельности.

Пушкинъ до женитьбы. Переломъ въ его міросозерцаніи. Творчество его въ этотъ періодъ. „Полтава" *, „Галубъ" *, „Путешествіе въ Арзерумъ" *, „Арапъ Петра Великаго" *, „Повѣсти Бѣлкина" *, „Драмы" *.

Послѣдній періодъ его жизни и творчества. Отношенія его къ женѣ. Міровоззрѣніе поэта на жизнь и человѣка. Научныя и журнальныя его работы. Сочиненія въ народномъ духѣ [1]). Патріотическія оды *, сказки *, „Русалка" *, „Дубровскій" *, „Пѣсни западныхъ славянъ" *, „Капитанская Дочка" * „Мѣдный Всадникъ" *. Смерть Пушкина.

Значеніе его литературной дѣятельности, какъ завершившей всѣ направленія предшествовавшей русской литературы и намѣтившей содержаніе и направленія всей послѣдующей. Взглядъ Пушкина на поэзію.

---

[1]) Выборъ стихотвореній представляется г. преподавателю, ученики должны ихъ прочесть.

[1]) Выборъ отрывка представляется г. преподавателю.

[2]) Выборъ стихотвореній предоставляется г. преподавателю. Можно ограничиться и простой характеристикой ихъ дѣятельности изъ учебника.

Гоголь. Его литературная дѣятельность, какъ результатъ обличительно реалистическаго направленія русской литературы XVIII—XIX вв., съ одной стороны—и пушкинскаго художественно-объективнаго реализма—съ другой. Отношеніе Гоголя къ Пушкину.

Жизнь и творчество Гоголя. Жизнь въ семьѣ. Нѣжинская гимназія. ечера на хуторѣ близъ Диканьки“ “, „Миргородъ“ *, „Старосвѣтскіе помѣщики“ *, „Тарасъ Бульба“ *, „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“ *.

Второй періодъ его дѣятельности. Міросозерцаніе Гоголя. „Портретъ“ *, „Шинель“ *, „Записки сумасшедшаго“ *, Комедія „Ревизоръ“ *, „Развязка Ревизора“ *, „Разъѣздъ послѣ представленья“ *.

Послѣдній періодъ. „Мертвыя Души“ *, „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями [1])“, „Авторская исповѣдь“ *. Гоголь и Бѣлинскій, какъ представители двухъ различныхъ міросозерцаній. Отношенія Гоголя къ западникамъ и славянофиламъ.

VIII. Новѣйшая русская литература.

1. *Писатели Пушкинской школы.*

a) *Лирики. a) поэты „міровой скорби“.* Лермонтовъ, его жизнь и творчество. Лирика („Ангелъ“ *, „И скучно и грустно“ *, „Отчего“ *, „Благодар ность“ *, „Плѣнный рыцарь“ *, „Тучи“ *, „Парусъ“ *, „Дума“ *, „Я не хочу, чтобъ свѣтъ узналъ“ *, „Гляжу на будущность съ боязнью“ *, „Не смѣйся надъ моей пророческой тоской“ *, „Дубовый листокъ оторвался“ *, „Молитва“*, „Пророкъ“ *). Поэмы („Измаилъ Бей“ *, „Хаджи Абрекъ“ *, „Бояринъ Орша“ *, „Демонъ“ *, „Мцыри“ *). Драма—„Маскарадъ“ *.

Баратынскій. Тютчевъ [2]).

b) *Поэты „чистаго искусства“.* Майковъ. Лирика („Октава“ *, „Искусство“*, „Сонъ“ *, „Художникъ“ *, „Муза, богиня Олимпа“ *, „Панъ“ *, „Возвышенная мысль“ *). Поэмы („Три смерти“ *, „Клермонтскій соборъ“ *, „Дурочка“ *, „Поля“ *, „Бабушка и внучекъ“ *, „Легенда о Констанцкомъ соборѣ“ *). Драма—„Два міра“ *.

Фетъ. („Смерть“ *, „Я потрясенъ, когда кругомъ...“ *, „Поэтамъ“ *, „Среди звѣздъ“ *, „Какая ночь“ *, „О какъ волнуюся я мыслію больною“*, „Только въ мірѣ и есть“ *, „Сіяла ночь“ *).

Полонскій. Лирика („Мое сердце—родникъ“ *, „По торжищамъ влача“ *, „Двойникъ“ *, „Лѣсъ“ *, „Ночь“ *, „Колокольчикъ“ *). Поэмы („Бэда“ * „Лебедь“ *, „Кузнечикъ Музыкантъ“ *).

c) *Поэты народники:* Лермонтовъ („Пѣснь о купцѣ Калашниковѣ“ *).

Кольцовъ („Послѣдняя борьба“ *. („Пѣсня пахаря“ *, „Урожай“ * „Лѣсъ“ *, „Дума сокола“ *, „Косарь“ *).

Некрасовъ („Несжатая полоса“ *, „Внимая ужасамъ войны“,* „Саша“ *, „Поэтъ и гражданинъ“ *, „Орина, мать солдатская“ *, „Морозъ, красный Носъ“ *. Отрывки изъ поэмы „Кому на Руси жить хорошо“ *, „Русскія Женщины“ *, „Рыцарь на часъ“ *).

А. Толстой („Змѣй Тугаринъ“ *, „Илья Муромецъ“ *, „Садко“ *, „Василій Шибановъ“ *, „Сватовство“ *, „Грѣшница“ *, „Іоаннъ Дамаскинъ“ *).

b) *драматурги.* А. Толстой („Донъ Жуанъ“ и трилогія „Смерть Іоанна Грознаго“, „Ѳедоръ Іоанновичъ“, „Царь Борисъ“).

Островскій („Снѣгурочка", „Дмитрій Самозванецъ", „Василиса Мелентьева").

Мей. („Псковитянка").

c) *романисты.* Лермонтовъ („Герой нашего времени" *).

Тургеневъ. („Записки охотника" *, „Муму" *, „Дворянское Гнѣздо" *, „Рудинъ" *).

2. *Писатели Гоголевскаго направленія.*

a) *драматурги.* Островскій („Гроза" *, „Свои люди—сочтемся" *, „Доходное мѣсто").

b) *романисты.* Гончаровъ („Обломовъ" *).

Достоевскій („Униженные и оскорбленные" *, „Бѣдные люди").

Курсъ VIII класса.

3. *Писатели-моралисты.*

Достоевскій: „Преступленіе и Наказаніе" *.

Л. Толстой: „Дѣтство и Отрочество" *, „Война и Миръ" *.

IV

IV. Теорія поэзіи.

I. *Поэзія, какъ искусство.*

1. Отношеніе поэзіи къ другимъ формамъ художественной дѣятельности человѣка и ея мѣсто среди нихъ.

2. Свойства поэтическаго творенія, опредѣляемыя его матеріаломъ—словомъ: его символичность, типичность, интеллектуальность.

3. Эмоціональный и дидактическій элементъ поэзіи.

4. Основныя эстетическія понятія въ ихъ отношеніяхъ къ поэзіи: а) понятіе о прекрасномъ въ его объективномъ и субъективномъ моментѣ; б) понятія о возвышенномъ, трагическомъ и комическомъ; в) понятіе о юморѣ.

5. Общія свойства поэтическаго стиля: а) внутреннія (тропы и фигуры); б) внѣшнія (ритмичность, мелодичность, созвучность).

II. *Поэзія, какъ творчество.*

1. Психологическіе, расовые, природно-бытовые и соціальные факторы поэтическаго творчества.

2. Поэзія народная и личная.

3. Механизмъ творчества.

4. Авторъ и среда, его воспринимающая, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ: традиція и подражаніе; критика и новизна; литературный вкусъ.

III. *Поэзія, какъ предметъ изученія.*

1. Аристотель, какъ создатель теоріи поэтическаго искусства.

2. Законодатели и систематики: Горацій, Скалигеръ, Корнель, Буало.

3. Лессингъ и Шиллеръ—теоретики.

4. Философское трактованіе и научное изслѣдованіе поэзіи.

IV. *Поэзія съ точки зрѣнія ея историко-генетическаго развитія.*

1. Синкретизмъ на первыхъ ступеняхъ жизни поэзіи: связь поэзіи съ культомъ; поэзія въ соединеніи съ танцемъ, мимикой и игрой.

2. Общее понятіе о поэтическихъ жанрахъ: ихъ первичная смѣшанность, выдѣленіе, развитіе, объединеніе, замираніе и возрожденіе.

3. Генезисъ поэтическихъ явленій.

Первая стадія.

Гимны Ведъ.

Вторая стадія.

а) Эпосъ. Его неповторимость. Эпосъ миѳическій и эпосъ героическій. Главныя черты эпическаго міросозерцанія и стиля у индусовъ, грековъ, германцевъ, славянъ и финновъ. Эпическіе пѣвцы и діаскевасты. Пѣсенные своды. Почва для возникновенія эпопеи. Сказка. Ея происхожденіе и связь съ миѳомъ. Международность сказочныхъ сюжетовъ. Сказки славянъ и германцевъ.

б) Возникновеніе и начальное развитіе лирическаго жанра и стиля. Лирика народная, ея связь съ молитвой и обрядомъ. Хоровая лирика грековъ.

в) Начатки драмы въ античномъ мірѣ.

Третья стадія.

А. *Эпическая поэзія.*

а) Героическія поэмы. Энеида. Пѣсня о Роландѣ. Слово о Полку Игоревѣ.

б) Божественная Комедія.

в) Попытки воскресить и обновить эпосъ.

Потерянный и Возвращенный рай Мильтона.

Классическая поэма у романскихъ народовъ и русскихъ.

Гете—авторъ „Германа и Доротеи“ и „Рейнеке-Лисъ“.

Художественная сказка Пушкина.

г) Басня. Ея происхожденіе и исторія.

Б. *Личная лирика.*

Ея характеръ на греческой почвѣ. Религіозная лирика древнихъ евреевъ. Ранняя христіанская лирика. Лирика средневѣковая и эпохи Возрожденія. Классическая и романтическая лирика и ея главнѣйшія формы. Лирическія формы, существующія и въ современной поэзіи: Lied, сонетъ и лирическій монологъ. Понятіе о символизмѣ въ поэзіи. Стихотворенія въ прозѣ. Лирика, какъ элементъ сложныхъ литературныхъ произведеній.

В. *Поэмы Байрона.*

Ихъ особая литературная форма, и ихъ русскія отраженія. Гейне.

Г. *Драматическая поэзія.*

а) Происхожденіе трагедіи и комедіи, какъ стойкихъ поэтическихъ видовъ. Первоначальное развитіе ихъ у грековъ.

Античный театръ и его религіозно-государственное значеніе.

Трагедія Эсхила, Софокла и Еврипида. Комедія Аристофана. Дальнѣйшая судьба драматической поэзіи на эллинской почвѣ. Менандръ.

Всемірно-историческое значеніе греческой драмы.

б) Театръ у римлянъ. Его національный и подражательный элементъ. Трагедіи Сенеки. Римская комедія Теренція и Плавта и ея дальнѣйшее вліяніе.

в) Средневѣковая сцена.

г) Классическая драма.

Трагедіи Корнеля, Расина и Вольтера. Комедіи Мольера. Русскія отраженія классицизма въ драмѣ.

д) Романтическая драма въ Германіи (Лессингъ, Гете, Шиллеръ) и во Франціи (Викторъ Гюго).

е) Англійская драма и всемірно-историческое значеніе Шекспира.

ж) Испанская драма и ея характеръ.

з) Современная драма характеровъ—историческая и бытовая (примѣры: „Царь Ѳедоръ Іоанновичъ“, „Гроза“). Понятіе о драмѣ настроеній (пьесы Меттерлинка и Чехова).

Д. *Романъ.*

а) Его происхожденіе въ глубокой древности и исторія въ Греціи. Романъ византійскій.

б) Главнѣйшія стадіи развитія западно-европейскаго романа на континентѣ:

идеалистическій романъ: рыцарскій, героическій и пастораль (съ экскурсомъ объ идилліи);

реалистическій романъ: новелла Боккачьо, Рабле и Сервантесъ.

в) Англійскій романъ: Дефоэ, Ричардсонъ, Фильдингъ.

г) Романъ переходной эпохи: Эмиль Руссо, Вертеръ Гете.

д) Романъ XIX вѣка на западѣ: Вальтеръ Скоттъ, Диккенсъ и Теккерей. Бальзакъ и Флоберъ.

> *Примѣчаніе.* Параллельно съ курсомъ теоріи поэзіи читаются и разбираются въ VIII классѣ поименованные выше романы гр. Л. Толстого и Достоевскаго.

Ученый комитетъ, обсудивъ въ засѣданіяхъ 23 марта, 4 и 11-го Апрѣля с. г. докладъ коммиссіи по вопросу о расширеніи курса русской словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, вмѣстѣ съ программами этого курса, составленными коммиссіею для IV—VIII классовъ гимназій, и объяснительными къ нимъ записками, *полагалъ*: предварительно какого-либо рѣшенія по существу вопроса, напечатать весь означенный матеріалъ въ одной изъ ближайшихъ книжекъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* и затѣмъ разослать оттиски профессорамъ и приватъ-доцентамъ университетовъ по каѳедрѣ русской словесности, равно какъ и въ редакціи педагогическихъ журналовъ, съ цѣлью вызвать критическія замѣчанія на предположенія коммиссіи, которыя могли бы, по представленіи ихъ въ ученый комитетъ, быть приняты послѣднимъ во вниманіе при окончательномъ обсужденіи вопроса о расширеніи курса русской словесности въ мужскихъ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

Отъ Балашовскаго Городского Головы.

Балашовскій Городской Голова симъ объявляетъ, что въ Балашовской 8—классной женской гимназіи освободилась должность Начальницы Гимназіи. Лица, желающія занять сказанную должность, приглашаются подавать въ теченіе Октября свои прошенія на имя Балашовскаго Городского Головы Якова Алексѣевича Безбородова для рекомендаціи Попечительному Совѣту. Кандидатки на должность Начальницы Гимназіи должны удовлетворять слѣдующимъ требованіямъ:

Законченное высшее женское образованіе и дѣятельность на педагогическомъ поприщѣ болѣе или менѣе продолжительное время. Желательно также имѣть рекомендаціи отъ извѣстныхъ общественныхъ и педагогическихъ дѣятелей.

Сборникъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая.

Газеты и журналы за послѣднее время приносятъ день ото дня печальныя вѣсти изъ нѣсколькихъ центральныхъ губерній, гдѣ отсутствіе дождей съ начала весны дурно отразилось на посѣвахъ хлѣбовъ, такъ что не было возможности собрать даже средняго урожая. Хлѣба и травы пропали, и многимъ труженикамъ грозятъ тяжелые дни.

Читая корреспонденціи изъ губерній, наиболѣе пострадавшихъ отъ недорода, съ ужасомъ вспоминаешь жизнь нашихъ далекихъ деревень, и сердце сжимается отъ боли при этомъ, и слезы подступаютъ къ горлу. Но одного участія, одного сожалѣнія мало. Въ такой бѣдѣ они не могутъ произвести непосредственнаго дѣйствія, зато могутъ помочь инымъ путемъ. Идея взаимной помощи другъ другу—это та святая истина, которая завѣщана Христовымъ завѣтомъ, которая объединяетъ всѣхъ людей безъ исключенія и даетъ твердое основаніе общей жизни всего народа.

Сотрудники журналовъ „Свѣтлячокъ“, „Путеводный Огонекъ“ и „Дѣло и Потѣха“ согласились придти на посильную помощь въ бѣдѣ, выпустивъ литературно-художественный сборникъ для дѣтей младшаго и средняго возрастовъ, подъ заглавіемъ:

„ПОСИЛЬНАЯ ПОМОЩЬ“.

Для этой цѣли лицами, сочувствующими этому дѣлу, предоставленъ намъ безвозмездно литературный и художественный матеріалъ.

Весь чистый доходъ отъ продажи сборника будетъ переданъ въ управленіе дѣлами Общеземской организаціи помощи населенію мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая, о чемъ подробный отчетъ будетъ напечатанъ въ нашихъ журналахъ и нѣсколькихъ газетахъ.

А. Ѳедоровъ-Давыдовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА „СБОРНИКЪ“:

1 руб., съ пересылкой 1 руб. 25 к.; по выходѣ въ свѣтъ—1 руб. 50 к.

Имена авторовъ, художниковъ, статьи и рисунки будутъ объявлены въ непродолжительномъ времени.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

1) въ редакціи журналовъ, Москва, М. Дмитровка, д. № 6, 2) кн. магаз. Н. Лидертъ, Москва, Петровскія Линіи, и во всѣхъ лучшихъ магазинахъ.

Изъ прошлаго русской средней школы.

„Для историка нашего времени,—писалъ еще въ концѣ 50-хъ годовъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ,—важна не конечная цѣль событія, а исходная его точка, ибо разумность общаго хода исторіи для него заключается не въ стремленіи ея къ заранѣе предназначеннымъ цѣлямъ, а въ самомъ развитіи, въ томъ, что извѣстныя обстоятельства ведутъ неизбѣжно къ извѣстнымъ результатамъ, сходнымъ, впрочемъ, только въ общихъ чертахъ и неизмѣримо расходящимся въ подробностяхъ“.

Невольно припоминаются эти слова, когда просматриваешь страницы изъ исторіи русской школы XIX ст. Чѣмъ пристальнѣе всматриваешься въ характерныя явленія той или другой эпохи, тѣмъ болѣе убѣждаешься, что „извѣстныя обстоятельства ведутъ неизбѣжно къ извѣстнымъ результатамъ“, тѣмъ поучительнѣе становится прошлое для будущаго. Вотъ почему и я рѣшился остановить вниманіе читателей на повтореніи уже извѣстныхъ въ разбросанномъ видѣ страницъ исторіи русской средней школы въ XIX ст. Въ своемъ изложеніи ограничусь нѣсколькими типичными эпизодами изъ николаевскаго времени, изъ эпохи великихъ реформъ и изъ временъ толстовскаго режима.

I.

Императоръ Николай I получилъ воспитаніе, основанное на военной дисциплинѣ и приспособленное къ военнымъ цѣлямъ; по замѣчанію Н. Ѳ. Дубровина, воспитатель Николая I, М. И. Ламсдорфъ, приложилъ всѣ старанія, чтобы переломить его на свой ладъ и идти наперекоръ его наклонностямъ и желаніямъ; впослѣдствіи самъ Николай жаловался на „бѣдное образованіе“, имъ полученное *). Будучи же великимъ княземъ, не наслѣдникомъ престола, Николай I могъ скорѣе видѣть оборотную сторону придворной жизни и правящихъ сферъ, а по этой сторонѣ, полной интригами, злоупотребле

*) „Рус. Ст.“ 1896 г. № 6.

ніями и произволомъ лицъ, окружавшихъ престолъ, онъ легко могъ усвоить, что „законы святы, да исполнители—лихіе супостаты“. И дѣйствительно, въ свое царствованіе Николай I стремился лишь искоренять злоупотребленія лицъ и водворять порядокъ въ присутственныхъ мѣстахъ, для чего любилъ лично контролировать дѣла всей имперіи. Вообще, это былъ человѣкъ съ желѣзной волей, рыцарскимъ прямодушіемъ и чрезвычайно высокимъ понятіемъ о власти, а подъ вліяніемъ этихъ свойствъ, впечатлѣній своей молодости и полученнаго воспитанія онъ переносилъ личное начало и начало власти въ управленіе имперіей.

Программой внутренней политики Николая I было ничего не измѣнять,—поддерживать существующій строй, чинить обнаружившіяся ветхости путемъ практическаго законодательства; всесильныя руки бюрократіи должны были направлять по этому руслу всѣ потоки общественной жизни. „Начальство,—говорилъ Н. А. Любимовъ,—сдѣлалось *все* въ странѣ. Все кесарево; Богови оставалось весьма немного. Все сводилось къ простотѣ отношеній начальника и подчиненнаго. Въ начальствѣ совмѣщались законъ, правда, милость и кара... Начальникъ былъ безотвѣтственъ въ отношеніяхъ своихъ къ подчиненнымъ, но имѣлъ въ тѣхъ же условіяхъ начальство надъ собою“ *). Подъ всесильнымъ руководствомъ „начальства“ и протекала русская жизнь „въ доброе старое время“, осуществляя такимъ образомъ правительственные идеалы Николая I: начало власти и личное начало.

Въ эту эпоху школьнымъ дѣломъ въ имперіи завѣдывалъ умный и просвѣщенный гр. С. С. Уваровъ съ 1833 г. по 1849 г. Въ своей дѣятельности министра народнаго просвѣщенія гр. Уваровъ гармонировалъ съ общимъ направленіемъ эпохи. Въ 1835 г. было ввѣрено высшее управленіе учебными заведеніями на бюрократическихъ началахъ попечителямъ округовъ; этимъ путемъ университеты лишались права надзора надъ средними учебными заведеніями; одновременно были ограничены автономія и академическая свобода университетовъ; далѣе была ослаблена дѣятельность совѣщательныхъ органовъ министра, а равно ослабѣла дѣятельность и педагогическихъ совѣтовъ учебныхъ заведеній; управленіе, основанное „на единствѣ власти и отвѣтственности“, гр. Уваровымъ считалось за лучшее „по простотѣ и достовѣрности“ управленіе. Центръ тяжести управленія и направленія учебныхъ заведеній заключался въ попечителяхъ округовъ и въ директорахъ школъ; персоналъ учебныхъ заведеній совершенно обезличивался, а дѣятельность его сводилась къ формальному выполненію предписаній начальства.

---

*) „Катковъ“. 182 стр.

Хотя и въ другомъ министерствѣ, но очень характерный эпизодъ для николаевскаго времени занесенъ на страницы исторіи Константиновскаго Межевого Института его директоромъ и лѣтописцемъ, А. Л. Апухтинымъ. Съ 1840 г. директоромъ Межевого института былъ Н. П. Смецкій; онъ не обладалъ особеннымъ образованіемъ и способностями, но былъ „человѣкъ служебнаго труда, безукоризненно честный и преданный всецѣло тому дѣлу, за которое взялся; все время жизни, проведенной имъ въ институтѣ, буквально было отдано службѣ; это былъ своего рода аскетъ, отказавшійся отъ всякаго рода развлеченій и замкнувшій себя въ стѣнахъ заведенія, гдѣ онъ находилъ все, потребное для пополненія своей скромной и неприхотливой жизни“. Смецкій былъ очень строгъ и самовластенъ; порядокъ былъ при немъ удивительный, что обратило даже вниманіе императора Николая I, который въ награду за образцовый порядокъ велѣлъ переформировать межевой институтъ въ военно-учебное заведеніе въ 1850 году. Смецкій, по словамъ Апухтина, „проявлявшій излишнюю увѣренность въ непогрѣшительность созданныхъ имъ идеаловъ ученія и воспитанія“, на первыхъ-же порахъ военнаго положенія, сталъ еще энергичнѣе проявлять свою дѣятельность по насажденію порядка, при чемъ уклонился въ сторону подготовки къ дѣйствительной военной службѣ. Въ это время труды Смецкаго встрѣтились съ заботами попечителя института, М. Н. Муравьева, о расширеніи курсовъ математики. Нашла коса на камень. Муравьевъ настойчиво проводилъ свои идеи о расширеніи научныхъ курсовъ, Смецкій неохотно примирялся съ новыми требованіями и неуклонно шелъ по избранному пути водворенія порядка; наконецъ, Муравьевъ отмѣтилъ упущенія въ ходѣ ученія, сдѣлалъ выговоръ инспектору института и смѣнилъ нѣсколько преподавателей; одновременно съ этимъ послѣ экзаменовъ 1854 г. Муравьевъ велѣлъ, чтобы педагогическій совѣтъ, въ измѣненномъ составѣ, не собиравшійся уже Смецкимъ съ 1850 г., „воспріялъ полное свое дѣйствіе“; помощникъ Муравьева былъ оставленъ въ институтѣ для наблюденія; въ апрѣлѣ 1856 г. Смецкій вышелъ въ отставку *).

Въ этомъ эпизодѣ обращаетъ на себя вниманіе и характерная для того времени фигура директора, и его самовластіе, и полная безгласность педагогическаго персонала, и въ то же время его отвѣтственность за упущенія; этотъ эпизодъ яркими красками рисуетъ осуществленіе идеаловъ императора Николая I въ школѣ и, какъ результатъ, безправное положеніе главныхъ ея работниковъ-педагоговъ.

---

*) А. Л. Апухтинъ. „Очеркъ исторіи К. М. И. съ 1779 по 1879 г.“ 57—165 стр.

Нижеслѣдующая галлерея лицъ педагогическаго персонала, расположенныхъ въ порядкѣ подчиненности, лучше всего выяснитъ картину школьной жизни, основанной на началахъ николаевскаго режима.

Одинъ изъ высшихъ представителей учебной власти, именно попечитель сперва (1827—1845 гг.) казанскаго, а затѣмъ (1845—1856 гг.) петербургскаго учебныхъ округовъ, М. Н. Мусинъ Пушкинъ, обрисовывается въ воспоминаніяхъ вольнослушателя петербургскаго университета М. И. Венюкова слѣдующими характерными чертами: „Какъ теперь вижу, говоритъ Венюковъ, эту надутую фигуру, съ большими нахмуренными бровями и длиннымъ костылемъ въ рукахъ, который, для пущей важности, не выпускалъ онъ изъ десницы даже на лекціяхъ. Этотъ неотесанный, а вмѣстѣ и намѣренно-грубый и наглый гаситель просвѣщенія считалъ необходимымъ въ каждый пріѣздъ въ университетъ кого-нибудь обругать, кого-либо упечь подъ арестъ за неформенную одежду, длинные волосы или непочтительный поклонъ. Онъ не стѣснялся дѣлать замѣчанія и профессорамъ, иногда при концѣ лекціи, но еще въ присутствіи студентовъ, иногда даже во время самаго чтенія" *).

Изъ этой характеристики довольно ясно вырисовывается взглядъ попечителя николаевскаго времени на свою миссію: онъ не считаетъ себя руководителемъ учебнаго дѣла, организованнаго уже помимо него высшей центральной властью: онъ—блюститель уже заведеннаго порядка, но съ неограниченной властью надъ своими подчиненными, а потому онъ ограничивается частными замѣчаніями, но выражаетъ ихъ властнымъ языкомъ и сопровождаетъ ихъ властно-грубыми распоряженіями; весьма понятно, на первый планъ выступаютъ внѣшнія прерогативы власти, обезпечивающія не исполненіе закона, а строгое подчиненіе волѣ начальства. Въ этомъ отношеніи дополнительной иллюстраціей можетъ служить вступленіе въ должность начальника военно-учебныхъ заведеній Н. И. Демидова. Назначенный подтянуть кадетскіе корпуса, Демидовъ прежде всего рѣшилъ устрашить исключеніемъ худшихъ по поведенію кадетъ, что и было исполнено безъ всякаго разбирательства и помимо ближайшаго корпуснаго начальства **).

Въ воспоминаніяхъ артиста А. А. Нильскаго мы находимъ нѣсколько уродливый, но тѣмъ не менѣе характерный типъ начальника учебнаго заведенія. Въ тѣ годы, когда Нильскій учился въ театральной школѣ, завѣдующимъ этой школой былъ нѣкто Аубель;

*) „Рус. Ст." 1891 г. № 1.

**) Лѣсковъ „Кадетскій монастырь".

Аубель очень грубо обращался съ воспитанниками, нерѣдко бранился съ ними и очень любилъ производить экзекуціи надъ ними въ своемъ присутствіи; воспитанники его боялись и „при встрѣчѣ раболѣпно цѣловали его руки“ *). Вотъ до чего могло доходить сознаніе своей власти!

Надо замѣтить, что школьныя воспоминанія вообще довольно глухо говорятъ о начальникахъ, которыхъ учащіеся рѣдко видали; но и рѣдкіе случаи встрѣчъ съ начальниками обыкновенно сопровождались распеканіемъ кого-нибудь изъ провинившихся. Внѣшнія проявленія грознаго начальственнаго ореола всюду почитались обычнымъ явленіемъ и существеннымъ элементомъ школьнаго воспитанія. Для достиженія лучшихъ результатовъ въ этомъ направленіи въ школахъ николаевскаго времени, по выраженію П. Н. Оболенскаго, „свирѣпствовалъ фронтовой фанатизмъ и шагистика“, а равно нѣкоторыя изъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній (горный, лѣсной, межевой институты) переформировались въ военно-учебныя заведенія. Строевой режимъ долженъ былъ сильнѣе оттѣнять отношенія всевластнаго начальства къ раболѣпствующимъ подчиненнымъ и наоборотъ.

Н. В. Шелгуновъ очень ярко въ своихъ воспоминаніяхъ отмѣтилъ преобладающую черту школьнаго обихода „въ доброе старое время“, обрисовавъ характерный типъ педагога-строевика. Лѣсной институтъ, гдѣ воспитывался Шелгуновъ, былъ при немъ переформированъ въ военно-учебное заведеніе; главнымъ дѣятелемъ при новыхъ условіяхъ явился капитанъ Каменскій. „Прежде,—вспоминаетъ Шелгуновъ,—казоваго конца у насъ не было: какими мы были, такими мы и были. Теперь же, когда кончались классы, мы должны были приводить себя въ порядокъ. Порядокъ считался существенною частью поведенія и въ воспитательной программѣ кап. Каменскаго занималъ видное мѣсто... Каменскій зналъ твердо одно, что порядокъ держится властью, и для того, чтобы повелѣвать, слѣдуетъ умѣть повиноваться. И Каменскій безусловно повиновался всему, что было выше его, и съ буквальной точностью исполнялъ, что было разъ установлено. Шляпа у него была форменная, громадная и уродливая, сюртукъ форменный, ниже колѣнъ, полусабля форменная, большая и тяжелая, перчатки форменныя—изъ толстой замши, шитыя сапожнымъ швомъ. Однимъ словомъ, это былъ человѣкъ форменный, исполнительный, перпендикулярный. Но повинуясь безусловно тому, что стояло выше, Каменскій пріучалъ и насъ къ безусловному повиновенію и исполнительности“ **).

*) „Ист. В.“ 1894 г. № 1.

**) „Переходные характеры“.

Такимъ образомъ, если начало власти у начальствующихъ перваго ранга выражалось главнымъ образомъ властнымъ распеканіемъ, то у начальства слѣдующей ступени оно сливалось съ требованіями внѣшняго порядка и внѣшней дисциплины. Конечно, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаяхъ о нравственной связи воспитывающихъ и воспитанниковъ не могло быть и рѣчи; точно также не было здѣсь мѣста беззавѣтной преданности живому дѣлу воспитанія. Наоборотъ, страницы школьныхъ воспоминаній николаевскаго времени испещрены сѣтованіями на злое чувство къ своимъ воспитателямъ, а нерѣдко здѣсь мы встрѣчаемся и съ злоупотребленіями властью. Для примѣра я приведу двѣ выдержки изъ воспоминаній о 1-мъ петербургскомъ и 2-мъ московскомъ кадетскихъ корпусахъ.

Въ 1-мъ петербургскомъ корпусѣ въ 40-хъ годахъ считался примѣрнымъ ротнымъ командиромъ Михаэль; неранжированная рота, которою командовалъ Михаэль, была образцовой по маршировкѣ и даже своей выправкой не уступала Преображенскому полку; но вся эта выправка была результатомъ крайне самовластнаго хозяйничанія Михаэля у себя въ ротѣ: онъ жестоко наказывалъ кадетъ, присваивалъ себѣ ихъ деньги, заставлялъ кадетъ говорить начальству только то, что онъ разрѣшалъ и т. п.; кадеты его боялись и ненавидѣли. Ротнымъ командиромъ другой роты былъ Аргамаковъ, грубый, злой, мстительный и жестокій бурбонъ, наслаждавшійся, когда кровь брызжетъ изъ-подъ розогъ *).

Ротный командиръ М. Я. Зейнъ во 2-мъ Московскомъ корпусѣ кажется, превзошелъ своими дѣяніями Михаэля; по крайней мѣрѣ, о немъ съ большой ненавистью вспоминаютъ кадеты. Зейнъ „въ совершенствѣ умѣлъ обучать кадетъ фронту и другимъ физическимъ искусствамъ, съ замѣчательнымъ мастерствомъ дисциплинировалъ кадетъ“; вся эта показная сторона его трудовъ стоила кадетамъ тяжкихъ наказаній, однимъ изъ которыхъ было „шельмованіе“— битье провинившагося самими товарищами: кадетъ отъ его жестокостей избавляла только „благодарность“ родителей. Зейнъ ко всему этому всегда старался передъ директоромъ корпуса показывать отеческую заботливость о дѣтяхъ, но это продолжалось лишь на глазахъ директора **).

Эти три ротные командира своей жестокостью и своимъ пронырливымъ поведеніемъ заслуживали репутацію образцовыхъ воспитателей въ глазахъ начальства и возбуждали чувство ненависти у своихъ воспитанниковъ-кадетъ. Такую двойственность легко объ-

---

*) „Кадеты 40-хъ гг.“ Н. А. Крыловъ. „Ист. В.“ 1901 г., № 9.

**) Поливановъ. „50-лѣтіе 2-го Московъ. кад. корп.“.

яснить отсутствіемъ искренней любви къ дѣлу у дѣятелей школы, приставленныхъ къ ней въ качествѣ лишь бездушныхъ исполнителей начальственныхъ распоряженій, а также невозможностью нравственной связи между педагогами и ихъ учениками, связанными только узами соподчиненности. Начало власти внесло въ школьную жизнь, какъ мы видѣли, ревнивое оберегаеніе высшими своей власти и усердную культивировку низшими строгой подчиненности: начальство распекало, ближайшія къ ученикамъ лица должны были раболѣпно выслушивать начальство и властно водворять порядокъ среди воспитанниковъ; доминирующимъ идеаломъ воспитанія и обученія естественно явилось послушаніе и безропотное исполненіе велѣній начальства. Школьная жизнь уподобилась заведенному механизму; требовалось отъ начальства смазывать колеса машины; эти колеса, по разъ заведенному порядку, послушно вращались и властно цѣплялись за слѣдующія колесики, которыя безотвѣтно должны были нести обязанности послѣдней спицы въ бюрократической тяжелой колесницѣ. Гдѣ-же тутъ было мѣсто для сознательнаго исполненія долга, когда на первомъ планѣ были самовластныя велѣнія начальства? Гдѣ тутъ было мѣсто для искренней преданности дѣлу, когда властная центральная рука уже заранѣе опредѣлила тѣсныя рамки для учебной машины, нарушавшіяся лишь превышеніемъ власти ближайшаго начальства? Гдѣ тутъ было мѣсто для сердечныхъ отношеній учащихъ и учащихся, когда ихъ отношенія были строго опредѣленными отношеніями начальства и подчиненныхъ, когда учащіеся третировались только, какъ матеріалъ для школьнаго порядка?

В. П. Острогорскій вспоминаетъ о 3-й петербургской гимназіи, „типически отражавшей въ себѣ все тогдашнее русское среднее образованіе“. „Директора, говоритъ онъ, мы видѣли только обходящимъ гимназію и распекающимъ провинившихся; несмотря на его абсолютную честность, насъ обрѣзывали въ пищѣ и одеждѣ совершенно такъ же, какъ большею частью это дѣлалось и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ; одинъ изъ инспекторовъ дралъ несчастныхъ дѣтей безпощаднѣйшимъ образомъ; другой, грубоватый и солдатообразный, отличался только строгостью и исполнительностью, не блеща образованіемъ и не оставивъ во мнѣ, по крайней мѣрѣ, никакого воспоминанія, какъ о человѣкѣ, сколько-нибудь сердечномъ. Воспитатели?—но лучше не говорить объ этихъ несчастныхъ неудачникахъ, загнанныхъ нуждой на каторжную, оплачиваемую жалкими грошами, подневольную воспитательскую службу. Можетъ быть, многіе изъ нихъ и хорошіе были люди,—тамъ, у себя дома; но, Господи, какими убогими, невѣжественными оригиналами, надъ которыми мы жестоко, безсердечно потѣшались, и которыхъ уже ни-

сколько не уважали, какими озлобленными мучителями были они, за рѣдкими исключеніями, которыя, впрочемъ, продерживались въ гимназіи очень короткое время... Что мы читали, продолжаетъ В. П. Острогорскій, и читали ли что-нибудь, на что, куда направлялось наше нравственное и умственное развитіе—никому до этого не было никакого дѣла“ *). „Обученіе наукамъ,—говоритъ лѣтописецъ одного изъ среднихъ учебныхъ заведеній,—въ то время у большинства преподавателей шло по избитой колеѣ сухого формализма, ограничивавшаго свою задачу задаваніемъ „отъ сихъ—до сихъ“ и наводившаго тоску выспрашиваніемъ у всѣхъ поочередно одного и того же **)“.

„И вотъ,—какъ бы въ дополненіе картины, нарисованной въ предыдущихъ воспоминаніяхъ, говоритъ Н. В. Шелгуновъ,—мы росли, какъ ростутъ жеребята,—„естественно“. Оффиціально насъ не воспитывали, а дрессировали, оффиціальная наука была тоже дрессировкой... Мы жили исключительно инстинктами (хорошими или худыми, какіе у кого были)“ ***).

Вотъ въ общихъ чертахъ картина школьной жизни въ 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ гг.; здѣсь налицо и распекающее начальство, и жестокія проявленія власти инспекторомъ и воспитателями, и сухой формализмъ педагоговъ, и полное отсутствіе искреннихъ заботъ о питомцахъ, и черствое чувство питомцевъ къ педагогамъ, и безучастное отбываніе ими безжизненной школьной повинности. Эта атмосфера, какъ мы видѣли, породила, а также и сама поддерживалась такими педагогами-строевиками, каковы Каменскій, Михаэль, Зейнъ. Другой распространенной разновидностью педагоговъ николаевскаго времени были педагоги-бурсаки. В. Г. Авсѣенко вспоминаетъ объ инспекторѣ 1-й петербургской гимназіи, Бардовскомъ, который „раздѣлялъ всѣ увлеченія тогдашняго обскурантизма, хлопоталъ о водвореніи порядка и страха и объ искорененіи свободомыслія“; „онъ, говоритъ Авсѣенко, былъ вовсе не злой и не дурной, а только очень обыкновенный человѣкъ, всегда подчинявшійся малѣйшему давленію сверху и не выработавшій въ свою долговременную практику никакого собственнаго взгляда“ ****). Докторъ А. И. Ильинскій вспоминаетъ объ учителѣ латинскаго языка во 2-й казанской гимназіи, Тимофеевѣ, который за непринесеніе тряпки для вытиранія пера гонялъ ученика по классу, колотя кулаками по спинѣ до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь изъ товарищей не дастъ тряпки; онъ же вспоминаетъ законоучителя Ласточкина, который за

---

*) „Изъ исторіи моего учительства“, 35—36 отд., 17 стр.

**) Поливановъ. „Пятидесятилѣтіе 2-го Моск. кад. корп.“

***) „Изъ прошлаго и настоящаго“.

****) „Ист. В.“ 1881 г. № 4.

шалости и незнаніе урока кусалъ учениковъ за ухо *). Д. И. Ростиславовъ вспоминаетъ объ экономѣ рязанской семинаріи, магистрѣ Кротковѣ, который „отличался привязчивостью, драчливостью, вѣчнымъ ворчаніемъ на учениковъ, прислуживаніемъ ректору, умѣніемъ обращать казенную копейку въ свою пользу, казнокрадствомъ, доходившимъ нерѣдко до цинизма“ **).

Педагоги-строевики и педагоги-бурсаки, составляли неразрывное цѣлое съ школьнымъ культивированіемъ власти,—это были своеобразные представители раболѣпствующаго „начальства“ николаевскаго времени въ школьномъ обиходѣ; они служили наиболѣе полнымъ и вѣрнымъ олицетвореніемъ николаевскаго режима въ школѣ. По нимъ мы можемъ судить о результатахъ, къ какимъ приводитъ прямолинейная культивировка въ школѣ начала власти,—въ дѣятельности Каменскаго и ему подобныхъ начало власти выдвинуло на первый планъ черствыя заботы о внѣшней дрессировкѣ взамѣнъ нравственнаго воспитанія дѣтей; въ дѣятельности Бардовскаго и ему подобныхъ начало власти выдвинуло на первый планъ сухой обскурантизмъ обезличеннаго учителя взамѣнъ пробужденія мысли у учениковъ.

Мы были-бы односторонними, если бы не упомянули „о нашихъ предшественникахъ, добромъ поминаемыхъ“. А. Н. Острогорскій, посвятившій обстоятельную статью этому вопросу ***), говоритъ въ ней слѣдующее:

„Перелистывая воспоминанія о школьныхъ годахъ, мы почти въ каждомъ изъ нихъ встрѣчаемъ упоминаніе о наставникахъ, оставившихъ по себѣ хорошую память въ своихъ питомцахъ. Одни посвящали всѣ свои заботы тому, чтобъ облегчить имъ ученье. Они старались сдѣлать свой предметъ понятнымъ, охотно отдавали свой досугъ и приходили вечеромъ, чтобъ растолковать непонятное, давали свои книжки, возбуждали интересъ къ знанію и т. д. Вы встрѣтите здѣсь доброе слово о людяхъ „убѣжденныхъ“, о преподавателяхъ, „оживлявшихъ свой предметъ“, „заставлявшихъ думать“, „вселявшихъ любовь къ научнымъ занятіямъ“ и т. д. Другіе оставили по себѣ память, какъ люди добрые, снисходительные къ грѣхамъ юности, рѣдко или вовсе не наказывавшіе, когда остальные проявляли значительную строгость.

„Иногда доброе воспоминаніе вызывается какимъ нибудь единичнымъ случаемъ, когда на воспитанника, привыкшаго видѣть вокругъ себя казарму, безучастное, формальное отношеніе, вдругъ пахнуло

---

*) „Рус. Ст.“ 1894 г. № 1.

**) „Рус. Ст.“ 1893 г.

***) „Педагогическія экскурсіи въ область литературы“.

лаской, участіемъ, заботой о чемъ-нибудь, выходящемъ изъ казенной рамки, когда, словомъ, изъ-за мундира выглянулъ человѣкъ. Все это—и участіе, и помощь въ учебномъ дѣлѣ, уваженіе къ личности питомца,—все это вспоминается добромъ и съ любовью заносится на страницы воспоминаній".

Эти исключенія еще сильнѣе подчеркиваютъ общій фонъ картины,—для добраго воспоминанія требуется немного: болѣе или менѣе крупная нравственная и умственная личность педагога, да его сердечное отношеніе къ учащимся, а между тѣмъ осуществленіе этихъ двухъ условій крайне рѣдко встрѣчается въ школѣ николаевскаго времени; даже „единичные случаи участія" производятъ сильное впечатлѣніе,—„чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ звѣзды ярче". Николаевскій режимъ и его начало власти слишкомъ затягивали педагога въ его мундиръ, задергивали его начальническими окриками, механизировали его дѣятельность узкими рамками точной исполнительности распоряженій свыше. Одни педагоги, какъ Лука Лукичъ Хлоповъ, говорили: „не приведи Богъ служить по ученой части: всего боишься!" Они свою личность прятали, робко вторили голосу начальства и равнодушно производили точно указанныя имъ операціи надъ учениками. Другіе, увлекаясь военными идеалами при воспитаніи юношества, всецѣло сами подчинялись требованіямъ воинской дисциплины и усердно подчиняли ей своихъ питомцевъ. Только немногіе изъ педагоговъ сумѣли сохранить свою личность отъ общей нивелировки, и то въ большинствѣ случаевъ въ силу бездѣйствія центральной или мѣстной власти, т. е. въ силу снисходительности начальства или недостаточнаго пониманія имъ дѣла. Эти-то немногіе и поминаются добромъ.

2.

„Сдаю тебѣ мою команду, но, къ сожалѣнію, не въ такомъ порядкѣ, какъ желалъ, оставляя тебѣ много трудовъ и заботъ",—съ такими словами Николай I передавалъ правленіе своему наслѣднику.

Подъ громъ севастопольскихъ орудій и подъ звуки доходившаго до трона недовольства императоръ Александръ II предпринялъ преобразованіе строя Россійской имперіи. Въ первые же годы новаго царствованія началось постепенное раскрѣпощеніе Россіи,—допущеніе студентовъ въ неограниченномъ числѣ въ университеты, исключеніе солдатскихъ дѣтей изъ военнаго вѣдомства и уничтоженіе военныхъ поселеній были первыми актами освободительнаго движенія.

„Вспыхнувшій свѣточъ вдругъ вышелъ изъ тьмы,
Народная рѣчь прозвучала—
И, всѣ встрепенувшись, воспрянули мы,
Почуявъ благое начало.
Въ насъ сердце забилось, духъ жизни воскресъ“.

Русское общество встрепенулось и пошло навстрѣчу правительственнымъ мѣропріятіямъ; результатомъ объединенія работъ правящей Россіи и общественныхъ силъ, явились великія реформы Александра II: освобожденіе крестьянъ, отмѣна откупной системы, отмѣна тѣлесныхъ наказаній, насажденіе земскаго самоуправленія, преобразованіе судебныхъ учрежденій на началахъ гласности и независимости, дарованіе автономіи университетамъ, реформа средней школы на началахъ децентрализаціи, освобожденіе печати до нѣкоторой степени отъ цензуры; и всѣ эти реформы были осуществлены въ какія-нибудь пять лѣтъ! „Болѣе великаго момента, говоритъ Н. В. Шелгуновъ, какъ этотъ переходъ отъ идей крѣпостного права и служилаго государства къ идеѣ новаго государства, въ нашей исторіи не было, мы, современники; этого перелома, стремились къ личной и общественной свободѣ и работали только для нея“ *).

Эпоха обновленія русской жизни и въ среднюю школу внесла живую струю. Министромъ народнаго просвѣщенія въ эту эпоху, оставившимъ наиболѣе глубокій слѣдъ, былъ А. В. Головнинъ (1861—1866 гг.). Въ его министерство была допущена широкая гласность для обсужденія нуждъ и преобразованія средней школы. Самъ А. В. Головнинъ обратилъ вниманіе на отсутствіе интереса къ знанію, на умственный застой и апатію учащихъ и учащихся. Въ 1864 г. былъ изданъ уставъ для гимназій и прогимназій, гдѣ предоставляется „возможность учебнымъ заведеніямъ самодѣятельно совершенствоваться въ учебномъ и воспитательномъ отношеніяхъ“. Управленіе каждой гимназіи уставомъ 1864 г. поручается директору, инспектору и педагогическому совѣту, причемъ компетенція послѣдняго увеличивается; уставъ 1864 г. избѣгаетъ подробной регламентаціи и не стремится къ единообразію порядковъ во всѣхъ гимназіяхъ,—„необходимость примѣненія общихъ порядковъ къ мѣстнымъ условіямъ была однимъ изъ его главныхъ принциповъ“, учебные планы были составлены лишь въ общихъ чертахъ, разработка же программъ по каждому предмету была представлена педагогическимъ совѣтамъ; такимъ образомъ, „иниціативѣ и самостоятельности мѣстныхъ учебныхъ начальствъ и педагогическаго персонала предоставлялось широкое поприще“ **).

*) „Изъ прошлаго и настоящаго“.

**) Рождественскій. „Историч. обзоръ дѣятельности М. Н. Пр“. 536 стр.

Немудрено, что въ эти годы, какъ говоритъ В. П. Острогорскій, „зажилъ“, наконецъ, умственною жизнью и бѣдный русскій учитель. И нельзя было не зажить! Литература настойчиво и подробно выясняла его высокое значеніе для государства, для общества, для народа, для человѣчества. Несчастный Лука Лукичъ Хлоповъ увидѣлъ, что вѣдь и онъ птица, да еще какая важная! Онъ уже не боится служить „по ученой части“, потому что и самыя отношенія къ нему начальства измѣнились: ему оказывается довѣріе, его мнѣнія спрашиваютъ, требуютъ; онъ не только—учебная машина, слѣпой выполнитель предначертаній, программъ,—онъ мыслящій, любящій дѣтей воспитатель, просвѣтитель невѣжества, онъ призывается къ критикѣ этихъ программъ, онъ, наконецъ, даже самъ ихъ вырабатываетъ съ своими товарищами по великому новому дѣлу просвѣщенія родины. При такихъ условіяхъ, при такомъ отношеніи къ учителю со стороны начальства, ставшаго изъ начальства руководителемъ, старшимъ, болѣе опытнымъ товарищемъ—можно было стремиться сдѣлаться учителемъ, и немудрено, что въ эти годы въ учителя пошло столько хорошей, даровитѣйшей молодежи“ *).

Эта страница изъ воспоминаній извѣстнаго педагога краснорѣчиво разсказываетъ о томъ моральномъ вліяніи на педагоговъ эпохи великихъ реформъ, которое и въ ихъ среду внесло раскрѣпощеніе,—которое сняло съ нихъ тѣсный мундиръ чиновника и предоставило широкій просторъ ихъ самодѣятельности. Высокое призваніе наставника и учителя юношества необходимо требуетъ извѣстнаго подъема духа, нравственной высоты личности, возможно широкаго и глубокаго умственнаго кругозора; въ дѣлѣ воспитанія большое значеніе имѣетъ личный авторитетъ воспитателя, а въ дѣлѣ обученія не меньшее значеніе имѣетъ творчество учителя; итакъ, для цѣлесообразнаго и энергичнаго выполненія трудныхъ задачъ воспитанія и обученія личность педагога должна обладать извѣстнымъ полетомъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, должна жить духовными интересами, должна стоять выше „шкурныхъ вопросовъ“ обыденной жизни. Вотъ почему крупная и сильная личность педагога въ умственномъ или нравственномъ отношеніяхъ всегда глубоко врѣзывалась въ память питомцевъ школы и оказывала сильное воздѣйствіе на духовный міръ учащихся; вотъ почему и средній педагогъ всегда интенсивнѣе и вѣрнѣе выполнялъ задачи нравственнаго воздѣйствія на своихъ питомцевъ, если онъ чувствовалъ на себѣ животворящую струю довѣрія къ его силамъ, если онъ испытывалъ на себѣ теплое дыханіе моральнаго вліянія окружающей среды, если онъ одушевлялся

*) „Изъ исторіи моего учительства“. 280 стр.

вмѣстѣ съ этой средой одними и тѣми же сознательно и свободно выработанными идеалами и желаніями.

Въ самомъ началѣ эпохи русскаго возрожденія, еще до устава 1864 г. и дѣятельности А. В. Головнина, все вышесказанное нашло горячаго проповѣдника и исполнителя въ лицѣ знаменитаго Н. И. Пирогова, бывшаго съ 1856 г. по 1861 годъ попечителемъ сперва Одесскаго, а затѣмъ Кіевскаго учебныхъ округовъ. „Въ моихъ глазахъ, говорилъ Н. И. Пироговъ, попечитель есть не столько начальникъ, сколько миссіонеръ; онъ долженъ не приказывать, а убѣждать... Ученье и распространеніе научныхъ истинъ я считалъ за священнодѣйствіе и глубоко уважалъ истинныхъ наставниковъ; но и въ слабыхъ я чтилъ человѣческое достоинство и личность". „Въ педагогикѣ,—говоритъ въ другомъ мѣстѣ Пироговъ,—возведенной на степень искусства, какъ и во всякомъ другомъ искусствѣ, нельзя мѣрить дѣйствія всѣхъ дѣятелей по одной мѣркѣ, нельзя закабалить ихъ въ одну форму; но, съ другой стороны, нельзя и допустить, чтобы эти дѣйствія были совершенно произвольны, неправильны и діаметрально-противоположны". Педагогическія совѣщанія, по мнѣнію Пирогова, должны именно придти на помощь въ этомъ случаѣ; для лучшей организаціи педагогической среды должны функціонировать педагогическіе совѣты, которые „путемъ убѣжденія и добросовѣстнаго труда разовьютъ здравое мнѣніе объ обязанностяхъ въ этой самой средѣ"; но, замѣчаетъ Пироговъ, „совѣщанія не могутъ быть истинно научными, если они не будутъ чисто коллегіальными и если всѣ голоса совѣщателей не будутъ равны". Въ этихъ взглядахъ Пирогова на организацію школы и педагогической среды заключается полная противоположность идеаламъ николаевскаго режима: здѣсь вмѣсто начальническаго приказанія—совѣтъ старшаго товарища, вмѣсто требованія безпрекословнаго повиновенія—признаніе личности и человѣческаго достоинства, вмѣсто сухого выполненія программъ и правилъ—коллегіальное обсужденіе вопросовъ школьной жизни. Воспитатель и учитель Пироговымъ изъ чиновника преобразуется въ самостоятельнаго работника—члена коллегіальнаго управленія школой. При прощаніи Пирогова съ Кіевскимъ округомъ, одинъ изъ учителей гимназіи сказалъ ему: „Вы старались провести въ дѣло ту благую мысль, что произволъ особенно вреденъ въ дѣлѣ воспитанія, и плодомъ этого стремленія было осуществленіе въ гимназіяхъ коллегіальнаго управленія, бывшаго до того времени только на бумагѣ въ уставѣ 1828 г. Устройство это успѣло въ настоящее время правильно организоваться и принести благодѣтельные плоды; оно избавило и удержало въ извѣстной мѣрѣ учащихъ и учащихся отъ произвола и начало вызывать живую нравственную связь между

тѣми и другими; оно пробудило сознательную дѣятельность преподавателей и подняло ихъ значеніе въ обществѣ, въ собственномъ сознаніи и въ глазахъ учащихся“ *). Подъ благотворнымъ вліяніемъ педагогическихъ взглядовъ и дѣйствій Пирогова и средній педагогъ ожилъ: его дѣятельность, одушевленная довѣріемъ и коллегіальнымъ началомъ, сдѣлалась живой, сознательной работой не безъ нравственнаго воздѣйствія на питомцевъ.

Другимъ наиболѣе яркимъ образчикомъ приложенія освободительныхъ идеаловъ къ школьной жизни въ началѣ 60-хъ годовъ была дѣятельность И. Ф. Гаярина и его сотрудниковъ въ Тульской гимназіи. Попечитель московскаго учебнаго округа, Н. В. Исаковъ, назначилъ Гаярина директоромъ Тульской гимназіи, предоставивъ ему возможную свободу дѣйствій. Гаяринъ собралъ группу свѣжихъ молодыхъ людей и вмѣстѣ съ ними сталъ трудиться надъ преобразованіемъ гимназіи; выработанныя такимъ образомъ мѣропріятія служили темой для обсужденія въ педагогическомъ совѣтѣ; педагогическій совѣтъ часто собирался и кипѣлъ искренней жизнью. Въ гимназіи отступили отъ оффиціальныхъ программъ и порядковъ; установился неформальный семейный режимъ, а между учащими и учащимися завязались близкія и простыя отношенія. Новые порядки и благотворное вліяніе ихъ на дѣтей обратили вниманіе многихъ оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ лицъ и создали гимназіи большую популярность среди мѣстнаго общества; многіе пріѣзжали знакомиться съ постановкой дѣла въ Тульской гимназіи; Н. В. Исаковъ, послѣ подробнаго ознакомленія съ порядками, сказалъ, что „такіе порядки создаются только сердечнымъ отношеніемъ къ дѣлу, и никакими предписаніями тутъ не поможешь“ **). Недолго царили новые порядки въ тульской гимназіи,—преемникъ Исакова не могъ равнодушно перенести отступленія отъ общаго гимназическаго строя, а потому весь педагогическій персоналъ тульской гимназіи былъ почетно, съ повышеніями, переведенъ и распредѣленъ по другимъ гимназіямъ.

Дѣятельность Гаярина и его сотрудниковъ въ тульской гимназіи служитъ характернымъ примѣромъ свободнаго и самостоятельнаго устройства школьной жизни мѣстнымъ педагогическимъ совѣтомъ; облеченная довѣріемъ, до извѣстной степени самостоятельная корпорація педагоговъ съ сердечнымъ отношеніемъ къ дѣлу энергично и дружно реформируетъ учебное заведеніе, достигаетъ серьезныхъ результатовъ въ воспитаніи юношества, чѣмъ и завоевываетъ широкую почетную извѣстность и въ мѣстномъ обществѣ, и далеко за

---

*) 2-й т. „Сочиненій“. 346, 272, 274, 540 стр.

**) Е. Л. Марковъ. „Грѣхи и нужды нашей средней школы“. 31 стр.

предѣлами его. Въ эпоху великихъ реформъ при такихъ же условіяхъ самостоятельно развивалось Василеостровское безплатное училище, руководимое Ѳ. Ѳ. Резенеромъ и сплоченнымъ около него кружкомъ молодыхъ людей. „Въ нашей школѣ,—вспоминаетъ В. П. Острогорскій *) о Василеостровскомъ училищѣ,—изъ 40 мальчиковъ, набранныхъ изъ самыхъ бѣдныхъ, часто очень дурныхъ, семей, за все 6-лѣтнее существованіе школы, несмотря на полное отсутствіе наказаній и даже принудительности къ ученію, почти совсѣмъ не совершалось никакихъ школьныхъ проступковъ, а лѣнивые и малоуспѣвавшіе считались единицами". И такихъ результатовъ достигало училище потому, что кружокъ педагоговъ этого училища самостоятельно руководилъ дѣломъ при солидарной работѣ и взаимномъ контролѣ. Ничѣмъ не стѣсняемая иниціатива и обсужденіе дѣла сообща обезпечивали энергію, единство дѣйствія и искреннюю любовь къ дѣлу у педагоговъ данной школы, какъ и у сотрудниковъ Пирогова и Гаярина.

„Движеніе, жизнь, прогрессъ,—говоритъ С. М. Соловьевъ въ „Историческихъ письмахъ",—условливаются соединеніемъ". Но чтобы извѣстный общественный союзъ функціонировалъ энергично и цѣлесообразно, необходимо выполненіе двухъ условій: сохраненіе за личностью индивидуальности и единство дѣйствій составляющихъ союзъ лицъ. Работоспособность каждаго отдѣльнаго работника, безъ сомнѣнія, прямо пропорціональна тому количеству силъ, которое онъ пускаетъ въ оборотъ въ данномъ дѣлѣ. Если иниціатива работника свободна, если онъ заинтересованъ въ результатахъ работы, если обезпечена достаточно его самодѣятельность, то работникъ стремится пустить въ оборотъ всѣ свои наличныя силы; если къ тому-же онъ участвуетъ въ работѣ, какъ членъ рабочаго союза, его энергія увеличивается соревнованіемъ и возможностью совѣта, помощи и примѣра въ случаяхъ затрудненія. Если мы перейдемъ теперь къ труду цѣлаго рабочаго союза, мы необходимо должны обезпечить здѣсь единство дѣйствій, такъ какъ только оно увеличиваетъ интенсивность общей работы согласованіемъ ея частей и цѣлесообразнымъ урегулированіемъ каждаго отдѣльнаго акта ея. Наконецъ, взаимопомощь и взаимный контроль среди работниковъ возможны только при единствѣ дѣйствія ихъ союза.

Въ педагогической средѣ все вышесказанное представляетъ первостепенную важность. Какъ мы видѣли, высокое званіе наставника юношества требуетъ извѣстнаго умственнаго и нравственнаго полета отъ педагога. Очень удачно объ этомъ выразился В. Я. Стоюнинъ,

---

*) „Изъ исторіи моего учительства", 155 стр.

говоря: „Развивать правильныя понятія научными знаніями, какъ основу вѣрныхъ сужденій, и въ связи съ ними вызывать любовь къ истинѣ и стремленіе къ ней, пробуждать прекрасныя чувства, любовь и стремленіе ко всему прекрасному, доводить до вѣры въ нравственные идеалы, связанные съ высшими интересами жизни,—вотъ идеальныя черты истиннаго педагога". Такой полетъ, не терпящій узкихъ рамокъ формальныхъ требованій, обусловливается прежде всего сохраненіемъ индивидуальности работника-педагога, а затѣмъ энергично развивается отъ соприкосновенія умовъ, отъ сліянія чувствъ, отъ дружнаго соревнованія въ работѣ. Если же мы спустимся съ идеальной высоты, на которой долженъ парить умственный и нравственный обликъ педагога, въ реальную среду школьнаго обихода,—мы съ бо́льшей основательностью можемъ утверждать о необходимости единства дѣйствій педагоговъ съ сохраненіемъ за ними иниціативы и самостоятельности. Педагогическая теорія, подтверждаемая рядомъ экспериментальныхъ изслѣдованій учащихся, настойчиво требуетъ отъ школы, чтобы она возможно шире считалась съ индивидуальностями учениковъ и въ распредѣленіи занятій по возрасту, и въ распредѣленіи школьнаго дня, и въ опредѣленіи работоспособности учащихся, и въ характеристикѣ ихъ поведенія, и въ возбужденіи ихъ интереса къ знанію; возможно ли все это при полной нивеллировкѣ школы циркулярами, программами и детальными правилами? Возможно ли все это при отношеніи педагоговъ данной школы, идущихъ вразбродъ, механически только связанныхъ общею соподчиненностью однимъ и тѣмъ же формальнымъ требованіямъ сверху? Здѣсь нужна дружная мѣстная выработка плана общей дѣятельности; здѣсь нужна готовность во всякое время измѣнить режимъ въ примѣненіи къ отдѣльнымъ ученикамъ и ко всей ихъ массѣ; *здѣсь необходимы большая эластичность пріемовъ и дружная сознательная настойчивость въ проведеніи идеаловъ воспитанія.* А если мы примемъ въ вниманіе то цѣлесообразное и жизнеспособное направленіе современной педагогической мысли, которое стремится воспитывать школьниковъ развитіемъ общественнаго духа школы и упражненіемъ ихъ соціальныхъ чувствъ, если мы примкнемъ къ этому здоровому направленію,—мы должны будемъ еще выше поставить требованія единства дѣйствій педагоговъ данной школы, еще шире распахнуть передъ нимъ двери, еще крѣпче ухватиться за него; но во всѣхъ этихъ случаяхъ необходимо единство, выработанное на мѣстѣ, общими усиліями, при участіи сознанія и совѣсти каждаго работника,—здѣсь необходимо единство дѣйствій не за страхъ, а за совѣсть. О такомъ „соединеніи" говоритъ С. М. Соловьевъ, зная по опыту исторіи, что оно приноситъ „жизнь, движе-

ніе, прогрессъ"; такое только „соединеніе" приносило удивительные плоды въ школахъ 60-хъ годовъ; такое „соединеніе" достигалось здѣсь самостоятельностью педагогическихъ совѣтовъ ихъ.

Эпоха великихъ реформъ еще шире, за рамки педагогическихъ совѣтовъ даже, поставила проблемы воспитанія. „До эпохи освобожденія,—говоритъ П. Ф. Каптеревъ, — образованіе вѣдалось канцеляріями и государствомъ, а потому было поставлено односторонне, безжизненно и отвлеченно. Съ эпохи освобожденія общество глубоко заинтересовалось имъ и въ участіи общества образованіе почерпнуло великую живительную силу. Общество выставило цѣлый рядъ дѣятелей по образованію, для которыхъ педагогическіе вопросы стали дѣломъ жизни, дѣломъ свободнаго избранія, которые разрабатывали ихъ не по казенной надобности и за жалованье, а въ силу призванія" *). Широкое поле для иниціативы и самостоятельности педагогическихъ совѣтовъ и отдѣльныхъ педагоговъ, безъ сомнѣнія, должно было привлекать въ школу многихъ серьезныхъ и горячо преданныхъ дѣлу тружениковъ.

Къ эпохѣ великихъ реформъ относится дѣятельность такихъ педагоговъ, какъ К. Д. Ушинскій, В. Я. Стоюнинъ, Н. А. Корфъ, Ѳ. Ѳ. Резенеръ, В. И. Водовозовъ, Н. А. Вышнеградскій, А. Н. Страннолюбскій, В. А. Евтушевскій, А. Я. Гердъ и очень многія другія дорогія имена. Чтобы судить о томъ, что въ особенности составляло силу и привлекательность этихъ симпатичныхъ дѣятелей русской школы, мы приведемъ два-три отзыва ихъ учениковъ. Вотъ В. Г. Авсѣенко пишетъ о В. И. Водовозовѣ: „Трудолюбивый, серьезный, искренно любящій свое дѣло, искренно убѣжденный, что на скромномъ постѣ учителя русской словесности ему возможно принести много несомнѣнной пользы, онъ отдавался своимъ обязанностямъ, если не съ увлеченіемъ, то съ горячимъ личнымъ интересомъ, который передавался ученикамъ" **). Біографъ В. Я. Стоюнина, на основаніи разсказовъ и отзывовъ его учениковъ, относитъ „съ полною справедливостью" къ дѣятельности Стоюнина его собственныя слова объ идеальномъ учителѣ, приведенныя нами выше ***). Въ болѣе сильной и энергичной формѣ выражено вліяніе учителя въ воспоминаніяхъ П. Н. Обнинскаго о профессорахъ московскаго университета 50 хъ годовъ: „Мужественные проводники правды, свѣта и добра, самодержавные властелины думъ и сердецъ горячо преданнаго студенчества! Благодаря вамъ оно зоветъ сознательно и любовно уни-

*) „Новая русская педагогія".

**) „Ист. Вѣс." 1881 г. № 4.

***) В. Я. Стоюнинъ. „Педагогич. сочин.".

верситетъ — своею „Alma Mater““ *). Горячая преданность дѣлу, глубокій интересъ къ наукѣ, высокія требованія къ обязанностямъ учителя,—вотъ что слышится во всѣхъ этихъ отзывахъ; и, конечно, только широкое поле для ихъ самодѣятельности и возможность здоровой нестѣсняемой живой работы привлекли въ школу 60-хъ годовъ такъ много дѣйствительно серьезныхъ искреннихъ тружениковъ и идеальныхъ педагоговъ. „Не ты-ль одно всё совершило, святое, горячее сердце?“ спрашиваетъ поэтъ; въ школѣ 60-хъ годовъ не сердце совершило чудеса возрожденія, а тотъ подъемъ всей педагогической среды, который былъ вызванъ широко открытыми дверями школы для самодѣятельности педагоговъ; „горячее, святое сердце“ только могло свободно войти въ эти двери и со всей энергіей и преданностью пустить въ оборотъ школьной жизни свои высокія качества и дарованія. При измѣненіи условій школьной дѣятельности, при различныхъ давленіяхъ многіе изъ даровитыхъ и горячо любящихъ школу работниковъ оставили свою дѣятельность: съ закрытіемъ въ 1866 г. василеостровскаго училища Ѳ. Ѳ. Резенеръ обращается къ литературной дѣятельности; преслѣдованія дѣятельности В. Я. Стоюнина заставляютъ его оставить въ 1874 г. инспекторство въ Николаевскомъ институтѣ; въ силу интригъ К. Д. Ушинскій въ 1862 г. оставляетъ Смольный институтъ; В. И. Водовозовъ въ 1866 г., высказавшись противъ классицизма, оставляетъ 1-ю петербургскую гимназію и т. д. и т. д. Такимъ путемъ обрывается дѣятельность горячо преданныхъ дѣлу работниковъ, не могущихъ ужиться въ тѣсныхъ рамкахъ формальныхъ требованій, мелочной регламентаціи и непрошеннаго вмѣшательства.

С. Поляковъ.

(*Продолженіе будетъ*).

---

*) „Рус. Арх.“ 1892 г. № 1.

Общій очеркъ реальнаго и профессіональнаго образованія въ Германіи, Австріи и Франціи.

(По личнымъ наблюденіямъ).

Городскія училища въ Германіи и Австріи.

Въ апрѣльской книгѣ „Русской Школы“ за текущій годъ мною былъ изложенъ общій взглядъ на современное состояніе средняго образованія въ Германіи. Перехожу теперь къ типу городскихъ училищъ въ Германіи, къ типу весьма разнообразному въ различныхъ частяхъ Германіи и представляющему много для насъ интереснаго, такъ какъ онъ находится въ тѣсной связи съ разобраннымъ мною типомъ 6-тиклассныхъ реальныхъ училищъ (Realschulen) о желательности и примѣнимости котораго у насъ въ Россіи были мною высказаны въ апрѣльской книжкѣ „Русской Школы“ нѣкоторыя соображенія, не лишенныя, какъ мнѣ кажется, извѣстной доли основательности. Въ связи съ этимъ типомъ городскихъ училищъ въ Германіи придется мнѣ разобрать организацію и учебные планы городскихъ училищъ въ Австріи, гдѣ, какъ мнѣ кажется, выработался еще болѣе примѣнимый для насъ типъ городского училища съ общимъ курсомъ въ младшихъ и среднихъ классахъ и съ развѣтвленіями въ старшихъ классахъ, сообразно съ мѣстными потребностями: такъ, напримѣръ, въ одномъ городскомъ училищѣ открыто отдѣленіе ремесленное (mit gewerblicher Richtung), въ другомъ, находящемся въ фабрично-заводской мѣстности,—открывается химическое отдѣленіе—(mit chemischer Richtung) и, наконецъ, въ третьемъ, находящемся въ земледѣльческой полосѣ Австріи—сельско-хозяйственное отдѣленіе (mit landwirtschaftlicher Richtung) и т. д.

Начнемъ съ типа прусскаго городского училища—(Mittelschule).

Онъ бываетъ весьма различнымъ, даже по отношенію къ числу классовъ въ различныхъ частяхъ Германіи.

Въ Берлинѣ этого типа, напримѣръ, совершенно нѣтъ, и тамъ городскія училища замѣнены 6-тиклассными реальными училищами

(Realschulen), которыя поэтому и до сихъ поръ носятъ названіе „frühere höhere Bürgerschulen".

Начнемъ съ Франкфурта, гдѣ встрѣчаются прекрасныя городскія училища. Я многія изъ нихъ посѣтилъ, какъ мужскія, такъ и женскія, благодаря рѣдкой любезности помощника завѣдующаго городскими училищами города Франкфурта, профессора Lüngen'а, который очень любезно въ теченіе двухъ дней сопутствовалъ мнѣ въ моихъ посѣщеніяхъ городскихъ училищъ во Франкфуртѣ и особаго типа заведеній (Fortbildungsschulen), о которыхъ буду гооворить въ своемъ мѣстѣ, когда перейду къ обзору техническаго и профессіональнаго образованія въ Германіи.

Терминъ „Mittelschule" обозначаетъ въ сѣверной Германіи и преимущественно въ Пруссіи такой типъ училища, программа и учебная цѣль котораго шире тѣхъ, которыя преслѣдуются въ начальномъ народномъ училищѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ „Mittelschule" есть учебное заведеніе съ вполнѣ законченнымъ курсомъ образованія, но совершенно независимымъ отъ курса средней школы, носящей въ сѣверной Германіи названіе „höhere Schule" въ отличіе отъ Mittelschule—городского училища.

Средняя же школа—(наши гимназіи и реальныя училища) названа „höhere Schule", такъ какъ служитъ подготовленіемъ къ высшему учебному заведенію и органически связана съ нимъ.

Этимъ обусловливается все различіе этихъ двухъ типовъ учебныхъ заведеній.

„Mittelschule" представляетъ по своей программѣ продолженіе курса „Volksschule" (народной школы), которая заключаетъ въ себѣ шесть классовъ (въ младшій классъ поступаютъ 6-ти лѣтъ), а въ „Mittelschule" — не менѣе 5 классовъ, значитъ, поступаютъ въ младшій классъ городского училища—12-ти лѣтъ.

Въ различныхъ частяхъ Германіи „Mittelschulen" носятъ различныя названія; такъ, напримѣръ, въ Саксоніи они называются „mittlere und höhere Volksschulen", въ Гамбургѣ — старшіе его классы съ распространенною программою носятъ названіе „Selecta", въ Баденскомъ герцогствѣ они называются „gehobene Abteilungen", въ Гессенскомъ герцогствѣ—„erweiterte Volksschulen" и т. д.

Въ Пруссіи существуетъ 456 городскихъ училищъ *) — (Mittelsschulen) съ 134.741 учениками; въ Саксоніи — 241 училище съ 188.366 учениками и 45 „höhere Volksschulen" съ 17.460 учениками; въ Баденѣ имѣлось въ 1903 г. въ ихъ городскихъ учили-

---

*) Lesis — „Das Unterrichtswesen im Deutschen Reich"—III Band—„Das Volksschulwesen und das Lehrerbildungswesen"—Berlin—1904 г. изд. Прусскаго министерства народнаго просвѣщенія для американской выставки въ С. Луи

щахъ „gehobene Abteilungen“—2.598 мальчиковъ и 3.864 дѣвочки, со 140 учителями и 66 учительницами.

Въ герцогствѣ Гессенъ-Дармштадтскомъ было весною 1903 г. въ четырехъ городахъ 6 „erweiterte Volksschulen“ съ 88 классами и 3695 учениками (1.784 мальчика и 1.911 дѣвочекъ) съ 72 учителями и 18 учительницами.

Въ Пруссіи эти „Mittelschulen“ съ давнихъ поръ существуютъ въ разнообразныхъ формахъ подъ различными названіями. Носили они названіе то „Bürgerschulen“, то „Rectorschulen“ (въ Саксоніи), то „höhere Stadtschulen“; такъ было до 1872 г.

Общія постановленія (allgemeine Bestimmungen) отъ 15 октября 1872 г. придали имъ однообразную организацію.

Основныя положенія этой организаціи слѣдующія: во 1-хъ. „Mittelschule“ существуетъ при мѣстномъ начальномъ народномъ училищѣ и содержитъ не менѣе 5 классовъ съ максимумомъ 50 учениковъ въ классѣ. Допускается при этомъ, чтобы старшій классъ шестилѣтняго народнаго училища (Volksschule) былъ согласованъ по своей программѣ съ младшимъ классомъ городского училища (Mittelschule). Во 2-хъ, въ курсъ городского училища обязательно вводится одинъ новый языкъ. Въ 3-хъ,—взимается съ его учениковъ извѣстная, опредѣленная плата, тогда какъ начальное народное образованіе безплатно. Въ 4-хъ — гдѣ этого требуютъ мѣстныя условія, обращается преимущественное вниманіе на ту или другую мѣстную отрасль или мѣстныя занятія жителей и сообразно съ этимъ допускаются измѣненія въ общей программѣ „Mittelschulen“,—такъ, въ старшихъ классахъ преподаваніе имѣетъ въ виду или земледѣліе (Ackerbau—обращается особое вниманіе на ботанику, химію, геологію) и т. д., или фабричное производство въ промышленныхъ центрахъ (Fabrikenwesen), или на горное дѣло—Bergbau, на торговлю — Handel и мореплаваніе (Schiffahrt)—въ приморскихъ городахъ. Также сообразно съ мѣстностью вводится обязательно или французскій языкъ (на западной границѣ), или англійскій—въ приморскихъ городахъ, въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ и проч.

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ этомъ отошеніи въ Германіи не существуетъ никакой строгой и однообразной регламентаціи, а наоборотъ, принимаются всегда въ расчетъ мѣстныя потребности населенія, вызывающія и соотвѣтствующія измѣненія въ учебныхъ планахъ. Въ 5-хъ—„Mittelschulen“ должны быть обезпечены нужными учебными пособіями, въ особенности при преподаваніи географіи (Erdkunde) и естествовѣдѣнія, а также и богато снабжены ученическими библіотеками и необходимыми специальными сочиненіями

для преподавателей. Въ 6-хъ преподаватели городскихъ училищъ— „Mittelschulen“—должны выдержать соотвѣтствующій экзаменъ на право преподаванія.

По сравненію съ 6-тилѣтнею начальною школою, городское училище въ своемъ учебномъ планѣ обращаетъ преимущественное вниманіе на ариѳметику (Rechnen), вводитъ алгебру и геометрію (Raumlehre), одинъ новый языкъ и факультативно—даже латинскій языкъ для мальчиковъ.

Въ большихъ нѣмецкихъ городахъ существуютъ совершенно самостоятельныя Mittelschulen, совершенно независимо отъ другихъ учебныхъ заведеній, съ своимъ вполнѣ законченнымъ курсомъ образованія; тамъ 6-тилѣтній курсъ ихъ давно уже замѣненъ 8-милѣтнимъ или даже 9-тилѣтнимъ, тогда какъ въ маленькихъ городахъ— (Mittelschulen)—съ 6-тилѣтнимъ курсомъ имѣютъ цѣлью готовить ученика въ опредѣленный классъ гимназіи или реальной гимназіи (Realgymnasium) обыкновенно въ quarta или въ untertertia — (наши III и IV классы).

Во Франкфуртѣ на Майнѣ городскія училища имѣютъ 8-миклассный составъ какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ. Таблица ихъ недѣльныхъ уроковъ дается нами на стр. 23.

Французскій языкъ преподается, какъ мы видимъ изъ этой таблицы, начиная съ V класса, по пяти недѣльныхъ уроковъ, въ каждомъ изъ пяти старшихъ классовъ (съ V до I), при 25 урокахъ во всѣхъ классахъ, и нигдѣ въ другихъ городахъ не достигается такихъ хорошихъ успѣховъ по французскому языку, какъ во Франкфуртѣ.

Преподается факультативно даже и англійскій языкъ — по три часа въ старшихъ классахъ. Цѣль преподаванія—научить разговорному англійскому языку и чтенію легкихъ прозаическихъ статей.

Общая цѣль, преслѣдуемая при преподаваніи отечественнаго (нѣмецкаго) языка въ городскихъ училищахъ (Mittelschulen) слѣдующая: умѣнье правильно устно и письменно выражаться на родномъ языкѣ, пробужденіе и укрѣпленіе чутья къ родному языку, знакомство съ выдающимися произведеніями отечественной литературы, толковое чтеніе ихъ и произношеніе ихъ наизусть, а также и патріотическихъ стихотвореній, касающихся франко-прусской войны 1870 года, знаніе біографій выдающихся писателей, развитіе патріотическаго чувства введеніемъ учениковъ въ міръ нѣмецкой народной поэзіи и сказаній (Sagen).

Въ выпускномъ классѣ 1) изучаются и комментируются Гетевскія и Шиллеровскія произведенія: „Колоколъ“, „Германъ и Доротея“, „Вильгельмъ Телль“, отрывки народнаго эпоса и драмъ. Каждыя три

	Для мальчиковъ.								
	Младшій возрастъ.			Средній возрастъ.			Старшій возр.		
	VIII кл.	VII кл.	VI кл.	V кл.	IV кл.	III кл.	II кл.	I кл.	Сумма.
Законъ Божій	3	3	3	3	3	3	2	2	22
Нѣмецкій языкъ	12	10	8	6	5	5	5	5	56
Французскій языкъ	—	—	—	5	5	5	5	5	25
Математика	4	4	4	4	3	3	4	4	30
Геометрія (Raumlehre)	—	—	—	—	2	2	2	2	8
Исторія	—	—	—	—	2	2	2	2	8
Географія	—	—	2	2	2	2	2	2	12
Естественная исторія	—	—	—	2	2	2	2	2	10
Естествовѣдѣніе (Физика и химія)	—	—	—	—	—	2	2	2	6
Рисованіе	—	—	2	2	2	2	2	2	12
Чистописаніе	—	3	3	2	2	—	—	—	10
Пѣніе	—	—	2	2	2	2	2	2	12
Гимнастика	2	2	2	2	2	2	2	2	16
Сумма	21	22	26	30	32	32	32	32	227

недѣли задаются на домъ сочиненія, изучаются стихотворенія наизусть, переводятся отрывки изъ французскихъ писателей на нѣмецкій языкъ, пишутся классныя сочиненія.

Цѣль преподаванія французскаго языка въ городскихъ училищахъ заключается въ томъ, „чтобы ученики могли понимать легкаго французскаго писателя и могли объясняться на французскомъ языкѣ въ обыденныхъ случаяхъ жизни, могли вести свободно по-французски обыкновенную переписку; кромѣ того, это пре-

подаванiе должно дать имъ даже нѣкоторое понятiе объ умственной и матерiальной культурѣ, о жизни и нравахъ французскаго народа", какъ сказано въ объяснительной запискѣ къ преподаванiю французскаго языка въ городскихъ училищахъ города Франкфурта *).

По математикѣ кончающiе курсъ городского училища во Франкфуртѣ проходятъ полный курсъ ариѳметики и изъ геометрiи— всю стереометрiю (только въ мужскихъ училищахъ), включая поверхность и объемъ шара, объемъ усѣченной пирамиды и прочiя теоремы, рѣшаютъ разнообразныя задачи на построенiе; алгебра не проходится; такимъ образомъ, мы видимъ, что курсъ математики довольно обширный въ городскихъ училищахъ.

По исторiи они должны, при окончанiи курса, знать отечественную исторiю, выдающiяся событiя древней исторiи и исторiю другихъ культурныхъ народовъ, насколько они влiяли на отечественную.

Преподаванiе исторiи должно имѣть цѣлью укрѣпленiе и развитiе любви къ отечеству и преданности къ царствующей династiи, пониманiе современнаго положенiя и исторической задачи нѣмецкаго народа.

Этому патрiотическому настроенiю должно способствовать сознательное празднованiе памятныхъ въ исторiи Германiи дней.

Итакъ, мы видимъ, что вездѣ въ нѣмецкой школѣ направленiе — нацiональное; главная забота правительственной школы—воспитать юношество въ духѣ любви къ отечеству и преданности къ царствующей династiи Гогенцоллерновъ.

Нѣмецкая школа старается развить въ ученикѣ здоровую идеализацiю; она намѣренно и старательно раскрываетъ передъ нимъ богатую сокровищницу возвышающихъ душу свѣтлыхъ, величавыхъ, художественныхъ образовъ, встрѣчающихся въ родной литературѣ, въ родной исторiи.

Она ставитъ священною своею задачею—воспитывать подростающее поколѣнiе въ нацiональномъ духѣ, подготовить будущихъ гражданъ, полезныхъ государству, дѣйствовать не только исключительно на развитiе памяти ученика, но и на его умъ и сердце, развивать въ немъ любовь къ отечеству, къ родной старинѣ, къ родной литературѣ, воспитывать въ немъ нацiональную гордость, однимъ словомъ, нравственно облагораживать его, и это направленiе проводится систематично черезъ всѣ ступени школьнаго обученiя, начиная отъ элементарной народной школы (Volksschule) и кончая старшими

---

*) См. Lehrplan für Mittelschulen in Frankfurt a/M. 1900.

классами средней школы (höhere Schule), и въ этомъ направленіи кроется, мнѣ кажется, весь залогъ успѣха какъ средняго, такъ и низшаго образованія въ Германіи.

Программы женскихъ городскихъ училищъ во Франкфуртѣ мало чѣмъ различаются отъ мужскихъ: предметы преподаванія—тѣ же, только общее число уроковъ по классамъ нѣсколько ниже. Они такъже, какъ и мужскія,—8-миклассныя.

Геометрія и алгебра совсѣмъ не входятъ въ програму.

Изъ мужскихъ городскихъ училищъ во Франкфуртѣ я посѣтилъ самое многочисленное по количеству учениковъ, такъ называемую „Sonchayschule".

Въ немъ 22 параллельныхъ класса и 776 мальчиковъ; есть отдѣленіе для дѣвочекъ. Все училище раздѣлено на три возраста: младшій, средній и старшій.

Бюджетъ этого училища за послѣдніе три года—1901—1903 г.: въ 1901 г.—97.894 марки, въ 1902 г.—105.630 марокъ, а въ 1903 г.—уже 114.090 марокъ. Съ каждаго ученика взимается за право ученія по 44 марки въ годъ, что составляетъ только 34.144 марки прихода, слѣдовательно, всю разницу въ 63.750 марокъ приплачиваетъ городъ. Конечно, это можетъ дѣлать только такой богатый городъ, какъ Франкфуртъ.

Чтобы судить о степени развитія кончающихъ курсъ учениковъ этого городского училища, я присутствовалъ на урокѣ нѣмецкаго языка въ Prima—14 учениковъ (есть нѣсколько параллелей въ каждомъ классѣ).

Такой небольшой составъ учениковъ объясняется переходомъ учениковъ въ старшіе классы реальныхъ училищъ съ шестилѣтнимъ курсомъ; но эти переходы бываютъ часто, какъ мнѣ говорили, неудачны и случается, что ученики опять возвращаются въ городское училище.

Въ томъ классѣ, въ которомъ я присутствовалъ, какъ разъ было нѣсколько такихъ вернувшихся изъ реальнаго училища учениковъ, и потому общій уровень класса былъ не высокъ. Проходилась „Пѣснь о Колоколѣ" Шиллера—„Lied der Glocke".

Сопутствовавшій мнѣ Schulrath Lüngen предлагалъ очень дѣльные вопросы по всему пройденному курсу литературы. Ученики обнаружили путанное знаніе и малое развитіе.

Въ оправданіе директоръ училища сказалъ мнѣ, что этотъ классъ, дѣйствительно, по своему составу на рѣдкость неудаченъ.

На урокѣ химіи тѣ же ученики обнаружили удовлетворительное знаніе.

Во II классѣ (предпослѣднемъ) на урокѣ нѣмецкаго языка—34

ученика, объяснялась поэма Шиллера „Каннитферштанъ"; тотъ же преподаватель, который давалъ урокъ химіи въ выпускномъ классѣ, преподавалъ здѣсь словесность (случай, который бы никогда не имѣлъ мѣста у насъ въ Россіи).

Schulrath Lüngen опять спрашивалъ ихъ по всему курсу, причемъ прекрасно охарактеризовалъ значеніе монастырей въ средніе вѣка и идеалы рыцарскаго сословія. Познанія учениковъ—гораздо удовлетворительнѣе, чѣмъ въ выпускномъ классѣ.

Осмотрѣлъ я также во Франкфуртѣ и городское училище для дѣвочекъ. Это одно изъ лучшихъ тамъ „Fürstenbergschule", помѣщающееся въ роскошномъ зданіи на 560 ученицъ. Всѣхъ классовъ—6 (всѣ параллельные), поступаютъ 7 и лѣтъ и кончаютъ 15-и. Это особый типъ женскихъ городскихъ училищъ. Родители ученицъ—люди средняго состоянія, скорѣе бѣдные.

По окончаніи курса, ученицы поступаютъ или въ старшіе классы женскихъ гимназій (höhere Töchterschulen), или въ учительскія женскія семинаріи, но преимущественно выходятъ прямо въ практическую жизнь или поступаютъ еще на особые бухгалтерскіе курсы.

Вообще надо замѣтить здѣсь, что сравнительно матеріальное благосостояніе большинства жителей города Франкфурта въ сильной степени отзывается на составѣ ученицъ: онѣ гораздо опрятнѣе въ своей внѣшности и по наружному виду, чѣмъ въ другихъ городахъ.

Я присутствовалъ въ этомъ городскомъ женскомъ училищѣ на урокахъ исключительно въ I-мъ (старшемъ классѣ—24 ученицы), чтобы судить о развитіи оканчивающихъ курсъ, а именно: на урокахъ географіи, естественной исторіи и физики. Познанія ученицъ вполнѣ достаточныя.

Меня интересовали и познанія ихъ по французскому языку, и, по предложенію сопутствовавшаго мнѣ Schulrath Lüngen'a, онѣ были спрошены и по этому языку. Это—четвертый годъ обученія новому языку. Урокъ ведется по-французски. Читаютъ онѣ и переводятъ на нѣмецкій языкъ вполнѣ сносно; только, конечно, произношеніе ученицъ и даже учительницы оставляетъ многаго желать.

Есть во Франкфуртѣ еще особый типъ начальныхъ 8-миклассныхъ училищъ—это такъ называемыя тамъ „Bürgerschulen", которыя изъ себя представляютъ ничто иное, какъ 8-миклассное народное училище съ распространеннымъ курсомъ. Они также бываютъ двоякія—для мальчиковъ и для дѣвочекъ. Программы ихъ немного ниже программы городскихъ училищъ.

Посѣщеніе этихъ „Bürgerschulen" обязательно и безплатно; I-ый классъ—старшій, новые языки не преподаются.

Осмотрѣлъ я изъ училищъ этого типа Karmelitenschule, по-

мѣщающееся въ прекрасномъ зданіи; всѣхъ классовъ 18, учениковъ 950.

Въ подвальномъ этажѣ помѣщается громадный бассейнъ, въ которомъ обязательно купаются весною, лѣтомъ и осенью всѣ ученики по нѣсколько разъ въ недѣлю, кромѣ младшихъ классовъ, по одному классу сразу, подъ наблюденіемъ учителя.

Поступаютъ 6-ти лѣтъ и остаются въ училищѣ до 14 лѣтъ.

Въ младшемъ (VII классѣ)—60 учениковъ; дѣло прекрасно ведется. На черной доскѣ нарисованъ былъ пѣтухъ, и учитель спрашивалъ всѣхъ учениковъ поочередно назвать ему отдѣльныя части нарисованнаго пѣтуха. Урокъ велся очень живо; ученики на перерывъ другъ передъ другомъ старались бойко отвѣчать.

Въ старшемъ классѣ (I)—28 учениковъ; я присутствовалъ на урокѣ нѣмецкаго языка. Проходилась поэма „Графъ Габсбургскій". Ученики очень внятно декламировали, давали толковыя объясненія и отлично отвѣчали также и на предложенные вопросы по исторіи.

Въ Саксоніи городскія училища носятъ уже названіе „Mittelschulen", какъ въ Пруссіи, и „Bürgerschulen", тогда какъ народныя училища (Франкфуртскія „Bürgerschulen") носятъ названіе „Bezirkschulen".

Въ Дрезденѣ я посѣтилъ городское мужское училище въ Neustadt IV Bürgerschule.

Директоръ Рихтеръ. Всѣхъ учениковъ до 1.400 мальчиковъ и дѣвочекъ; такихъ училищъ въ Дрезденѣ 12. Всѣхъ классовъ 38 (27 для мальчиковъ и 11 для дѣвочекъ).

Для мальчиковъ обязателенъ 8-милѣтній курсъ, для дѣвочекъ тоже; но есть еще факультативный IX классъ, о которомъ буду говорить ниже. Поступаютъ 6-ти лѣтъ и остаются до 14-ти лѣтъ.

Обученіе обязательное, платятъ по 48 марокъ ежегодно; въ IX дополнительномъ классѣ для дѣвочекъ платятъ по 4 марки за годовой часъ.

Нѣкоторые ученики (незначительный процентъ) уходятъ въ среднія учебныя заведенія по окончаніи курса; большинство же идетъ: во 1-хъ,—на два или три года въ высшее ремесленное училище (Gewerbeschule), причемъ это ремесленное училище даетъ имъ и теоретическую и практическую подготовку къ знанію ремесла, тогда какъ Fortbildungsschulen, о которыхъ буду говорить ниже,—только одну теорію, а практику—ремесло они изучаютъ въ мастерскихъ; во 2-хъ,—въ „Handelsschule" („öffentliche Handelslehranstalt")—на одинъ годъ или три года (въ коммерческое училище), въ зависимости отъ состоянія ихъ родителей, причемъ права по отбыванію воинской повинности (einjähriges Militärfreidienst) получаютъ они только по окончаніи трехлѣтняго курса коммерческаго

училища; эти коммерческія училища зависятъ отъ союза дрезденскихъ купцовъ („Verein Dresdener Kaufmannschaft“), которое не нужно смѣшивать съ „chambre de commerce“; или въ 3-хъ,—въ учительскую семинарію Lehrerseminar на 6 лѣтъ и, по выдержаніи экзамена, становятся народными учителями (Volksschullehrer)—такихъ бываетъ около 25% общаго количества оканчивающихъ Bürgerschulen; или наконецъ, въ 4-хъ—выходятъ прямо въ практическую жнзнь, становятся мелкими чиновниками городского управленія (Reichsanwalt), купцами, но не чиновниками на государственной службѣ.

Городскія училища „Bürgerschulen“ въ Саксоніи правъ по отбыванію воинской повинности не даютъ; даетъ ихъ только окончаніе 6-тиклассиаго реальнаго училища—Realschule.

Въ нихъ обязателенъ одинъ новый языкъ—французскій съ IV класса—для мужскихъ и женскихъ городскихъ училищъ.

Главная цѣль преподаванія въ „Bürgerschulen“ въ Саксоніи—дать ученикамъ нравственно-религіозное воспитаніе и сообщить имъ всѣ нужныя имъ практической жизни знанія *).

Кромѣ умственнаго развитія, обращается еще серьёзное вниманіе на физическое развитіе и на развитіе въ ученикахъ самостоятельнаго мышленія и дѣятельности.

Въ программу введены очень интересныя занятія съ учениками младшихъ двухъ классовъ (VII и VIII), въ возрастѣ 6 и 7 лѣтъ.

Эти занятія носятъ названіе „Ansshauungsübungen“.

Они имѣютъ цѣлью правильно развить наблюдательность у ребенка и первоначальное представленіе у него объ окружающихъ его предметахъ. Они касаются всего, что ребенокъ видитъ въ классѣ, на дворѣ, въ саду, на прогулкахъ, на улицѣ и т. д.

Начинаютъ съ самыхъ простыхъ однородныхъ представленій, которыя должны непремѣнно въ умѣ ребенка составлять одно связное цѣлое.

Въ VIII классѣ (младшемъ) кругъ наблюденій простирается на всѣ предметы, имѣющіе отношеніе къ временамъ года (по 4 урока въ недѣлю).

Въ VII классѣ кругъ наблюденій еще расширяется и касается уже растительнаго и животнаго царства (3 урока въ недѣлю).

Въ I выпускомъ классѣ Bürgerschulen изучаются по нѣмецкому языку—стихотворенія извѣстныхъ писателей, какъ то „Erlkönig“ Гете, „Die Glocke“ Шиллера, „Die Bürgerschaft“ его же, „Hoffnung“ Geibel'a.

---

*) См. Lehrplan für Evangelische Bürgerschulen der Stadt Dresden. 1892.

	Городское училище для мальчиковъ.							
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
Законъ Божій	2	2	2	2	2	2		
Катехизисъ (Kathechismuslehre)	2	2	2	2	1	—		
Наглядное обученіе (Anschauungsübungen)	—	—	—	—	—	—		
Чтеніе	2	2	2	2	3	4		
Орѳографія (Rechtsschreiben)	—	—	1	1	1	2		
Нѣмецкій (отечественный языкъ)	2	2	2	2	2	2		
Письменное изложеніе мыслей (Aufsatzübungen)	2	2	1	1	1	1		
Французскій языкъ	4	4	4	4	—	—		
Ариѳметика	4	4	4	4	4	4		
Геометрическія понятія (Formenlehre)	2	2	2	—	—	—		
Естественная исторія	1	1	1	2	2	—		
Естествовѣдѣніе (Физика и химія)	2	2	1	—	—	—		
Географія (Erdkunde)	2	2	2	2	2	2		
Исторія	2	2	2	2	—	—		
Чистописаніе	—	—	1	2	3	4		
Рисованіе	2	2	2	2	2	2		
Пѣніе	1	1	1	2	1			
Гимнастика (Turnen)	2	2	2	2	2	—		
Рукодѣліе для женскаго городского училища	4	4	4	4	4	4		
Сумма	32	32	32	32	26	24		

Цѣль преподаванія французскаго языка въ городскихъ училищахъ въ Саксоніи—научить учениковъ свободно читать легкія французскія произведенія и выражаться и писать на обыденномъ французскомъ языкѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ обращается вниманіе учениковъ на различіе формъ и строя отечественнаго и новаго языковъ, съ тѣмъ, чтобы еще болѣе укрѣпить въ нихъ знаніе отечественнаго языка.

Цѣль преподаванія исторіи—представить въ живыхъ картинахъ выдающіяся событія отечественной исторіи; должно быть обращено вниманіе учениковъ на примѣры любви къ отечеству, сильныхъ характеровъ; они должны проникнуться убѣжденіемъ въ томъ, что судьбами человѣчества всегда руководитъ Божій Промыселъ.

Очень понравилась мнѣ цѣль преподаванія пѣнія въ городскихъ училищахъ въ Саксоніи, какъ она выражена въ учебныхъ планахъ.

Пѣніе преподается, какъ тамъ выражено, чтобы, „развивая музыкальный слухъ и голосъ, пріучать учениковъ къ стройному, музыкальному исполненію какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ пѣсенъ, и тѣмъ развить въ нихъ вкусъ ко всему красивому и благородному въ природѣ, въ отечествѣ и въ религіи".

Программа женскихъ „Bürgerschulen" почти ни въ чемъ не расходится съ программою мужскихъ городскихъ училищъ.

Есть, конечно, особые предметы, которые не существуютъ въ программѣ мужскихъ городскихъ училищъ, какъ, напримѣръ,—рукодѣліе.

Дополнительнымъ классомъ въ курсѣ женскихъ городскихъ училищъ въ Саксоніи, какъ мы видѣли, является IX классъ.

Учебный планъ его слѣдующій:

Нѣмецкая литература . . .	3 урока въ недѣлю
Курсъ домашняго хозяйства .	2 „ „ „
Гигіена	2 „ „ „
Французскій языкъ	3 „ „ „
Англійскій языкъ	3 „ „ „
Исторія искусствъ	1 „ „ „
Бухгалтерія	1 „ „ „
Стенографія	1 „ „ „
Шитье на машинѣ	4 „ „ „
Гимнастика	2 „ „ „

Курсъ—одногодичный. Уроки по новымъ языкамъ могутъ продолжать еще лишній годъ. Поступаютъ въ IX-ый классъ только получившія конфирмацію дѣвушки, достигшія уже 15-тилѣтняго возраста.

Количество ученицъ въ IX классѣ не должно превышать 30; плата за ученіе—по 4 марки въ годъ за годовой часъ.

Изученіе отечественной литературы въ IX дополнительномъ классѣ (3 урока въ недѣлю) должно имѣть въ виду развивать въ ученицахъ стремленіе къ идеалу, вкусъ къ прекрасному и знакомство съ образцовыми писателями путемъ чтенія ихъ произведеній.

Изучаются: „Niebelungenlied“, „Gudrunlied“, „Minnegesang“, „Walter von der Vogelweide“ „Hans Sachs, Klopstock, Lessing, Гете „Германъ и Доротея“, „Ифигенія ва Тавридѣ“, Шиллера—„Вильгельмъ Телль“, „Орлеанская Дѣва“, Уландъ и многіе другіе выдающіеся писатели.

Скажемъ еще два слова о курсѣ „домашняго хозяйства“—„Hauswirtschaftslehre“ (2 часа въ недѣлю).

Ученицы изучаютъ, какъ слѣдуетъ держать въ должномъ порядкѣ жилище, освѣщеніе и отопленіе, платье и бѣлье, пищу, внутренній обиходъ—Sitte des Hauses.

По французскому языку—(3 урока въ недѣлю) изучаются выдающіеся французскіе писатели и разговорная рѣчь.

Ту-же цѣль преслѣдуютъ при изученіи и англійскаго языка (3 часа въ недѣлю).

При прохожденіи курса исторіи искусствъ изучаются „Сикстинская Мадонна“ Рафаэля и другія выдающіяся картины Дрезденской галлереи. Посѣщается „Schillingsmuseum“, нѣкоторыя изъ церквей, какъ-то „Frauenkirche“, католическая придворная церковь, „Zwinger“, оперный театръ.

Посѣщаются также концерты и оперные спектакли, съ цѣлью ознакомленія съ выдающимися музыкальными произведеніями Бетховена, Моцарта, Вебера, Вагнера и др.

Изъ уроковъ я присутствовалъ въ Дрезденской IV Bürgerschule на слѣдующихъ:

Въ V классѣ—на урокѣ нѣмецкаго языка (4 параллели). Это—четвертый годъ обученія отечественному языку; мальчики 9-тилѣтніе, такъ какъ поступаютъ въ VIII классъ шести лѣтъ. Было 45 учениковъ въ классѣ. Изъ V класса желающіе получить среднее образованіе обыкновенно переходятъ въ sexta реальнаго училища или даже гимназіи, конечно, по экзамену.

Классъ вообще хорошій. На урокѣ грамматики происходилъ разборъ частей предложенія.

Я замѣтилъ, что на урокѣ нѣмецкой грамматики употреблялась латинская терминологія. На вопросъ мой директору, чѣмъ это объясняется, но мнѣ отвѣтилъ, что это необходимо для учениковъ,

переходящихъ изъ этого класса въ реальныя гимназіи (Realgymnasien) или въ гимназіи.

Познанія учениковъ изъ грамматики удовлетворительны.

При мнѣ происходила диктовка. Большинство учениковъ сдѣлало только по одной ошибкѣ, въ особенности въ употребленіи знаковъ препинанія; но было у плохихъ учениковъ и до 13 ошибокъ въ небольшомъ продиктованномъ отрывкѣ.

Въ I (выпускномъ классѣ) присутствовалъ я на урокѣ исторіи— 37 учениковъ.

Повторялись выдающіяся событія изъ исторіи Германіи со временъ 30-тилѣтней войны. Познанія учениковъ удовлетворительны. Преподаватель очень умѣло и краснорѣчиво описывалъ бытовыя и характерныя черты изъ солдатской жизни 30-тилѣтней войны.

Присутствовалъ я и на урокѣ нѣмецкаго языка въ I (выпускномъ) классѣ, который давалъ самъ директоръ.

Онъ спрашивалъ ихъ по грамматикѣ; свѣдѣнія ихъ оказались очень путанными; они не отличали даже главнаго предложенія отъ придаточнаго. Классъ вообще слабъ, по отзыву директора.

Курсъ отечественной словесности въ собственномъ смыслѣ не проходится въ „Bürgerschulen", а читаются только отдѣльныя, выдающіяся произведенія, которыя комментируются преподавателемъ.

Нѣкоторыя драматическія произведенія даже обязательно смотрятся учениками въ театрѣ, какъ, напримѣръ, драма Шиллера „Вильгельмъ Телль".

Въ женскомъ городскомъ училищѣ я посѣтилъ тоже I классъ (послѣдній обязательный). Происходила нѣмецкая диктовка. Пишутъ ученицы правильнѣе, чѣмъ въ мужскомъ городскомъ училищѣ.

Читался „Erlkönig" Гёте; учитель образцово его прочиталъ, объяснилъ внутренній смыслъ этого стихотворенія и весьма картинно представилъ олицетвореніе различныхъ эльфовъ и духовъ, витающихъ въ природѣ. Классъ вообще хорошій.

На урокѣ французскаго языка въ томъ же классѣ (I-мъ) читался извѣстный разсказъ ихъ хрестоматіи „Fréderick II et le jeune prince" по французски, но недостаточно внятно, такъ что ничего понять нельзя было.

Это - четвертый годъ изученія французскаго языка, такъ какъ начинаютъ его съ quarta.

Навыка въ разговорной рѣчи ученицы не имѣютъ никакого.

Урокъ велся очень вяло. Учительница—чистая нѣмка, никогда во Франціи не бывавшая.

Она сама дѣлаетъ грубыя ошибки по отношенію къ liaisons; она говоритъ напримѣръ: vouloir's et pouvoir".

Переходя къ городскимъ училищамъ города Кельна, которыя здѣсь опять носятъ названіе „Mittelschulen", слѣдуетъ замѣтить, что они 9-тилѣтнія; поступаютъ въ IX классъ шести лѣтъ и кончаютъ I-ый классъ 14—15-ти лѣтъ; программа почти та же, что и во Франкфуртѣ; только есть лишній IX-й классъ, въ которомъ, конечно, проходится самый элементарный курсъ при 20 урокахъ въ недѣлю (на Законъ Божій католическій—4 урока въ недѣлю, на протестантскій—2 урока, на нѣмецкій языкъ по 4 урока, ариѳметики-по 4 урока въ недѣлю).

Французскій языкъ начинается въ quinta, по 5 уроковъ въ недѣлю въ каждомъ классѣ, всего 25 недѣльныхъ уроковъ; химія проходится въ двухъ старшихъ классахъ,—по два часа въ недѣлю, физика въ трехъ старшихъ по 2 часа въ недѣлю; есть четыре необязательныхъ предмета—ручной трудъ, стенографія, бухгалтерія и англійскій языкъ.

Общее количество уроковъ въ младшихъ классахъ по 22 и 24 урока въ недѣлю, а начиная съ quarta по—31 уроку.

Посѣтилъ я первое городское училище для мальчиковъ въ Кёльнѣ*). Въ немъ состояло къ 1 февраля 1904 г. 622 ученика.

Плата за ученіе съ кельнскихъ учениковъ—60 марокъ въ годъ, съ иногородныхъ—90 марокъ. Учениковъ католиковъ—382, евангелическаго вѣроисповѣданія—197 и 40 евреевъ.

Годовой бюджетъ на 1904 г. составлялъ *):
расхода . . . . 63.402 марки
прихода . . . . 35.342 „
городъ, значитъ, доплатилъ . . 28.060 „

Во второмъ городскомъ училищѣ для мальчиковъ въ Кельнѣ на 1904 г. при 299 ученикахъ было:

расхода . . . . 39.250 „
прихода . . . . 16.980 „
городъ, значитъ, доплатилъ . 2.2270 „

Въ первомъ женскомъ городскомъ училищѣ при 617 ученицахъ было:

расхода '. . . . . 54.773 „
прихода . . . . 34.404 „
городъ, значитъ, доплатилъ. . 20.369 „

---

[1]) См. Zehnter Bericht über die städtische Mittlere Knabenschule I an der Trierstrasse in Köln. Schuljahr 1903—1904.

*) См. Etat der Mittleren Knabenschulen I und II, Mädchenschulen I und II

Во второмъ городскомъ училищѣ для дѣвочекъ (II Mädchenmittelschule) было въ 1904 г.

расхода	42.157	"
а прихода.	29.058	"
городъ значитъ доплатилъ. .	13.099	"

въ немъ числилось 514 ученицъ.

Итакъ, мы видимъ, что по однимъ только четыремъ городскимъ училищамъ городъ Кельнъ доплатилъ въ одномъ 1904 году—83.798 марокъ; не всякій городъ въ состояніи это сдѣлать.

Учителя въ городскихъ училищахъ должны быть изъ учительскихъ семинарій, окончившіе въ нихъ курсъ, а директора, носящіе названіе „Rectoren",—съ высшимъ образовательнымъ цензомъ (academisch gebildete Lehrer).

Въ первомъ городскомъ училищѣ для мальчиковъ я присутствовалъ на урокѣ нѣмецкаго языка во II классѣ (предпослѣднемъ)—28 учениковъ.

Проходилась „Пѣснь о колоколѣ", отрывки произносились наизусть хоромъ. Развитіе учениковъ достаточное.

Въ первомъ (выпускномъ) классѣ я присутствовалъ на урокѣ французскаго языка—это пятый годъ обученія французскому языку.

Говорятъ довольно свободно, пишутъ сносно; произношеніе, конечно, скверное, но въ общемъ познанія учениковъ по французскому языку совершенно достаточныя для выходящихъ въ практическую жизнь.

На урокѣ нѣмецкаго языка въ томъ же выпускномъ классѣ проходилась поэма „Herzog Ernst". Ученики хорошо знакомы съ содержаніемъ поэмы.

Во II классѣ (предпослѣднемъ) директоръ самъ давалъ урокъ геометріи. Проходилась Пиѳагорова теорема.

Директоръ—хорошій преподаватель. Проходились также алгебраическія дроби. Познанія учениковъ вполнѣ удовлетворительныя.

По окончаніи Mittelschule, выходятъ прямо въ жизнь или переходятъ изъ quarta городского училища въ quarta реальнаго училища (нашъ III-й классъ); нѣкоторые, по заявленію директора —около 10% оканчивающихъ курсъ, по экзамену поступаютъ въ Untersecunda (нашъ VI классъ) Obrrealschule.

Въ Halle a/S существуютъ тоже 9-ти лѣтнія городскія училища. Я посѣтилъ городское училище Mittelschule für Knaben an der Klosterstrasse.

Годового отчета нѣтъ. Въ этомъ городскомъ училищѣ 26 парал-

лелей для мальчиковъ и 6 для дѣвочекъ, всего 1.030 учениковъ, около 40 учениковъ въ каждомъ классѣ мужского училища. Поступаютъ 6 лѣтъ и остаются до 15 лѣтъ.

Въ 1903 г. состоялся педагогическій съѣздъ въ Килѣ, гдѣ были высказаны различныя пожеланія *), касающіяся городскихъ училищъ въ Германіи, лучшей ихъ организаціи, предоставленія имъ права давать льготу по отбыванію воинской повинности, наравнѣ съ выпускнымъ классомъ шестиклассныхъ реальныхъ училищъ, необходимости прибавленія IX класса снизу, поступленія ихъ учениковъ, по окончаніи курса, въ среднія техническія школы и освобожденія отъ обязательнаго посѣщенія такъ называемыхъ „Fortbildungsschulen", о которыхъ буду говорить нѣсколько ниже. Преподаваніе предметное по классамъ.

Присутствовалъ я на слѣдующихъ урокахъ:

Въ I (выпускномъ) классѣ—37 учениковъ—проходился „Эгмонтъ" Гете. Классъ развитой, познанія учениковъ достаточныя. Баллады, „Zum Fischer" и „Erlkönig" хорошо извѣстны ученикамъ; произносили стихотворенія хоромъ. Учитель указывалъ на вліяніе природы на человѣка.

Ученики оказали очень большіе успѣхи въ старшихъ классахъ по рисованію съ натуры. Этотъ новый методъ почти вездѣ введенъ въ настоящее время въ Германіи.

По исторіи въ выпускномъ (первомъ) классѣ проходились войны Наполеона I. Главное вниманіе въ этомъ классѣ обращается на современную исторію Германіи.

Существуютъ въ городскомъ училищѣ въ Halle a/s два курса исторіи—средній и высшій—mit orientirendem Gange und mit vertiefendem Gange—эпизодическій курсъ и курсъ, при которомъ имѣется въ виду внутренній смыслъ историческихъ событій.

Въ III классѣ проходится древняя исторія, во II классѣ—исторія западной Европы до революціи, въ I классѣ—исторія Германіи со временъ революціи.

Въ выпускномъ (I) классѣ проходилась война 1813 года.

Фактическій матеріалъ хорошо усвоенъ учениками. Ученики обучаются пѣнію два раза въ недѣлю; они поютъ очень стройно хоромъ.

По математикѣ въ первомъ классѣ (выпускномъ) проходятъ возвышеніе въ квадратную степень чиселъ и извлеченіе квадратнаго корня изъ чиселъ. Они также имѣютъ понятіе о логариѳмахъ.

---

*) См. брошюру директора Götze-Die Mittelschule und höhere Mädchenschule „Halle" a/s 1903.

При мнѣ предлагались вопросы, касающіеся даже тригонометріи, значеніе, напримѣръ, синуса и косинуса.

Познанія учениковъ по математикѣ оказались очень хорошими для кончающихъ городское училище.

По французскому языку въ выпускномъ (I) классѣ методъ оказался грамматическій; весь урокъ ведется по нѣмецки—это шестой годъ обученія французскому языку, такъ какъ начинаютъ его съ sexta.

Познанія удовлетворительныя *).

Переходя теперь къ типу городскихъ училищъ въ Австріи, носящихъ тамъ названіе „Bürgerschulen", я долженъ тутъ замѣтить, что этотъ типъ допускаетъ въ Австріи большія измѣненія въ программахъ старшихъ классовъ, въ зависимости отъ различныхъ мѣстныхъ условій, въ которыхъ находится городское училище.

Эта чрезмѣрная гибкость его учебной программы, старающейся приноровиться къ мѣстнымъ нуждамъ населенія, представляетъ, какъ мнѣ кажется, для насъ интересный для наблюденія объектъ, такъ какъ у насъ, еще болѣе, чѣмъ въ любой другой странѣ, чувствуется неотложная необходимость въ примѣненіи программъ различныхъ низшихъ общеобразовательныхъ и техническихъ промышленныхъ училищъ къ столь разнообразнымъ потребностямъ мѣстнаго населенія.

Австрійскія „Bürgerschulen" призваны къ жизни закономъ 8 іюня 1883 г. **).

Они имѣютъ въ Австріи цѣль дать образованіе, служащее дополненіемъ обыкновенному начальному народному училищу (Volksschule) съ 5-лѣтнимъ курсомъ, причемъ обращается преимущественное вниманіе на нужды ремесленнаго образованія и сельскаго хозяйства (die Bedürfuisse der Gewerbetreibenden und der Landwirthe). Они имѣютъ также въ виду подготовку своихъ учениковъ къ учительскимъ семинаріямъ (Lehrerbildungsanstalten), а также и подготовку къ тѣмъ техническимъ школамъ (Fachschulen), для ко-

---

*) Итакъ, мы видимъ, что существуетъ глубокое различіе въ самомъ преподаваніи въ 6-тиклассныхъ реальныхъ училищахъ и въ городскихъ училищахъ. Въ первыхъ изъ нихъ преслѣдуются научныя цѣли, а во вторыхъ-прикладное знаніе.

**) См. Handbuch der Reichsgesetze und Ministerialverordnungen über das Volksschulwesen in Österreich. Wien 1891.

торыхъ не требуется образованія, получаемаго въ средне-учебномъ заведеніи (Mittelschule) въ Австріи.

„Bürgerschulen“ состоятъ изъ трехъ классовъ, которые примыкаютъ къ пятому году обыкновенной „Volksschule“.

Курсъ Volksschule обязателенъ для каждаго ученика *) и обученіе въ ней безплатное въ возрастѣ отъ 6 до 14 лѣтъ.

Въ нижней Австріи („Niederösterreich“), напримѣръ, бываютъ городскія училища (Bürgerschulen) съ тремя опредѣленными типами программъ своего 3-хклассмаго курса — это Bürgerschulen mit gewerblicher Richtung, mit chemischer Richtung und mit landwirtschaftlicher Richtung.

Для наглядности, я представлю здѣсь всѣ 3 эти типа, съ обозначеніемъ числа уроковъ по классамъ по каждому предмету.

	Австрійская Bürgerschule.								
	съ промышленнымъ направленіемъ			съ химическимъ направленіемъ			съ сельскохозяйственнымъ направленіемъ		
	I кл.	II кл.	III кл.	I кл.	II кл.	III кл.	I кл.	II кл.	III кл.
Законъ Божій	2	2	2	2	2	2	2	2	2
Нѣмецкій языкъ и коммерческая переписка	5	5	4	5	5	4	5	5	4
Исторія и географія	3	3	3	3	3	3	3	3	3
Естественная исторія	2	2	2	2	2	2	3	3	3
Физика и химія	2	2	3	2	3	4	2	2	3
Ариеметика и бухгалтерія	4	4	4	4	4	4	4	4	4
Геометрія и геометрическое черченіе	3	3	3	3	3	3	3	3	4
Рисованіе	4	4	5	4	4	4	4	4	4
Чистописаніе	1	1	—	1	1	—	1	1	—
Пѣніе	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Гимнастика	2	2	2	2	2	2	2	2	2
Общая сумма недѣльныхъ уроковъ	29	29	29	29	30	30	30	30	30

*) Кромѣ жителей Галиціи и Далмаціи, длякоторыхъ существуетъ особое законоположеніе; эти области—самыя бѣдныя въ Австро-Венгерской монархіи.

Эти учебныя программы вошли въ силу, на основаніи австрійскаго министерскаго распоряженія отъ 1 Апрѣля 1884 г. (Erlass des K. K. Ministers für Cultus und Unterricht vom 1 April 1884. Z 3833).

По достиженіи 14-тилѣтняго возраста, мальчикъ можетъ покинуть Bürgerschule, хотя и не кончивъ курса; вслѣдствіе этого курсъ каждаго класса городского училища представляетъ изъ себя концентрическій кругъ; вмѣстѣ съ тѣмъ такъ называемыя „Realia" занимаютъ слишкомъ большое мѣсто въ учебномъ планѣ. Программамъ слѣдуетъ придать болѣе практическій характеръ, менѣе отвлеченный—вотъ на что указали мнѣ въ министерствѣ въ Вѣнѣ.

Сообразно съ этими указанными недостатками программы городскихъ училищъ въ Австріи подвержены въ настоящее время коренному пересмотру.

Bürgerschülen задаются цѣлью: во 1-хъ,—служить переходомъ и подготовкою къ курсу учительскихъ семинарій, готовящихъ будущихъ народныхъ учителей для начальныхъ народныхъ училищъ Volksschulen), и во 2-хъ,—готовить своихъ учениковъ въ различныя техническія и ремесленныя училища.

Какъ мнѣ указывали въ австрійскомъ министерствѣ народнаго просвѣщенія, существенное затрудненіе для Австріи заключается въ томъ, что въ промышленныя училища (Gewerbeschulen) принимаются ученики по закону не раньше 15 лѣтъ, а Bürgerschule можно окончить 14-ти лѣтъ; такимъ образомъ образуется промежутокъ въ одинъ годъ безъ школьнаго обученія.

Курсъ Gewerbeschule — 4-хлѣтній; его кончаютъ, слѣдовательно, 18-ти лѣтъ.

Съ цѣлью пополнить этотъ пробѣлъ законъ 12-го іюня 1903 г и учреждаетъ такъ называемые „Fortbildungsschulen"—цѣль которыхъ служить переходомъ отъ Bürgerschulen къ высшимъ техническимъ школамъ.

Въ общемъ замѣчается въ Австріи стремленіе удлинить 3-хлѣтній курсъ Bürgerschulen, прибавивъ къ нему IV классъ, съ цѣлью подготовлять его учениковъ къ переходу въ средніе классы гимназіи или реальныхъ училищъ (Mittelschulen) въ Австріи.

Итакъ мы, видимъ, что въ Австріи городскія училища не имѣютъ того замкнутаго характера и той законченности, которыми отличаются городскія училища въ Германіи и которыя составляютъ тамъ всю ихъ силу.

Въ Австріи, напротивъ, они являются только переходною ступенью къ другимъ типамъ учебныхъ заведеній, утративъ должен-

ствующую имъ принадлежать самостоятельность — составляющую ихъ особенность.

Врядъ ли, мнѣ кажется, это можетъ служить желательнымъ примѣромъ для насъ.

Намъ кажется, напротивъ, крайне необходимымъ установить строгое разграниченіе задачъ, которыя берутъ на себя какъ городское училище, такъ и средняя школа.

Смѣшеніе же задачъ этихъ двухъ типовъ представляется намъ крайне нежелательнымъ и прежде всего не педагогичнымъ.

Съ проведеніемъ этой мѣры, каждый изъ этихъ типовъ—средняя школа и городское училище, — утратили-бы присущій каждому изъ нихъ типъ образованія.

Городское училище лишилось бы своего законченнаго курса, столь необходимаго для массы городского населенія; а низшіе классы средней школы обратились бы въ какое-то низшее училище.

Между тѣмъ каждый изъ этихъ типовъ учебныхъ заведеній долженъ имѣть свои самостоятельныя цѣли и задачи.

Низшая школа должна доставлять начальное, умственное и религіозно-нравственное образованіе; она распространяетъ грамотность въ народѣ и городскомъ населеніи, тогда какъ низшіе классы средней школы должны быть органически связаны съ средними и высшими, и самая цѣль средней школы (совершенно исключающая понятіе о низшей)—совершенно иная: она должна доставлять своимъ питомцамъ ту умственную зрѣлость, которая необходима для успѣшнаго занятія научными дисциплинами въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Отсюда ясно, что цѣли этихъ двухъ типовъ школъ совершенно различны. Кромѣ того, методы преподаванія и самый преподавательскій составъ совершенно иные въ обоихъ типахъ заведеній.

Но кромѣ чисто педагогическихъ соображеній противъ приравненія этихъ двухъ курсовъ можно и слѣдуетъ привести много соображеній чисто соціальнаго свойства.

Такое приравненіе широко открыло бы двери средней школы дѣтямъ изъ низшей общественной среды, искусственно привлекая ихъ въ среднюю школу и тѣмъ лишая ихъ того полезнаго, законченнаго образованія въ городскомъ училищѣ, которое имъ всего болѣе нужно *).

Стремленіе по возможности приравнять курсъ городскихъ училищъ къ низшимъ классамъ средней школы мы весьма ясно можемъ наблюдать, между прочимъ, въ современной республиканской Франціи.

---

*) Какъ нашимъ читателямъ извѣстно изъ другихъ статей „Р. Ш.“, мы не раздѣляемъ этого взгляда почтеннаго автора. *Ред.*

Выдающіеся ораторы, высказавшіе свои взгляды въ палатѣ депутатовъ въ Парижѣ въ недавно закончившемся „допросѣ по среднему образованію“ „Enquête sur l'enseignement secondaire“, подъ предсѣдательствомъ бывшаго министра Рибо, горячо проводили эту мысль, доказывая ея необходимость для полнаго упроченія демократизаціи во Франціи, для безпрепятственнаго достиженія самыхъ высшихъ должностей людьми, выходящими изъ самыхъ низшихъ общественныхъ слоевъ, что, конечно, составляетъ идеалъ для всякаго республиканскаго правительства.

Переходя теперь къ детальному разбору учебныхъ программъ этихъ трехъ типовъ и къ сравнительному ихъ разсмотрѣнію и возвращаясь для этого къ предложенной нѣсколько выше таблицѣ числа уроковъ въ каждомъ классѣ всѣхъ трехъ разбираемыхъ типовъ городскихъ училищъ, мы видимъ, что, не расходясь въ количествѣ уроковъ по всѣмъ прочимъ учебнымъ предметамъ, они представляютъ различіе въ количествѣ уроковъ только по нѣкоторымъ предметамъ учебнаго курса, какъ, напримѣръ, по физикѣ и химіи или по естественной исторіи или, наконецъ, по геометрическому черченію.

Каждый изъ этихъ предметовъ въ томъ или другомъ типѣ городского училища представленъ въ таблицѣ большимъ, сравнительно съ другимъ типомъ, количествомъ числа уроковъ, въ зависимости отъ доминирующаго направленія того или другого типа. Такъ, напримѣръ, въ городскихъ училищахъ съ химическимъ направленіемъ (mit chemischer Richtung) на физику и химію (Naturlehre) во второмъ классѣ удѣляется три часа, вмѣсто двухъ, которые удѣляются по программѣ городскихъ училищъ съ промышленнымъ направленіемъ (mit gewerblicher Richtung).

Этотъ лишній часъ въ недѣлю употребляется на прохожденіе такихъ статей изъ химіи, которыя совсѣмъ не проходятся въ училищахъ другого типа, и, напротивъ, здѣсь въ городскихъ училищахъ съ химическимъ направленіемъ играютъ, конечно, видную роль, напримѣръ: описаніе и свойства цемента, известки, приготовленіе соды, выработка фарфора, фаянса, простыхъ горшковъ, устройство кирпичныхъ заводовъ, драгоцѣнные металлы и ихъ отличительныя особенности, польза отъ нихъ, ихъ примѣненіе и прочее.

Въ III классѣ тоже назначено по 4 урока на химію вмѣсто трехъ, удѣляемыхъ на химію въ училищахъ другого типа.

Здѣсь химія, конечно,—основной предметъ.

Такъ, въ этомъ классѣ проходятся дополнительныя статьи по химіи, напримѣръ: порохъ и его фабрикація, сахарные заводы, бумагопрядильныя, бумажныя фабрики, лѣсопильные заводы. Свойство смолы, различныхъ лаковъ, мастикъ, клеевъ, различныя масла и ихъ примѣненіе.

Въ городскихъ же училищахъ съ сельско-хозяйственнымъ направленіемъ (mit landwirtschaftlicher Richtung) проходится по сравненію съ gewerblicher Richtung усиленный курсъ естественной исторіи (въ I-мъ классѣ, во II классѣ и въ III классѣ—по 3 урока вмѣсто двухъ для другихъ типовъ).

Тутъ проходятся вообще главныя основанія сельскаго хозяйства.

Въ первомъ классѣ (три недѣльныхъ урока) изучаются изъ животнаго міра самыя полезныя животныя для сельскаго и домашняго хозяйства, далѣе—вредныя животныя, за исключеніемъ насѣкомыхъ; изъ міра растительнаго—культурныя и дикія растенія, встрѣчающіяся на родинѣ, ядовитыя растенія. Движеніе вѣтровъ, образованіе пашни, культура фруктовыхъ деревьевъ, практическія занятія въ школьномъ саду (при каждомъ городскомъ училищѣ этого типа обязательно существуетъ школьный садъ, который содержится исключительно учениками).

Во II классѣ (три недѣльныхъ урока) проходятся важнѣйшіе для сельскаго хозяйства естественные продукты, изучаются вредныя для него насѣкомыя, домашнія животныя, различныя ихъ породы и уходъ за ними. Различныя почвы и почвенныя наслоенія, обработка земли, различные способы унавоживанія, при чемъ занятія въ школьномъ и фруктовомъ саду продолжаются.

Наконецъ, въ III классѣ (тоже при трехъ недѣльныхъ урокахъ) проходится общій обзоръ царствъ: животнаго, растительнаго и минералловъ по различнымъ существующимъ въ естествовѣдѣніи системамъ, а сверхъ программы естественной исторіи въ городскихъ училищахъ другихъ типовъ—распознаваніе обыкновенныхъ болѣзней у домашнихъ животныхъ; различныя системы орошенія; продукты сельскаго хозяйства и условія ихъ сбыта; урожаи, культура винограда (винодѣліе, какъ отрасль сельскаго хозяйства); изучается спеціальное сельско-хозяйственное законодательство.

Въ каждомъ классѣ, кромѣ того, предпринимаются частыя сельско-хозяйственныя экскурсіи.

Программа геометрическаго черченія въ городскихъ училищахъ этого типа съ сельско-хозяйственнымъ направленіемъ также значительно разнится отъ общей программы для геометрическаго черченія въ городскихъ училищахъ другихъ типовъ. Такъ, напримѣръ, проходится особый землемѣрный курсъ, производятся вычисленія инструментальнымъ путемъ, при помощи астролябіи и пр.

Мы видимъ, значитъ, что курсъ городскихъ училищъ (Bürgerschulen) въ Австріи—чисто практическій и приспособляется всегда къ мѣстнымъ потребностямъ, и въ этомъ его большая заслуга. Это и есть тотъ характеръ преподаванія, вызываемый мѣстною нуждою,

мѣстными условіями народной и общественной жизни, который такъ желательно было бы, по моему глубокому убѣжденію, примѣнить у насъ въ Россіи къ столь разнообразнымъ климатическимъ и бытовымъ особенностямъ нашей безпредѣльной родины.

Женскія городскія училища въ Австріи тоже бываютъ съ трехгодичнымъ курсомъ и двухъ типовъ—съ промышленнымъ направленіемъ bürgerlich-gewerblicher Richtung и такія, въ которыхъ обязательно происходятъ занятія въ огородѣ и культура цвѣтовъ—Gemüsebau und Blumencultur.

Вводится, конечно, не существующій въ мужскихъ городскихъ училищахъ курсъ кройки и рукодѣлія; за то гимнастика (Turnen) необязательна въ курсѣ женскихъ городскихъ училищъ.

Во всемъ остальномъ учебные планы женскихъ городскихъ училищъ мало чѣмъ отличаются отъ мужскихъ; только общее число недѣльныхъ уроковъ по классамъ нѣсколько ниже—здѣсь ихъ бываетъ 27 и 28, а въ мужскихъ—29 и 30.

Посѣтилъ я въ Вѣнѣ городское мужское училище, при которомъ находится городская учительская семинарія (städtisches Pädagogium); въ немъ 9 классовъ, изъ которыхъ пять классовъ составляютъ начальное народное училище (Volksschule) отъ I до V класса *).

Во всемъ заведеніи всего 328 учениковъ, изъ нихъ 252—въ Volksschule и 76 въ трехъ классахъ Bürgerschule. По вѣроисповѣданію они раздѣляются слѣдующимъ образомъ: католиковъ—229, протестантовъ 24 и 71 еврей. Языкъ преподаванія, конечно, нѣмецкій

6-тилѣтніе мальчики поступаютъ въ I классъ—Volksschule и остаются въ ней 5 лѣтъ до 11-тилѣтняго возраста, когда они переходятъ въ гимназіи или реальное училище (обыкновенно въ I-ый младшій классъ) или въ младшій классъ (I классъ) городскихъ училищъ.

Предполагается со временемъ открыть еще лишній IV классъ, который бы далъ оканчивающимъ въ немъ курсъ льготу по отбыванію воинской повинности, которой теперь городскія училища въ Австріи не даютъ.

Французскій языкъ необязателенъ въ учебномъ планѣ австрійскихъ городскихъ училищъ (по 6 уроковъ въ недѣлю во всѣхъ трехъ классахъ), зато и успѣхи въ немъ очень слабые, въ чемъ я могъ лично убѣдиться.

По окончаніи полнаго курса Bürgerschule изъ III класса его переходятъ обыкновенно въ III или IV классъ гимназіи.

---

*) Счетъ классовъ въ Австріи какъ у насъ: I-ый классъ—младшій, V—старшій, а III классъ Bürgerschule—выпускной.

Это городское училище въ Вѣнѣ, мною посѣщенное,—съ промышленнымъ направленіемъ.

Я посѣтилъ въ немъ урокъ физики въ I классѣ въ городскомъ училищѣ, въ III классѣ (выпускномъ)—урокъ рисованія и въ томъ же классѣ—урокъ естественной исторіи.

Ученики прекрасно рисуютъ; мнѣ показывали массу образцовъ исполненныхъ работъ учениковъ выпускного класса по рисованію.

Вездѣ въ Австріи въ городскихъ училищахъ употребляется новый методъ рисованія—исключительно съ натуры.

На урокѣ естественной исторіи въ III классѣ (выпускномъ) проходили очень подробно отдѣльныя части человѣческаго сердца; демонстрировался прекрасный препаратъ.

Я нашелъ даже, что преподаватель вдавался въ излишнія подробности для учениковъ городского училища.

Директоръ Rauscher очень любезно водилъ меня по всѣмъ классамъ.

Въ учительской семинаріи (Pädagogium) разъ въ недѣлю (по средамъ) молодые преподаватели упражняются въ даваніи пробныхъ уроковъ въ одномъ изъ классовъ городского училища. Эти уроки потомъ служатъ предметомъ обсужденія особой коммиссіи.

Къ сожалѣнію, во время моего пребыванія въ Вѣнѣ—въ концѣ (по новому стилю) октября—занятія эти еще не начались (они начинаются послѣ 1 ноября), и потому я не могъ лично на нихъ присутствовать.

У меня имѣется „статутъ“ этой учительской семинаріи *).

Въ Прагѣ я посѣтилъ единственное нѣмецкое тамъ городское училище Altstädtische Knaben Volks—und Bürgerschule. Въ Volksschule отъ I до V класса—349 учениковъ, а въ Bürgerschule отъ V до VII—301 ученикъ; поступаютъ 5 лѣтъ и выходятъ 14 лѣтъ.

Преподавательскій языкъ нѣмецкій; чешскій и французскій необязательны.

По окончаніи курса, поступаютъ въ коммерческую академію (Handelsacademie) на четыре года или въ коммерческое училище (Handesschule) на два года. Въ Прагѣ существуютъ двѣ коммерческія академіи—нѣмецкая и чешская. Окончившіе курсъ городского училища, могутъ еще поступить въ промышленное училище (Staatsgewerbeschule), по пріемному испытанію.

Обыкновенно они его выдерживаютъ, такъ какъ большинство

---

*) Statut des wiener Pädagogiums на основаніи министерскаго распоряженія отъ 26 іюня 1895 г. (13500).

учениковъ, оканчивающихъ Bürgerschule, очень хорошо подготовлены и обладаютъ солиднымъ запасомъ практическихъ знаній: все, что они знаютъ, они знаютъ основательно, и по общему отзыву всѣхъ педагоговъ, съ которыми приходилось говорить въ Прагѣ, познанія ихъ гораздо основательнѣе выносимыхъ гимназистами и реалистами изъ средней школы.

Учебные планы городскихъ училищъ (Bürgerschulen) въ Прагѣ совершенно идентичны съ австрійскими; разница только въ чешскихъ городскихъ училищахъ, гдѣ языкъ преподаванія чешскій, а нѣмецкій даже необязателенъ.

Евреевъ въ этомъ пражскомъ нѣмецкомъ городскомъ училищѣ—громадное количество: на 77 католиковъ и одного протестанта приходится 272 еврея въ Volksschule, т. е. въ пяти первыхъ классахъ, и на 126 католиковъ и 4 протестантовъ приходится 171 еврей въ Bürgerschule въ старшихъ классахъ—отъ V и VIII; итакъ, мы видимъ, что еврейскій элементъ сильно поддерживаетъ нѣмецкія школы въ Прагѣ и, не будь его, онѣ были бы давно закрыты.

Такъ какъ это городское училище—единственное нѣмецкое въ Прагѣ, оно страшно переполнено: въ параллельныхъ отдѣленіяхъ бываетъ отъ 80 до 85 человѣкъ въ каждомъ.

Городъ очень скупится на это училище, такъ какъ оно—нѣмецкое даже не выдаютъ денегъ на печатаніе годового отчета), а между тѣмъ чешскія городскія училища содержатся роскошно.

Зданіе училища очень ветхое и совершенно не соотвѣтствуетъ количеству учениковъ.

Эти нежелательныя отношенія городского управленія къ нѣмецкой Bürgerschule въ Прагѣ объясняются тѣмъ, что большинство гласныхъ въ думѣ—чехи, совершенно враждебно настроенные ко всему нѣмецкому, и эта національная рознь съ каждымъ годомъ даетъ себя сильнѣе чувствовать, по словамъ хорошо знакомыхъ съ мѣстными условіями обывателей, съ которыми я бесѣдовалъ объ этомъ интересномъ вопросѣ.

Графъ **А. С. Мусинъ-Пушкинъ**.

(*Продолженіе будетъ.*)

Чѣмъ жива Швейцарія.

(Изъ записной книги туриста-педагога).

III.

Начальное народное училище.

Отсутствіе общешвейцарской школьной организаціи.—Историческія, экономическія и политическія причины этого явленія.—Система народнаго просвѣщенія.—Управленіе народнымъ просвѣщеніемъ въ кантонахъ и общинахъ.—Отсутствіе формализма и бюрократизма.—Цюрихъ, какъ педагогическій уголокъ.—Обязательное обученіе и общедоступность школы.—Безплатность обученія.—Отсутствіе сословности.—Совмѣстное обученіе.—Нейтральность школы въ религіозномъ отношеніи.—Цѣль, преслѣдуемая народнымъ училищемъ.—Продолжительность обязательнаго обученія.—Распредѣленіе учебнаго времени.—Тѣсная связь между различными видами образованія и школьными типами.—Учебные планы Закона Божьяго, природовѣдѣнія, исторіи, географіи, ариѳметики, геометріи съ черченіемъ, рисованія, пѣнія, физическихъ упражненій и ручного труда.—Дидактическіе и методическіе пріемы.

Volksbildung ist Volksbefreiung.

Dr. Th. Scherr.

Если заглянуть въ глубь исторіи современной Швейцаріи, то поневолѣ изумляешься, какимъ образомъ изъ столь разнообразныхъ частей успѣлъ создаться жизнеспособный государственный организмъ. Старая Швейцарія вплоть до XIX в. представляла самый пестрый республиканскій конгломератъ во всемъ мірѣ: демократическіе и аристократическіе, суверенные, союзные и подчиненные кантоны были связаны въ слабый союзъ безъ общаго государственнаго строя и права, безъ общаго языка и религіи. Во главѣ кантоновъ, правда, стояло союзное правительство, но власть его была эфемерна. Каждый кантонъ и даже каждая община съ величайшей ревностью отстаивали свои мѣстныя права, привилегіи и особенности. Школьное дѣло въ каждой территоріи было предоставлено собственной участи, слѣдствіемъ чего было то, что въ одномъ мѣстѣ народное образованіе пустило пышные ростки и давало обильные

плоды, а въ другомъ мѣстѣ оно совсѣмъ не развивалось; въ одномъ мѣстѣ считали школу самымъ жизненнымъ вопросомъ, въ другомъ—самымъ ничтожнымъ. Только политическіе перевороты 1880 г., давшіе перевѣсъ во многихъ кантонахъ либеральной партіи, вселили новый импульсъ въ школьное дѣло. 1847 г. принесъ Швейцаріи болѣе солидную союзную хартію, тѣснѣе связавшую 22 или, точнѣе, 25 политическихъ индивидуумовъ-кантоновъ; но, какъ мы видѣли въ первыхъ главахъ этихъ очерковъ, болѣе сплоченная политическая организація Швейцаріи скорѣе имѣла въ виду внѣшнія отношенія Союза, чѣмъ внутреннія: внутри продолжала существовать прежняя своеобразность языковъ, политическихъ организацій, церковныхъ и соціальныхъ условій. Точно также въ виду чрезвычайнаго разнообразія почвенныхъ, климатическихъ и промышленныхъ условій, уровень образованія и спросъ на него въ городскомъ и сельскомъ населеніи, въ старыхъ и новыхъ кантонахъ продолжали сильно различаться.

Франко-прусская война 1870—71 гг., поразительные результаты которой общественное мнѣніе Европы приписывало побѣдѣ нѣмецкаго школьнаго учителя надъ французскимъ капраломъ, произвела огромное впечатлѣніе въ Швейцаріи. 28-го сентября 1875 г. союзное правительство ввело обязательные рекрутскіе экзамены, а 13-го сентября 1878 г.—обученіе гимнастикѣ для мальчиковъ въ возрастѣ отъ 10 до 15 лѣтъ. Съ семидесятыхъ же годовъ идетъ усиленная агитація въ пользу общаго подъема народнаго образованія въ Швейцаріи и подчиненія его союзному контролю. Мы видѣли, что попытки учительскаго сословія добиться централизаціи швейцарскаго народнаго образованія не привели ни къ чему; кантоны сохранили свою автономію въ школьныхъ вопросахъ; однако, усиленная агитація, возникшая по поводу этого вопроса и приведшая, наконецъ, въ 1902 году къ расширенію § 27 Союзной конституціи*), союзныя субсидіи на дѣло народнаго образованія, особенно же на техническое и профессіональное, и соревнованіе кантоновъ на почвѣ рекрутскихъ экзаменовъ привели къ тому, что даже тѣ кантоны, которые еще сравнительно недавно считались самыми отсталыми, сдѣлали огромные успѣхи въ школьномъ дѣлѣ.

Современная Швейцарія не имѣетъ общей школьной организаціи. Здѣсь совершенно нѣтъ того единообразія школьныхъ типовъ и программъ, къ которому мы привыкли въ Россіи. Да оно и понятно. Нельзя втискивать въ однѣ и тѣ же рамки богатое населеніе промышленныхъ районовъ Цюриха, Женевы и Невшателя съ одной—и

---

*) § 27 bis. См. „Русск. Шк.“, мартъ.

пастуховъ Ури и Граубюндена съ другой стороны. Если школьники въ Цюрихѣ почти круглый годъ посѣщаютъ свою школу въ до- и послѣобѣденное время, то нельзя того же требовать отъ дѣтскаго населенія кантона Швицъ, гдѣ горный характеръ страны, представляющей группу замкнутыхъ долинъ, часто отрѣзанныхъ отъ внѣшняго міра, сильно затрудняетъ взаимное сообщеніе рѣдкаго населенія.

Такимъ образомъ, дать общій очеркъ народнаго образованія въ Швейцаріи задача не изъ легкихъ, тѣмъ болѣе, что школьные типы однихъ и тѣхъ же наименованій въ различныхъ кантонахъ причисляются то къ среднимъ, то къ низшимъ школамъ. Справедливость требуетъ сказать, что какъ ни почтенны заслуги швейцарскихъ университетовъ и среднихъ учебныхъ заведеній, но не въ нихъ заключается жизненный нервъ страны, а въ *низшемъ образованіи*, которымъ мы сейчасъ же займемся.

Низшее образованіе—какъ мало и какъ много можетъ скрываться подъ этими двумя словами!. Какъ безконечно мало еще сдѣлано въ этомъ направленіи у насъ въ Россіи, гдѣ самая значительная часть дѣтскаго населенія остается безъ всякой школьной науки, а множество прошедшихъ элементарную школу впадаютъ въ рецидивъ круглаго невѣжества. Грѣшно было бы сравнивать нашу обширную и многолюдную, но бѣдную и безграмотную Россію съ маленькой, образованной Швейцаріей; но невольно впадаешь въ уныніе, сознавая, что блестящіе примѣры передовыхъ странъ Запада, для которыхъ знаніе есть не только сила, но и долгъ, остаются для насъ мало поучительными.

Краеугольный камень низшаго образованія въ Швейцаріи составляетъ *народное училище* (Primar-Schule, école primaire), съ весьма солидной программой и, въ большинствѣ случаевъ, съ учебнымъ курсомъ въ 8 лѣтъ. Въ народное училище поступаютъ дѣти въ возрастѣ 6—7 лѣтъ. Однако, правительства кантоновъ стремятся къ тому, чтобы дѣти и въ дошкольномъ возрастѣ получали правильное общественное воспитаніе; этой цѣли служатъ такъ называемые „*дѣтскіе сады*“ (Kinder-Schulen écoles enfantines), служащіе переходомъ отъ семьи къ школѣ. Въ нѣкоторыхъ кантонахъ посѣщеніе этихъ школъ обязательно. Въ тѣсной связи съ народными училищами находится система *дополнительнаго образованія* (Fortbildungs-Schulwesen). Сюда относятся высшія народныя училища (Secundar-Schulen, écoles secondaires, Realschulen, Bezirks-Schulen), народныя училища съ расширенной программой (erweiterte Primar-Schulen), репетиціонныя, повторительныя, профессіональныя и др. школы, имѣющія цѣлью расширить и укрѣпить пріобрѣтенныя въ

народномъ училищѣ знанія и вмѣстѣ съ тѣмъ приготовить молодыхъ людей къ практической дѣятельности или къ прохожденію школы болѣе высокаго типа. Между всѣми этими видами народнаго образованія существуетъ тѣсная и вполнѣ естественная связь; такая же тѣсная и преемственная связь установлена между низшимъ, среднимъ и высшимъ образованіемъ, вслѣдствіе чего швейцарцы могутъ съ гордостью заявить, что у нихъ—правильная *система народнаго просвѣщенія,* а не конгломератъ школъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга сословными и конфессіональными перегородками.

Управленіе школами заслуживаетъ особаго вниманія. Оно менѣе всего подходитъ подъ бюрократическій режимъ. При всемъ разнообразіи учрежденій, завѣдывающихъ школами въ различныхъ кантонахъ, общій характеръ ихъ одинаковъ. Не только кантоны, но и отдѣльныя общины самостоятельны въ организаціи и управленіи своими школами. Такъ, напримѣръ, законъ отъ 6-го мая 1894 г. по поводу бернскихъ школъ гласитъ: „Общины самостоятельны въ предѣлахъ закона въ устройствѣ школьнаго дѣла. Кантональному правительству принадлежитъ лишь контроль“. Обыкновенно каждая община образуетъ особый школьный районъ; однако, въ видахъ облегченія дѣтямъ посѣщенія школы, община можетъ, съ разрѣшенія кантональнаго правительства, раздѣлить свою территорію на нѣсколько районовъ. Точно также, если это вызывается мѣстными условіями, то дѣти изъ одной общины могутъ посѣщать школу, находящуюся въ сосѣдней общинѣ“.

Училище того или другого района подчинено особой школьной коммиссіи (Schulcommission, Schulpflege, commission scolaire).

Въ Бернскомъ кантонѣ въ составъ такой коммиссіи входитъ не менѣе 5 лицъ, избираемыхъ на 4 года изъ числа полноправныхъ гражданъ общины, въ возрастѣ не ниже 20 лѣтъ, причемъ родственники учителей общинной школы не могутъ быть избираемы. Школьная коммиссія слѣдитъ за тѣмъ, чтобы всѣ дѣти школьнаго возраста посѣщали училище и чтобы за манкировки налагалось наказаніе; коммиссія заботится о благоустройствѣ училища и о доставленіи необходимыхъ средствъ и учебныхъ пособій, контролируетъ учителя, опредѣляетъ время испытаній и каникулъ, посѣщаетъ уроки и экзамены и вообще всѣми зависящими средствами содѣйствуетъ правильному развитію училища. Члены коммиссіи лично отвѣтственны за всѣ упущенія и убытки по училищу.

Въ отношеніи низшаго образованія Бернскій кантонъ дѣлится на 12 округовъ. Въ каждомъ округѣ *техническій* надзоръ за низшимъ, дополнительнымъ и частнымъ образованіемъ возлагается на особаго окружного инспектора, избираемаго Большимъ Совѣтомъ на

4 года. Дѣятельность окружныхъ инспекторовъ строго нормирована особой инструкціей. По отношенію къ училищамъ и учителямъ инспекторы отнюдь не являются начальниками, а только ревизорами, причемъ въ ревизіи совмѣстно съ инспекторомъ принимаетъ участіе не только школьная коммиссія района, но и самъ ревизуемый учитель. При оцѣнкѣ дѣятельности учителя и училища инспектору рекомендуется принимать во вниманіе мѣстныя условія и тѣ трудности, съ которыми приходится бороться учителю. Высшей инстанціей въ кантонѣ по учебнымъ дѣламъ является бернская учебная дирекція (Erziehungsdirection).

Въ Женевскомъ кантонѣ управленіе и высшее наблюденіе за народнымъ просвѣщеніемъ принадлежитъ правительственному совѣту (Conseil d'État), а непосредственное управленіе—особому учебному департаменту (Département de l'instruction publique). Кромѣ того, существуетъ особый комитетъ, вродѣ Ученаго Комитета нашего министерства народнаго просвѣщенія: онъ даетъ заключенія по всѣмъ вопросамъ общаго характера, касающимся узаконеній, инструкцій, программъ, учебныхъ пособій, методовъ, испытаній, замѣщенія должностей и пр. Впрочемъ, заключенія комитета не обязательны ни для учебнаго департамента, ни для правительственнаго совѣта Чрезвычайно любопытенъ составъ комитета. Въ составъ его входитъ 31 лицо, но лишь 16 членовъ назначаются правительственнымъ совѣтомъ по предложенію учебнаго департамента; 11 членовъ комитета избираются учебнымъ персоналомъ учебныхъ заведеній различныхъ разрядовъ, а именно: 1—преподающими въ дѣтскихъ садахъ, 2—преподающими въ народныхъ училищахъ и въ дополнительныхъ школахъ, 1—изъ числа преподавателей среднихъ и дополнительныхъ земледѣльческихъ школъ, 1—изъ числа преподавателей профессіональной школы и факультативныхъ вечернихъ курсовъ, 2—отъ среднихъ и высшей дѣвичьихъ школъ, 2—отъ кантональнаго коллежа и 2 отъ университетскаго сената. Кромѣ того, 3 директорнизшихъ и среднихъ школъ и ректоръ университета засѣдаютъ въ комитетѣ съ совѣщательными голосами.

Предсѣдательствуетъ въ учебномъ комитетѣ одинъ изъ членовъ правительственнаго совѣта по назначенію учебнаго департамента. Такимъ образомъ, преподаватели всѣхъ степеней имѣютъ въ учебномъ комитетѣ защитниковъ своихъ интересовъ. Общее наблюденіе за народными и дополнительными школами въ Женевскомъ кантонѣ поручается особому директору и инспекторамъ, въ числѣ не болѣе 4. Кромѣ того, имѣется особая инспектрисса по женскимъ рукодѣліямъ и инспектрисса дѣтскихъ садовъ. Департаментъ производитъ также спеціальную инспекцію по гимнастикѣ.

Въ Ваадтскомъ кантонѣ общій надзоръ за школой принадлежитъ общинному муниципалитету, возлагающему завѣдываніе школой на особую школьную коммиссію (commission scolaire) въ составѣ не менѣе 3 членовъ, которые обязаны возможно чаще посѣщать ввѣренное имъ учебное заведеніе и слѣдить за тѣмъ, чтобы какъ учитель, такъ и учащіеся въ точности исполняли свои обязанности.

Ежегодно школьная коммиссія производитъ публичныя испытанія, на которыхъ муниципалитетъ присутствуетъ въ полномъ составѣ, или чрезъ своего представителя. Переводъ учащихся изъ одного класса въ другой производится коммиссіей по предложенію учителя. Высшая инстанція по учебнымъ дѣламъ въ кантонѣ—Département vaudois de l'instruction publique et des cultes.

Для полноты картины укажемъ на школьное управленіе Цюрихскаго кантона. Для управленія народнымъ училищемъ община избираетъ попечительство (Primarschulpflege); община или группа общинъ, содержащая высшее народное училище (Secundarschule), избираютъ для завѣдыванія имъ особое попечительство (Secundarschulpflege). Оба общинныхъ попечительства заботятся о ввѣренныхъ имъ школахъ, посѣщаютъ уроки и пр. Школьная инспекція возлагается въ каждомъ изъ 11 учебныхъ округовъ кантона на особое окружное попечительство, члены котораго также избираются изъ числа полноправныхъ гражданъ на 3 года, съ правомъ дальнѣйшаго переизбранія. Высшее кантональное учебное вѣдомство—т. н. „Совѣтъ народнаго просвѣщенія“ (Erziehungsrat) имѣетъ общій надзоръ за всѣмъ образованіемъ какъ низшимъ и среднимъ, такъ и высшимъ; на него возлагается обязанность содѣйствовать всѣми закономъ допускаемыми мѣрами общему, научному и профессіональному образованію населенія кантона. Совѣтъ состоитъ изъ 8 членовъ, а именно: представителя правительственнаго совѣта (Erziehungsdirector), 4 представителей кантональнаго совѣта, двухъ выборныхъ отъ учительскаго съѣзда (Cantonale Schulsynode), т. е. собранія преподавателей учебныхъ заведеній всѣхъ типовъ, отъ низшаго до высшаго включительно, и секретаря (Secretär der Erziehungsdirection). Совѣтъ собирается 2—4 раза въ мѣсяцъ и издаетъ правила и инструкціи, сообразуясь съ существующими узаконеніями.

Сказаннаго вполнѣ достаточно для яснаго представленія объ учебной администраціи въ швейцарскихъ кантонахъ: отсутствіе бюрократическаго режима, коллегіальность, широкое участіе преподавательскаго персонала въ школьной администраціи и выборная система—вотъ краеугольные камни этой организаціи.

Учебныя власти въ Швейцаріи совершенно не заражены формализмомъ: всѣ сношенія съ публикой и съ подчиненными органами

производятся здѣсь просто, безъ излишнихъ и торжественныхъ обрядностей и, главное, безъ проволочекъ, чѣмъ такъ грѣшатъ наши отечественныя учрежденія. Мнѣ вспоминаются здѣсь путевыя впечатлѣнія одного знакомаго англичанина, знакомство котораго съ Россіей началось съ Одессы. Англичанинъ умилился душой, глядя на ясное, голубое небо, на синее море, на чистенькія улицы города и на яркую пестроту бодраго, сангвиническаго населенія Южной Пальмиры, но... ему, какъ и всякому смертному, пришлось вступить въ близкое соприкосновеніе съ оффиціальными властями, и очарованія вмигъ не стало: и небо стало казаться не столь яснымъ, и благоустройство города болѣе показнымъ, чѣмъ дѣйствительнымъ, и жизнерадостность населенія неестественной. Относительно Швейцаріи можно смѣло сказать, что люди тамъ не портятъ красивой природы. Мое знакомство съ оффиціальной Швейцаріей началось въ Цюрихѣ, на родинѣ Песталоцци. Кантонъ этотъ идетъ во главѣ прогрессивнаго стремленія Швейцаріи къ возможно лучшей организаціи народнаго просвѣщенія и служитъ въ этомъ отношеніи образцомъ для нѣмецкихъ кантоновъ въ такой же мѣрѣ, какъ Женева и Ваадтъ—для кантоновъ съ романскимъ населеніемъ. Главный городъ кантона, Цюрихъ, по всей справедливости можетъ быть названъ педагогическимъ уголкомъ, гдѣ школьная жизнь течетъ, не встрѣчая на своемъ пути преградъ. Качтонъ этотъ, я бы сказалъ, насыщенъ школами. На территоріи въ 1.725 кв. километровъ, т. е. приблизительно равной площади Каширскаго уѣзда Тульской губерніи, живетъ, по декабрьской переписи 1900 г., 430.356 человѣкъ (249 на кв. килом.); такова приблизительно численность населенія г. Тамбова съ уѣздомъ. На этомъ небольшомъ пространствѣ находятся слѣдующія учебно-просвѣтительныя учрежденія: знаменитый союзный политехникумъ въ г. Цюрихѣ, университетъ и кантональное училище въ Цюрихѣ съ 2 отдѣленіями (гимназіей и промышленнымъ училищемъ), мужская гимназія въ Винтертурѣ, среднее техническое и промышленное училище тамъ-же, коммерческое училище профессіональное училище съ ремесленными классами, агрономическое училище, двѣ женскія гимназіи, мужская и женская учительскія семинаріи, училище художественной промышленности съ музеемъ, училища садоводства, винодѣлія, шелководства, металлургическое, свыше 450 народныхъ училищъ низшаго и высшаго разряда, свыше сотни учебныхъ заведеній для дѣтей дошкольнаго возраста, около 180 дополнительныхъ и рекрутскихъ школъ, нѣсколько курсовъ для ремесленниковъ, нѣсколько школъ для отсталыхъ и слабоумныхъ дѣтей, училище для глухонѣмыхъ и, наконецъ, свыше 30 частныхъ учебныхъ заведеній. Несомнѣнно, что столь богатое со-

четаніе учебно-просвѣтительныхъ учрежденій на небольшой территоріи дѣлаетъ великую честь населенію цюрихскаго кантона и является краснорѣчивымъ доказательствомъ стремленія властей удовлетворить потребности гражданъ какъ въ общемъ, такъ и въ профессіональномъ образованіи.

Городъ Цюрихъ заслуживаетъ полнаго вниманія туриста. Это—одинъ изъ прелестнѣйшихъ уголковъ Европы. Онъ расположенъ по обоимъ берегамъ р. Лимматъ, у впаденія ея въ озеро, и отчасти по берегу озера, гдѣ имѣется превосходно содержимая набережная. Т. н. „Большой городъ", лежащій на правой сторонѣ рѣки, имѣетъ совершенно столичный характеръ: широкія улицы, превосходная мостовая, великолѣпныя зданія, электрическій трамвай, роскошные магазины и т. п. На лѣвомъ берегу рѣки раскинулся „Малый городъ". Здѣсь уже гораздо меньше блеска, широкаго размаха и нарядности, но зато здѣсь пріютилась весьма почтенная и, надо ей отдать справедливость, опрятная старина, переносящая васъ сразу во времена Цвингли.

Чудный альпійскій ландшафтъ съ его снѣжными вершинами и живописныя гирлянды виллъ, садовъ и виноградниковъ, сбѣгающихъ по предгорьямъ къ озеру, составляютъ общій фонъ Цюриха.

Чтобы познакомиться съ цюрихскими учебными заведеніями, не нужно въ сущности никакихъ формальностей; начальники школъ безпрепятственно допустятъ васъ къ осмотру, узнавъ, что вы—товарищъ по оружію, но на всякій случай не мѣшаетъ сдѣлать визитъ въ кантональное и городское управленія. Кантональное учебное управленіе или дирекція (Erziehungsdirection) помѣщается въ старомъ городѣ, на Гирштрабенѣ. Когда я въ 1903 г. посѣтилъ дирекцію, то познакомился съ секретаремъ ея, г. Фр. Цоллингеромъ, который принялъ меня съ величайшей предупредительностью. Правда, Цюрихъ совсѣмъ маленькое государство, величиною съ русскій уѣздъ, а г. Цоллингеръ—начальникъ совсѣмъ миніатюрнаго департамента; но мы какъ-то привыкли, что высокомѣріе и профессіональная таинственность оффиціальныхъ властей не соотвѣтствуетъ ихъ рангу, а какъ разъ наоборотъ.

Такъ, въ былое „доброе старое время" „министры" микроскопическихъ нѣмецкихъ потентатовъ изъ кожи лѣзли, чтобы своимъ олимпійскимъ величіемъ и оффиціальной торжественностью внушать простымъ смертнымъ не меньшій священный трепетъ, чѣмъ Меттернихи и Гарденберги.

Г. Цоллингеръ оказался очень просвѣщеннымъ человѣкомъ, весьма компетентнымъ особенно въ вопросахъ гигіены воспитанія и обученія. Онъ обстоятельно изучилъ этотъ вопросъ на парижской

всемірной выставкѣ 1900 г. и внесъ обширный докладъ на эту тему въ учебный совѣтъ. Знакомя меня съ состояніемъ народнаго образованія въ Цюрихскомъ кантонѣ, г. Цоллингеръ обнаружилъ богатство знаній и широту взгляда, отличающія истиннаго педагога. На прощанье меня снабдили открытымъ листомъ, рекомендовавшимъ меня любезному вниманію всѣхъ начальниковъ учебныхъ заведеній.

Мой второй визитъ былъ въ городское управленіе, которому подчинены всѣ многочисленныя народныя и профессіональныя училища Цюриха. Великолѣпное, монументальное зданіе ратуши (Stadt·haus) возвышается на набережной Лиммата въ „Большомъ городѣ". Когда я осматривалъ этотъ муниципальный дворецъ и любовался царящимъ во всѣхъ его отдѣленіяхъ порядкомъ, когда управленіе городскими школами безъ всякихъ околичностей снабдило меня открытымъ листомъ и множествомъ полезныхъ свѣдѣній и указаній, я въ силу невольной ассоціаціи представленій перенесся мысленно въ Петербургъ, въ наше дряхлое муниципальное зданіе, съ его безобразной каланчой, лабиринтомъ отдѣленій и столовъ, съ его канцеляризмомъ и формализмомъ, которыхъ хватило бы на десятокъ департаментовъ,—и мнѣ стало грустно и досадно...

Будучи передовой и культурнѣйшей страной, Швейцарія возвела *школьную повинность* въ священнѣйшую обязанность своихъ гражданъ. Если воинская повинность ложится только на мужское населеніе страны извѣстнаго возраста, то школьная повинность имѣетъ въ виду всѣхъ безъ исключенія дѣтей, независимо отъ пола и умственныхъ и физическихъ способностей ихъ, съ самыми ничтожными изъятіями. Предписывая своимъ гражданамъ обязательное обученіе, швейцарскіе законы позаботились объ *общедоступности школы*; второе обусловливаетъ первое. На примѣрѣ нѣкоторыхъ европейскихъ государствъ мы видимъ, что законъ обязательнаго обученія дѣтей можетъ остаться на бумагѣ, если школа не вмѣщаетъ всего контингента дѣтей извѣстнаго района, или если въ извѣстномъ районѣ совершенно нѣтъ школъ *). Въ Швейцаріи—первѣйшій долгъ общины—доставленіе возможности учиться въ общественныхъ школахъ всѣмъ дѣтямъ школьнаго возраста. Правда, родителямъ разрѣшается обучать своихъ дѣтей и на дому, или въ частной школѣ, но съ извѣстными гарантіями, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. Бернскій школьный законъ гласитъ такъ: „Община обя-

---

*) Напр., въ Испаніи.

зана заботиться о томъ, чтобы каждый ребенокъ могъ получить начальное образованіе въ общественной школѣ" *).

Въ Женевскомъ кантонѣ каждая община обязана имѣть по крайней мѣрѣ одинъ дѣтскій садъ (école enfantine) и одно народное училище (école primiare). Только въ исключительныхъ случаяхъ правительственный совѣтъ разрѣшаетъ въ видѣ временной мѣры двумъ общинамъ содержать одну школу. Община обязана соорудить и оборудовать школу, содержать зданіе въ полномъ порядкѣ и чистотѣ, отапливать и освѣщать его **).

Особенно обстоятельно вопросъ этотъ трактуется въ законахъ и регламентахъ кантона Ваадтъ. Правительство кантона не довольствуется тѣмъ, чтобы дѣти усвоили извѣстный минимумъ знаній: оно требуетъ также, чтобы дѣтскіе годы юнаго поколѣнія были заняты обязательнымъ обученіемъ. Однако родители не обязаны посылать своихъ дѣтей непремѣнно въ общественную школу; правительство требуетъ, чтобы каждый учился, но школьная инспекція не переходитъ въ инквизицію и не вторгается въ семью. Ребенокъ можетъ обучаться дома, или въ частной школѣ, лишь-бы только обученіе это было плодотворно и ребенокъ не отставалъ въ умственномъ отношеніи отъ своихъ сверстниковъ, обучающихся въ общественныхъ школахъ ***).

Естественнымъ слѣдствіемъ обязанности обученія является безплатность его; это совсѣмъ не милостыня, огульно раздаваемая казной.

Если община не исполняетъ своихъ обязательствъ по народному образованію, то правительство само исполняетъ недостающее, конечно, за счетъ общины. Въ данномъ случаѣ государство выступаетъ въ качествѣ естественнаго защитника интересовъ слабаго, охраняя дѣтей отъ небрежности родителей или общества, точно такъ-же, какъ оно защищаетъ ихъ отъ жестокаго обращенія. Во всякой общинѣ Ваадтскаго кантона должна быть, по крайней мѣрѣ, одна школа, а въ отдаленныхъ деревушкахъ, гдѣ имѣется не менѣе 20 дѣтей школьнаго возраста, долженъ быть открытъ классъ, но съ тѣмъ, чтобы число учащихся въ этомъ классѣ отнюдь не превышало 50; въ противномъ случаѣ классъ долженъ быть раздѣленъ на два, по возрастамъ дѣтей.

Даже перемѣна постояннаго мѣста жительства не освобождаетъ

---

*) Gesetz über den Primar-Unterricht im Kanton Bern, 6 mai 1894, § 2.

**) Lois sur l'instruction publique de la république et du Canton de Genève 5 Juin 1886—22 Février 1896, art. 68.

***) Loi du 9 mai 1889 sur l'instruction publique primaire (Lausanne, 1890). Exposé sommaire de l'organisation de l'instruction publique, par S. Schopfer. (Lausanne, 1886).

отъ школьной повинности. Бернскій законъ *) говоритъ, что родители, оставляя на время мѣсто жительства съ дѣтьми, обязаны по возвращеніи домой доказать, что дѣти въ это время посѣщали школу. Если семья живетъ внѣ предѣловъ кантона, то и въ этомъ случаѣ школьное попечительство родной общины потребуетъ доказательствъ, что родители исполняютъ свой долгъ по отношенію къ дѣтямъ.

Уклоненіе отъ школьной повинности и даже простыя манкировки вызываютъ со стороны школьныхъ попечительствъ и кантональныхъ правительствъ строгія взысканія, которымъ подвергаются, однако, не дѣти, а ихъ родители. Въ Бернѣ за манкировку безъ уважительной причины въ первый разъ налагается штрафъ въ 3—6 фр.; въ каждый слѣдующій разъ штрафъ удваивается. Въ случаяхъ упорнаго нежеланія исполнять школьную повинность, гражданинъ подвергается аресту на время отъ 2 до 20 дней. Если же потеряна надежда на исправленіе, то по заявленію школьнаго совѣта правительство помѣщаетъ виновнаго въ работный домъ. Уважительными поводами для манкировки считаютъ: болѣзнь учащагося, болѣзнь или смертный случай въ семьѣ учащагося, дурная погода при болѣзненности учащагося и отдаленности школа. Въ Ваадтскомъ кантонѣ за непосѣщеніе школы безъ уважительныхъ причинъ налагается денежный штрафъ, могущій дойти до 20 фр. Въ Женевѣ нарушеніе закона объ обязательномъ обученіи вызываетъ штрафъ въ 2—5 фр.; за первый рецидивъ взыскивается отъ 5 до 50 фр., съ замѣной, въ случаѣ несостоятельности, арестомъ отъ 1 до 10 дней. За второй рецидивъ налагается полицейскій арестъ, а если виновный не принадлежитъ къ гражданамъ кантона, то онъ можетъ быть удаленъ за предѣлы кантона **).—Въ Цюрихѣ, въ случаѣ неявки ученика въ школу безъ уважительной причины, на родителей налагается штрафъ до 15 фр. Строгій контроль посѣщенія учащимися школы возлагается какъ на учителя, такъ и на попечительство. При назначеніи штрафа школьныя попечительства должны принимать во вниманіе положеніе и условія жизни семьи учащагося. Если окажется, что вина непосѣщенія школы падаетъ не на родителей или опекуновъ учащагося, а на него самого, то виновный подвергается дисциплинарному наказанію

Швейцарскія школы преслѣдуютъ практическія *цѣли*, но онѣ отнюдь не проникнуты утилитарнымъ духомъ. Цюрихскій законъ 1859 г. изложенъ такъ: „Народное училище (Primarschule) должно,

*) Gesetz, § 30.

**) Lois, art. 11.

руководствуясь единообразными принципами, выработать изъ дѣтей всѣхъ классовъ населенія умственно дѣятельныхъ, общественно полезныхъ и нравственно религіозныхъ людей". Ваадтскія школы имѣютъ цѣлью не только сообщить дѣтямъ извѣстную сумму знаній, но и развить ихъ умственно и создать изъ нихъ „полезныхъ и дѣятельныхъ гражданъ". По основному школьному закону Берна, школа имѣетъ цѣлью содѣйствовать семьѣ въ воспитаніи дѣтей; школа обязана не только надѣлить ввѣренное ей юное поколѣніе необходимымъ минимумомъ знаній и умѣній, но и образовать умъ, чувство и характеръ дѣтей, а также содѣйствовать ихъ физическому развитію *).

Теперь займемся разсмотрѣніемъ *внутренней организаціи швейцарскихъ народныхъ училищъ*: распредѣленія учебнаго времени, программъ, подготовки и матеріальнаго положенія учителей, дисциплины, школьной гигіены и проч. При этомъ самымъ удобнымъ методомъ мнѣ представляется ознакомленіе съ самыми типическими формами, общую-же картину я сведу въ статистическихъ таблицахъ. Въ тѣсной связи съ очеркомъ народныхъ школъ необходимо поставить т. н. „дѣтскіе сады", высшія народныя (секундарныя) училища и всѣ виды дополнительнаго образованія (Forbildungsschulwesen).

Продолжительность обязательнаго обученія въ разныхъ кантонахъ различная, но въ послѣднее время замѣчается повсемѣстное стремленіе удлинить пребываніе дѣтей въ народномъ училищѣ, доведя его до 8 лѣтъ. Точно также и продолжительность учебнаго года (число учебныхъ недѣль и дней въ году) различается не только въ различныхъ кантонахъ, но и въ различныхъ общинахъ одного и того-же кантона. Въ зависимости отъ характера занятій населенія (городское хозяйство, скотоводство, земледѣліе и пр.) и отъ спроса на образованіе, ученіе въ школахъ извѣстной мѣстности можетъ происходить почти круглый годъ (Jahrschule), или $^3/_4$ года (Dreivierteljahrschule), или $^1/_2$ года (Halbjahrschule) и т. д.; преподаваніе можетъ переноситься преимущественно на лѣтніе мѣсяцы (Sommerschule) или на зимніе мѣсяцы (Winterschule); преподаваніе можетъ происходить во всѣ дни недѣли (Alltagschule) или только въ нѣкоторые дни; наконецъ, ученію можетъ быть посвящено до—и послѣобѣденное время (Ganztagschule) или же только часть дня (Halbtagschule). Чѣмъ разнообразнѣе природныя условія кантона, а слѣдовательно и занятія его населенія, тѣмъ разнообразнѣе организована мѣстная школа, которая всегда считается съ жизнью. Впро-

*) Gesetz über den Primar-Unterricht im Kanton Bern, 6 mai, 1894 §1.

чемъ, изъ дальнѣйшаго мы увидимъ, что школы съ короткимъ учебнымъ годомъ и неполнымъ числомъ учебныхъ дней и часовъ въ недѣлю составляютъ меньшинство.

Въ видѣ иллюстраціи укажу прежде всего на Граубюнденъ, съ его замысловатой и грандіозной системой горныхъ цѣпей, долинъ и ущелій и съ его трехъязычнымъ населеніемъ.

Въ 1901 году въ кантонѣ числилось 490 отдѣленій народной школы, изъ которыхъ:

15	имѣли	учебный	годъ	въ	22 недѣли
275	"	"	"	"	24 "
1	"	"	"	"	25 "
109	"	"	"	"	26 "
59	"	"	"	"	28—35
31	"	"	"	"	40—42

Такимъ образомъ, до 30 недѣль въ теченіе года ученіе происходило въ 427 школьныхъ отдѣленіяхъ, болѣе 30 и до 42 недѣль—въ 63 школьныхъ отдѣленіяхъ. Въ настоящее время въ Граубюнденѣ рѣшено удлинить учебное время, причемъ отдѣльнымъ общинамъ предоставлено или довести число учебныхъ недѣль до 28, или продолжить обязательное пребываніе дѣтей въ народномъ училищѣ до 16-лѣтняго возраста, или же, наконецъ, ввести для нѣкоторыхъ возрастовъ обязательные лѣтніе классы.

Гораздо больше времени посвящается ученію въ такомъ передовомъ кантонѣ, какъ Цюрихъ. Школьная повинность начинается здѣсь у дѣтей по седьмому году и продолжается 8 лѣтъ, т. е. до 14-го года включительно. Соотвѣтственно возрастамъ народное училище раздѣлено на 8 курсовъ. Учебный годъ начинается въ Цюрихѣ въ началѣ мая и заканчивается публичными испытаніями въ первой половинѣ апрѣля. Въ началѣ учебнаго года происходитъ обычный пріемъ новичковъ, причемъ власти доставляютъ школьному попечительству точный списокъ дѣтей, обязанныхъ въ наступающемъ году поступить въ школу, съ указаніемъ даты ихъ рожденія, а также фамилій, родины и мѣста жительства родителей. Каникулярное время въ Цюрюхскихъ народныхъ училищахъ составляетъ на весь годъ 9 недѣль, считая въ томъ числѣ и промежутки между концомъ одного учебнаго года и началомъ слѣдующаго. Распредѣленіе каникулярнаго времени по срокамъ принадлежитъ мѣстному школьному попечительству, причемъ считаются съ бытовыми условіями. Въ городѣ Цюрихѣ каникулярное время распредѣлено слѣдующимъ образомъ:

4 недѣли отъ среднихъ чиселъ іюля до среднихъ чиселъ августа (лѣтнія каникулы),

2 недѣли въ первой половинѣ октября (осеннія каникулы),

1 недѣля рождественскихъ праздниковъ (зимнія каникулы) и до 2 недѣль въ апрѣлѣ (весеннія каникулы).

Въ субботу послѣ полудня не назначается никакихъ занятій, кромѣ ручного труда.

Число учебныхъ часовъ въ цюрихскихъ народныхъ училищахъ составляетъ:

въ I	классѣ	отъ 15	до 20	часовъ	въ недѣлю.
II	"	" 18	" 22	"	"
III	"	" 20	" 24	"	"
IV, V, VI		" 25	" 30	"	"
VII, VIII		" 27	" 33	"	"

Считаясь съ бытовыми условіями страны, законъ разрѣшаетъ общинамъ, въ которыхъ процвѣтаетъ сельское хозяйство, сокращать занятія въ школахъ до 8 часовъ въ недѣлю во время лѣтняго полугодія, но только для VII и VIII классовъ; часы эти падаютъ на предобѣденное время въ теченіе двухъ дней въ недѣлю.

Въ Ваадтскомъ кантонѣ нормальный срокъ обязательнаго обученія составляетъ 9 лѣтъ; дѣти поступаютъ въ школу въ семилѣтнемъ и выходятъ изъ нея въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ. Допускается сокращеніе обязательнаго обученія на 1 годъ. Кромѣ того, нельзя не считаться съ тѣмъ фактомъ, что дѣти малоимущихъ гражданъ уже сравнительно рано должны помогать родителямъ въ трудной борьбѣ за существованіе, или переходятъ въ практическую жизнь. Въ виду этого школьное попечительство общины (commission scolaire) имѣетъ право въ отдѣльныхъ случаяхъ предоставлять дѣтямъ въ возрастѣ отъ 12 лѣтъ, т. е. проведшимъ въ школѣ не менѣе 5 лѣтъ, отпуски изъ школы въ послѣобѣденное время съ 15 апрѣля по 1 іюня и дополнительныя вакаціи съ 1 іюня по 1 ноября, съ обязательствомъ посѣтить въ этотъ послѣдній періодъ не менѣе 84 уроковъ.—Отдаленныя деревушки относительно распредѣленія учебнаго времени подчинены особому порядку.

Въ Бернскомъ кантонѣ нормальная школьная повинность продолжается 9 лѣтъ, съ шести—до пятнадцатилѣтняго возраста; однако школьное попечительство общины можетъ допустить въ школу и ребенка 5 лѣтъ, если онъ достаточно развитъ физически и умственно, или ввести 8-лѣтнюю повинность. Учебный годъ въ Бернскомъ кантонѣ начинается обыкновенно 1-го апрѣля; если въ общинѣ введенъ 9-тилѣтній обязательный курсъ ученія, то учебный годъ длится 34 недѣли, а число учебныхъ часовъ въ первые

3 года ученія составляетъ не менѣе 800, а въ остальные—не менѣе 900 въ годъ. Учащійся можетъ быть освобожденъ отъ обязательнаго обученія послѣ 8-лѣтняго пребыванія въ училищѣ, если обнаружитъ на испытаніи достаточные успѣхи въ предметахъ. Если община ввела 8-лѣтній обязательный курсъ, то число учебныхъ недѣль не должно быть ниже 40 въ годъ, а число учебныхъ часовъ въ первый, второй и восьмой годы—не менѣе 900, а въ остальные годы—не менѣе 1.100, включая сюда уроки физическихъ упражненій и ручного труда.

Въ Женевскомъ кантонѣ всѣ дѣти въ возрастѣ отъ 6 до 15 лѣтъ, живущія на территоріи кантона, должны по закону получать достаточное образованіе въ общественныхъ или частныхъ школахъ или на дому. Ежегодно въ каждой общинѣ составляется точный списокъ дѣтей, подлежащихъ школьной повинности, съ указаніемъ мѣста, гдѣ обучается каждый ребенокъ. Учебный годъ составляетъ 42—46 недѣль, по 25—26 часовъ въ недѣлю. Однако, женевскіе школьники проводятъ въ обыкновенной школѣ, съ ежедневнымъ ученіемъ (Alltagschule) лишь 6 лѣтъ, а послѣдніе два года обязательнаго школьнаго періода посвящаются прохожденію дополнительныхъ классовъ (écoles compémentaires, Ergänzungsschule). Подробнѣе я поговорю объ этихъ классахъ въ особой главѣ, посвященной системѣ дополнительнаго образованія. На этомъ мѣстѣ скажу только, что, кромѣ Женевы, еще многіе другіе кантоны (напр., Базельландъ С. Галленъ, Гларусъ, Цугъ) уже давно ввели у себя дополнительные классы для окончившихъ шести или семилѣтнюю „ежедневную“ школу. Въ передовыхъ кантонахъ, въ которыхъ „ежедневная“ школа (Alltagschule) обнимаетъ 8—9 лѣтъ ученія, напр., въ Ваадтѣ, Цюрихѣ, Бернѣ, Фрейбургѣ, Базельштадтѣ и др., нѣтъ обязательныхъ дополнительныхъ классовъ, въ которыхъ ученіе приспособляется къ практической дѣятельности учащихся и занимаетъ ограниченное время, давая, слѣдовательно, лишь скромные результаты.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

А Готлибъ.

———————

Гигіена воспитанія и образованія.

XXIX.

(Продолженіе).

Для надлежащей оцѣнки санитарнаго состоянія школы необходимо знать, какимъ болѣзнямъ и въ какой степени распространенія и проявленія подвергаются питомцы, именно то свойство населенія, которое въ статистикѣ носитъ названіе *болѣзненности*. Мы выше неоднократно уже пользовались этимъ свойствомъ по отношенію къ характеристикѣ школы съ гигіенической стороны, а именно относительно глазъ, ушей, зубовъ, нервной системы. Теперь мы остановимся нѣсколько на томъ способѣ, при помощи котораго получаются данныя, необходимыя для сужденія о болѣзненности, именно на такъ наз. *статистикѣ болѣзненности*. Докладъ по этому предмету на конгрессѣ въ Нюрнбергѣ дѣлалъ тотъ же д-ръ *Altschul* (Prag), которому принадлежалъ докладъ и о методахъ изслѣдованій въ области обученія.—Положенія д-ра А. сводятся къ слѣдующимъ:

1. Извѣстное изреченіе, что „статистика есть наука большихъ чиселъ“ особенно примѣнима къ статистикѣ болѣзненности, которая въ примѣненіи къ школамъ тогда только пріобрѣтетъ большой научный и практическій интересъ, когда изслѣдованіе учениковъ и предъявляемыя ими свидѣтельства о здоровьи будутъ во всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, въ наибольшемъ числѣ школъ культурныхъ государствъ производиться продолжительное время на одинаковыхъ основаніяхъ.

2. Предварительное условіе для правильной статистики болѣзненности въ школахъ заключается по возможности, въ одинаковомъ рѣшеніи вопроса о школьныхъ врачахъ какъ для народныхъ школъ, такъ и для другихъ учебныхъ заведеній.

3. Главныя условія годной статистики вообще и статистики болѣзненности въ частности суть: надежный, тщательно провѣренный первоначальный матеріалъ, однообразная и вѣрно установленная

схема болѣзни и на одинаковыхъ основаніяхъ произведенная обработка матеріала.

4. Въ статистикѣ болѣзненности школъ нужно строго различать болѣзни: 1. существовавшія уже при поступленіи въ школу, 2. появившіяся во время школьной жизни, но безъ всякаго отношенія къ ученію и безъ непосредственнаго отношенія къ посѣщенію школы (прежде всего заразныя болѣзни) и 3. собственно школьныя болѣзни, которыя могутъ быть приписаны условіямъ школьной жизни въ тѣсномъ смыслѣ. Эти три группы болѣзней и разрабатывать надо отдѣльно.

5. Крайне важно одинаковое пониманіе границы между здоровьемъ и болѣзнью.

6. Вполнѣ точное и непогрѣшимое опредѣленіе этой границы невозможно, но нужно добиться (если возможно, международнаго) соглашенія относительно того, какія измѣненія при школьныхъ изслѣдованіяхъ можно считать *еще* физіологическими и какія *уже* патологическими. Это особенно нужно для искривленій позвоночника, нервныхъ разстройствъ, малокровія, дальнозоркости (въ школьномъ возрастѣ до извѣстной степени физіологично). Для достиженія указаннаго соглашенія должны быть составлены коммиссіи изъ спеціалистовъ разныхъ группъ болѣзней.

7. Для статистики было бы очень важно поставить возможно широкія границы физіологическимъ проявленіямъ: пропускъ легкихъ заболѣваній статистически и практически гораздо менѣе важенъ, чѣмъ внесеніе „сомнительныхъ“ въ рубрику больныхъ. Но, конечно, въ данной области не можетъ быть нерушимыхъ догмъ; время отъ времени черезъ 3—5 лѣтъ, слѣдуетъ производить пересмотръ ранѣе принятыхъ основаній для опредѣленія физіологическаго и патологическаго состоянія.

8. Находимый до сихъ поръ, при изслѣдованіи поступающихъ въ школу дѣтей, процентъ больныхъ, равный въ среднемъ 50%, не отвѣчаетъ практическому врачебному опыту, будучи излишне высокимъ.

9. Всякій сколько-нибудь сомнительный случай болѣзни нужно исключать изъ школьной статистики; вѣроятные діагнозы безусловно не должны быть допускаемы.

10. Во всѣхъ случаяхъ болѣзни должны быть обозначаемы полъ, точный возрастъ и, когда возможно, ростъ, вѣсъ и, при случаѣ, окружность груди больного, сопоставляя ихъ съ соотвѣтствующими средними нормальными величинами.

11. Установка болѣзненныхъ измѣненій должна имѣть мѣсто на

голомъ тѣлѣ. Если почему-либо это невозможно, то нужно отмѣчать „изслѣдованіе на одѣтомъ тѣлѣ“.

12. Болѣе или менѣе вѣрные результаты можно получить только при продолжительномъ собираніи матеріала въ большихъ массахъ.

13. Поставить сразу такое массовое изслѣдованіе безукоризненно нельзя, и потому слѣдуетъ приступать къ нему постепенно. Предварительно можно было бы остановиться только на нѣкоторыхъ ограниченныхъ типахъ болѣзни, какъ искривленіе позвоночника, близорукость, малокровіе, блѣдная немочь, можетъ быть, нервныя разстройства, затѣмъ золотуха и бугорчатка и ихъ подвергнуть международному статистическому изслѣдованію. На ряду съ такимъ международнымъ могло бы идти и мѣстное изслѣдованіе въ интересахъ сравненія.

14. Для осуществленія международной школьной статистики болѣзненности могли бы быть учреждены мѣстные комитеты, куда поступали бы отчеты школьныхъ врачей или школьныхъ коммиссій. Международное изслѣдованіе можетъ, однако, встрѣтить непреодолимыя препятствія, почему желательно было бы произвести подобное изслѣдованіе хотя бы только въ Германіи.

15. Статистика болѣзненности должна вестись врачемъ, но содѣйствіе учителя необходимо.

Для объединенія статистическаго изслѣдованія школъ по отношенію къ болѣзненности учащихся Altschul предложилъ при своемъ докладѣ бланки, на которыхъ, кромѣ обычныхъ обозначеній мѣста, времени, названія, имѣются *по цѣлымъ классамъ* рубрики числа учениковъ въ классѣ, здоровыхъ, больныхъ, сомнительныхъ въ отдѣльности, а также — среднихъ величинъ возраста, роста, вѣса, окружности, съ указаніемъ, если возможно, предѣльныхъ (max и min). Это относится къ бланку съ обозначеніемъ „общія данныя“. На другомъ бланкѣ съ обозначеніемъ „подробныя данныя“ также по классамъ проводятся рубрики отдѣльныхъ болѣзненныхъ типовъ и ихъ разновидностей, какъ искривленія позвоночника, близорукость, нервныя разстройства, малокровіе, хлорозъ, золотушное опуханіе железъ на шеѣ, бугорчатка легкихъ и др. органовъ.

Кромѣ „полныхъ“, съ желательными только въ нѣкоторыхъ случаяхъ рубриками, А. представилъ и „сокращенныя“, но обязательныя схемы бланковъ.

Вторымъ докладчикомъ по тому же предмету, т. е. по статистикѣ болѣзненности, былъ на конгрессѣ проф. д-ръ *Buechel* (Nürnberg). Положенія его доклада таковы:

1. Въ дѣлѣ школьной статистики болѣзненности собственно статистику, какъ представителю примѣняемой здѣсь въ интересахъ

медицинскаго знанія методологической науки—статистики, принадлежитъ только право сужденія о методѣ собиранія и способѣ обработки матеріала.

2. Наилучшую форму собиранія матеріала въ данномъ случаѣ представляетъ личная карточка, въ видѣ свидѣтельства о здоровьѣ каждаго учащагося.

3. Выработка формы такой карточки—дѣло статистики; она вполнѣ зависитъ отъ предварительной установки наименьшей мѣры момента наблюденія и до этого не можетъ подлежать обсужденію.

4. Свидѣтельства о здоровьѣ—просто карточки, облегчающія разработку накопляющагося матеріала (какъ и всѣ личныя или предметныя карточки, въ отличіе отъ предлагаемыхъ Altschul'емъ „вѣдомостей").

5. Разработка этого матеріала должна производиться въ извѣстныхъ центральныхъ мѣстахъ, напр., по округамъ. Какіе бы то ни было годовые отчеты школьныхъ врачей такой разработкѣ не подлежатъ.

6. Для руководства при составленіи можно рекомендовать такія точки зрѣнія: а Единицей счисленія можетъ быть съ одной стороны форма болѣзни, а съ другой -- каждое отдѣльное лицо; обѣ точки зрѣнія должны быть представлены или независимо одна отъ другой или, насколько возможно, въ извѣстной ихъ комбинаціи. б. Школьный годъ (время пребыванія въ школѣ) нужно предпочитать обозначенію класса, но желательно обозначеніе обоихъ моментовъ. в. Выдѣленіе топографическаго положенія явленій необходимо, но простое обозначеніе школьнаго округа не соотвѣтствуетъ цѣли; наиболѣе желательнымъ является характеристика частей области по соціальнымъ условіямъ, какъ образъ жизни, густота населенія и. экономическое положеніе населенія, если только эти условія не соотвѣтствуютъ даннымъ природою условіямъ.

7. Изслѣдованіе и изложеніе должно касаться не только состава но и движенія въ различныхъ видахъ прибыли и убыли. Изображеніе движенія отъ состава къ составу включаетъ въ себѣ статистику „собственно школьныхъ болѣзней".

8. Схема представленія разработаннаго матеріала, какъ и собиранія послѣдняго, можетъ быть выработана только послѣ точной установки требованій по отношенію къ извѣстному вопросу, подлежащей оцѣнкѣ со статистико-методологической точки зрѣнія.

Оба указанные доклада свидѣтельствуютъ о томъ, что не только разработка, но и собираніе статистическаго матеріала по болѣзненности школьнаго юношества еще только начинается или, даже вѣрнѣе, еще только обсуждается. И, дѣйствительно, она стала возмож-

ной только тогда, когда стали появляться дѣйствительные школьные врачи, а не только врачи при школахъ, видящіе только дома или въ школьныхъ больницахъ явно больныхъ и незнакомые съ остальнымъ учащимся составомъ юношества и притомъ обыкновенно гораздо болѣе занятые въ другихъ мѣстахъ, чѣмъ въ школахъ, въ виду безмезднаго или крайне плохо оплачиваемаго труда ихъ въ послѣднихъ.

Д-ръ Altschul указалъ на одинъ очень важный для характеристики школьной болѣзненности пунктъ, это именно на то, что считать физіологическимъ и что патологическимъ явленіемъ или измѣненіемъ. Онъ самъ стоитъ за возможно широкое толкованіе физіологическаго состоянія.

Съ этимъ трудно согласиться и особенно по отношенію къ учащемуся вообще, къ подростающему поколѣнію, когда различнаго рода болѣзненныя „предрасположенія", а не явленія, играютъ особенно выдающуюся роль. Въ виду ихъ и „вѣроятные" діагнозы получаютъ большое значеніе, давая поводъ поставить потомъ дѣтей въ условія, возможно менѣе способствующія проявленію того или другого предрасположенія. Особенно въ этомъ отношеніи можно указать на „золотушное", „нервнопатическое" и „чахоточное" предрасположеніе.

XXX.

И въ гигіеническомъ, и въ собственно медицинскомъ отношеніи очень важно издавна установившееся дѣленіе болѣзней на спорадическія и эпидемическія, или на личныя, случайныя и массовыя, повальныя. Производящія причины первыхъ связаны только съ лично-родовыми условіями (наслѣдственность, образъ жизни, свойство внѣшней обстановки и т. п.), а причины вторыхъ находятся внѣ лично-родовыхъ условій, попадая въ организмъ извнѣ. Къ послѣдней группѣ принадлежатъ *заразныя* и собственно *паразитическія* болѣзни. Наибольшее значеніе имѣютъ заразныя болѣзни, но конечно далеко не всѣ, особенно что касается школъ. Такія заразныя болѣзни, какъ малярія, зараза которой не передается въ обычныхъ условіяхъ отъ человѣка къ человѣку, вполнѣ подходятъ подъ общія условія предупрежденія, не требуя отъ школъ никакихъ спеціальныхъ мѣръ и приспособленій.

Въ своей рѣчи „о предупрежденіи заразныхъ болѣзней въ школахъ", произнесенной на 2-мъ Общемъ собраніи Нюрнбергскаго конгресса, проф. *Ниерре* (Prag) выдѣлилъ также изъ группы собственно школьныхъ заразныхъ болѣзней холеру, брюшной тифъ и дизентерію, такъ какъ онѣ и „дома" играютъ такую же роль, какъ и въ

школѣ, и подлежатъ вѣдѣнію общей санитарной организаціи и администраціи. Обязательное увѣдомленіе о случаяхъ заболѣванія и изолированія примѣняются къ нимъ во всѣхъ культурныхъ странахъ, во всѣхъ домахъ и учрежденіяхъ. Но есть заразныя и въ то же время рѣзко *заразительныя* болѣзни, относительно которыхъ школа обязана ставить себя въ особыя условія, во 1-хъ, потому, что онѣ особенно поражаютъ дѣтей, не исключая и школьнаго возраста, а во 2-хъ, потому, что школы служатъ мѣстомъ собранія болѣе или менѣе значительнаго числа людей, что всегда способствуетъ распространенію разъ появившейся заразительной болѣзни. Эти спеціально-школьныя повальныя болѣзни проф. Ниерре раздѣлилъ на 3 группы. Къ 1-й изъ нихъ онъ отнесъ корь и коклюшъ, ко 2-й эпидемическую свинку и вѣтреную оспу и къ 3-й скарлатину и дифтерію.— *Корь* и *коклюшъ*—наиболѣе типическія школьныя заразительныя болѣзни, при которыхъ чувствительность и воспріимчивость быстро истощаются подъ вліяніемъ инфекціи и которыя въ тоже время могутъ быть передаваемы другимъ тогда, когда припадки болѣзни не стали еще ясными и слѣд. опредѣлимыми. Это тѣ болѣзни, которыя не рѣдко появляются въ школахъ взрывами, почему между прочимъ проф. Ниерре находитъ, что и съ гигіенической стороны желательно, чтобы число учениковъ въ классѣ не превышало 40, самое большее 50. Хотя это онъ высказалъ только почему-то относительно народныхъ школъ и хотя это его заявленіе встрѣтило на конгрессѣ очень шумное одобреніе, авторъ даннаго отчета все-таки затрудняется понять, почему „это" и въ „такой формѣ" было высказано. Именно вѣдь гигіена, принимая во вниманіе и педагогическія требованія, давно уже доказываетъ даже со своей общей точки зрѣнія, если имѣть въ виду силы учителей и способности учениковъ, что наибольшее число учениковъ въ классѣ не должно превышать 40. А затѣмъ, если въ одномъ классѣ 40 чел., въ другомъ, третьемъ и пр. въ томъ же зданіи по 40, то въ случаѣ „вспышки" кори или коклюша развѣ дѣло можетъ ограничиться только однимъ классомъ, а не сообщится и другимъ—или не захватитъ сразу всѣ классы? Вѣроятно, замѣчаніе проф. Ниерре имѣло какое-либо спеціальное значеніе для нѣмецкихъ народныхъ школъ, которое для иностранныхъ членовъ конгресса осталось совершенно неяснымъ. При массовомъ проявленіи кори и коклюша, конечно, можетъ появиться необходимость пріостановить на время занятія въ школѣ. Продолжительность такой пріостановки, говорилъ проф. Ниерре, должна иногда идти дальше, чѣмъ это дѣлается при появленіи такихъ болѣзней. Лучше всего, по мнѣнію автора, не дѣлать для опредѣленія такой продолжительности никакихъ предва-

рительныхъ распоряженій и ни въ какомъ случаѣ точно ее не регламентировать, а предоставлять опредѣленіе ея мѣстному управленію школы съ участіемъ мѣстныхъ, а не однихъ только школьныхъ врачей. Эпидеміи одной и той же болѣзни не похожи одна на другую ни въ разное время въ одномъ мѣстѣ, ни въ разныхъ мѣстахъ въ одно время.—Что при кори и коклюшѣ, какъ и при всѣхъ заразительныхъ болѣзняхъ необходимо тщательное изолированіе больныхъ, это понятно само собою. Этой послѣдней мѣры обыкновенно достаточно, чтобы съ успѣхомъ бороться со *свинкой* и *вѣтреной оспой*.

Скарлатина и *дифтерія* занимаютъ особенное положеніе потому, что при нихъ возможность передачи заразы очень продолжительна. Дифтерія представляетъ еще ту особенность, что и возбудимость ея, и проявленія ея отличаются большимъ разнообразіемъ. Кромѣ того, ее могутъ передавать даже люди, повидимому, вполнѣ уже здоровые, какъ это имѣетъ мѣсто и при туберкулезѣ.

Говоря вообще о заразныхъ болѣзняхъ и ихъ возбудителяхъ, проф. Ниерре справедливо, конечно, указывалъ, что на воспріимчивость къ нимъ дѣтей вліяютъ разныя мѣстныя условія. Бактеріи, говорилъ онъ, стоятъ, какъ ловкій купецъ, по ту сторону добра и зла и пользуются тѣми стеченіями обстоятельствъ, которыя создаютъ сами же люди (очень и очень условно, прим. автора). „Не надо забывать, что заразныя болѣзни суть въ то же время предохранительныя приспособленія, которыя служатъ для выбрасыванія негодныхъ элементовъ (шумное одобреніе, какъ и при сравненіи бактерій съ купцомъ). Поэтому мы должны бороться не только противъ самихъ болѣзней, но и противъ всего того, что благопріятствуетъ ихъ проявленію“ (это, нужно сказать, основное эпидеміологическое положеніе, которымъ руководились еще, вѣроятно, гораздо раньше временъ Гиппократа).

Относительно значенія при борьбѣ съ заразными болѣзнями *дезинфекціи* проф. Ниерре совершенно справедливо возлагаетъ на нее гораздо менѣе надеждъ, чѣмъ на вошедшую или долженствующую войти въ обычный домашній обиходъ *чистоту*. Воспитаніе въ духѣ чистоты несомнѣнно лучше всякой дезинфекціи грязнаго тѣла, грязной одежды, грязнаго жилья, грязнаго двора или улицы. Дезинфекція не только далеко не вполнѣ оправдываетъ свое назначеніе, но и примѣняется обыкновенно слишкомъ поздно.

Спеціально относительно *бугорчатки* проф. Ниерре замѣтилъ, что, какъ дѣтская болѣзнь, она слишкомъ переоцѣнена въ своей заразительности. Одинъ чахоточный учитель гораздо опаснѣе для школы, чѣмъ туберкулезныя дѣти вмѣстѣ. Въ борьбѣ съ бугорчаткой чистота имѣетъ особенно важное значеніе. Въ заключеніе проф.

Н. говорилъ о благодѣтельномъ значеніи лѣтнихъ школьныхъ колоній и общаго подъема народнаго здоровья.

По вопросу о „недопущеніи въ школу заразно-больныхъ учениковъ“ въ секціи о школьныхъ болѣзняхъ дѣлалъ сообщеніе д-ръ *I. Pustôwka*, преподаватель школы въ учительскомъ институтѣ (Tetschen въ Богеміи).—Недопущеніе заразно-больныхъ учениковъ, а, при случаѣ, и подозрительныхъ здоровыхъ имѣетъ для нихъ тяжелое значеніе. Въ виду этого, а также и для того, чтобы не повредить этой дѣйствительной санитарной мѣрѣ, необходимо, чтобы она, по возможности, проводилась одинаково во всѣхъ областяхъ страны. Нужно очень серьезно оцѣнивать заразительность въ продромальномъ періодѣ (пер. предвѣстниковъ), какъ и посредственную передачу заразы, такъ какъ ни изолированіе, ни дезинфекція не могутъ въ большинствѣ случаевъ ихъ приложенія (особенно въ частныхъ домахъ) считаться въ достаточной степени достигающими цѣли. Поэтому обитатели той же квартиры и даже того же дома играютъ обыкновенно важную роль въ качествѣ переносчиковъ заразы. Для предохраненія школы отъ такого переноса служитъ опредѣленіе времени, протекшаго послѣ случая заразной болѣзни. Требуется вообще возможно болѣе продолжительное недопущеніе въ школу какъ самихъ переболѣвшихъ учениковъ, такъ и лицъ, могущихъ получить отъ него заразу, особенно живущихъ въ той же квартирѣ, если только больные не были удалены изъ послѣдней (больница, смерть). Чтобы найти какой-нибудь выходъ изъ дилеммы, создаваемой въ этомъ случаѣ противоположностью гигіеническихъ и педагогическихъ требованій, необходимо концентрировать борьбу съ заразами на болѣе опасныхъ заразныхъ болѣзняхъ. При болѣзняхъ злокачественныхъ и легко переносимыхъ (скарлатина) недопущеніе въ школу должно распространяться какъ на тѣхъ, которые живутъ въ томъ же домѣ (не въ квартирѣ только), такъ и на тѣхъ, кто вообще приходилъ въ тѣсное соприкосновеніе съ больнымъ. При такихъ легкихъ заразныхъ болѣзняхъ, какъ вѣтреная оспа, краснуха, свинка, при хорошей домашней обстановкѣ, можно допускать посѣщеніе школы даже тѣми, кто живетъ въ одной квартирѣ съ больными. То же можно сказать, въ условіяхъ врачебнаго наблюденія, относительно брюшного тифа, зараза котораго скрывается въ глубинѣ возможнаго переносчика.—Р. въ своемъ сообщеніи указывалъ на сроки недопущенія при разныхъ болѣзняхъ, но это имѣетъ очень условное значеніе.

Въ дѣлѣ переноса заразныхъ болѣзней отъ больныхъ здоровымъ далеко еще не все точно выяснено, несмотря на большіе успѣхи, сдѣланные въ этомъ отношеніи въ послѣдніе годы, какъ, напр.,

участіе извѣстнаго вида комаровъ (москитовъ) въ дѣлѣ передачи маляріи, крысъ—чумы, накожныхъ паразитовъ въ разныхъ болѣзняхъ. Очень неясенъ однако вопросъ во многихъ случаяхъ, какъ передаются такія остро-заразительныя болѣзни, какъ скарлатина, корь, коклюшъ, инфлюенца, дифтерія, и даже хронически протекающая бугорчатка. Лѣтъ 10 тому назадъ обыкновенно признавали, что заразы этихъ болѣзней передаются въ видѣ сухихъ пылевыхъ частицъ, плавающихъ въ воздухѣ и осѣдающихъ на разные предметы, съ которыми такъ или иначе люди приходятъ въ соприкосновеніе. Но уже издавна въ обыденной жизни существовала увѣренность, что люди могутъ передавать болѣзнь черезъ свое „нечистое" дыханіе. Это убѣжденіе глубоко укоренилось особенно на „востокѣ", гдѣ женщины ходятъ обыкновенно съ прикрытымъ ртомъ (не однѣ мусульманки), а мужчины прикрываютъ его, когда говорятъ, особенно съ высшими себя. Кашель, чиханіе издавна и въ нашемъ народѣ считаются такими актами, при которыхъ, какъ, впрочемъ, и при смѣхѣ, требуется закрывать ротъ.

Проф. гигіены въ Бреславлѣ Hügge первый обратилъ серьезное вниманіе на эти акты съ точки зрѣнія связи ихъ съ заразными болѣзнями. Онъ самъ и его ученики, въ томъ числѣ и нашъ проф. Лащенковъ, прямыми опытами показали, что не только кашель, чиханіе, смѣхъ, но и простой говоръ (и даже, можно прибавить, позѣвота) сопровождаются поступленіемъ въ воздухъ изо рта и носа мельчайшихъ капелекъ слюны и слизи, которыя могутъ отлетать на цѣлыя сажени отъ кашляющаго и пр. Больные разными заразными болѣзнями очень часто имѣютъ пораженія рта, носа, глотки, гортани, дыхательнаго горла. Зараза ихъ очень легко переходитъ въ разныя выдѣленія указанныхъ частей тѣла. Поэтому какъ при близкомъ разговорѣ шопотомъ, такъ и при болѣе громкомъ на разстояніи больной, напр., корью, дифтеріей и т. п. легко можетъ передать заразу другимъ. А само собою понятно, что выплевываніе, выхаркиваніе еще болѣе способствуетъ такой передачѣ, разъ такъ или иначе извергаемое приходитъ въ соприкосновеніе съ человѣкомъ.

По всѣмъ указаннымъ причинамъ и появились совѣты закрывать платкомъ ротъ и носъ при извѣстныхъ актахъ, не плевать зря, особенно въ общественныхъ мѣстахъ и даже не цѣловаться, особенно не цѣловать дѣтей или не допускать цѣловать ихъ постороннимъ. Дѣйствительно, въ нашемъ рту, особенно при плохомъ за нимъ уходѣ, почти постоянно находится какая нибудь зараза, почему между прочимъ, вѣроятно, войдетъ мало-по-малу въ обычай совѣтовать или или даже требовать отъ учащихся, по прибытіи въ школу, не только

тщательно мыть руки (XX), но и хорошо *прополаскивать ротъ* (напр., водой съ ментоломъ).

Запрещеніе *плевать* распространяется теперь все болѣе и болѣе— и школы въ этомъ отношеніи не могутъ и не должны дѣлать исключенія. Датскій школьный врачъ *Ingerslev*, въ журналѣ „Das Schulzimmer", рекомендуетъ, чтобы въ каждомъ классѣ школы, было вывѣшено объявленіе такого содержанія: „Ученики не должны плевать на полъ или на лѣстницы.—Ученики должны во время кашля держать руку передъ ртомъ.—Ученики не должны пользоваться слюной для стиранія написаннаго на ихъ аспидныхъ доскахъ". При этомъ предполагается, что въ школѣ имѣются приспособленія для мытья рукъ, а также наполненныя водой и размѣщенныя по классамъ и корридорамъ плевальницы.—Указанныя объявленія будутъ, конечно, способствовать ограниченію столь распространеннаго вреднаго обычая плевать зря, гдѣ и куда попало, какъ дома, такъ въ общественныхъ мѣстахъ и даже на улицахъ.

До нѣкоторой степени въ связь съ обнаруженіемъ нѣкоторыхъ заразныхъ болѣзней (при существованіи уже заразы въ тѣлѣ), необходимо поставить разные виды *простуды*. Въ Дюссельдорфскомъ округѣ, школьное управленіе рекомендовало общинамъ имѣть въ школахъ простую (изъ ткани или даже дерева) запасную обувь на случай, если ученики являются въ классъ съ мокрыми ногами. Запасные чулки, дескать, ученики могутъ приносить съ собой... Какъ-бы полезно было, если бы подобная запасная обувь была введена въ наши народныя и даже городскія школы!

Говоря о заразныхъ болѣзняхъ, авторъ не можетъ здѣсь не указать, что у насъ, въ Россіи, чрезвычайно сильно распространена одна болѣзнь, которая, хотя не угрожаетъ прямо жизни, но дѣлаетъ человѣка мало или совсѣмъ неспособнымъ къ труду, это именно *трахома* глазъ, относительно которой (по сравненію съ отечествомъ трахомы, Египтомъ) авторъ имѣлъ уже случай говорить въ своемъ отчетѣ о I египетскомъ медицинскомъ конгрессѣ („Журн. минист. нар. просвѣщенія", ноябрь и декабрь, 1903). Въ нашихъ сельскихъ и даже низшихъ городскихъ эта ослѣпляющая болѣзнь не только вредитъ ученію, но и находитъ благопріятныя условія для своего распространенія, почему было бы крайне желательно, чтобы наше учебное вѣдомство обратило, наконецъ, на нее серьезное вниманіе.

Есть у насъ одна чисто *паразитическая* болѣзнь, которая также имѣетъ характеръ народной болѣзни, и относительно которой школа могла бы сдѣлать очень многое, это именно *чесотка*, навѣрно не мало понижающая народную производительность. Пріученіе дѣтей къ

чистотѣ тѣла и одежды (XX), не мало можетъ принести пользы въ борьбѣ съ этой безпокойной и непріятной болѣзнью.

XXXI.

Въ виду той громадной важности, какую представляетъ собой охрана здоровья учащагося юношества, понятно, почему на конгрессѣ въ Нюрнбергѣ обращено было большое вниманіе на организацію *врачебносанитарной* службы въ школахъ.

По этому вопросу въ секціи школьныхъ болѣзней былъ сдѣланъ докладъ проф. д-ромъ *Leubuscher*'омъ подъ заглавіемъ „Задачи государства въ дѣлѣ врачебной помощи въ школахъ". Онъ говорилъ, что учрежденіе особыхъ школьныхъ врачей, представляетъ собою наилучшее средство смягчать и устранять тѣ вредности, которыя стоятъ въ связи со школьнымъ обученіемъ.

Въ государствахъ съ обязательнымъ обученіемъ, это учрежденіе является государственной обязанностью, не только въ интересахъ школьнаго юношества, но и въ интересахъ всего населенія, такъ какъ этимъ путемъ (при отсутствіи въ Германіи и др. западно-европейскихъ странахъ подобной нашей земской организаціи) можно ознакомиться съ бытовыми условіями и болѣзнями послѣдняго. Само собою разумѣется, что учрежденіе спеціальныхъ школьныхъ врачей поведетъ къ улучшенію всей школьной жизни не только съ внѣшней стороны, но и со стороны ея внутренняго содержанія, связаннаго спеціально съ обученіемъ.

Относительно обязанностей школьныхъ врачей, окружный врачъ д-ръ *Richter* въ своемъ сообщеніи „Какъ далеко должны идти врачебные совѣты школьныхъ врачей" выдвигалъ особенно врачебную или лѣчащую часть этихъ обязанностей, рекомендуя приглашать спеціалистовъ, или давая возможность спеціализироваться самимъ школьнымъ врачамъ. Эти врачи о каждомъ больномъ ученикѣ или ученицѣ, должны собственноручно собщить ихъ близкимъ и за извѣстное вознагражденіе со стороны государства или общества, давать имъ личныя указанія. Для оплаты врачебной помощи школамъ болѣе, чѣмъ до сихъ поръ, нужно, по R., привлекать кассы для бѣдныхъ, попечительства о бѣдныхъ и благотворительныя общества.

На одномъ изъ общихъ собраній конгресса въ Нюрнбергѣ длинную рѣчь о „задачахъ и образованіи школьныхъ врачей", велъ проф. гигіены въ Будапештѣ д-ръ *Liebermann*.—Задачи школьныхъ врачей, говорилъ онъ, должны соотвѣтствовать поставленнымъ имъ цѣлямъ, но цѣли эти не вездѣ одинаковы. За исключеніемъ, можетъ быть, Франціи и Венгріи, кажется невѣрнымъ, что главная задача школь-

ныхъ врачей заключается въ ихъ спеціально врачебной дѣятельности. Во всякомъ случаѣ эта дѣятельность должна быть настолько ограничена, чтобы школьный врачъ былъ въ состояніи исполнять свой долгъ и въ качествѣ гигіениста, какъ совѣтникъ школьнаго управленія и преподавателей. Но нужно помнить, что школа не представляетъ собой какого-нибудь санитарнаго учрежденія, и не въ ея задачахъ заботиться о состояніи здоровья ученика, если оно не заключаетъ въ себѣ никакой опасности для его товарищей. На школѣ лежитъ только обязанность заботиться о томъ, чтобы самое обученіе не причиняло вреда здоровью учащихся, почему ораторъ совершенно оставилъ въ сторонѣ такую школьноврачебную организацію, которая имѣется, напр., въ Висбаденѣ.—Однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ распространенія гигіеническихъ знаній, является *гигіеническое обученіе*, которое должно имѣть мѣсто и въ низшихъ (народныхъ), и въ среднихъ школахъ, какъ одинъ изъ самыхъ могучихъ рычаговъ въ дѣлѣ подъема народнаго здоровья. Каждый успѣхъ здѣсь коренится въ школѣ.—L. высказался за то, чтобы школьные врачи имѣли вліяніе на учебные планы и на методы обученія, такъ какъ, переутомленія со всѣми вредными для здоровья послѣдствіями въ современныхъ школахъ, особенно гимназіяхъ, отрицать нельзя. Особенно нужно бороться съ преобладаніемъ филологическаго направленія въ классическихъ языкахъ. Реальныя школы и реальныя гимназіи, представляютъ собою неудачныя или недостаточныя попытки помочь существующему въ гимназіяхъ злу (это вызвало протесты со стороны присутствовавшихъ въ собраніи педагоговъ). Нельзя отрицать, что вездѣ существуетъ большое неудовольствіе, доходящее часто до ненависти по отношенію къ филологамъ (протесты возобновились). Какой мы сдѣлали шагъ назадъ, показываетъ сравненіе гимназическихъ учебныхъ плановъ въ Пруссіи въ 1812 и 1892 гг. Въ 1812 г. былъ 10-лѣтній, а съ 1892 г. девятилѣтній курсъ. Число учебныхъ часовъ во всѣхъ классахъ за недѣлю было: латинскій языкъ 1812=76 : 1892=62, греческій 50 : 36, нѣмецкій 44 : 26, математика 60 : 34, естествознаніе 20 : 18, исторія и географія 30 : 26, религія 20 : 19, рисованіе 10 : 8, чистописаніе 8 : 4 и французскій 0 : 19. Итакъ —въ то время, какъ естествознаніе и техника сдѣлали гигантскіе успѣхи, гимназіи по числу учебныхъ для нихъ часовъ не только не пошли впередъ, а попятились назадъ. И, несмотря на это, находятъ, что кончившій гимназію, можетъ считаться способнымъ къ изученію естественныхъ и техническихъ наукъ (въ публикѣ движеніе), тогда какъ прошедшимъ реальную гимназію или реальную школу въ такой способности отказываютъ!..

По крайней мѣрѣ, хотя бы это неравенство было устранено. Ре-

альныя школы и собственно реальныя гимназіи (съ латинскимъ языкомъ) и потому являются неудачными учрежденіями, что ихъ воспитанники, по необходимости, принуждены считать себя чѣмъ то низшимъ по сравненію къ классиками. Отъ этого зависитъ, почему многіе не хотятъ помѣщать своихъ дѣтей въ реальныя училища и даже извиняются, если нужда заставляетъ это дѣлать!.. Несмотря на то, что въ теченіе 9 или 6 лѣтъ на изученіе классическихъ языковъ обращается особенно много вниманія, все-таки изъ гимназій выходятъ плохіе латинисты и еще худшіе эллинисты.

Прежде хоть латинскій языкъ знали, какъ свой; теперь и этого нѣтъ, что, по L., зависитъ отъ современнаго филологическаго метода обученія, который „портитъ желудокъ раньше, чѣмъ дѣло дойдетъ до ѣды“ (шумное неодобреніе).—Съ гигіенической точки зрѣнія должна быть одна средняя школа съ приспособленнымъ къ жизни учебнымъ планомъ, обезпечивающимъ гармоническое, тѣлесное и душевное образованіе и развитіе учащихся.

Соотвѣтственно троякой задачѣ школьныхъ врачей—врачебной, гигіенической и педагогической—и ихъ образованіе должно давать имъ соотвѣтствующую такой задачѣ подготовку, въ чемъ нужно удостовѣряться особымъ испытаніемъ, какъ это уже 19 лѣтъ практикуется въ Венгріи.—Школьный врачъ долженъ быть и преподавателемъ гигіены въ школѣ.

Рѣчь проф. Liebermann'а, болѣе длинная, чѣмъ содержательная, имѣла то значеніе, что ясно показала, какая еще глубокая рознь существуетъ между гигіенистами-педологами и собственно педагогами. Одни опираются преимущественно на природу въ цѣломъ и на современные запросы жизни, а другіе—на отвлеченныя свойства ума и на традиціи, которыя всегда особенно сильны именно въ нравственной области, опредѣляющей поведеніе.

Теперь рыцарское вооруженіе является только бутафорской принадлежностью; при современномъ вооруженіи оно не можетъ имѣть никакого значенія. Но то, что создалось въ эпоху Возрожденія, начиная съ подавляющаго превосходства выработанныхъ классическихъ языковъ передъ существовавшими тогда только, такъ сказать, народными формами языка, имѣвшими каждая лишь свою очень ограниченную область приложенія, это и до сихъ поръ сохраняется еще въ сферѣ нашего образованія, несмотря на полную выработку около десятка „литературныхъ“ языковъ, главные представители которыхъ—англійскій, нѣмецкій, французскій, итальянскій и, смѣло можно сказать, русскій—даютъ теперь каждый въ отдѣльности болѣе обильный и разнообразный матеріалъ, чѣмъ оба классическіе языка вмѣстѣ. Латинскій языкъ на Западѣ имѣетъ, положимъ, особое, такъ сказать,

ритуальное значеніе, какъ языкъ духовно взлелѣянный его католической церковью. Для насъ это только своего рода окно въ Европу. И въ дѣлѣ образованія, очевидно, какъ и въ дѣлѣ вооруженія, одна нація не можетъ отставать отъ другой, если не хочетъ быть цѣнимой ниже другихъ, какъ „реалистъ“ цѣнится ниже „классика“.

XXXII.

До сихъ поръ рѣчь шла преимущественно о внутренней жизни школы, о свойствахъ обученія, о вліяніи его и вообще всего школьнаго обихода на здоровье учащихся. Теперь мы перейдемъ къ наиболѣе разработанной части школьной гигіены, занимающейся *внѣшней обстановкой школьнаго быта* – мѣстоположеніемъ и устройствомъ школьныхъ зданій съ разными ихъ принадлежностями, требованіями, которымъ должны удовлетворять школьныя пособія, начиная съ учебниковъ и кончая перомъ или карандашемъ.

По гигіенѣ *школьныхъ зданій* былъ представленъ Нюрнбергскому конгрессу очень обстоятельный докладъ проф. *Blasius*'омъ и город. архитекторомъ *Osterloh* (Braunschweig). Мы здѣсь передадимъ краткое содержаніе этого доклада, руководясь заранѣе опубликованными его положеніями, и укажемъ на нѣкоторыя сдѣланныя по поводу его замѣчанія, присоединивъ и свои.—Данный докладъ построенъ былъ вполнѣ систематически и касался: А. общаго расположенія школьнаго зданія, Б. школьной комнаты, В. гимнастическаго зала, Г. отхожихъ мѣстъ, Д. школьнаго двора и Е. особыхъ школьныхъ приспособленій.—Въ такомъ порядкѣ и мы будемъ имъ заниматься.

А. Въ примѣненіи собственно къ *школьному зданію*, какъ таковому, докладчики разбирали вопросы: а. о выборѣ для него мѣста, б. о планѣ зданія и в. о способѣ его постройки.—Хотя въ трактованіи всѣхъ этихъ, какъ и другихъ входящихъ въ докладъ предметовъ, очень мало чего-либо оригинальнаго, еще не вошедшаго въ курсы школьной гигіены, авторъ позволяетъ себѣ коснуться всѣхъ его положеній, имѣя въ виду, что отчетъ его можетъ интересовать не столько или не только врачей, интересующихся почему-либо школьнымъ дѣломъ, но и всѣхъ другихъ причастныхъ къ этому дѣлу лицъ административнаго и преподавательскаго званія.

а. Для школы нужно, по возможности, выбирать *мѣсто*, расположенное въ центрѣ школьнаго округа.—Это положеніе имѣетъ особо важное значеніе при существованіи обязательнаго всеобщаго обученія для народныхъ и низшихъ городскихъ школъ.

Мѣсто должно быть открытое и спокойное, вдали отъ уличнаго шума и связанныхъ съ шумомъ или съ дымомъ промышленныхъ

заведеній; оно должно допускать такое расположеніе школьнаго зданія, чтобы собственно учебныя комнаты имѣли въ изобиліи свѣта и чистаго воздуха. Мѣсто должно быть настолько обширно, чтобы при школьномъ зданіи оставался довольно большой дворъ для физическихъ упражненій и игръ (на каждаго учащагося, по крайней мѣрѣ, 2—3 кв. метра.—Нужно помнить, что докладчики имѣютъ въ виду исключительно мѣстныя германскія условія. Прим. автора).—Мѣсто должно быть сухое и чистое (лучше всего каменистое или крупнопесчаное). Уровень почвенныхъ (колодезныхъ) водъ долженъ быть не ближе $^1/_2$ метра отъ пола подвала или погреба.

По поводу послѣдняго положенія нужно сказать, что оно не выдерживаетъ гигіенической критики; особенно оно непримѣнимо тамъ, гдѣ существуютъ чередованія между сухимъ и дождливымъ періодами, гдѣ имѣются снѣжныя зимы съ весеннимъ половодіемъ, такъ какъ въ этихъ случаяхъ почвенныя воды представляютъ очень большія колебанія, и гдѣ вообще при постройкахъ нужно принимать во вниманіе не средній, а высшій уровень стоянія почвенныхъ водъ (у насъ весной и осенью).

Кромѣ того, $^1/_2$ метра разстоянія отъ этого уровня совершенно недостаточно для обезпеченія сухости стѣнъ зданія, такъ какъ, въ зависимости отъ свойствъ почвы, особенно отъ большей или меньшей величины ея зеренъ, почвенная вода, въ силу капиллярности, можетъ подниматься надъ уровнемъ ея стоянія, напр., въ колодцахъ на 1—2 метра, обусловливая болѣе или менѣе значительную, если не сырость, то влажность почвы, а слѣд., и сырость или излишнюю влажность заложеннаго въ него фундамента, въ случаѣ, конечно, доступности его для воды. Но и недоступность фундамента не гарантируетъ вполнѣ сухости подпольнаго пространства, если полъ подполья также не будетъ непроницаемымъ для воды... Во всякомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, у насъ, въ Россіи, не только школъ и вообще жилыхъ домовъ не слѣдуетъ строить тамъ, гдѣ уровень весеннихъ водъ стоитъ ближе, чѣмъ на 1 метръ ($^1/_2$ саж.), къ предполагаемому полу подполья.—Нельзя также съ гигіенической стороны одобрить и выбора для постановки школьныхъ зданій крупнозернистой песчаной почвы, въ виду уже даже самаго ея происхожденія. Такія почвы обыкновенно наносныя, а не осадочныя, и находятся обыкновенно въ долинахъ рѣкъ. У насъ такія долины, если не заливаются полной водой, то весной, поглотивъ массу талой воды, превращаются на время въ скрытыя болота, да и постоянный уровень въ нихъ почвенныхъ водъ обыкновенно располагается близко къ поверхности. Супесчаныя, суглинистыя и богатыя известью рухляковыя, или мергелистыя почвы являются, по крайней мѣрѣ, у

насъ болѣе чисто песчаныхъ (какъ и чисто глинистыхъ) почвъ удобными для всякаго рода построекъ, а особенно жилыхъ.

б. Относительно *плана или системы постройки* Bl. и O. рекомендуютъ *павильонную* систему съ 2 классами въ каждомъ отдѣльномъ зданіи или павильонѣ. Обусловливаемое дороговизной земли возведеніе большихъ школьныхъ зданій по корридорной системѣ допускается лишь при условіи, чтобы число жилыхъ этажей не превышало 3.

Такія зданія, въ видѣ „монументальныхъ школьныхъ дворцовъ", мы находимъ въ каждомъ сколько-нибудь значительномъ нѣмецкомъ городѣ. Несомнѣнно, они очень видны и нерѣдко по внѣшности красивы, но внутри производятъ непріятное „казарменное" впечатлѣніе. Въ теплое время, когда открыты всѣ входныя снаружи въ корридоръ двери, воздухъ въ нихъ бываетъ сносный; но когда двери эти запираются, несмотря даже на разныя приспособленія для провѣтриванія, онъ быстро портится. Тѣмъ болѣе, конечно, это имѣетъ мѣсто въ классахъ, которые, какъ мы видѣли выше, очень переполнены. Въ сухое теплое время учащіеся во время перемѣнъ обязательно выводятся въ Германіи изъ школы во дворы или на улицы (какъ внутри всѣхъ тѣсно застроенныхъ нѣмецкихъ городовъ); но въ дурную и холодную погоду вся масса ихъ остается въ корридорахъ и въ рекреаціонныхъ залахъ, если они есть—и тогда въ большихъ школьныхъ зданіяхъ воздухъ очень скоро и сильно портится.

Вообще съ гигіенической стороны нельзя одобрить такихъ большихъ зданій, въ которыхъ собираются сотни учениковъ. Между прочимъ, такія зданія способствуютъ быстрому распространенію разъ проникшихъ въ нихъ повальныхъ болѣзней, и такая необходимая въ такихъ случаяхъ мѣра, какъ временное закрытіе школы, сразу распространяется на очень большое число дѣтей... Дѣйствительно, при малѣйшей возможности, нужно отдавать предпочтеніе павильонной или даже барачной (см. ниже) системѣ постройки школъ, болѣе удобной даже не только въ гигіеническомъ, но и въ педагогическомъ отношеніи. У насъ, къ сожалѣнію, проведенію этихъ системъ въ практику могутъ мѣшать, если не экономическія, то климатическія условія.

Школьный домъ нужно ставить такъ, чтобы классныя помѣщенія находились на достаточномъ разстояніи отъ другихъ зданій и были до извѣстной степени доступны солнечному свѣту. Наилучшее ихъ положеніе въ этомъ отношеніи къ ЮЮВ и ЗЮЗ, причемъ школьная комната освѣщается солнцемъ только до или послѣ ученія (см. ниже докладъ проф. Эрисмана) При совершенно свободномъ положеніи нужно также обращать вниманіе и на господствую-

щее направленіе вѣтра. Корридоры должны быть свѣтлы, прохладны и достаточно широки (3 — 4 метра). Нужно отдавать предпочтеніе боковымъ корридорамъ передъ центральными. При достаточной ширинѣ и надлежащемъ провѣтриваніи корридоры могутъ быть мѣстомъ храненія верхняго платья учащихся. Но лучше *раздѣвальни* устраивать отдѣльно вблизи классовъ или въ открытой связи съ корридоромъ. Входы и лѣстницы должны быть достаточной ширины и въ достаточномъ количествѣ. Ведущіе со двора входы цѣлесообразно снабжать крышами (зонтами); неприкрытыхъ свободныхъ лѣстницъ надо избѣгать. Между входами, лѣстницами и корридорами нужно устраивать на извѣстныхъ мѣстахъ двери для задержки вѣтра. Всѣ двери школьнаго зданія должны открываться наружу, чтобы облегчить выходъ изъ него. Помѣщеніе для прислуги должно быть внѣ школьнаго дома; во всякомъ случаѣ необходимо полное его отдѣленіе и устройство особаго къ нему доступа.

Докладчики упустили изъ виду необходимость устройства на лѣстницахъ поручней съ рѣшетками.

в. Относительно *способа и матеріала постройки* докладчики, что касается выбора матеріала и устройства зданія, прежде всего требуютъ обращать вниманіе на прочность послѣдняго и на безопасность въ пожарномъ отношеніи. Вообще они отдаютъ предпочтеніе массивнымъ каменнымъ зданіямъ (хорошій камень и быстро твердѣющій цементъ) передъ деревянными и фархверковыми (кирпичнымъ съ деревянными переплетами) постройками. Противъ прониканія въ стѣны зданія и въ самое зданіе почвенныхъ воды и воздуха, какъ и въ другихъ постройкахъ, могутъ быть устраиваемы бетонные фундаменты, прокладываемы изолирующіе слои изъ асфальта и др., вырываемы канавы у стѣнъ или послѣднія смазываемы гудрономъ (каменноугольной смолой). Цѣлесообразно подъ всѣмъ школьнымъ зданіемъ устраивать подполье. Сдѣланныя изъ твердаго, порознаго, проходимаго для воздуха матеріала наружныя стѣны должны противостоять вліяніямъ погоды, оставаясь проходимыми для влажности (!) и дурными проводниками теплоты. Потолки и промежуточныя стѣны классныхъ помѣщеній должны быть такъ устроены, чтобы они задерживали всякаго рода звуки, происходящіе въ любомъ сосѣднемъ помѣщеніи. Полы должны быть гладки, безъ щелей. Крѣпкія и безопасныя отъ огня лѣстницы должны быть достаточно широки ($1^1/_2$ метра для небольшихъ и 2 метра для большихъ школъ), съ пологимъ подъемомъ, со ступеньками (желательно), покрытыми линолеумомъ. Винтовыхъ лѣстницъ нужно избѣгать. Для крышъ нужно примѣнять огнестойкій матеріалъ-черепицу, полые кирпичи и т. п., но только не какой-либо металлъ. Требуется уста-

новка громоотводовъ, которые должны быть правильно расположены и хорошо содержимы. Нужно заботиться объ отводѣ дождевыхъ водъ.

Школьнымъ зданіемъ можно начать пользоваться лишь послѣ того, какъ оно вполнѣ высохнетъ (но, по меньшей мѣрѣ, при 1% воды въ цементѣ), почему желательно придерживаться относительно его двухлѣтняго строительнаго срока. Въ опредѣленные сроки зданіе должно подвергаться осмотру относительно своей прочности и устойчивости и необходимыхъ поправокъ. Въ художественномъ отношеніи школьное зданіе, при наибольшей простотѣ и полной цѣлесообразности всѣхъ своихъ частей, какъ своимъ внѣшнимъ видомъ, такъ и внутреннимъ гармоническимъ расположеніемъ должно производить на дѣтей устойчивое оживляющее впечатлѣніе. Особенно нужно заботиться о примѣненіи свѣжихъ и веселыхъ красокъ въ классныхъ комнатахъ и о такомъ украшеніи послѣднихъ, которое было бы понятно дѣтскому уму и доступно дѣтскому чувству.

По поводу выбора матеріала для постройки школьныхъ зданій нужно замѣтить прежде всего то, что онъ вполнѣ зависитъ отъ мѣстныхъ условій. Странно было бы требовать гдѣ-нибудь среди лѣсовъ каменныхъ или кирпичныхъ зданій, а въ безлѣсныхъ мѣстахъ—деревянныхъ. Всякій обычно примѣняемый для жилыхъ построекъ мѣстный матеріалъ можетъ служить и для возведенія школы. Не столько имѣетъ значенія матеріалъ постройки, сколько то или другое пользованіе имъ; можно изъ хорошаго матеріала сдѣлать дурное зданіе, а изъ плохого, повидимому,—хорошее. Что касается нашего отечества, то въ примѣненіи къ различнымъ его частямъ ничего нельзя сказать ни противъ каменныхъ (на югѣ въ гористыхъ мѣстахъ), ни противъ кирпичныхъ (всюду), ни противъ фархверковыхъ, ни противъ деревянныхъ, ни даже противъ земляныхъ, или сырцовыхъ (въ Туркестанѣ) построекъ. Нужно только умѣть все, какъ слѣдуетъ, сдѣлать и затѣмъ имѣть постоянный надзоръ за содержаніемъ зданія и разныхъ его частей. У насъ еще очень мало распространена черепица, дѣйствительно, прекрасный матеріалъ для крышъ Въ большомъ ходу у насъ желѣзныя крыши, относительно которыхъ у нѣмцевъ вообще существуетъ предубѣжденіе вслѣдствіе особенности тепловыхъ ея свойствъ—быстро нагрѣваться и скоро остывать. Тамъ, гдѣ эта особенность металлическихъ крышъ можетъ представлять неудобства, можно вѣдь крыть желѣзомъ по дереву. При постройкѣ сельскихъ школъ можно пользоваться глиносоломенными крышами. Въ виду особенностей нашей зимы у насъ слѣдуетъ обращать особенное вниманіе на устройство крыльца при входѣ, имѣя въ виду легкую возможность паденія при гололедицѣ. Кромѣ того, у насъ

необходимы для зимы и двойныя окна, и двойныя входныя и выходныя двери.

XXXIII.

а) *Школьная* (классная) *комната.* а. *Вмѣстимость*, при наибольшемъ числѣ учащихся 50—54, должна имѣть около 9 метровъ длины, 6,4—7,0 м. ширины и 4,0—4,2 м. высоты такъ, чтобы на каждаго учащагося приходилось около 1 кв. м. площади и 4—5 куб. м. объема.

При опредѣленіи величины класснаго помѣщенія прежде всего принимаются во вниманіе силы и способности учителя и ученика, особенно сила голоса, острота зрѣнія и слуха и возможность для учителя слѣдить за занятіями каждаго ученика. Но кромѣ того — имѣетъ очень важное и педагогическое, и гигіеническое значеніе и та или другая тѣснота размѣщенія учащихся въ классѣ.

Приводимыя въ докладѣ величины площади и объема могутъ быть съ нѣкоторой натяжкой примѣнены развѣ только къ самымъ младшимъ классамъ, но безусловно малы для классовъ старшихъ. При той же вмѣстимости въ послѣднихъ нельзя помѣщать болѣе 40 человѣкъ.

б) Расположеніе и величина *оконъ.* Въ классной комнатѣ окна должны находиться только на одной сторонѣ, а при расположеніи въ классѣ учениковъ нужно наблюдать, чтобы окна были съ лѣвой ихъ стороны. Вся площадь оконъ должна быть не менѣе $^1/_5$ площади всего пола; окна должны быть расположены черезъ правильные, возможно болѣе узкіе промежутки, поднимаясь возможно ближе къ потолку и имѣя наверху прямой или только слегка изогнутый (а не круглый или заостренный) край. Подоконникъ долженъ имѣть 1,0, а еще лучше 1,20—1,30 метр. высоты. Рама должна быть возможно болѣе тонкая. Нижняя часть оконъ должна свободно открываться и оставаться въ любомъ данномъ ей положеніи, а въ верхней части должна быть откидная форточка.

Двойныя окна для классовъ не рекомендуются, такъ какъ они уменьшаютъ освѣщеніе и провѣтриваніе. Для защиты отъ прямого солнечнаго свѣта слѣдуетъ пользоваться бѣлыми полотняными занавѣсками и даже расположенными снаружи подъемными жалюзами изъ тонкихъ дощечекъ или просвѣчивающей матеріи. Для поддержанія прохлады въ расположенныхъ на югъ классахъ можно сажать снаружи зеленѣющія только лѣтомъ вьющіяся растенія. Для рисовальныхъ и ремесленныхъ классовъ, расположенныхъ въ самомъ верхнемъ этажѣ цѣлесообразно имѣть освѣщеніе сверху.

Относительно сказаннаго въ докладѣ Bl. и O. объ окнахъ школь-

наго помѣщенія можно сказать, что въ опредѣленіе величины проходимаго ими свѣта очень важную роль играютъ какъ качество стекла самого по себѣ, такъ и уходъ за окнами. Простое неправильно вылитое изъ дурнаго матеріала стекло на $^1/_4$ и болѣе можетъ пропускать менѣе свѣта, чѣмъ хорошее бемское стекло, а разряженіе стекла можетъ еще болѣе ограничить его свѣтопропускающую способность. Кромѣ того, простое стекло и отъ времени гораздо скорѣе тускнѣетъ (вслѣдствіе вытѣсненія углекислотой воздуха кремнекислоты, какъ это имѣетъ мѣсто и при вывѣтриваніи горныхъ породъ).

У насъ двойныя рамы зимой необходимы по климатическимъ условіямъ.

Послѣ чтенія доклада докладчикомъ было указано, что нужно брать отношеніе къ площади пола площади не всѣхъ оконъ, а только стеклянной ихъ части.

в) *Искусственное освѣщеніе* школьной комнаты, въ случаѣ надобности, должно быть такъ устроено, чтобы каждый ученикъ получалъ освѣщеніе достаточное и ровное, безъ ослѣпленія и тѣней. Болѣе всего этому требованію отвѣчаетъ непрямой (отраженный) свѣтъ электрическихъ лампъ (накаливанія, а не дающихъ прерывистый свѣтъ дуговыхъ — прим. авт.). Электричество имѣетъ то громадное преимущество передъ газомъ (и керосиномъ), что не даетъ продуктовъ горѣнія и лучистой теплоты и очень мало теплоты вообще.

г) *Потолокъ, стѣны, полъ.*—Потолокъ долженъ быть ровный и гладкій, покрытый бѣлой или вполнѣ свѣтлой клеевой или известковой краской.

Стѣны въ нижней части, до $1^1/_2$ метр. высоты, должны быть гладко выложены деревомъ или цементомъ, покрытымъ масляной или эмалевой краской. Верхняя часть должна имѣть свѣтлую окраску, лучше всего свѣтло-зеленую на клею.

Полъ слѣдуетъ покрывать линолеумомъ или чѣмъ нибудь подобнымъ. Въ случаѣ примѣненія для него дерева должно брать только твердое и сухое дубовое или буковое дерево, смазывая затѣмъ (штучный или паркетный) полъ время отъ времени какимъ-нибудь масломъ, связывающимъ пыль. Для болѣе легкаго удаленія пыли нужно устраивать закругленные углы между стѣнками и поломъ (а не только между стѣнами самими по себѣ, прим. авт.).

д) *Отопленіе и провѣтриваніе.* Каждая школьная комната должна имѣть свое приспособленіе для *отопленія*, съ помощью котораго, при всякой наружной температурѣ, можно было бы поддерживать равномѣрную теплоту въ 18—19°Ц. (около 15°Р.) безъ одновремен-

ной порчи воздуха. Отопленіе должно быть легко и вѣрно регулируемо, безъ обремененія дѣтей лучистой теплотой и безъ загрязненія помѣщенія. При отопленіи комнатными печами всего указаннаго достигнуть трудно, да и надлежащее провѣтриваніе при этомъ едва ли возможно. Поэтому, по возможности, нужно стараться устраивать отопленіе *центральное*, изъ различныхъ системъ котораго слѣдуетъ отдать преимущество *воздушному*, при условіи самаго тщательнаго его устройства во всѣхъ частяхъ, такъ какъ при немъ отопленіе стоитъ въ непосредственной связи съ провѣтриваніемъ. Различныя же системы водяного и парового отопленія требуютъ особыхъ приспособленій для провѣтриванія. Тепловыя печи (баттарей) при послѣднихъ нужно располагать по стѣнѣ съ окнами. Прикрытіе этихъ печей для ихъ очистки должно быть легко удаляемо.

Каждая школьная комната должна быть снабжена приспособленіями для возможно лучшаго *провѣтриванія*. Удаляемый испорченный воздухъ долженъ быть замѣняемъ подогрѣтымъ свѣжимъ, послѣ предварительнаго овлажненія распыленіемъ воды (до 45% отн. влажн.); такая замѣна должна имѣть мѣсто 3 раза въ часъ. Свѣжій воздухъ долженъ браться изъ лишенныхъ, насколько возможно, пыли мѣстъ, а въ воздушныхъ камерахъ фильтроваться; эти камеры должны быть доступны основательной очисткѣ, какъ и проводящіе воздухъ въ помѣщеніе каналы съ возможно болѣе гладкими стѣнками. Вытяжные каналы должны помѣщаться въ срединныхъ стѣнахъ и сходиться въ одну общую вытяжную трубу, выступающую надъ крышей; для поддержанія въ ней тяги цѣлесообразно устанавливать внутри ея дымовую трубу, сдѣланную въ этомъ мѣстѣ изъ чугуна. Можно совѣтовать устраивать для теплаго времени особыя приспособленія для провѣтриванія, механическаго или вытяжнаго. Во время перемѣнъ провѣтриваніе классовъ поддерживается открываніемъ оконъ и дверей. Для надлежащаго хода отопленія и провѣтриванія необходимъ постоянный свѣдущій надзоръ.

Въ секціи предложеніе докладчиковъ устраивать въ школахъ центральное воздушное отопленіе вызвало не мало возраженій, причемъ одни изъ оппонентовъ высказывались за паровое, а другіе—за водяное отопленіе, считая возможнымъ достаточно хорошо и недорого приспособить къ нимъ провѣтриваніе. Воздушное отопленіе, дѣйствительно, привлекаетъ тѣмъ, что оно неразрывно связывается теперь съ провѣтриваніемъ, такъ какъ самая теплота вводится въ помѣщеніе съ предварительно нагрѣтымъ въ воздушныхъ камерахъ „свѣжимъ“ воздухомъ. Но насколько этотъ прошедшій черезъ камеры воздухъ нужно считать дѣйствительно „свѣжимъ“? Насколько можно считать свѣжей воду, подогрѣтую въ котлѣ хотя бы только

до 70—80°Ц.? Авторъ очень сомнѣвается въ „свѣжести“ и воздуха, и воды въ указанныхъ условіяхъ. Воздухъ не менѣе воды чувствителенъ къ разнаго рода производимымъ надъ нимъ манипуляціямъ. Изъ старыхъ лабораторныхъ опытовъ извѣстно, что пропусканіе озонированнаго (какимъ именно является свѣжій воздухъ въ дѣйствительности) воздуха даже черезъ короткую стеклянную трубку лишаетъ его озона, этого матеріальнаго показателя того, что можно назвать динамизацiей воздуха. Съ этой точки зрѣнія нужно стараться впускать въ наши жилыя помѣщенія, по возможности, неизмѣненный „свѣжій“ воздухъ, почему гигіена и считаетъ, что наилучшее провѣтриваніе этихъ помѣщеній имѣетъ мѣсто при открываніи оконъ и дверей. Поэтому—чѣмъ ближе какой-либо способъ провѣтриванія къ этому optimum, тѣмъ онъ лучше съ гигіенической стороны. Не смотря на всю привлекательность центральнаго воздушнаго отопленія со стороны единства отопленія и провѣтриванія, оно не можетъ быть признано удовлетворительнымъ съ гигіенической точки зрѣнія даже при наилучшемъ устройствѣ и уходѣ, на что однако надѣяться трудно. (Въ Германіи лучшей системой многими считается система Wuttke съ заборомъ воздуха надъ крышей). Съ данной точки зрѣнія простыя приспособленія для провѣтриванія въ видѣ различно открываемыхъ частей окна, отверстій въ стѣнахъ и т. п., при тягѣ въ дымовыя или собственно вытяжныя трубы, должны быть признаны наиболѣе желательными. Но тутъ выступаютъ на сцену два возраженія, относящіяся, конечно, къ холодному времени. Это именно—вредъ холодныхъ токовъ воздуха въ нагрѣтомъ помѣщеніи и охлажденіе этого послѣдняго. Что касается *холодныхъ воздушныхъ токовъ*, то для ослабленія или собственно раздробленія ихъ пользуются клапанами, направляющими ихъ кверху, дырчатыми пластинками (стеклянными или металлическими), сѣтками (обыкновенно металлическими) и тканями. Послѣдними, кажется, первый началъ пользоваться нашъ русскій инженеръ *Тимоховичъ*, которому кромѣ того, принадлежитъ также идея—выдвинуть раздробитель воздуха въ видѣ глухого рукава въ самое жилое помѣщеніе и, въ случаѣ надобности, вталкивать въ этотъ рукавъ свѣжій воздухъ механическимъ путемъ, пользуясь для удаленія нечистаго тягой въ дымовую или вытяжную трубу. Здѣсь, очевидно, нѣтъ никакой погрѣшности противъ того, чего желаетъ и къ чему стремится гигіена. Поэтому—болѣе чѣмъ скептическое отношеніе у насъ къ „системѣ провѣтриванія Тимоховича“ является плодомъ простого недоразумѣнія. Въ Нюрнбергѣ въ томъ зданіи промышленнаго училища, гдѣ имѣли мѣсто конгрессъ и выставка, были повѣреннымъ г. Тимоховича инжен. *Сакутой* устроены приспособленія по Тимоховичу (въ

почтовомъ отдѣленіи)—и кромѣ того въ секціи школьныхъ зданій тотъ же повѣренный сдѣлалъ докладъ по тому же вопросу. Насколько автору извѣстно, никто не увидѣлъ въ „системѣ Тимоховича“ ни чего нелѣпаго или шарлатанскаго, а наоборотъ—къ ней отнеслись тамъ очень сочувственно, хотя и представляли не мало практическихъ возраженій, не касаясь существа дѣла. Самъ авторъ увѣренъ, что приспособленіе г. Тимоховича, совершенствуясь, займетъ современемъ видное мѣсто въ нашихъ школахъ и другихъ учрежденіяхъ.

По вопросу объ *охлажденіи жилого помѣщенія впускомъ холоднаго воздуха* нужно замѣтить, что оно отчасти субъективно, отчасти условно, но во всякомъ случаѣ кратковременно. Дѣло въ томъ, что теплоемкость воздуха по объему крайне ничтожна по сравненію съ теплоемкостью стѣнъ и вообще разнаго твердаго матеріала (исключая металловъ), входящаго въ составъ зданія. Этому, на ряду съ дурной теплопроводимостью воздуха, мы и обязаны возможностью жить даже въ области полюса холода, строя сравнительно тонкостѣнныя жилыя помѣщенія и пользуясь удобоносимой одеждой. Вообще можно принять, что теплоемкость воздуха болѣе, чѣмъ въ 1.000 разъ менѣе теплоемкости стѣнъ. Примемъ для примѣрнаго разсчета эту величину за 1.000. Тогда, чтобы нагрѣть или охладить на 1^0 кубическій, положимъ, метръ стѣнъ, нужно 1.000 куб. метр. болѣе теплаго или болѣе холоднаго воздуха. Это количество воздуха можетъ занять громадную комнату въ 20 метр. длины, 10 — ширины и 5 высоты. Эта комната почти вчетверо помѣстительнѣе приведенной выше образцовой (по Blasius'у и Osterloh) классной комнаты ($9 \times 7 + 4,2 = 264,6$). Слѣд., если въ эту послѣднюю комнату въ теченіе часа войдетъ двойное противъ ея объема количество холоднаго воздуха, съ разностью въ 10^0, то послѣдній приметъ температуру помѣщенія, охладивъ на 1^0 едва 5 куб. метр. стѣнъ или собственно печи—все равно обыкновенной, водяной, электрической и пр. Это количество теплоты затѣмъ очень легко можетъ быть возмѣщено притокомъ ея извнѣ. Съ другой стороны—печь въ 2 куб. м. по объему (маленькая печь), нагрѣтая до 40^0 въ помѣщеніи съ температурой воздуха въ 0^0 и объемомъ въ 250 куб. м., охлаждаясь до 20^0, можетъ сообщить ту же температуру почти 2.000 куб. м. воздуха съ первоначальной температурой, равной 0. А при первоначальной температурѣ входящаго воздуха, равной—10^0, количество такъ нагрѣтаго воздуха будетъ, конечно, въ 10 разъ меньше, что и создаетъ потребность соразмѣрять объемъ и поверхность печи, какъ и величину топки, съ климатическими условіями. Мы всѣ знаемъ, что зимой при холодныхъ почему либо стѣнахъ очень трудно под-

держивать болѣе высокую, а лѣтомъ, при теплыхъ стѣнахъ,—болѣе низкую температуру окружающаго насъ въ жилыхъ помѣщеніяхъ воздуха.

Съ гигіенической точки зрѣнія самымъ цѣлесообразнымъ и удобнымъ для насъ отопленіемъ является такое, при которомъ поверхность нагрѣванія наибольшая, а величина его наименьшая. Поэтому идеальнымъ съ этой точки зрѣнія отопленіемъ нужно признать то, которое когда-то рекомендовалъ франц. инженеръ Frelat, именно отопленіе при помощи нагрѣванія стѣнъ. Въ духѣ даннаго взгляда на отопленіе на конгрессѣ въ Нюрнбергѣ было сдѣлано сообщеніе проф. *Nussbaum*'омъ (Hannover) подъ заглавіемъ: „Гигіеническое значеніе слабо нагрѣтыхъ тепловыхъ приспособленій для школьныхъ помѣщеній". Указавъ на то, что сильно нагрѣтыя поверхности даютъ себя непріятно чувствовать даже на разстояніи $2^1/_2$ метр., проф. N. высказался за примѣненіе въ школахъ большихъ поверхностей, слабо и равномѣрно нагрѣтыхъ. Но такъ какъ онъ самъ явился въ данномъ случаѣ сторонникомъ парового отопленія низкаго давленія, отличающагося отъ другихъ системъ парового отопленія выпускомъ пара изъ трубъ въ воздушное пространство тепловыхъ баттарей (радіаторовъ) для регулированія нагрѣванія, то онъ допускаетъ излишне высокую величину нагрѣванія въ 70^0 Ц., хотя, тепловыя баттареи при рекомендуемой имъ системѣ (при среднегерманскихъ климатическихъ условіяхъ) обыкновенно не нагрѣваются выше 55^0, держась обыкновенно 40—45^0 Ц., каковую температуру можно считать вполнѣ допустимой. Авторъ ничего не можетъ сказать ни за, ни противъ указанной системы (Gebrüder Körting, Hannover), такъ какъ не имѣлъ случая наблюдать ее лично. Въ Германіи, Австріи и Бельгіи она пользуется уже значительнымъ распространеніемъ, а у насъ въ Россію проникла даже въ Сибирь (Томскъ, Владивостокъ), слѣд., оказалась пригодной и для холоднаго климата. N. хвалилъ, между прочимъ, легкость управленія при ней ходомъ отопленія. Но изъ тѣхъ системъ центральнаго отопленія, которыя наиболѣе практикуются у насъ въ Россіи, преимущество съ гигіенической стороны должно быть отдано системѣ водяного отопленія низкаго давленія, особенно при одновременномъ пользованіи для провѣтриванія системой Тимоховича, т. е. впускомъ свѣжаго профильтрованнаго и раздробленнаго воздуха черезъ бумазейные и подобные рукава. Въ пыльное время и въ пыльныхъ мѣстахъ слѣдовало бы въ началѣ этихъ рукавовъ дѣлать спеціальныя приспособленія для фильтраціи воздуха, которыя можно было бы легко вставлять и перемѣнять. Бояться простуды при такихъ рукавахъ основаній очень мало, особенно при расположеніи рукавовъ по карнизамъ.—Во всякомъ слу-

чаѣ климатическія условія въ большинствѣ мѣстностей у насъ настолько отличны отъ западно-европейскихъ вообще, что приходится изыскивать лучшія приспособленія для отопленія и провѣтриванія самимъ, что, къ счастью, и практикуется на самомъ дѣлѣ.

На послѣднемъ общемъ собраніи конгресса говорилъ и демонстрировалъ по вопросу „Что наиболѣе требуется въ дѣлѣ школьной вентиляціи?“ *James Kerr* (School board office, London). Это сообщеніе и по содержанію, и по формѣ имѣло характеръ популярнаго публичнаго чтенія о томъ, что давно извѣстно.

Проф. **Ир. Скворцовъ.**

Очерки по психологіи дѣтства.

(*Продолженіе*).

Все, сказанное нами о процессѣ ассоціаціи и образующихъ его элементахъ, наводитъ насъ на вопросъ о томъ, отчего возникаетъ у насъ впечатлѣніе, что мы переживаемъ то же состояніе, что и прежде? Другими словами—какъ происходитъ процессъ отожествленія?

Мы знаемъ, что въ дѣйствительности ни одно изъ пережитыхъ состояній не повторяется. Каждое наше душевное состояніе и, слѣдовательно, каждое представленіе есть нѣчто совершенно новое, ни разу не переживавшееся и никогда не переживавшееся. Тѣмъ не менѣе при видѣ какого-нибудь предмета или лица мы утверждаемъ, что узнаемъ его т. е. получаемъ отъ него такое же впечатлѣніе, какъ и раньше. Что же это значитъ?

Тутъ возможно предположить два случая. Во-первыхъ, мы можемъ не замѣчать различія между даннымъ воспріятіемъ и прежними. Ощущенія, получаемыя при видѣ даннаго предмета или лица, измѣняются такъ постепенно и незначительно, что мы не чувствуемъ ихъ измѣненій. Такое состояніе можно назвать состояніемъ *неразличенія*. Во-вторыхъ, могутъ быть случаи, когда мы замѣчаемъ разницу между настоящимъ воспріятіемъ н прежними, но вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣчаемъ и черты сходства. Возьмемъ такой случай. Мы встрѣчаемъ человѣка, котораго не видали нѣсколько лѣтъ. Онъ сильно измѣнился, но мы тѣмъ не менѣе узнаемъ его. При этомъ мы отлично сознаемъ разницу впечатлѣнія, получаемаго теперь и полученнаго прежде; но ради тѣхъ общихъ чертъ, которыя сохранились еще въ немъ съ прежнимъ и которыя мы замѣчаемъ не хуже происшедшихъ въ немъ измѣненій, мы намѣренно игнорируемъ эти несходныя черты и отожествляемъ данное впечатлѣніе съ прежними. Тутъ процессъ имѣетъ совершенно другой характеръ, такъ какъ данное психическое состояніе сознательно возводится нами на степень символа другихъ душевныхъ процессовъ. Здѣсь мы имѣемъ уже явленіе не неразличенія, а *отожествленія*.

При анализѣ процесса узнаванія очень важно имѣть въ виду

эти двѣ стороны явленія, въ особенности же, когда рѣчь идетъ о дѣтской психологіи. Въ дѣтской психологіи господствуетъ очень неясная терминологія, и примѣромъ этого можетъ служить терминъ „узнаваніе“. Дѣло въ томъ, что въ указанныхъ двухъ случаяхъ главное значеніе имѣетъ то обстоятельство, какую роль во всемъ этомъ процессѣ играетъ вниманіе. Въ случаяхъ неразличенія вниманіе—пассивно, въ случаяхъ отожествленія—активно. Поэтому одинъ характеръ процесса зависитъ отъ психической слабости, другой—отъ психической силы.

Что же служитъ у маленькаго ребенка признакомъ узнаванія? Всѣмъ извѣстно, что трехъ-четырехмѣсячный ребенокъ отличаетъ уже своихъ отъ чужихъ. Это можно заключить изъ того, что онъ совершенно спокоенъ, когда къ нему приближается няня или мать и, наоборотъ, обнаруживаетъ явные признаки безпокойства и неудовольствія въ присутствіи постороннихъ. Изъ этого можно было бы заключить, что ребенокъ уже въ ранній періодъ жизни обладаетъ сложною способностью отожествлять впечатлѣнія, получаемыя въ данный моментъ отъ окружающихъ его лицъ, съ впечатлѣніями, полученными отъ нихъ прежде, т. е., что онъ, замѣчая различія между данными воспріятіями и прежними, тѣмъ не менѣе сознательно отожествляетъ это воспріятіе съ впечатлѣніями прошлаго. Но принимая во вниманіе психическую слабость ребенка этого возраста, мы не имѣемъ никакихъ основаній съ увѣренностью утверждать, что дѣло совершается именно такимъ образомъ. Напротивъ, все заставляетъ насъ думать, что весь этотъ процессъ обусловленъ безсиліемъ въ различеніи.

Если мы возьмемъ аналогичный примѣръ изъ жизни ребенка болѣе старшаго возраста, то увидимъ другую картину. Ребенокъ на второмъ году жизни играетъ съ блестящей ложкой и выражаетъ при этомъ полное удовольствіе. Если отнять у него эту ложку, онъ начинаетъ плакать, предлагаемыя взамѣнъ ея игрушки—съ гнѣвомъ швыряетъ на полъ. Онъ успокаивается только тогда, когда возвращаютъ ему ложку. Въ этомъ случаѣ весь этотъ процессъ уже нельзя будетъ свести къ одному только неразличенію. Вѣдь ребенокъ узналъ любимый предметъ, несмотря на то, что во второй разъ воспринималъ его при совершенно другомъ состояніи духа, чѣмъ въ первый. Слѣдовательно, здѣсь приходится уже признать дѣятельность отожествленія.

Изъ всего сказаннаго ясно вытекаетъ, что о явленіяхъ ассоціаціи можетъ быть рѣчь только въ тѣхъ случаяхъ, когда обнаруживается вліяніе предшествующаго опыта на послѣдующій, т. е., глав-

нымъ образомъ, въ процессахъ памяти, къ анализу которыхъ мы и должны перейти теперь.

Описывая явленія памяти, психологи часто характеризуютъ ея дѣятельность слѣдующимъ образомъ. Человѣкъ имѣетъ способность удерживать полученныя впечатлѣнія. Удерживаніе это, говорятъ, заключается въ томъ, что извѣстныя представленія, хотя и исчезаютъ изъ нашего сознанія, но сохраняются въ какой-то неизвѣстной безсознательной психической области, откуда они, въ нужный моментъ, всегда могутъ вынырнуть на поверхность сознанія. Такое описаніе процессовъ припоминанія въ высшей степени неточно. То, что нами переживается, не повторяется никогда. Каждый данный моментъ нашей душевной жизни есть моментъ совершенно новый, и полученныя нами впечатлѣнія нигдѣ не сохраняются въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Но на каждомъ новомъ душевномъ состояніи отражается *вся* совокупность нашего прежняго опыта вплоть до настоящаго момента. Въ этомъ сложномъ вліяніи всей предшествующей жизни часто трудно бываетъ отмѣтить болѣе и менѣе сильные моменты воздѣйствія, и если иногда и говорятъ о томъ, что на данное душевное состояніе оказали вліяніе такіе-то опредѣленные факты изъ прошлаго, то этимъ отмѣчаютъ наиболѣе замѣтные моменты воздѣйствія; но это еще не исключаетъ существованія другихъ же явленій, можетъ быть, не менѣе важныхъ для даннаго случая, но оставшихся неизвѣстными.

Для поясненія своей мысли я позволю себѣ привести такое наблюденіе. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ чувствовалъ непреодолимое отвращеніе къ чернымъ тараканамъ, отвращеніе, граничившее съ ужасомъ. Когда я попросилъ его объяснить причину такого болѣзненнаго явленія, онъ разсказалъ мнѣ случай изъ своего дѣтства. Раскалывая какъ-то орѣхи между дверьми, онъ нечаянно раздавилъ вмѣстѣ съ ними и таракана, но, не замѣтивъ этого въ первый моментъ, положилъ орѣхъ вмѣстѣ съ раздавленнымъ насѣкомымъ себѣ въ ротъ. Замѣтивъ свою ошибку, онъ, конечно, пережилъ моментъ сильнѣйшаго отвращенія, оставившаго въ немъ слѣды на всю его жизнь. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ фактъ непосредственнаго вліянія опредѣленныхъ воспоминаній, ассоціацій на извѣстный характеръ эмоціи. Но можемъ ли мы отсюда заключить, что это когда-то пережитое впечатлѣніе было единственнымъ факторомъ, опредѣлившимъ характеръ даннаго чувства? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что самая сила и характеръ эмоціи, пережитой даннымъ лицомъ въ указанный моментъ его жизни и опредѣлившей его отношеніе къ предмету его отвращенія на всю жизнь, въ сильной степени зависѣли

отъ состоянія его нервовъ, отъ его организаціи, т. е. отъ всей совокупности психо-физіологическихъ переживаній этого лица.

Въ описанномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ фактомъ, когда хотя-бы нѣкоторыя причины даннаго психическаго явленія ясно припоминаются и сознаются переживающимъ его лицомъ. Но могутъ быть случаи, когда вліяніе пережитаго на переживаемое совершенно нами не сознается. Представимъ себѣ, напримѣръ, что какой-нибудь ребенокъ въ годоваломъ возрастѣ попалъ въ дурную обстановку. Его плохо кормили, били; онъ испытывалъ массу лишеній и неудобствъ. Но такое существованіе продолжалось недолго, и его помѣстили въ болѣе благопріятныя условія жизни. Доживъ до сознательнаго возраста, ребенокъ этотъ, конечно, забудетъ все, что съ нимъ было въ раннемъ дѣтствѣ, но тѣмъ не менѣе лишенія, которыя онъ перенесъ, неизбѣжно отразятся на его характерѣ, и мы будемъ знать, что настроеніе его психики зависитъ отъ перваго года его жизни.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что о памяти можно говорить въ двоякомъ смыслѣ слова: во-первыхъ, какъ о сознаваемомъ вліяніи предшествующаго опыта на послѣдующій, и, во-вторыхъ, какъ о не сознаваемомъ воздѣйствіи психо-физіологическихъ переживаній на душевныя состоянія болѣе поздняго времени. Въ примѣненіи къ психологіи дѣтства мы должны отмѣтить, что память въ первомъ значеніи слова въ дѣтскомъ возрастѣ развита очень слабо. Что же касается вопроса о безсознательномъ вліяніи обстоятельствъ жизни ребенка на его послѣдующую жизнь, то разрѣшеніе его составляетъ предметъ скорѣе физіологическаго, чѣмъ психологическаго изслѣдованія.

Если мы теперь отъ этихъ общихъ разсужденій перейдемъ къ подробному разсмотрѣнію постепеннаго психическаго роста ребенка, начиная со дня его рожденія, то мы неминуемо должны будемъ вернуться къ вопросу о развитіи ассоціаціи.

Мы уже не разъ упоминали о томъ, что судить о душевныхъ процессахъ у новорожденнаго можно только по его движеніямъ. Такимъ образомъ, исходнымъ пунктомъ нашихъ наблюденій поневолѣ становится движеніе, какъ реакція. Движенія въ первое время жизни связаны, главнымъ образомъ, съ органическими ощущеніями, характеризуемыми элементарными чувствами пріятности или непріятности. Но кромѣ этихъ ощущеній, о существованіи которыхъ свидѣтельствуютъ крики боли и т. п. явленія, ребенокъ обладаетъ съ перваго дня своей жизни и множествомъ другихъ ощущеній, какъ то: вкусовыми, обонятельными, термическими, осязательными и зрительными, которыя онъ проявляетъ при помощи различныхъ движеній. Такъ, напримѣръ, существованіе у новорожденнаго вкусовыхъ ощуще-

ній можно констатировать при помощи сладкихъ и горькихъ веществъ. Такіе опыты были произведены Куссмаулемъ и Бере. Они обмакивали стеклянную полочку въ растворѣ хинина и сахара и прикасались ею къ языку новорожденнаго. Ребенокъ реагировалъ энергичнымъ образомъ и на то, и на другое, выказывая удовольствіе при ощущеніи сладкаго и неудовольствіе при ощущеніи горькаго. То же можно сказать и по вопросу о существованіи обонятельныхъ ощущеній, изслѣдованіе которыхъ производилось посредствомъ пріятныхъ и непріятныхъ пахучихъ веществъ. О наличности свѣтовыхъ ощущеній можно судить по сокращенію зрачка у ребенка и по измѣненію лица при слабомъ, сильномъ и умѣренномъ свѣтѣ. Наконецъ, осязательныя и термическія ощущенія тоже свидѣтельствуютъ о своемъ существованіи черезъ посредство различныхъ движеній. Такъ, напримѣръ, новорожденный ребенокъ обыкновенно успокаивается, какъ только его берутъ на руки или же опускаютъ въ теплую ванну.

Во всѣхъ почти случаяхъ указанныхъ нами реакцій на то или другое внѣшнее раздраженіе является выраженіе удовольствія и неудовольствія, которыя составляютъ основу органическаго ощущенія. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію, что ощущенія вкусовыя обонятельныя, осязательныя и термическія съ самаго начала тѣсно ассоціируются съ органическими. Конечно, ассоціаціи эти носятъ въ началѣ вполнѣ инстинктивный характеръ, и движенія, связанныя съ ними—чисто рефлекторныя.

Въ *первый* же мѣсяцъ психика ребенка обогащается образованіемъ новаго вида ощущеній—слуховыхъ. Кромѣ того, ассоціаціи начинаютъ становиться разнообразнѣе и отличаются уже въ концѣ перваго мѣсяца болѣе пріобрѣтеннымъ характеромъ. Такъ, несомнѣнно пріобрѣтенными въ это время являются нѣкоторыя ассоціаціи между ощущеніями зрительнымъ и органическими и между слуховыми и органическими, а также отчасти между осязательными и органическими. Такъ, Тидеманъ указываетъ на то, что ребенокъ успокаивается, когда его развертываютъ для того, чтобы накормить, и вытягиваетъ губы для сосанія. Тутъ мы имѣемъ довольно сложную ассоціацію между прикосновеніемъ и органическимъ ощущеніемъ, съ одной стороны, и органическимъ ощущеніемъ и движеніемъ—съ другой. Относительно этого случая можно бы было предположить, что здѣсь обнаруживается прямая ассоціація между вкусовымъ и осязательнымъ ощущеніемъ, но наше объясненіе правдоподобнѣе потому, что все вниманіе новорожденнаго ребенка сосредоточено, главнымъ образомъ, на органическихъ ощущеніяхъ, почему они и являются господствующими въ сознаніи. Вслѣдствіе этого съ ними прежде всего ассоціируются всѣ остальныя ощущенія.

Далѣе устанавливается ассоціація между ощущеніемъ звука и чувствомъ пріятности или непріятности. Тидеманъ приводитъ факты, когда ребенокъ успокаивался подъ вліяніемъ нѣжнаго тона. Такимъ образомъ, извѣстный звукъ вызываетъ чувство опредѣленнаго характера. Въ этомъ случаѣ можно предположить уже и вліяніе предшествующаго опыта, хотя нѣкоторые толкуютъ этотъ фактъ, какъ случай унаслѣдованной ассоціаціи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ассоціація между зрительными ощущеніями и движеніями становится болѣе прочной: ребенокъ разсматриваетъ свои пальцы, слѣдитъ глазами за движущимся предметомъ.

Въ общемъ можно сказать о психическомъ развитіи ребенка въ первый мѣсяцъ его жизни, что въ это время онъ руководится исключительно органическими ощущеніями, и внѣшнее вниманіе его поэтому совершенно не координировано. Всѣ движенія, по которымъ возможно судить о его душевныхъ движеніяхъ, связаны или съ питаніемъ, или съ ощущеніемъ чистоты и нечистоты, или же съ другими менѣе опредѣленными органическими ощущеніями.

При этомъ невольно возникаетъ вопросъ, возможно ли говорить о существованіи процесса узнаванія у ребенка на первомъ мѣсяцѣ его жизни? Прейеръ указываетъ въ своемъ изслѣдованіи, что замѣтилъ у своего сына на второй недѣлѣ послѣ рожденія признаки изумленія при видѣ своихъ пальцевъ. Тальбо констатируетъ такой же фактъ у ребенка на четвертой недѣлѣ. Наблюдаемый имъ ребенокъ обнаружилъ „удивленіе“ при переходѣ изъ одной комнаты въ другую. Эти факты указываютъ какъ будто на то, что данныя дѣти хорошо помнили свои прежнія впечатлѣнія и при переживаніи новыхъ тотчасъ же подмѣтили разницу между прежними переживаніями и послѣдними. Изъ этого можно было бы на первый взглядъ заключить, что ребенокъ, въ возрастѣ отъ двухъ до четырехъ недѣль, узнаетъ знакомые предметы.

Говоря о явленіи узнаванія вообще и разбирая этотъ вопросъ въ примѣненіи къ дѣтской психологіи, мы отмѣтили, во первыхъ, что въ процессѣ узнаванія надо отличать двѣ стороны: неотличеніе и отожествленіе, и, во-вторыхъ, что въ дѣтской психикѣ можно констатировать только болѣе элементарный процессъ неразличенія, связанный съ пассивнымъ состояніемъ дѣтскаго вниманія.

Приводя указанные случаи перваго обнаруженія дѣтскаго изумленія, Тальбо и Прейеръ описываютъ очень сложныя впечатлѣнія, давшія поводъ къ такому обнаруженію. Напротивъ, когда говорятъ объ удивленіи у ребенка лѣтъ семи, то обыкновенно иллюстрируютъ это примѣрами, которые ясно показываютъ, что удивленіе ребенка связано съ сосредоточеніемъ вниманія на частныхъ сторонахъ явле-

нія. Такимъ образомъ, можно было бы предположить, что ребенокъ сложныя впечатлѣнія начинаетъ воспринимать раньше простыхъ.

Въ дѣйствительности, если внимательнѣе проанализировать описанные примѣры, то можно убѣдиться, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ такимъ же фактомъ пассивнаго состоянія духа, какое уже было нами описано. Дѣло въ томъ, что, находясь въ своей комнатѣ, ребенокъ получаетъ цѣлый рядъ опредѣленныхъ впечатлѣній — зрительныхъ, термическихъ, обонятельныхъ и другихъ, которыя связываются съ его самочувствіемъ и опредѣляютъ его При перемѣнѣ комнаты рѣзко измѣняются нѣкоторыя изъ впечатлѣній, какъ-то: цвѣтъ обоевъ, температура и т. п., а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется, конечно, и самочувствіе ребенка. Это измѣненіе выражается въ рядѣ движеній, которыя истолковываются данными авторами, какъ признаки изумленія. Но изумленіе, въ строгомъ смыслѣ слова, предполагаетъ твердое и опредѣленное знаніе данныхъ прежняго опыта, вслѣдствіе чего неожиданное и новое впечатлѣніе, введенное въ рядъ привычныхъ, останавливаетъ на себѣ вниманіе и возбуждаетъ вопросъ. Такимъ образомъ, описанный актъ нельзя признать настоящимъ изумленіемъ, такъ какъ въ этомъ возрастѣ ребенокъ еще неспособенъ задавать себѣ вопросы относительно окружающаго и составлять сужденія. Все его вниманіе сосредоточено еще на своемъ самочувствіи, а не на внѣшнихъ предметахъ.

Переходъ вниманія отъ чисто субъективныхъ состояній къ внѣшнему міру представляетъ собой уже значительный успѣхъ въ общемъ ходѣ развитія психической жизни. Онъ обнаруживается впервые обыкновенно на *второмъ* или *третьемъ* мѣсяцѣ, когда замѣчаются первыя попытки подражанія, связанныя съ довольно твердо установившейся ассоціаціей между зрительными ощущеніями и движеніемъ.

Въ данномъ случаѣ „подражаніе" понимается въ очень элементарномъ смыслѣ. Цѣлый рядъ наблюдателей указываетъ на то, что дѣти въ концѣ перваго мѣсяца начинаютъ слѣдить глазами за движущимся предметомъ. Въ началѣ второго мѣсяца эти движенія становятся болѣе увѣренными, и въ это же время ребенокъ, по наблюденіямъ Рельмана, научается фиксировать взглядъ. Пере и Тидеманъ отмѣчаютъ въ своихъ наблюденіяхъ, что въ началѣ третьяго мѣсяца ребенокъ не только слѣдитъ за удаляющимся блестящимъ предметомъ, но и за глазами другого человѣка. Этотъ-то фактъ и разсматривается часто, какъ первое проявленіе подражанія чужимъ движеніямъ.

Но если мы обсудимъ этотъ фактъ со всѣхъ сторонъ, то увидимъ,

что тутъ нѣтъ еще подражанія, какъ преднамѣреннаго акта, а есть только сложный рефлексъ. Дѣйствительно, въ первые дни жизни ребенокъ вовсе даже не умѣетъ фиксировать взглядъ на какомъ-нибудь предметѣ; эту способность онъ пріобрѣтаетъ спустя нѣкоторое время. Но даже и тогда еще онъ совершенно теряется, когда отъ него отодвигаютъ блестящій предметъ, приковавшій его вниманіе. Мало-по-малу онъ, однако, выучивается слѣдить за нимъ, не теряя его изъ виду. Здѣсь вниманіемъ ребенка управляетъ раздраженіе, а не намѣренное стремленіе къ извѣстнымъ впечатлѣніямъ, и это движеніе, уже довольно сложное, должно быть все-таки отнесено къ разряду рефлексовъ. То же можно сказать и о тѣхъ случаяхъ, когда ребенокъ слѣдитъ не за предметомъ, а за движеніями глазъ другого человѣка. Зрачекъ представляетъ собою удобную точку для фиксаціи вниманія ребенка. При движеніи глаза, зрачекъ перемѣщается и ведетъ за собой слѣдящій за нимъ взглядъ ребенка. Мы видимъ, что этотъ случай, съ психологической точки зрѣнія, ничѣмъ не отличается отъ описаннаго выше. Здѣсь, если угодно, происходитъ „подражаніе", но оно имѣетъ характеръ лишь сложнаго рефлекса. Тѣмъ не менѣе, такого рода явленія надо считать большимъ пріобрѣтеніемъ въ жизни ребенка. Тотъ фактъ, что онъ становится способнымъ къ сложнымъ, длительнымъ рефлексамъ, показываетъ, что у него окрѣпла ассоціація между ощущеніемъ и движеніемъ.

На *третьемъ* же мѣсяцѣ у ребенка впервые замѣчается склонность къ подражанію звукамъ: слыша разговоры взрослыхъ, ребенокъ начинаетъ тоже издавать какіе-то звуки. Это подражаніе тоже чисто инстинктивно. Въ основѣ его лежитъ ассоціація, которая установилась у взрослыхъ между моторными и слуховыми ощущеніями У насъ ассоціація между слуховыми и моторными ощущеніями настолько сильна, что мы по наслѣдству передаемъ ее нашимъ дѣтямъ. Эта ассоціація, такимъ образомъ, въ извѣстной степени, несомнѣнно прирождена ребенку и обнаруживается тотчасъ же, какъ только ребенокъ начинаетъ переносить вниманіе отъ органическихъ ощущеній на впечатлѣнія внѣшняго міра.

Но на ряду съ прирожденными ассоціаціями, на третьемъ мѣсяцѣ замѣчается уже значительное число пріобрѣтенныхъ ассоціацій, которыя отличаются нѣкоторой прочностью. Напримѣръ, ребенокъ, услышавъ чириканье птицы, поворачиваетъ голову къ клѣткѣ и ищетъ ее глазами (Пере). Этотъ примѣръ можно толковать двояко. Во-первыхъ, движенія ребенка въ данномъ случаѣ можно объяснить, какъ инстинктивныя; во-вторыхъ, можно предположить, что ребенокъ зналъ, гдѣ именно находится птица и, слыша ея голосъ, поворачивается къ ней, ищетъ ее глазами. Такъ какъ все указываетъ на то,

что въ душевной жизни ребенка въ это время все большую роль играютъ пріобрѣтенныя ассоціаціи, и вниманіе принимаетъ болѣе внѣшній характеръ, то мы имѣемъ достаточное основаніе думать, что и въ данномъ случаѣ ребенокъ не потому лишь реагируетъ на впечатлѣніе, что оно ему пріятно и что ему хочется продлить его наилучшимъ приспособленіемъ воспринимающаго органа, а потому, что это впечатлѣніе уже раньше было ассоціировано съ даннымъ зрительнымъ и моторнымъ образомъ.

Приблизительно къ третьему мѣсяцу жизни человѣка надо отнести образованіе понятія о внѣшнемъ мірѣ, какъ противоположномъ познающему субъекту, и зарожденіе чувства симпатіи. Симпатія предполагаетъ, съ одной стороны, знаніе о существованіи другихъ, а съ другой, въ этомъ чувствѣ важную роль играетъ моментъ подражанія.

Четвертый мѣсяцъ жизни ребенка особенно важенъ потому, что въ это время у человѣка, повидимому, впервые возникаютъ произвольныя движенія, управляемыя его собственнымъ желаніемъ. Такъ, ребенокъ научается держать что-нибудь въ рукахъ болѣе или менѣе продолжительное время, напримѣръ, чей-нибудь палецъ. Такимъ образомъ, произвольное движеніе ассоціируется, прежде всего съ осязательными ощущеніями. Нѣкоторые психологи и это движеніе объясняютъ, какъ длительный рефлексъ; но если даже и допустить подобное толкованіе, несомнѣннымъ оказывается тотъ фактъ, что ребенокъ выучивается уже къ этому времени и схватывать предметы, привлекшіе его вниманіе.

Съ точки зрѣнія развитія произвольности движеній четырехмѣсячнаго младенца интересенъ случай, описанный Прейеромъ. Онъ приводитъ слѣдующій фактъ изъ своихъ наблюденій: ребенку, на четвертомъ мѣсяцѣ отъ рожденія, съ улыбкой показали языкъ и въ отвѣтъ на это, онъ, въ свою очередь, высунулъ съ улыбкой кончикъ языка. Здѣсь, повидимому, мы имѣемъ фактъ произвольнаго подражанія. Конечно, подражаніе и тутъ еще очень элементарно, но, во всякомъ случаѣ, это явленіе уже гораздо сложнѣе описаннаго выше подражанія движеніямъ глазъ. Въ этомъ явленіи надо отличать двѣ стороны: во-первыхъ, подражаніе улыбкѣ, и, во-вторыхъ,—подражаніе жесту высовыванія языка. Улыбка въ данномъ случаѣ, конечно, чисто рефлекторнаго характера, такъ какъ сознательная (т. е. преднамѣренная) улыбка появляется у ребенка очень поздно, на третьемъ году жизни. Улыбаться ребенокъ начинаетъ уже съ трехнедѣльнаго возраста; но въ это время улыбка его представляетъ собой только рефлексъ на какое-нибудь пріятное, чаще всего вкусовое, ощущеніе. Въ болѣе позднемъ возрастѣ улыбка уже ассоціируется съ чувствомъ

пріятности вообще. Такимъ образомъ, въ описанномъ случаѣ улыбка другого лица вызвала въ ребенкѣ какое-нибудь пріятное чувство, которое, въ свою очередь, рефлекторно заставило улыбнуться его самого.

Но какъ объяснить высовываніе языка ребенка въ описанномъ примѣрѣ? Возможно предположить такое объясненіе: улыбка часто ассоціируется съ сосательными движеніями, которыя тоже ассоціированы со множествомъ пріятныхъ ощущеній. Извѣстенъ фактъ, что ребенокъ часто начинаетъ производить сосательныя движенія, когда его погружаютъ въ теплую ванну. Движеніе же сосанія связано съ высовываніемъ языка. Поэтому приведенный примѣръ можно объяснить такимъ образомъ: видъ улыбки вызываетъ пріятное чувство, и, какъ результатъ его, является улыбка, которая, въ силу ассоціаціи съ движеніемъ сосанія, порождаетъ высовываніе языка. Такимъ образомъ, если стать на эту точку зрѣнія,—подражаніе, какъ преднамѣренное дѣйствіе, здѣсь только кажущееся; весь же процессъ можно разложить на рядъ рефлексовъ.

Нельзя не замѣтить натянутости такого объясненія. Но и помимо этого, мы знаемъ, что въ описываемый періодъ времени ребенокъ способенъ уже къ произвольнымъ движеніямъ, почему въ подобномъ объясненіи нѣтъ даже никакой необходимости. Признавая въ данномъ случаѣ произвольность движенія языкомъ, мы въ то же время отмѣчаемъ связь даннаго движенія съ зрительнымъ впечалѣніемъ.

Уже изъ всего сказаннаго о развитіи дѣтской психики за первые четыре мѣсяца видно, что развитіе это состоитъ главнымъ образомъ въ утонченіи ассоціацій, которыя принимаютъ все болѣе детальный характеръ. Примѣромъ этого можетъ служить отношеніе между чувствами и пользованіемъ голосовымъ аппаратомъ. Первое время своей жизни ребенокъ кричитъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе разныхъ непріятныхъ ощущеній: боли, голода, мокроты и т. д. Но впослѣдствіи крики ребенка становятся все болѣе разнообразными, и въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ *пятый* мѣсяцъ жизни, когда голосовыя реакціи становятся особенно выразительными и разнообразными. Въ это время ребенокъ усваиваетъ способность выражать криками не однѣ только непріятныя, но и нѣкоторыя пріятныя эмоціи.

Вмѣстѣ съ этимъ и вниманіе ребенка съ теченіемъ времени становится болѣе активнымъ. Къ пятому мѣсяцу жизни, какъ мы уже видѣли, у ребенка можно уже подмѣтить существованіе процесса узнаванія, но только въ видѣ неразличенія. Къ этому именно времени и относится наблюденіе, что ребенокъ остается совершенно спокойнымъ при видѣ близкихъ ему лицъ—матери, отца, няни, или же

при видѣ лицъ, на нихъ похожихъ, тогда какъ незнакомые и непохожіе на родителей люди вызываютъ въ ребенкѣ явное безпокойство. Что здѣсь происходитъ процессъ узнаванія въ смыслѣ неразличенія, видно изъ того, что впечатлѣнія, похожія на привычныя, не производятъ на ребенка никакого непріятнаго дѣйствія, причемъ сходство можетъ быть очень поверхностнымъ, ограничиваться одной какой-нибудь чертой. Напримѣръ, если ребенка окружаютъ молодыя лица, то люди, подходящіе къ нимъ по возрасту, не вызываютъ обыкновенно никакого неудовольствія. Такого рода случаи узнаванія въ сущности близки къ фактамъ, наблюдаемымъ въ самомъ раннемъ возрастѣ, когда ребенокъ одного мѣсяца отъ роду обнаруживаетъ будто-бы признаки изумленія при переходѣ въ необычную обстановку. Тутъ нѣтъ еще узнаванія въ смыслѣ отличенія тожественныхъ и различныхъ элементовъ впечатлѣнія.

Но на *седьмомъ* мѣсяцѣ можно уже съ увѣренностью констатировать у ребенка процессъ узнаванія въ смыслѣ отожествленія. Такъ, напримѣръ, семимѣсячный ребенокъ боится огня, если ему прежде случилось обжечься. Еще характернѣе въ этомъ отношеніи случаи, когда ребенокъ этого возраста тянется къ куску сладкаго пирога и бросаетъ на полъ данный взамѣнъ этого кусокъ хлѣба. Тутъ уже обнаруживается различеніе того, что согласуется или не согласуется съ желаніями ребенка. Способность такого различенія можетъ образоваться только тогда, когда образуется ассоціація по контрасту, а это образованіе надо отнести къ *шестому* мѣсяцу дѣтской жизни.

На этомъ же мѣсяцѣ у ребенка впервые возникаетъ способность задерживать движенія. Это явленіе связано съ возникновеніемъ ассоціаціи по контрасту. Всякая задержка движенія совершается въ силу этой ассоціаціи. Если мы, напримѣръ, готовимся сжать руку въ кулакъ и затѣмъ произвольно задерживаемъ это движеніе, то для такой задержки необходимо, чтобы въ нашемъ сознаніи возникло представленіе движенія противоположнаго характера. То же самое наблюдается и при всякой задержкѣ болѣе сложнаго волевого акта. Мы воздерживаемся отъ какого-нибудь поступка потому, что противопоставляемъ первому мотиву, побуждавшему насъ къ дѣйствію, другой—ему противоположный, который и беретъ перевѣсъ въ нашемъ сознаніи.

Однимъ изъ важныхъ признаковъ развитія способности узнаванія, кромѣ способности различенія, надо считать способность обобщенія, которая обнаруживается на одиннадцатомъ или двѣнадцатомъ мѣсяцѣ. Конечно, явленія, впервые указывающія на возможность допустить присутствіе обобщенія, очень неясны, и для ихъ оцѣнки требуется тщательный анализъ. Такъ, Сигизмундъ сообщаетъ, что

годовалому ребенку въ его присутствіи показали кулика и произнесли при этомъ слово: „птица“. Ребенокъ тотчасъ обернулся и посмотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ стояло чучело совы. Такимъ образомъ, онъ будто-бы обнаружилъ, что подмѣтилъ общіе признаки двухъ этихъ птицъ и даже ассоціировалъ ихъ со словомъ.

Къ періоду времени отъ 8 мѣсяцевъ до году надо отнести и начало подражательныхъ дѣйствій въ собственномъ смыслѣ слова. Самые первые зачатки подражанія многіе психологи, какъ мы уже видѣли, относятъ къ первому мѣсяцу жизни, считая подражаніемъ такія дѣйствія, какъ слѣдованіе глазами за взоромъ другого. Но мы уже видѣли, что подобныя движенія надо отнести къ числу сложныхъ, длительныхъ рефлексовъ, такъ какъ мы не имѣемъ никакихъ основаній утверждать, что ребенокъ пожелалъ произвести именно это движеніе. Но если восьмимѣсячный ребенокъ, видя, какъ мать его мѣшаетъ въ печкѣ, схватываетъ палку и тоже начинаетъ что-нибудь мѣшать, то этого сложнаго дѣйствія уже нельзя объяснить одними рефлексами. Мы знаемъ, что къ этому времени ассоціаціи ребенка уже достаточно дифференцированы, и произвольныя движенія довольно развиты, чтобы имѣть право предположить, что ребенокъ въ данномъ случаѣ руководился при своихъ дѣйствіяхъ по лнѣ сознательнымъ желаніемъ. Около этого же времени, какъ ог ласно указываютъ нѣсколько наблюдателей, ребенокъ начинаетъ сознательно подражать и слуховымъ впечатлѣніямъ, напримѣръ, кашлю. Такого рода подражаніе предполагаетъ уже довольно большую дифференціацію ассоціацій.

Способность различать впечатлѣнія указываетъ на значительное развитіе памяти. Съ этой точки зрѣнія интересно провести сравненіе между шестимѣсячнымъ и годовалымъ ребенкомъ, поскольку развитіе ихъ памяти отражается въ узнаваніи недавно воспринятыхъ предметовъ. Шестимѣсячный ребенокъ обыкновенно совершенно забываетъ хорошо знакомыхъ ему людей, отсутствовавшихъ въ теченіе трехъ-четырехъ недѣль. Одиннадцати и двѣнадцати-мѣсячныя дѣти уже узнаютъ знакомыя лица послѣ такого же перерыва. Кромѣ того, самое узнаваніе совершается съ большей легкостью и скоростью. Годовалый ребенокъ часто узнаетъ людей по одному голосу, не видя ихъ, и даже узнаетъ черезъ нѣсколько дней лица, которыя онъ видѣлъ только однажды. Полугодовой ребенокъ, наоборотъ, запоминаетъ впечатлѣнія только послѣ ихъ многократнаго повторенія, и для узнаванія ему часто недостаточно бываетъ какого-нибудь признака, а требуется суммированіе знакомыхъ впечатлѣній. Балдуинъ приводитъ наблюденіе надъ семимѣсячнымъ ребенкомъ, который не узнавалъ своей няни, когда она, послѣ довольно продолжи-

тельнаго отсутствія, вошла въ комнату молча; не узналъ онъ ея и по одному голосу. Узнаваніе произошло только тогда, когда она, войдя, начала пѣть. Такимъ образомъ, для узнаванія требовалось въ данномъ случаѣ суммированіе ассоціированныхъ между собой впечатлѣній. Описанный случай ясно указываетъ на слабость памяти въ этомъ возрастѣ, сравнительно съ памятью годовалаго ребенка.

На ряду съ памятью, въ теченіе перваго года жизни, замѣтно развивается и двигательное вниманіе ребенка. На первомъ мѣсяцѣ дитя еще не въ состояніи слѣдить глазами за передвигающейся свѣчкой. На второмъ—онъ выучивается слѣдить даже за глазами другого лица. Далѣе Прейеръ описываетъ случай, когда ребенокъ, на третьемъ мѣсяцѣ, довольно долго слѣдилъ за движеніями маятника. На седьмомъ мѣсяцѣ, ребенокъ уже не только слѣдитъ за движеніями другихъ лицъ, но и повторяетъ эти движенія по нѣскольку разъ подрядъ. Такимъ образомъ, благодаря укрѣпившимся ассоціаціямъ между зрительнымъ впечатлѣніемъ и движеніемъ, мало-по-малу развивается вниманіе.

Всѣ эти процессы (развитіе памяти, развитіе вниманія) стоятъ въ тѣсной связи съ постепенной дифференціаціей ассоціацій, которую мы наблюдаемъ въ теченіе перваго года, и которая ясно обнаруживается въ процессахъ узнаванія. Эти процессы въ началѣ связаны съ самочувствіемъ, и узнаваніе предмета происходитъ лишь въ формѣ, такъ сказать, суммарной, т. е. узнается какое-нибудь впечатлѣніе цѣликомъ, какъ сумма извѣстныхъ свойствъ. Далѣе начинается узнаваніе отдѣльныхъ сторонъ предмета, напримѣръ, прически, цвѣта волосъ, звука голоса и т. п. Измѣненіе этихъ свойствъ приводитъ ребенка въ недоумѣніе. Рядомъ съ этимъ въ ребенкѣ начинаетъ развиваться способность къ обобщенію, такъ какъ для этого процесса необходимо умѣніе выдѣлить нѣкоторыя свойства предмета, общія для нѣсколькихъ вещей, что зависитъ отъ способности сосредоточить вниманіе на деталяхъ.

Развитіе ребенка позднѣе года идетъ тѣмъ же путемъ, какъ и въ теченіе перваго года. Оно состоитъ въ увеличеніи количества ассоціацій, утонченіи ихъ, развитіи способности къ обобщенію, которое распространяется мало-по-малу на впечатлѣнія всѣхъ органовъ чувствъ и ихъ комбинаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ усиливается память, и становится интенсивнѣе вниманіе.

Въ какомъ же именно направленіи и насколько развивается способность ассоціированія, и до какихъ предѣловъ возможно провести аналогію между развитіемъ въ теченіе перваго года и послѣдующихъ лѣтъ?

Мы уже видѣли, что основной ассоціацией въ первое время жизни

является ассоціація между органическими ощущеніями и движеніемъ. Если же анализировать ассоціаціи у юношей 16—17 лѣтъ, то самыми сильными ассоціаціями оказываются зрительныя и слуховыя. Такое измѣненіе силы ассоціацій зависитъ отчасти отъ устройства органовъ чувствъ, отчасти же отъ условій нашей жизни.

Важную роль въ этомъ отношеніи играетъ большая раздѣльность и ясность зрительныхъ и слуховыхъ впечатлѣній, сравнительно съ органическими, которыя всегда до извѣстной степени смутны. Зрительныя и слуховыя ощущенія, благодаря массѣ оттѣнковъ, могутъ вступать въ ассоціацію съ большимъ количествомъ впечатлѣній, что объясняетъ ихъ особенную прочность.

Кромѣ того, зрительныя ощущенія, на ряду съ осязательными, являются для насъ источникомъ знанія о внѣшнемъ мірѣ и, вслѣдствіе этого, особенно часто ассоціируются со словами, что значительно способствуетъ ихъ укрѣпленію въ памяти.

Память ребенка, какъ уже было отмѣчено, сильно развивается съ возрастомъ, и память въ дѣтствѣ значительно слабѣе, чѣмъ въ болѣе позднемъ возрастѣ. Но установить точное отношеніе между силой памяти, напримѣръ, годовалаго ребенка и хотя бы восемнадцатилѣтняго юноши на основаніи того, что дала современная психологія, пока еще невозможно. Во-первыхъ, въ этомъ направленіи очень трудно произвести детальное экспериментальное изслѣдованіе, такъ какъ явленія памяти зависятъ отъ вниманія и способности воспріятія. Поэтому матеріалъ, полученный благодаря нѣкоторымъ изслѣдованіямъ этого рода, приходится оцѣнивать, такъ сказать, гуртомъ, не выдѣляя изъ результатовъ общаго процесса запоминанія тѣхъ элементовъ, которые относятся къ памяти въ собственномъ смыслѣ слова. Но кромѣ того, мы и не имѣемъ достаточнаго количества подробныхъ изслѣдованій по вопросу объ измѣненіяхъ памяти отъ одного года до 18 лѣтъ. Поэтому всѣ отвѣты на вопросъ о степени роста памяти въ этомъ періодѣ имѣютъ гипотетическій характеръ.

Въ общемъ, можно, однако, съ увѣренностью утверждать, что, какъ показываютъ всѣ экспериментальныя изслѣдованія и наблюденія, память, въ смыслѣ количества запоминаемыхъ впечатлѣній, сильно развивается съ возрастомъ. Такъ, по произведеннымъ мною опытамъ съ запоминаніемъ двѣнадцати словъ разнаго значенія, оказалось, что дѣти 10 лѣтъ запоминаютъ въ среднемъ 5,8 словъ, а 15 лѣтніе—7,1. То же самое получилось и при измѣреніи зрительной памяти путемъ узнаванія картинокъ.

Дѣти въ возрастѣ отъ 3—4 лѣтъ запомнили въ среднемъ изъ 12 показанныхъ картинокъ — 6,1; десятилѣтнія узнали уже 9,5, пятнадцатилѣтнія—10,65.

Эти же эксперименты обнаруживаютъ развитіе съ возрастомъ и другой стороны памяти—точности. Это находится въ зависимости отъ развитія способности различенія и дѣятельнаго ассоціированія, которое мы прослѣдили въ первомъ году жизни ребенка.

Въ данныхъ опытахъ степень точности памяти можно было опредѣлить по количеству ошибочныхъ воспоминаній. Давая дѣтямъ разнаго возраста, начиная отъ 3 лѣтъ, разсматривать 12 картинокъ, мы затѣмъ показывали имъ большое количество картинъ, среди которыхъ находились и тѣ, которыя они раньше воспринимали. Дѣтямъ предлагали найти знакомыя картинки.

При этомъ дѣти часто, на ряду съ воспринятыми прежде, указывали и такія, которыя имъ не показывались. Количество такихъ ложныхъ узнаваній находится въ зависимости отъ возраста. Такъ, дѣти 3—4 лѣтъ указали въ среднемъ, кромѣ дѣйствительно знакомыхъ, болѣе шести никогда не видѣнныхъ прежде картинокъ. Одиннадцатилѣтнія дѣти дали въ среднемъ 0,9 такихъ ошибочныхъ воспризнаній. Для пятнадцатилѣтнихъ такихъ ошибокъ приходилось одна на пять человѣкъ.

Всѣ эти факты показываютъ, что склонность дѣтей къ иллюзированію находится въ обратномъ отношеніи къ возрасту. Этотъ выводъ не безынтересенъ съ педагогической точки зрѣнія, такъ какъ этой склонностью къ иллюзіи, этой неточностью памяти часто объясняются проявленія дѣтской лживости. Но ею же можно объяснить и многіе случаи такъ называемой дѣтской фантазіи.

Съ развитіемъ памяти тѣсно связаны процессы воображенія, отвлеченія и сужденія, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь и перейдемъ.

Среди психологовъ сильно распространенъ тотъ взглядъ, что дѣтскій возрастъ характеризуется усиленной работой воображенія. Насколько же справедливо это положеніе? Для рѣшенія подобнаго вопроса необходимо прежде всего опредѣлить, какого рода явленія одразумѣваютъ подъ словомъ „воображеніе“. Анализируя разнообразные случаи проявленія воображенія, приходится прежде всего отмѣтить, что подъ это понятіе часто подводятъ факты, происходящіе скорѣе отъ слабости памяти, чѣмъ отъ силы воображенія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только попросить кого-нибудь, не оборачиваясь назадъ, описать подробно, что находится за его спиной, конечно, если данное лицо находится въ помѣщеніи, гдѣ оно бывало нѣсколько разъ, но не постоянно.

При подобнаго рода описаніяхъ всегда случаются ошибки памяти: число предметовъ, ихъ цвѣтъ, распредѣленіе въ пространствѣ и т. д. часто описываются невѣрно; часто называются вовсе не тѣ предметы,

которые находятся на самомъ дѣлѣ, и дѣйствительно существующимъ вещамъ приписываются не тѣ свойства, которыми онѣ обладаютъ. Если разобраться во всемъ такомъ описанiи, то несомнѣнно можно указать въ немъ работу воображенiя, комбинацiю образовъ, воспринятыхъ въ разное время. Но эта комбинаторная работа есть въ то же время ошибка памяти, результатъ ея слабости. Воображенiе въ данномъ случаѣ оказывается совершенно пассивнымъ. Оно не сознательно выбираетъ извѣстные образы воспоминанiя и не комбинируетъ ихъ въ стройныя картины, а пассивно воспроизводитъ лишь тѣ комбинацiи, которыя сами собой, въ силу законовъ ассоцiацiи, возникаютъ въ сознанiи даннаго лица. Характернымъ для подобнаго рода описанiй является то, что воспоминанiя въ этихъ случаяхъ отличаются обыкновенно крайней неувѣренностью, благодаря чему очень легко наводящими вопросами заставить данное лицо дать опредѣленнаго рода ошибочныя описанiя. Такъ какъ психическое состоянiе описывающаго въ такихъ случаяхъ совершенно пассивно, то вопросы оказываютъ на нихъ внушающее дѣйствiе и заставляютъ ихъ иллюзировать опредѣленнымъ образомъ.

Послѣднее положенiе вполнѣ подтверждается опытами Бинэ опубликованными въ его книгѣ „La suggestibilité". Бинэ наклеилъ на папку шесть предметовъ, причемъ для опыта имъ были взяты: марка, картинка, изображающая толпу людей передъ невысокой рѣшеткой, мужской портретъ, пуговица, монета въ 5 сантимовъ, билетикъ съ маркой магазина Au bon marché! Папку съ наклеенными на ней предметами Бинэ показывалъ дѣтямъ, которыя потомъ должны были описать, сколько и какiе предметы они видѣли. При этомъ Бинэ вводилъ внушающiе вопросы, разспрашивая ихъ о подробностяхъ, которыхъ на самомъ дѣлѣ не было. Внушенiе дало блестящiе результаты. Подъ влiянiемъ вопросовъ дѣти описывали такiя свойства предметовъ, которыхъ въ дѣйствительности не имѣлось и даже иллюзировали насчетъ числа предметовъ. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые изъ испытуемыхъ утверждали, что ясно видѣли штемпель на маркѣ, тогда какъ марка была совершенно новая. Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилось, что чѣмъ менѣе точно воспрiятiе образовъ, тѣмъ сильнѣе дѣйствiе внушенiя.

Послѣднiй выводъ имѣетъ огромное педагогическое значенiе. Если возможно говорить о богатомъ воображенiи, какъ характерной чертѣ дѣтскаго возраста, то подъ нимъ слѣдуетъ понимать именно это пассивное воображенiе, т. е. такое воображенiе, которое основывается на слабости памяти и вниманiя и соединено съ неувѣренностью въ себѣ и поддатливостью внушенiю. Всѣ эти признаки характеризуютъ личность, недостаточно еще установившуюся. И дѣй-

ствительно, у лицъ съ неустойчивою личностью (напримѣръ у преступниковъ) можно наблюдать именно этотъ родъ воображенія, расплывчатаго, разнузданнаго и безцѣльнаго, подходящаго ближе всего къ праздной мечтательности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ показываютъ изслѣдованія Щеглова, вниманіе у такихъ лицъ неустойчиво, а внушаемость повышенная.

Въ противоположность пассивному воображенію надо отмѣтить воображеніе активное или творческое. Геніальность часто опредѣляютъ какъ способность владѣть вниманіемъ. И дѣйствительно, такое активное, произвольно управляемое вниманіе прежде всего характеризуетъ творческое воображеніе. Художники, поэты, ученые обладаютъ способностью долго удерживать въ сознаніи извѣстные образы, воспринятые ими съ особенно острымъ вниманіемъ и заставлять свое вниманіе продолжительное время работать въ одномъ направленіи. Прекрасную характеристику поэта съ этой точки зрѣнія далъ Пушкинъ въ своемъ стихотвореніи „Пророкъ". Онъ характеризуетъ его, какъ чловѣка съ особенно тонкимъ воспріятіемъ, силой чувства, устойчивостью интересовъ и признаніемъ этихъ интересовъ въ высшей степени цѣнными. Дѣйствительно, всѣ эти свойства опредѣляютъ условія творческаго воображенія. Конечно, тонкость воспріятія не надо понимать въ смыслѣ развитія однихъ лишь периферическихъ органовъ ощущеній. Иначе пришлось бы, напримѣръ, допустить, что человѣкъ близорукій не можетъ быть геніальнымъ поэтомъ. Поэты должны обладать особой наблюдательностью въ сферѣ своего творчества, видѣть въ окружающихъ ихъ явленіяхъ такія черты, которыя ускользаютъ отъ вниманія другихъ лицъ. Онъ долженъ среди массы образовъ и представленій выбрать такіе, которые могутъ пригодиться ему въ качествѣ матеріала для его творчества сосредоточить на нихъ вниманіе и оттѣснить другіе, невольно возникающіе въ сознаніи образы, не нужные для его цѣлей. Какъ мы видимъ, такой процессъ творческой работы очень далекъ отъ безцѣльной мечтательности.

Все, что было сказано относительно творческой работы воображенія художника и поэта, можно всецѣло примѣнить къ созидательной работѣ всякаго общественнаго дѣятеля. Въ состояніи творчества, когда вся душевная жизнь находится въ самой напряженной дѣятельности, человѣкъ наименѣе поддается внушенію и личность его въ такіе моменты наиболѣе устойчива. Такимъ образомъ, въ состояніи пассивнаго вниманія человѣкъ наиболѣе приближается къ типу преступника, существа неуравновѣшеннаго. Въ состояніи творчества, наоборотъ, онъ ближе всего подходитъ къ идеалу здороваго, психически сильнаго человѣка.

Въ первое время жизни у ребенка рѣшительно преобладаетъ пассивное вниманіе. Потомъ, по мѣрѣ развитія памяти и вниманія, а также въ зависимости отъ тѣхъ задачъ, которыя ему ставитъ окружающая жизнь, у него начинаетъ развиваться творческое воображеніе. Въ этомъ развитіи необходимо участвуетъ процессъ отвлеченія, къ разсмотрѣнію котораго мы и приступимъ.

По вопросу о процессѣ отвлеченія у дѣтей были произведены интересныя экспериментальныя изслѣдованія профессоромъ Ціэномъ въ Іенѣ. Онъ давалъ дѣтямъ, въ возрастѣ отъ 7—12 лѣтъ, различныя слова и заставлялъ ихъ называть въ отвѣтъ на эти слова тѣ представленія, которыя возникали у нихъ по ассоціаціи съ данными словами. Количество, качество и время ассоціацій тщательно отмѣчались. При разборѣ матеріала оказалось большое количество отвлеченныхъ ассоціацій, которыя къ тому же возникали быстрѣе, чѣмъ конкретныя. Этотъ фактъ тѣмъ болѣе удивителенъ, что у взрослыхъ людей, наоборотъ, отвлеченныя ассоціаціи занимаютъ значительно болѣе продолжительное время.

Если обратиться къ литературѣ по дѣтской психологіи, то можно найти много указаній на необыкновенную способность дѣтей къ отвлеченію. Но что такое „отвлеченіе"? Подъ этимъ словомъ подразумѣваютъ двоякаго рода явленія: во-первыхъ,—результатъ дѣятельности обобщенія и, во-вторыхъ, неясныя и неопредѣленныя представленія. Если проанализировать нашъ опытъ съ описаніемъ части комнаты, находящейся за спиной испытуемаго, то и тамъ можно найти общія отвлеченныя представленія, такъ какъ часто при такихъ описаніяхъ образы, мелькающіе въ сознаніи описывающаго, такъ неясны и неопредѣленны, что онъ можетъ только указать, что вспоминаетъ такой-то предметъ, не будучи въ состояніи описать его сколько-нибудь подробно („я помню, что тамъ стоитъ какой-то столъ").

Если мы обратимся къ матеріалу, добытому Ціэномъ, то увидимъ, что многія изъ ассоціацій, причисленныхъ имъ къ группѣ отвлеченныхъ, отличаются именно такой неопредѣленностью. Напримѣръ, на заданное слово мальчикъ отвѣчаетъ, что ему представился огородъ. По опросѣ оказывается, что онъ не можетъ дать описанія никакого опредѣленнаго огорода, а представлялъ огородъ *вообще*. Ціэнъ относитъ эту ассоціацію къ числу отвлеченныхъ. Другой мальчикъ тоже ассоціируетъ съ даннымъ словомъ представленіе огорода, но при этомъ говоритъ, что ему вспомнился его собственный огородъ. Такая ассоціація причисляется Ціэномъ къ группѣ конкретныхъ. Первый образъ въ данномъ случаѣ отличается отъ второго только меньшею ясностью.

Совершенно иное мы видимъ при анализѣ процесса отвлеченія

у взрослыхъ. Предположимъ, что взрослый человѣкъ представляетъ себѣ самоваръ. Онъ опредѣленно описываетъ его цвѣтъ, величину, форму, а также ту обстановку, въ которой онъ его себѣ представляетъ. Такое представленіе мы называемъ конкретнымъ. Другой человѣкъ тоже представляетъ себѣ самоваръ, но описываетъ его иначе. Онъ называетъ отдѣльныя части этого предмета, характерныя и общія для всѣхъ предметовъ подобнаго рода. Онъ опредѣленно описываетъ кранъ, камфорку, трубу; относительно же величины, формы, цвѣта, т. е. признаковъ, отличающихъ одинъ самоваръ отъ другого, говоритъ, что они представляются ему неясно, что представленіе о нихъ колеблется въ его сознаніи, появляясь то въ такомъ, то въ другомъ видѣ. Этого рода представленіе мы относимъ къ числу отвлеченныхъ.

Что же отличаетъ послѣднее изъ описанныхъ нами представленій отъ тѣхъ примѣровъ отвлеченныхъ образовъ, которые намъ даетъ Ціэнъ? Тамъ мы видѣли проявленіе слабости воспоминанія, недостаточной яркости воспроизводимыхъ образовъ. Тутъ, наоборотъ, замѣчается тонкая работа памяти, которая требуется для сосредоточенія вниманія на однихъ только общихъ признакахъ, представленіе которыхъ отнюдь не отличается неопредѣленностью и отсутствіемъ яркости. Это сосредоточеніе вниманія на общихъ признакахъ позволяетъ возникать представленіямъ и о несущественныхъ чертахъ даннаго предмета, но эти представленія постоянно колеблются въ сознаніи.

Такимъ образомъ, отвлеченіе у дѣтей зависитъ отъ неполноты и неясности воспоминаній. Отвлеченные образы ихъ создаются помимо ихъ воли и состоятъ въ отрывочныхъ воспоминаніяхъ. Отвлеченіе у дѣтей далеко не имѣютъ характера цѣлесообразности, которымъ отличаются отвлеченія у взрослыхъ. Они воспроизводятъ признаки не общіе и существенные для даннаго предмета, а тѣ, которые наиболѣе поразили ихъ воображеніе.

Болѣе сложнымъ, чѣмъ отвлеченіе, является процессъ сужденія, къ разсмотрѣнію котораго у дѣтей мы и перейдемъ въ настоящее время.

Процессъ сужденія требуетъ достаточно развитого вниманія и памяти. Для того, чтобы составить себѣ сужденіе о чемъ бы то ни было, необходимо пережить предварительно состояніе колебанія, нужно умѣть поставить себѣ вопросъ, т. е. связать съ даннымъ предметомъ нѣсколько представленій. Эти представленія находятся сначала въ нашемъ сознаніи, въ состояніи колебанія, пока, наконецъ, не произойдетъ перемѣщеніе центра вниманія на какое-нибудь изъ этихъ представленій. Какъ только происходитъ такое перемѣще-

ніе,—процессъ сужденія законченъ, отвѣтъ на вопросъ полученъ. Какъ мы уже говорили, весь этотъ процессъ можетъ совершиться только тогда, когда память и вниманіе достаточно сильны. Между тѣмъ объ этомъ обстоятельствѣ забываютъ многіе, описывавшіе этотъ процессъ у дѣтей. Такъ, напримѣръ, Трэси говоритъ: „Когда двухмѣсячный ребенокъ узнаетъ своихъ родителей, когда, по достиженіи трехъ мѣсяцевъ съ половиной, онъ оборачивается къ клѣткѣ, услышавъ слово „коко“, когда онъ тянется къ ложкѣ ртомъ въ то время, какъ его кормятъ; когда семи мѣсяцевъ онъ поворачивается налѣво, если предметъ, привлекающій его вниманіе, такъ далеко относятъ назадъ, что онъ можетъ его видѣть, поворачиваясь вправо; когда восьми мѣсяцевъ онъ узнаетъ изображеніе на картинѣ; когда на десятомъ мѣсяцѣ онъ ясно обнаруживаетъ пониманіе того, что тѣла имѣютъ тяжесть; когда онъ тогда же показываетъ не подлежащими сомнѣнію знаками, что онъ замѣчаетъ отсутствіе родителей,—во всѣхъ этихъ случаяхъ мы не можемъ сомнѣваться, что онъ совершаетъ актъ сужденія“ (Трэси, „Психол. перваго дѣтства“, 75).

Всѣ перечисленные въ этомъ отрывкѣ случаи относятся къ процессу узнаванія. Мы знаемъ уже изъ предыдущаго, что объ узнаваніи у двухмѣсячнаго младенца можно говорить только въ смыслѣ неразличенія. Сужденіе же въ строгомъ смыслѣ слова требуетъ уже тонкой дифференціаціи ассоціацій. Цитируемый авторъ, въ данномъ случаѣ, подъ словомъ „сужденіе“ понимаетъ самый элементарный ассоціаціонный процессъ. Но хотя ассоціація, конечно, входитъ въ составъ процесса сужденія, тѣмъ не менѣе этотъ процессъ надо понимать, какъ сильно осложненный процессъ ассоціаціи. О сужденіи въ собственномъ смыслѣ слова можно говорить только тогда, когда мы имѣемъ на лицо ясно выраженный вопросъ. Понимаемый такимъ образомъ, актъ сужденія тѣснымъ образомъ связанъ съ образованіемъ рѣчи ребенка, начало котораго надо отнести къ второму году жизни.

Александръ Нечаевъ.

Изъ міра педагогическихъ мечтаній.

(Посвящается К. Н. В—лю).

У насъ вообще не принято говорить на страницахъ общаго журнала о вопросахъ чисто-педагогическихъ, и по одной весьма простой причинѣ: такихъ статей никто обыкновенно не читаетъ, ибо, въ самомъ дѣлѣ, что такое *педагогія*, какъ не самая скучнѣйшая и самая отсталая область человѣческаго знанія, чуждая всякому дуновенію свѣжей, новой жизни, монополизированная почти исключительно людьми „въ футлярѣ?“ Хроническое безсиліе традиціонной педагогіи, ея „мѣщанскій“ характеръ и ея узкій индивидуализмъ отогнали отъ современнаго воспитательнаго дѣла всѣ живыя силы и отбили у общества охоту даже вообще интересоваться этой сферой человѣческаго знанія и искусства. Никто съ такой ѣдкой желчью не отзывался о современныхъ педагогахъ, какъ Фридрихъ Ницше. „Наши переполненныя гимназіи, наши обремененные и одурѣвшіе учителя—это скандалъ!“ — говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ. Критикуя въ частности германскіе университеты въ „Götzen Dämmerung“, онъ восклицаетъ: „Что за воздухъ царитъ среди этихъ ученыхъ; какая духовная оголтѣлость, умѣренность и вялость!. Наша культура ничѣмъ не страдаетъ болѣе, какъ изобиліемъ этихъ надменныхъ поденщиковъ и обломковъ человѣчности“. Въ другой своей статьѣ, озаглавленной „Wir Philologen“, онъ надѣляетъ филологовъ самыми нелестными эпитетами, вродѣ „усердствующіе рабы“, „филистеры“, „грязные педанты“, даже „косноязычные“ и „ночныя совы“. И въ рукахъ такихъ людей находится воспитаніе подростающихъ поколѣній! „Когда я вижу, какъ современныя государства насаждаютъ классическое образованіе, то думаю себѣ: какъ же оно должно быть безвредно! Но вслѣдъ затѣмъ присовокупляю: какъ же оно должно быть полезно—оно даетъ этимъ государствамъ ореолъ насадителей „свободнаго“ классическаго образованія... *Стоитъ*,

однако, лишь взглянуть на нашихъ филологовъ, чтобы оцѣнить по достоинству эту свободу".

Какъ ни увлекается Ницше въ своей саркастической характеристикѣ всего современнаго педагогическаго персонала въ Германіи, какъ ни преувеличены бываютъ подчасъ вообще современные пессимистическіе отзывы о мертвенности и „безнадежности" воспитательнаго дѣла въ его настоящей, крайне неблагопріятной обстановкѣ, но безспорно, что ни особенной смѣлостью идей, ни оригинальностью новыхъ замысловъ и высотою идеаловъ педагоги по ремеслу ни въ одной странѣ не отличаются. Высокому полету педагогическихъ мечтаній никакой „человѣкъ въ футлярѣ" предаться не въ состояніи, по самой уже своей робкой и „замученной" чрезмѣрнымъ трудомъ природѣ. И въ то самое время, какъ все кругомъ круто измѣняется, открываются всюду новые горизонты и намѣчаются новые „планы жизни", педагогія плетется понурившись по своей издавна протоптанной тропинкѣ, не оглядываясь по сторонамъ и не пытаясь разгадать неясныя черты будущаго. И такъ было всюду и во всѣ времена, начиная съ древней Греціи и кончая современными, самыми передовыми государствами. Педагогическими мечтаніями занимались и смѣлымъ воспитательнымъ экспериментамъ предавались всегда и всюду не педагоги по ремеслу, а люди „посторонніе": политики, философы, гуманисты, религіозные реформаторы. Какъ ни „некомпетентны" были всѣ эти лица въ педагогическихъ вопросахъ, мы все же унаслѣдовали отъ нихъ богатыя сокровища высокихъ воспитательныхъ идеаловъ и нерѣдко геніальныхъ, прозрѣвшихъ будущее педагогическихъ идей. Такимъ образомъ, и педагогія имѣетъ свои „утопіи", заслуживающія нашего вниманія и скрывающія въ себѣ, среди многаго парадоксальнаго и чисто-утопическаго, цѣлый рядъ здоровыхъ истинъ и цѣнныхъ идеаловъ, которымъ предстоитъ создать воспитаніе завтрашняго дня. Ибо не все же утопично и парадоксально въ воспитательныхъ идеалахъ Платона, или Ѳомы Кампанеллы, или Моруса, или Лепелетье, Овена, Фурье! Прошедшая исторія знаетъ даже одинъ замѣчательный примѣръ практической попытки „педагогической утопіи", т. е. радикальной реформы всего традиціоннаго воспитанія на совершенно новыхъ началахъ. Эта попытка была проведена съ успѣхомъ моравскими анабаптистами шестнадцатаго вѣка. Какими путями проникли въ эту среду утопическіе идеалы Платона и Моруса, исторіи не извѣстно. Карлъ Каутскій, однако, разсказываетъ намъ необыкновенно интересную исторію о томъ, какъ моравскіе анабаптисты, въ бурную эпоху крестьянскихъ войнъ и реформаціоннаго движенія, осуществили у себя идеалъ полной эмансипаціи

женщины и общественнаго воспитанія ребенка *). Идея материнскихъ школъ и дѣтскихъ садовъ зародилась и была осуществлена, такимъ образомъ, еще задолго до Фребеля и была при томъ понята не только какъ одно лишь изъ средствъ воспитанія маленькихъ дѣтей, но и какъ одинъ изъ вѣрнѣйшихъ путей къ облегченію женщины отъ исключительныхъ хозяйственныхъ и семейно-воспитательныхъ заботъ, т. е. къ предоставленію ей возможности собственнаго развитія и внѣсемейной, общественной работы. И замѣчательно, что крайности Платоновской педагогіи, отлучавшей ребенка отъ матери тотчасъ же по рожденіи, моравскимъ братьямъ были чужды. Платонъ, въ своемъ стремленіи къ полной эмансипаціи женщины, готовъ былъ даже атрофировать ея материнскіе инстинкты: мать должна быть лишаема возможности даже узнать своего собственнаго ребенка среди множества другихъ. Моравскіе анабаптисты, наоборотъ, лишь *облегчали* матери несеніе ея семейныхъ и хозяйственныхъ заботъ устройствомъ общихъ кухонь и общественно-воспитательныхъ учрежденій, въ которыя принимались дѣти начиная съ $1^1/_2$—2 годичнаго возраста, и гдѣ они проводили ежедневно опредѣленное количество времени. Женщины имѣли преимущественное вліяніе на школы, изъ которыхъ каждая имѣла свою особую „Schulmutter". Среди варварскихъ пріемовъ и методовъ воспитанія, практиковавшихся въ средніе вѣка, многочисленныя анабаптистскія школы и другія воспитательныя учрежденія въ Моравіи являлись какимъ-то фантастическимъ оазисомъ, какъ бы обманчивымъ миражемъ еще далекаго—далекаго будущаго. Немного далѣе къ сѣверу, въ другой странѣ, въ г. Мюнстерѣ, тѣ же идеалы нашли было своего адепта въ Іоаннѣ Лейденскомъ; но послѣднему пришлось погибнуть еще ранѣе, чѣмъ онъ могъ подумать о практическомъ ихъ осуществленіи. Могущественный порывъ того времени къ идеалу и къ обновленію всѣхъ сторонъ жизни, не исключая семьи и воспитанія, былъ, какъ извѣстно, подавленъ суровой прозой стихійныхъ историческихъ процессовъ. И, казалось, были навсегда поражены эти „слишкомъ ранніе предтечи слишкомъ медленной весны"... Но не прошло и полныхъ двухъ столѣтій, какъ опять возобновляется эра педагогическихъ мечтаній, нашедшихъ благопріятную для себя почву во Франціи конца восемнадцатаго вѣка. Въ то самое время, какъ Кондорсэ выступаетъ съ защитою правъ женщины, Лепелетье начерталъ свой „планъ національнаго воспитанія", составленный по образцамъ древней Греціи, въ соотвѣтствіи съ идеалами Спарты

*) См. „Die Geschichte... in Einzeldarstellungen", von Plato bis zu den Wiedertäufern, стр. 363—366.

и Платона. По поводу этого проекта воспитанія извѣстный историкъ Франціи, Мишле, написалъ слѣдующую восторженную тираду:

„Да будетъ трижды благословенъ прахъ этого истинно честнаго и добраго человѣка, который сумѣлъ заглянуть далѣе, чѣмъ политики, и который усмотрѣлъ самое важное освобожденіе въ томъ, чтобы подростающія поколѣнія не знали ни жажды, ни голода и, воспитанныя на чистомъ воздухѣ полевыхъ упражненій, были любимы родиной. То, что Лепелетье назвалъ своимъ планомъ національнаго воспитанія, мы съ признательнымъ благоговѣніемъ назовемъ „революціей дѣтства".

Буржуазный девятнадцатый вѣкъ, съ его матеріалистической трезвостью и обостренной экономической борьбой, былъ въ самый свой разгаръ не особенно благопріятенъ педагогическимъ мечтаніямъ. Теоріи Песталоци и Фребеля заимствовали свои идеалы въ прошломъ, въ томъ богатомъ источникѣ воспитательныхъ идеаловъ, который представляла собою Франція конца восемнадцатаго вѣка. Типичнымъ педагогомъ девятнадцатаго вѣка можетъ служить Гербертъ Спенсеръ, который, вмѣстѣ съ другими учеными той же школы, не мало содѣйствовалъ позитивному направленію воспитанія, поднявшему педагогію на высоту самостоятельной научной дисциплины, но въ то же время оставившему на ней специфически-буржуазные слѣды трезвенности и индивидуализма. Свѣтъ такой буржуазной педагогики согрѣвалъ лишь однихъ привилегированныхъ, проникалъ лишь въ семьи, гдѣ мать могла оставаться еще домохозяйкой и удѣлять все свое свободное отъ кухни время „раціональному" воспитанію дѣтей, которое, впрочемъ, хотя и совершалось по всѣмъ правиламъ и послѣднимъ словамъ науки, рѣдко приводило къ сколько-нибудь осязательнымъ положительнымъ результатамъ. И неудивительно: все болѣе осложняющаяся жизнь предъявляетъ къ воспитанію такія большія требованія, что одной семьѣ, даже при крайней самоотверженности матери, не по силамъ съ ними справиться. Что ужъ говорить о семьяхъ, менѣе обезпеченныхъ въ матеріальномъ отношеніи, гдѣ и отцу, и матери, и всѣмъ вообще „нѣтъ времени" заняться труднымъ дѣломъ раціональнаго воспитанія, гдѣ послѣднее совершается развѣ лишь „мимоходомъ", въ рѣдкія минуты отдыха. Повторяемъ, великимъ подразумѣваемымъ буржуазной педагогіи была именно буржуазная семья, со всѣми ея аксессуарами, съ матеріальной семейной зависимостью женщины на первомъ мѣстѣ. Нельзя не согласиться, что „техника" педагогической дисциплины, пріемы и методы индивидуальнаго воспитанія, научно-позитивныя его основы даны намъ впервые девятнадцатымъ столѣтіемъ, этимъ

столѣтіемъ техники и позитивизма вообще. Но всей этой высокоусовершенствованной техникѣ, такъ сказать, „педагогическаго производства“ уже тѣсно въ узкихъ рамкахъ традиціонно-патріархальнаго воспитанія; ей нужны грандіозные дѣтскіе сады и новыя школы, гдѣ бы истинные педагогическіе таланты могли развернуть свои силы и приложить къ дѣлу свои знанія. Педагогическое „кустарничество“, подобно натуральному хозяйству въ области экономической, доживааетъ свой послѣдній вѣкъ, а вмѣстѣ съ этимъ и худосочные мѣщанскіе идеальчики въ сферѣ воспитанія смѣняются мало-по-малу новыми идеями. И вновь зарождается старая преемственная связь съ завѣтными мечтаніями прошлаго, умудренными теперь, съ одной стороны, всѣмъ великимъ опытомъ истекшаго столѣтія, но и обогащенными, съ другой стороны, всѣмъ тѣмъ, что предоставляютъ въ наше время педагогическому дѣлу техника и наука.

Какъ ни буржуазенъ и ни положителенъ былъ истекшій вѣкъ, но безъ кое-какихъ педагогическихъ мечтаній и онъ не обошелся. Тамъ и сямъ зарождались благородные порывы вывести педагогію изъ узкихъ рамокъ оранжерейнаго искусства, сдѣлать изъ нея великій рычагъ прогресса, обратить ее въ могущественный факторъ умственнаго нравственнаго и физическаго перерожденія всего народа. Я напомню хотя бы объ оригинальныхъ педагогическихъ попыткахъ Роберта Овена, о воспитательныхъ идеалахъ Фурье, объ „Эмилѣ девятнадцатаго вѣка“ Эскироса. Все это были эпизодическія вспышки педагогическаго генія, быстро потухавшія въ душной атмосферѣ мѣщанской близорукости, осуществлявшей свою мягкую, впрочемъ—весьма необходимую, историческую миссію. Типичными для своего времени эти немногіе продукты педагогическихъ мечтаній признаны быть не могутъ, хотя въ системѣ Фурье можно найти настоящіе проблески чисто-геніальнаго прогноза уже недалекой будущей системы воспитанія. Шарль Фурье въ своихъ педагогическихъ мечтаніяхъ не повторяетъ, такъ сказать, задовъ, заимствованныхъ у предшествовавшихъ ему идеологовъ и утопистовъ; тутъ все оригинально, остроумно, подчасъ парадоксально, но и подчасъ прямо-таки геніально. Къ современнымъ ему педагогическимъ авторитетамъ, даже такимъ, какъ Песталоцци и Робертъ Овенъ, онъ относится скептически-высокомѣрно; по его мнѣнію, они не достаточно глубоки и радикальны. Уже съ перваго же дня рожденія дѣти, согласно его идеѣ, переносятся въ особые общественные, роскошно-обставленные залы, подъ наблюденіе особыхъ воспитательницъ, служащихъ по призванію. Никто не препятствуетъ находиться въ числѣ ихъ и самимъ матерямъ новорожденныхъ, но, по мнѣнію Фурье, матери предпочтутъ отдаться своимъ общественнымъ зада-

чамъ. Такимъ образомъ, въ этомъ пунктѣ педагогическій утопизмъ Фурье сливается съ Платоновскимъ и вступаетъ въ конфликтъ не только съ естественнымъ материнскимъ чувствомъ, котораго въ будущемъ ожидаетъ не упадокъ, не вырожденіе, а возрожденіе и расцвѣтъ,—но и съ требованіями науки, установившей безусловную необходимость для здороваго развитія молодежи материнскаго питанія. Но эта подражательность французскаго утописта отступаетъ на второй планъ передъ оригинальными идеями. Особенное вниманіе онъ удѣлилъ здоровому половому воспитанію молодежи. Онъ затронулъ здѣсь вопросъ, передъ которымъ и до сихъ поръ безсильно опускаются руки педагоговъ, практиковъ и теоретиковъ, и который принялъ именно въ послѣднее время необыкновенное значеніе. Проблема „половая" принимаетъ съ каждымъ днемъ все болѣе роковой характеръ; распущенность и развратъ разливаются широкимъ потокомъ по всей поверхности общественной жизни, унося своими мутными волнами и болѣе здоровыя, и болѣе чистыя натуры. Начальная предѣльная граница половой жизни все болѣе опускается, и надъ практическимъ разрѣшеніемъ „половой проблемы" начинаютъ задумываться теперь чуть ли не дѣти! И надо перестать закрывать глаза передъ всесильною заразой, надо—давно пора уже—призадуматься, особенно педагогамъ, надъ изысканіемъ средствъ къ ея подавленію. Фурье былъ первый, взявшійся за разрѣшеніе этой проблемы, и мы рекомендуемъ современнымъ педагогамъ познакомиться съ этой частью его „мечтаній", не для слѣпого слѣдованія его совѣтамъ, разумѣется, а для всесторонняго изученія всего вопроса. Размѣры нашей статьи не позволяютъ намъ остановиться подробнѣе на изложеніи относящихся сюда взглядовъ и теорій этого извѣстнаго французскаго утописта. Замѣтимъ лишь, что въ его системѣ вся молодежь, начиная съ 15-лѣтняго возраста, раздѣлялась на двѣ части или „корпораціи": первая или „*весталатъ*", и вторая, или *дамоазилатъ*", смотря по свободному рѣшенію юношей и дѣвушекъ сохранить до двадцатилѣтняго возраста цѣломудріе или нѣтъ. Общество должно окружить возможно болѣе продолжительное сохраненіе цѣломудрія особыми публичными почестями; все воспитаніе должно быть таково, чтобы направлять активность молодежи въ полезную сторону, подавлять ея чувственность и отвлекать отъ половой любви. Но если, вопреки всему этому эта любовь проснется у части подростающей молодежи, то она должна получить признаніе общества и принять наиболѣе здоровыя формы. Такой формой и является такъ наз. „дамоазилатъ", гдѣ юноши и дѣвушки сходятся по взаимной симпатіи, но гдѣ все же *вѣрность* является безусловнымъ долгомъ, предохраняющимъ отъ распутства, подобно тому, какъ цѣломудріе является почетною обя-

занностью всѣхъ юношей и дѣвушекъ, вошедшихъ въ корпорацію „весталата". Фурье, впрочемъ, надѣется, что при здоровомъ воспитаніи и при тѣхъ высокихъ почестяхъ, какими общество станетъ окружать юношеское и дѣвичье цѣломудріе, больной вопросъ половой жизни потеряетъ всю свою остроту и найдетъ разумное разрѣшеніе. Что касается въ частности самаго воспитанія дѣтей, то—какъ мы уже видѣли—оно должно быть строго общественнымъ и распадаться на двѣ основныя части, получающія у Фурье тоже крайне оригинальныя названія, а именно: первая часть, или „*опера*", и вторая, или „*кухня*". Подъ „оперой" Фурье понимаетъ цѣлую сложную систему „ритмическаго" воспитанія, состоящаго: 1) въ пѣніи или ритмѣ человѣческаго голоса, 2) въ музыкѣ, или ритмѣ искусственнаго тона, 3) въ поэзіи, или ритмѣ словъ, 4) въ пантомимѣ, или „гармоніи жестовъ", 5) въ танцѣ или гармоніи движенія, 6) въ гимнастикѣ, или гармоническихъ упражненіяхъ и, наконецъ, 7) въ живописи и гармоническихъ костюмахъ. Фурье, очевидно, былъ большимъ эстетикомъ, но и тонкимъ психологомъ, разгадавшимъ громадную морализующую силу ритма и гармоніи въ жизни человѣка. Все это не мѣшало, однако, ему быть и большимъ лакомкой и придавать большое воспитательное значеніе нормально и тонко развитому чувству *вкуса*. Въ виду этого имъ и поставлена была въ центрѣ практическаго образованія молодежи—*кухня*, и именно огромная центральная кухня его утопическихъ фаланстерій. Въ такой кухнѣ ребенокъ впервые начинаетъ непосредственно наблюдать растенія, овощи, птицъ, животныхъ, проникается любознательностью къ вопросамъ анатоміи, физіологіи, ботаники, зоологіи, ко всему вообще растительному и животному царству. Такимъ путемъ и будетъ совершаться теоретическое и практическое воспитаніе молодежи. Само собою разумѣется, что и эти педагогическія мечтанія остались лишь на бумагѣ; имъ не пришлось испытать даже тѣхъ скромныхъ попытокъ своего практическаго осуществленія, чрезъ которыя прошли кое-какія мечты французскихъ дѣятелей конца восемнадцагаго вѣка и даже извѣстный планъ Роберта Овена. Буржуазная педагогія девятнадцатаго вѣка съ головой погрузилась въ тончайшія психологическія изслѣдованія индивидуальной души ребенка, въ установленіе раціональнѣйшихъ методовъ „умственнаго, физическаго и нравственнаго воспитанія" дѣтей зажиточнаго класса и, въ концѣ концовъ, много сдѣлала, но и многое проглядѣла. Въ то самое время, какъ она занималась своимъ почтеннымъ и трезвымъ дѣломъ, натуральное хозяйство и патріархальный строй семьи оказались почти всюду вытѣсненными денежнымъ хозяйствомъ, внѣсемейнымъ трудомъ женщины и другими новѣйшими явленіями и запросами

современной жизни. Наступили годы самаго остраго кризиса семейнаго воспитанія, понадобились болѣе рѣшительныя мѣры педагогической реформы, и современная мысль начинаетъ искать опоры въ новыхъ педагогическихъ мечтаніяхъ.

Типичными для самоновѣйшей стадіи развитія педагогической мысли на Западѣ являются, между прочимъ, идеи и воззрѣнія, которыя мы находимъ въ лучшихъ произведеніяхъ по женскому вопросу. Такъ, напримѣръ, въ извѣстномъ на всемъ Западѣ сочиненіи „О женщинѣ въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ“ можно найти превосходную критику важнѣйшихъ недостатковъ современнаго воспитанія, а также скромную, но небезынтересную попытку формулированія новыхъ педагогическихъ идеаловъ. Критическая часть имѣетъ въ виду преимущественно германскіе порядки, но многое относится и ко всей западно-европейской жизни. Современная система образованія и воспитанія, — говоритъ авторъ,—страдаетъ великими и опасными недостатками, причемъ ихъ замѣчается еще болѣе въ высшихъ заведеніяхъ и школахъ, чѣмъ въ низшихъ. Деревенская школа является сравнительно съ гимназіей образцомъ моральнаго здоровья; женское рукодѣльное училище для бѣдныхъ дѣтей—образцомъ нравственности по сравненію съ пансіонами для благородныхъ дѣвицъ. „Дочерей нашей буржуазіи воспитываютъ такъ, что изъ нихъ выходятъ куклы, модницы и салонныя дамы, живущія въ вѣчной погонѣ за наслажденіями; въ концѣ концовъ пресыщенныя, онѣ изнываютъ отъ скуки и всевозможныхъ, воображаемыхъ и дѣйствительныхъ, болѣзней. На старости онѣ дѣлаются ханжами и спиритистками, проливаютъ слезы отъ испорченности міра сего и проповѣдуютъ аскетизмъ“. Но общая причина низменнаго нравственнаго уровня высшихъ школъ, по сравненію съ народными, лежитъ не здѣсь. „Въ состоятельныхъ классахъ нашего общества потухло всякое стремленіе къ высшимъ человѣческимъ задачамъ,—у нихъ нѣтъ болѣе идеаловъ. За отсутствіемъ идеаловъ и соотвѣтственной имъ дѣятельности, распространяется безграничная жажда наслажденій и склонность къ распутству со всѣми ихъ физическими и моральными послѣдствіями“. Въ такой духовной атмосферѣ выростаетъ и соотвѣтственная молодежь. Грубо-матеріальное наслажденіе жизнью, не знающее никакой узды, такова та единственная цѣль, которую она систематически преслѣдуетъ. Отличительной особенностью такой молодежи являются безхарактерность и полузнаніе, раболѣпство передъ высшими, высокомѣріе и грубость въ сношеніяхъ съ низшими. Передъ всѣми этими темными явленіями современной жизни традиціонная педагогія была безсильной; новыя условія жизни предъявляютъ спросъ и на новые пріемы и методы

воспитанія. Всѣ сферы современнаго воспитанія должны быть реформированы и обновлены. Ближайшее будущее, которое мнится автору гораздо болѣе свѣтлымъ, чѣмъ настоящее, станетъ считать своей главнѣйшей задачей надлежащее воспитаніе подростающихъ поколѣній. Каждое дитя, родившееся на свѣтъ, мальчикъ или дѣвочка, будетъ являться всегда желаннымъ для общества приращеніемъ; въ немъ—залогъ его дальнѣйшаго существованія и развитія. Общество будетъ поэтому всѣми мѣрами покровительствовать новой жизни. Первымъ предметомъ его заботъ будетъ поэтому сама роженица, мать. Удобное жилище, пріятная внѣшняя обстановка, всякаго рода аксессуары, въ которыхъ нуждается эта стадія материнства, внимательный уходъ за роженицей и ребенкомъ—таково первое условіе. Само собою разумѣется, что необходимо также обезпечить ребенку материнскую грудь до тѣхъ поръ, пока это окажется возможнымъ и полезнымъ. Молешоттъ, Зондереггеръ, всѣ гигіенисты и врачи единодушно утверждаютъ, что ничто не можетъ вполнѣ замѣнить материнскаго молока. Роды требуютъ, для своего нормальнаго теченія, самой благопріятной обстановки, которая можетъ быть достигнута лишь въ спеціальныхъ, роскошно обставленныхъ родильныхъ домахъ. Никакое богатство не можетъ доставить роженицѣ всего того, чего могутъ достигнуть такія спеціально устроенныя учрежденія. Въ настоящее время четыре пятыхъ, а можетъ, и еще болѣе, всего человѣчества рождается въ самой примитивной обстановкѣ, являющейся злой ироніей надъ всей нашей культурой и цивилизаціей; при чемъ это имѣетъ мѣсто не только гдѣ-либо въ Африкѣ или Азіи, не только въ далекихъ и чуждыхъ всякой цивилизаціи уголкахъ, но и въ самыхъ крупныхъ центрахъ европейскихъ государствъ. Что же касается остальной части нашихъ матерей, то опять-таки лишь небольшое меньшинство ихъ имѣетъ возможность пользоваться дѣйствительными удобствами, необходимыми для роженицъ и требуемыми современной наукой. Уже и теперь въ городахъ съ превосходными родильными пріютами, какъ, напр., въ Берлинѣ и другихъ крупныхъ городскихъ центрахъ, не мало зажиточныхъ женщинъ при приближеніи родовъ отправляются въ такіе пріюты, ожидая тамъ рѣшительной минуты. Но цѣны въ подобныхъ учрежденіяхъ для роженицъ пока такъ еще высоки, что лишь немногія могутъ ими пользоваться, другихъ же отталкиваетъ отъ нихъ сверхъ того и предразсудокъ. Мы имѣемъ, такимъ образомъ, и здѣсь примѣръ того, какъ буржуазный общественный порядокъ таитъ въ своихъ собственныхъ нѣдрахъ зародыши болѣе разумнаго устройства.

Заботы общества о матери и ребенкѣ не ограничатся однако

однимъ лишь вышесказаннымъ: оно придетъ на помощь матери въ трудномъ дѣлѣ воспитанія организацей дѣтскихъ садовъ и тому подобныхъ педагогическихъ учрежденій. „Лишь только дитя подросло, оно начинаетъ участвовать въ коллективныхъ дѣтскихъ играхъ подъ разумнымъ наблюденіемъ. Всякій, наблюдавшій сколько-нибудь дѣтей, знаетъ, что они легче всего воспитываются въ дѣтскомъ обществѣ; общительность и подражательный инстиктъ у нихъ сильно развиты. Особенно охотно младшія дѣти подражаютъ старшимъ, примѣру которыхъ они слѣдуютъ охотнѣе, чѣмъ указаніямъ родителей". Эту особенность дѣтской психологіи и слѣдуетъ использовать въ цѣляхъ воспитанія. На это обратилъ свое вниманіе еще Шарль Фурье, ожидавшій отъ раціональнаго коллективнаго воспитанія самыхъ благотворныхъ результатовъ.

Залы для коллективныхъ игръ и дѣтскіе сады смѣняются и чередуются занимательнымъ преподаваніемъ начатковъ знанія и различныхъ практическихъ ремеслъ. Затѣмъ слѣдуютъ гимнастическія упражненія и свободное движеніе на ледяныхъ каткахъ, въ купальняхъ и т. д. Такъ будутъ воспитываться здоровые, закаленные въ физическомъ и духовномъ отношеніи, вообще—нормально развитые люди.

Затѣмъ, шагъ за шагомъ, слѣдуетъ ознакомленіе дѣтей съ фабричнымъ дѣломъ, огородничествомъ и садоводствомъ, земледѣліемъ, вообще—всей техникой производственнаго процесса. Не забывается при этомъ и чисто-теоретическое изученіе наукъ. Вообще, можно сказать, что въ педагогической сферѣ произойдутъ такія же измѣненія и улучшенія, какъ и во всѣхъ областяхъ производства. „Будетъ устраненъ цѣлый рядъ устарѣлыхъ, тормозящихъ физическое и духовное развитіе методовъ и учебныхъ предметовъ. Высокому культурному развитію будутъ соотвѣтствовать какъ вся обстановка школьныхъ помѣщеній, такъ и всевозможныя воспитательныя средства и образовательныя принадлежности. Образованіе станетъ безплатнымъ и интегральнымъ, т. е. одинаковымъ для всѣхъ классовъ общества. Еще Аристотель писалъ: „Государство должно дать всѣмъ своимъ членамъ одно и то же воспитаніе, и забота объ этомъ воспитаніи должна быть дѣломъ государственнымъ, а не частнымъ". Жанъ-Жакъ Руссо точно также требовалъ, чтобы воспитаніе было „общественнымъ, равнымъ и общимъ для обоихъ половъ". Но наиболѣе полную формулу далъ Кондорсэ. „Воспитаніе—говорилъ онъ—должно быть безплатнымъ, одинаковымъ, всеобщимъ, физическимъ, духовнымъ, промышленнымъ и политическимъ; оно должно имѣть своею цѣлью дѣйствительное, фактическое равенство".

Но спрашивается: не обратится ли школа, при новыхъ усло-

віяхъ, въ казарму? Не лишатся ли родители всякаго вліянія на своихъ дѣтей?

Авторъ этого не думаетъ. Принимая во вниманіе, — говоритъ онъ,—что родители, т. е. отцы и матери, будутъ располагать, при лучшихъ условіяхъ жизни, несравненно большимъ количествомъ свободнаго времени, чѣмъ теперь, имъ возможно будетъ посвятить своимъ дѣтямъ гораздо больше часовъ ежедневно, чѣмъ въ настоящее время. Кромѣ того — и это важнѣе всего — не будетъ ли вся система воспитанія зависѣть всецѣло отъ разумно регулируемой воли самихъ родителей, самостоятельно устанавливающихъ характеръ и направленіе воспитанія? Вѣдь, мы живемъ тогда въ обществѣ, насквозь проникнутомъ демократическими началами. Педагогическія коммиссіи будутъ въ этомъ обществѣ состоять изъ тѣхъ же родителей-отцовъ и матерей въ союзѣ съ призванными воспитателями. Поступать же противъ своихъ родительскихъ инстинктовъ, чувствъ и интересовъ они, разумѣется, не станутъ. Это имѣетъ мѣсто лишь въ современномъ обществѣ, не знающемъ никакой разумной и солидарной связи между семьей и школой, и гдѣ школа, ея порядки и законы навязываются родителямъ безъ всякаго ихъ содѣйствія и спроса. Но несомнѣнно, что въ воспитаніи дѣтей приметъ большее участіе общество. Дѣти будутъ менѣе просиживать въ четырехъ стѣнахъ семьи, обреченными однообразію и скукѣ современной семейной жизни, и болѣе рости на привольѣ дѣтскихъ садовъ и другихъ общественно-педагогическихъ учрежденій. Но проиграть отъ этого не могутъ ни родители, ни дѣти. Это неправда, будто родители считаютъ своимъ величайшимъ удовольствіемъ цѣлый Божій день имѣть при себѣ дѣтей и „заниматься ихъ воспитаніемъ". Дѣйствительность свидѣтельствуетъ намъ совсѣмъ иное. Съ какими трудностями и заботами сопряжено воспитаніе и развитіе ребенка, если въ семьѣ имѣется лишь одно дитя, способны лучше всего судить тѣ родители, которые находятся въ подобномъ положеніи Имѣется въ семьѣ нѣсколько дѣтей, воспитательное дѣло значительно облегчается, но за то прибавляется столько труда и заботъ, что отецъ и въ особенности мать, несущая на себѣ главную тяжесть, рады, когда наступаетъ учебное время, и дѣти проводятъ часть дня внѣ дома. Къ тому же, огромное большинство родителей не въ состояніи дать своимъ дѣтямъ, обыкновенно, сколько-нибудь удовлетворительнаго воспитанія. Прежде всего не хватаетъ для этого времени: отцовъ отвлекаетъ служба, внѣсемейныя работы; матерей — хозяйство, тысяча мелочныхъ заботъ, опутывающихъ жизнь современной женщины. Но если даже у нѣкоторыхъ изъ нихъ и выпадаетъ свободное время для воспитанія своихъ дѣтей,

то спрашивается, многіе ли изъ нихъ оказываются на высотѣ этой сложной и отвѣтственной задачи? Много ли есть родителей, способныхъ слѣдить съ успѣхомъ за ходомъ образованія своихъ дѣтей въ школѣ и помогать имъ дѣлать заданные на домъ уроки? Мать, которая могла бы еще удѣлить для этого свободную минуту, не получила соотвѣтственной образовательной подготовки. Да притомъ учебные методы и программы мѣняются такъ часто, что родителямъ бываютъ обыкновенно незнакомы методы, по какимъ учатъ ихъ дѣтей, а нерѣдко и предметы, которымъ они учатся. Не слѣдуетъ также забывать и условій домашней обстановки, которая въ значительномъ большинствѣ семей такъ убога, что дѣтямъ не достаетъ ни элементарныхъ удобствъ, ни порядка, ни спокойствія для успѣшнаго исполненія заданныхъ работъ. Квартира тѣсна, переполнена; маленькіе братья и сестры, старшіе члены семействъ, прислуга, пришлые гости — все это копошится въ самомъ узкомъ пространствѣ; убогая мебель не удовлетворяетъ самымъ элементарнымъ требованіямъ гигіены. То же можно сказать о свѣтѣ, воздухѣ и теплѣ. Учебники и другія учебныя принадлежности скудны, а то и вовсе отсутствуютъ. Всегда ли дѣти бываютъ сыты, кто объ этомъ спрашиваетъ? Такова, въ общемъ, картина современнаго семейнаго воспитанія. Для довершенія этой картины слѣдуетъ еще прибавить, что въ каждомъ обществѣ сотни тысячъ дѣтей привлекаются къ всевозможнымъ домашнимъ и промысловымъ работамъ, отравляющимъ лучшіе годы дѣтства и тормозящимъ ихъ воспитаніе. Нерѣдки также случаи, когда дѣти наталкиваются на сопротивленіе невѣжественныхъ родителей всякій разъ, когда они желаютъ урвать себѣ часокъ-другой для школьныхъ работъ или для игры. Современное общество, впрочемъ, само признаетъ наличность всѣхъ этихъ золъ и даже пытается облегчить воспитаніе юношества введеніемъ дарового обученія, даже безплатной раздачей учебныхъ пособій. Во Франціи, гдѣ, послѣ длиннаго періода полнаго пренебреженія народнымъ образованіемъ, послѣднее начинаетъ обнаруживать признаки возрожденія, школьныхъ дѣтей начинаютъ кормить на общественный счетъ. Такъ называемыя школьныя кухни все болѣе пріобрѣтаютъ во Франціи права гражданства, равно какъ и такъ называемыя материнскія школы, куда посылаются съ самаго ранняго возраста. Принявъ во вниманіе все вышесказанное, нельзя не признать, что такое расширеніе заботъ общества о подростающихъ поколѣніяхъ можетъ быть привѣтствуемо всѣми искренними друзьями человѣчества.

Современное буржуазное общество не имѣетъ, собственно говоря, никакого права негодовать на „казарменное“ воспитаніе дѣтей, проек-

тируемое будто бы нѣкоторыми современными гуманистами, такъ акъ такое именно воспитаніе въ самомъ искаженномъ своемъ видѣ является какъ разъ принадлежностью современныхъ порядковъ. Взгляните на всѣ эти интернаты и другіе замкнутые пансіоны, военные корпуса, семинаріи, духовныя академіи, пріюты и т. п. Тамъ многія тысячи учащихся, принадлежащихъ преимущественно къ высшимъ классамъ, получаютъ самое одностороннее воспитаніе въ строжайшей, почти монастырской замкнутости. А сколько есть членовъ тѣхъ же зажиточныхъ классовъ—врачей, чиновниковъ, фабрикантовъ, землевладѣльцевъ, которые вынуждены жить вдали отъ образовательныхъ заведеній, отдаютъ своихъ дѣтей въ пансіоны большихъ городовъ и видятся съ ними лишь нѣсколько недѣль въ году. „Мы видимъ, такимъ образомъ, въ какое странное противорѣчіе попадаютъ наши противники, когда они возмущаются общественнымъ характеромъ будущаго воспитанія дѣтей и мнимымъ отчужденіемъ ихъ отъ родителей, тогда какъ они сами ввели уже теперь и для собственныхъ дѣтей эту систему воспитанія, но въ самой искаженной и нераціональной его формѣ. Современное воспитаніе сплошь и рядомъ не только разобщаетъ дѣтей отъ родителей на извѣстную только часть дня, когда мать и отецъ заняты другими дѣлами,—какъ того хочетъ разумный педагогическій идеалъ, — нѣтъ, оно сплошь и рядомъ разлучаетъ однихъ отъ другихъ на долгіе мѣсяцы и годы, лишая дѣтей къ тому же и всякаго соприкосновенія съ великимъ внѣшнимъ міромъ. Обвиненія, направляемыя противъ общественнаго типа воспитанія, должны быть направлены противъ самихъ обвинителей. О воспитаніи дѣтей въ средѣ современныхъ зажиточныхъ классовъ всякаго рода кормилицами, боннами, гувернантками, можно бы порассказать много такого, что показало бы всю мнимость настоящаго такъ называемаго семейнаго, или родительскаго воспитанія. Оказалось бы также, что и здѣсь въ великомъ вопросѣ воспитанія господствуетъ лицемѣріе или чисто мѣщанская близорукость“.

Новая, совершенно преобразованная, система воспитанія потребуетъ значительнаго увеличенія учащаго персонала. Воспитаніе подростающихъ поколѣній въ новомъ обществѣ должно быть предметомъ, по меньшей мѣрѣ, такихъ же заботъ, какія нынѣ въ военномъ дѣлѣ посвящаются дрессировкѣ рядовыхъ солдатъ, когда одинъ унтеръ-офицеръ приходится на каждые 8—10 рядовыхъ. Если въ будущемъ на каждые 8—10 учениковъ будетъ приходиться по одному учителю, то можно надѣяться, что цѣль воспитанія будетъ вполнѣ достигнута.

Необходимо также, чтобы воспитаніе было одинаково и совмѣстно для обоихъ половъ. Раздѣленіе половъ можетъ происходить лишь въ

исключительныхъ случаяхъ, когда это требуется съ безусловной необходимостью. Въ этомъ отношеніи руководствомъ для насъ могутъ служить Соединенные Штаты, гдѣ воспитаніе обоихъ половъ—общее на всѣхъ ступеняхъ образованія, начиная съ первоначальной школы и кончая университетами. Тамъ же при большинствѣ школъ имѣются гимнастическіе залы, бани, бассейны для плаванія: молодыя дѣвушки обучаются гимнастикѣ, плаванью, греблѣ, маршировкѣ.

Проблема „полового“ воспитанія, моральная дисциплина молодежи будутъ осуществляться, какъ нельзя проще. Усиливающаяся теперь съ каждымъ днемъ физическая порочность нашей молодежи есть естественное и необходимое послѣдствіе всей окружающей послѣднюю гнилой, разлагающейся атмосферы. Съ оздоровленіемъ ея исчезнетъ и половой развратъ, такъ присущій теперь въ особенности молодежи нашихъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній. Не мало виноваты въ такомъ развратѣ молодежи и вся безтолочь современной семейной жизни, а равно растлѣвающее вліяніе богатства, которому „все возможно“. Впослѣдствіи прекратятся также отрицательныя вліянія фабричной системы, квартирныхъ неустройствъ, заброшенности и разнузданности молодежи въ томъ возрастѣ, когда человѣческая натура особенно нуждается въ дисциплинѣ и руководствѣ, въ пріученіи къ самообузданію и къ самообладанію. Всѣхъ этихъ золъ будущее легко избѣгнетъ, не имѣя никакой необходимости прибѣгать къ традиціоннымъ, насильственнымъ мѣрамъ воспитанія. Весь характеръ общественной жизни смететъ всю эту грязь быстро и незамѣтно, ибо въ обществѣ, какъ и въ природѣ, болѣзни и разрушеніе организмовъ происходятъ лишь тамъ, гдѣ совершается процессъ разложенія, являющійся носителемъ заразы.

Заботясь о воспитаніи подростающихъ поколѣній до совершеннолѣтняго возраста, будущее общество предоставитъ затѣмъ каждому заботиться о своемъ дальнѣйшемъ развитіи. Каждый будетъ работать въ той области, къ которой влекутъ его индивидуальные склонности и таланты. Профессіональныхъ художниковъ тогда не будетъ, какъ не будетъ и профессіональныхъ ученыхъ и профессіональныхъ ремесленниковъ. Тысячи блестящихъ талантовъ, которые до сихъ поръ подавлялись суровыми условіями жизни, достигнутъ тогда своего полнаго расцвѣта. Не будетъ поэтому болѣе музыкантовъ, актеровъ, художниковъ и ученыхъ по профессіи, но будутъ таковые по внутреннему призванію, таланту, генію. И, конечно, произведенія ихъ превзойдутъ все, что произвела до сихъ поръ европейская цицилизація: настанетъ золотой вѣкъ искусства и литературы, предвидѣнный и предсказанный покойнымъ Ѳихардомъ Вагнеромъ еще

въ 1850 году. Въ появившемся тогда сочиненіи его объ „искусствѣ и эволюціи" находятся, между прочимъ, слѣдующія строки:

„Разъ только добываніе средствъ къ существованію не будетъ болѣе цѣлью жизни, разъ только добываніе средствъ будетъ обезпечено отъ всякихъ случайностей, другими словами — индустрія станетъ вмѣсто нашей госпожи нашей слугою, — тогда цѣлью жизни мы сдѣлаемъ наслажденіе жизни, а цѣлью воспитанія подготовленіе нашихъ дѣтей къ дѣйствительному пользованію этимъ наслажденіемъ. Воспитаніе, начинаясь развитіемъ физической силы, заботой о тѣлесной красотѣ, станетъ чисто-художественнымъ уже въ силу одной беззавѣтной любви къ ребенку и радостнаго стремленія къ развитію его красоты, и каждый человѣкъ будетъ по-истинѣ художникомъ въ какомъ-либо отношеніи. Различія въ природныхъ склонностяхъ создадутъ невѣроятное множество самыхъ разнообразныхъ направленій".

Съ прогрессирующимъ оздоровленіемъ нравовъ будетъ усиливаться потребность каждаго въ общеніи. Общественныя столовыя и читальни, библіотеки, концертные залы и театры, музеи, особыя площади для игръ и гимнастики, и другія общественныя помѣщенія для совмѣстнаго препровожденія времени,—все это, устроенное самымъ роскошнымъ образомъ, дастъ полную и легко доступную возможность удовлетворенія потребности въ развлеченіи, искусствѣ и наукѣ. Какимъ ничтожнымъ послѣ всего этого покажется нашъ хваленный вѣкъ! Низменная борьба изъ-за теплаго мѣстечка, подавленіе своего истиннаго убѣжденія, кастрированіе характера, лицемѣріе въ чувствахъ и взглядахъ, — все качества, которымъ можно дать общее названіе трусости и безхарактерности, — съ каждымъ днемъ выступаютъ теперь въ болѣе отталкивающемъ видѣ. Все, что способно возвысить и облагородить человѣка, т. е. чувство собственнаго достоинства, независимость и неподкупность взглядовъ и убѣжденій, непринужденное проявленіе своей индивидуальности, все это при настоящихъ условіяхъ является почти что порокомъ. Неудивительно, если прямыя и оригинальныя натуры бѣгутъ общества, и на поверхности жизни правитъ свой балъ лишь всякая посредственность или наглость.

Евгеній Лозинскій.

(*Окончаніе будетъ*).

Къ сексуальному вопросу.

(*Окончаніе*).

III.

Naturalia non sunt turpia. Не менѣе вѣренъ этотъ афоризмъ и въ обратномъ смыслѣ, какъ явствуетъ изъ предыдущей главы: то, что грязно, въ сексуальномъ смыслѣ, неестественно. Въ актѣ воспроизведенія и всего предшествующаго ему и слѣдующаго за нимъ лежитъ вся сущность человѣческой природы. Вся формальная, эстетическая красота человѣка, такъ же, какъ и вся его могучая духовная природа, продолжаются въ будущихъ поколѣніяхъ благодаря вложенному въ него чувству продолженія рода. Для того, чтобы этотъ актъ былъ благороденъ, нужно, чтобы онъ былъ необходимъ, слѣдовательно никогда, ни до наступленія зрѣлости, ни послѣ наступленія ея, не вызывался механически. Но въ то время, какъ у зрѣлаго человѣка такое воздѣйствіе на воображеніе, которое способно вызвать настоящее чувство, а не мѣстное только ощущеніе, есть единственно естественное воздѣйствіе, у незрѣлаго, т. е. такого, организмъ котораго вовсе не даетъ реакціи, и который дальше мѣстнаго ощущенія не можетъ идти, всякое воздѣйствіе, даже на воображеніе только, незаконно и противоестественно. Поэтому у зрѣлаго человѣка физіологическому чувству предшествуетъ чувство любви, зависящее исключительно отъ факторовъ нефизіологическихъ. Чтобы полюбить кого-нибудь, необходимо, чтобы это лицо импонировало нашей духовной природѣ. Для этого оно дожно обладать моральными или эстетическими качествами, которыя могутъ импонировать. Понятно, что эти качества могутъ быть различны, смотря по тому, кому они должны импонировать. Они вовсе не должны быть непремѣнно хорошими, т. е. тѣмъ, что всѣми принято считать добродѣтелью. Доброта и эгоизмъ, скромность и гордость, экспансивность и скрытность характера, щедрость и расчетливость, грусть и веселость, умъ и ограниченность („наивность“), смѣлость и разсудительность

(то же, въ сущности, что: témérité или даже ètourderie и трусость), краснорѣчивость и молчаливость, ученость и простота,—все это можетъ импонировать однимъ въ формѣ первыхъ членовъ сочетаній, а другимъ, наоборотъ, въ формѣ вторыхъ. То же нужно сказать и объ эстетической импозантности: высокій и низкій ростъ, гибкость и мѣшковатость, темный и свѣтлый цвѣтъ кожи, волосъ и глазъ, крупныя и мелкія черты лица, большія и миніатюрныя конечности, высокій и низкій тембръ голоса, дородность и худощавость, задумчивое и неустойчивое выраженіе глазъ и лица, высокій и низкій лобъ, пышныя и простыя манеры или одежда,—все это можетъ импонировать или отталкивать. Не импонируютъ только преувеличенія, напримѣръ, различныя уродства, какъ необыкновенное, а потому противоестественное, которое неспособно вызвать естественныхъ эмоцій, называемыхъ любовью.

Чтобы гарантировать эту естественность и, слѣдовательно, ту правильность возникновенія сексуальныхъ потребностей, которой добывается воспитаніе, нужно, чтобы воспитаніе было организовано такъ, чтобы ничего изъ того, чѣмъ обставляется самой природой великій актъ продолженія рода во всей совокупности его частей, моральныхъ и физіологическихъ, не скрывалось отъ воспитываемыхъ, не оставлялось на авось, на случайность встрѣчи съ развращеннымъ товарищемъ и разговора съ нимъ, на случайно услышанное слово или случайно наблюденную сцену, заставляющую задуматься и искать хоть *какого-нибудь* объясненія. Если мы желаемъ, чтобы наши дѣти были чисты и свободны отъ ложныхъ (грязныхъ) представленій, касающихся любви, брака, дѣторожденія, кормленія, материнства, патернитета, половой зрѣлости, то надо дѣтей учить истинѣ, а не предоставлять ихъ самимъ себѣ. Скрыть все это еще ни отъ кого не удалось, а удавалось только, скрывая истину, наталкивать на ложь, на грязь, на преждевременный обманъ чувствъ и губительное удовлетвореніе, и на развратъ. Школа вмѣсто того, чтобы черезъ своихъ наставниковъ учить разбираться между истиною и ложью, учитъ черезъ случайно попавшихъ туда развращенныхъ дѣтей смѣшивать истину съ грязью, принимать послѣднюю за первую и губить здоровье и нравственность дѣтей, создаетъ неправильное и дурное міросозерцаніе всего общества, такъ какъ окончившіе школу, вмѣсто серьезнаго взгляда на одну изъ важнѣйшихъ дѣятельностей человѣка, проникаются фривольнымъ или суевѣрно-боязливымъ къ ней отношеніемъ. И даже въ зрѣломъ возрастѣ образованный человѣкъ, воспринявъ эту простую истину умомъ, не въ состояніи бываетъ отрѣшиться отъ внушеннаго воспитаніемъ суевѣрнаго страха и продолжаетъ съ недоумѣніемъ стоять передъ однимъ изъ важнѣй-

шихъ вопросовъ педагогики: какъ сохранить ребенка отъ грязи и какъ не нарушить полноты его міросозерцанія, когда онъ достигнетъ зрѣлаго возраста. И образованный человѣкъ идетъ все тою же торною дорогой запрещенія дѣтямъ касаться этого вопроса, когда они наивно обращаются къ нему за разрѣшеніемъ естественныхъ недоумѣній, иногда даже унижаются до наказанія за законную любознательность. „Это стыдно, объ этомъ нельзя говорить, не говори глупостей, ахъ ты скверный мальчикъ, ступай за это въ уголъ, и т. под.",—вотъ афоризмы, которые замѣняютъ ученіе истинѣ. Сыскъ и подсматраваніе въ спальнѣ дѣтей, устраненіе чуть не съ пеленокъ одного пола отъ другого, устройство особыхъ для каждаго пола школъ,—вотъ средства воспитанія. Грязныя рѣчи, отсутствіе чистаго взгляда на женщину у большинства мужчинъ, расшатанный неестественнымъ дѣтскимъ порокомъ организмъ мужчинъ, покупная и продажная любовь, уклоненіе мужчинъ отъ брака или бракъ сладострастія съ совершеннымъ игнорированіемъ разницы въ возрастѣ брачущихся, кадры вольныхъ и невольныхъ старыхъ дѣвъ, бракъ по расчету, какъ результатъ невѣжества или невѣрія, что физіологическая любовь нуждается въ высшей любви, какъ предшествующаго и сопровождающаго чувства, и извращенное міросозерцаніе, — вотъ плоды этой воспитательной системы.

Между тѣмъ жизнь нуждается въ прочномъ установленіи истины: naturalia non sunt turpia neque turpia naturalia. Это должно быть девизомъ воспитательной системы. Проведеніе его въ сознаніе воспитываемыхъ, серьезное, а не фривольное отношеніе къ этому вопросу должно быть одной изъ важнѣйшихъ задачъ семьи и школы.

Мы утверждаемъ, что въ интеллигентныхъ слояхъ общества эта истина должна быть предметомъ воспитанія и обученія. Патріархальные народы или тѣ классы цивилизованныхъ народовъ, гдѣ сохраняется патріархальный бытъ, могутъ обходить этотъ вопросъ молчаніемъ. Въ патріархальнымъ быту зато ничего не извращаютъ и ничего не скрываютъ. Молодыя поколѣнія узнаютъ обо всемъ изъ жизни, не задернутой за нихъ густой или, что еще хуже, полупрозрачной завѣсою. Но въ цивилизованной жизни не то. И это—одно изъ золъ цивилизаціи. Что въ цивилизованной жизни нужно сдѣлать предметомъ систематическаго обученія такія вещи, которыя дѣлаются извѣстны, и притомъ безъ извращенія истины, безъ всякаго обученія въ быту патріархальномъ, не должно никого удивлять. Здѣсь наблюдается приблизительно то же, что и во многихъ другихъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности. Въ мужицкой семьѣ умѣютъ и печь хлѣбъ и варить и добыть отъ земли все, что нужно для пищи, умѣютъ и ткань сдѣлать, и платье сшить, умѣютъ построить

жилище и изготовить для него и мебель и посуду. Конечно, все это дѣлается грубо, но нельзя сказать, чтобы дурно. Въ цивилизованномъ обществѣ только архитекторъ умѣетъ строить домъ, только портной—шить, только поваръ—готовить пищу и т. д. Забастуй спеціалисты, и цивилизованный человѣкъ не сумѣетъ самъ предохранить себя отъ гибели. Но половая дѣятельность человѣка обставлена не такъ, чтобы посторонній могъ помочь намъ въ нашемъ невѣжествѣ. А отъ невѣжества ничего, кромѣ дурной системы воспитанія, дурной дѣятельности, кромѣ горя и несчастій, и ожидать невозможно.

Еще разъ повторяемъ: что естественно, то непостыдно, а что стыдно—то неестественно. Быть воспитаннымъ въ этомъ правилѣ, сдѣлать его съ дѣтства принципомъ своего міросозерцанія—это значитъ предохранить себя отъ многихъ бѣдствій, проистекающихъ отъ невѣжества.

Сексуальнее воспитаніе имѣетъ цѣлью привить правильный взглядъ на все, что относится къ акту продолженія рода, т. е. правильное знаніе его физическаго характера, какъ мы наблюдаемъ его въ природѣ, и воспитать душу такъ, чтобы она была чиста и воспріимчива ко всѣмъ благороднымъ чувствамъ, которыми этотъ актъ сопровождается среди культурныхъ людей: любовь между мужчиной и женщиной, соединившихся или намѣревающихся соединиться не только для взаимныхъ физическихъ наслажденій, но и для нравственныхъ, а также для выполненія обязанностей моральнаго характера въ отношеніи другъ-друга и ихъ потомству; любовь родителей къ дѣтямъ и дѣтей къ родителямъ; уваженіе къ противоположному полу; чуткость къ эстетическимъ эмоціямъ, вызываемымъ красотами человѣческой души и человѣческаго тѣла; развитіе такого взгляда на противоположный полъ, который-бы до наступленія половой зрѣлости гарантировалъ рыцарское мышленіе у мальчиковъ и юношей ко всякой женщины, какъ таковой; взаимное уваженіе, на которое только и можетъ опираться идея о равноправности половъ, конечно, въ той лишь мѣрѣ, въ которой данное общество вообще признаетъ равноправность людей. Воспитаніе, словомъ, должно стараться достигнуть такого пониманія любви, чтобы оно въ нашемъ сознаніи представлялось самымъ священнымъ чувствомъ, такъ какъ любовь не только сама по себѣ лучшее наше чувство, но и является источникомъ всѣхъ другихъ высшихъ чувствъ личнаго характера. Кромѣ того, любовь семейная, простиралась на родныхъ, на племя, на націю является зародышемъ и высокихъ чувствъ общественнаго характера.

Только тѣсная связь, существующая въ любви человѣческой между

физіологическимъ актомъ и высшими эмоціями, дѣлаетотъ пoxъ, не соединенную съ этими чувствами, низкой, недостойной человѣка. Чистая и здоровая любовь людей неизмѣримо выше любви животныхъ и растеній, ибо у животныхъ и растеній она имѣетъ только одну цѣль, продолженіе рода, и вызываетъ только одно альтруистическое чувство, материнскую любовь, тогда какъ у человѣка съ ней связаны многія чувства высшаго порядка. Поэтому у животныхъ и растеній оно ограничено однимъ временемъ года, а у человѣка—нѣтъ. Любовь растеній и животныхъ—явленіе вполнѣ чистое, ибо служитъ къ продолженію рода, но любовь людей, если она отрѣшается отъ нравственной сферы или извращается, несомнѣнно—грязное и низкое явленіе, какъ безцѣльное по своей |природѣ.

Въ смыслѣ воспитанія, независимо отъ яснаго вполнѣ научнаго выясненія акта дѣторожденія, требуется только одно отъ воспитателей—отрѣшиться отъ недостойной мысли, что въ такомъ важнѣйшемъ актѣ дѣятельности природы можетъ быть что-нибудь постыдное, дурное, точно это какое-то необходимое зло, которое начальству слѣдовало бы воспретить. Нужно, чтобы воспитатель сумѣлъ отнестись къ дѣтскимъ запросамъ такъ же серьёзно, какъ серьёзно дѣти задаютъ свои вопросы. До школы, конечно, не слѣдуетъ опережать запросовъ дѣтей, разсказывая имъ больше, чѣмъ они спрашиваютъ. Дѣти, напримѣръ, вовсе не склонны усматривать причину дѣторожденія и въ отцѣ, а потому не слѣдуетъ предупреждать ихъ, объясняя имъ значеніе и роль патернитета. Но роль материнства интересуетъ дѣтей съ самаго ранняго возраста, и нѣтъ никакой необходимости это скрывать отъ нихъ. Глупые разсказы объ аистахъ, приносящихъ дѣтей, или акушеркахъ, вынимающихъ ихъ изъ своихъ корзинокъ, ведутъ только къ тому, что дѣти начинаютъ очень рано понимать, что отъ нихъ что-то скрываютъ и что это что-то весьма дурно, но въ то же время очень любопытно. И ребенокъ поневолѣ ищетъ отвѣта на свои вопросы у старшихъ дѣтей, разъ онъ не находитъ его у своихъ родителей. Ребенокъ видитъ беременную мать, а потомъ, разомъ съ появленіемъ братика или сестренки, видитъ мать совсѣмъ тоненькой. Неужели можно серьезно допустить, что даже глупый ребенокъ не поставитъ этихъ двухъ явленій въ связь? А если ребенокъ притворится, что вѣритъ баснямъ, ему разсказываемымъ, и указанной связи не замѣчаетъ, то это притворство есть уже первый прочный камень его грядущаго развращенія въ школѣ или въ другомъ мѣстѣ. Сказать ребенку, что его братишка развился въ утробѣ матери, питался ея же кровью, вышелъ черезъ спеціальный, существующій только у взрослыхъ женщинъ органъ на свѣтъ Божій, продолжаетъ кормиться кровью матери,

преобразованной въ молоко, что эта связь устанавливаетъ между ними вѣчную связь любви,—неужели въ этихъ сообщеніяхъ которыя каждый ребенокъ выслушаетъ съ чувствомъ благоговѣнія и которыя удовлетворятъ его, такъ что онъ не станетъ искать опасныхъ разъясненій на сторонѣ у какого-нибудь развращеннаго мальчишки или дѣвченки,—неужели въ нихъ что нибудь дурное, неужели въ этомъ есть хоть малѣйшая крупинка фривольности и зародышъ ранней похотливости или нечистыхъ мыслей? Съ вопросами подобнаго характера дѣти обращаются безразлично къ отцу или матери или другимъ старшимъ членамъ семьи, къ гувернерамъ, къ гувернанткамъ и проч. Но не трудно направить дѣло такъ, чтобы отвѣтъ дѣти получали по возможности только отъ родителей и притомъ или только отъ матери, или мальчики—отъ отца, а дѣвочки—отъ матери. Причины желательности такого распредѣленія ролей родителей совершенно понятны; по крайней мѣрѣ, иначе не можетъ быть до перевоспитанія общества взрослыхъ. А въ томъ, чтобы отецъ, напримѣръ, сказалъ своей дочери, обратившейся къ нему съ вопросомъ такого рода: „пойди, попроси маму объяснитъ тебѣ это“, ребенокъ ничего страннаго не усмотритъ.

Наиболѣе щекотливый путь, гдѣ угрожаетъ опасность сказать болѣе, чѣмъ хочетъ знать ребенокъ, это связь материнства и патернитета. Это дѣло требуетъ такихъ сложныхъ объясненій, которыя не могутъ быть даны въ формѣ, доступной и для маленькихъ дѣтей. Но маленькія дѣти обыкновенно этимъ вопросомъ не интересуются. Существованіе отца для нихъ кажется достаточно понятнымъ, ибо имъ держится вся семья, онъ является кормильцемъ и защитникомъ всѣхъ: и матери и дѣтей. А сколько необходимо открыть и изъ патернитета, тоже должно быть открыто. Но, конечно, для этого требуется больше такта и осторожности, чѣмъ для выясненія материнства.

Самое главное—быть всегда серьезнымъ, не суевѣрнымъ и откровеннымъ, и вы можете быть увѣреннымъ, что ничего нечистаго не внесете въ дѣтскую душу; напротивъ того, этимъ самымъ вы ее предохраните отъ грязи, а то и отъ серьезныхъ бѣдъ для здоровья.

Можно, конечно, сказать, что въ великомъ актѣ дѣторожденія лежитъ великая, не разгаданная еще наукой тайна. Но то, что для насъ самихъ не есть тайна во всемъ этомъ, не должно превращаться въ тайну и для нашихъ дѣтей. Мы можемъ, конечно, вести дѣло такъ, что эти разговоры слишкомъ важны, такъ сказать,—священны, чтобы профанировать ихъ, превращая въ пустую болтовню между школьниками, что они настолько интимны, что не

слѣдуетъ говорить объ этихъ вещахъ съ противоположнымъ поломъ, ибо всѣ необходимыя объясненія могутъ быть даны родителями и воспитателями, но утверждать, что сами по себѣ такіе разговоры заключаютъ въ себѣ что-нибудь постыдное, будетъ чрезвычайно несправедливо. Нѣкоторая таинственность въ этомъ актѣ не можетъ быть отрицаема, ибо она несомнѣнно инстинктивна и не чужда многихъ животныхъ, напримѣръ, кошекъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, что надо все это нарочно облекать въ тайну, какъ это практикуется даже въ вышеупомянутыхъ школахъ, сознавшихъ безобразіе, царящее среди насъ въ вопросѣ о сексуальномъ воспитаніи.

Сколько намъ извѣстно, въ школахъ этихъ даются учащимся необходимыя разъясненія и вполнѣ удовлетворительнымъ образомъ. Но англо-саксонская pruderie (которая все-таки лучше французскаго легкомыслія въ ту и другую сторону, т. е. полнаго запрещенія касаться этого вопроса при воспитаніи и большой фривольности въ жизни и литературѣ) создаетъ для этихъ объясненій такіе таинственные пріемы, что сама таинственность становится опасной. Школьникъ или школьница таинственно и безъ всякаго повода зазываются въ отдѣльный кабинетъ воспитателя или воспитательницы, гдѣ и происходитъ таинственная бесѣда. Намъ удалось узнать отъ лицъ, обучавшихся въ такой школѣ, что, возвратившись, дѣти немедленно передаютъ „бесѣду“ товарищамъ и далеко не всегда серьезно. Впрочемъ, проявляющаяся фривольность, вѣроятно, должна быть поставлена въ вину семьѣ, допустившей въ это дѣло нежелательный элементъ до поступленія ребенка въ школу. Нужно надѣяться, что новая школа, устранивъ педагогическое суевѣріе у своихъ воспитанниковъ, положитъ основаніе для болѣе правильнаго воспитанія и въ семьѣ будущихъ поколѣній. Но пока что, лучше бы школѣ ограничиться только выясненіемъ этого вопроса лишь тѣмъ дѣтямъ, которыя съ этими вопросами обратятся къ наставникамъ или хоть вызывать учащихся на подобные вопросы, пользуясь какимъ-либо поводомъ, а не зря. Нужно не забывать, что таинственность заставляетъ невольно подозрѣвать что-то неладное, преступное. А это и есть то, чего слѣдуетъ особенно избѣгать.

Но если такъ обстоитъ дѣло съ воспитаніемъ до изученія этого вопроса систематически, то обязательное изученіе этого вопроса въ классѣ какъ съ физіологической, такъ и съ моральной точки зрѣнія на соотвѣтствующихъ урокахъ можетъ быть поставлено въ гораздо болѣе удобныя условія.

Вопросъ о способахъ размноженія рода долженъ на урокахъ естествознанія разсматриваться съ достаточной полнотой и, ко-

нечно, не можетъ ограничиться однимъ разсмотрѣніемъ акта материнства, игнорируя патернитетъ.

По ложнымъ, на нашъ взглядъ, дидактическимъ соображеніямъ въ послѣднее время естествовѣдѣніе стало преподаваться въ учебныхъ заведеніяхъ навыворотъ, начиная съ конца системы къ началу, причемъ нарушается и основное педагогическое правило—идти отъ простѣйшаго къ болѣе сложному. Нынѣшній методъ можно назвать ложно-индуктивнымъ. Изучается, напримѣръ, кошка, мышь, лошадь, корова, летучая мышь, тюлень, медвѣдь, свинья, котъ и проч., причемъ для учащагося совершенно непонятно, чего ради собственно изучаются именно эти, а не другія животныя и даже для чего вообще нужно знать ихъ подробные признаки. Еще меньше онъ въ состояніи понять, для чего останавливаются особенно на зубныхъ формулахъ, на устройствѣ зубовъ, конечностей и проч. Потомъ вдругъ начинается разговоръ о родахъ и порядкахъ, для чего дѣлаются постоянныя ссылки на изученные виды. А такъ какъ вмѣсто детальныхъ видовыхъ признаковъ при первоначальномъ описаніи приводились обыкновенно почти исключительно родовые и порядковые, то при группировкахъ въ порядки въ сущности происходитъ только скучное повтореніе прежде уже сказаннаго. Коснувшись затѣмъ парнокопытныхъ, грызуновъ, четверорукихъ и проч., торжественно объявляютъ, что всѣ изученные порядки относятся къ классу млекопитающихъ, потому что дѣтеныши выкармливаются молокомъ матери. А объ этомъ фактѣ нарочно избѣгаютъ говорить раньше, какъ будто бы для изученія вида кошки или мыши важнѣе знать ихъ зубныя формулы, чѣмъ способъ выкармливанія дѣтенышей, или существованіе у нихъ скелета, мускуловъ, нервовъ, органовъ пищеваренія, кровообращенія, дыханія и проч. Выходитъ такъ, что въ представленіи учащагося кошка оказывается животнымъ съ такимъ то количествомъ такихъ-то зубовъ, такою-то шерстью, а ея скелетъ, мускулы, нервы и проч. у вида кошка важной роли не играютъ, ибо она имѣетъ несчастіе раздѣлять эти особенности съ видомъ мышь или собака.

Изучивъ этотъ классъ съ высоко-сложнымъ устройствомъ, приступаютъ къ его разоблаченію, къ отбрасыванію признаковъ, изучая детально курицу, ласточку и проч., опять-таки тщательно замалчивая важнѣйшіе органы и болтая о формахъ перьевъ. Потомъ, постепенно разоблачая птицъ, совлекая съ нихъ тѣ или другіе признаки, даютъ понятіе о пресмыкающихся, земноводныхъ и рыбахъ Потомъ только оказывается возможнымъ объявить, что у всѣхъ предыдущихъ классовъ животныхъ имѣется такой пустой (ибо о немъ не упоминалось) признакъ, какъ позвоночникъ, каковой

признакъ однако объявляется типичнымъ. Такимъ же образомъ изучаются и остальные типы, пока наконецъ изученіе зоологіи *заканчивается... простѣйшими*, т. е. тѣмъ, съ чего здравый смыслъ и основной законъ педагогики („отъ простѣйшаго къ сложному“) велитъ начинать. По тому-же мудрому соображенію прежде изучается анатомія и физіологія человѣка, потомъ зоологія, а потомъ уже ботаника и минералогія. О томъ, что въ природѣ есть воздухъ и вода, безъ которыхъ невозможна никакая жизнь, узнаютъ послѣ всего, точно къ этому великому открытію стремилась вся дисциплина естествовѣдѣнія.

Очевидно, что дидактика естествовѣдѣнія въ послѣдніе годы смѣшала анализъ съ индукціей; иначе нельзя себѣ объяснить такое странное ненаучное, непедагогическое и непрактичное изложеніе естественныхъ наукъ. Если-бы подлинно дѣлался анализъ вида кошки, то, конечно, его родовые, а тѣмъ болѣе классовые признаки, не говоря уже о типичныхъ, бросились бы гораздо скорѣе въ глаза, чѣмъ исключительно видовыя отличія, какъ устройство когтей и зубовъ. Но въ такомъ случаѣ слѣдовало бы лучше начать съ описанія рода, а еще лучше порядка, а еще лучше класса и типа? Но вѣдь типъ позвоночныхъ имѣетъ слишкомъ много признаковъ, чтобы можно было начать съ такого обширнаго анализа? Ну, конечно. Оттого-то и надо начать съ типа простѣйшихъ, перейти затѣмъ къ типамъ, включающимъ больше признаковъ: кишечнополостнымъ, иглокожимъ, червямъ и проч. и *дойти* до позвоночныхъ, въ которыхъ и изучить сначала классъ рыбъ, земноводныхъ и проч. и *закончить* млекопитающими. А послѣ этого можно изучать и человѣка. А изъ этого съ полной очевидностью слѣдуетъ, что ботанику надо изучать раньше зоологіи, а минералогію раньше ботаники. Изученіе естественныхъ наукъ будетъ находиться и въ полной гармоніи съ эмбріологіей природы, если можно такъ выразиться, и дастъ эволюціонное міросозерцаніе и не будетъ представлять никакихъ педагогическихъ затрудненій.

Хорошо, что школьная зоологія избѣгаетъ говорить о важнѣйшемъ актѣ дѣятельности природы, т. е. способахъ воспроизведенія вида, а то, конечно, пришлось бы пускаться въ детали обсѣмененія яичка раньше, чѣмъ будетъ сказано что-либо о такомъ простомъ способѣ размноженія, какъ дѣленіе, почкованіе и т. под.

Мы думаемъ, что, если бы въ преподаваніи естественныхъ наукъ вернулись къ недавно господствовавшему вполнѣ научному методу, то и изученіе акта размноженія могло бы успѣшно идти въ школѣ, причемъ, кромѣ ясности и научности, это изученіе, прогрессируя отъ простѣйшихъ формъ у простѣйшихъ организмовъ къ наиболѣе

сложной формѣ у млекопитающихъ и человѣка, шло бы еще въ уровень съ постоянно развивающимся пониманіемъ и возростающими запросами прогрессирующаго возраста учащихся. Тогда о половомъ актѣ животныхъ будетъ рѣчь въ соотвѣтственномъ достаточно серьезномъ возрастѣ, когда можно и предостеречь отъ грязи и порока.

Способы размноженія растеній излагаются и теперь подробно въ нашихъ школахъ какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, причемъ дѣти знакомятся съ полной научной терминологіей органовъ акта размноженія какъ въ мужскихъ цвѣтахъ, такъ и въ женскихъ. Узнаютъ они, что актъ этотъ называется брачнымъ („тайнобрачныя"). Имъ объясняютъ разницу между яичкомъ и сѣменемъ, ибо въ просторѣчіи сѣменами часто называются собственно яички, изъ которыхъ произрастаютъ растенія.

Будетъ вполнѣ научно распространить эту терминологію и на ракъ животнаго міра при изученіи зоологіи въ болѣе старшемъ возрастѣ (12—13 лѣтъ). Наивно думать, что дѣти этого возраста могутъ не имѣть понятія объ этомъ актѣ у животныхъ, когда они вынуждены дѣлаться свидѣтелями его на каждомъ шагу. Если запуганныя дѣти молчатъ и думаютъ свою думу про себя вмѣсто того, чтобы обращаться за разъясненіями къ своимъ воспитателямъ, то утѣшаться этимъ можно не въ большей мѣрѣ, чѣмъ можно страусу защититься отъ врага, спрятавъ голову между камнями. А чтобы дѣйствительно устранить эти „дурные примѣры", придется вѣдь изъ послѣдовательности истребить на десять миль кругомъ школы и жилья всѣхъ собакъ, куръ и даже мухъ.

Неужели же кто-нибудь серьезно думаетъ, что наблюденіе этихъ явленій дѣтьми можетъ дѣйствовать развращающимъ образомъ на ихъ воображеніе?

А если нѣтъ, то спрашивается, почему же на урокахъ зоологіи тщательно избѣгаютъ дать научное и необходимое объясненіе этого важнаго явленія? Это несомнѣнно одно изъ многочисленныхъ педагогическихъ суевѣрій, и, какъ таковое, должно быть устранено. А лучшее средство для этого—преподаваніе науки безъ неумѣстнаго фиговаго листа, который только раздражаетъ воображеніе, какъ всякій запрещенный плодъ. Не запретнаго плода надо бояться, а того змѣя-искусителя, который на него укажетъ.

Змѣй-искуситель сопровождаетъ свои указанія непремѣнно клеветой, что самый запретъ сдѣланъ изъ зависти, а не изъ желанія оберечь. Змѣй-искуситель непремѣнно дѣлаетъ еще сладострастныя обѣщанія и увѣренія въ безвредности: „не умрете, но будете разумны, какъ боги".

Хотя природа дѣйствительно обставила актъ воспроизведенія рода чувствомъ высокаго наслажденія для того, чтобы не отклонить, а привлекать живыя существа къ исполненію этой важной обязанности, но указаніе на эту награду предоставлено змѣю-искусителю, а для науки это не представляетъ важнаго момента и можетъ быть легко обойдено. Отъ воспитателя требуется только, чтобы онъ выяснилъ явленіе. Наградой же за это будетъ, что, какъ понятное, оно уже не будетъ вѣчно занимать воображеніе, и этимъ именно во множествѣ случаевъ спасетъ отъ нежелательныхъ послѣдствій дѣйствія напряженной мысли и разгоряченнаго воображенія.

Суевѣріе наше, настраивающее насъ противъ сексуальнаго обученія, какъ и всякое суевѣріе, не остается безнаказаннымъ. Когда змѣй-искуситель, въ образѣ товарища, уже успѣлъ ворваться въ душу нашего ребенка и указать ему на легкое достиженіе суррогата половой любви — а среди мальчиковъ, особенно школьниковъ, этому несчастью подвергается 80% — мы оказываемся совершенно безсильны бороться противъ уже наступившаго зла. Мы тогда отрѣшаемся, наконецъ, отъ нашего суевѣрія и начинаемъ объяснять то, что мы такъ тщательно скрывали. Но уже объясненія наши и даже запугиванія рѣдко бываютъ дѣйствительны.

Но бываетъ еще хуже. Уже узнавъ о несчастіи, мы все-таки не въ состояніи отрѣшиться отъ нашего суевѣрія, мы все-таки не рѣшаемся заговорить, а предпочитаемъ шпіонить и „не спускать глазъ съ мальчика", точно мы въ самомъ дѣлѣ въ состояніи довести свою бдительность до полныхъ 24 часовъ въ сутки...

Въ результатѣ обиліе маніаковъ и психопатовъ и, въ лучшемъ случаѣ, черствые эгоисты, которые издѣваются надъ моральной стороной брака и семьи.

При нормальномъ воспитаніи рѣчи змѣя-искусителя должны были бы падать на безплодную почву, и слѣдовательно, сильно ослабла бы даже возможность появленія такихъ рѣчей. Но самое важное, что хорошо воспитанный ребенокъ могъ бы на всякій случай легко быть предупрежденнымъ о возможной опасности, всю силу которой онъ тогда способенъ былъ бы взвѣсить.

Если бы въ семейное и школьное воспитаніе была внесена необходимая откровенность, а въ школьное преподаваніе необходимая научность, изученіе половой морали юношами и дѣвицами не представляло бы уже никакихъ затрудненій, потому что въ нее не была бы введена ложная стыдливость, не дающая возможности ясно высказаться, постоянно пугающаяся собственнаго языка, какъ бы онъ не обмолвился какимъ-нибудь словечкомъ о томъ, о чемъ „принято не говорить". Давно уже пора позаботиться о томъ, чтобы француз-

ская поговорка ça se fait, mais ça ne se dit pas приняла обратный видъ: ça se dit, mais ça ne se fait pas. Только при этомъ условіи можно надѣяться сохранить нашихъ дѣтей дѣйствительно чистыми, здоровыми и работоспособными до ихъ вступленія въ истинно-человѣческій бракъ, т. е. въ высокій союзъ души и тѣла одновременно.

А для достиженія этого необходимо реформировать все воспитаніе, сдѣлавъ разомъ всѣ сексуальныя преобразованія въ воспитаніи и обученіи. Педагогика должна воспитывать человѣка, а не отдѣльно мужчину и женщину. Характеръ женщины не долженъ подвергаться насилію посредствомъ апріорнаго осужденія ея умственныхъ способностей, выражающагося въ особо-куцыхъ программахъ обученія.

Нельзя даровать ей никакихъ особыхъ правъ только pour ses beaux yeux, но и нельзя слагать съ нея многихъ обязанностей, не давая ей даже возможности выказать силу ея духа. Школа должна обучать и воспитывать дѣтей, а не мальчиковъ и дѣвочекъ, подзадаривая тѣхъ и другихъ вникать въ несуществующіе секреты. То же должна еще раньше дѣлать семья. Вмѣсто допущенія ненормальнаго и нездороваго развитія сексуальнаго воображенія, школа должна заботиться о снабженіи своихъ питомцевъ сексуальнымъ знаніемъ, вѣрнѣйшимъ врагомъ сексуальнаго суевѣрія, требующаго себѣ такое множество жертвъ и подрывающаго въ корнѣ семейную и общественную нравственность.

Рано или поздно, но педагогика проведетъ, мы увѣрены, всѣ высказанныя начала въ жизнь.

Истинный врагъ религіи не разумъ, а суевѣріе.

К. Житомірскій.

Къ дефектамъ средней школы.

(Записки педагога).

Внѣклассный надзоръ.

На школѣ лежитъ обязанность наблюденія за внѣклассной жизнью учениковъ, особенно живущихъ не у родителей и близкихъ родственниковъ. Иногородные родители учащихся, помѣщая дѣтей на частныхъ квартирахъ или въ школьныхъ пансіонахъ и общежитіяхъ, вправѣ расчитывать, что школьное начальство и воспитатели не оставятъ ихъ сыновей и дочерей безъ надзора и попеченія. Даже родители, живущіе въ томъ же городѣ, гдѣ находится гимназія или училище, нерѣдко обращаются къ директору или класснымъ наставникамъ за совѣтами и содѣйствіемъ въ дѣлѣ воспитанія, предполагая встрѣтить въ ихъ лицѣ опытныхъ и свѣдущихъ людей, спеціалистовъ въ дѣлѣ воспитанія.

Да и самой школѣ не можетъ быть безразличнымъ, какъ живутъ внѣ учебнаго заведенія ея питомцы: не водятъ ли они неподходящаго знакомства и общенія, правильно ли располагаютъ своимъ досугомъ, не слишкомъ ли много отдаютъ времени играмъ и забавамъ, не допускаютъ ли вредныхъ для здоровья и безнравственныхъ удовольствій, какъ то—денежной игры въ карты, кутежей, не эксплуатируютъ ли ихъ квартиросодержатели и т. п.

Нельзя учебному заведенію не обращать вниманія и на то, насколько прилично держатъ себя учащіеся на улицѣ, въ общественныхъ садахъ, театрахъ и гуляньяхъ.

Къ сожалѣнію, и дѣло внѣкласснаго надзора въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ поставлено не на желательной высотѣ, большею частью даже весьма неудовлетворительно: формализмъ, равнодушіе и небрежность царствуютъ и въ этомъ важномъ дѣлѣ.

По закону наблюденіе за внѣклассной жизнью учащихся возложено на всѣхъ лицъ педагогическаго персонала средней школы, а именно: въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ на директора, инспек-

тора, воспитателей, классныхъ наставниковъ и ихъ помощниковъ, а въ женскихъ гимназіяхъ—на начальницу, ея помощницу, классныхъ надзирательницъ и воспитательницъ пансіона.

Фактически же надзоръ за внѣклассной жизнью учащихся, какъ и подобаетъ въ царствѣ бюрократизма, почти всецѣло возложенъ на младшихъ по должности лицъ педагогическаго персонала, т. е. въ женскихъ гимназіяхъ на классныхъ надзирательницъ пансіона, а въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ на главныхъ столповъ школьнаго воспитанія—помощниковъ классныхъ наставниковъ и только частью на инспектора; впрочемъ, надзоръ послѣдняго, въ большинствѣ случаевъ, имѣетъ главной цѣлью контроль за дѣйствіями помощниковъ классныхъ наставниковъ, а потому больше выражается въ приказаніяхъ и мимолетныхъ появленіяхъ г. инспектора, чѣмъ на дѣлѣ.

Наблюденіе за поведеніемъ учащихся на улицахъ, въ общественныхъ садахъ, курортахъ, на каткахъ, вокзалахъ и т. п. выражается главнымъ образомъ посылкой помощниковъ классныхъ наставниковъ и очень рѣдко классныхъ наставниковъ въ тѣ изъ этихъ мѣстъ, гдѣ можно встрѣтить гуляющихъ учащихся или гдѣ ученикамъ и ученицамъ быть вовсе запрещается. При этомъ командированное лицо уполномочено удалять съ гуляній и другихъ общественныхъ собраній тѣхъ изъ учащихся, которые одѣты не по формѣ или ведутъ себя не достаточно скромно, а также всѣхъ учениковъ и ученицъ, которые позволили себѣ явиться въ недозволенное мѣсто или остаются на разрѣшенныхъ гуляньяхъ долѣе опредѣленнаго часа. Такъ какъ удаленіе изъ общественныхъ мѣстъ учащихся, очень часто бывающихъ тамъ съ родственниками и знакомыми, является иногда дѣломъ довольно щекотливымъ и нерѣдко вызываетъ по адресу воспитателей колкости и разныя непріятныя замѣчанія, то инспектора и классные наставники обыкновенно дѣло это возлагаютъ на помощниковъ классныхъ наставниковъ, а начальницы въ женскихъ гимназіяхъ—на классныхъ надзирательницъ. Если, напримѣръ, ученикамъ гдѣ-нибудь разрѣшено быть до 9 часовъ, то начальство во избѣжаніе непріятностей уходитъ съ гулянья минутъ за 10 до срока. Такое отношеніе къ дѣлу со стороны начальствующихъ лицъ очень некрасиво: во-1-хъ, оно дискредитируетъ въ глазахъ общества и учащихся самое распоряженіе начальства—удалять учащихся, такъ какъ само исполненіе этой воспитательной мѣры выставляется чѣмъ-то унизительнымъ для г.г. начальствующихъ лицъ; во-2-хъ, оно унижаетъ въ глазахъ общества и учащихся авторитетъ начальствующихъ лицъ и воспитателей, т. е. какъ давшихъ распоряженія, такъ и исполняющихъ его: видно-де, распоряженіе неразумно, когда старшіе по должности сами стѣсняются его исполнять; въ-3-хъ, младшіе чины

педагогическаго персонала, видя, что ихъ начальство всегда сваливаетъ съ себя всякую болѣе или менѣе непріятную работу, исполненіе всякой наиболѣе тягостной воспитательной мѣры, съ своей стороны, начинаютъ считать себя въ правѣ уклоняться отъ исполненія подобныхъ порученій, справедливо считая себя незаконно, сверхъ мѣры, обременяемыми подобными порученіями, исполненіе которыхъ обязательно и для старшихъ должностныхъ лицъ. Въ дѣлѣ воспитанія начальствующія лица прежде всего должны быть сотрудниками своихъ подчиненныхъ въ общемъ великомъ трудѣ, а потомъ уже начальниками. Къ сожалѣнію, въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ директора и инспектора, а частью и классные наставники склонны подраздѣлять воспитательскій трудъ на приличный для старшихъ и на приличный только для младшихъ подчиненныхъ.

Младшія должностныя лица воспитательскаго персонала, не желая выставлять себя предъ учениками иниціаторами непріятнаго для учащихся распоряженія, часто выказываютъ предъ ними несочувствіе этому распоряженію, а себя жертвами начальническаго неразумнаго требованія. Такое нежелательное отношеніе къ дѣлу воспитанія не имѣло бы мѣста, если бы взаимное отношеніе старшихъ и младшихъ должностныхъ лицъ было бы поставлено болѣе нормально. Бываютъ, конечно, случаи, когда начальствующія лица относятся добросовѣстно къ своимъ обязанностямъ, а не сваливаютъ обязанности по надзору исключительно на младшихъ чиновъ.

Я зналъ одного директора, который въ свободное отъ директорскихъ обязанностей время несъ самъ всѣ обязанности другихъ должностныхъ лицъ по управленію учебно-воспитательнымъ дѣломъ въ училищѣ, являясь какъ-бы помощникомъ своихъ помощниковъ, и результаты получались очень хорошіе: лучшіе изъ подчиненныхъ лицъ цѣнили трудолюбіе начальника и легче, съ большей энергіей переносили свой далеко не всегда легкій и пріятный трудъ. Были, конечно, и такія лица, которымъ подобная энергія не нравилась, такъ какъ при такомъ начальствѣ подчиненнымъ трудно вести дѣло, „спустя рукава“ и часто погружаться въ сладостную нирвану.

Мнѣ кажется, что обыкновеніе, принятое въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ при наблюденіи за учащимися въ общественныхъ мѣстахъ и на гуляньяхъ, лишь замѣчать провинившихся учащихся, а взысканіе съ нихъ дѣлать послѣ, въ училищѣ, болѣе благоразумно. Понятно, что въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ крупнаго нарушенія учащимися правилъ поведенія необходимы немедленно принятыя, хотя бы въ общественныхъ мѣстахъ, мѣры.

Въ вакаціонное время требованія школьной дисциплины должны

быть значительно смягчаемы. Ученикамъ можно было-бы, напримѣръ, дозволить не носить форменнаго платья, дольше гулять въ садахъ и на улицахъ, а выходящихъ съ родителями и родственниками или, съ разрѣшенія послѣднихъ, съ знакомыми, вовсе освободить отъ училищнаго надзора, особенно, если они одѣты не въ форменное платье. Понятно, что и въ этомъ случаѣ при исключительныхъ условіяхъ жизни ученика или ученицы возможно вмѣшательство въ жизнь ученика и со стороны школы.

Во всякомъ случаѣ внѣклассный надзоръ за жизнью школьниковъ и школьницъ тогда только будетъ поставленъ болѣе или менѣе раціонально, когда правила этого надзора и поведенія учащихся будутъ выработаны не однимъ только „начальствомъ", но и при участіи общества и родителей учащихся, а въ наблюденіи за учащимися въ публичныхъ мѣстахъ будетъ содѣйствовать само общество въ лицѣ его лучшихъ представителей. Во многихъ государствахъ каждый гражданинъ отъ имени закона можетъ требовать, чтобы малолѣтнія дѣти и юноши не допускались къ самоотравленію никотиномъ, алкоголемъ и вообще не могли бы участвовать въ безнравственныхъ удовольствіяхъ и присутствовать въ предосудительныхъ мѣстахъ. Одна школа при всемъ желаніи не можетъ вполнѣ успѣшно вести надзоръ за внѣклассной жизнью учащихся.

Перейду теперь къ вопросу о томъ, какъ относятся педагоги къ посѣщенію учениками и ученицами театра.

Въ этомъ дѣлѣ педагогами средней школы не выработано никакихъ общихъ и опредѣленныхъ взглядовъ.

Есть начальствующія лица и наставники, которые къ посѣщенію учащимися театра относятся почти враждебно, есть и горячіе приверженцы театра, а еще больше найдется такихъ педагоговъ, для которыхъ совершенно безразлично, посѣщаютъ ли учащіеся театръ, или нѣтъ.

Тѣмъ не менѣе въ большинствѣ учебныхъ заведеній въ театръ, для надзора за учащимися командируются должностныя лица изъ персонала воспитателей.

Отсутствіе опредѣленно выработанныхъ руководящихъ правилъ, отношенія школы къ посѣщенію учениками и ученицами театра весьма неблагопріятно отражаются на воспитаніи учащихся. Въ школахъ, гдѣ преобладаетъ распущенное направленіе, ученики ходятъ въ театръ, когда хотятъ, безпрепятственно посѣщаютъ оперетки скабрезнаго содержанія, а нѣкоторые изъ учениковъ старшихъ классовъ проводятъ время въ обществѣ актрисъ и хористокъ. Результаты подобнаго отношенія школы къ посѣщенію учениками и ученицами театра получаются печальные. Учащіеся при этомъ много теряютъ

умственныхъ, нравственныхъ и физическихъ силъ, не пріобрѣтая для себя ничего полезнаго.

Безсонныя ночи, сильныя и нездоровыя впечатлѣнія разстраиваютъ нервную систему учеництъ и учениковъ-театраловъ, развиваютъ малокровіе, ослабляютъ ихъ умственную энергію, порождаютъ лѣнь. Понятно, что и ученье при такихъ условіяхъ идетъ далеко неуспѣшно.

Въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ преобладаетъ строгій режимъ, учениковъ въ учебное время отпускаютъ въ театръ очень рѣдко, большею частью только по праздникамъ и не на всѣ пьесы, что, конечно, имѣетъ въ своемъ основаніи много хорошаго. Но апатія и инертность большинства нашихъ директоровъ и инспекторовъ и при этомъ является причиной разныхъ несообразностей. Рѣшатъ гг. педагоги, что въ такіе-то дни учениковъ въ театръ не пускать, такія-то пьесы смотрѣть имъ дозволять, а такія-то не разрѣшать, и на этомъ рѣшеніи успокаиваются.

Является ученикъ или ученица къ инспектору или начальницѣ и спрашиваетъ:

— Позвольте мнѣ сегодня сходить съ родителями (или знакомыми) въ театръ.

— Сегодня нельзя.

— Уроки у меня всѣ приготовлены.

— Сказано нельзя. Вамъ, вѣдь, извѣстно, въ какіе дни разрѣшено посѣщеніе театра.

— Въ разрѣшенные дни мнѣ было не съ кѣмъ идти; а эта пьеса дозволена для учащихся. Я еще ни разу не былъ въ театрѣ.

— Поразсуждайте еще! Сказано нельзя.

И вотъ ученика или ученицу такимъ образомъ, благодаря бездушному формализму, лишаютъ рѣдкаго, хорошаго и полезнаго удовольствія.

Или такой случай:

Просится ученица въ праздничный день въ театръ.

— Что идетъ сегодня?—суровымъ голосомъ спрашиваетъ грозная начальница.

— Сегодня идетъ такая-то пьеса.

— Ея нѣтъ въ числѣ разрѣшенныхъ. Идти нельзя.

— Моя сестра, учительница, сказала, что пьеса хорошая.

— Ваша сестра можетъ смотрѣть на дѣло, какъ ей угодно. Но я эту пьесу не знаю, а въ числѣ разрѣшенныхъ нами ея нѣтъ. Прошу подчиняться требованію начальства безъ разсужденій.

Я знаю много случаевъ, когда учащихся не пускали въ театръ

на невинныя и даже хорошія пьесы только потому, что эти пьесы были неизвѣстны начальству.

Неужели нельзя выработать болѣе полныхъ списковъ пьесъ, на которыя можно допускать учащихся?

Надзоръ за жизнью иногородныхъ учащихся на частныхъ разрѣшенныхъ начальствомъ училища квартирахъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ поставленъ въ большинствѣ случаевъ очень плохо.

Директора и начальницы женскихъ учебныхъ заведеній на ученическихъ квартирахъ почти не бываютъ, частью потому, что ихъ отвлекаютъ отъ этого другія обязанности, частью по той причинѣ, что посѣщеніе квартиръ вслѣдствіе „системы недовѣрія“ свелось въ нашихъ школахъ „къ обыскамъ“ и „изловленію“ преступныхъ учениковъ, стремящихся пополнять свои знанія чтеніемъ неразрѣшенныхъ книгъ. Быть въ такой роли начальству, конечно, не нравится, а потому посѣщеніе ученическихъ квартиръ передается лицамъ, стоящимъ на болѣе низкихъ ступеняхъ служебной іерархіи, или „добровольцамъ обыска“.

Понятно, что „страха ради іудейскаго“ и старшія должностныя лица посѣщаютъ иногда ученическія квартиры, т. е. побываютъ на каждой квартирѣ или на нѣкоторыхъ квартирахъ по одному, много по два раза въ годъ, и довольно; болѣе же частое посѣщеніе квартиръ опять-таки сваливаютъ на тѣхъ же помощниковъ классныхъ наставниковъ и надзирательницъ, причемъ, кстати сказать, далеко не вездѣ даже выдаютъ этимъ лицамъ денегъ на извозчика *). Понятно, что помощники классныхъ наставниковъ, обязанные съ 8 часовъ утра до 3-хъ быть въ училищѣ и исполнять тамъ всевозможныя порученія начальства, а съ 5 или 6 часовъ вечера гулять по улицамъ для наблюденія за учениками, посѣщать общественныя гулянья, быть въ театрахъ, не исключая въ учебное время и табельныхъ дней, а наканунѣ праздничныхъ дней и утромъ въ праздники быть на богослуженіяхъ и т. п. и, кромѣ того, принужденные зарабатывать себѣ средства пропитанія частными уроками и другими посторонними заработками—не могутъ удѣлять много времени на болѣе правильное посѣщеніе квартиръ, а потому фактически сводятъ это дѣло къ тому, чтобы сдѣлать отмѣтку въ квартирномъ журналѣ—

---

*) Такихъ мелкихъ необязательно-обязательныхъ расходовъ на долю надзирательницъ женскихъ гимназій и помощниковъ классныхъ наставниковъ выпадаетъ не мало: на извозчика, за вѣшалку въ театрахъ и клубахъ, „поздравительныхъ“ прислугѣ, за стаканъ чаю или сельтерской воды, въ церковную кружку и пр. Всѣ эти расходы неизбѣжны: удѣляя службѣ много времени, эти лица не могутъ, напримѣръ, всегда утолять жажду дома.

„квартиру посѣтилъ такой-то и нашелъ все въ порядкѣ“ или другого стереотипнаго содержанія. Много лѣтъ мнѣ пришлось наблюдать жизнь учениковъ на частныхъ квартирахъ, и изъ своихъ наблюденій я вынесъ самое безотрадное впечатлѣніе. Большинство квартиръ въ воспитательномъ отношеніи поставлено довольно неудовлетворительно; есть немного квартиръ хорошихъ, и очень значительный процентъ—плохихъ и даже вредныхъ для дѣтей. Не знаю, какъ это дѣло поставлено въ дугихъ учебныхъ округахъ, а также въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ число надзирательницъ вчетверо больше, чѣмъ помощниковъ классныхъ наставниковъ, хотя надзоръ за ученицами много легче, чѣмъ за учениками; но, судя по тому, что сообщается объ этомъ въ литературѣ и циркулярахъ министерства, можно, кажется, съ увѣренностью сказать, что постановка частныхъ ученическихъ квартиръ вездѣ незавидна.

Вотъ главные дефекты этихъ квартиръ:

I. Многіе квартиросодержатели, заинтересованные тѣмъ, чтобы ученики были довольны ихъ квартирой, не только покрываютъ непозволительныя шалости учениковъ, но нерѣдко позволяютъ ученикамъ заигрываться въ карты, устраивать попойки, прогуливать ночи и т. п. Къ сожалѣнію, я зналъ примѣры того, что учебное начальство изъ страха ли огласки, или по инымъ „политическимъ“ соображеніямъ, показывало видъ, что ему неизвѣстно, что продѣлывается на этихъ квартирахъ, а потому случалось, что подобныя квартиры существовали по 10 лѣтъ.

II. Квартиросодержатели, „особо“ покровительствуемые начальствомъ учебнаго заведенія, эксплоатируютъ дѣтей, помѣщаютъ ихъ въ тѣсныхъ комнатахъ, неудовлетворительно кормятъ и не всегда хорошо обращаются съ ними, беря за квартиру достаточную плату.

III. Есть квартиры, хозяева которыхъ очень часто оставляютъ дѣтей безъ надзора, недостаточно наблюдаютъ за правильнымъ распредѣленіемъ учащимися своего времени, вслѣдствіе чего ученики много теряютъ въ учебномъ и воспитательномъ отношеніяхъ.

IV. Такъ какъ не всякій желающій открыть ученическую квартиру получаетъ на то разрѣшеніе какъ по чисто педагогическимъ соображеніямъ, такъ и потому, что обиліе квартиръ затрудняетъ надзоръ за ними, то содержаніе квартиръ нерѣдко является какъ бы монополіей нѣсколькихъ лицъ, а потому вообще плата за квартиры держится очень высокая.

V. Учебное начальство не всегда дозволяетъ родителямъ дѣлать свободный выборъ между даже разрѣшенными квартирами, что, конечно, ставитъ ученика въ большую, чѣмъ слѣдуетъ, зависимость отъ квартиросодержателя.

Министерство народнаго просвѣщенія давно уже сознало неудовлетворительность постановки надзора за частными ученическими квартирами, но циркуляры министерства и учебно-окружныхъ управленій, предписывавшіе начальству учебныхъ заведеній обратить особое вниманіе на это дѣло, не давали положительнаго результата, такъ какъ не встрѣчали сочувствія въ педагогахъ. Одни не сочувствовали дѣлу, потому что оно ложилось на нихъ излишней тяжестью; другіе не желали и не могли выйти изъ обычнаго лѣниво-апатичнаго отношенія къ дѣлу; третьи не желали изображать изъ себя гасителей ученической любознательности и производить розыски и обыски по ученическимъ ящикамъ и кроватямъ и пр., не имѣя при томъ права вступить съ учащимися въ болѣе близкія и разумныя отношенія подъ страхомъ обвиненія за это въ „неблагонадежности".

Дѣйствіе циркуляровъ въ концѣ концовъ сводилось только къ тому, что начальствующія лица и классные наставники, вскорѣ послѣ полученія новаго циркуляра, по лишнему разу съѣздятъ на нѣкоторыя ученическія квартиры, а инспекторъ въ теченіе года будетъ усиленнѣе заставлять помощниковъ классныхъ наставниковъ почаще „забѣгать" на ученическія квартиры и аккуратнѣе помѣчать въ квартирныхъ журналахъ свои посѣщенія; въ годовыхъ же отчетахъ общее число „посѣщеній" ученическихъ квартиръ будетъ показано выше; при этомъ нерѣдко выставляются цыфры произвольныя. Мнѣ извѣстны случаи, когда въ отчетѣ число посѣщеній показывалось въ десять разъ больше истиннаго, да и при этомъ цыфра посѣщеній не поражала своей величиной.

Наконецъ, Министерство народнаго просвѣщенія, какъ бы потерявъ вѣру въ возможность поставить ученическія квартиры на надлежащую высоту, стало усиленно настаивать на открытіи при учебныхъ заведеніяхъ пансіоновъ и ученическихъ общежитій. Число пансіоновъ и общежитій за послѣдніе 10 — 15 лѣтъ значительно увеличилось, а соразмѣрно съ тѣмъ уменьшилось число частныхъ ученическихъ квартиръ. Но чисто формальное, чиновническое отношеніе большинства директоровъ и инспекторовъ къ этому дѣлу и тутъ дало въ большинствѣ случаевъ плохіе результаты. Уровень постановки воспитанія иногородныхъ учениковъ и надзоръ за ихъ жизнью въ пансіонахъ едва ли сталъ лучше, чѣмъ былъ на многихъ частныхъ ученическихъ квартирахъ.

Недостатки давящаго и распущеннаго режима, о которыхъ я говорилъ въ предыдущей статьѣ, здѣсь оказываютъ на учениковъ еще большее вліяніе, такъ какъ они постоянно находятся подъ вліяніемъ господствующаго режима и не могутъ уйти отъ этого вліянія,

хотя бы на три, на пять часовъ въ день, какъ это возможно для приходящихъ учениковъ.

Формальное, безсердечное отношеніе начальствующихъ лицъ къ пансіонерамъ, бюрократическое отношеніе къ пансіонной жизни и ея порядкамъ, къ воспитателямъ, ихъ выбору и назначенію на должность—таковы недостатки большинства пансіоновъ и общежитій нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

Для учебнаго начальства ученикъ-пансіонеръ въ большинствѣ случаевъ не есть личность съ своими индивидуальными особенностями, запросами и интересами, а только безличное, живое существо за тѣмъ или другимъ нумеромъ, обязанное вносить всегда желательныя для пансіона деньги.

Отъ воспитателей требуется, чтобы они всѣми силами не допускали въ пансіонѣ возни, шума и шалостей, чтобы они въ опредѣленные часы заставляли дѣтей и юношей вставать съ постели, ѣсть, пить, учиться, строиться въ пары и проч.

Начальство и „надежные“ воспитатели считаютъ себя хорошо ведущими свое дѣло, если дѣти исполняютъ всѣ эти предъявляемыя къ нимъ требованія, особенно, если они не шумятъ, не бѣгаютъ, т. е. если ведутъ себя противно своей природѣ, а чѣмъ заняты въ свободное время эти „тѣни дѣтей“—для нихъ нѣтъ никакого дѣла. А въ этой-то насильственно создаваемой противоестественной тишинѣ въ большинствѣ случаевъ и зарождаются вредныя для здоровья и развращающія дѣтей привычки; здѣсь же составляются заговоры противъ начальствующихъ лицъ, противъ ненавистныхъ воспитателей и преподавателей, обдумываются способы мести, „проучки“, „солки“ своимъ наставникамъ.

Въ большинствѣ пансіоновъ господствуетъ казарменное однообразіе въ пищѣ, занятіяхъ и удовольствіяхъ. Здѣсь какъ будто нарочно стараются изгнать все, что хоть сколько-нибудь напоминаетъ семейную жизнь и даетъ пищу индивидуальнымъ наклонностямъ и вкусамъ ребенка или юноши.

Большинство воспитателей не только совершенно не знакомо, но и не дѣлаетъ попытокъ познакомиться съ главнѣйшими интересами душевной жизни воспитываемыхъ.

Даже въ казармахъ хорошій, преданный дѣлу и любящій своихъ солдатъ офицеръ старается знакомиться съ прошлой жизнью подчиненнаго и знаетъ, „гдѣ его сокровище“, а слѣдовательно, и „сердце“. Въ пансіонѣ же директоръ, инспекторъ и воспитатели въ большинствѣ случаевъ только или придирчивое и строгое, или снисходительное „начальство“.

Вотъ по этимъ-то причинамъ во многихъ гимназіяхъ учащіеся

неохотно идутъ въ пансіоны, и начальству приходится нерѣдко оказывать всевозможное давленіе на родителей учениковъ, чтобы они отдавали дѣтей въ пансіоны, а не на частныя квартиры. Гдѣ пансіоны поставлены сносно, тамъ не приходится набирать учениковъ „съ пристрастіемъ", такъ какъ тамъ всегда найдутся родители, желающіе помѣстить своихъ дѣтей въ пансіонъ, особенно при неудовлетворительности большинства ученическихъ квартиръ.

Весьма важный, если не главный недостатокъ нашихъ пансіоновъ и общежитій это—неудовлетворительность качества и служебнаго положенія ихъ воспитательнаго персонала. При господствующей нынѣ школьной системѣ въ воспитатели, въ большинствѣ случаевъ, идутъ противъ желанія, по сильной нуждѣ, и то большею частью подъ давленіемъ гг. директоровъ, съ которыми вполнѣ подчиненнымъ имъ лицамъ педагогическаго персонала бываетъ опасно или невыгодно становиться въ натянутыя отношенія.

По закону, чтобы быть воспитателемъ, необходимо имѣть дипломъ высшаго учебнаго заведенія. Въ Россіи, гдѣ имѣть патентъ высшаго образованія—значитъ пользоваться всевозможными правами и привилегіями, даже будучи бездарной посредственностью, трудно найти человѣка съ высшимъ образованіемъ, который бы согласился служить за 720 рублей, — жалованье, полагающееся по штатамъ воспитателю пансіона. Если въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и есть незначительный процентъ воспитателей съ высшимъ образованіемъ, то это преимущественно начинающіе преподаватели гимназіи или реальнаго училища, которыхъ директоръ „проситъ" взять на себя воспитательскія обязанности, какъ побочный заработокъ. Огорчить начальство отказомъ исполнить его просьбу не всегда удобно, а тѣмъ болѣе въ началѣ служебной карьеры, — и молодые преподаватели, скрѣпя сердце, принимаютъ на себя несеніе воспитательскихъ обязанностей, чтобы при первой возможности отказаться отъ нихъ въ пользу болѣе обезпечивающаго чисто учительскаго труда. Большинство, вѣдь, преподавателей гимназій и реальныхъ училищъ съ дополнительными (сверхъ нормальныхъ 12 уроками и иными прибавками) заработываетъ вдвое и втрое больше воспитателя, не неся такого тяжелаго и изнурительнаго труда, какой выпадаетъ на долю воспитателя, особенно при нынѣшней постановкѣ дѣла.

Начальству рѣдко удается, даже прибѣгая къ давленію, или чрезъ обѣщаніе наградъ и поощренія, удержать преподавателя на воспитательской должности болѣе 2-хъ или 3-хъ лѣтъ, а воспитателей необходимо нужно. Какъ тутъ быть? Исходъ одинъ: привлекаютъ къ этому дѣлу все тѣхъ же помощниковъ классныхъ настав-

никовъ, что гораздо удобнѣе и менѣе хлопотливо; во 1-хъ, потому что помощники классныхъ наставниковъ всегда нуждаются въ заработкѣ, такъ какъ, хотя имъ и предоставляется по закону право „ѣсть, пить и веселиться" на получаемое ими жалованье изъ оклада въ 300 руб.", но жизнь не позволяетъ имъ на эти деньги не только веселиться, но даже и ѣсть, а потому имъ бываетъ необходимо къ этимъ деньгамъ приработать еще втрое или четверо больше, смотря по ихъ семейному положенію; во 2-хъ, помощники классныхъ наставниковъ назначаются директорами, и, слѣдовательно, съ ними церемониться не приходится. Одни директора безъ всякихъ церемоній заставляютъ помощниковъ классныхъ наставниковъ брать на себя воспитательскія обязанности, а другіе, болѣе порядочные, просятъ или предлагаютъ имъ эти обязанности, зная, что нужда заставитъ принять предложеніе съ болью въ сердцѣ, но съ глубокой благодарностью.

Къ исполненію воспитательскихъ обязанностей приглашаютъ и нуждающихся городскихъ учителей, благо, что на 50 рублей въ мѣсяцъ семейнымъ учителямъ въ большомъ городѣ не прожить.

Вознагражденіе помощникамъ классныхъ наставниковъ и городскимъ учителямъ за исполненіе воспитательской обязанности выдается самое скромное. Я знаю гимназіи и реальныя училища, гдѣ платятъ помощникамъ классныхъ наставниковъ за этотъ нервный и утомительный трудъ отъ 25 до 35 рублей въ мѣсяцъ. За это вознагражденіе они обязаны ежедневно, кромѣ кануна праздниковъ, съ 6 до 8 или $8^1/_2$ часовъ вечера репетировать учащихся, объяснять имъ то, что ихъ затрудняетъ въ приготовленіи заданныхъ уроковъ, провѣрять, насколько правильно пансіонеры исполнили свои уроки, задачи и пр. Конечно, заниматься бываетъ нужно не со всѣми пансіонерами, но, тѣмъ не менѣе, назначенные часы сидѣть безъ дѣла воспитателямъ не приходится, такъ какъ нуждающихся въ ихъ помощи всегда найдется 10—15 человѣкъ. Кромѣ этихъ занятій, каждый исполняющій обязанности воспитателя долженъ бываетъ ежемѣсячно отъ 8 до 15 разъ дежурить въ пансіонѣ и ночевать тамъ. Что значитъ наблюдать за массой дѣтей, занимать ихъ и поддерживать порядокъ среди 30—40 человѣкъ свободныхъ отъ дѣла школьниковъ, можетъ понять только тотъ, кто пробовалъ исполнять это самъ. Послѣ дежурства каждый воспитатель нуждается въ абсолютномъ отдыхѣ, чтобы пріобрѣсти прежнюю работоспособность, но большинству воспитателей отдыха послѣ дежурства не полагается: нужно нести другія обязанности. Если мы репетиторскія обязанности воспитателей оцѣнимъ скромной платой по 50 коп. за часъ занятій, то отъ 25—35 рублей, обычнаго ежемѣсячнаго вознагражденія помощниковъ класс-

ныхъ наставниковъ по должности воспитателей, ничего не останется за труды по дежурству. Этотъ тяжелый трудъ является „безплатной“ премiей со стороны нуждающихся тружениковъ въ пользу гимназiи и, пожалуй, въ пользу гг. директоровъ и инспекторовъ, такъ какъ эти послѣднiе, получая за труды по пансiону много больше воспитателей, ограничиваются большею частью внѣшнимъ мимолетнымъ надзоромъ за жизнью пансiона, причемъ своимъ излишнимъ вмѣшательствомъ въ труды и распоряженiя воспитателей въ большинствѣ случаевъ только мѣшаютъ послѣднимъ, дискредитируютъ ихъ авторитетъ предъ учениками и, при давящемъ направленiи, портятъ дѣло и приносятъ вредъ.

Пансiоны и общежитiя учениковъ держатся главнымъ образомъ трудами воспитателей, а слѣдовательно, они должны за свой трудъ получать и вознагражденiе больше всѣхъ, и положенiе ихъ въ пансiонѣ должно быть болѣе независимо и авторитетно. Директоръ гимназiи или инспекторъ должны, конечно, какъ и другiе члены педагогическаго совѣта посѣщать пансiоны и общежитiя для наблюденiя за жизнью учениковъ. При этомъ директоръ, какъ отвѣтственное наблюдающее липо, имѣетъ право и на вознагражденiе, но справедливость требуетъ, чтобы вознагражденiе соразмѣрялось съ тѣмъ, которое получаютъ главные работники, т. е. воспитатели. Директоръ можетъ высказывать воспитателямъ свой взглядъ на дѣло, давать имъ совѣты, но воспитатели, въ случаѣ несогласiя со взглядами директора, должны имѣть право обращаться въ педагогическiе совѣты за указанiями и поступать такъ, какъ выскажется педагогическiй совѣтъ. Въ настоящее время директора являются въ пансiонѣ полными хозяевами дѣла и ихъ требованiя—законъ для воспитателей.

Представителемъ пансiона долженъ быть старшiй воспитатель, завѣдующiй пансiономъ, а директоръ лишь наблюдателемъ за тѣмъ, чтобы въ жизни пансiона не допускалось ничего вреднаго и нежелательнаго. Всѣ воспитатели должны считаться подчиненными совѣтамъ воспитателей и педагогическому. Эти совѣты, въ составъ которыхъ необходимо допустить и представителей отъ земства и города, должны избирать воспитателей и представлять ихъ къ утвержденiю въ учебно-окружное управленiе и ходатайствовать объ ихъ увольненiи, если на то будутъ имѣться уважительныя причины.

Въ старшiе воспитатели, завѣдующiе пансiономъ, должны быть приглашаемы люди опытные, имѣвшiе дѣло съ дѣтьми, любящiе дѣтей, преданные своему дѣлу идейно. Дипломъ высшаго учебнаго заведенiя для воспитателя, конечно, желателенъ, но не долженъ быть обязателенъ, и это для того, чтобы къ дѣлу воспитанiя не допускалась патентованная посредственность.

Учитель городского или уѣзднаго училища и всякій человѣкъ, получившій среднее образованіе, если онъ неглупъ, любитъ дѣтей и обладаетъ тактомъ, будетъ лучшимъ воспитателемъ, чѣмъ чиновникъ хотя бы и высшаго образованія.

Большинство пансіоновъ и общежитій при современной „безправной“ и давящей системѣ воспитанія въ среднихъ школахъ поставлено неудовлетворительно.

Исключенія изъ этого встрѣчаются опять-таки только при счастливой случайности, когда директоръ учебнаго заведенія и воспитатели пансіона относятся другъ къ другу съ довѣріемъ и уваженіемъ и всей душой преданы интересамъ дѣла, которому они служатъ. Но прочно ли то, что держится случайностью?

Могутъ-ли исполнять, какъ слѣдуетъ, свои воспитательскія обязанности люди безправные, безнаказанно третируемые начальствомъ, получающіе ничтожное вознагражденіе за тяжелый трудъ, вѣчно заботящіеся о постороннемъ заработкѣ, обремененные ежедневной умственной и нервной 8—14 часовой работой. Если и можно встрѣтить изъ такихъ лицъ воспитателей, болѣе или менѣе старательно, а тѣмъ болѣе съ любовью исполняющихъ хоть часть своихъ обязанностей, то это не болѣе, какъ счастливое исключеніе.

Senex.

Что могутъ и должны давать народу наши начальныя народныя училища.

(*Продолженіе*).

VI.

Если бы при разрѣшеніи нашего вопроса о томъ, что могутъ и должны давать народу наши начальныя народныя училища, необходимо было опредѣлить также и относительную важность въ курсѣ народной школы тѣхъ или другихъ предметовъ нашего элементарно-школьнаго обученія, то самое первое мѣсто въ ряду этихъ предметовъ пришлось бы отвести тогда, послѣ Закона Божія, именно русскому чтенію, какъ предмету обученія, призванному служить главнымъ и единственнымъ почти средствомъ къ дальнѣйшему развитію и образованію нашихъ школьныхъ дѣтей на всемъ пути ихъ послѣдущей, по выходѣ изъ школы, жизни и дѣятельности. При чрезвычайной краткости курса нашего начальнаго народнаго обученія и при тѣхъ разнообразныхъ затрудненіяхъ, съ какими и теперь еще приходится встрѣчаться при веденіи своихъ занятій нашимъ учителямъ и учительницамъ, русская начальная народная школа успѣваетъ сдѣлать для своихъ дѣтей вообще очень немного. Она успѣваетъ сообщать имъ пока одни лишь простыя и самыя краткія свѣдѣнія по предмету Закона Божія, научаетъ ихъ читать по-русски и по-славянски, съ достаточнымъ пониманіемъ и усвоеніемъ содержанія прочитаннаго, и болѣе или менѣе орѳографически правильно писать, даетъ имъ первоначальные навыки въ умственномъ и письменномъ рѣшеніи простыхъ ариѳметическихъ задачъ и въ нѣкоторыхъ только болѣе рѣдкихъ случаяхъ знакомитъ ихъ и съ искусствомъ пѣнія на одинъ, на два, а иногда и на три голоса, со слуха. На этой элементарной ступени обученія и воспитанія дѣтей школа пока и останавливается, предоставляя уже самой жизни сохранять, развивать и доводить до полнаго созрѣванія то немногое, что удается

нашимъ учителямъ и учительницамъ, путемъ настойчиваго и самаго дѣятельнаго труда, закрѣпить въ сознаніи и памяти дѣтей за непродолжительное время ихъ школьнаго обученія.

Нужно ли говорить здѣсь о томъ, что такая широкая и чрезвычайно плодотворная задача, возлагаемая народной школой на всю народную жизнь, можетъ быть выполнена не иначе, какъ только при самомъ широкомъ пользованіи всего населенія книгой, чтеніемъ и тѣмъ живымъ и неудержимымъ влеченіемъ къ нему, какое должно воспитываться въ дѣтяхъ еще на школьной скамьѣ, на урокахъ объяснительнаго чтенія. А отсюда уже само собой становится понятнымъ и то огромное значеніе, какое можетъ и долженъ имѣть этотъ предметъ какъ въ курсѣ нашего начальнаго народнаго обученія, такъ и вообще въ цѣлой жизни народа.

Между тѣмъ, мы не можемъ еще сказать того, чтобы постановка русскаго языка въ начальныхъ народныхъ училищахъ и въ частности русскаго чтенія могла быть признана совершенно правильной въ методическомъ отношеніи и вполнѣ согласованной съ важностью и серьезностью тѣхъ цѣлей и задачъ, какія могутъ быть достигаемы практически при помощи этого только предмета элементарно-школьнаго обученія. Внимательно останавливаясь при изученіи русскаго языка на достиженіи цѣлей и задачъ болѣе или менѣе второстепеннаго значенія, наши начальныя народныя училища не придаютъ иногда соотвѣтствующаго значенія самому главному и существенному и не стараются обратить этотъ предметъ въ живой источникъ болѣе или менѣе постояннаго и дѣятельнаго вліянія на всю практическую жизнь крестьянъ и на всю ихъ дѣятельность.

Правда, нѣкоторыя общія задачи и цѣли, поставленныя въ отношеніи къ преподаванію въ начальныхъ училищахъ русскаго языка, опредѣлены были довольно правильно какъ въ экзаменныхъ правилахъ къ Положенію 1874 года, такъ и въ позднѣйшихъ для народныхъ школъ программахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, изданныхъ въ 1897 году. Довольно правильно также опредѣлены были нѣкоторыя изъ этихъ общихъ задачъ и во всѣхъ программахъ русскаго языка, составленныхъ для церковно-приходскихъ школъ. Въ экзаменныхъ правилахъ 15 октября 1874 года эти задачи и цѣли начались, впрочемъ, очень обще и кратко. Отъ крестьянскаго мальчика, подвергавшагося испытанію по русскому языку на право полученія льготы по отбыванію воинской повинности, требовалось только, какъ это мы уже и видѣли, умѣнье читать по доступной пониманію учащихся книгѣ правильно, бѣгло, со смысломъ, умѣнье послѣдовательно передавать прочитанное своими словами и прочи-

тать какую-либо четкую рукопись. Въ примѣрныхъ программахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, изданныхъ въ 1897 году, эти общія задачи и цѣли устанавливались уже для начальныхъ училищъ нѣсколько точнѣе и опредѣленнѣе. Кромѣ достиженія навыковъ въ толкованіи и выразительномъ чтеніи, съ устной и письменной передачей содержанія прочитаннаго, и въ чтеніи разборчивыхъ рукописей, а также, кромѣ заучиванія наизусть стихотвореній, басенъ и художественныхъ прозаическихъ отрывковъ, объяснительной къ этой программѣ запиской ставится уже, какъ подлежащая къ обязательному достиженію цѣль, и сообщеніе учащимся дѣтямъ болѣе необходимыхъ для ихъ послѣдующей жизни уроковъ религіозно-нравственнаго назиданія и фактическихъ свѣдѣній по исторіи и географіи родной страны, по естествовѣдѣнію, гигіенѣ и т. п. Въ виду болѣе успѣшнаго достиженія именно этихъ цѣлей на урокахъ русскаго чтенія, кромѣ статей религіозно-нравственнаго содержанія и относящихся къ изящной словесности, объяснительной къ программѣ русскаго языка запиской предлагается также прочитывать съ дѣтьми и статьи по исторіи и географіи Россіи, какъ содѣйствующія развитію въ дѣтяхъ патріотизма и ознакомленію ихъ съ родиной, статьи по естествовѣдѣнію, имѣющія отношеніе къ сельскому хозяйству, по гигіенѣ и дѣловыя статьи, помѣщенныя въ классной хрестоматіи. Къ достиженію такихъ же образовательныхъ цѣлей и задачъ должны направляться при изученіи русскаго языка и ученики церковно-приходскихъ школъ. Правильность, бѣглость, отчетливость и выразительность чтенія, въ связи съ пріобрѣтеніемъ дѣтьми на урокахъ русскаго языка болѣе необходимыхъ для нихъ познаній изъ жизни людей и всей природы, принимались и программами для церковно-приходскихъ школъ, какъ главное и основное требованіе, которому обязательно должны удовлетворять всѣ мальчики и дѣвочки, оканчивающіе курсъ въ училищахъ этого типа и наименованія.

Такимъ образомъ, основныя задачи и цѣли, поставленныя къ достиженію на урокахъ русскаго языка во всѣхъ безъ исключенія начальныхъ народныхъ училищахъ, намѣчены программами этого предмета вообще довольно правильно и цѣлесообразно. Отъ дѣтей, обучающихся въ начальныхъ народныхъ училищахъ и школахъ, безусловно и настоятельно требуется то, чтобы ко времени окончанія ими курса школьнаго обученія они вполнѣ овладѣвали достаточной для ихъ возраста и развитія техникой чтенія, съ яснымъ, отчетливымъ и выразительнымъ произношеніемъ какъ отдѣльныхъ словъ, такъ и цѣлыхъ предложеній, пріучались къ достаточному и всестороннему пониманію того, о чемъ они читаютъ, и къ возможно пра-

въ виду, чтобы какъ для ближайшихъ дѣятелей начальнаго народнаго образованія, нашихъ учителей и учительницъ, такъ и для всѣхъ интересующихся этимъ дѣломъ лицъ ничего уже не оставалось въ программѣ русскаго языка неяснаго, неопредѣленнаго, неприведеннаго въ полную для всѣхъ извѣстность.

Къ сожалѣнію, на выясненіе вопроса о томъ, какъ представлялось бы лучше и цѣлесообразнѣе использовать въ интересахъ учащихся дѣтей уроки объяснительнаго чтенія, въ порядкѣ правительственныхъ распоряженій и мѣръ, относящихся до начальныхъ народныхъ училищъ, не было обращено соотвѣтствующаго вниманія. На этотъ предметъ предлагались время отъ времени немногіе лишь частные совѣты и указанія по отдѣльнымъ школьнымъ районамъ и всегда притомъ по частной же только иниціативѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ и болѣе способныхъ лицъ изъ состава школьныхъ руководителей. Общее-же направленіе этого дѣла по школамъ цѣлой Имперіи сохраняло тотъ-же, что и прежде, характеръ, и оставалось по прежнему недостаточно опредѣленнымъ и оформленнымъ. Учителя и учительницы занимались на урокахъ русскаго языка главнымъ образомъ объяснительнымъ чтеніемъ разсказовъ и статей, включенныхъ въ тѣ или другіе учебники, и большею частью не задавались при этомъ никакими другими цѣлями, какъ только желаніемъ научить дѣтей читать правильно, четко, бѣгло и съ вполнѣ достаточнымъ пониманіемъ того, о чемъ они читаютъ.

Но вотъ съ 1897 года, когда начальнымъ народнымъ училищамъ, состоящимъ подъ общимъ вѣдѣніемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, даны были особыя и болѣе подробно изложенныя по всѣмъ предметамъ программы, обученіе русскому языку въ этихъ училищахъ вступило уже на нѣсколько иной путь и очень значительно расширилось въ своихъ задачахъ и цѣляхъ. Требованія этихъ новыхъ программъ 1897 года не ограничивались уже настояніемъ на достиженіи въ группахъ учащихся дѣтей хорошей техники чтенія, съ достаточнымъ пониманіемъ и усвоеніемъ содержанія прочитаннаго, но переходили далеко уже за эти предѣлы къ другимъ сторонамъ этого предмета обученія, къ усвоенію дѣтьми этимологическихъ и синтаксическихъ формъ и особенностей русскаго языка въ тѣхъ элементарныхъ, разумѣется, предѣлахъ, въ какихъ это могло бы считаться доступнымъ и для самыхъ маленькихъ дѣтей, учащихся въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

Такъ, по дѣйствующимъ съ 1897 года программамъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, ученики и ученицы начальныхъ народныхъ училищъ уже во второй годъ своего обученія знакомятся съ словами, означающими предметъ, качество и дѣйствіе или состояніе предмета;

съ именемъ существительнымъ, съ родомъ, числомъ и падежными измѣненіями окончаній по вопросамъ; съ мѣстоименіями личными, замѣняющими имя существительное, съ глаголомъ, временами, лицами и повелительнымъ и неопредѣленнымъ наклоненіями; съ предлогомъ отдѣльно и въ видѣ приставки; съ словами съ буквой ѣ; съ употребленіемъ точки, знаковъ вопросительнаго и восклицательнаго, двоеточія, кавычекъ и тире (въ разговорахъ) и запятой при словахъ, обозначающихъ въ рѣчи обращеніе (звательный падежъ).

Въ третьемъ году школьнаго обученія мальчики и дѣвочки изучаютъ, по требованію тѣхъ-же программъ, имя прилагательное, согласованіе его съ существительнымъ въ родѣ, числѣ и падежѣ; падежныя окончанія, степени сравненія; полное и краткое окончанія именъ прилагательныхъ; имя числительное, количественное и порядковое; усваиваютъ понятіе о предложеніи, о подлежащемъ, сказуемомъ, объ опредѣленіи, дополненіи и обращеніи.

Въ 1903 году, съ приближеніемъ церковно-приходскихъ школъ въ отношеніи спеціально учебной организаціи ихъ къ типу нашихъ начальныхъ народныхъ училищъ, значительно расширена была программа русскаго языка и въ училищахъ церковно-приходскаго типа и притомъ тѣми-же самыми почти отдѣлами этого курса, какіе введены были вновь, съ 1897 года, въ программу начальныхъ народныхъ училищъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія. Такъ, въ программу русскаго языка для церковно-приходскихъ школъ и именно въ программу для второго года обученія дѣтей внесено было, между прочимъ, слѣдующее: „различеніе словъ по значенію; слова, обозначающія предметъ, качество и дѣйствіе; измѣненіе по вопросамъ словъ предметовъ, ихъ родъ, число; замѣна словъ предметовъ мѣстоименіемъ личнымъ; время и лицо въ обозначеніи дѣйствія“.

На третій годъ обученія дѣтей въ программу церковно-приходскихъ школъ по русскому языку отнесено слѣдущее: „предложеніе (рѣчь) и его составъ (подлежащее, сказуемое и пояснительныя слова); разборъ предложеній по вопросамъ; разряды словъ: названіе предмета (имя существительное), названіе признака (имя прилагательное), названіе числа (имя числительное), мѣстоименія личныя, замѣняющія названія предмета; названія дѣйствія или состоянія (глаголъ); измѣненіе по вопросамъ именъ, мѣстоименій личныхъ и глаголовъ.

Трудно сказать что - либо противъ обще-признаннаго значенія этого учебнаго матеріала въ курсѣ школьнаго обученія дѣтей, если разсматриватъ этотъ матеріалъ по существу и внѣ всякаго отношенія его къ той или другой группѣ школьныхъ дѣтей, для которой онъ предназначается. Изученіе этимологіи и синтаксиса каждаго даннаго языка всегда считалось и считается первой ступенью въ

элементарно-школьномъ обученіи дѣтей, и съ этимъ, конечно, нельзя не считаться. Но, съ другой стороны, еще труднѣе было-бы сказать что-либо положительное по вопросу и о томъ, въ какомъ отношеніи и въ какой мѣрѣ могъ бы быть признанъ этотъ матеріалъ согласованнымъ съ общими учебно-воспитательными нуждами крестьянскихъ дѣтей, съ ихъ возрастомъ, развитіемъ, съ ихъ настоящимъ положеніемъ въ своей семьѣ и будущимъ—въ обществѣ. Поступая въ свои начальныя народныя училища, крестьянскіе мальчики и дѣвочки ничего обыкновенно не знаютъ, не обнаруживаютъ никакихъ еще признаковъ умственнаго развитія и въ учебно-воспитательномъ отношеніи представляютъ буквально сырой матеріалъ, никѣмъ и ничѣмъ еще не тронутый. За первый годъ своего обученія, въ продолженіе 6—7 учебныхъ мѣсяцевъ, они едва только успѣваютъ овладѣвать, вмѣстѣ съ дословнымъ изученіемъ повседневныхъ молитвъ, первыми элементами чтенія, письма и счета, и къ переходу во второй годъ своего обученія остаются обыкновенно съ самыми непрочными еще и съ самыми скудными пріобрѣтеніями по всѣмъ учебнымъ предметамъ. Неувѣренное и пока еще очень не твердое чтеніе по своимъ учебнымъ книгамъ, всегда почти очень четко и разборчиво напечатаннымъ, болѣе или менѣе правильное въ каллиграфическомъ отношеніи и все еще очень нетвердое выписываніе буквъ, отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ предложеній по готовому тексту прописей и книгъ, или съ устнаго произношенія, и пріобрѣтеніе первыхъ и самыхъ элементарныхъ лишь навыковъ въ умственномъ счисленіи, на числа не свыше двухъ-трехъ десятковъ—вотъ то немногое и простое, что успѣваютъ усвоить дѣти за первый годъ своего обученія. Вся работа ихъ дѣтской мысли совершенно еще не окрѣпшей и не развитой, приковывается обыкновенно въ это время почти исключительно къ одной только техникѣ соединенія буквъ, слоговъ и словъ въ цѣлыя и болѣе или менѣе законченныя по содержанію предложенія, къ внѣшней техникѣ выписыванія строчныхъ и прописныхъ буквъ, къ первымъ элементамъ самаго простого и несложнаго вычисленія. А при такомъ положеніи дѣла не трудно уже опредѣлить и то впечатлѣніе, какое могутъ и должны получать школьные ученики указаннаго возраста и развитія при первомъ ознакомленіи ихъ съ грамматическими формами и особенностями русской рѣчи и при первоначальномъ изученіи ими этихъ формъ во второмъ году своего обученія. Это впечатлѣніе нѣкотораго изумленія, удивленія и какъ-бы даже испуга предъ новымъ учебнымъ матеріаломъ, соединенное съ полнымъ, повидимому, непониманіемъ дѣтьми того, для чего и къ чему все это имъ преподается, усиливается, нѣтъ сомнѣнія, и нѣкоторой неудовлетворительностью принятой у насъ грамматической

терминологіи. Изъ очень многихъ и чрезвычайно разнообразныхъ этимологическихъ и синтаксическихъ терминовъ, вошедшихъ даже въ самые краткіе грамматическіе курсы русскаго языка, къ болѣе неопредѣленнымъ, неточнымъ и неяснымъ для пониманія могутъ быть отнесены, между прочимъ, слѣдующіе: склоненіе, падежъ, названія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ падежей, какъ, напримѣръ, родительнаго, винительнаго и предложнаго, глаголъ, какъ означеніе отдѣльной части рѣчи, залоги глагола: дѣйствительный, страдательный и средній, спряженіе глаголовъ, наклоненія, причастіе и дѣепричастіе, нарѣчіе, какъ составная часть рѣчи, и т. п. Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію то, что крестьянскимъ дѣтямъ, находящимся въ возрастѣ 9—10 лѣтъ и едва лишь начавшимъ умственно развиваться, очень трудно пока разбираться во всѣхъ этихъ тонкостяхъ нашей грамматической терминологіи и отчетливо понимать ея значеніе и смыслъ въ примѣненіи къ нашей живой рѣчи. Оттого учащіеся въ нашихъ училищахъ мальчики и дѣвочки гораздо больше поражаются богатствомъ и разнообразіемъ этихъ новыхъ для нихъ понятій и словъ, чѣмъ стараются точно и отчетливо выяснить для себя ихъ смыслъ и значеніе. И это служитъ иногда прекраснымъ матеріаломъ для обнаруженія нѣкоторыми дѣтьми съ болѣе развитой и гибкой впечатлительностью ихъ индивидуальныхъ свойствъ и особенностей. Прошло уже болѣе семи лѣтъ съ того времени, какъ въ г. Орловѣ Вятской губерніи устраивались послѣдніе педагогическіе курсы для мѣстныхъ учителей и учительницъ; но я и теперь еще не могу забыть комическаго выраженія лица одного маленькаго ученика, услыхавшаго, очевидно, еще въ первый только разъ слово „падежъ" на этихъ педагогическихъ курсахъ. Онъ несомнѣнно принялъ это слово въ томъ смыслѣ и значеніи (падежъ), въ какомъ оно чаще всего употреблялось и употребляется въ крестьянской семьѣ, и очевидно былъ чрезвычайно удивленъ тѣмъ, что и руководители курсовъ и сами учителя и учительницы и, наконецъ, даже многіе и изъ дѣтей долго и настойчиво говорили потомъ о „какомъ-то" родительномъ падежѣ, винительномъ, предложномъ и т. п. Очень можетъ быть, что при опредѣленіи отглагольныхъ формъ—причастія и дѣепричастія и при выясненіи употребленія этихъ формъ въ живой устной и письменной рѣчи этотъ самый мальчикъ пришелъ-бы еще въ большее недоумѣніе и снова комически выразилъ бы это на своемъ лицѣ, еще болѣе изумленномъ...

Но если бы ученику начальной народной школы легко было понять и усвоить всѣ грамматическія тонкости и особенности русскаго языка, то могло-ли бы найтись въ этомъ сухомъ матеріалѣ что либо такое, чѣмъ онъ могъ бы хоть нѣсколько заинтересоваться, увлечься

и въ чемъ могъ бы найти полное удовлетвореніе для своей любознательности? На этотъ вопросъ не можетъ быть дано никакого другого отвѣта, кромѣ отрицательнаго. Чисто грамматическій матеріалъ во всѣхъ безъ исключепія языкахъ всегда очень отвлечененъ, форменъ, сухъ и совершенно не заключаетъ въ себѣ такихъ элементовъ, которые могли бы пацать на чувство и воображеніе дѣтей и приводить въ активное движеніе ихъ волю. Да и что, въ самомъ дѣлѣ, существенно интереснаго и занимательнаго для дѣтей могло бы заключаться въ опредѣленіи для нихъ, напримѣръ, частей рѣчи, склоненій, спряженій, полныхъ и краткихъ формъ степеней сравненія, главныхъ и второстепенныхъ предложеній въ составѣ рѣчи, объяснительныхъ и обстоятельственныхъ словъ въ составѣ предложенія и т. п. Все это очень далеко отъ обиходныхъ понятій, взглядовъ и практическихъ интересовъ простой крестьянской среды, ничѣмъ съ нею не объединено, не связано никакой живой нитью. Грамматика въ начальной народной школѣ это буквально пришлецъ изъ другого совершенно чуждаго крестьянскому быту міра, никѣмъ не прошенный, мало кѣмъ ожидаемый и всѣми почти очень не любимый. Никогда не внося особеннаго интереса и живой радости въ учебную жизнь даже тѣхъ среднихъ и низшихъ учебновоспитательныхъ заведеній, гдѣ она давно уже введена, какъ обязательный предметъ школьнаго обученія а напротивъ, всегда ослабляя и притупляя въ этихъ училищахъ общія чувства и настроенности дѣтей, грамматика ничего другого не могла принести съ собой и дѣлу начальнаго народнаго образованія. Она сдѣлала только то, что живое вниманіе дѣтей къ предметному содержанію уроковъ объяснительнаго чтенія было значительно стѣснено, ослаблено, притуплено, а въ связи съ этимъ, къ несомнѣнному ущербу для школъ измѣнено было нѣсколько и самое отношеніе дѣтей къ школѣ и къ школьнымъ занятіямъ. Я часто и много наблюдалъ дѣтей, когда въ былую пору, еще на зарѣ нашего народнаго образованія, они учились еще чтенію, а отчасти и письму, по Родному Слову Ушинскаго. Я помню, какъ на наивно свѣжемъ, живомъ и прекрасномъ матеріалѣ этого руководства пробуждался въ дѣтяхъ, скажу объ этомъ еще разъ, живой интересъ ко всему окружающему, какъ зажигались настроеніемъ ихъ глаза, лица, дѣлался болѣе гибкимъ и воспріимчивымъ ихъ умъ и какъ настраивались мало по малу на совершенно иной тонъ и всѣ біенія ихъ сердца, всегда почти въ дѣтяхъ очень чуткаго и живого. И все это происходило совершенно естественно и легко, благодаря живому и непосредственному соприкосновенію изучаемаго дѣтьми учебнаго матеріала со всею жизнью ихъ, съ ихъ волненіями, печалями, радостями со всѣмъ кругомъ ихъ

простыхъ и несложныхъ наблюденій. Сопоставьте теперь съ живымъ и благотворнымъ вліяніемъ на дѣтей этого живого матеріала то блѣдное и сухое, что можетъ давать дѣтямъ грамматика съ ея опредѣленіями частей рѣчи, съ склоненіями, спряженіями, съ распредѣленіемъ именъ прилагательныхъ на качественныя, относительныя, притяжательныя, съ очень затруднительнымъ и неяснымъ для дѣтей опредѣленіемъ разныхъ отглагольныхъ формъ и т. п. Ученику начальной народной школы, какъ выросшему въ полѣ растенію, хочется простора, воздуха, свѣта, тепла, широко открытаго во всѣ стороны горизонта, а ему даютъ вмѣсто этого холодный, мертвый и совершенно сухой учебный матеріалъ, который ни въ какомъ уже отношеніи не можетъ успѣшно развивать и поддерживать въ дѣтяхъ любви къ школѣ и школьнымъ занятіямъ. Между тѣмъ, большій или меньшій интересъ къ изучаемому предмету, непринужденно естественное влеченіе къ нему, а также живая и непосредственная любовь къ самому учебному заведенію—это основная и единственная пока сила, которая можетъ обезпечивать и дѣйствительно обезпечиваетъ вѣрный и скорый успѣхъ всякому умственному труду, всякому школьно учебному дѣлу и начинанію.

Нельзя сказать того, чтобы и та польза, какой можно ожидать для учениковъ начальной народной школы отъ ознакомленія ихъ съ этимологіей и синтаксисомъ русскаго языка, могла быть для нихъ очень значительной. Усвоеніе формъ и особенностей каждаго даннаго языка и всей такъ называемой грамматической его „номенклатуры“ скорѣе вліяетъ на развитіе и укрѣпленіе памяти дѣтей, чѣмъ на твердое и совершенно правильное въ логическомъ смыслѣ образованіе ихъ разсудка, и никогда не даетъ притомъ дѣтямъ такихъ свѣдѣній, какія могли бы имѣть для нихъ ту или другую практическую цѣнность и значеніе. Да и въ самомъ дѣлѣ, что новаго и существенно полезнаго для своей жизни они могли бы получить отъ пріобрѣтенія, напримѣръ, свѣдѣній о томъ, что человѣкъ—имя существительное, хорошій—прилагательное, занимается—глаголъ, своимъ—мѣстоименіе притяжательное, дѣломъ—творительный падежъ, успѣшно—нарѣчіе и т. п.? Пріобрѣтетъ ли для нихъ отъ этого грамматическаго анализа какой либо другой болѣе полный смыслъ и другое значеніе эта короткая и простая мысль, только что подвергнутая нами краткому этимологическому разсмотрѣнію? Конечно нѣтъ. Простое смысловое значеніе этихъ немногихъ словъ и послѣ грамматическаго ихъ разбора остается для дѣтей нисколько не измѣнившимся. Что же касается проявленій человѣческой мысли, выраженныхъ языкомъ болѣе сильнымъ, глубокимъ, художественно поэтическимъ, то прикосновеніе къ такимъ высокимъ образцамъ че-

ловѣческаго слова формальныхъ требованій спеціально этимологическаго или синтаксическаго анализа можетъ, по крайней мѣрѣ для дѣтей нашего школьнаго возраста, скорѣе ослабить и обезцвѣтить силу и яркость этихъ выраженій, чѣмъ помочь полнотѣ и ясности пониманія ихъ дѣтьми и возвышенію того общаго впечатлѣнія, какое должны производить на всѣхъ эти высокіе образцы слова. А все это, конечно, нужно уже считать скорѣе потерей для дѣтей, чѣмъ пріобрѣтеніемъ. Сила человѣческой мысли и человѣческаго слова состоитъ, конечно, не въ конструкціи ихъ грамматическаго построенія, и потому пониманію, поученію и усвоенію всѣхъ лучшихъ произведеній человѣческаго генія ничего, конечно, не даетъ и не можетъ давать ихъ внѣшній спеціально грамматическій анализъ. Все это происходитъ въ человѣческой душѣ по совершенно другимъ болѣе общимъ законамъ воспріятія и усвоенія мыслей и совершенно помимо того, что можетъ быть пріобрѣтено на этотъ предметъ отъ детальнаго разсмотрѣнія и изученія тѣхъ или другихъ мыслей со стороны ихъ этимологическаго или синтаксическаго построенія.

Изученіе грамматическихъ формъ и особенностей русской рѣчи едва ли можетъ въ положительномъ смыслѣ вліять и на развитіе и образованіе языка дѣтей, на усовершенствованіе ихъ устной и письменной рѣчи. Мы знаемъ уже, что всѣ эти пріобрѣтенія достигаются далеко не однимъ только грамматическимъ путемъ даже въ тѣхъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ на изученіе этимологіи и синтаксиса родного языка отдается, обыкновенно, слишкомъ много и дѣтскаго труда и дорогого учебнаго времени. Еще меньшее въ этомъ отношеніи вліяніе могутъ и должны оказывать на учащихся дѣтей тѣ немногія этимологическія и синтаксическія познанія, какія могутъ пріобрѣтать наши крестьянскіе мальчики и дѣвочки за непродолжительное время ихъ школьнаго обученія. Познанія эти слишкомъ еще элементарны сами по себѣ и для означенной цѣли очень недостаточны. Притомъ же въ каждомъ живомъ и продолжающемъ еще развиваться языкѣ живое употребленіе его въ устной рѣчи и письменномъ изложеніи, повидимому, очень мало еще и зависитъ отъ большаго или меньшаго усвоенія говорящими или пишущими лицами тѣхъ или другихъ этимологическихъ и синтаксическихъ требованій. Гораздо чаще, проще и естественнѣе все опредѣляется здѣсь общимъ смысломъ и пониманіемъ говорящаго или пишущаго лица, чѣмъ какою либо внѣшней спеціально грамматической провѣркой того, что и какъ слѣдовало бы въ данномъ случаѣ устно сказать или написать на бумагѣ.

Въ виду этого, если правильной выработкѣ разговорнаго и пись-

меннаго языка нашихъ школьныхъ дѣтей не помогутъ уже постоянное и живое пользованіе имъ на урокахъ объяснительнаго чтенія и тѣ болѣе правильные обороты и построенія рѣчи, въ какихъ, подъ руководствомъ своихъ учителей и учительницъ, дѣти должны всегда обращаться, то въ этомъ отношеніи едва ли уже можетъ оказаться достаточно полезнымъ для дѣтей и изученіе ими этимологическихъ и синтаксическихъ формъ языка, хотя бы это и могло быть выполнено ими съ весьма достаточной для ихъ возраста полнотой и законченностью. Этимологія не учитъ правильному расположенію въ предложеніи отдѣльныхъ словъ и правильному построенію рѣчи. Ничего не создаетъ въ этомъ отношеніи болѣе или менѣе самостоятельно и синтаксисъ каждаго даннаго языка. Онъ принимаетъ только за правило и какъ бы закрѣпляетъ то, что само собою вырабатывается и устанавливается въ живой рѣчи коллективнымъ трудомъ цѣлой націи, цѣлаго народа и особенно всѣхъ болѣе крупныхъ его единицъ, являющихся въ извѣстные періоды жизни каждой данной страны какъ бы съ особеннымъ призваніемъ собрать, объединить и дать болѣе опредѣленное и законченное развитіе тому, что создается мало по малу взаимными усиліями всего народа. Вотъ почему, вмѣстѣ съ ростомъ и развитіемъ самой націи продолжаютъ послѣдовательно развиваться, опредѣляться и все болѣе совершенствоваться и грамматическія формы и особенности каждаго даннаго языка. Онѣ останавливаются въ своемъ развитіи только тогда, когда перестаетъ жить, развиваться и послѣдовательно идти впередъ уже сама нація.

Но и съ тѣмъ слабымъ вліяніемъ, какое оказываетъ на образованіе языка дѣтей изученіе ими грамматическихъ формъ и особенностей русской рѣчи, еще можно было бы примириться. Гораздо болѣе неблагопріятнымъ въ этомъ отношеніи должно быть признано то, что, подчиняясь требованіямъ своихъ школьныхъ программъ и считая грамматическій отдѣлъ курса русскаго языка по преимуществу затруднительнымъ и для себя и для учащихся дѣтей, учителя и учительницы отдаютъ обыкновенно этому отдѣлу своего курса очень много учебнаго времени и невольно отвлекаютъ такимъ образомъ своихъ дѣтей отъ болѣе производительныхъ для нихъ занятій чтеніемъ, отъ всесторонняго разсмотрѣнія и изученія художественнаго построенія и предметнаго содержанія разсказовъ и статей, составляющихъ основной матеріалъ нашихъ учебныхъ книгъ и пособій. Такимъ образомъ, то главное и существенное, что могло бы обогащать дѣтей самыми разнообразными и самыми полезными для нихъ познаніями и очень благотворно вліять практически на образованіе и развитіе ихъ языка, самими учащими лицами отодви-

гается часто на второй планъ и замѣняется учебнымъ матеріаломъ чисто формальнаго содержанія, не представляющимъ большею частью для дѣтей никакого почти интереса и очень слабо вліяющимъ даже съ формальной стороны на ихъ общее умственное развитіе. Притомъ же по новости и отвлеченности матеріала, составляющаго содержаніе этимологіи и синтаксиса русскаго языка, и при крайней неясности и неудобопонятности для дѣтей принятой у насъ грамматической терминологіи, учащіеся мальчики и дѣвочки очень легко запутываются въ усвоеніи и опредѣленіи этихъ терминовъ, въ опредѣленіи частей рѣчи, склоненій, спряженій, составныхъ частей предложенія и это еще больше вредитъ успѣху нашихъ школьныхъ занятій и ослабляющимъ образомъ вліяетъ на всю систему нашего элементарно-школьнаго преподаванія, внося во взгляды и понятія учащихся дѣтей нѣкоторую неопредѣленность, неясность, сухость и полную иногда въ отношеніи къ изучаемому ими матеріалу запутанность.

Отвлеченіе вниманія дѣтей отъ наблюденія и изученія ими явленій природы и жизни къ усвоенію грамматическихъ формъ и особенностей русскаго языка еще неблагопріятнѣе можетъ отразиться на общей учебно-воспитательной настроенности нашихъ школьныхъ дѣтей, на ослабленіи въ нихъ живого интереса къ школѣ и школьнымъ занятіямъ; такъ какъ изученіе прилагательныхъ, мѣстоименій, глаголовъ, склоненій и спряженій, всегда притомъ слабо и неотчетливо ими понимаемыхъ, и разныя письменныя и устныя на этотъ предметъ упражненія ничего другого не даютъ дѣтямъ, кромѣ преждевременнаго утомленія, скуки и полной иногда во всемъ умственной неудовлетворительности. Бодрые и веселые на урокахъ объяснительнаго чтенія, на усвоеніи предметнаго содержанія прочитываемыхъ ими статей, или при прочтеніи и изученіи наизусть тѣхъ или другихъ художественно-поэтическихъ произведеній, они вдругъ и какъ то невольно мѣняютъ свое настроеніе при обращеніи къ изученію отдѣловъ русской грамматики, дѣлаются болѣе воспріимчивыми, живыми, всегда менѣе готовыми къ отвѣту и вообще начинаютъ чувствовать себя какъ бы въ совершенно другой средѣ, совершенно неродственной имъ, чуждой. Не трудно понять, какое общее отношеніе ко всему дѣлу школьнаго обученія можетъ и должно получиться у дѣтей отъ частаго переживанія ими на урокахъ русскаго языка такихъ противоположныхъ чувствъ и настроеній. Крестьянскіе мальчики и дѣвочки, какъ это теперь уже всѣмъ извѣстно, очень любили свою маленькую начальную народную школу и необыкновенно скоро привязывались къ ней именно потому, что она, вмѣстѣ съ полной къ дѣтямъ любовью и самымъ нѣжнымъ къ

нимъ участіемъ, неизмѣнно предлагала имъ для изученія всегда живой, разнообразный и въ предметномъ отношеніи весьма содержательный матеріалъ, заимствованный при томъ большею частью изъ круга ихъ собственныхъ дѣтскихъ наблюденій. Теперь этотъ учебный матеріалъ, на изученіи и усвоеніи котораго воспитывались всѣ лучшія чувства и настроенія нашихъ школьныхъ дѣтей, уже значительно видоизмѣнился. Не можетъ ли неблагопріятно измѣниться вмѣстѣ съ этимъ и общее отношеніе учащихся дѣтей къ тѣмъ маленькимъ и не всегда хорошо устроеннымъ съ внѣшней стороны, но неизмѣнно близкимъ и дорогимъ еще для дѣтей учебнымъ заведеніямъ, въ которыхъ протекали до послѣдняго времени самые лучшіе и свѣтлые часы ихъ дѣтской жизни?

Такого свѣтлаго и живого отношенія учащихся дѣтей къ школѣ, къ школьнымъ учителямъ и школьнымъ занятіямъ давно уже не наблюдается, какъ мы знаемъ, въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ предлагается дѣтямъ для изученія очень много матеріала исключительно формальнаго содержанія, гдѣ слишкомъ много склоняютъ, спрягаютъ, опредѣляютъ части рѣчи и гдѣ вообще проводятъ едва ли не цѣлую половину учебнаго времени въ разныхъ спеціально грамматическихъ разборахъ и упражненіяхъ. Что будетъ, если новый чисто формальный учебный матеріалъ, введенный съ 1897 года въ програму и нашихъ начальныхъ народныхъ училищъ, начнетъ развивать и въ нашихъ маленькихъ школьныхъ ученикахъ такія же холодныя и сухія въ отношеніи къ своимъ училищамъ чувства нравственной неудовлетворительности? Тогда дѣло начальнаго народнаго образованія, еще столь не окрѣпшее и молодое, можетъ встрѣтиться на пути къ своему дальнѣйшему развитію съ такими затрудненіями и препятствіями, съ которыми ему придется, можетъ быть, потомъ уже очень долго и очень упорно бороться. И это тревожное опасеніе легко можетъ раздѣлить тотъ, кто хорошо знаетъ нашу народную жизнь и нашу маленькую начальную народную школу. Чтобы крестьянскій мальчикъ могъ охотно проходить курсъ своего школьнаго обученія и привыкъ дорожить каждой учебной минутой, для этого ему нужно очень хорошо понимать и цѣнить то, что даетъ ему его школа глубоко интересоваться всѣми предметами школьнаго преподаванія и относиться ко всему съ самой теплой и живой любовью. Но могутъ ли воспитываться въ дѣтяхъ такія живыя чувства и настроенія на бездушно сухомъ и формально холодномъ матеріалѣ тѣхъ спеціально грамматическихъ упражненій, къ какимъ начинаютъ призываться въ послѣднее время на урокахъ русскаго языка ученики даже и нашихъ начальныхъ народныхъ училищъ.

———————

Если-же и въ самомъ дѣлѣ изученіе и усвоеніе спеціально грамматическаго матеріала не можетъ влiять на нашихъ школьныхъ дѣтей въ исключительно благопріятномъ для нихъ смыслѣ, то что же въ такомъ случаѣ должны дѣлать для своихъ учениковъ наши начальныя народныя училища, чтобы навсегда удержать ихъ доброе къ себѣ расположеніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дать имъ по предмету русскаго языка для всей послѣдующей ихъ жизни и дѣятельности именно то, въ чемъ онѣ могутъ и должны прежде и больше всего нуждаться?

Самое главное и существенное, что въ этомъ отношеніи необходимо было-бы поставить нашимъ школамъ на первую очередь къ достиженію, —это возможно правильная и вполнѣ цѣлесообразная постановка въ нихъ уроковъ чтенія вообще и въ частности уроковъ объяснительнаго чтенія. Этому предмету обученія необходимо отдавать въ нашихъ начальныхъ народныхъ училищахъ столько вниманія, заботливости и столько усиленнаго школьнаго труда, чтобы уже къ концу перваго года обученія учащіеся въ школахъ мальчики и дѣвочки могли совершенно свободно и непринужденно читать по каждой доступной ихъ возрасту и пониманію книгѣ и притомъ съ такимъ яснымъ и отчетливымъ произношеніемъ, при которомъ легко могло бы раскрываться и дѣлаться удобопонятнымъ для дѣтей и самое содержаніе прочитываемыхъ ими статей и разсказовъ. На второмъ году обученія чтеніе учащихся должно становиться еще болѣе твердымъ, спокойнымъ, до извѣстной степени бѣглымъ и по внутренней своей выразительности способнымъ уже отражать на себѣ тѣ разнообразныя чувства и настроенія, какія испытываются обыкновенно дѣтьми при чтеніи разсказовъ и статей, хорошо приноровленныхъ къ ихъ возрасту и пониманію и достаточно близкихъ имъ по своему предмету. Далѣе, школа должна употребить всѣ усилія къ тому, чтобы въ третій годъ обученія дѣтей чтеніе ихъ, постепенно развиваясь и совершенствуясь, могло приближаться уже по своей внѣшней отчетливости, правильности и ясности произношенія къ чтенію взрослыхъ образованныхъ людей и могло-бы отражать на себѣ тѣ-же почти оттѣнки чувства и настроенія, какія обнаруживаются обыкновенно и взрослыми хорошо образованными людьми при чтеніи выдающихся литературныхъ произведеній. Вообще, чтеніе учениковъ должно быть доведено на третьемъ году обученія, и особенно ко времени окончанія ими курса, до полнаго съ технической стороны непринужденія, чтобы для каждаго ученика начальной народной школы какъ за школьной еще скамьей, такъ и въ продолженіе всей послѣдующей его жизни и дѣятельности, обращеніе съ книгой могло

сдѣлаться самымъ лучшимъ и самымъ пріятнымъ отдыхомъ послѣ трудовъ и самымъ высокимъ нравственнымъ наслажденіемъ.

Вмѣстѣ съ развитіемъ въ дѣтяхъ хорошей техники чтенія должна настойчиво преслѣдоваться и достигаться на пути школьнаго обученія дѣтей и вторая столь-же существенная цѣль—это доведеніе дѣтей до возможно широкаго, свободнаго и совершенно непринужденнаго пониманія прочитываемыхъ ими въ школѣ или дома дѣтскихъ разсказовъ, небольшихъ статей и всѣхъ вообще болѣе или менѣе значительныхъ и совершенно законченныхъ уже отдѣльныхъ произведеній. Къ возможно полному и широкому достиженію этой цѣли необходимо стремиться съ первыхъ же дней обученія дѣтей въ начальныхъ народныхъ училищахъ, чтобы даже самыя элементарныя и простыя упражненія въ чтеніи отдѣльныхъ словъ и небольшихъ краткихъ предложеній не могли заключать въ себѣ ничего исключительно механическаго и всегда сопровождались бы яснымъ и отчетливымъ пониманіемъ дѣтьми того, о чемъ они читаютъ. Затѣмъ, отъ элементарно-смыслового пониманія дѣтьми прочитываемыхъ ими отдѣльныхъ словъ и краткихъ предложеній они должны послѣдовательно и твердо переходить къ столь-же отчетливому и ясному пониманію болѣе сложной и болѣе разнообразной по строенію періодической рѣчи, а также и къ умѣнью свободно и легко разбираться какъ въ нахожденіи и опредѣленіи составныхъ частей каждаго даннаго произведенія, такъ и въ общемъ планѣ и порядкѣ ихъ логическаго расположенія. Вообще ясность и точность пониманія прочитаннаго должны послѣдовательно развиваться въ учащихся въ естественной и самой живой зависимости отъ постепеннаго расширенія и самаго матеріала, прочитываемаго и изучаемаго дѣтьми на послѣдующихъ ступеняхъ ихъ школьнаго обученія. На этомъ же живомъ и разнообразномъ матеріалѣ должна послѣдовательно воспитываться и самая дѣтская мысль и притомъ въ томъ самомъ направленіи и въ томъ именно порядкѣ, въ какомъ развиваются и излагаются тѣ или другія мысли и въ изучаемыхъ дѣтьми произведеніяхъ. Хорошіе образцы слова и мысли дѣйствуютъ на дѣтей также сильно и могущественно, какъ и добрые нравственные примѣры въ окружающей ихъ практической жизни и дѣятельности, и этимъ школа можетъ и должна, конечно, очень широко пользоваться. На лучшихъ образцахъ спеціально дѣтской и общей письменности она должна обогащать бѣдный языкъ дѣтей новыми словами и оборотами, развивать и укрѣплять ихъ мысль и дѣлать ее достаточно гибкой и воспріимчивой для того, чтобы ничто прочитанное и изученное въ классѣ на урокахъ русскаго чтенія не могло остаться недостаточно понятымъ дѣтьми и недостаточно для нихъ уясненнымъ.

Далѣе, вмѣстѣ съ развитіемъ въ школьныхъ дѣтяхъ полнаго пониманія прочитываемаго ими въ спеціально смысловомъ отношеніи, и вмѣстѣ съ пріученіемъ дѣтей легко разбираться въ опредѣленіи составныхъ частей каждаго даннаго произведенія, а также и въ порядкѣ и послѣдовательности логическаго построенія его мыслей, учителя и учительницы народныхъ школъ должны принимать всѣ мѣры къ тому, чтобы, за непродолжительное время своего школьнаго обученія, дѣти научились вѣрно понимать и глубоко чувствовать и всѣ тѣ внутреннія настроенія, какими проникнуты бываютъ, если и не всѣ вообще, то, по крайней мѣрѣ, очень многіе изъ прочитываемыхъ и изучаемыхъ ими статей и разсказовъ. Особенно необходимо призывать дѣтей къ переживанію такихъ настроеній при чтеніи произведеній болѣе серьезнаго, сильнаго, и въ частности болѣе поучительнаго содержанія, которыя богатствомъ и полнотой своего внутренняго настроенія, дѣйствительно, могутъ и должны производить на дѣтей очень опредѣленное и очень сильное впечатлѣніе. Эта сторона дѣла, такъ часто, къ сожалѣнію, упускаемая изъ виду на пути школьнаго обученія дѣтей, имѣетъ, несомнѣнно, очень важное для нихъ значеніе, такъ какъ и въ воспитательномъ и въ эстетически-художественномъ отношеніяхъ только то движетъ и направляетъ дѣтей въ ту или другую сторону, что проходитъ чрезъ ихъ внутреннее чувство и настроеніе, что въ большей или меньшей мѣрѣ волнуетъ ихъ и приводитъ въ извѣстное напряженіе всѣ ихъ душевныя силы и способности. Поэтому на урокахъ русскаго языка необходимо стремиться къ тому, чтобы въ сердцѣ и внутреннемъ настроеніи каждаго школьнаго ученика всегда находили самый полный, живой и самый чуткій отзвукъ всѣ чувства и настроенія, переживаемыя дѣйствующими въ разсказахъ лицами. Вообще, чтобы установить въ группахъ учащихся дѣтей правильный взглядъ на жизнь, на всѣ человѣческія отношенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, хорошо направить волю дѣтей, для этого нужно дать имъ самимъ пережить и перечувствовать на урокахъ чтенія все то, что можетъ быть ясно и отчетливо воспринято изъ разнороднаго содержанія прочитываемыхъ въ классѣ разсказовъ ихъ собственнымъ чувствомъ и воображеніемъ. Научить же дѣтей понимать и переживать всѣ настроенія человѣческой мысли и души это значитъ осмыслить для нихъ въ извѣстной степени самую жизнь и ввести ихъ въ возможно правильное и разумное пользованіе ею. А это такая серьезная и существенно важная цѣль, къ достиженію которой нельзя не стремиться.

Очень большую и очень существенную важность для нашихъ школьныхъ дѣтей представляетъ также и вполнѣ обстоятельное изученіе и усвоеніе предметнаго содержанія прочитываемыхъ ими на

урокахъ русскаго языка статей и разсказовъ. Русская начальная народная школа воспитываетъ и подготовляетъ своихъ учениковъ не для какихъ либо другихъ учебныхъ заведеній, гдѣ они могли бы еще продолжать и заканчивать свое образованіе, а для вступленія въ самую жизнь, и потому нетрудно понять то, какъ много должна сдѣлать каждая школа, чтобы дать все необходимое своимъ ученикамъ на весь разнообразный и очень сложный путь ихъ послѣдующей жизни и дѣятельности. Такъ, на статьяхъ религіозно-нравственнаго содержанія и народно-бытовыхъ она должна дать своимъ ученикамъ совершенно ясно и отчетливо почувствовать то, что хорошо въ житейскихъ отношеніяхъ людей, что худо и къ чему нужно настойчиво и неуклонно стремиться всѣмъ для достиженія общаго блага и счастія. На объяснительномъ чтеніи очерковъ географическаго и историческаго содержанія школа должна съ надлежащей полнотой и обстоятельностью познакомить дѣтей съ живыми и разнообразными картипами родной природы, съ разнообразными типами населяющихъ ее племенъ, съ характерными особенностями ихъ занятій и промысловъ и со всѣми выдающимися эпизодами изъ исторической жизни нашей страны и нашего народа. Далѣе, чтеніе разсказовъ и статей по естествовѣдѣнію должно прежде всего развить въ дѣтяхъ живое пониманіе природы, любовь къ ней, живое чувство жалости ко всему слабому и беззащитному, а вмѣстѣ съ тѣмъ должно дать дѣтямъ и рядъ полезныхъ и необходимыхъ для нихъ свѣдѣній по предмету естествовѣдѣнія въ живомъ и непосредственномъ примѣненіи этихъ свѣдѣній главнымъ образомъ къ сельско-хозяйственной жизни крестьянъ и дѣятельности. Наконецъ, чтеніе статей по гигіенѣ и по другимъ отдѣламъ знанія, имѣющимъ ближайшее отношеніе къ практической жизни и дѣятельности крестьянъ, должно воспитать въ дѣтяхъ болѣе правильный взглядъ на значеніе для жизни и здоровья крестьянъ возможно большей во всемъ чистоты и опрятности, должно дать имъ навыкъ къ обязательному соблюденію въ жизни разныхъ гигіеническихъ требованій и, на ряду съ этимъ, провести въ среду дѣтей нѣсколько полезныхъ свѣдѣній и по лучшему вообще устройству ихъ общественной и семейной жизни. При этомъ всѣ указанныя выше свѣдѣнія, познанія и навыки должны быть даны дѣтямъ на урокахъ чтенія въ извѣстномъ порядкѣ и послѣдовательности и должны быть очень твердо упрочены и закрѣплены въ сознаніи и памяти дѣтей, чтобы составить для цѣлой жизни ихъ такое пріобрѣтеніе, какого никогда не теряютъ. Здѣсь нѣтъ, кажется, нужды подробно намѣчать то, что, какъ, когда именно и въ какомъ размѣрѣ должно быть усвоено дѣтьми за время ихъ школьнаго обученія. Нашимъ руководителямъ школъ и всѣмъ учащимъ лицамъ

необходимо лишь всегда имѣть въ виду то, что чѣмъ шире и полнѣе будетъ объемъ пріобрѣтаемыхъ ихъ дѣтьми знаній изъ области природы и жизни, чѣмъ сознательнѣе познанія эти будутъ восприняты дѣтьми и чѣмъ лучше и тверже будутъ ими усвоены, тѣмъ большее вліяніе произведетъ все это на измѣненіе и улучшеніе настоящихъ условій крестьянской жизни и тѣмъ это будетъ для всѣхъ лучше. Открытый для всего человѣчества міръ долженъ быть открытъ въ той или другой мѣрѣ и для нашихъ маленькихъ школьныхъ дѣтей, ищущихъ также свѣта и знанія. И наша начальная народная школа тогда только выполнитъ свое для народа назначеніе, когда приподниметъ для него хотя нѣкоторую часть отдѣляющей его теперь отъ этого міра завѣсы...

Основная же и, можетъ быть, самая главная цѣль, какая должна быть достигаема нашими учителями и учительницами на урокахъ русскаго языка вообще и въ частности объяснительнаго чтенія, это развитіе въ дѣтяхъ живой любви и постояннаго влеченія къ книгѣ и къ чтенію. Еще до изученія звуковъ и буквъ ученики начальной народной школы, на подготовительномъ чтеніи для нихъ легкихъ и занимательныхъ разсказовъ самими учителями и учительницами, должны обязательно и глубоко почувствовать всю прелесть того, что имъ могутъ давать потомъ книги и умѣнье ими пользоваться. Къ этой же основной цѣли увлеченія дѣтей книгой и чтеніемъ должны быть направляемы и всѣ вообще занятія учащихъ по предмету русскаго языка, хотя бы занятія эти относились къ самымъ первымъ еще ступенямъ школьнаго обученія дѣтей, къ прочтенію ими отдѣльныхъ словъ и самыхъ краткихъ предложеній. Живое слово и дѣятельное участіе учителей въ занятіяхъ должны даже и на этихъ первыхъ опытахъ чтенія вліять на дѣтей въ указанномъ отношеніи вполнѣ благопріятно и это тѣмъ болѣе, что элементарныя упражненія въ чтеніи, если и не вводятъ еще дѣтей въ кругъ новыхъ понятій, представленій и идей, то, во всякомъ случаѣ, раскрываютъ и просвѣтляютъ ихъ сознаніе въ отношеніи къ тому, что ихъ всегда окружаетъ. А это не можетъ уже не производить на дѣтей очень сильнаго и очень благопріятнаго впечатлѣнія. На послѣдующихъ же ступеняхъ обученія интересъ дѣтей къ чтенію и книгѣ долженъ уже самъ собою развиваться и возростать, такъ какъ съ каждой новой страницей прочитываемыхъ въ классѣ учебниковъ для крестьянскихъ дѣтей, вообще очень мало еще развитыхъ и ничего почти въ жизни не видавшихъ, начинаютъ послѣдовательно раскрываться все новыя и новыя страницы изъ книги самой природы и жизни, полныя необыкновеннаго разнообразія и самаго живого для дѣтей интереса. А все это не можетъ, конечно, не воспитывать живой любви и самаго

неудержимаго влеченія и къ тому, что выводитъ дѣтей изъ прежней ихъ замкнутости и темноты на широкій и безграничный просторъ умственнаго свѣта и знанія. Нужно только наблюдать за тѣмъ, чтобы и самая постановка класснаго чтенія, т. е. его правильность, отчетливость, выразительность, ясность и даже возможная для начальныхъ школъ художественность произношенія всегда дѣлали этотъ предметъ попреимуществу занимательнымъ для дѣтей, легкимъ и безконечно пріятнымъ для нихъ во всѣхъ отношеніяхъ и во всѣхъ безъ исключенія школьныхъ группахъ. Чтобы чтеніе могло сдѣлаться орудіемъ для дальнѣйшаго образованія и развитія нашихъ школьныхъ дѣтей во всей послѣдующей ихъ жизни и дѣятельности,—для этого оно должно охватить ихъ живымъ интересомъ еще на школьной скамьѣ и сдѣлаться въ это время единственнымъ или, по крайней мѣрѣ, самымъ полнымъ для нихъ наслажденіемъ. Если же эта существенная цѣль не будетъ достигнута нашими учителями и учительницами на урокахъ русскаго языка, тогда все зданіе начальной народной школы можетъ оказаться очень непрочно основаннымъ, и школа не принесетъ уже нашему народу такихъ плодовъ, какихъ всѣ въ правѣ были бы ожидать отъ истинныхъ успѣховъ въ родной странѣ дѣла начальнаго народнаго образованія.

Вотъ то немногое, хотя и существенно для всѣхъ важное, что должно быть подготовлено и выполнено для жизни нашими начальными народными училищами. Чтобы эти основныя задачи и цѣли не остались въ области однѣхъ только отвлеченныхъ пожеланій, но могли быть и практически достигнуты на пути школьнаго обученія дѣтей во всей ихъ полнотѣ и законченности и безъ особыхъ притомъ для кого-либо затрудненій, для этого прежде всего необходимо было-бы обратить особенное вниманіе на то, чтобы съ первыхъ же шаговъ обученія дѣтей чтенію до самыхъ послѣднихъ ступеней въ изученіи ими этого предмета учителя и учительницы обращали какъ можно больше вниманія на качество произношенія дѣтьми на урокахъ русскаго языка отдѣльныхъ звуковъ, слоговъ, словъ и цѣлыхъ предложеній, какъ на главное и, можетъ быть, единственное средство къ достиженію въ цѣлыхъ группахъ дѣтей такого произношенія словъ и такого яснаго и отчетливаго чтенія, при которомъ-бы все произносимое и прочитываемое дѣтьми и въ школѣ, и дома невольно доходило до слуха всѣхъ присутствующихъ, становилось-бы для всѣхъ яснымъ и удобопонятнымъ, самымъ благотворнымъ образомъ вліяло бы на возбужденіе и укрѣпленіе вниманія дѣтей къ изученію и усвоенію содержанія прочитываемаго и естественно предупреждало-бы, такимъ образомъ, всѣ столько возможныя и всегда столько естественныя уклоненія дѣтей отъ предмета ихъ уроковъ

къ разсѣянности, шалостямъ, общей умственной бездѣятельности и нѣкоторымъ другимъ недостаткамъ, такъ естественно и такъ легко развивающимся въ группахъ учащихся дѣтей при слишкомъ тихихъ, вялыхъ и вообще недостаточно отчетливыхъ и хорошихъ классныхъ занятіяхъ. Къ сожалѣнію, отчетливости, ясности и выпуклой рельефности произношенія въ нашихъ народныхъ училищахъ не придается большею частью того значенія, какое можетъ и должно принадлежать этой, несомнѣнно, очень существенной сторонѣ дѣла въ курсѣ нашего начальнаго народнаго обученія. Многіе учителя и учительницы какъ будто совсѣмъ забываютъ о томъ, что отъ возможно правильной и умѣлой постановки голоса дѣтей для чтенія и для всей вообще устной ихъ рѣчи, а также и отъ большаго или меньшаго навыка дѣтей въ возможно правильномъ, отчетливомъ и какъ-бы отшлифованномъ произношеніи зависитъ, если и не полный успѣхъ всего дѣла ихъ школьныхъ съ дѣтьми занятій, то, по крайней мѣрѣ, цѣлая половина этого дѣла, такъ какъ только при отчетливомъ и ясномъ говорѣ дѣтей и при столь-же ясномъ и отчетливомъ ихъ чтеніи поднимается обыкновенно умственная настроенность цѣлыхъ школьныхъ группъ и въ дѣтяхъ необыкновенно быстро развивается самая полная къ предмету ихъ занятій умственная энергія и бодрость. При условіяхъ же совершенно противоположныхъ тѣмъ, какими вызываются эти настроенія, все обыкновенно очень скоро понижается, ослабѣваетъ и общее настроеніе учащихся въ школѣ дѣтей становится уже большею частью очень вялымъ и недѣятельнымъ.

Столь-же надежнымъ и еще болѣе практически цѣлесообразнымъ средствомъ къ достиженію въ чтеніи и говорѣ дѣтей возможно полной отчетливости, ясности и выразительности, и къ послѣдующему развитію въ дѣтяхъ этимъ путемъ живой любви къ книгѣ и чтенію могутъ и должны служить живые образцы такого чтенія и произношенія въ разговорной рѣчи и въ чтеніи самихъ учителей и учительницъ. И чѣмъ лучше и совершеннѣе будутъ говорить и читать на своихъ урокахъ сами учителя и учительницы, тѣмъ легче и полнѣе будетъ передано ими это искусство и учащимся у нихъ мальчикамъ и дѣвочкамъ. Съ нѣсколькими лучшими примѣрами яснаго и отчетливаго учительскаго чтенія, вполнѣ приближающагося къ живой разговорной рѣчи, должны быть ознакомлены вновь поступающія дѣти еще до изученія ими звуковъ и буквъ, чтобы съ первыхъ уже дней своего обученія они могли вполнѣ ощутить и перечувствовать то, что имъ дастъ современемъ чтеніе, которому они намѣреваются теперь здѣсь научиться. Затѣмъ это учительское для дѣтей чтеніе, всегда хорошо и обдуманно подбираемое учителями и учительницами, должно обязательно входить въ обычную норму ихъ

занятій съ дѣтьми и должно производиться притомъ всегда съ очень внимательной и заботливой со стороны учителей и учительницъ домашней подготовкой. Чтобы полюбить книгу и чтеніе, ученики должны, конечно, и сами научиться читать, но прежде всего они должны наслушаться такого чтенія, которое своею ясностью, выразительностью и высокимъ чувствомъ общаго настроенія могло-бы неудержимо привлекать ихъ къ себѣ и овладѣвать всѣмъ ихъ вниманіемъ. Притомъ-же на урокахъ образцоваго учительскаго чтенія, которое должно предлагаться дѣтямъ на всѣхъ ступеняхъ ихъ школьнаго обученія, помимо живыхъ примѣровъ яснаго, отчетливаго и выразительнаго произношенія, учителя могутъ предлагать дѣтямъ и прекрасный по содержанію или литературному изложенію матеріалъ, что можетъ, разумѣется, еще болѣе усиливать впечатлѣніе, получаемое дѣтьми на такихъ урокахъ, а слѣдовательно, всего успѣшнѣе можетъ располагать ихъ и къ возможно частому и продолжительному пользованію книгой и чтеніемъ. Съ достиженіемъ же этой прекрасной цѣли можетъ считаться уже вполнѣ обезпеченнымъ и все послѣдующее вліяніе школы на нашу крестьянскую жизнь, пока еще очень неустроенную, и на всѣ послѣдующія судьбы нашего народа.

Очень хорошимъ средствомъ для развитія въ школьныхъ дѣтяхъ живой любви къ книгѣ и чтенію могутъ служить также и особые уроки выразительнаго чтенія, производимаго уже самими дѣтьми на предварительно прочитанномъ ими и хорошо изученномъ матеріалѣ. На этихъ урокахъ выразительнаго чтенія будетъ, конечно, лучше усваиваться и закрѣпляться въ памяти дѣтей разъ уже изученный ими матеріалъ, будетъ обогащаться мало по-малу ихъ слогъ и языкъ новыми словами и оборотами рѣчи, будетъ все болѣе и болѣе сродняться ихъ мысль съ общими и основными законами логическаго построенія мыслей вообще и, наконецъ, что особенно важно, будетъ и весь подлежащій прочтенію матеріалъ охватываться ими теперь не въ частностяхъ уже только и деталяхъ, что достигается обыкновенно на урокахъ объяснительнаго чтенія, а съ болѣе общихъ, основныхъ и болѣе существенныхъ его сторонъ, вызывая тѣмъ и въ самихъ уже дѣтяхъ болѣе широкія и болѣе углубленныя во все чувства и настроенности. А такія широкія возбужденія мыслей и чувствъ не могутъ, конечно, не заинтересовать дѣтей и не увлекать ихъ къ книгѣ и чтенію. Столько же благопріятное вліяніе должно оказывать на дѣтей и самое искусство выразительнаго чтенія. Постепенно приближаясь къ живой разговорной рѣчи и все болѣе и болѣе совершенствуясь со стороны внутренней выразительности и глубины, оно должно приковывать къ себѣ вниманіе учащихся даже чисто внѣшней своей стороной, тѣми оттѣнками

чувствъ и настроенiй, какiе слышатся обыкновенно въ интонацiи голоса и произношенiи хорошихъ чтецовъ и какiе всегда почти производятъ очень сильное впечатлѣнiе и на всѣхъ присутствующихъ. Особенно много прекраснаго для обнаруженiя такихъ настроенiй матерiала могутъ давать лучшiя произведенiя нашей отечественной поэзiи, гдѣ картины живой сельской природы, переплетаясь со столь-же живыми картинами изъ жизни крестьянскихъ дѣтей, даютъ такой мягкiй колоритъ и всей жизни народной. Поэтому отчетливое, выразительное и вполнѣ прочувствованное произношенiе дѣтьми такихъ произведенiй на урокахъ выразительнаго чтенiя, воспитывая и развивая въ дѣтяхъ самыя чистыя и нѣжныя отношенiя ко всему, что ихъ окружаетъ, можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, воспитать въ нихъ такое же сердечно-теплое отношенiе и къ тому, что даетъ имъ возможность испытывать и переживать такiя чувства и настроенiя,—это къ книгѣ и чтенiю. Да иначе и быть не можетъ. Разъ только на урокахъ правильно поставленнаго выразительнаго чтенiя дѣти глубоко почувствуютъ то, что черезъ слово и чтенiе можетъ быть открытъ имъ цѣлый мiръ, они невольно уже и неудержимо повлекутся и къ самымъ источникамъ этого свѣта и знанiя, какими, при настоящемъ обилiи и распространенности книгъ, всѣмъ такъ легко теперь и такъ удобно пользоваться.

Для болѣе успѣшнаго образованiя въ дѣтяхъ навыка къ чтенiю книгъ необходимо также обратить особенное вниманiе и на то, чтобы значительную часть своего свободнаго, послѣ классныхъ занятiй, времени учащiеся мальчики и дѣвочки проводили у себя на дому или въ ученическихъ общежитiяхъ главнымъ образомъ за чтенiемъ, находя въ этомъ для себя и прiятный отдыхъ послѣ классныхъ трудовъ и столько-же прiятное во всѣхъ отношенiяхъ удовольствiе. Матерiаломъ для такого чтенiя могутъ служить прежде всего тѣ же самые разсказы и статьи, какiе прочитываются обыкновенно дѣтьми на классныхъ урокахъ, и содержанiе которыхъ, а также и всѣ особенности ихъ внѣшняго изложенiя, не могутъ быть, конечно, въ одинъ разъ изучены и усвоены дѣтьми во всей своей полнотѣ и законченности. Затѣмъ, очень хорошiй матерiалъ для такого чтенiя можетъ представлять и вся та спецiально дѣтская литература, какая предназначается обыкновенно для нашихъ ученическихъ библiотекъ и вообще для дѣтскаго чтенiя. Изъ этого весьма богатаго источника должно выбираться для дѣтей все болѣе важное, существенное, занимательное и затѣмъ должно самымъ заботливымъ образомъ распредѣляться между дѣтьми примѣнительно къ ихъ возрасту, развитiю, частью къ ихъ полу и ко всѣмъ вообще особенностямъ ихъ душевнаго склада и настроенiя. Въ выборѣ такихъ книгъ для чтенiя

и въ распредѣленіи ихъ между учащимися дѣтьми особенное значеніе нужно придавать, конечно, сколько серьезности ихъ внутренняго содержанія, столько же и ихъ занимательности, такъ какъ только интересныя по содержанію книги или статьи могутъ вполнѣ овладѣвать вниманіемъ дѣтей и привязывать ихъ къ чтенію. Въ виду этого и самый составъ ученическихъ библіотекъ, въ примѣненіи къ возрасту и развитію нашихъ школьныхъ дѣтей, необходимо пополнять почти исключительно такими книгами, содержаніе которыхъ, расширяя общій умственный кругозоръ дѣтей и обогащая ихъ тѣми или другими свѣдѣніями изъ области природы и жизни, могло бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, всегда живо интересовать дѣтей, увлекать ихъ, давать новое направленіе ихъ сердцу и уму и все болѣе и болѣе привязывать ихъ къ тѣмъ умственнымъ наслажденіямъ, какія могутъ испытываться всѣми только за книгой и чтеніемъ. Вообще необходимо заботиться о томъ, чтобы каждая школьная библіотека, какъ бы она ни была мала, удовлетворяла всѣмъ, по возможности, школьнымъ возрастамъ, всѣмъ ступенямъ развитія дѣтей, всѣмъ правильно поставленнымъ и широко развитымъ въ дѣтяхъ требованіямъ на хорошую и интересную книгу.

Но какъ бы ни была развита и упрочена любовь дѣтей къ книгѣ и чтенію за время ихъ школьнаго обученія, учителя и учительницы народныхъ училищъ исполнятъ только свой долгъ, если будутъ развивать и дѣятельно поддерживать въ дѣтяхъ эту любовь даже и тогда, когда они выйдутъ уже изъ подъ непосредственнаго вліянія на нихъ школы и вступятъ, по окончаніи курса своего обученія, въ практическую жизнь и дѣятельность. Особенно важны въ этомъ отношеніи и для учащихъ и для самихъ учащихся первые годы послѣшкольной жизни дѣтей, когда они, не окрѣпнувъ еще надлежащимъ образомъ ни физически, ни умственно, очень легко могутъ поддаваться самымъ противоположнымъ и самымъ вреднымъ на нихъ вліяніямъ. Не должна прерывать школа живыхъ со своими бывшими учениками сношеній и въ дальнѣйшіе годы ихъ практической жизни и дѣятельности, хотя бы къ данному времени они успѣли уже перейти въ болѣе или менѣе зрѣлый возрастъ и могли бы располагать собой уже вполнѣ самостоятельно. Вообще для бывшихъ учениковъ и ученицъ начальныхъ народныхъ училищъ школьныя двери должны быть всегда открыты. Здѣсь во всякое, по возможности, время они должны находить для себя и самый добрый во всемъ совѣтъ и самыя заботливыя на всѣ случаи ихъ жизни и дѣятельности указанія. Особенно же доступными для нихъ во всякое время и по всѣмъ безъ исключенія отдѣламъ должны оставаться ихъ прежнія школьныя библіотеки, чтобы путемъ разумнаго и всегда свободнаго поль-

зованія книгами этихъ библіотекъ наши бывшіе школьные ученики и ученицы могли постепенно развивать и совершенствовать всѣ свои умственныя и нравственныя силы, насколько это можетъ быть достижимо теперь, при настоящемъ экономическомъ и бытовомъ положеніи нашего народа. Книги изъ этихъ библіотекъ школы должны выдавать своимъ бывшимъ ученикамъ всегда въ такой послѣдовательности и въ такомъ правильномъ подборѣ, чтобы интересъ къ чтенію ни въ какомъ случаѣ не могъ у нихъ ослабѣвать, но, напротивъ, постепенно развивался. Достиженію этой прекрасной цѣли учителя и учительницы могутъ помогать время отъ времени и своей краткой бесѣдой съ бывшими учениками о содержаніи прочитанныхъ ими книгъ, а также и своими всегда необширными указаніями на то, что слѣдовало бы считать въ прочитанныхъ ими книгахъ самымъ главнымъ и существеннымъ, что болѣе или менѣе второстепеннымъ, и надъ чѣмъ слѣдовало бы имъ, можетъ быть, по преимуществу остановиться и сосредоточиться. Если крестьянинъ напередъ будетъ знать о томъ, что его чтеніемъ интересуются, то онъ и самъ можетъ отнестись къ нему съ гораздо большимъ вниманіемъ и значительно большимъ интересомъ. Но, конечно, всего легче и успѣшнѣе долженъ поддерживаться среди крестьянъ интересъ къ чтенію и книгѣ внутреннимъ содержаніемъ предлагаемыхъ ему для прочтенія книгъ, и потому школы должны принимать всѣ мѣры къ тому, чтобы отдѣлъ книгъ для чтенія пополнялся и обновлялся у нихъ какъ можно чаще, и чтобы въ составѣ ихъ всегда преобладали такія изданія, которыя, расширяя, просвѣтляя и постепенно смягчая всѣ взгляды и понятія крестьянъ, могли бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно ясно и наглядно раскрыть народу то, что онъ представляетъ собой въ настоящее время и чѣмъ онъ могъ бы быть при болѣе разумномъ и цѣлесообразномъ пользованіи тѣми силами и дарованіями ума, какими онъ обладаетъ. Такое просвѣтлѣніе народнаго сознанія и такія тѣсныя сближенія и параллели могутъ пробудить въ народѣ стремленіе къ лучшему и болѣе совершенному будущему, а это и послужитъ уже началомъ движенія къ той прекрасной цѣли, къ какой, какъ къ возвышенно свѣтлому идеалу, слѣдовало бы неудержимо стремиться всѣмъ просвѣтительнымъ учрежденіямъ, созданнымъ въ интересахъ народа и его образованія.

Намъ остается, наконецъ, сказать нѣсколько словъ и о томъ, что школа могла бы считать себя еще болѣе выполнившей свое назначеніе, если бы учредители и содержатели училищъ предоставили ей полную возможность безвозмездно надѣлять каждаго оканчивающаго курсъ ученика цѣлымъ запасомъ практически полезныхъ для него и нравственно-назидательныхъ книгъ въ его полную и

неотъемлемую собственность [1]). Эта прекрасная мѣра, служа большимъ поощреніемъ для дѣтей, оканчивающихъ курсъ ученія, могла бы оказаться въ то же время очень полезной для укрѣпленія и расширенія успѣховъ и всего дѣла нашего народнаго образованія. Такимъ легкимъ и для всѣхъ, конечно, необыкновенно пріятнымъ путемъ книга могла бы свободно пройти въ самые темные и уединенные уголки крестьянскаго населенія, въ глушь деревенскихъ полей и лѣсовъ, могла бы быть у всѣхъ предъ глазами и многихъ, несомнѣнно, могла бы неудержимо привлекать къ себѣ интересомъ своего содержанія. Кому неизвѣстно то, что при настоящихъ экономическихъ и бытовыхъ условіяхъ крестьянской жизни и при недостаточной еще пока упроченности въ школьныхъ дѣтяхъ навыковъ къ книгѣ и чтенію, вліяніе школы на жизнь чувствуется еще очень слабо. Наши глухія деревни и села, а тѣмъ болѣе весьма многіе отдѣльные крестьянскіе дома и теперь еще считаютъ возможнымъ обходиться безъ книгъ и безъ чтенія. Пріобрѣтая иногда на городскихъ или ближайшихъ сельскихъ базарахъ цѣлыя серіи лубочныхъ картинъ для украшенія своей избы, крестьянинъ значительно уже рѣже покупаетъ для себя и для всѣхъ грамотныхъ членовъ своей семьи книги для чтенія и притомъ всегда почти по крайне низкой цѣнѣ и большею частью съ очень убогимъ внутреннимъ содержаніемъ. Народныхъ общественныхъ библіотекъ среди болѣе разбросанныхъ и уединенныхъ пунктовъ крестьянскаго населенія также еще весьма мало и пользованіе этими библіотеками сопряжено бываетъ иногда для крестьянъ съ очень многими неудобствами, такъ какъ только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ книги выдаются крестьянамъ изъ такихъ библіотекъ совершенно безпрепятственно, во всякое удобное для нихъ время. И вотъ, при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ зерно книжнаго обученія, едва лишь успѣвшее пустить въ школѣ свои первые ростки и требующее еще очень большого за собой ухода и попеченія, не находитъ уже въ практической жизни крестьянъ достаточно благопріятной почвы для своего дальнѣйшаго развитія и иногда совершенно уже пропадаетъ, ничѣмъ болѣе не отражая себя ни въ частной жизни отдѣльныхъ лицъ, ни въ измѣненіи и улучшеніи экономическаго и бытового положенія цѣлыхъ крестьянскихъ обществъ. Въ виду этого, на обя-

[1]) Первый опытъ такого распространенія книгъ среди мѣстнаго населенія произведенъ былъ по училищамъ Вятской губерніи, но, къ сожалѣнію, не былъ строго выдержанъ по школамъ всей губерніи. Съ 1895 по 1900 годъ количество книгъ, поступавшихъ въ безплатную раздачу ученикамъ, оканчивающимъ курсъ ученія, было вообще очень значительно, но затѣмъ оно начало, повидимому, постепенно уменьшаться. Полезность этой мѣры, очевидно, и здѣсь еще не вполнѣ и далеко не всѣми сознана.

занности всѣхъ учрежденій и лицъ, стоящихъ близко къ народу и его образованію, лежитъ, несомнѣнно, чрезвычайно отвѣтственный нравственный долгъ обезпечить и упрочить то вліяніе, какое могутъ приносить крестьянскому населенію хорошая книга и совершенно правильное и разумное пользованіе ею. И на достиженіе этой прекрасной цѣли не нужно жалѣть матеріальныхъ средствъ, хотя бы и очень значительныхъ. Книга должна выйти, наконецъ, изъ прежняго довольно замкнутаго круга своихъ болѣе развитыхъ и болѣе обезпеченныхъ матеріально читателей на широкій просторъ деревни и всего крестьянскаго населенія, должна найти здѣсь для себя новый курсъ читателей въ каждомъ крестьянскомъ обществѣ, въ каждой отдѣльной семьѣ и должна сдѣлаться, наконецъ, для простого народа столь-же существенной и необходимой, какъ окружающіе его свѣтъ, тепло, воздухъ... Иначе школа попрежнему будетъ выполнять свое дѣло не для цѣлой жизни крестьянъ, не для всего народа русскаго въ его общей совокупности, а только для однихъ крестьянскихъ дѣтей, для трехъ-четырехъ лѣтъ ихъ школьно-учебной жизни. И это, конечно, будетъ приносить населенію неисчислимый вредъ, такъ какъ, при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, духовныя силы и способности нашего народа, дремавшія столько вѣковъ подъ гнетомъ большой экономической нужды и полнаго во всемъ личнаго безправія, не могутъ уже и на зарѣ наступающей новой жизни скоро и легко пробудиться...

А. Красевъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Обзоръ дѣятельности земствъ по народному образованію въ 1904 году.

(Продолженіе).

Относительно *Петербургской* губерніи у насъ имѣются данныя лишь по Петергофскому уѣзду. Именно здѣсь происходило собраніе учителей земскихъ школъ Петергофскаго уѣзда подъ предсѣдательствомъ инспектора народныхъ училищъ Павлова.

На собраніе съѣхалось около 90 учащихъ. Особенное вниманіе обратилъ на себя рефератъ учительницы, трактовавшій объ образовательныхъ потребностяхъ учащихъ и ихъ удовлетвореніи. Судя по реферату, духовные запросы учащихъ удовлетворяются очень плохо. Такъ, Петербургское Общество вспомоществованія учащимъ ничего въ этомъ отношеніи не дѣлаетъ. Существующая при Петергофской уѣздной управѣ учительская библіотека, вслѣдствіе своей архаической организаціи, совершенно не удовлетворяетъ потребности учителей въ чтеніи: она давно уже не пополняется книгами, хотя земское собраніе каждый годъ ассигнуетъ на ея пополненіе 300 рублей, а неудобное положеніе библіотеки (въ углу уѣзда) дѣлаетъ для большинства учащихъ пользованіе ею весьма затруднительнымъ, часто даже невозможнымъ. Для облегченія же доставки книгъ учащимъ со стороны управы никакихъ попытокъ не дѣлается. Собраніе нашло необходимымъ просить уѣздное земство реорганизовать библіотеку, предоставивъ, между прочимъ, учащимъ право выбора для нея книгъ, журналовъ и пр. Кромѣ того, постановлено возбудить передъ земскимъ собраніемъ ходатайство объ образованіи особаго фонда на покупку для учащихъ книгъ, по примѣру саратовскаго губернскаго земства. Горячія пренія возбудилъ докладъ учителя „О задачахъ и основахъ воспитанія въ начальной школѣ". Большинство учащихъ не согласилось съ положеніями докладчика, предлагавшаго земской школѣ идеи и принципы школы церковноприходской. Къ сожалѣнію, обмѣнъ мнѣніями по докладу былъ пре-

кращенъ предсѣдателемъ. Во время собранія работала небольшая коммиссія изъ учащихъ, выработавшая положеніе о музеѣ наглядныхъ пособій для школъ. Собраніе постановило ходатайствовать объ открытии музея при земской управѣ. На собраніи не было ни членовъ управы, ни гласныхъ.

Вообще и губернское, и уѣздныя земства Петербургской губерніи—самыя, кажется, отсталыя изъ всѣхъ земствъ Россіи, причемъ во главѣ земской управы весьма часто стояли и стоятъ истые бюрократы, имѣющіе мало общаго съ земствомъ...

Сосѣдняя съ Петерургской *Вологодская* губернія подверглась въ 1904 году, въ лицѣ губернской управы, опалѣ со стороны Плеве, зорко слѣдившаго, чтобы въ земствѣ не проявлялось земской идеи. А какъ нарочно, предсѣдателемъ Вологодской земской управы былъ въ это время одинъ изъ выдающихся земцевъ, — г. Кудрявый. Поэтому бюрократія, затормозивъ работу земства, постаралась устранить Кудряваго. При такихъ условіяхъ о дѣятельности вологодскаго губернскаго земства не могло быть и рѣчи. Съ уходомъ Кудряваго вологодскую управу оставили и лучшіе служащіе, какъ статистики, врачи и т. д.

Въ печати намъ попалось только два извѣщенія о вологодскомъ губернскомъ земствѣ.

Въ одномъ говорилось, что вологодское губернское земское собраніе, обсудивъ предложенія объ учрежденіи при министерствѣ народнаго просвѣщенія фонда для выдачи земствамъ и городамъ ссудъ на постройку школьныхъ зданій, признало учрежденіе такого фонда желательнымъ при условіи, чтобы выработка правилъ пользованія этимъ капиталомъ была поручена особому совѣщанію представителей всѣхъ губернскихъ земствъ.

Другой корреспондентъ писалъ изъ Вологды:

„Въ области хорошихъ намѣреній, но въ настоящее время имѣющихъ весьма мало шансовъ на осуществленіе, нужно отнести постановленіе вологодскаго земскаго собранія сессіи 1903 г. о широкомъ развитіи земской книжной торговли съ филіальными отдѣленіями отъ центральнаго книжнаго склада въ уѣздныхъ городахъ и съ офенями и развозчиками книгъ по деревнямъ. Приглашенное было на службу въ завѣдующіе книжнымъ складомъ и его отдѣленіями лицо не утверждено губернаторомъ. За отсутствіемъ фактическаго существованія отдѣленія по народному образованію управа пріостановилась съ исполненіемъ постановленія собранія и даже высказалась за излишество такой широкой организаціи. Нельзя однако не указать на то обстоятельство, что земское книжное дѣло за все время, какъ оно возникло, развивается съ поразительною

быстротой. Такъ, въ 1896 г. оборотъ книжнаго склада выражался въ 6.345 р., въ 1900 г. 26.189 р., а въ 1903 г. онъ достигъ 60.936 р. Вмѣстѣ съ тѣмъ ростетъ и спросъ на книги. Въ 1896 г. складъ торговалъ только однѣми канцелярскими принадлежностями, въ 1900 г. продажа книгъ къ общему обороту склада составляла 15,4%, а въ 1905 г. та же продажа выразилась въ 35,4%, такъ что развитіе операцій книжнаго склада идетъ главнымъ образомъ за счетъ продажи книгъ. Отсюда становится понятнымъ и то предложеніе со стороны отдѣленія по народному образованію въ 1905 году, которое въ конечномъ счетѣ привело собраніе къ постановленію о расширеніи книжной торговли и правильно организованной сѣти филіальныхъ отдѣленій. Поворотъ въ этомъ отношеніи назадъ едва ли имѣетъ за себя серьезныя аргументы. Населеніе ищетъ книгъ. Въ народныхъ библіотекахъ ограниченное ихъ число скоро приводитъ сельскаго читателя къ тому, что изъ библіотекъ брать нечего, а существующая частная продажа не идетъ дальше лубочныхъ изданій. Риска для земства при расширеніи книжной торговли тоже нѣтъ. Это подтверждаетъ открытіе въ концѣ 1903 года филіальнаго отдѣленія въ Устюгѣ. За три мѣсяца существованія этого отдѣленія оборотъ его достигъ 5.200 руб. Слѣдовательно, все затрудненіе заключается въ наймѣ лица, которое бы руководило всѣмъ дѣломъ."

Но, понятно, администрація никогда не утвердитъ хорошаго руководителя книжною торговлею, такъ какъ она употребляетъ всѣ усилія, чтобы книги среди населенія не распространялись.

То же самое, что въ Вологодскомъ, было и въ *Пермскомъ* губернскомъ земствѣ: въ 1904 году такой книжный складъ былъ вторично закрытъ „на неопредѣленное время", и такая азіатская мѣра была слѣдствіемъ перемѣны лица, завѣдующаго складомъ!

Еще большій вандализмъ былъ проявленъ администраціею *Вятской* губерніи. Тамъ книжнымъ складомъ губернскаго земства представленъ былъ казанскому отдѣльному цензору для разрѣшенія къ печати „Каталогъ свѣтовыхъ картинъ для народныхъ чтеній". Каталогъ этотъ препровожденъ былъ цензоромъ вятскому губернатору на его заключеніе.

Губернаторъ увѣдомилъ губернскую управу, что изъ присланнаго каталога имъ усмотрѣно, что показываніе нѣкоторыхъ картинъ не можетъ быть признано не только необходимымъ, но и полезнымъ съ точки зрѣнія воспитательнаго ихъ значенія. Сюда прежде всего относятся картины, изображающія убійства, казни, дуэли, единоборство, месть, злобу, гнѣвъ и вообще такіе моменты историческихъ и бытовыхъ фактовъ, въ которыхъ обнаруживается первобытная грубая и темная сторона человѣческой природы съ ея звѣрскими инстин-

ктами. Къ тому же разряду нежелательныхъ для показыванія картинъ принадлежатъ и тѣ картины, въ которыхъ воспроизводятся страшные, пугающіе темнаго человѣка образы миѳическихъ и сказочныхъ существъ, въ реальномъ существованіи которыхъ наши крестьяне убѣждены въ подавляющемъ большинствѣ. Наконецъ, мало поучительнаго могутъ давать простому народу, по мнѣнію губернатора, и многія изъ картинъ комическаго содержанія, напримѣръ,—къ произведеніямъ Гоголя,—такъ какъ наши крестьяне и мѣщане еще не достигли такой степени умственнаго развитія, на которой понятны „не только видимый міру смѣхъ, но и незримыя, невѣдомыя ему слезы". Изъ картинъ религіознаго содержанія также встрѣчаются такія, которыя зрителямъ не могутъ дать правильнаго представленія о лицахъ и событіяхъ ветхозавѣтныхъ. А потому губернаторъ, сдѣлавъ распоряженіе чрезъ наблюдающаго за книжною торговлей въ Вяткѣ чиновника объ изъятіи указанныхъ въ приложенномъ спискѣ картинъ изъ продажи при книжномъ складѣ и разсылки по уѣздамъ, предложилъ губернской управѣ передать указанныя свѣтовыя картины этому чиновнику для опечатанія и сдачи на храненіе завѣдующему книжнымъ складомъ. Къ этому распоряженію губернатора приложенъ слѣдующій списокъ свѣтовыхъ картинъ, которыя не могутъ быть показываемы при народныхъ чтеніяхъ: Ветхій завѣтъ: 1) Сотвореніе Евы.—Библейскіе разсказы: 2) Каинъ убиваетъ Авеля; 3) Іудифь и Олофернъ; 4) Іудифь показываетъ голову Олоферна; 5) Посланные Іиуемъ находятъ голову, ноги и кисти рукъ Іезавели; 6) Чужестранцы, переселенные въ Самарію, пожираются львами; 7) Навохудоносоръ умерщвляетъ дѣтей Седеккіи передъ его глазами; 8) Іисусъ Навинъ щадитъ жизнь Раавы; 9) Смерть Авессалома; 10) Плачъ Давида о смерти Авессалома; 11) Ависса спасаетъ жизнь Давида: 12) Сраженіе единоборцевъ Іевасая и Давида; 13) Пораженіе Давидомъ аммонитянъ; 14) Ахавъ, побитый камнями; 15) Дочь Іефая ликуетъ при встрѣчѣ отца; 16) Веньямиты похищаютъ дочерей въ Силомѣ; 17) Сусанна и старцы; 18) Оправданіе Сусанны; 19) Іиуй низвергаетъ Іезавель.—Іуда Маккавей: 20) Мученическая смерть старца Елеазара; 21) Астинъ отказывается идти къ Артаксерксу.—Злое время татарщины: 22) Русскіе, сожигаемые въ храмѣ.—Царствованіе Іоанна Грознаго: 23) Іоаннъ отдаетъ псарямъ Шуйскаго; 24) Филиппъ отказываетъ Іоанну Грозному въ благословеніи; 25) Филиппа ведутъ въ заточеніе; 26) Смерть Филиппа; 27) Малюта Скуратовъ показываетъ монахамъ мертваго Филиппа; 28) Убіеніе царевича Димитрія; 29) Послѣднія минуты Годуновыхъ; 30) Бѣгство колодниковъ.—Капитанская дочка: 31) Дуэль Гринева съ Швабринымъ;—Тарасъ Бульба: 32) Казнь Остапа; 33) Смерть

Андрея.—Пѣснь про купца Калашникова: 34) Вотъ оба молча расходятся, богатырскій бой начинается; 35) И опричникъ молодой застоналъ слегка и 36) Палачъ весело похаживаетъ.

Такая же „дѣятельность“ была проявлена и въ уѣздахъ Вятской губерніи; но прежде, чѣмъ привести фактическія данныя объ этомъ, скажемъ, что по ходатайству епархіальнаго начальства губернское земство въ теченіе уже нѣсколькихъ лѣтъ вносило въ смѣту по 7.000 руб. въ пособіе на церковно-приходскія школы.

Нынѣшнее губернское собраніе закрытою баллотировкою большинствомъ 22 противъ 16 постановило пособія на церковно-приходскія школы на 1905 годъ не ассигновать.

Теперь перейдемъ къ административному вандализму въ уѣздахъ Вятской губерніи.

Котельническая и нолинская уѣздныя управы увѣдомили губернскую управу, что „Вятская Газета“ задерживается по распоряженію мѣстной полиціи и не выдается мѣстнымъ адресатамъ,—въ Котельническомъ уѣздѣ завѣдующимъ пятирублевыми библіотеками.

Дѣлается это на томъ основаніи, что газета для сельскихъ библіотекъ не разрѣшена, а въ нолинскомъ—всѣмъ вообще адресатамъ (въ дворищенскомъ и чертищевскомъ волостныхъ правленіяхъ), въ томъ числѣ добровольнымъ корреспондентамъ текущей статистики, причемъ одинъ изъ корреспондентовъ заявилъ уѣздной управѣ, что мѣстный урядникъ, отбирая у корреспондента газету, объяснилъ, что редакція ея „прикрылась“; другой корреспондентъ объяснилъ причину отобранія газеты тѣмъ, что „вятская земская управа много денегъ потратила“. Нолинская уѣздная управа высказала между прочимъ, что отобраніе и опечатаніе газеты во время ревизіи земскихъ учрежденій вызываетъ въ населеніи уѣзда нежелательные для земства слухи. По поводу этого губернская управа входила съ представленіемъ къ вятскому губернатору, который увѣдомилъ губернскую управу, что имъ предписано начальникамъ полиціи въ губерніи немедленно возвратить „Вятскую Газету“ всѣмъ частнымъ подписчикамъ, отъ которыхъ она была отобрана полиціей вслѣдствіе неправильныхъ толкованій циркулярныхъ предписаній. При этомъ губернаторъ просилъ губернскую управу вмѣнить въ обязанность завѣдующимъ земскими библіотеками, чтобы они не передавали „Вятской Газеты“ въ библіотеки и не принимали таковую отъ добровольныхъ корреспондентовъ для помѣщенія въ библіотеки.

Не смотря на предписаніе губернатора, книги и Вятская газета все же отбирались. Тогда, яранское уѣздное земство писало Вятской губернской земской управѣ, что она, руководствуясь распоряженіемъ губернатора, вполнѣ устанавливающимъ ошибочность и незаконность

отобранія у частныхъ подписчиковъ дозволенныхъ цензурою газетъ и журналовъ, неоднократно просила уѣзднаго исправника сдѣлать распоряженіе о немедленномъ возвращеніи добровольнымъ корреспондентамъ текущей статистики отобранныхъ у нихъ полиціей „Вятской Газеты" и другихъ изданій, высланныхъ имъ земствомъ за труды по доставленію сельскохозяйственныхъ свѣдѣній. Между тѣмъ изъ поступающихъ въ уѣздную управу заявленій нѣкоторыхъ корреспондентовъ видно, что отобранная отъ нихъ Вятская Газета до сихъ поръ имъ не возвращается, и это, надо думать, относится до большинства корреспондентовъ, причемъ въ Яранскомъ уѣздѣ одновременно съ „Вятской Газетой" за нынѣшній годъ и за прошлые, начиная съ 1901 г., отбирались отъ добровольныхъ корреспондентовъ совершенно невинныя по содержанію сельскохозяйственныя брошюры, напримѣръ, по пчеловодству. Яранская земская управа проситъ губернскую управу представить объ этомъ губернатору.

Въ сосѣдней съ Вятскою *Уфимской* губерніи земства терпѣли еще большія гоненія отъ губернатора Соколовскаго. Этотъ администраторъ не только „запрещалъ", но и „ссылалъ" земскихъ дѣятелей.

Въ очередномъ уфимскомъ губернскомъ земскомъ собраніи остались не разсмотрѣнными болѣе 30-ти докладовъ изъ 160-ти. Собраніе засѣдало при необычныхъ условіяхъ. Составъ управы, привлеченный къ отвѣтственности по дѣлу о центральныхъ библіотекахъ, хотя и не былъ лишенъ голоса, но не могъ быть избираемъ на будущее трехлѣтіе, какъ находящійся подъ судомъ и слѣдствіемъ. Большая часть неразсмотрѣнныхъ собраніемъ докладовъ относится къ народному образованію. Исключеніе изъ смѣты на будущій годъ 7.000 руб. на устройство педагогическихъ курсовъ для учителей, мотивированно ревизіонною коммиссіей тѣмъ, что мало надежды разсчитывать на разрѣшеніе ихъ въ будущемъ году.

Вотъ при какихъ условіяхъ приходилось работать „избранникамъ населенія" уфимской губерніи!

Во многихъ поволжскихъ земствахъ, къ обзору дѣятельности которыхъ мы перейдемъ, творилось то же самое.

Тверское губернское земство, какъ извѣстно, было разгромлено и разослано. На мѣсто выдающихся земскихъ дѣятелей, избранныхъ населеніемъ, были назначены бюрократы. Вмѣстѣ съ губернскою управою ушли всѣ выдающіеся служащіе, которые за это также подверглись опалѣ. Къ стыду земской статистики съ назначенными бюрократами остался завѣдующій статистическимъ отдѣленіемъ Харизоменовъ.

Что касается уѣздныхъ земствъ, то въ *тверскомъ* уѣздномъ зем-

ствѣ не разсматривался главный вопросъ о передачѣ земскихъ школъ въ духовное вѣдомство, такъ какъ управой не было представлено по этому вопросу никакого доклада; окончательное разрѣшеніе вопроса отложено до слѣдующаго очередного собранія. Изъ предложеній управы по народному образованію отклонено предложеніе въ возможно короткій срокъ ввести въ уѣздѣ всеобщее обученіе, для чего предполагалось ходатайствовать о разрѣшеніи увеличить обложеніе вмѣсто 3% на 4% и о назначеніи денежнаго пособія отъ казны. Измѣненъ порядокъ выпуска журналовъ для учащихъ: ранѣе выборъ изданій предоставлялся самимъ учащимъ и журналы высылались непосредственно по школамъ; теперь журналы на сумму 460 р. будутъ выписываться самою управой и помѣщаться въ центральной библіотекѣ при управѣ. Собраніемъ были приняты остальныя предложенія управы: открыть двѣ школы и двѣ народныхъ библіотеки; составъ штатныхъ учащихъ увеличить на 4; для устройства школьныхъ зданій сдѣлать заемъ въ 13.000 р.; къ слѣдующему юбилейному году составить историческій очеркъ дѣятельности тверскаго уѣзднаго земства въ области народнаго образованія за 40 лѣтъ и нѣкоторыя другія. По послѣднему порученію гласнымъ Столпаковымъ было сдѣлано заявленіе о томъ, что онъ просилъ бы управу при составленіи очерка обратить главное свое вниманіе не на количественный ростъ школъ, учениковъ и ассигнованій, но на качественное состояніе школы и именно на воспитаніе дѣтей въ религіозно-нравственномъ отношеніи; по мнѣнію гласнаго, прежняя церковная школа, когда обученіе состояло въ преподаваніи главнымъ образомъ, если не исключительно, религіозныхъ истинъ, стояла гораздо выше современной; какъ образецъ прежнихъ пріемовъ и руководствъ, которыми такъ справедливо гордилась древняя школа, гласный тутъ же, въ собраніи, поставилъ на столъ азбуку, изданную при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и состоящую изъ славянскихъ фразъ, взятыхъ изъ библіи и церковныхъ книгъ. Вся смѣта утверждена въ суммѣ 325.432 р., въ томъ числѣ на народное образованіе—35%, или 111.574 р. (на 1.337 р. болѣе прошлогодняго) и на медицину—75.293 р.

Въ *Весьегонскомъ* земствѣ въ 1904 году состоялось открытіе Общества взаимопомощи учащихъ въ начальныхъ училищахъ Весьегонскаго уѣзда.

Общее число записавшихся въ члены Общества доходитъ до 150-ти человѣкъ, на общее собраніе прибыло 81. Предсѣдателемъ правленія Общества избранъ учитель А. В. Бойковъ, въ составъ правленія вошли трое учащихъ, два врача и одинъ изъ земскихъ служащихъ, бывшій учитель. Общее собраніе постановило произвести

изслѣдованіе экономическаго быта учащихъ, а также собрать свѣдѣнія о дѣятельности учительскихъ Обществъ взаимопомощи существующихъ въ Россіи. Кромѣ выдачи пособій предположено организовать ссудную операцію. Разработка этихъ вопросовъ, а также выработка инструкціи правленію поручена особой коммиссіи. Выборы ревизіонной коммиссіи и вообще окончательная организація Общества отложены до слѣдующаго общаго собранія, которое назначено въ мартѣ. Открытіе учительскаго Общества взаимопомощи встрѣчено въ уѣздѣ съ большимъ сочувствіемъ. Изъ 150-ти членовъ около 40 не принадлежатъ къ составу учительскаго персонала. Нѣкоторыми лицами сдѣланы взносы на пожизненное членство (по 50 руб.). Вечеромъ же 5-го января кружкомъ любителей данъ былъ концертъ въ помѣщеніи земской управы въ пользу вновь открытаго Общества, сдѣлавшій большой сборъ. Уѣздное земство еще до открытія Общества ассигновало небольшую сумму Обществу взаимопомощи учащихъ и, несомнѣнно, не откажетъ Обществу въ субсидіяхъ и на будущее время. Условія, при которыхъ возникло Общество, несомнѣнно очень благопріятны, и дальнѣйшій успѣхъ его будетъ зависѣть исключительно отъ самодѣятельности самихъ учащихъ.

Совсѣмъ иное впечатлѣніе получается отъ засѣданія тверского Общества взаимопомощи учащихъ.

Изъ доклада правленія Общества видно, что дѣятельность Общества въ 1903 году сильно сузилась: ни лекцій, ни спектаклей Общество въ послѣднее время не устраивало; разныя коммиссіи, работавшія прежде довольно энергично, въ этомъ году не собирались вовсе; составъ правленія Общества постоянно мѣнялся, и число членовъ Общества сократилось. Дѣятельность Общества направилась на выдачу ссудъ и пособій, которыхъ было выдано больше, чѣмъ позволяли обычныя средства Общества. Всего пособій было выдано на сумму 2.028 р., изъ нихъ 1.226 р. выдано 27-ми лицамъ, случайно лишившимся заработка. Такой большой расходъ, какъ 1.226 руб., произведенный на выдачу пособій 27-ми лицамъ, лишившимся заработковъ (14 лицъ тверскаго и новоторжскаго у.) не могъ не обратить вниманія собравшихся. Было указано, что, если и впредь будутъ производиться такія массовыя увольненія, то Общество вскорѣ должно будетъ истощить всѣ свои запасы, такъ какъ отказывать увольняемымъ совершенно немыслимо, зная ихъ нужду и трудность для нихъ найти занятія въ будущемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было высказано пожеланіе, чтобы училищные совѣты увольняли учителей по окончаніи года—весной, а не осенью или среди лѣта, какъ это дѣлается теперь. За лѣтнее время увольняемый могъ бы найти какое-нибудь занятіе, и такимъ образомъ помощь Общества

потребовалась бы въ меньшихъ размѣрахъ. Другіе находили мѣру эту мало дѣйствительной и указывали на то, что въ земствѣ вообще становится очень трудно работать. Окончательной резолюціи по данному вопросу собраніе не могло принять, и вопросъ былъ оставленъ открытымъ до будущаго собранія.

Главными инипіаторами удаленія учителей являются, конечно, инспектора, превратившіеся, въ большинствѣ случаевъ, въ самыхъ обыкновенныхъ исполнителей полицейскихъ функцій. А каковы сами эти агенты, объ этомъ можно судить по нижеслѣдующему сообщенію изъ Торжка. 30-го октября въ сессіи окружного суда безъ участія присяжныхъ засѣдателей разбиралось дѣло, привлекшее въ залу засѣданія много такой публики, какая рѣдко находитъ время для слушанія судебныхъ процессовъ. Судился инспекторъ народныхъ училищъ Тверской губерніи Н. В. Лилеевъ за нанесеніе въ пьяномъ видѣ въ трактирѣ побоевъ студенту московскаго университета В. Штонковскому. Судъ призналъ Лиліева виновнымъ и приговорилъ его къ тюремному заключенію на три недѣли, а за силою Высочайшаго манифеста уменьшилъ наказаніе на одну треть.

Въ *Ярославскомъ* губернскомъ земствѣ бывшій министръ Плеве избралъ объектомъ преслѣдованія выдающагося земскаго дѣятеля князя Д. И. Шаховского, который и доложилъ объ этомъ школьной коммиссіи.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ сдѣлано было это любопытное сообщеніе. Въ декабрѣ 1903 года ярославское губернское земское собраніе приняло слѣдующія предложенія управы, вытекающія изъ докладовъ школьной коммиссіи:

1) На образованіе губернскаго фонда имени Императора Александра II для постройки новыхъ земскихъ школъ въ губерніи внести въ смѣту будущаго 1905 г. 12.500 р. и поручить губернской управѣ съ начала будущаго же года открыть сборъ пожертвованій при управѣ въ фондъ имени Александра II, обратившись предварительно съ воззваніемъ къ населенію, живущему какъ въ предѣлахъ Ярославской губерніи, такъ и на сторонѣ, а также исходатайствовать разрѣшеніе земству выдавать подписные листы для пріема пожертвованій; 2) внести въ смѣту 1.600 р. на дальнѣйшее изданіе очерковъ дѣятельности уѣздныхъ земствъ по народному образованію и на составленіе и изданіе аналогичнаго погубернскаго очерка, съ напечатаніемъ въ послѣднемъ статьи г. Сухомлина „Замѣтки объ училищахъ и народномъ образованіи въ Ярославской губерніи въ 1862 г.“, если послѣдуетъ на это согласіе автора или его наслѣдниковъ; 3) ассигновать 1.500 р. на пополненіе новыми коллекціями уѣздныхъ подвижныхъ музеевъ наглядныхъ пособій, по 150 руб.

на каждый, и поручить школьной коммиссіи разработать къ будущему очередному собранію вопросъ объ организаціи при управѣ губернскаго музея наглядныхъ пособій; 4) внести въ смѣту неиспользованную въ текущемъ году сумму въ 6.000 р. на устройство въ Ярославлѣ лѣтомъ 1905 г. педагогическихъ курсовъ для учителей и учительницъ земскихъ школъ и поручить управѣ одновременно возбудить ходатайство о разрѣшеніи ярославскому земству на слѣдующій 1906 годъ устроить курсы общеобразовательные; 5) ассигновать 1.500 р., по 150 р. на каждый уѣздъ, для выдачи изъ нихъ пособій уѣзднымъ общественнымъ, публичнымъ и земскимъ библіотекамъ на основаніяхъ, дѣйствующихъ въ настоящее время, и поручить школьной коммиссіи разработать къ будущему очередному собранію вопросъ о районахъ учительскихъ библіотекъ или филіальныхъ отдѣленіяхъ существующихъ нынѣ въ городахъ библіотекъ; 6) на выписку для учащихъ сельскихъ земскихъ школъ газетъ и журналовъ назначить на будущій годъ 2.800 р., считая по 5 р. на каждаго учителя; 7) на выдачу пособій безплатнымъ библіотекамъ въ 1905 году назначить 4.000 р. по расчету на 80 библіотекъ по 50 р. каждой; 8) ассигновать 2.100 р. въ пособіе ярославскому Обществу содѣйствія народному образованію на устройство въ губерніи народныхъ чтеній съ туманными картинами; 9) утвердить прилагаемую смѣту на расходы по дѣлопроизводству школьной коммиссіи въ суммѣ 4.000 руб.; 10) поручить губернской управѣ принести жалобу на распоряженіе ярославскаго губернатора отъ 13-го августа 1902 г. о томъ, чтобы всѣ запросы земства къ народнымъ учителямъ и учительницамъ Ярославской губерніи, а равно и собираніе отъ учащихъ статистическихъ свѣдѣній производились губернской управой не иначе, какъ черезъ уѣздные училищные совѣты и инспекторовъ народныхъ училищъ.

Въ апрѣлѣ 1904 года предсѣдатель этой коммиссіи, кн. Шаховской, заявилъ, что дальше онъ не можетъ занимать этотъ постъ, и вотъ почему: „10-го февраля онъ, кн. Шаховской, вызванъ былъ къ министру внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве и выслушалъ отъ него заявленіе, что, по мнѣнію министра, *въ министерствѣ имѣется достаточно матеріала для высылки его, Шаховского, въ одну изъ отдаленныхъ губерній* и что министръ не принимаетъ этой мѣры лишь потому, что, по докладѣ предположеній министра Государю Императору, Его Величеству не угодно было съ нимъ согласиться; въ случаѣ же повторенія тѣхъ дѣйствій, которыя навлекутъ неудовольствіе министерства на него, Шаховского, министръ прибѣгнетъ безъ новаго предупрежденія къ указанной мѣрѣ. Въ виду того, что исполненіе важнѣйшихъ предположеній школьной коммиссіи факти-

чески въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ отношенія къ нимъ правительственныхъ органовъ, а на очередь поставлено столь важное и срочное дѣло, какъ педагогическіе курсы, устройство которыхъ встрѣчаетъ препятствія свыше уже нѣсколько лѣтъ, кн. Шаховской находилъ, что пребываніе его въ числѣ членовъ коммиссіи послѣ высказаннаго ему министромъ не можетъ быть въ настоящее время полезнымъ для дѣла, а, напротивъ, принесетъ ему вредъ. Не желая служить помѣхой дорогому дѣлу, кн. Шаховской не видитъ другого для себя исхода, кромѣ совершеннаго отказа отъ участія въ школьной коммиссіи". Выслушавъ заявленіе кн. Шаховского, прибывшіе на засѣданіе члены коммиссіи единогласно постановили просить кн. Д. И. Шаховского „не покидать дѣла, которому онъ въ теченіе долгаго ряда лѣтъ посвятилъ столько труда и силъ, въ которое вложилъ столько энергіи, знаній и творческой мысли". Но кн. Д. И. Шаховской, „ссылаясь на исключительныя условія, въ которыхъ онъ находится въ данное время", вторично отказался принимать участіе въ дѣлахъ коммиссіи.

А между тѣмъ 1904 годъ былъ особенно благопріятенъ для губернскаго земства въ финансовомъ отношеніи, благодаря тому, что проживающій въ Петербургѣ А. В. Звѣрковъ пожертвовалъ губернскому земству 100.000 руб. на устройство въ губерніи начальныхъ народныхъ училищъ и сельскохозяйственныхъ, ремесленныхъ и торговыхъ школъ. Согласно волѣ жертвователя, надзоръ за учреждаемыми на его средства учебными заведеніями въ педагогическомъ отношеніи долженъ принадлежать правительству, а всѣ хозяйственныя распоряженія, равно и выборъ учителей и мастеровъ, должны зависѣть отъ земства. Губернское земство, принявъ пожертвованіе, постановило присвоить открываемымъ на пожертвованныя деньги школамъ наименованіе „А. В. Звѣркова" и украсить ихъ портретами жертвователя.

Губернское собраніе сессіи 1904 годъ прошло очень вяло, и вообще за этотъ годъ о ярославскомъ губернскомъ земствѣ ничего интереснаго сообщить нельзя.

Пульсъ общественной жизни гораздо сильнѣе бился внѣ чисто земскихъ сферъ: въ Пушкинской общественной библіотекѣ и въ обществѣ содѣйствія начальному народному образованію, покуда не вмѣшивалась администрація.

Такъ, въ декабрѣ 1903 года общее собраніе членовъ Пушкинской общественной библіотеки единогласно постановило заявить въ установленномъ порядкѣ о необходимости допущенія въ библіотеки всѣхъ книгъ, выходящихъ изъ печати.

Интересны данныя, полученныя правленіемъ библіотеки, кото-

рое путемъ анкеты опросило читателей, какіе журналы и газеты слѣдуетъ выписать на наступающій годъ. Опросныхъ бланокъ получено около 300; наибольшее число требованій получили „Русскія Вѣдомости"—277; за ними идутъ „Русское Слово"—274, „Русь"—259, „Право" — 249, „Наша Жизнь" — 231, „Новое Время" — 180, „Московскія Вѣдомости" — 90, „Гражданинъ" — 65. Изъ журналовъ наибольшее требованіе падаетъ на „Русское Богатство" и „Міръ Божій"—283, „Русскую Мысль" — 273, „Вѣстникъ Европы" — 247, „Образованіе"—243, „Историческій Вѣстникъ"—198, „Правда"—191.

Въ томъ же мѣсяцѣ состоялось многолюдное собраніе Общества содѣйствія народному образованію подъ предсѣдательствомъ П. К. Грана (по назначенію губернатора, согласно § 26-му устава Общества). На собраніи приняты весьма важныя резолюціи: о необходимости уничтоженія стѣсняющихъ правилъ 15-го мая 1890 г., объ установленіи явочнаго порядка открытія библіотекъ и народныхъ чтеній, объ изъятіи изъ обращенія каталога разрѣшаемыхъ для народныхъ библіотекъ книгъ и т. д. *Когда же была предложена резолюція, объединяющая всѣ указанныя требованія, съ объясненіемъ общихъ причинъ, тормозящихъ дѣло внѣшкольнаго народнаго образованія, собраніе было закрыто предсѣдателемъ.* Болѣе половины вопросовъ, значащихся въ повѣсткѣ, остались неразрѣшенными, между прочимъ, выборы предсѣдателя и членовъ совѣта. Около 160-ти членовъ, оставшихся въ залѣ послѣ закрытія собранія, покрыли подписями окончательную резолюцію и препроводили ее въ совѣтъ для дальнѣйшаго направленія.

Въ февральскомъ засѣданіи 1904 года было заслушано, въ числѣ другихъ дѣлъ, сообщеніе ярославскаго губернатора о переходѣ Общества изъ вѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія.

Присутствовавшій на засѣданіи директоръ народныхъ училищъ П. Н. Мочульскій предъявилъ совѣту требованіе о скорѣйшемъ доставленіи ему отчета о дѣятельности Общества, совѣта и состоящихъ при немъ коммиссій за 1903 г. Много преній на засѣданіи возбудилъ вопросъ относительно порядка разсмотрѣнія списковъ книгъ, предназначенныхъ для выписки коммиссіей по продажѣ и изданію книгъ. Директоръ народныхъ училищъ настаивалъ на томъ, чтобы пріобрѣтались исключительно книги, разрѣшенныя и одобренныя имъ, или его помощникомъ—инспекторомъ народныхъ училищъ Ѳ. И. Носиловымъ. Большинство членовъ совѣта находило, что одобреніе списковъ составляетъ право совѣта въ полномъ его составѣ, а потому и не можетъ быть ограничено согласіемъ одного лица, которое, однако, не лишено возможности высказывать свое

мнѣніе въ совѣтѣ при обсужденіи списковъ книгъ. По уставу Общества директоръ народныхъ училищъ состоитъ постояннымъ членомъ совѣта. Затѣмъ въ засѣданіи были выслушаны отказы князя Д. И. Шаховского, А. П. Крылова (предсѣдателя губернской земской управы) и С. А. Мусина-Пушкина (члена губернской управы) отъ званія членовъ совѣта.

Въ іюнѣ послѣднее общее собраніе членовъ Общества распространенія начальнаго образованія въ Ярославской губерніи было немноголюдно: изъ 140 членовъ проживающихъ въ Ярославлѣ, на собраніе прибыло только 56 человѣкъ.

Чтеніе денежнаго отчета, отчета о дѣятельности Общества въ 1903 году прошло почти безъ преній. За исключеніемъ одного робкаго вопроса о причинахъ значительнаго для небольшихъ оборотовъ Общества остатка свободныхъ средствъ (7.500 р.) не было проронено ни одного слова. Безъ всякихъ обсужденій прошелъ и весьма важный для дѣятельности Общества вопросъ о разрѣшеніи имѣть въ библіотекахъ Общества всѣ дозволенныя общею цензурой къ обращенію книги. Предсѣдатель собранія заявилъ, что вопросъ этотъ касается измѣненія § 2-го устава Общества, которое, согласно этому параграфу, обязано въ своихъ библіотекахъ руководствоваться правилами о народныхъ библіотекахъ вообще. Попытки возразить, что ходатайство о непримѣненіи тѣхъ или другихъ общихъ правилъ о народныхъ библіотекахъ не есть ходатайство объ измѣненіи устава Общества, оказались одинокими, а для обсужденія измѣненій въ уставѣ собраніе не имѣло необходимаго числа членовъ (половину всѣхъ проживающихъ въ городѣ, т. е. 70 членовъ). Въ концѣ собранія остался недостаточно выясненнымъ такой безобидный, но важный для дѣятельности Общества вопросъ, какъ устройство дѣтскихъ прогулокъ въ городѣ и за городъ, устройство дѣтскихъ площадокъ для игръ на воздухѣ. Не такъ давно, — очевидно, по какому-то недоразумѣнію,—полиція запретила Обществу устроить для дѣтей майскую загородную прогулку. Въ 1903 году такая прогулка собрала до 1.000 человѣкъ дѣтей, которыя остались ею весьма довольны. Встрѣчаются какія-то препятствія и въ устройствѣ дѣтскихъ площадокъ. Однако, и этотъ вопросъ не былъ въ достаточной мѣрѣ выясненъ на собраніи, такъ какъ предсѣдатель объявилъ вопросъ исчерпаннымъ и собраніе закрытымъ. Изъ денежнаго отчета Общества видно, что весь годовой бюджетъ едва достигъ 12.879 р., а расходы за то же время—всего 7.800 руб. Правда, въ остатокъ (5.079 р.) входитъ рядъ спеціальныхъ капиталовъ, но и за вычетомъ ихъ все же свободный остатокъ оказывается въ полторы тыс. Эти деньги были по смѣтѣ также назначены въ расходъ,

но почему-то остались неизрасходованными. Совѣтъ не счелъ нужнымъ выяснить причину остатка, а казначей заявилъ, что смущаться остатками нечего: „чѣмъ больше остатокъ, тѣмъ лучше“. Дѣятельность Общества разбивается на рядъ коммиссій. Самый большой бюджетъ у коммиссіи народныхъ чтеній (около 3 съ половиною тыс. руб.): 2.100 р.—земство, 1.000 р.—попечительство о народной трезвости. Тѣмъ не менѣе коммиссія, вопреки заявленію казначея, нуждается въ средствахъ. Въ 1903 году она разсылала свѣтовыя картины, фонари для чтеній, словомъ, такъ или иначе обслуживала 254 аудиторіи. Въ 1902 году такихъ аудиторій было 201. Некрасовская народная безплатная библіотека, находящаяся въ завѣдываніи особой коммиссіи, въ истекшемъ году 2 съ половиною мѣсяца не работала по случаю переѣзда изъ одного помѣщенія въ другое. Переѣздъ былъ невольный: библіотекѣ отказали въ прежнемъ помѣщеніи, которое находилось въ центрѣ города, было удобно для массы читателей, и пользовалась библіотека имъ безплатно. Въ отчетномъ году у библіотеки было 408 чел. подписчиковъ; библіотека заключаетъ въ себѣ лишь 4.256 томовъ и 13 періодическихъ изданій. Новыхъ книгъ и журналовъ выписано на 700 рублей. Другая библіотека Общества въ Ростовѣ имѣла всего 1.171 подписчика. Средства ея едва достигали 693 руб.; изъ нихъ 323 руб. пошли на покупку и переплетъ книгъ, остальные—на жалованье служащимъ. Въ отчетномъ году дѣятельность библіотеки тормозилась неудобнымъ помѣщеніемъ, совмѣстнымъ съ чайной. Близкое сосѣдство чайной, шумъ и проч. отпугивали читателей. Коммиссія воскресно-повторительныхъ классовъ имѣла въ году 32 учебныхъ дня, работали въ ней 11 преподавателей. Расходы достигли 120 руб. Коммиссія по распродажѣ книгъ находится въ затруднительномъ положеніи: торговля черезъ офеней не удалась, отчасти по дороговизнѣ содержанія ихъ, отчасти по трудности найти достаточно интеллигентное, преданное дѣлу лицо и добиться его утвержденія; не разрѣшено также Обществу пользоваться и коммиссіонными услугами сельскихъ учителей, что практикуется, напримѣръ, въ Нижегородской губерніи. Губернское земство, относящееся сочувственно ко всей дѣятельности Общества, разрѣшило коммиссіи по распродажѣ книгъ кредитъ на сумму до 500 р. Библіографическая коммиссія, хотя и начала свои работы въ ноябрѣ, успѣла, однако, дать 190 рецензій, а также принимала участіе въ подборѣ книгъ для Некрасовской библіотеки. Двѣ дѣтскія прогулки (въ 1.000 и 100 челов.), устроенныя коммиссіей физическаго развитія дѣтей, стоили Обществу 184 р. Зимой для дѣтей былъ устроенъ безплатный катокъ, стоившій 26 р.

Сокративъ до minimum'а дѣятельность Общества содѣйствія начальному народному образованію, ярославская бюрократія загубила невинную коммиссію для содѣйствія физическому воспитанію дѣтей, почти два года работавшую при совѣтѣ названнаго Общества.

Въ 1903 году коммиссія безпрепятственно устраивала загородныя прогулки для дѣтей.

Успѣхъ былъ большой. Составился кадръ безплатныхъ сотрудниковъ. Посыпались богатыя пожертвованія. Дѣтей на каждой изъ двухъ прогулокъ было до 1.000. Но когда и въ нынѣшнемъ году коммиссія рѣшила устроить нѣсколько такихъ прогулокъ и уже начинала дѣлать соотвѣтствующія приготовленія, то совершенно нежданно совѣтъ Общества получилъ увѣдомленіе мѣстнаго губернатора, что коммиссія приступила къ работѣ „не испросивъ предварительно установленнаго закономъ разрѣшенія,“ и что губернаторъ не даетъ „разрѣшенія“ на устройство этихъ гуляній и предлагаетъ „всѣ начатыя по этому дѣлу приготовленія прекратить“. Такая же участь постигла проектъ организаціи площадокъ для дѣтскихъ игръ. Когда была представлена афиша объ открытіи площадки, опять пришло распоряженіе губернатора: „всѣ приготовленія прекратить“...

Изъ уѣздовъ Ярославской губерніи отмѣтимъ, что *Кинешемское* собраніе въ 1904 году отличалось необыкновеннымъ многолюдствомъ какъ гласныхъ, такъ и публики, рѣдкимъ оживленіемъ и особенною продолжительностью. Объясняется это отчасти обновленнымъ составомъ гласныхъ, главнымъ же образомъ интересными докладами, представленными управой по всѣмъ отраслямъ земскаго хозяйства. Наибольшее число докладовъ приходится на долю народнаго образованія, привлекающаго въ послѣдніе годы усиленное вниманіе земства.

Кромѣ ассигнованій на устройство 8-ми новыхъ училищъ, собраніе безъ возраженій приняло доклады: 1) объ открытіи двухъ народныхъ библіотекъ стоимостью въ 250 руб. каждая и пяти библіотекъ по 100 р.; 2) о пріобрѣтеніи волшебныхъ фонарей и картинъ; 3) объ устройствѣ дополнительныхъ курсовъ для взрослыхъ въ 4-хъ пунктахъ уѣзда; 4) о введеніи 4-хгодичнаго курса въ 2-хъ начальныхъ училищахъ и 5) объ организаціи школьныхъ экскурсій. Послѣднее мѣропріятіе, заслуживающее, несомнѣнно, вниманія, какъ важный образовательный факторъ, возникло по почину двухъ учительницъ, совершившихъ со своими учениками въ настоящемъ году поѣздки въ г. Кострому почти исключительно на личныя средства. Собраніе ассигновало на этотъ предметъ 200 руб. на 10 училищъ,

предполагая, что на это же дѣло отзовутся своими средствами попечители училищъ.

Закончимъ нашъ обзоръ Ярославской губерніи сообщеніемъ, что по церковнымъ школамъ Ярославской епархіи разослано было распоряженіе, въ которомъ епархіальный училищный совѣтъ предлагаетъ отдѣленію совѣта „строго наблюдать черезъ мѣстныхъ священниковъ о соблюденіи постовъ по всѣмъ училищамъ церковноприходскимъ учащими и учащимися въ этихъ школахъ“, присовокупляя, что учителя школъ за несоблюденіе постовъ немедленно будутъ удаляемы отъ должностей и не будутъ принимаемы на священнослужительскія мѣста въ епархіи.

И. П. Бѣлоконскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Парадоксы о преподаваніи художественной литературы [1].

Въ послѣднее время въ нашемъ отечествѣ вновь поставленъ на очередь вопросъ о возможныхъ улучшеніяхъ и преобразованіяхъ въ средней школѣ, и потому вполнѣ естественно, что не одинъ учитель и педагогъ начинаетъ испытывать и допрашивать свою педагогическую совѣсть. Что такое въ самомъ дѣлѣ преподаваемый мною предметъ? Что онъ даетъ, что онъ значитъ въ общемъ строѣ учебнаго дѣла? Не веселы бываютъ порою эти справки со своею совѣстью.

Въ минуты сомнѣній успокаиваешь себя, правда, и тѣмъ, что „не нами началось, не нами и кончится", что мы, учителя, лишь маленькія спицы въ той громадной колесницѣ общей жизни, которая неудержимо катится впередъ, къ неизвѣстной намъ цѣли... Но вопросъ опять настойчиво встаетъ передъ сознаніемъ и властно требуетъ отвѣта. Въ особенно шаткомъ положеніи, надо сознаться, находится учебный предметъ, именуемый вообще „словесностью",—отъ такъ наз. объяснительнаго чтенія въ низшихъ классахъ до историческаго чтенія литературныхъ произведеній въ высшихъ.

То къ небу, то въ бездну бросаетъ
Ладью безъ весла и кормила!..

Да, мы, словесники, со своимъ предметомъ носимся именно безъ весла и кормила по прихоти волнъ и вѣтра, т. е. то всяческихъ ухищреній нѣмецкой педагогіи, то постоянно мѣняющихся предписаній оффиціальныхъ программъ, случайныхъ статей о предметѣ и пр. И происходитъ это, явно, отъ того, что нашъ предметъ не есть наука, или хоть нѣчто наукообразное, какъ, напр., математика, а представляетъ лишь рядъ цѣлесообразныхъ упражненій духовныхъ силъ учащихся для веденія которыхъ требуется больше искусства, чѣмъ знаній. Да оно и понятно: вѣдь мы по преимуществу занимаемся художественными произведеніями, т. е. тѣмъ же искус-

[1]) Рѣчь, читанная на актѣ въ 1-ой Кіевской гимназіи.

ствомъ. Правда, и *объ искусствѣ* составляются науки, каковы: исторія искусства и теорія искусства. Но не говоря уже о теоріи художественной литературы, т. е. такъ наз. теоріи словесности, развѣ даже исторія ея есть наука, хотя бы въ такомъ смыслѣ, какъ общая исторія? Не есть-ли литература просто рядъ разрозненныхъ явленій, безъ малѣйшей закономѣрности, со слабою внутреннею связью, какія-то membra disjecta?

Вѣдь всякая наука ставитъ своею обязанностью отвѣчать посильно—въ примѣненіи къ своему матеріалу—на вопросы: почему и какъ?

Если исторія художественной литературы и отвѣчаетъ удачно на второй вопросъ, то первый для нея большею частью неразрѣшимъ. Почему, въ самомъ дѣлѣ, въ данный моментъ времени, въ данномъ мѣстѣ явился тотъ или другой художественный геній и творилъ такъ, а не иначе, то, а не другое? Всѣ попытки объяснять подобныя вещи остаются безплодными и несостоятельными, какъ бы краснорѣчиво ни разливался историкъ въ объясненіяхъ, ибо причины эти затеряны въ безднѣ хаотическаго броженія безконечно-разнообразныхъ элементовъ общественной психологіи, личной психологіи, психологіи творчества, формъ быта, фактовъ жизни общественной, жизни личной и т. д.—элементовъ, охватить которые во всей ихъ умопомрачительной сложности не подъ силу ни одному уму человѣческому. Нельзя, вѣдь, какъ извѣстно, „объять необъятное"... Да и многія звенья этой многосложной сѣти еще почти недоступны научному обслѣдованію, какъ, напр., психологія творчества, психологія геніальности и пр. Знаменитый И. Тэнъ, сознавши эту субъективную произвольность мнимо-научныхъ построеній литературной исторіи, задался цѣлью попытаться построить ее болѣе научно, по естественно-эволюціонному методу; но что же вышло?—По нашему мнѣнію, одна только иллюзія, видимость научности. Пока авторъ толкуетъ о бытѣ, нравахъ, формахъ жизни,—словомъ, *о средѣ*—все идетъ хорошо, и даже — при необыкновенномъ дарѣ изложенія у автора — превосходно; но чуть только отъ этихъ общихъ ослѣпительныхъ характеристикъ, — гипнотизирующихъ, кстати сказать, своимъ блескомъ и потому тоже подозрительныхъ въ научномъ смыслѣ, — авторъ переходитъ къ отдѣльному писателю-художнику, какъ сейчасъ же обнаруживается шаткость постройки: вся художественная картина исчезаетъ большею частью, какъ внезапно устраненная съ подмостковъ декорація, и остается только личность художника съ воплощеннымъ имъ идеальнымъ міромъ его души, который уже бѣловатыми нитками пришивается къ только что изображенной „средѣ". Да и нельзя не только самое явленіе, но и со-

держаніе геніальнаго духа вывести цѣликомъ изъ данной среды: получается всегда извѣстный остатокъ, и крупный остатокъ, происхожденія явно личнаго, отъ среды пока никакъ не производимый. Таковъ, напр., гамлетизмъ Шекспира, такова фаустовщина, если такъ можно выразиться, Гете, таковъ весь Байронъ съ его міровою скорбью, у насъ—Лермонтовъ и т. п.

Но пусть даже исторія литературная имѣетъ полную научную цѣнность, — не въ этомъ еще важность, а въ томъ, даетъ-ли она то, что соотвѣтствуетъ существу художественнаго творчества, — не обходитъ-ли она главное, занимаясь второстепеннымъ? Ставя этотъ вопросъ, мы разумѣемъ въ извѣстной мѣрѣ и литературную критику, поскольку она соприкасается и переплетается съ исторіей, какъ своего рода публицистика по отношенію къ исторіи. Не кажется ли, въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько страннымъ горячій интересъ не къ тому собственно, что сказано тѣмъ или другимъ художникомъ, а къ побочнымъ вопросамъ о томъ, какъ, почему и зачѣмъ онъ сказалъ то, а не другое, — что онъ заимствовалъ, что далъ преемникамъ и проч.?

Какъ будто изслѣдователи увлекаются не столько самими произведеніями поэтовъ, сколько аналитической работой своего ума, случайно лишь направленнаго на литературный матеріалъ... Между тѣмъ, если я беру въ руки, положимъ, даже Гомера или Данте и, начавъ нѣсколько разсѣянно читать на первой попавшейся страницѣ, понемногу увлекаюсь и дочитываю до конца главу или книгу, то развѣ это происходитъ потому, что я знакомлюсь при этомъ съ древнимъ міромъ или съ средними вѣками,—потому, что это даетъ поводъ и толчекъ моему уму строить разныя научныя сближенія и выводы? Конечно, если я—спеціалистъ-ученый, то, можетъ-быть, и этимъ будетъ поддерживаться мой интересъ къ книгѣ; но если я лишь простой смертный, то, очевидно, причиной будетъ что-нибудь другое, но только никакъ не это, потому что нельзя увлекаться читаемымъ, если оно интересуетъ не само по себѣ, а только какъ поводъ къ инымъ, довольно чуждымъ ему по существу построеніямъ. Ну, а если-бы кто-нибудь нездѣшней властью принудилъ всѣхъ читать художественныя произведенія не иначе, какъ анализируя разсудочно содержаніе, то, вѣроятно, никто никогда не сталъ бы къ нимъ прикасаться, потому что кому же была бы охота обрекать себя на такую работу, когда все его существо поглощается раскрывающимися передъ нимъ глубинами жизни,—страданіями, радостями, надеждами, отчаяніемъ, словомъ всѣми переливами человѣческаго бытія, да еще въ такихъ прекрасныхъ, выразительныхъ формахъ. Если Гомеръ и другіе старики и даютъ этого сравнительно не-

много, — меньше гораздо, чѣмъ болѣе близкіе къ намъ поэты, то они все-таки даютъ, и потому только они велики и безсмертны; въ противномъ случаѣ они умерли для насъ, и послѣдній эпитетъ въ примѣненіи къ нимъ—одна рутинная фраза. Да, безсмертіе художественныхъ произведеній есть безсмертіе, такъ сказать, личное, а не родовое только. Между тѣмъ, возьмите вы какія-нибудь раннія изслѣдованія въ области науки—математическія, естественныя или историческія,—кому ихъ теперь придетъ въ голову читать послѣ научныхъ успѣховъ послѣдняго времени? Кому, напр., нужна „естественная исторія“ Плинія? Или даже сочиненія Ньютона, Лавуазье, Бюффона, Юма и проч.? Оговариваемся опять, что мы исключаемъ спеціалистовъ-ученыхъ, которымъ со всѣмъ этимъ приходится знакомиться по ихъ профессіи, или по спеціальному интересу къ вопросамъ исторіи. Научное сочиненіе, сыгравъ свою роль вклада въ общую сокровищницу знанія, старѣетъ, ветшаетъ, и, наконецъ, совсѣмъ умираетъ, подобно плоду, изъ котораго высосаны всѣ соки; извлеченными же соками питается другой, огромный, единственно-вѣчный организмъ въ области мысли — наука. Не то произведенія искусства. Оно обладаетъ вѣчной юностью олимпійскихъ боговъ, оно не растворяется ни въ какомъ иномъ цѣломъ или общемъ, оно есть индивидуумъ, особь, — замкнутый въ себѣ и себѣ довлѣющій міръ, ни на что другое не похожій, ни съ чѣмъ другимъ не сливающійся... Можно сказать, что въ то время, какъ научныя изслѣдованія концентрически, такъ сказать, исчезаютъ одно въ другомъ, и всѣ—въ одномъ великомъ цѣломъ—наукѣ, художественныя произведенія образуютъ какъ бы рядъ эксцентрическихъ круговъ, на вѣки сохраняющихъ свои рельефныя очертанія. Вотъ почему литературная исторія съ критикой представляютъ нѣчто побочное, постороннее самымъ произведеніямъ искусства, вотъ почему ея изученіе совсѣмъ не равносильно ознакомленію съ самими этими произведеніями. Не будетъ слишкомъ сильно сказать, что, если бы мы даже не имѣли вовсе никакой исторіи литературы и критики, мы получали бы отъ художественныхъ произведеній никакъ не меньше, чѣмъ теперь, а подчасъ, можетъ быть, и больше, потому что всѣ разсудочныя изысканія сплошь и рядомъ прививаютъ намъ дурную привычку подходить къ произведенію съ предвзятой стороны и искать въ немъ не то, что оно даетъ и можетъ дать. Напр., критика и исторія литературная увѣряютъ насъ, что „Записки охотника“ суть протестъ противъ крѣпостного права, и вотъ мы ищемъ въ нихъ скорбнаго негодованія и, къ своему разочарованію, можетъ-быть, очень мало находимъ. Критика и исторія литературная увѣряютъ насъ, что типъ „лишняго человѣка“ былъ лишь продуктомъ

отжившихъ уже среды и времени—аристократической обезпеченной среды въ эпоху рѣзкаго классового разъединенія,—а современный читатель, совсѣмъ не аристократъ, едва смѣя вѣрить своему открытію, ощущаетъ въ себѣ симптомы той же болѣзни. Критика доказываетъ намъ, что байронизмъ и всякая такая „міровая скорбь" была чуть-ли не плодомъ только извѣстныхъ культурныхъ явленій начала вѣка,—и нынѣшній читатель съ ужасомъ спрашиваетъ себя: да полно, не жилъ-ли я, прости Господи, въ началѣ вѣка, что мое сердце такъ отзывается горячо на стоны поэта? То же самое можно сказать и о Лермонтовѣ, и такъ далѣе и т. д. Такимъ образомъ, всѣ эти чуждыя настроенія то и дѣло оказываются несостоятельными, и спадаютъ „ветхой чешуей" съ картины генія, которая одна остается несомнѣнной, сіяя своей прежней, нетлѣнной красотой... Впрочемъ, само собою разумѣется, что литературная исторія и критика имѣютъ свое крупное значеніе и интересъ, какъ особыя отрасли общей исторіи и публицистики; но мы хотимъ только сказать, что это интересъ спеціальный, не совпадающій съ значеніемъ самихъ произведеній искусства, а стоящій лишь рядомъ съ нимъ и потому не могущій никакъ замѣстить послѣдняго.

Все сказанное приводитъ насъ къ тому, что преподаваніе художественной литературы, чтобы соотвѣтствовать значенію ея, должно вестись преимущественно въ формѣ чтенія самихъ произведеній, но, конечно, въ историческомъ порядкѣ, какъ наиболѣе естественномъ и позволяющемъ установить также нелишенную значенія историческую перспективу. Но вотъ объ этомъ-то чтеніи и возникаетъ теперь вопросъ: какъ именно его вести?

А чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо сперва опредѣлить: что значитъ изучить или усвоить художественное произведеніе? Т. е., другими словами, что даетъ оно, или что отъ него можно и должно получить?

. Старые изслѣдователи обыкновенно говорили, что художественное произведеніе воплощаетъ „красоту" или „прекрасное", и что вліяніе его есть *эстетическое*. Первый терминъ сталъ, однако, мало-по-малу подвергаться сильному подозрѣнію, потому что, въ самомъ дѣлѣ, онъ вводилъ въ заблужденіе своею близостью къ понятію „красивое", и, сколько бы ни разъяснялось крупное между ними различіе, обычное словоупотребленіе все-таки собьетъ съ толку. Гораздо лучше, и даже вполнѣ хорошъ терминъ „эстетическое", и именно вслѣдствіе того, что онъ мѣтко указываетъ важнѣйшую особенность искусства—дѣйствіе на чувство. Но сила, конечно, не въ имени: какъ бы ни называлось то, что охватываетъ и заполняетъ нашу душу въ произведеніяхъ искусства, суть дѣла отъ того не мѣняется: „Erfüll

davon dein Herz, so gross es ist, und wenn du ganz in Gefühle selig bist, nenn es den wie du willst, nenn's Glük! Herz! Liebe!—Gefühl ist alles,—такъ можно сказать объ этомъ словами Гете.

Въ послѣднее время появилось нѣсколько солидныхъ философскихъ изслѣдованій, которыя помогутъ намъ лучше старыхъ эстетиковъ освѣтить поставленные нами вопросы о сущности и значеніи художественнаго творчества. Обратимся прежде всего къ быстро прославившемуся недавно французскому мыслителю Гюйо. По Гюйо, искусство есть методическая совокупность средствъ, чтобы произвести общее и гармоническое возбужденіе сознательной жизни, симпатическаго, такъ сказать, характера, которое и образуетъ чувство красоты. Авторъ сравниваетъ дѣйствіе художественнаго произведенія съ дѣйствіемъ индуктивнаго электрическаго тока. Вы не знаете, что такое любовь? Поэтъ заставитъ васъ испытать муки и радости любви, показывая вамъ существо, которое любитъ. Всѣ искусства представляютъ совокупность средствъ, чтобы сгустить индивидуальное чувство и сдѣлать его непосредственно передаваемымъ, въ нѣкоторой мѣрѣ общительнымъ. Если я взволнованъ изображеніемъ скорби, то именно вслѣдствіе того, что эти страданія поняты другой душой, что устанавливается вопреки физическимъ препятствіямъ, нравственная связь между мною, геніемъ и тѣмъ горемъ, которое онъ изобразилъ. Интересъ, возбуждаемый художественнымъ произведеніемъ, обусловливается именно тою ассоціацiей, въ которую мы вступаемъ съ художникомъ и выведенными имъ лицами. Наше отношеніе къ произведеніямъ искусства похоже на душевное состояніе человѣка, находящагося въ многолюдномъ собраніи. Въ этой средѣ возбуждаются и крѣпнутъ всѣ стремленія человѣка. Поэтому художественный геній у Гюйо является силою, создающею общежительныя связи и симпатіи: онъ есть не что иное, какъ необыкновенно напряженная форма этихъ самыхъ симпатій, которая стремится для своего удовлетворенія даже къ созданію новаго міра, къ созданію живыхъ *существъ искусства*, какихъ нѣтъ въ дѣйствительности, но возможность которыхъ, связь съ дѣятельностью чувствуется всякимъ. Въ результатѣ искусство, какъ и нравственность, изъемлетъ личность изъ ея узкаго „я“ и отождествляетъ ее со всѣми другими личностями, а неизвѣстная цѣль его и состоитъ въ томъ, чтобы возбуждать эстетическое волненіе общественнаго характера. Хотя, такимъ образомъ, искусство ничего не доказываетъ, какъ наука, однако вводитъ въ нашъ умъ нѣчто безспорное, потому что нѣтъ въ насъ ничего могущественнѣе чувства. Такимъ образомъ, у Гюйо въ сложномъ воздѣйствіи художественныхъ произведеній главнымъ моментомъ является возбужденіе симпатиче-

скихъ эмоцій или чувствъ, изъ которыхъ исходитъ и самъ художникъ. Тотъ фактъ, что художникъ въ своемъ творчествѣ исходитъ не столько изъ отвлеченной мысли, сколько именно изъ чувства, подтверждается и другимъ французскимъ изслѣдователемъ Сеайлемъ.

Произведеніе искусства, говоритъ онъ, возникаетъ и выполняется подъ вліяніемъ чувства, хотя импульсъ часто дается и поддерживается волей, а размышленіе подготовляетъ свободную игру воображенія. Искусство не исходитъ отъ абстрактной идеи, хотя мысль и входитъ необходимой составной частью въ каждое художественное произведеніе. Но идея пріобрѣтаетъ свое истинное значеніе въ искусствѣ только тогда, когда она *становится чувствомъ*, когда она завладѣваетъ всѣмъ духомъ или существомъ художника и возбуждаетъ образы, способные живо и ярко воплотить ее. Поэтому искусство—не процессъ разсужденія, это—сама жизнь...

Почти тѣ же мысли, что и Гюйо, только въ болѣе простыхъ и общедоступныхъ формахъ и еще болѣе рѣшительно проводитъ Л. Толстой въ своемъ сочиненіи объ искусствѣ. Его мнѣнія, конечно, особенно цѣнны для рѣшенія поставленнаго вопроса, потому что кто же здѣсь можетъ быть компетентнѣе самого художника?—Толстой еще болѣе расширяетъ соціальное значеніе искусства, какъ объединителя людей на почвѣ возбуждаемыхъ художественнымъ произведеніемъ чувствъ. „Дѣятельность искусства“—говоритъ Толстой—„состоитъ въ томъ, чтобы вызвать въ себѣ разъ испытанное чувство и, вызвавъ его въ себѣ, посредствомъ движеній линій, красокъ, звуковъ, образовъ, выраженныхъ словами, передать это чувство такъ, чтобы другіе испытали то же чувство“... Другими словами, „искусство есть дѣятельность человѣческая, состоящая въ томъ, что одинъ человѣкъ сознательно, извѣстными внѣшними знаками передаетъ другимъ испытываемыя имъ чувства, а другіе люди *заражаются* этими чувствами и переживаютъ ихъ“. Поэтому,—искусство есть необходиемо для жизни и для движенія къ благу отдѣльнаго человѣка и человѣчества средство общенія людей, соединяющее ихъ въ однихъ и тѣхъ чувствахъ.

Какъ благодаря способности человѣка понимать мысли, выраженныя словами, всякій человѣкъ можетъ узнать все то, что въ области мысли сдѣлало до него все человѣчество, можетъ въ настоящемъ стать участникомъ дѣятельности другихъ людей, и самъ можетъ передать усвоенныя отъ другихъ и свои, возникшія въ немъ, мысли современникамъ и потомкамъ, такъ точно, и благодаря способности человѣка заражаться посредствомъ искусства чувствами другихъ людей, ему дѣлается доступно въ области чувствъ все то, что пере-

жило до него человѣчество, дѣлаются доступны чувства, испытываемыя современниками, чувства пережитыя другими людьми тысяча лѣтъ тому назадъ, и дѣлается возможной передача своихъ чувствъ другимъ людямъ.

Въ чемъ же состоитъ самое художественное впечатлѣніе, или чувство, возбуждаемое художественнымъ произведеніемъ? „Главная особенность этого чувства—отвѣчаетъ авторъ—въ томъ, что воспринимающій до такой степени сливается съ художникомъ, что ему кажется, что воспринимаемый имъ предметъ сдѣланъ не кѣмъ-либо другимъ, а имъ самимъ... Настоящее произведеніе искусства дѣлаетъ то, что въ сознаніи воспринимающаго уничтожается раздѣленіе между иимъ и художникомъ, и не только между нимъ и художниковъ, но между нимъ и всѣми людьми, которые воспринимаютъ то же произведеніе искусства, и, очевидно,—прибавимъ мы отъ себя—особенно между нимъ и тѣми людьми, которые изображены въ произведеніи искусства.

„Вотъ въ этомъ-то — продолжаетъ авторъ — освобожденіи личности отъ своего отдѣленія отъ другихъ людей, отъ своего одиночества, въ этомъ-то сліяніи личности съ другими и заключается главная привлекательная сила и свойство искусства. Испытываетъ человѣкъ это чувство, заражается тѣмъ состояніемъ души, въ которомъ находился авторъ, и чувствуетъ свое сліяніе съ другими, то предметъ, вызывающій это состояніе есть искусство; нѣтъ этого зараженія, нѣтъ этого слиянія,—и нѣтъ искусства.

„Но мало того, что заразительность есть несомнѣнный признакъ искусства,—степень заразительности есть и единственное мѣрило достоинства искусства. Чѣмъ сильнѣе зараженіе, тѣмъ лучшее искусство, какъ искусство, не говоря о его содержаніи, т. е. независимо отъ достоинства тѣхъ чувствъ, которыя онъ передаетъ“.

Держась такихъ взглядовъ на искусство, Гр. Толстой не видитъ никакой пользы отъ литературной критики, и даже болѣе—готовъ считать ее одною изъ причинъ паденія искусства и пониженія вкуса къ нему. Авторъ утверждаетъ, что несправедливо то мнѣніе, по которому критики будто бы объясняютъ художественныя произведенія. „Критики объясняютъ“. Что же они объясняютъ? Художникъ, если онъ настоящій художникъ, передалъ въ своемъ произведеніи другимъ людямъ то чувство, которое онъ пережилъ; что же тутъ объяснять? Если произведеніе хорошо, то, независимо отъ того, нравственно оно, безнравственно,—чувство, выражаемое художникомъ, передается другимъ людямъ, и они испытываютъ его, и всѣ толкованія излишни.

Если же произведеніе не заражаетъ людей, то никакія толко-

ванія не сдѣлаютъ того, чтобы оно стало заразительно. Толковать произведеніе художника нельзя. Если бы можно было словами (т. е. разсудочно) растолковать то, что хотѣлъ сказать художникъ, онъ и сказалъ бы словами. А онъ сказалъ своимъ искусствомъ, потому что другимъ способомъ нельзя было передать то чувство, которое онъ испыталъ. Надо замѣтить, что авторъ идетъ еще дальше, и прямо указываетъ, что изслѣдователи лишены способности заражаться произведеніями искусства, но мы здѣсь за нимъ не послѣдуемъ...

Взгляды авторитетныхъ современныхъ судей художественнаго дѣла сводятся къ тому, что художественныя произведенія, созданныя чувствомъ художника, въ которомъ растворяется безъ остатка и самая мысль, предназначены дѣйствовать не столько на умъ, на разсудокъ людей, сколько непосредственно на ихъ чувство же, заражая и объединяя ихъ тѣмъ настроеніемъ и тѣми чувствами, которыя воплощены въ созданіи искусства. Конечно, чувства, возбуждаемыя художественнымъ произведеніемъ въ его цѣломъ, не тѣ лишь простыя сердечныя волненія, которыя въ психологіи принято называть „чувствованіями“; нѣтъ, это скорѣе сложныя эмоціи, которымъ причастна и извѣстная мыслительная или идейная работа, трудно, однако, выдѣлимая изъ живого цѣльнаго впечатлѣнія, какъ таковая; это общее возбужденіе всей души, всего существа человѣка въ его органически-цѣломъ видѣ: налетѣлъ вихрь, и разбушевавшіяся волны поднимаютъ песокъ со дна и несутъ на своихъ хребтахъ трепещущую пѣну и отбрасываютъ къ небесамъ миріады сверкающихъ брызгъ...

Какое же заключеніе вытекаетъ отсюда въ примѣненіи къ преподаванію художественной литературы? Оказывается, что если преподавать ее согласно ея внутренней сущности, то надо не столько оперировать такъ или иначе—исторически, критически—надъ ея содержаніемъ, сколько прямо дѣйствовать на сердца ея могучими чарами. Средствами же для этого могутъ служить: частью—прочувствованное чтеніе, насколько оно осуществимо по условіямъ предоставленнаго времени, частью же для выполненія того, что не можетъ быть прочитано, и для наиболѣе полнаго и яркаго освѣщенія цѣлаго—по возможности соотвѣтственно-колоритное, одушевленное толкованіе.

Говоря—соотвѣтственно-колоритное толкованіе, я имѣю въ виду, чтобы толкованіе сохраняло настроеніе объясняемой вещи или момента, и чтобы оно имѣло, по крайней мѣрѣ, соотвѣтствующую тональную окраску. Но, скажутъ,—колоритный, или нѣтъ, а вѣдь это уже все таки разборъ, т. е. критика. Не совсѣмъ: если это и кри-

тика, то такая, которая сама сродни искусству по своему происхожденію и характеру: она тоже вѣдь возбуждаетъ и заражаетъ. Она есть не разсудочное, методическое изслѣдованіе, а невольный, такъ сказать, откликъ души человѣческой, взволнованной произведеніемъ искусства, и потому она тоже объединяетъ.

Но въ чемъ же состоитъ отличіе такого класснаго чтенія и толкованія отъ собственнаго чтенія молодежи?—Да въ томъ, что здѣсь—говоря метафорически—для огня, можетъ быть, лишь тлѣвшаго или горѣвшаго неровно, приспособляются мѣхи, раздувающіе и усиливающіе и направляющіе его должнымъ образомъ. Можетъ быть, ученикъ увлекается одной фабулой читаемаго произведенія, можетъ быть, онъ отдаетъ свое сочувствіе не тѣмъ моментамъ, какимъ должно, или испытываетъ не то, что слѣдуетъ, или не замѣчаетъ многихъ оттѣнковъ, или, наконецъ, слабо или совсѣмъ даже не интересуется тѣмъ или другимъ художественнымъ произведеніемъ,—все это исправитъ и упорядочитъ учитель.

Не надо вѣдь забывать, что въ толпѣ впечатлѣніе очень усиливается и сгущается путемъ взаимной электризаціи, и поэтому-то искусство и назначено для толпы, для ея душевнаго единенія на почвѣ единства эстетическаго настроенія и симпатіи къ изображаемымъ людямъ, къ изображаемой жизни.

Это непосредственное благотворное значеніе эмоціональнаго усвоенія литературы превращается, мнѣ кажется, постепенно въ собственно воспитательное и даже образовательное, которое кратко выражено въ приведенныхъ уже выше словахъ Гюйо: „Искусство ничего не доказываетъ, однако, вводитъ въ нашъ умъ нѣчто безспорное, ибо нѣтъ въ насъ ничего могущественнѣе чувства“. Въ самомъ дѣлѣ, и наше личное самонаблюденіе, и психологія доказываетъ намъ, что чувства въ человѣкѣ сильнѣе всѣхъ другихъ проявленій сознанія и обусловливаютъ въ значительной мѣрѣ и самый ходъ и связь нашихъ представленій, т. е. направленіе нашего мышленія. Гефдингъ, напр., въ своемъ классическомъ трудѣ, говоритъ: „Вліяніе чувства на жизнь представленія глубже, чѣмъ наоборотъ... Если чувство a тѣсно срослось съ представленіемъ а, то оно можетъ препятствовать естественному соединенію между представленіями а и a_1, a_2... и еще болѣе соединенію между представленіями а и б.“

„Это значитъ, что мы не можемъ довершить ходъ мыслей, потому что чувство противится расширенію за предѣлы своего первоначальнаго объекта. Здѣсь дѣйствуетъ косность чувства, которое такимъ образомъ дѣлается источникомъ множества непослѣдовательностей въ исторіи и повседневной жизни. Если греки не могли по-

ренести своей любви къ людямъ на варваровъ, то это происходило не отъ чисто-интеллектуальной ограниченности (хотя здѣсь вліялъ и ограниченный историческій опытъ), но народное чувство мѣшало вполнѣ провести нравственныя слѣдствія. Христіанство опрокинуло эти преграды (опяти таки) не путемъ интеллектуальнаго превосходства, а посредствомъ глубокаго душевнаго движенія, которое оно пробудило. Такимъ образомъ, выводъ, къ которому логическое мышленіе можетъ придти, какъ видно, мгновенно, въ исторіи занимаетъ много времени; переворотъ въ жизни чувствъ является результатомъ опыта долгаго времени... Но если этотъ шагъ сдѣланъ, то чувство оказывается вѣрнымъ хранителемъ пріобрѣтеннаго. Здѣсь его косность является кстати для познанія. Въ силу того, что представленіе в черезъ представленіе а сливается съ ч. а, оно пускаетъ глубокіе корни въ душѣ. Познаніе выигрываетъ въ прочности и вѣрности, и только тогда оно дѣйствительно бываетъ достояніемъ личности, когда, значитъ, коренится въ чувствованіи, въ непосредственномъ состояніи индивидуума... Тогда всѣ другіе элементы въ мірѣ перестаютъ существовать для сознанія. Чувство производитъ здѣсь качественный выборъ. Всѣ представленія, не гармонирующія съ господствующимъ чувствомъ, оттѣсняются, подобно тому, какъ исчезаютъ живыя существа, которыя не въ состояніи приспособиться къ даннымъ обстоятельствамъ"...

Такъ объясняетъ психологія въ своемъ научномъ анализѣ то, что является и безъ того непререкаемымъ фактомъ для всякаго человѣка, способнаго къ самонаблюденію. Отсюда, мнѣ кажется, прямо вытекаетъ, что для установленія прочнаго комплекса представленій прочнаго строя мыслей, т. е., для созданія устойчиваго міровоззрѣнія важнѣе дать чувству опредѣленное направленіе, воспитать и образовать его надлежащимъ образомъ, чѣмъ мышленіе, потому что иначе, согласно вышесказанному, все мыслительное зданіе можетъ оказаться построеннымъ на пескѣ...

Учителя Закона Божія и исторіи помогаютъ преподавателю словесности въ этомъ дѣлѣ, но главнымъ дѣятелемъ все же долженъ быть онъ... Да, разъ есть возможность, то надо стараться облагораживать прямымъ путемъ эту глубокую сферу духа, эту первобытную стихію, гдѣ вырабатываются бродила мысли, откуда именно, изъ неизвѣданныхъ нѣдръ, всходятъ первые, пышные ростки міросозерцанія... Но, считая главной задачей преподаванія художественной литературы воздѣйствіе на чувство, я не только ничуть не отрицаю полезнаго вліянія умственныхъ операцій надъ ея содержаніемъ, главнымъ образомъ, психологически-бытового характера, но даже считаю ихъ въ извѣстной мѣрѣ необходимыми. Дѣло въ томъ, что всякое

почти впечатлѣніе или состояніе духа можетъ являться источникомъ невольной игры разнообразныхъ умственныхъ ассоціацій, и потому большинство художественныхъ произведеній обладаютъ свойствомъ,— свойствомъ уже, такъ сказать, производнымъ или вторичнымъ—наводить на опредѣленнаго характера размышленія; въ этихъ размышленіяхъ, конечно, слѣдуетъ и разобраться. Въ этомъ случаѣ литература, впрочемъ, служитъ только замѣстительницей самой жизни, т. е. вмѣсто того, чтобы разсуждать относительно и по поводу самыхъ фактовъ дѣйствительности, мы прибѣгаемъ къ литературѣ; да иначе и нельзя сдѣлать, потому что даже самыя яркія явленія жизни могутъ быть доступны людямъ лишь съ внѣшней стороны, а то, что наиболѣе важно—внутреннія пружины и работа психики человѣческой—остается совсѣмъ закрытыми для насъ. Этотъ способъ пользованія художественнымъ матеріаломъ долженъ принимать преимущественно форму бесѣдъ и письменныхъ работъ, и на него надо тоже удѣлять достаточно времени въ виду его важности для другой стороны учебнаго дѣла—удовлетворенія потребности въ самодѣятельности у учениковъ. Но имъ отнюдь не слѣдуетъ злоупотреблять, какъ это часто дѣлаютъ, внушая, такимъ образомъ, учащимся, что будто художественное произведеніе есть только, Богъ знаетъ для чего, замаскированное и затемненное образами разсужденіе. Это обыкновенно называется сторонниками такого веденія дѣла—„научить съ пользою и плодотворно читать художественныя произведенія". Это доходитъ до того, что не позволяютъ уже увлекаться книгою,—страдать, плакать, радоваться и пр., т. е. не позволяютъ поддаваться художественному впечатлѣнію, а на мѣсто его ставятъ медленное и методическое „продумываніе" читаемаго, съ карандашомъ въ рукѣ, для отмѣтокъ на поляхъ, почему и зачѣмъ такъ сказано, и что изъ этого вытекаетъ... Мы, признаемся, безъ ужаса не можемъ себѣ и представить, что бы сталось со всѣмъ искусствомъ, если бы серьезно можно было заставлять всѣхъ учащихся, вмѣсто живого чтенія, ворочать, такъ сказать, мельничные жернова... Это, положимъ, нѣмецъ Эккардтъ додумался до такихъ вещей, но онъ даже и русскихъ педагоговъ переводчиковъ соблазнилъ рекомендовать эту книженку, какъ настольную, когда ее, по справедливому замѣчанію проф. Незеленова, слѣдуетъ прямо бросить подъ столъ. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему можетъ привести такое методически-критическое чтеніе вдохновенныхъ произведеній поэзіи?

Помимо того, что такимъ путемъ изъ нихъ заранѣе вынимается вся жизненная, художественная сочность, и они становятся похожими на выжатый лимонъ, самые-то результаты такого чтенія до-

вольно-таки плоски и жалки, какъ и всякій почти переводъ художественнаго произведенія на голый логическій языкъ.

„Продумываніе“ идетъ по извѣстной банальной схемѣ, и получается какая-то прописная мораль. Онѣгинъ плохъ тѣмъ, что онъ—эгоистъ и не умѣлъ трудиться. Печоринъ плохъ тѣмъ, что онъ эгоистъ и не хотѣлъ трудиться, Рудинъ—тѣмъ, что только болталъ, а не трудился и т. д. и т. д. Словомъ, отъ методическаго, разумнаго якобы чтенія получается такое впечатлѣніе, что во всей всемірной литературѣ очень мало такого, что стоило бы взять вторично въ руки, потому что уже послѣ перваго раза убѣждаешься, что всѣ эти людишки ровно ничего не стоятъ. Впрочемъ, кромѣ этой моралистической, такъ сказать, оцѣнки, привлекается къ дѣлу и историческая оцѣнка типовъ: предлагается принимать въ расчетъ эпоху, среду, условія воспитанія и жизни и т. п. Но важна ли, собственно, намъ эта историческая точка зрѣнія? И въ „Иліадѣ“, и въ „Божественной Комедіи“, и Шекспирѣ важно не то, что въ нихъ есть временнаго, преходящаго, а то, что вѣчно, что представляетъ такъ или иначе откровеніе неумирающихъ тайнъ человѣческой души и жизни... Вѣдь даже произведенія чисто-историческаго содержанія предназначены не для того, чтобы отдалять отъ насъ изображаемыя явленія въ историческую даль, а какъ разъ напротивъ—чтобы эти отдаленныя явленія приблизить къ нашему сердцу, дать почувствовать и въ нихъ трепетъ намъ же свойственной жизни, дыханіе своего, родного... Нѣтъ, нѣтъ, я думаю, что истинно-художественное впечатлѣніе, если воспріимчивость къ нему еще не убита „разумнымъ“ чтеніемъ, все равно размечетъ всѣ эти методическіе рычаги и вѣсы, и внушитъ любовь къ этимъ слабымъ, правда, но тѣснящимся къ нашему сердцу призракамъ, взывающимъ къ тому, чтобы мы ихъ сердцемъ же поняли вполнѣ, а понявъ, простили и полюбили, ибо они—мы сами, со всею нашею грѣховностью и слабостью, только выведенные на всенародное позорище и тѣмъ искупающіе свои вины... Да, велика жалость и сочувствіе ко всему живому—вотъ настоящіе результаты неиспорченныхъ художественныхъ воспріятій.

Но пусть бы ограничивались предоставленіемъ подросткамъ права резонерски-убого судить людей, выведенныхъ въ произведеніяхъ поэтовъ,—это бы еще ничего,—въ извѣстной мѣрѣ это даже необходимо допустить, какъ указано выше, а то вѣдь отъ нихъ требуютъ, чтобы они судили и самихъ геніальныхъ художниковъ, какъ художниковъ! Невольно думается, что если бы поэтамъ, при созданіи ихъ произведеній, хоть на мгновеніе пришла въ голову мысль, что они изливаютъ свои завѣтнѣйшія думы и чувства преимущественно для того, чтобы подвергнуться потомъ суду подростковъ, то они, навѣр-

ное, поломали бы свои перья, прокляли бы свой тщетный даръ и замолкли бы навѣки... А къ тому, какъ будто, идетъ дѣло, потому что при злоупотребленіи критическимъ чтеніемъ мы отучаемъ отъ любви къ поэзіи, отъ увлеченія ею, и развиваемъ, кажется, довольно бездушное критиканство и резонерство. Я думаю, что намъ надо образовать, поскольку это въ нашихъ силахъ не знатоковъ-педантовъ, а энтузіастовъ искусства, поддерживая и разжигая, пока можно, юную восторженность. Вѣдь счастье человѣка обусловливается больше всего его душевною молодостью,—его способностью удивляться, восхищаться и увлекаться; а погасъ огонь, дошелъ человѣкъ до мертваго Горацієвскаго nil admirari—и прощай жизнь, прощай счастье! Застывающая душа не даетъ болѣе живыхъ отзвуковъ ни на что высокое и великое въ мірѣ... „Забирайте же съ собою",—говоритъ Гоголь,—„выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее мужество,—забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ: не подымете потомъ!"

Н. Петровъ.

Къ вопросу о значеніи теоріи словесности въ нашей средней школѣ.

Въ апрѣльской книжкѣ „Рус. Школы" за 1905 г. на стр. 168—174 напечатана статья г. Келтуялы, въ которой авторъ горячо рекомендуетъ „замѣну изученія теоріи словесности, какъ особаго предмета, изученіемъ исторіи русской литературы второй половины XIX в." Реформу эту авторъ совѣтуетъ ввести съ ближайшаго же (1905—6) учебнаго года, полагая, что сдѣлать это можно легко, „безъ долгихъ сборовъ, особыхъ коммиссій и пр., въ силу простого распоряженія Мин. Нар. Просв.", и убѣжденъ, что „къ такой реформѣ съ одинаковымъ сочувствіемъ отнесутся и педагоги-словесники, и общество и, что важнѣе всего, учащіеся".

Намъ думается, что, конечно, „въ силу простого распоряженія Мин. Нар. Просв." можно очень легко исключить изъ школы не только теорію словесности, но и вообще любой предметъ. Что же касается сочувствія, то мы не сомнѣваемся, что съ еще большимъ сочувствіемъ многіе учащіеся отнеслись бы къ полной отмѣнѣ всѣхъ преподаваемыхъ въ школѣ предметовъ съ замѣною ихъ, напр., играми на вольномъ воздухѣ; но насчетъ педагоговъ-словесниковъ и истинно образованнаго общества авторъ, думаемъ мы, сильно ошибается..

Теорія словесности важна, какъ обобщеніе, какое можно вывести изъ изученія исторіи словесности, какъ взглядъ, брошенный на нее à vol d' oiseau. Она распредѣляетъ историко-литературный матеріалъ по отличительнымъ признакамъ формы и содержанія, даетъ возможность сдѣлать синтезъ всего, что аналитически разсмотрѣно исторіей словесности. Она является, такимъ образомъ, необходимымъ дополненіемъ и, такъ сказать, завершеніемъ этой послѣдней.

Изученіе теоріи словесности играетъ въ школѣ такую же роль, какую играетъ въ ней изученіе логики. Дѣйствительно, вѣдь всякая наука, преподаваемая въ школѣ, должна быть логична; однако, вполнѣ основательно, считается совершенно недостаточнымъ такое оз-

накомленіе съ логикой, какое даетъ изученіе отдѣльныхъ наукъ и поэтому признается необходимымъ общій, систематическій курсъ логики, хотя элементы этой науки входятъ, какъ необходимое условіе, въ организмъ всякой науки вообще. И подобно тому, какъ нужна въ школѣ логика, эта наука о наукѣ вообще, точно также нужна въ ней и теорія словесности, наука о литературѣ, ея видахъ и формахъ. Она объединяетъ то, что въ разрозненномъ видѣ ученикъ встрѣчаетъ въ произведеніяхъ самой литературы и что попутно онъ узнаетъ при прохожденіи курса исторіи словесности и разборѣ отдѣльныхъ памятниковъ поэзіи и прозы. Въ рукахъ умѣлаго преподавателя теорія словесности становится могущественнымъ средствомъ развитія и пріобрѣтаетъ глубокій интересъ. Можно, конечно, при плохомъ преподаваніи и плохихъ учебникахъ сдѣлать изъ нея и нѣчто, совершенно противоположное, особенно, если смотрѣть на нее какъ на собраніе правилъ, дающихъ любому ученику возможность сочинить, напр., комедію или оду—но при плохомъ преподаваніи и плохихъ учебникахъ всякую науку возможно сдѣлать излишнею и безполезною для развитія. Вѣдь даже классическую литературу иные педагоги ухитрились надѣлить этими незавидными свойствами—идеально-прекрасное сумѣли сдѣлать скучнымъ и пошлымъ. Поэтому, если идетъ рѣчь объ общеобразовательныхъ достоинствахъ или недостаткахъ, значеніи и пользѣ того или другого предмета, то слѣдуетъ всегда имѣть въ виду, что̀ этотъ предметъ можетъ дать при надлежащей постановкѣ его преподаванія; въ противномъ случаѣ недостатки преподаванія всегда могутъ быть сочтены за недостатки самого предмета, что можетъ въ результатѣ повести къ прискорбнымъ заблужденіямъ. Я подчеркиваю это обстоятельство, потому что его очень часто упускали изъ вида критики нашей школы.

Г. Келтуяла полагаетъ, что теорія словесности не что иное какъ схоластическій пережитокъ старой „піитики“ и еще болѣе старой „реторики“. Это не совсѣмъ такъ. Правда, обѣ эти дисциплины легли въ основу отдѣльныхъ частей теоріи словесности, но ея содержаніе далеко не исчерпывается этимъ унаслѣдованнымъ субстратомъ. Содержаніе теоріи словесности обогатилось съ временъ ложно-классическихъ многими весьма интересными вопросами, и если даже наука до сихъ поръ не даетъ вполнѣ опредѣленнаго отвѣта на многіе изъ нихъ, то все же дѣлаются попытки дать этотъ отвѣтъ. Намъ не кажется неумѣстнымъ, если въ VIII классѣ гимназій, въ которомъ проходится теорія словесности, хоть немного „повѣетъ университетомъ“ и нѣкоторые вопросы будутъ излагаться не чисто-догматически, а критически. Вмѣстѣ съ тѣмъ

намъ представляется небезполезнымъ, если ученикъ ознакомится съ основными идеями „Поэтики“ Аристотеля, Горація и Буало или съ „Гамбургской Драматургіей“ Лессинга и даже если прочтетъ что-нибудь изъ нихъ въ хорошемъ переводѣ и подъ руководствомъ преподавателя. Если же послѣдній подвергнетъ идеи этихъ теоретиковъ литературы критической оцѣнкѣ и покажетъ, что современная литература начала выростать изъ рамокъ прежнихъ теорій, то такого рода критика можетъ быть только весьма поучительна и цѣнна во всѣхъ отношеніяхъ, и въ VIII классѣ, этомъ „преддверіи университета“, даже очень умѣстна. Всѣ эти прежнія „ненаучныя“ теоріи заключаютъ въ себѣ, однако, наряду съ нѣкоторыми, заслуживающими критики, недостатками также очень много весьма здравыхъ сужденій и цѣнныхъ указаній, которыми вполнѣ возможно пользоваться и въ наши дни. Затѣмъ никто вѣдь не мѣшаетъ познакомить учениковъ и съ различными современными воззрѣніями на художественное творчество, на литературную критику (Тэнъ, Геннекенъ и др.) и т. п., хотя бы воззрѣнія эти до сихъ поръ еще не успѣли застыть въ неподвижныхъ формахъ догматическихъ истинъ. Итакъ, мы смотримъ на теорію словесности совершенно иначе, чѣмъ г. Келтуяла, и видимъ въ ней много чрезвычайно цѣннаго для учащихся. Преподаваніе теоріи словесности слѣдуетъ, быть можетъ, сдѣлать болѣе глубокимъ и научнымъ, но не уничтожать. Что же касается сочувствія учениковъ къ этому предмету, то мы глубоко убѣждены, что ихъ отношеніе къ теоріи словесности (какъ и къ другимъ предметамъ) обусловливается больше всего способомъ преподаванія и талантливостью учителя. Впрочемъ, насколько намъ, по крайней мѣрѣ, извѣстно, никакой особенной антипатіи къ теоріи словесности учащіеся и въ настоящее время не обнаруживаютъ.

Затѣмъ, теорія словесности, какъ наука, въ объемъ которой входятъ въ одинаковой степени литературныя произведенія всѣхъ вѣковъ и народовъ, какъ бы создана для того, чтобы показать родство и преемство литературныхъ формъ и лучше выяснить однородность литературы отечественной и всеобщей. При этомъ, разумѣется, очень удобно сопоставить факты, извѣстные ученикамъ изъ исторіи русской словесности, съ главными явленіями античной и западно-европейской литературы. У насъ, какъ извѣстно, ни античная, ни западно-европейская литература совершенно не проходятся въ средней школѣ, и учащійся можетъ успѣшно кончить гимназію и поступить въ университетъ, оставаясь при этомъ въ полномъ невѣдѣніи относительно даже крупнѣйшихъ явленій всемірной литературы. Мнѣ лично приходилось наталкиваться на почти невѣ-

роятные случаи невѣжества въ этомъ отношенiи у людей вполнѣ „интеллигентныхъ“ и съ высшимъ образовательнымъ цензомъ. Вводить въ школу цѣльный, самостоятельный курсъ исторiи всеобщей литературы, конечно, трудно; но тутъ то можетъ очень пригодиться именно теорiя словесности, которая, знакомя учащихся съ возникновенiемъ, развитiемъ и дифференцiацiей отдѣльныхъ литературныхъ видовъ, на каждомъ шагу представляетъ вполнѣ удобные случаи говорить о корифеяхъ всемiрной литературы, которые либо создали либо довели до совершенства тѣ или иныя литературныя формы.

Г. Келтуяла осуждаетъ содержанiе теорiи словесности, признавая его ненаучнымъ, и, тѣмъ не менѣе, полагаетъ, что матерiалъ, который теперь распредѣляется по рубрикамъ теорiи словесности, долженъ группироваться по рубрикамъ исторiи литературы, съ исключенiемъ всего второстепеннаго. Это, прежде всего, не особенно послѣдовательно: теорiя словесности либо нужна—и въ такомъ случаѣ устранять ее незачѣмъ,—либо ненужна—и тогда содержанiе ея незачѣмъ группировать по рубрикамъ исторiи литературы. Если же все дѣло въ устраненiи второстепеннаго, то стоитъ ли игра свѣчъ? Вѣдь курсъ теорiи словесности и нынѣ не отличается большимъ объемомъ, такъ что „второстепеннаго“ въ немъ и такъ немного, слѣдовательно, теорiю словесности все равно проходить придется почти въ томъ же объемѣ, только не вмѣстѣ, а въ разбросъ и безъ всякой системы, причемъ, конечно, та или другая—и не второстепенная, а даже весьма существенная часть ея—легко можетъ быть случайно опущена. А какъ кромѣ того придется изучать такой серьезный предметъ, какъ исторiя новой русской литературы, то ясно, что предлагаемая г. Келтуялой реформа сводится, въ сущности, къ еще большему, чѣмъ нынѣ, обремененiю учащихся, что едва-ли рацiонально. Не лучше-ли будетъ, если самъ преподаватель станетъ по своему усмотрѣнiю пользоваться тѣмъ богатымъ матерiаломъ, какой даетъ новая русская литература, для поясненiя и оживленiя курса теорiи словесности? Ему-же нетрудно будетъ исключить и второстепенное, если оно окажется дѣйствительно ненужнымъ.

Слѣдуетъ, наконецъ, отмѣтить, что систематическое изученiе въ школѣ теорiи словесности нужнѣе, чѣмъ такое же изученiе новой русской литературы между прочимъ и потому, что съ новыми русскими писателями юноша навѣрное все равно познакомится, если не въ VIII классѣ, то годомъ или двумя позже, а пробѣлы въ теоретическихъ знанiяхъ о литературѣ у большинства такъ и останутся навсегда пробѣлами и не будутъ впослѣдствiи пополнены самостоятельнымъ чтенiемъ.

Ив. Дусинскiй.

«Защитнику» теоріи словесности.

Отстаивая необходимости изученія теоріи словесность, кахъ особаго предмета, г. Дусинскій пишетъ: „Г. Келтуяла осуждаетъ содержаніе теоріи словесности, признавая его ненаучнымъ, и тѣмъ не менѣе полагаетъ, что матерiалъ, который теперь распредѣляется по рубрикамъ теоріи словесности, долженъ группироваться по рубрикамъ исторіи литературы, съ исключеніемъ всего второстепеннаго. Это прежде всего не особенно послѣдовательно: теорія словесности либо нужна— и въ такомъ случаѣ устранять ее незачѣмъ,—либо не нужна—и тогда содержаніе ея незачѣмъ группировать по рубрикамъ исторіи литературы. Если-же все дѣло въ устраненіи второстепеннаго, то стоитъ ли игра свѣчъ? Вѣдь курсъ теоріи словесности и нынѣ не отличается большимъ объемомъ, такъ что „второстепеннаго“ въ немъ и такъ немного, слѣдовательно, теорію словесности все равно проходить придется почти въ томъ-же объемѣ, только не вмѣстѣ, а въ разбросъ и безъ всякой системы, при чемъ, конечно, та или другая— и не второстепенная, а даже весьма существенная—часть ея легко можетъ быть случайно опущена“.

Итакъ, „горячо“ рекомендуя замѣну изученія теоріи словесности, какъ особаго предмета, изученіемъ исторіи русской литературы, я въ концѣ концовъ возвращаюсь, незамѣтно для себя, къ той-же теоріи словесности и совѣтую только ея матеріалъ, т. е. теоретико-словесныя опредѣленія, распредѣлить по рубрикамъ исторіи литературы, а не по рубрикамъ теоріи словесности. Такъ выходитъ по изложенію г. Дусинскаго; у меня же дѣло обстоитъ нѣсколько иначе.

Въ гимназіи исторія русской литературы проходится въ V, VI и VII классахъ, завершаясь Гоголемъ. Экзамена по исторіи русской литературы въ гимназіи нѣтъ; въ VIII кл. проходится курсъ теоріи словесности, причемъ матеріалъ, на основаніи котораго дѣлаются теоретико-словесныя опредѣленія и выводы, почерпается главнымъ образомъ изъ курса исторіи русской литературы, пройденнаго въ предыдущихъ классахъ. Подъ „матеріаломъ“ я разумѣю словесныя

произведенія, входящія въ программу курса и подлежащія теоретико-словесной разработкѣ. Эти произведенія въ VIII классѣ съ одной стороны, повторяются съ историко-литературной точки зрѣнія (если они уже приходились въ предыдущихъ классахъ), а съ другой—анализируются въ интересахъ теоріи словесности. Двойственная точка зрѣнія сохранена и въ нынѣ дѣйствующей *экзаменаціонной* программѣ въ VIII классѣ, причемъ теоретико-словесная точка зрѣнія является господствующей, а историко-литературная подчиненной. Въ рубрику „путешестіе“ входитъ, напр., слѣдующій „матеріалъ“, оторванный отъ тѣхъ различныхъ почвъ, которыя ихъ произвели: „Письма русскаго путешественника“ Карамзина, „Хожденіе“ игумена Даніила, „Письма изъ-за границы“ Фонвизина, „Путешествіе“ Аѳанасія Никитина въ Индію. На экзаменѣ ученикъ долженъ, во-первыхъ, обнаружить знаніе содержанія этихъ произведеній, во-вторыхъ, сообщить основныя историко литературныя свѣдѣнія объ нихъ и, во-третьихъ, опредѣлить характерные черты „путешествія“. какъ особаго вида словесныхъ произведеній. Такова въ настоящее время постановка русской словесности въ VIII-мъ классѣ и характеръ экзаменаціонной программы, и говоря, что съ замѣной въ VIII классѣ теоріи „словесности исторій литературы второй половины XIX-го вѣка, „матеріалъ“, выходящій въ *экзаменаціоную* (я подчеркиваю) программу, долженъ быть распредѣленъ не по рубрикамъ теоріи словесности, а по рубрикамъ исторіи-литературы — говоря это, я имѣлъ въ виду распредѣленіе *произведеній*, а не теоретико-словеснаго *содержанія*, т. е. теоретическихъ выводовъ и опредѣленій. Такимъ обраобразомъ, въ этихъ моихъ словахъ нѣтъ той непослѣдовательности, которую усмотрѣлъ г. Дусинскій; напротивъ, предложить такое перераспредѣленіе „матеріала“ въ экзаменаціонной программѣ я долженъ былъ именно во имя послѣдовательности. Разъяснять ли мнѣ теперь г. Дусинскому, что при внимательномъ отношеніи къ моимъ словамъ ему не пришлось бы тратить остроумной ироніи относительно другого моего предложенія: устранить изъ *экзаменаціонной* программы VIII-го класса второстепенный „матеріалъ“, т. е. или неважный съ историко-литературной точки зрѣнія, (напр., басни Сумарокова, Хемницера, Дмитріева, Моленіе Даніила Заточника и т. д.) или лишній (трагедіи Софокла, Шекспира) и замѣнить его „матеріаломъ“, болѣе важнымъ: произведеніями второй половины XIX-го в. Такимъ образомъ, одно изъ возраженій г. Дусинскаго, основанное на превратномъ пониманіи употребленнаго мною слова „матеріалъ“, устраняется. Перехожу къ другимъ возраженіямъ.

Къ удивленію, однако, я никакихъ *мотивированныхъ* возраженій у г. Дусинскаго не вижу. Мало того: г. Дусинскій не сумѣлъ или не

захотѣлъ даже выдѣлить мой главный аргументъ въ пользу предпочтенія исторіи литературы. Съ этимъ аргументомъ, кратко изложеннымъ на стр. 172, гдѣ я говорю о *второмъ* выигрышѣ отъ замѣны теоріи словесности, какъ особаго предмета, исторіей литературы, я рекомендую г. Дусинскому еще разъ познакомиться. Я говорю, что всякій народъ переживаетъ опредѣленный процессъ развитія, процессъ проявленія его потенціальныхъ силъ. Этотъ процессъ пережитъ и русскимъ народомъ: послѣдній прошелъ рядъ опредѣленныхъ ступеней въ своей эволюціи, начиная съ патріархально-родового быта и кончая господствующими нынѣ во всѣхъ культурныхъ странахъ капиталистическими отношеніями. Тяжелъ былъ для русскаго народа, быть можетъ, тяжелѣе, чѣмъ для другихъ народовъ, этотъ процессъ. Переживая его, русскій народъ выразилъ въ словесныхъ произведеніяхъ тѣ чувства, думы и стремленія, которыя вызывались у него этимъ процессомъ: закономѣрный процессъ общественно-политическаго развитія отразился въ параллельномъ ему закономѣрномъ процессѣ литературнаго развитія. Поэтому, изучая литературныя произведенія съ историко-литературной точки зрѣнія, мы знакомимся съ послѣдовательно смѣнявшимися чувствами, настроеніями, идеалами русскаго народа, съ той работой самосознанія, которая сопровождала измѣненія въ его жизни съ древнѣйшихъ поръ и до сегодняшняго дня. Исторія русской литературы освѣщаетъ огромный путь, пройденный русской психикой, и дѣлаетъ намъ понятными современныя стремленія и идеалы; она даетъ въ нашей мысли прочныя основанія всему тому, что въ этихъ стремленіяхъ и идеалахъ есть жизненнаго, національнаго, и показываетъ призрачность и слабость того, что не соотвѣтствуетъ національной психикѣ. Словомъ, исторія русской литературы, доведенная до конца, есть могущественнѣйшее орудіе для воспитанія въ учащихся сознательнаго отношенія къ себѣ и къ жизни для выработки изъ нихъ людей, обладающихъ твердыми и непреклонными убѣжденіями.

Таковъ мой основной аргументъ. Г. Дусинскій повторяю, не только не выдѣлилъ его въ своемъ возраженіи, но даже какъ будто не замѣтилъ его, потому что въ замѣткѣ, направленной противъ меня, нѣтъ даже намека на этотъ аргументъ. Изъ этого я позволю себѣ сдѣлать слѣдующій выводъ: мой аргументъ оказался настолько сильнымъ, что г. Дусинскій не нашелся что-либо возразить противъ него, такъ какъ всякія возраженія оказались бы черезчуръ слабыми, и рѣшился попросту обойти его краснорѣчивымъ молчаніемъ... Жаль бѣдной теоріи словесности, защитникомъ которой взялся быть г. Дусинскій; но за исторію литературы нельзя не порадоваться.

Если г. Дусинскій совершенно не касается моего основного довода

въ пользу исторіи русской литературы, то о необходимости теоріи словесности онъ кое-что говоритъ. Именно, онъ утверждаетъ, что „теорія словесности важна, какъ обобщеніе, какое можно вывести изъ изученія исторіи словесности, какъ взглядъ, брошенный на нее à vol d'oiseau". Согласимся съ авторомъ. Въ такомъ случаѣ для взгляда, брошеннаго на исторію литературы à vol d'oiseau, т. е. для возможности даже возникновенія теоріи словесности, возможности основательнаго занятія теоріей словесности необходимо предварительно изучить *всю* исторію литературы, а не часть ея. Иными словами, г. Дусинскій, сознательно признавая ненужнымъ изученіе въ средней школѣ исторіи русской литературы второй половины XIX-го в., говоря, что учащіеся и по окончаніи курса средней школы „навѣрное" сами познакомятся съ этой литературой, въ то же время даетъ такое опредѣленіе теоріи словесности, которое обусловливаетъ предварительное знакомство со всей исторіей литературы. Такимъ образомъ, г. Дусинскій невнимательно относится не только къ смыслу *моихъ* словъ, но и къ собственнымъ словамъ. Въ интересахъ ли это защищаемой имъ теоріи словесности?

Но едва-ли можно согласиться съ даваемымъ г. Дусинскимъ опредѣленіемъ этой „науки". „Обобщеніе, какое можно вывести изъ изученія исторіи словесности", „взглядъ, брошенный на нее à vol d'oiseau," не есть теорія словесности, какъ воображаетъ г. Дусинскій, а схема послѣдовательныхъ измѣненій, закономѣрно испытанныхъ совокупностью произведеній русской литературы; это не обобщеніе теоретико-словесное, а обобщеніе историко-литературное: это формула закона, по которому шло развитіе русской литературы. Только это и можно называть „взглядомъ à vol d'oiseau" на исторію русской литературы. Что касается до теоріи словесности, то ея задача совершенно иного рода; она изучаетъ литературное произведеніе съ точки зрѣнія его основныхъ началъ; она классифицируетъ литературныя произведенія по разрядамъ, родамъ, видамъ и т. д.; а это возможно, если примѣняется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ сравнительно-историческій методъ, оперирующій надъ матеріаломъ, доставляемымъ *всемірной* литературой. Теорія словесности является, какъ результатъ обобщенія не исторіи литературы даннаго народа, даже не исторіи всемірной литературы, а основныхъ началъ литературнаго произведенія вообще.

Вотъ все то существенное, что г. Дусинскій говоритъ противъ проектируемой мною реформы и въ защиту существующаго statu quo. Все прочее сводится къ „поученіямъ", отъ разбора которыхъ

я избавляю читателя *). Напомню только читателю, что, по моему проекту, упраздняется изученіе теоріи словесности, какъ *особаго предмета,* и сохраняется уясненіе основныхъ вопросовъ теоріи словесности на урокахъ исторіи литературы. Напомню также, что въ моей замѣткѣ идетъ рѣчь о частичной школьной реформѣ, о выборѣ между двумя предметами по ихъ жизненной и педагогической важности, а не о коренной реорганизаціи всей средней школы: при коренной реформѣ средней школы русской литературѣ, начиная съ V-го класса, необходимо будетъ отводить не менѣе 6 часовъ въ недѣлю; тогда—и только тогда—могла бы возникнуть рѣчь о томъ, чтобы въ VIII кл. изъ этихъ 6 часовъ *одинъ* часъ удѣлить на прохожденіе *поэтики,* трактующей объ основахъ поэтическихъ произведеній (а не теоріи словесности), какъ одинъ часъ уже отводится на прохожденіи *логики,* касающейся нѣкоторыхъ основъ прозаическихъ произведеній.

В. Келтуяла.

---

*) Не могу однако обойти молчаніемъ одно интересное мнѣніе г. Дусинскаго: онъ убѣжденъ, что наша учащаяся молодежь питаетъ отвращеніе къ умственному труду по существу, и если бы всѣ учебные предметы въ средней школѣ были упразднены и замѣнены играми на открытомъ воздухѣ, то молодежь только и дѣлала бы, что играла. Обращаю вниманіе *„истинно-образованнаго“* общества на это оригинальное мнѣніе г. Дусинскаго о молодежи въ частности и человѣкѣ вообще. Воображаю, каковы отношенія г. Дусинскаго къ той молодежи, которая имѣла счастье попасть къ нему на воспитаніе!.

к [illegible] читается »1. Излишне только заметить, что, по моему проекту, упраздняется изучение теории словесности, как отдельного предмета, и сохраняется [illegible] теории словесности на уроках истории литературы. Напомню также, что [illegible] о [illegible] школьной реформы, о [illegible] между двумя предметами [illegible] ности, а не о коренной реорганизации всей средней школы [illegible] коренной реформы [illegible] русской литературы, [illegible] класса, необходимо будет отвести [illegible] часов, [illegible] тогда — и только тогда — можно бы [illegible] VIII кл. [illegible] часа [illegible] [illegible] (а не теории словесности) [illegible] [illegible] произведений.

[illegible]

Я не могу однако не выразить [illegible] что [illegible] [illegible] [illegible]

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ *).

Н. Боровко. Психологія мышленія. Варшава. 1904. Стр. 64. Цѣна 60 коп.

Вопросъ о пользѣ силлогизма Аристотеля, какъ логическаго умозаключенія, сводился къ двумъ основнымъ вопросамъ: 1) даетъ ли силлогизмъ какое-нибудь новое знаніе или нѣтъ и 2) возможно ли помощью изученія его силлогизма научиться правильно мыслить? Если первый вопросъ былъ всегда спорнымъ, то второй до послѣдняго времени не возбуждалъ сомнѣній. Теперь оспаривается не только полезность силлогизма, но даже возможность его построенія. Дѣйствительно, разсмотрѣвъ силлогизмъ Аристотеля со стороны дедукціи, какъ основы силлогизма, содержанія въ терминахъ посылокъ и объема, придется придти къ подобному заключенію. Таксва основная мысль брошюры г. Н. Боровко.

Основа силлогизма Аристотеля—дедукція, т. е. движеніе отъ общаго къ частному, въ дѣйствительности сводится къ переходу отъ частнаго къ частному. Примѣръ дедукціи: „человѣкъ смертенъ"; „Сократъ—человѣкъ"; слѣдовательно, „Сократъ смертенъ". Но терминъ „человѣкъ", взятый въ большей посылкѣ тождественъ съ тѣмъ же терминомъ въ меньшей посылкѣ относительно всѣхъ тѣхъ особенностей, какія присущи человѣку, включая сюда и „смертность". Терминъ же большей посылки, какъ тождественный съ терминомъ меньшей посылки, не будетъ составлять часть послѣдняго, но будетъ тѣмъ же самымъ терминомъ, сложеннымъ самимъ собою неопредѣленное число разъ. „А", взятое одинъ разъ или сто тысячъ разъ, останется тѣмъ же „А".

Слѣдовательно, во взятомъ примѣрѣ происходитъ переходъ не отъ общаго

*) Въ Отдѣлѣ „Критика и библіографія" № 7—8. „Р. Ш." фамилія автора разбираемой книги „Маленькія героини" *А. А. Федоровъ-Давыдовъ* и фамилія автора разсказа „Изъ родной старины" *З. П. Лебедевъ* по недосмотру напечатаны какъ фамиліи авторовъ-рецензентовъ (стр. 22, 23); фамилія *Левъ Ждановъ* должна быть отнесена къ заглавію разсказа „Царь Іоаннъ Грозный", а *В. А. Радичъ*—къ заглавію разсказа „Черноморскіе богатыри", Редакція извиняется передъ авторами и читателями въ этомъ недосмотрѣ. Ред.

къ частному, а отъ тождественнаго къ тождественному, т. е. отъ частнаго къ частному, такъ какъ количественная сторона вопроса не играетъ здѣсь ровно никакой роли. На это могутъ возразить, что „человѣкъ" большей посылки заключаетъ въ себѣ все человѣчество, а „человѣкъ" меньшей посылки говоритъ объ отдѣльномъ индивидуумѣ по имени Сократъ, который по своимъ особенностямъ отличенъ отъ всѣхъ людей.

Но въ этомъ возраженіи и кроется главная ошибка, которая заставляетъ видѣть дедукцію тамъ, гдѣ ее въ дѣйствительности никогда не было. Посылка „Сократъ—человѣкъ" говоритъ не о тѣхъ чисто индивидуальныхъ особенностяхъ Сократа, по которымъ онъ отличается отъ всѣхъ людей, а о тѣхъ, по которымъ онъ причисляется къ нимъ.

Но эти особенности, какъ общія для всѣхъ людей, даютъ возможность говорить о Сократѣ не какъ объ отдѣльномъ отъ всего человѣчества индивидуумѣ, а какъ о такомъ же человѣкѣ, какъ и всѣ люди, составляющіе человѣчество. Слѣдовательно, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ происходитъ кажущійся переходъ отъ общаго къ частному, въ дѣйствительности бываетъ переходъ отъ частнаго къ частному.

Если нѣтъ дедукціи, то отсюда логически вытекаетъ, что нѣтъ также и индукціи, т. е. перехода отъ частнаго къ общему, въ силу хотя бы невозможности обратнаго перехода отъ общаго къ частному; но и помимо этого, переходъ отъ частнаго къ общему невозможенъ благодаря принципу тождества терминовъ въ обѣихъ посылкахъ. Слѣдовательно, ни индукціи, ни дедукціи не существуетъ, а есть только одинъ общій для всѣхъ случаевъ *переходъ отъ тождественнаго къ тождественному*.

Если не существуетъ дедукціи, то отсюда возникаетъ вопросъ: возможно ли съ помощью силлогизма Аристотеля получить выводъ? Возьмемъ прежній примѣръ; здѣсь въ большей посылкѣ дается положеніе, что человѣкъ смертенъ; въ меньшей посылкѣ говорится, что Сократъ—человѣкъ; но терминъ „человѣкъ" заключаетъ въ себѣ уже смертность; поэтому нашъ соллогизмъ будетъ читаться такъ: „человѣкъ смертенъ"; „Сократъ человѣкъ", т. е. „Сократу присуща смертность"; слѣдовательно, въ заключеніи мы должны получить выводъ—„Сократъ—человѣкъ, такъ какъ онъ обладаетъ суммой извѣстныхъ данныхъ плюсъ смертность". Выводъ, какъ видно, не соотвѣтствующій заключенію силлогизма Аристотеля: получилось утвержденіе, что Сократъ—человѣкъ; но это каждый изъ насъ зналъ и безъ силлогизма Аристотеля. Но если выводъ, какъ сейчасъ было показано, въ дѣйствительности получить нельзя, то какъ же онъ получается въ заключеніи силлогизма Аристотеля? Разсмотримъ большую и меньшую посылку даннаго примѣра. Въ большей посылкѣ терминъ „человѣкъ" берется, какъ совокупность всѣхъ особенностей человѣка плюсъ смертность, а въ меньшей въ терминѣ „Сократъ—человѣкъ" берутся свойства, присущія человѣку помимо смертности, т. е. содержаніе въ обѣихъ посылкахъ одного и того же термина различно. Изображая это гра-

фически, будемъ имѣть въ большей посылкѣ $a + b$, гдѣ a—совокупность всѣхъ свойствъ человѣка помимо смертности, а b смертность; тогда въ меньшей посылкѣ мы будемъ имѣть только одно a. Только путемъ такой передержки содержанія одного и того же термина силлогизму Аристотеля удается получить желательный выводъ. Невозможность получить выводъ въ силлогизмѣ Аристотеля упраздняетъ самый силлогизмъ; но недостаточно сказать, что силлогизмъ упраздняется: необходимо показать невозможность построенія самого силлогизма.

Разбирая примѣръ дедукціи со стороны объема терминовъ, мы видимъ, что терминъ „Сократъ" меньшей посылки долженъ входить въ объемъ термина „человѣкъ" большей посылки, но въ большей посылкѣ дано положеніе, что „человѣкъ смертенъ", тогда какъ въ меньшей посылкѣ смертность Сократа еще нужно доказать. Содержаніе термина меньшей посылки, какъ видно, различается отъ содержанія термина большей посылки, и потому терминъ „Сократъ" меньшей посылки не можетъ войти въ объемъ термина „человѣкъ" большей посылки, а между тѣмъ силлогизмъ Аристотеля кладетъ въ основаніе всего своего построенія, что терминъ „Сократъ" входитъ въ объемъ термина „человѣкъ". Невозможное положеніе, на которомъ основанъ силлогизмъ, дѣлаетъ самое логическое построеніе силлогизма Аристотеля невозможнымъ.

Мы нарочно изложили послѣдовательный ходъ главной мысли автора и думаемъ, что знакомство преподавателей со всей брошюрой г. Н. Боровко можетъ оживить одинъ изъ наиболѣе интересныхъ отдѣловъ психологіи въ примѣненіи ея къ формальной логикѣ, повидимому, доживающей свой вѣкъ въ гимназическихъ программахъ.

А. Я.

Abhandlungen über Zeitragen: *Prügel in der Schule?* Für Eltern, Erzieher, Lehrer, Schulbehörden und wen es sonst angeht vom schulmännischen Standpunkt beleuchtet von Ernst *Freymut*. Dresden, 1904.

„Мы желали бы обратить вниманіе на большое число людей, занимающихъ уважаемое положеніе и ежедневно и ежечасно проявляющихъ свидѣтельства своего мужества, сердечной доброты, правдивости, несмотря на то, что въ дѣтствѣ ихъ основательно драли; людей, которые зачастую потомъ сами держатся того мнѣнія, что тѣмъ, чего они достигли, они обязаны поркѣ. Сколько разъ приходилось читать, и не только въ трактатахъ, о людяхъ, которые благодарны своимъ родителямъ за то, что они ихъ драли и этимъ путемъ помѣшали имъ стать негодяями" (стр. 5). „Какъ поступать учителю, когда родители въ ясномъ сознаніи того, что требуется, настойчиво просятъ его не стѣсняться и драть ихъ сына? Такіе случаи не являются исключеніями". „Теперь, а можетъ быть, еще и долго не настанетъ время, когда, безъ вреда для

конечныхъ цѣлей, можно будетъ безъ всякаго ограниченія провести принципъ небитья на практикѣ" (стр. 6). „Относительно допустимости тѣлеснаго наказанія слѣдуетъ дѣлать разницу въ зависимости отъ пола и соціальной ступени, къ которой принадлежитъ ученическій матеріалъ. Мы прежде всего противъ примѣненія тѣлеснаго наказанія въ женскихъ школахъ, принимающихъ дѣтей лучшихъ классовъ... Въ элементарныхъ школахъ и съ дѣвочками нельзя будетъ обойтись безъ палки (стр. 9)". „Безъ примѣненія тѣлеснаго наказанія при извѣстныхъ обстоятельствахъ невозможно успѣшное обученіе". „Мы, конечно, при этомъ считаемъ само собою понятнымъ, что удары не будутъ сыпаться по поводу каждой мелочи, а обыкновенно лишь въ исключительномъ случаѣ, гдѣ надо тотчасъ отвѣтить на умышленное упорство, активное или пассивное сопротивленіе, выражающееся въ дерзкомъ нарушеніи авторитета школьнаго учителя... Мы, однако, не видимъ ничего неудобнаго или достойнаго порицанія, если разъ въ видѣ исключенія ударятъ и за неудовлетворительные и дурные успѣхи, и не можемъ понять, отчего бы иной разъ не примѣнить въ видѣ воспитательнаго и исправительнаго средства и удары" (стр. 11). „Мы по большей части прибѣгали къ легкимъ оплеухамъ, конечно, всегда акъ, что если бы ученикъ отклонился, онъ не рисковалъ бы сотрясеніемъ мозга или поврежденіемъ головы, ударившись объ стѣну или что-либо твердое. Многіе скажутъ: „Оплеухи? Сколько несчастій уже произошло такимъ путемъ вслѣдствіе разрыва барабонной перепонки и т. д." На это мы отвѣтимъ: „Конечно!.. Все зависитъ отъ того, какъ ихъ давать" (стр. 16). „Гдѣ другія наказанія не оказали бы вліянія, гдѣ ничего нельзя ожидать отъ наставленій вслѣдствіе слишкомъ недостаточнаго умственнаго развитія, или упорства, или злой воли, тамъ пусть вступаетъ въ свои права и, если надо, настойчиво тѣлесное наказаніе! Предполагается, разумѣется, что учитель не позволитъ себѣ въ порывѣ гнѣва воспользоваться предоставленнымъ ему и закономъ правомъ наказанія какимъ-нибудь неразумнымъ способомъ, противорѣчащимъ гуманнымъ основамъ и нравственнымъ понятіямъ (стр. 17)". „Нѣсколько ударовъ, во время и энергично отпущенныхъ по надлежащему адресу, часто импонируютъ даже закоснѣлымъ и склоннымъ къ протесту натурамъ уже тѣмъ, что они вызываютъ убѣжденіе, что даже благожелательныя предписанія начальства не всегда защищаютъ отъ выражающейся въ сильныхъ ударахъ реакціи учителя противъ попытокъ оказать сопротивленіе, вызвать неудовольствіе посредствомъ нарушенія преподаванія, тиранства надъ товарищами и т. д. Но хотя экзекуція должна, если она хочетъ оказать должное впечатлѣніе и быть вѣрно понята, сейчасъ же слѣдовать за проступкомъ, должна характеризоваться какъ невольное выраженіе нравственнаго негодованія, вызваннаго непослушаніемъ, злобою, лживостью, дерзостью, и, какъ сказано, примѣняться лишь въ исключительномъ случаѣ (стр. 20 и 21)"...

„Идеальное состояніе, когда тѣлесное наказаніе возможно будетъ совершенно изгнать изъ школы, скорѣе всего настало бы тогда, когда всѣ учителя,

неспособные поддержать свою дисциплину, авторитетъ, вообще въ томъ или другомъ отношеніи неудовлетворительные, получили бы отставку. А такъ какъ это неисполнимо — вѣдь неспособные въ томъ или другомъ отношеніи люди имѣются и среди духовныхъ, юристовъ, медиковъ, офицеровъ и т. д., съ которыми пришлось бы поступить также,—то и впредь придется считаться съ реальнымъ положеніемъ вещей и выбрать, по словамъ К. Гектша, „меньшее зло". Лучше, чтобы иногда было дано два, три удара, чѣмъ чтобы прахомъ пошла вся дисциплина, а съ нею и все преподаваніе". Если необходимо стать на эту точку зрѣнія, то устраняется принципъ—поддерживать безъ примѣненія тѣлеснаго наказанія, и битье такъ сказать, узаконено. Это приблизительно соотвѣтствуетъ нашимъ взглядамъ" (стр. 26). „Наши архиразумные и сентиментальные школьные теоретики, а вмѣстѣ съ нимъ кучка одинаково компетентныхъ маменекъ и тетенекъ заявляютъ, что ни въ какомъ случаѣ нельзя бить... опытный практикъ улыбается на такія утвержденія и не исполнимыя при теперешнемъ положеніи требованія" (стр. 29). Sapienti sat! Вотъ какіе „*перлы*" школьной премудрости можно еще найти въ странѣ „мыслителей и поэтовъ". Вотъ „педагогическій *шедевръ*", который, смѣло можно сказать, не могъ бы появиться въ свѣтъ въ отсталой Россіи! И замѣтьте, читатель, что эту точку зрѣнія съ нѣкоторыми видоизмѣненіями раздѣляетъ большинство германскихъ педагоговъ и въ томъ числѣ такіе гуманные люди, какъ Маттіасъ, Мюнхъ и др. Мы, русскіе педагоги можемъ только гордиться, что г. Фреймутъ отнесетъ насъ къ сентиментальнымъ теоретикамъ и неразумнымъ маменькамъ и тетушкамъ! Одна изъ немногихъ разумныхъ мыслей которую удалось найти въ этой удивительной книгѣ, это утвержденіе, что духъ школы тѣсно связанъ съ личностью директора, и совѣтъ высшему начальству, если въ школѣ обстоитъ не все благополучно, обратить должное вниманіе, не пора ли г. директору получить отставку. Этотъ доброжелательный совѣтъ и у насъ сослужилъ бы свою службу! Впрочемъ, есть еще два, три назидательныхъ замѣчанія о ревизующихъ школы. Но въ общемъ—позорная книжка для XX столѣтія!

Г. Зоргенфрей.

Труды перваго съѣзда преподавателей русскаго языка въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, изд. Педаг. Музея, подъ редакціей П. В. Петрова. Спб. 1904 г. 424 стр. Ц. 2 р.

Книга эта посвящена одному изъ тѣхъ вопросовъ, которые уже давно волнуютъ наше образованное общество. Это именно вопросъ о лучшей постановкѣ преподаванія „отечественнаго" языка въ нашей средней школѣ. Въ преподаваніи этомъ уже давно накопился рядъ крупныхъ „пробѣловъ", на которые настойчиво указывала какъ общая, такъ и спеціальная наша пресса. Вѣдомство военно-учебныхъ заведеній, слѣдуя просвѣщенному почину своего Августѣйшаго начальника, созвало въ концѣ 1903 года *первый* съѣздъ пре-

подавателей русскаго языка и тѣмъ, безъ сомнѣнія, сдѣлало огромный шагъ впередъ въ дѣлѣ наилучшаго упорядоченія преподаванія „отечественнаго языка“ въ кадетскихъ корпусахъ.

Въ книгѣ этой, къ слову сказать, вышедшей подъ редакціей хорошо извѣстнаго въ мірѣ военно-учебныхъ заведеній П. В. Петрова, собраны всѣ труды участниковъ перваго съѣзда, а именно семнадцать докладовъ, подробно обсуждавшихся на съѣздѣ и касающихся „принципіальныхъ“ вопросовъ, вызываемыхъ теоріей и практикой преподаванія „отечественнаго“ языка.

Въ приложеніи къ книгѣ помѣщены лекціи, прочитанныя на съѣздѣ академиками: А. И. Соболевскимъ, Ф. Ф. Фортунатовымъ и А. А. Шахматовымъ.

Книга хорошо издана; читается легко и съ большимъ интересомъ. Преподаватель русскаго языка, интересующійся своимъ дѣломъ, найдетъ въ ней много интереснаго и поучительнаго, хотя бы даже по такому неотложному и насущному вопросу нашей средней школы, какимъ теперь надо признать вопросъ о „внѣклассномъ“ чтеніи учениковъ.

Отъ души желаемъ этому почтенному труду самаго широкаго распространенія.

Ив. Сем. С—въ.

С. Н. Прядкинъ. Изъ методики русской грамматики: I) правила употребленія знаковъ препинанія, II) буквы ѣ А) въ корняхъ, Б) словообразовательныхъ звукахъ и В) окончаніяхъ измѣняемыхъ частей рѣчи и неизмѣняемыхъ; III) переносы частей словъ изъ одной строки въ другую. Оттискъ изъ „Филологическихъ Записокъ“ за 1904 г. Воронежъ, 1905. стр. X+168. Цѣна 1 р.

Книга г. Прядкина представляетъ методическую обработку трехъ названныхъ въ ея заглавіи отдѣловъ правописанія. Въ ней „съ незначительной переработкой“ напечатаны подготовленные его учениками матеріалы для пробныхъ уроковъ по грамматикѣ и нѣсколько замѣтокъ самого издателя и редактора этихъ матеріаловъ. Жаль, что г. Прядкинъ задался такой небольшой цѣлью, какъ приготовленіе къ печати конспектовъ веденія уроковъ начинающими учительницами-ученицами: онъ въ состояніи критически относиться къ учебникамъ, замѣчаетъ промахи у Буслаева и Грота, поэтому могъ бы заняться не только выясненіемъ редакціи нѣкоторыхъ правилъ правописанія или указаніемъ способовъ передачи того или другого изъ нихъ, но изслѣдованіемъ основаній выбора грамматическаго учебнаго матеріала и метода преподаванія грамматики вообще. Наука о русскомъ языкѣ идетъ впередъ, въ области преподаванія его выдвигаются новыя задачи, и тотъ, кто, не входя въ сферу новыхъ ученій, выуживаетъ мелкія ошибки въ старыхъ учебникахъ или обрабатываетъ для заучиванія въ классѣ старый матеріалъ, будетъ и самъ

блуждать среди подобныхъ мелкихъ ошибокъ. Напримѣръ, авторъ безусловно не правъ, утверждая на стр. IV и V, что запятая означаетъ „самую малую паузу, *безъ пониженія голоса*; точка съ запятой — болѣе значительную паузу, *безъ пониженія голоса*" (курсивы наши). Между тѣмъ онъ приводитъ подобныя опредѣленія, какъ образецъ болѣе точной формулировки правилъ употребленія знаковъ препинанія. Сомнительны и нѣкоторыя другія утвержденія: напримѣръ, что отрицательная частица *ни* образовалась изъ *не* и союза *и*, что въ словосочетаніи „выпаденіе снѣга" послѣднее слово является опредѣленіемъ, и другія подобныя. Вызываютъ возраженія и еще нѣкоторыя мнѣнія автора. Такъ, въ защиту буквы ѣ, онъ говоритъ слѣдующее: „Сѣтованія дѣтей, родителей, общества, печати на то, что усвоеніе буквы ѣ отнимаетъ много времени у школьниковъ, причиняетъ имъ огорченія, страданія,—мало этого—эта буква бываетъ причиною для выбрасыванія нѣкоторыхъ школьниковъ изъ учебныхъ заведеній,—все это правда, да не вполнѣ: буква ѣ тутъ не причемъ: скорѣе тутъ виноваты педагоги, которые не заботятся о томъ, чтобы указать средства дѣтямъ, какъ скоро и безъ особаго напряженія памяти усвоить случаи употребленія буквы ѣ въ представкахъ, корняхъ, производственныхъ звукахъ и окончаніяхъ словъ" (VI). Такое передвиженіе вопроса, вмѣсто его разрѣшенія, не будетъ ли напоминать старинное школьное предложеніе: Мужикъ ведетъ на веревкѣ собаку; разрѣшить, кто служитъ причиною веденія собаки: мужикъ или веревка?

Самое изученіе буквы ѣ въ связи съ подробнымъ разборомъ состава словъ, какъ предлагаетъ г. Прядкинъ, если и осмысливаетъ, то едва ли устраняетъ и ускоряетъ достиженіе орѳографической цѣли. Въ особенности не слѣдуетъ въ сближеніи корней заходить такъ далеко, какъ сопоставленіе словъ *видѣть* и *вѣдать* съ словомъ *Вадимъ* (113 стр.), или входить въ объясненія, подобныя слѣдующему: „Слова: бѣднякъ, побѣда, убѣдить говорятъ о томъ, что для одного человѣка бѣда заключается въ томъ, что у него недостаетъ средствъ для насущнаго, другой терпитъ бѣду, горе потому, что онъ побѣжденъ: лишенъ свободы, крова, одежды; третій видитъ бѣду, непріятность, досаду въ томъ, что его убѣдили, т. е. заставили при помощи слова отказаться отъ своего взгляда, мнѣнія, убѣжденія, — принять вмѣсто этого мысль, истинность которой ему доказали" (109 стр.).

Самые конспекты уроковъ, наполняющіе почти всю книгу, составлены такъ, какъ обыкновенно составляются конспекты. Въ нихъ поставлены вопросы, на которые, по предположенію составителей конспектовъ, дѣти отвѣчаютъ всегда правильно и точно, какъ въ грамматикѣ. Ихъ заставляютъ повторять такіе отвѣты, составлять свои примѣры. Неопытныя преподавательницы воображаютъ, что на урокѣ все такъ и пойдетъ, какъ написано въ планѣ. Онѣ не считаются съ главнѣйшими фактами,—что учатъ незнающаго, малолѣтняго, не владѣющаго рѣчью, который будетъ совсѣмъ не понимать отвлеченныхъ правилъ или будетъ понимать ихъ такъ своеобразно, что его

отвѣты покажутся преподавательницѣ нелѣпыми; онъ будетъ много путать, смѣшивать, и не всегда по ошибкѣ, но часто по законамъ своего дѣтскаго мышленія, объ особенностяхъ котораго нужно помнить прежде всего.

В. Чернышевъ.

Акад. А. И. Соболевскій. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вѣковъ. Библіографическіе матеріалы. Съ двумя фототипическими таблицами. Спб. 1903. Стр. VIII+460. Цѣна 2 рубля.

Книга академика А. И. Соболевскаго, напечатанная въ LXXIV томѣ „Сборника Отдѣленія русскаго языка и слов. Академіи Наукъ“, даетъ гораздо больше, чѣмъ можно догадаться по ея подзаголовку: „библіографическіе матеріалы“. Правда, въ основѣ ея лежатъ описанія рукописей, справки объ оригиналахъ или личности переводчика, краткія извлеченія изъ рукописей, указаніе литературы предмета и т. д., но каждой главѣ предпосылается статья общаго характера, а изъ послѣднихъ можно извлечь стройный рефератъ о судьбахъ нашей переводной литературы до-петровскаго времени. Въ результатѣ получается цѣлый рядъ цѣнныхъ научныхъ выводовъ, познакомиться съ которыми будетъ не безынтересно въ виду того, что отъ этого измѣнится твердо установившійся въ нашихъ учебникахъ взглядъ на отсутствіе жизненности и относительной интенсивности древне-русской литературы.

Припомнимъ прежде всего, что и въ традиціонномъ дѣленіи всей исторіи русской литературы на періоды уже не разъ оказывались крупныя ошибки. Желаніе историковъ показать рѣзкую границу между двумя группами литературныхъ произведеній, связанныхъ лишь хронологически, нерѣдко находило отпоръ въ открытіи новыхъ памятниковъ, которые приходилось причислять къ „переходнымъ“ періодамъ. Въ этомъ отношеніи особенно интересна та роль, которую навязывали до сихъ поръ XVII вѣку. Какъ смотрѣть на XVII вѣкъ въ исторіи русской литературы—какъ на завершеніе всей древне-русской письменности, или же какъ на начало новаго періода, который обыкновенно связывается съ реформами Петра Великаго?—Еще въ недавнее время ученые придерживались второго взгляда; попыткою же дать спорному періоду новое освѣщеніе является брошюра проф. В. Истрина „Введеніе въ исторію русской литературы второй половины XVII вѣка“ (Одесса, 1903 г.), о которой мы уже говорили на страницахъ „Русской Школы“. Разсматривая литературныя произведенія, появившіяся во второй половинѣ XVII вѣка, авторъ нашелъ въ нихъ столько новаго по сравненію съ литературой предшествующаго времени, что она по справедливости оказывается *новымъ* періодомъ въ ея исторіи. Главное и безспорно важное обстоятельство, легшее въ основу такого вывода, было наблюденіе надъ характеромъ этихъ памятниковъ: всѣ они говорили о несомнѣнно западномъ вліяніи на нихъ. Отвѣтомъ на мнѣніе

В. Истрина служила работа академика А. И. Соболевскаго „Нѣсколько мыслей объ древне-русской литературѣ“ (Спб. 1903 г.). Изслѣдователь взглянулъ на дѣло нѣсколько съ иной точки зрѣнія. Прежде всего онъ не находитъ возможнымъ отдѣлять XVII вѣкъ отъ всего предшествующаго періода, такъ какъ читатель этого времени питался въ сущности тѣмъ матеріаломъ, который былъ въ распоряженіи и у книжниковъ XV—XVI вѣковъ. Во-вторыхъ, вторая половина XVII вѣка не находитъ для себя продолженія въ литературѣ Елизаветинскаго и Екатерининскаго царствованій. Книжники переходнаго времени даже сами какъ будто не дѣлаютъ такого же различія между духовными и свѣтскими памятниками, которые такъ характерны хотя бы для Петровскаго времени. Всѣ „новые“ памятники отмѣчены духовными чертами; даже пьесы изъ репертуара знаменитаго Грегори и комедіи Полоцкаго берутъ содержаніе преимущественно изъ области духовной. Слѣдовательно, въ представленіи читателей XVII вѣка опять не было такой границы между ихъ временемъ и предшествующимъ періодомъ, какое можетъ показаться намъ съ перваго взгляда, и литература XVII вѣка (не одной второй половины, а всего этото столѣтія вмѣстѣ съ концомъ XVI вѣка) представляетъ нѣчто особенное. XVII вѣкъ—время замиранія древней русской литературы. Это мнѣніе придется въ концѣ концовъ признать вполнѣ вѣрнымъ.

Мы не будетъ приводить всѣхъ доказательствъ автора, а познакомимся съ характеристикой переводной литературы XVII вѣка, которая дана тѣмъ же изслѣдователемъ въ новой его капитальной работѣ: „Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вѣковъ“. Новая книга настолько интересна и важна, что должна совершенно измѣнитъ прежній взглядъ на многіе вопросы русской литературы стараго періода, а въ числѣ послѣднихъ—и на XVII вѣкъ. Возьмемъ, напримѣръ, обширную главу „Западное вліяніе на литературу Московской Руси XV—XVII вѣковъ“. Здѣсь изслѣдователь собралъ тѣ историко-литературные факты, которые указываютъ на тѣсныя связи Москвы съ западомъ Европы задолго еще до Петра I. „У насъ господствуетъ мнѣніе,—говоритъ А. Соболевскій,—что Московское государство XV—XVI вѣковъ боялось иноземцевъ и было какъ бы отгорожено отъ западной Европы стѣною до тѣхъ поръ, пока Петръ Великій не прорубилъ въ Европу окна. Трудно сказать, откуда взялось у насъ это убѣжденіе; можно отмѣтить лишь то, что оно держится еще крѣпко. А между тѣмъ фактовъ, говорящихъ противъ него, множество, и факты эти достаточно извѣстны. Вѣдь кто же не знаетъ, что едва окрѣпло Московское государство, какъ его правительство стало вызывать изъ всѣхъ земель Запада всякаго рода художниковъ, мастеровъ, свѣдущихъ людей? Кто не знаетъ, что оно продолжало ихъ вызывать цѣлыхъ два столѣтія, не щадя ни хлопотъ, ни расходовъ, преодолѣвая препятствія со стороны Ливоніи, Швеціи и особенно Польши? Кому неизвѣстно, что уже въ первой половинѣ XVI вѣка въ Москвѣ находились наемные отряды западно-европейскихъ солдатъ, и что

эти отряды все болѣе увеличивались въ числѣ, по мѣрѣ приближенія къ концу XVII вѣка? Кто, наконецъ, не слышалъ объ Нѣмецкой слободѣ въ Москвѣ XVII вѣка, наполненной переселившимися съ запада купцами, ремесленниками, военными и т. д.?"—Это все отразилось прежде всего на литературѣ Переводились историческія и географическія сочиненія, касающіяся западной Европы, разныя руководства, начиная военными и кончая кулинарными или охотничьими, книгами по медицинѣ, по востоковѣдѣнію, словари, грамматики, астрономіи, календари, гаданія, предсказанія, анекдоты, философскія сочиненія и беллетристическія. Иными словами, старое представленіе о какой-то китайской стѣнѣ, отдѣлявшей Москву отъ западной Европы, должно уступить новому.

Изъ другихъ отдѣловъ общій интересъ представляетъ слѣдующіе: „Южнославянское вліяніе на русскую письменность въ XIV—XV вѣкахъ", „Мелкіе переводы Максима Грека", „Греческое вліяніе на литературу Московской Руси XV—XVII вѣковъ" и „Литература жидовствующихъ". Книга снабжена двумя указателями и снимками съ рѣдкаго экземпляра астрономическаго сочиненія „Шестокрылъ".

А. И. Яцимирскій.

С. Нестеровъ. Екатерина Вторая. Историческій очеркъ. С.-Петербургъ. 1904 г.

Странное впечатлѣніе производитъ книга г. Нестерова. По словамъ автора, его „скромное изслѣдованіе отнюдь не имѣетъ характера всесторонняго ученаго труда; предпринимая это изслѣдованіе", онъ имѣетъ „въ виду обыкновеннаго читателя, который пожелаетъ подробно ознакомиться съ жизнью и царствованіемъ Екатерины Великой и который вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣетъ возможности непосредственно обратиться къ отдѣльнымъ монографіямъ". Г. Нестеровъ сознательно придаетъ своей работѣ названіе „изслѣдованіе" и серьезно увѣренъ, что онъ дѣйствительно „что-то изслѣдуетъ". Между тѣмъ, въ дѣйствительности книга его—крайне неудачная, небрежная, невыдержанная компиляція, источниками для которой послужили, во-первыхъ, сочиненіе Брикнера, а затѣмъ—Соловьева, Бильбасова, Градовскаго, Пыпина (Ист. Рус. литер. т. IV) и „собственная статья"—„Мать и сынъ"—изъ журнала „Жизнь". Однако, неблагодарный авторъ, желая, должно быть, придать „ученый" характеръ своему изслѣдованію, вступаетъ не разъ въ споры то съ однимъ, то съ другимъ изъ вышеупомянутыхъ ученыхъ, излагаетъ свои точки зрѣнья и мнѣнія, опирающіяся, конечно, только на „здравый смыслъ" и свои собственныя психологическія соображенія: съ мнѣніемъ Бильбасова объ интригахъ противъ Бестужева, говоритъ г. Нестеровъ, нѣсколько трудно согласиться; *врядъ ли* политики Франціи и Пруссіи (замѣтимъ,—между ними и Фридрихъ II) шли дальше удовлетворенія ближайшихъ интересовъ"... По поводу мнѣнія

Брикнера о Потемкинѣ авторъ говоритъ: „такой отзывъ его, повидимому, основанный на изученіи иностранныхъ источниковъ, *врядъ ли основателенъ*, и т. п. Не менѣе любопытенъ споръ и „изслѣдованіе“ г. Нестерова, такъ сказать, „отъ нутра“, о „Запискахъ Екатерины II“, въ каковыхъ, по словамъ его, можно найти и изображеніе той „тяжелой атмосферы, которая угнетала русскую жизнь во времена Петра III“, до каковаго времени „Записки“ не были и доведены (обрываются за три года до того, на срединѣ 1758 г.). Заключительнымъ выводомъ соображеній автора является слѣдующее утвержденіе, „до сихъ поръ, кажется, никѣмъ не высказанное въ печати“, какъ скромно заявляетъ авторъ. Дѣло въ томъ, что „въ своихъ „Запискахъ“ Екатерина имѣла въ виду не только поучать сына, но и оправдаться въ его глазахъ; поэтому она такъ подробно и мрачно описываетъ своего супруга, въ которомъ Павелъ долженъ былъ видѣть своего отца. Помимо сына „Записки“ предназначались, быть можетъ, и для старшаго внука— Александра Павловича. При такомъ предположеніи становятся легко понятны всѣ распоряженія Павла тотчасъ послѣ вступленія на престолъ относительно торжественнаго погребенія останковъ Петра III,—ему хотѣлось этимъ поступкомъ прекратить всѣ толки, которые могли ходить въ обществѣ и народѣ по поводу его личности“. Такъ вотъ каковы были результаты составленія Екатериной ея мемуаровъ... Дѣйствительно, до сихъ поръ такого соображенія не появлялось въ русской исторической печати.

Мы уже упоминали объ отсутствіи выдержанности въ изложеніи работы г. Нестерова. Правду сказать, нельзя опредѣлить, для кого, собственно, предназначаетъ авторъ свою книгу? Для взрослыхъ, или для юношества? Для знающихъ сколько-нибудь русскую исторію XVIII в., или для не знающихъ ея? Судя по „упрощенному“, что не всегда значитъ удобопонятному, изложенію, преобладанію анекдотически-придворной и политически-военной стороны въ разсказѣ о судьбахъ русской земли въ царствованіе Екатерины II, надо полагать, что книга г. Нестерова предназначена для малосвѣдущаго обыкновеннаго читателя, несмотря на экскурсы въ область „изслѣдованія“ монографій Брикнера, Бильбасова, Градовскаго... Съ такой точки зрѣнія въ книгѣ немало лишняго и весьма много невѣрнаго, противорѣчиваго, а въ изложеніи неточнаго, неяснаго и просто ошибочнаго. Укажемъ хотя бы на немногіе факты, которыми преисполнена книга г. Нестерова. На первой же страницѣ ея читаемъ: „послѣ смерти Петра въ Россіи начинается довольно быстрая смѣна правительствъ, пока, наконецъ, съ воцареніемъ Елизаветы Петровны не устанавливается *прочный* порядокъ престолонаслѣдія, съ единственнымъ исключеніемъ *не вполнѣ преемственнаго* воцаренія Екатерины II еще при жизни имп. Петра III“. Подобное выраженіе еще, пожалуй, можно отнести къ воцаренію Николая I, но ужъ никакъ не къ перевороту 1762 г. Екатерина I, по словамъ автора, взошла на престолъ, не имѣя на то *формально законнаго права*. Любопытно было бы узнать, какое же было это формально-

законное право наслѣдованія престола въ 1725 г.? Настало 28 іюня 1762 г. Не вполнѣ или вполнѣ преемственно, по формально-ли законному праву, но супруга Петра III стала единодержавной императрицей, и авторъ говоритъ: „Екатерина провозглашена самодержицей, возведена на престолъ не заговоромъ нѣсколькихъ лицъ, а по общему желанію и посильному содѣйствію всѣхъ... Въ самый день переворота въ Петербургѣ „въ разношерстной толпѣ, безотчетно привлекаемой веселымъ шумомъ, небывалымъ зрѣлищемъ, сознавшей, что творится нѣчто важное, доброе, слышался безконечный гулъ, далеко разносившій по окраинамъ города радостную вѣсть о воцареніи любимой всѣми Екатерины". Однимъ словомъ,—все хорошо, что хорошо кончается: громъ побѣды раздавайся, веселися, храбрый россъ... А Петръ живъ, но онъ—человѣкъ раздражительный,—семи дней не могли выдержать его вспыльчивости и строптивости приставленные къ нему гвардейцы, и—„эта раздражительность была причиной преждевременной смерти Петра". Одно не хорошо: „если смерть упрощала положеніе вещей, то развѣ только случись она значительно позднѣе". Описаніе коронаціонныхъ торжествъ составлено г. Нестеровымъ такъ, какъ пишутъ „исторіи" для дѣтей,—здѣсь и „золотые и серебряные жетоны, метанные въ народъ", и 120 дубовыхъ бочекъ съ серебряной монетой, и фестивали, и фонтаны винъ для простого народа и т п.; нѣтъ только выясненія совершавшихся въ концѣ 1762 и началѣ слѣдующаго года событій. А вслѣдъ затѣмъ идетъ подробное исчисленіе заговоровъ, бунтовъ и мятежей въ царствованіе Екатерины. Приведемъ для примѣра хотя бы такую характеристику пугачевскаго бунта: въ немъ „приняла участіе *толпа, чернь*, раздраженная непорядками государственнаго строя, податями и рекрутскими наборами; въ пугачевскомъ движеніи важнымъ элементомъ явились казаки, которые хотѣли отстоять свои вольности; другимъ элементомъ были *просто бродяги*, жаждавшіе случая пограбить, пожить въ свое удовольствіе, *даже* не заботясь о завтрашнемъ днѣ; пугачевскій бунтъ былъ *мужицкою войною, борьбою сословій*". Эти—мужицкая война, борьба сословій, просто бродяги, чернь, толпа—просто великолѣпны. По сравненіи текстовъ 154 и 160 стр. оказывается, что военная и морская коллегіи были изъяты изъ вѣдѣнія сената не то при Елизаветѣ, не то при Екатеринѣ. Дворянскія привилегіи послѣдней, утверждаетъ г. Нестеровъ, „давали возможность достигнуть полнаго обезпеченія личности". Являясь постояннымъ и безусловнымъ поклонникомъ императрицы, авторъ доволенъ даже и положеніемъ финансовъ. Такъ, онъ говоритъ, что „*долгое время* расходы на дворъ не превышали одного милліона рублей (въ томъ числѣ и театръ), и, напримѣръ, въ 1792 г. шиты были новыя придворныя ливреи, такъ какъ старыя служили уже 34 года, то-есть чуть не со времени коронаціи. Людовикъ XVI во Франціи въ это же время ежегодно расходовалъ 2 милліона руб. на одну только придворную конюшню. При Елизаветѣ на содержаніе двора расходовалось до 15% всѣхъ доходовъ государства; по этой нормѣ Екатерина могла брать въ

свое личное распоряженіе до десяти милліоновъ въ годъ". А оно такъ и было на самомъ дѣлѣ: мы не знаемъ, о какихъ „долгихъ годахъ", когда тратилось на дворъ по одному милліону, говоритъ г. Нестеровъ, но намъ извѣстны слѣдующія данныя: въ 1762 г. изъ всего бюджета 16.027.000 (на нынѣшнія деньги около 143 милліон. руб.) на дворъ тратилось 2.265.000 (на нынѣшнія деньги больше 20 милліон. р.), т. е. больше 14% доходовъ. Бюджетъ къ концу царствованія Екатерины возросъ раза въ 4 приблизительно, а расходы на дворъ и на фаворитовъ именно къ этому времени не только не сократились, но достигли наивысшаго напряженія. Нечего говорить, конечно, о развитіи русской литературы во второй половинѣ XVIII в.: по утвержденію автора, „новое литературное движеніе обязано своимъ усиленнымъ развитіемъ Екатеринѣ, которая показывала собою примѣръ". Мелкихъ промаховъ, неточностей, ошибокъ, неудачныхъ выраженій очень много въ книгѣ г. Нестерова. Такъ, въ 1743 г. Екатеринѣ было не 15, а 14 лѣтъ. Гр. Воронцовъ, оказывается, два раза безпрекословно присягалъ Екатеринѣ,— до и послѣ смерти Петра (стр. 71 и 79). Характеристики сотрудниковъ императрицы составлены нѣсколько странно: наиболѣе вниманія удѣлено И. И. Бецкому, ни слова—Суворову, весьма немногое Панину, Вяземскому и др., строкъ 8—А. Безбородкѣ, строкъ 12—Румянцеву, почти столько же и наряду съ ними Елагину, Теплову, Грибовскому, о которомъ и самъ авторъ сознается, что онъ „имѣетъ значеніе лишь какъ совѣтникъ и помощникъ Зубова". Зато фаворитамъ, кромѣ перечисленія всей дюжины ихъ, удѣлено гораздо больше вниманія, несмотря на то, что авторъ настойчиво и многократно защищаетъ положеніе: „вліяніе фаворитовъ было болѣе призрачное, не въ мѣру преувеличенное раболѣпными царедворцами и предусмотрительными дипломатами". Между прочимъ, г. Нестеровъ на какихъ-то невѣдомыхъ основаніяхъ заявляетъ, что можно съ достовѣрностью сказать,—проживи Потемкинъ дольше, конецъ Екатерининскаго царствованія не разошелся бы такъ сильно съ его блестящимъ началомъ (стр. 225). Какъ понять нижеслѣдующіе тексты, мы недоумѣваемъ: (многое) „отталкивало гр. Кирилла Разумовскаго отъ Петра III, который хотѣлъ *сдѣлать* гетмана *придворнымъ шутомъ*. Къ чести графа, его поведеніе въ это трудное и опасное время заслуживаетъ полнаго сочувствія; онъ одинъ *рѣшался говорить* государю *прямо и смѣло*". „*Хотя* Екатерина охотно повторяла, что для войны нужны—деньги, деньги и еще деньги,—*но* она также очень много заботъ приложила и къ лучшему устройству и усиленію флота", на каковой и опиралась въ войнахъ турецкой и шведской и т. п.

Изумительнѣе всего то, что подобными недостатками и промахами (ихъ мы привели немногіе изъ многихъ) полно „изслѣдованіе", въ значительной степени представляющее не только компиляцію, но просто „дословный пересказъ", а то и перепечатку цѣлыхъ страницъ изъ книги Брикнера объ Ека-

теринѣ II. Оттуда же позаимствованы и рисунки. Все это исполнено и издано небрежно, со множествомъ опечатокъ, искаженій и недосмотровъ.

И. Ж—цкій.

Ольга Давыдова. „Изъ воспоминаній учительницы". Изданіе В. И. Раппъ и В. И. Потапова. 116 стр. Кіевъ. 1904. Цѣна 30 коп.

Прерванная на нѣкоторое время, но „независящимъ обстоятельствамъ", издательская дѣятельность В. И. Раппъ снова началась. Недавно вышли изъ печати новыя изданія этой фирмы: Айзманъ — „Саванъ", С. Г. Лозинскій—„Исторія второй французской республики" и Ольга Давыдова—„Изъ воспоминаній учительницы".

Мы пока остановимъ наше вниманіе на послѣдней книжкѣ. Первоначально „воспоминанія" г-жи Давыдовой печатались въ „Образованіи": тогда (начало 1903 г.) они обратили вниманіе критики, и о нихъ появились въ газетахъ и журналахъ сочувственные отзывы. Въ настоящее время читатель можетъ прочесть „воспоминанія" въ отдѣльномъ изданіи и притомъ очень дешевомъ изданіи.

„Воспоминанія" г-жа Давыдова начинаетъ описаніемъ пріѣзда учительницы гимназіи въ г. Н., гдѣ она должна была служить въ женской гимназіи и быть воспитательницей юнаго поколѣнія. Учительница только что кончила высшіе курсы и покинула столицу для того, чтобы принести пользу обществу на педагогическомъ поприщѣ. Непривѣтливо и нерадушно встрѣтила Н—ская гимназія новую учительницу. Какъ вообще вся наша школа проникнута формализмомъ и бюрократизмомъ, такъ и Н—ская гимназія носила на себѣ печать скуки и мертвечины.

Вотъ какъ описываетъ учительница свои первыя впечатлѣнія отъ гимназіи, въ которую она поступила на службу. „Начальница—грандіозная особа съ обширнымъ бюстомъ и птичьимъ лицомъ — встрѣтила меня предупредительно, любезно до-нельзя, и тѣмъ не менѣе я съ облегченіемъ вздохнула, когда она оставила меня одну съ дѣтьми. Глядя на ихъ довѣрчивыя, славныя рожицы, съ любопытствомъ разглядывавшія свою новую учительницу—я сразу повѣрила, что мы заживемъ дружно и весело. Обратное впечатлѣніе получилось въ старшемъ классѣ, куда я была назначена классной дамой,—тѣ встрѣтили меня, какъ своего общаго врага, отъ котораго ничего добраго ожидать нельзя, и неохотно и какъ-то сурово отвѣчали на мои вопросы, а выходя изъ класса, я слышала громкимъ шопотомъ сказанныя слова: „Совсѣмъ дѣвченка! Ни за что не будемъ ея слушаться!"

Далѣе учительница описываетъ урокъ русскаго языка въ IV кл., гдѣ она должна дежурить. Преподавателя русскаго языка, г. Крошкина, начальница рекомендовала ей, какъ „прекраснаго преподавателя", „украшеніе нашей

гимназіи“; онъ—„Зевсъ-олимпіецъ“, „великолѣпенъ и неприступенъ“. Остановимся на минуту на его урокѣ: „Отмѣтивъ отсутствующихъ ученицъ, Крошкинъ откашлялся и заговорилъ рѣзкимъ, скрипучимъ голосомъ. Заговорилъ— и знакомыя кругленькія фразы ненавистнаго учебника встали предо мной, замелькали знакомыя страницы... Такъ вотъ оно украшеніе Н-ой гимназіи!.. Я взглянула на лица ученицъ — выраженіе полнаго спокойнаго равнодушія безраздѣльно царило вездѣ. А голосъ все скрипѣлъ и скрипѣлъ... Опрятныя книжныя фразы равномѣрно сыпались съ устъ Зевса. Я чувствовала, что и мной овладѣвало какое-то отчаянье... Мнѣ казалось, что—и я и ученицы— мы деревенѣемъ и въ наши головы вбиваются равномѣрной рукой Крошкина, какъ гвоздикъ за гвоздикомъ, фраза за фразой...“ Директоромъ гимназіи состоялъ человѣкъ ограниченный, трусливый... Въ первой же бесѣдѣ съ новой учительницей онъ изложилъ передъ ней свои взгляды на „государственную службу“, прочелъ цѣлую лекцію о „доброй волѣ“ („добрая воля—это воля нашего начальства“). Иванъ Михайловичъ—директоръ—считалъ „священной обязанностью“ „вложить въ умы“ своихъ подчиненныхъ „истинныя понятія о служеніи государству“. „Вотъ по этому-то поводу я и позвалъ васъ!—закончилъ Иванъ Михайловичъ свою безалаберную рѣчь, вразумительно уставившись на меня...—Вы должны понимать, что состоите теперь на государственной службѣ,—многозначительно поднявъ брови и дѣлая вѣское удареніе на слово „государственной“. — Вы знакомы съ законами вашего государства? Читали ли вы вотъ эти книги? — указывая полку съ 14-ю томами Свода Законовъ, пояснилъ Ив. Мих.“

Новая учительница сдѣлала визиты своимъ сослуживцамъ и ничего не вынесла изъ этихъ визитовъ, кромѣ утомленія. Какъ и въ первый разъ, она почувствовала, что нѣтъ между нею и сослуживцами тѣхъ нитей, которыя связали бы ихъ въ будущемъ; „Я видѣла, что интересы гимназіи такъ далеки, такъ чужды имъ, хотя всѣ они много толковали о гимназіи, т. е. о начальствѣ и служащихъ. Но дѣти, которыхъ весь этотъ штатъ призванъ былъ обучать и воспитывать, дѣти оставались гдѣ-то въ тѣни, заброшенныя и ненужныя...“ И молодая учительница стала сближаться съ дѣтьми, вошла съ ними въ живое общеніе, полюбила ихъ всѣмъ сердцемъ. Юныя сердца на ея доброе, сердечное отношеніе къ нимъ быстро откликнулись и полюбили ее сильно. Сблизилась вскорѣ Ольга Петровна—учительница—и съ ученицами старшихъ классовъ, съ которыми она стала устраивать у себя на квартирѣ чтенія и бесѣды о Лермонтовѣ, Пушкинѣ, Тургеневѣ, а также читали Бѣлинскаго о Пушкинѣ, Писарева, Добролюбова. Объ этихъ чтеніяхъ директоръ и начальница скоро узнали и подняли цѣлую бурю. Директоръ сначала просилъ ее прекратить эти чтенія; она отказалась это исполнить. Тогда директоръ черезъ нѣкоторое время призвалъ ее и заявилъ слѣдующее: „Я обсудилъ со всѣхъ сторонъ положеніе вещей, обсудилъ всѣ пагубныя послѣдствія для ввѣреннаго мнѣ учебнаго заведенія, къ которымъ могутъ повести

ваши недозволенныя чтенія и ваше ослушаніе, и ваше предосудительное поведеніе, и по зрѣломъ обсужденіи рѣшилъ предложить вамъ слѣдующее: или немедленно, вотъ здѣсь, сейчасъ вы мнѣ дадите подписку, что не только прекращаете ваши чтенія, но и не будете имѣть никакого,—слышите, ни-ка-ко-го!—внѣкласснаго общенія съ ученицами, или я немедленно отсылаю вотъ это донесеніе господину попечителю округа...“ Въ отвѣтъ на этотъ ультиматумъ Ольга Петровна подала прошеніе, въ которомъ заявляетъ, что, „не чувствуя себя способной примѣниться къ нравственнымъ условіямъ службы въ Н—ской женской гимназіи“, она проситъ уволить ее отъ занимаемой ею должности. Директоръ такого прошенія не хотѣлъ принять: „Это чортъ знаетъ, что такое! Что тамъ подумаютъ?!.. Да позвольте, вѣдь это незаконно! Вы не можете такъ уѣхать! Я васъ верну!..“

Въ „воспоминаніяхъ“ О. Давыдовой правдиво и ярко описана жизнь въ женской гимназіи одного изъ захолустныхъ городовъ нашего сѣвера.

А. А. Локтинъ.

„Списокъ книгъ и періодическихъ изданій, разрѣшенныхъ Мин. Нар. Просв. въ первую половину 1904 г. для низшихъ учебныхъ заведеній, народныхъ библіотекъ и для публичныхъ народныхъ чтеній“. М. 1904 г. Ц. 10 к., за сотню 7 руб. 52 стр. Изд. кн. маг. П. Д. Путиловой.

„Книги и журналы для чтенія учащихся въ средней школѣ“. Часть первая. Списокъ книгъ и журналовъ, разрѣшенныхъ Минист. Нар. Пр. за первую половину 1904 г. для ученическихъ библіотекъ мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ, техническихъ, коммерческихъ и промышленныхъ училищъ и др. среднихъ учебныхъ заведеній“. М. 1904 г. Ц. 20 к. 64 стр. Изд. кн. маг. П. Д. Путиловой.

Можно надѣяться, что недалеко то время, когда не будетъ для народныхъ и школьныхъ библіотекъ особыхъ каталоговъ, по которымъ народу и дѣтямъ разрѣшается читать книги и слушать публичныя чтенія. Можно надѣяться, что, наконецъ, предоставлена будетъ возможность взрослому населенію—нашему крестьянину и рабочему—и учащимся читать всѣ хорошія книги, которыя выходятъ въ свѣтъ. Нашему читателю изъ народа до сихъ поръ дозволяется читать въ безплатныхъ народныхъ библіотекахъ только то, что разрѣшено Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. А это учрежденіе, какъ извѣстно, разрѣшаетъ очень немного книгъ. Между тѣмъ за послѣдніе 5—10 лѣтъ въ народныхъ массахъ народился такой читатель, который хочетъ и жаждетъ читать всякую хорошую книгу, котораго не удовлетворяетъ подборъ книгъ, находящихся въ безплатныхъ народныхъ библіотекахъ, ограниченныхъ министерскимъ каталогомъ, который желаетъ пополнить свое образованіе путемъ самообразованія, посредствомъ чтенія такихъ книгъ, которыя расши-

рили бы его умственный горизонтъ, помогли бы выработать ему міровоззрѣніе. А для этого необходимо дать доступъ въ народную безплатную библіотеку каждой хорошей книгѣ.

Пока наступитъ обновленіе всей нашей общественной жизни, намъ слѣдуетъ разобрать двѣ книжки, заглавіе которыхъ мы привели выше. Эти книжки—полезныя справочныя изданія, которыми придется пользоваться каждому библіотекарю ученической, школьной, народной библіотеки и завѣдующему народной аудиторіей, такъ какъ оффиціальные списки разрѣшенныхъ Мин. Нар. Пр. книгъ издаются послѣднимъ весьма рѣдко.

Первая книжка отличается отъ второй тѣмъ, что въ ней помѣщены новыя правила 18-го января 1904 г. о народныхъ библіотекахъ и книжныхъ складахъ при низшихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства Мин. Нар. Просв. и отсутствуетъ перечень книгъ и журналовъ, разрѣшенныхъ Мин. Нар. Просв. за первую половину 1904 года для учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ обѣихъ книжкахъ приложены списки изданій, необходимыхъ для справокъ при составленіи ученическихъ библіотекъ (а также и народныхъ). Этотъ перечень необходимо дополнить слѣдующими справочными и библіографическими изданіями (которыя почему-то составителями не указаны): 1) „Общее дѣло. Сборникъ статей по вопросамъ распространенія образованія среди взрослаго населенія“. Вып. I. Ц. 1 р.; Вып. II. Ц. 1 р. 60 к. 2) „Что читать дѣтямъ дошкольнаго возраста?“. Ц. 30 к.; „Что читать дѣтямъ?“ Ц. 50 к. Обѣ книжки изданія педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній въ СПБ. 3) „Что читать дѣтямъ?“ Сборникъ рецензій изъ журналовъ. преимущественно педагогическихъ. М. 1900 г. Ц. 60 коп. Изд. Курнина, 4) „Каталогъ книжнаго склада комитета по устройству сельскихъ библіотекъ и народныхъ читаленъ Харьковскаго Общества въ народѣ грамотности“. 7-е изданіе, исправленное и дополненное. Харьковъ 1903. Ц. 10 к. 5) „Списокъ книгъ, разрѣшенныхъ Мин. Нар. Пр. для публичн. народн. чтеній, безплатн. библіотекъ и читаленъ, ученическихъ, учительскихъ и фунд. библіот. средн. учебн. заведен. съ 1-го іюля 1900 г. по 1-е іюля 1902 г.“ Изд. Тверск. губ. Земства. Ц. 50 к. 6) „Справочная книжка объ устройствѣ и веденіи безпл. нар. биб—къ, нар. чтеній и воскресн. школъ“. Изд. об—ва „Помощь“ при Вологодской безпл. биб—кѣ. Ц. 50 к. 7) „Народная литература. Сборникъ отзывовъ библіотечн. коммиссіи Кіевскаго общества грамотности о книгахъ для народн. чтенія“. Вып. II. Кіевъ, 1904 г. Ц. 40 к. и друг.

Составители разбираемыхъ изданій, редакція коихъ принадлежитъ П. М. Шестакову, обѣщаетъ выпустить въ свѣтъ слѣдующій выпускъ подобнаго „списка“ въ началѣ 1905 г., обнимающій книги и періодическія изданія, которыя будутъ разрѣшены Мин. Нар. Пр. во вторую половину 1904 г. Вообще же разобранныя двѣ книжки являются началомъ предположенной но-

вою фирмою издательской дѣятельности по вопросамъ школьнаго и внѣшкольнаго образованія народа.

А. А. Локтинъ.

Н. Розановъ и **Ив. Сахаровъ**. „Добрый путь" Книга для чтенія въ начальныхъ училищахъ. I-ая часть. М. 1904 г. Ц. 50 к.

Ив. Сахаровъ и **Н. Розановъ**. „Добрый путь" Книга для чтенія въ старшихъ отдѣленіяхъ начальныхъ училищъ, низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и воскресныхъ школахъ. Съ рисунками. II-я часть. М. 1904 г. Ц. 75 к.

Оба эти сборника, подъ скромнымъ названіемъ „Книгъ для чтенія въ начальныхъ училищахъ", представляютъ собою органически-стройный, цѣльный, богатый содержаніемъ общеобразовательный курсъ начальныхъ училищъ съ трехъ или четырехлѣтнимъ ученіемъ. Видно, что почтенные составители его, старшіе учители Московскихъ городскихъ училищъ, издали свой трудъ послѣ многолѣтняго, усерднаго труда на службѣ воспитанію и образованію дѣтей въ начальныхъ училищахъ. Отчетливое знаніе дѣтской природы, тонкій психологическій анализъ проявленій дѣтской любознательности, живой воспріимчивости къ впечатлѣніямъ природы и общественности, опытность въ руководствѣ учебными занятіями, причемъ никогда не упускается изъ виду двоякая задача начальной школы—обезпечить дѣтямъ и формальное, и матеріальное образованіе,—всѣ эти данныя живо чувствуются на всемъ пространствѣ объемистаго учебнаго курса и выражаются какъ въ подборѣ и расположеніи статей, такъ и въ самомъ изложеніи—вездѣ ясномъ, простомъ, наглядномъ и увлекательномъ. Планъ учебнаго курса задуманъ широко, разработанъ обстоятельно, захватываетъ собою три или четыре учебныхъ года. Составители по опыту знаютъ, какими трудностями обставлено четырехлѣтнее и даже трехлѣтнее обученіе дѣтей въ начальныхъ училищахъ какъ значителенъ % дѣтей, которыя, по домашнимъ обстоятельствамъ сельскаго люда, весьма часто послѣ второго года ученія уже должны разстаться со школой, чтобы помогать своимъ родителямъ въ ихъ хозяйственныхъ занятіяхъ. По собственному педагогическому такту составители понимаютъ, какой обширный, многосторонній и живой матеріалъ захватываетъ въ себя общеобразовательный начальный курсъ, и какъ учителю легко увлечься такимъ матеріаломъ и черезъ мѣру расширить свое преподаваніе начинающимъ. А поэтому во всѣхъ предлагаемыхъ статьяхъ разсматриваемаго курса авторы стараются удержаться въ предѣлахъ необходимѣйшихъ знаній, а самый матеріалъ, на всемъ протяженіи курса,—расположить въ полномъ соотвѣтствіи съ числомъ годовъ ученія и со степенью способностей учащихся. И такъ какъ,—при наличности условій сельской жизни, — начальная школа для весьма многихъ учениковъ составляетъ первое и послѣднее учебное заведеніе, то необходимо,

чтобы учебный курсъ представлялся цѣльнымъ и законченнымъ, не только въ полномъ составѣ школьнаго ученія, но даже, по возможности, въ составѣ каждаго года ученія. Вѣдь извѣстно, что для огромнаго большинства людей вся жизнь проходитъ въ предѣлахъ того небольшого клочка земли, на которомъ они родились, выросли и воспитались. И даже для тѣхъ, которымъ удается выйти на болѣе обширное поле дѣятельности, все-таки отводится весьма небольшое мѣсто на міровой сценѣ. А между тѣмъ, какъ существо разумное, нравственное и дѣятельное, человѣкъ и на своемъ небольшомъ клочкѣ земли желаетъ и можетъ улучшить жизнь какъ свою, такъ и своихъ ближнихъ. Для этого ему необходимы правильныя понятія о природѣ, ея силахъ, явленіяхъ и производительности, о человѣкѣ, его семейной и общественной жизни и прочихъ занятіяхъ, наконецъ, — объ отечествѣ и государствѣ, въ которомъ онъ состоитъ подданнымъ и передъ которымъ имѣетъ многія почтенныя и трудныя обязанности. Все это авторы отлично понимаютъ, а потому и стараются не упустить изъ виду ни одной изъ необходимѣйшихъ сторонъ умственнаго и нравственнаго развитія своихъ учениковъ; стараются обезпечить имъ въ своемъ учебномъ курсѣ полное и всестороннее развитіе и подготовку къ жизни. При основательномъ знакомствѣ съ важнѣйшими предметами земли, на которой живемъ, — съ важнѣйшими явленіями природы физической, которыя насъ повсюду окружаютъ,—съ важнѣйшими условіями нашего собственнаго здоровья, курсъ начальнаго общаго образованія можно считать полнымъ и законченнымъ.

Всѣ высказанныя общія замѣчанія о задачахъ, которымъ служатъ учебныя пособія, издаваемыя для начальнаго воспитанія и образованія, находятъ себѣ примѣненіе въ обѣихъ „Книгахъ для чтенія" Розанова и Сахарова. Достаточно сдѣлать бѣглый обзоръ ихъ содержанія.

Въ *I-ой части*—пять отдѣловъ. *Первый отдѣлъ*: „разсказы нравственно-воспитательнаго содержанія": 14 статей „О пользѣ ученія и труда", 28 статей „Объ отношеніи къ семьѣ и ближнимъ". Выбранныя изъ лучшихъ писателей (Пушкина, Даля, Толстого, Некрасова, Плещеева, Костомарова и друг.), прозаическія и стихотворныя статьи, свободныя отъ дешевой морали и сантиментальности, проникнутыя любовью къ дѣтямъ и уваженіемъ къ ихъ человѣческому достоинству, такія статьи закладываютъ въ дѣтской душѣ свѣтлыя мысли, здоровыя впечатлѣнія, правильныя настроенія на послѣдующую жизнь.—*Второй отдѣлъ*: „Картины природы и разсказы по естествовѣдѣнію". Картины приспособлены къ четыремъ временамъ года: *осени* посвящены 32 разсказа, *зимѣ*—32 разсказа, *веснѣ*—35 разсказовъ, *лѣту*—77 разсказовъ. Разсказы составлены по Ушинскому, Кайгородову, Баранову, Радонежскому, Бэру, Толстому, Григоровичу, Аксакову, Печерскому, Тургеневу, Гончарову, Писемскому, Бутлерову, Вагнеру и друг. И всѣ они служатъ разносторонней характеристикѣ русской природы въ различныя времена года, въ различныхъ мѣстностяхъ отечества и въ различныхъ

живыхъ и тонкихъ соотношеніяхъ къ человѣку и его умственному, нравственному и эстетическому развитію. Послѣдней задачѣ особенно хорошо служатъ со вкусомъ выбранныя стихотворенія Пушкина, Некрасова, Кольцова, Никитина, Огарева, Плещеева, Жуковскаго, Аксакова, Майкова и друг. — *Третій отдѣлъ*: „Сказки". Ихъ здѣсь восемь — три сказки Жуковскаго: „Свѣтлана", „Спящая красавица" и „О царѣ Берендеѣ и Иванѣ Царевичѣ"; одна—Пушкина: „О царѣ Салтанѣ и сынѣ его Гвидонѣ"; затѣмъ—Ершова: „Конекъ Горбунокъ" (въ сокращенной редакціи), „Жучокъ-Знахарь" изъ „Зол. Кол.," „Умный писецъ" изъ „Чит. Нар. Шк." и Аѳанасьева—„Солдатскіе проказы".—*Четвертый отдѣлъ*: „Басни". Ихъ здѣсь 22: преимущественно басни Крылова (18), кромѣ того — 2 басни Брандта: „Конь и Свинья" и „Мартышка-заступница", одна — Хемницера: „Соловей и Чижъ", наконецъ, одна—Жуковскаго: „Судъ животныхъ". Всѣ басни—нравственнаго и художественнаго значенія какъ по содержанію, такъ въ особенности по живости, картинности и бойкости языка. Къ тому же къ каждой баснѣ приложены примѣчанія—для разъясненія отдѣльныхъ словъ, поэтическихъ выраженій и самого содержанія и смысла басни. —*Пятый отдѣлъ*: „Планы для письменныхъ упражненій" и „Образцы писемъ извѣстныхъ писателей". Подъ названіемъ „планы" предложены довольно разнообразныя дѣтскія письменныя упражненія: 1) Десять задачъ, выбранныхъ изъ статей самого же сборника: дописать неоконченныя предложенія. 2) Десять задачъ—для изложенія разсказовъ по наводящимъ вопросамъ. Самыя же статьи помѣщены въ сборникѣ. Наконецъ, 3) Самостоятельныя изложенія по наводящимъ мыслямъ и вопросамъ. Подъ названіемъ „образцы писемъ" приведены: два письма Гоголя (къ бабушкѣ и сестрицѣ), одно Лермонтова (къ тетенькѣ), два Пушкина (къ женѣ и къ А. Осиповой), одно Жуковскаго (къ А. И. Тургеневу) и одно Н. Помяловскаго (къ Я. П. Полонскому). Безъ сомнѣнія, составители „Книги для чтенія" выбрали эти письма, какъ образцы необыкновенной простоты изложенія, краткости, ясности содержанія и легкости языка. На такихъ образцахъ, конечно, дѣтямъ легко научиться владѣть перомъ и усвоить особенность изложенія мыслей и впечатлѣній въ формѣ письма.

Изъ всѣхъ пяти отдѣловъ первой книги естественно самый богатый разнообразнымъ, любопытнымъ и живымъ матеріаломъ есть отдѣлъ второй. И педагогическое его значеніе особенно важно для учащихся. Уже на этой первоначальной ступени знакомства съ природой, ея силами, явленіями, производительностью устанавливается на всю послѣдующую жизнь живое, сознательное отношеніе человѣка къ міру окружающему и къ самому себѣ, вырабатывается свѣтлое пониманіе своихъ отношеній къ природѣ, знаніе своихъ собственныхъ силъ и средствъ—какъ пользоваться произведеніями этой самой природы на пользу себѣ самому и обществу.

Во II-й части почтеннаго труда Розанова и Сахарова—шесть отдѣловъ. Многіе изъ нихъ служатъ расширеніемъ и какъ бы концентрическимъ до-

полненіемъ содержанія, изложеннаго въ первой части „Книги для чтенія“. *Первый отдѣлъ*: „Духовно-нравственный“. Въ немъ 12 статей. Чтобы дать понятіе о духѣ и значеніи этого отдѣла, довольно назвать изъ прозаическихъ статей чрезвычайно привлекательно, хотя и въ сокращенномъ видѣ, изложенное „Завѣщаніе Владиміра Мономаха“, а изъ стихотворныхъ: „Божій глаголъ“ (по прочтеніи псалма) Хомякова и „Молитву“ К. К. Р.

Заслуживаютъ вниманія и тѣ историческія и нравственныя замѣчанія, которыя приводятся къ каждой изъ статей этого отдѣла, а также—и пословицы, соотвѣтствующія содержанію и значенію статей.

Второй отдѣлъ: „Гигіеническій“, о человѣкѣ и о томъ, какъ живетъ его тѣло (по Ушинскому, П. Бэру, Соколовой, Баранову, Флоринскому и друг.). Здѣсь 11 статей, представляющихъ элементарныя, но отчетливыя свѣдѣнія объ анатомическомъ устройствѣ и физіологическихъ отправленіяхъ человѣка, а также—основныя правила разумной гигіены.

Третій отдѣлъ: „Географическій“ (по Смирнову, Баранову, Острогорскому, Поспѣлову, по „Кн. Взрослыхъ“ и друг.). Отдѣлъ подраздѣленъ на три части: 1) *Міръ Божій* въ 25 статьяхъ представляетъ основныя, элементарныя свѣдѣнія изъ астрономіи, математической и физической географіи, свѣдѣнія о флорѣ и фаунѣ различныхъ странъ, объ образѣ жизни человѣка въ различныхъ мѣстностяхъ земного шара, о раздѣленіи людей по племенамъ и религіямъ. Наконецъ,—основныя понятія о государствѣ и о различныхъ государствахъ стараго и новаго свѣта. 2) *Россія* въ 41 статьѣ заключаетъ въ себѣ, въ общихъ чертахъ, географическіе очерки Россіи, ея моря и рѣки, горы и равнины, климатъ и почву, естественныя произведенія и промышленность, характеристику замѣчательнѣйшихъ мѣстностей Европейской и Азіатской Россіи. Съ большимъ искусствомъ подобранныя стихотворенія (Пушкина, А. Толстого, Жадовской, Глинки, Лермонтова и друг.) служатъ живымъ, поэтическимъ дополненіемъ научныхъ статей или же вносятъ красивыя яркія подробности къ характеристикамъ мѣстностей и ихъ разноплеменныхъ обитателей. Наконецъ, 3) подъ скромнымъ завлавіемъ: „замѣчательныя явленія въ природѣ“ въ 11 статьяхъ изложены основныя понятія о явленіяхъ метеорологическихъ и геологическихъ.

Четвертый отдѣлъ: „Историческій“. Разсказы изъ русской исторіи (по Петрушевскому, Острогорскому, Сиповскому, Баранову и друг.) Въ 48 статьяхъ толково, ясно, въ рѣчи простой, удобопонятной разсказаны главнѣйшія событія отечественной исторіи отъ Рюрика и до Александра II включительно. При этомъ стихотворенія: „Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ“ (Пушкина), „Смерть Сусанина“ (Сурикова), „Кто онъ?“ (Майкова), „Полтавскій бой“ (Пушкина), „Два великана“ и „Бородино“ (Лермонтова), „Волкъ на псарнѣ“ (Крылова) и „Манифестъ 19 февраля 1861 года“ (Майкова) бросаютъ поэтическій свѣтъ на тѣ событія отечественной исторіи, къ которымъ они, по содержанію, относятся.

Пятый отдѣлъ:—„Литературный“ вѣнчаетъ собою весь объемистый, содержательный, отлично выполненный учебный курсъ. Тутъ 45 прозаическихъ и стихотворныхъ статей: Сенкевича, Ушинскаго, Достоевскаго, В. Гюго, Писемскаго, Некрасова, Аксакова, Короленко, Гончарова, Тургенева, Чехова, Потапенко, свящ. Петрова, Гаршина, Станюковича, Тютчева, Гоголя, Даля и друг. Всѣ они, эти статьи, независимо отъ занимательнаго, поэтическаго содержанія, проникнуты, такъ сказать, общею идеей—повліять воспитательно, эстетически на развитіе учениковъ и ученицъ, укрѣпить въ душѣ ихъ свѣтлыя мысли, добрыя настроенія, познакомить ихъ съ лучшими отечественными писателями и развить въ нихъ охоту къ дальнѣйшему, самостоятельному изученію отечественной литературы и поэзіи.

Составители „Книги для чтенія“ помѣстили еще въ концѣ книги весьма полезныя и крайне необходимыя во всякомъ быту свѣдѣнія: *о судѣ*, *о дѣловыхъ письмахъ и документахъ* да кромѣ того приложили 10 образцовъ *прошеній*, *заемныхъ писемъ*, *расписокъ*, *довѣренностей*, *приговоровъ*, *договоровъ*, *духовнаго завѣщанія* и *оффиціальныхъ писемъ* (къ старшинѣ волостного правленія и къ мѣстному священнику). Такія пособія, безъ сомнѣнія, должны въ сельской средѣ послужить драгоцѣннымъ подспорьемъ для простолюдина, въ случаѣ нужды, должны избавить его отъ тяжелой зависимости у какого-нибудь мѣстнаго грамотея-писаря.

Внѣшняя сторона изданія этихъ „Книгъ для чтенія“ также заслуживаетъ вниманія. Хорошая бумага, четкая, красивая печать, очень отчетливыя изображенія замѣчательныхъ лицъ, картинки мѣстностей, — все вмѣстѣ свидѣтельствуетъ о чрезвычайно добросовѣстномъ выполненіи изданія. Дешевизна его, при полновѣсномъ объемѣ (288 стр. I-я часть и 442 стр. II-я часть), независимо отъ цѣннаго содержанія книгъ, должна обезпечить имъ возможно большее распространеніе въ учебномъ мірѣ.

П. В. Евстафьевъ.

П. Авилова. Азбука для совмѣстнаго обученія чтенію и письму.

Она-же. Дѣтскій мірокъ. Книга для чтенія послѣ азбуки.

Азбука г-жи Авиловой по иллюстраціямъ, по всей внѣшности своей—почти нарядная книжка и совсѣмъ дешевая—стоитъ 7 коп. „Соображенія“, которыми „руководится“ составительница азбуки совпадаютъ съ обычными стремленіями и требованіями современнаго обученія письму-чтенію. Г-жа Авилова правильно замѣчаетъ, что „большинство согласныхъ чаще (?) выговариваютъ, присоединяя къ каждому букву (звуку?) *ы*. Таковая неправильность произношенія затрудняетъ сліяніе согласныхъ съ гласными. И дѣлаетъ выводъ, что „несмотря на трудность звукового произношенія (?) буквы *ы*, слѣдуетъ съ нею знакомить въ началѣ прохожденія алфавита“. Чтеніе словъ, кончающихся на *ъ*, говоритъ составительница до объясненія значенія этой буквы (въ

концѣ словъ), часто ведетъ къ тому, что учащіеся ставятъ ъ и послѣ гласныхъ". Вѣрно и то, что „пословицы и загадки охотно читаются дѣтьми и удобны для первоначальнаго чтенія". Это, впрочемъ, г.г. авторы опять усиленно приняли во вниманіе, возрождая вторую молодость книжекъ Ушинскаго. Послѣднее положеніе, или „соображеніе" г-жи Авиловой таково: „прямое письмо легче косого усвопвается, практикуется въ большинствѣ школъ и считается болѣе гигіеничнымъ".—„Дѣтскій Мірокъ" со многими рисунками, съ матеріаломъ для церковно-славянскаго чтенія и образцами для самостоятельныхъ упражненій въ правописаніи, цѣною въ 20 коп.,—тоже изданіе благообразное. Но, по внутреннему своему содержанію, этотъ сборничекъ напечатанъ, по всей вѣроятности, для очень немногихъ. Тутъ, во-первыхъ, находимъ длинный рядъ позаимствованій у Ушинскаго. Во-вторыхъ, идутъ урѣзыванія, передѣлки, пересказы изъ иныхъ источниковъ. Составительница, повидимому, прилежно добивалась краткости и словесной простоты своихъ статеекъ. Очень даже легко понять такую цѣль въ „Дѣтскомъ мíркѣ". Но вѣдь и до г-жи Авиловой объ этомъ заботились же! И, кромѣ того, большая заслуга!—гораздо меньше нашей составительницы надѣялись на собственное и вообще какое-то домашнее авторство.

А. Налимовъ.

По Бѣлу Свѣту. Иллюстрированный двухнедѣльный листокъ (приложеніе къ журналу „Юный Читатель").

Нельзя не привѣтствовать появленія этой первой дѣтской газеты. Читателями ея являются дѣти, конечно, не моложе 10 лѣтъ, т. е. въ томъ возрастѣ, когда у нихъ уже пробуждается живой интересъ къ окружающей жизни, къ болѣе широкому пониманію разныхъ явленій природы и событій общественной жизни. Теперь въ особенности, когда идутъ такія грозныя событія на Востокѣ, любопытство дѣтей возбуждено и часто приходится видѣть мальчугана лѣтъ 8—10 уже съ газетою въ рукахъ. А между тѣмъ каждый изъ насъ знаетъ, насколько наши большія газеты совершенно не годятся для чтенія не только ребенка, но и юношей. Редакція „Юнаго Читателя" своими двухнедѣльными приложеніями очень своевременно отозвалась на живую потребность дѣтей. Она выдѣлила въ отдѣльный листокъ всѣ тѣ мелкія извѣстія, какія до сихъ поръ печатались въ ежемѣсячныхъ книжкахъ-сборникахъ „Юнаго Читателя" на послѣднихъ 2—3 страницахъ, подъ тѣмъ же заглавіемъ „По бѣлу свѣту". Военныя событія невольно въ теченіе всего года заняли въ этомъ отдѣлѣ первенствующее мѣсто и потребовали его расширенія.

Листокъ выросъ совершенно естественно и теперь является очень удачной газетой съ разнообразнымъ интереснымъ содержаніемъ: тутъ и хроника военныхъ событій, картинки изъ жизни того самаго Востока, который получилъ для насъ такой роковой интересъ, разсказы о разныхъ изумительныхъ явленіяхъ природы, некрологи и краткія біографическія данныя о современныхъ

великихъ людяхъ (Стенли, Крюгеръ, Чеховъ). Изложеніе просто и доступно. Жаль только, что въ передачѣ военныхъ событій редакція слишкомъ исключительно придерживается оффиціальнаго тона и не даетъ больше эпизодическихъ подробностей съ театра военныхъ дѣйствій: онѣ были бы интереснѣе молодымъ читателямъ; конечно, при этомъ должно избѣгать слишкомъ потрясающихъ эпизодовъ, чтобъ щадить дѣтскіе нервы. Въ общемъ листокъ „По Бѣлу Свѣту“ вполнѣ отвѣчаетъ своему назначенію; онъ очень любимъ дѣтьми, особенно въ далекой глухой деревнѣ, куда такъ мало еще проникаетъ правдивыхъ извѣстій. Листокъ этотъ придаетъ новую цѣнность тому симпатичному журналу, при которомъ онъ является живымъ дополненіемъ. „Юный Читатель“ своими небольшими, но содержательными книжечками разноситъ по самымъ глухимъ уголкамъ Россіи живыя благодатныя сѣмена знанія и добрыхъ чувствъ, и его новое приложеніе является еще однимъ прекраснымъ средствомъ удовлетворить дѣтскую любознательность и ввести своихъ молодыхъ читателей въ единеніе и общеніе со всѣмъ широкимъ бѣлымъ свѣтомъ.

С. Р.

И. Горбуновъ-Посадовъ. „Рождественская Звѣзда“.—Сборникъ разсказовъ и сказокъ изъ произведеній В. Гюго, Фр. Копье, Ж. Леметра, П. Лоти, Ч. Диккенса, Бретъ-Гарта, Андерсена и другихъ. 3-е изданіе. Москва. 1905 г. Ц. 1 р. 10 к.

Книга г. Горбунова-Посадова выходитъ третьимъ изданіемъ и заслуживаетъ особеннаго вниманія по своимъ выдающимся достоинствамъ.

Въ книгѣ собрано одиннадцать переводныхъ разсказовъ изъ лучшихъ иностранныхъ писателей, и всѣ выбранные разсказы проникнуты чувствомъ глубокаго состраданія къ людскому горю, всѣ поучаютъ живой, дѣятельной любви къ людямъ и при томъ изложены такъ художественно, что производятъ глубокое впечатлѣніе не только на маленькихъ, но и на взрослыхъ читателей.

Такъ, напр., безпомощная сиротская доля въ разсказѣ Виктора Гюго „Жаворонокъ въ неволѣ“ рисуется такъ художественно-ярко, что сердце сжимается и у взрослаго читателя отъ жалости и страха за бѣдняжку, восьмилѣтнюю Козету, когда она темной ночью принуждена бѣжать въ лѣсъ за водой или поетъ подъ столомъ свою заунывную пѣсенку: „Мать умерла, мать умерла!“

Выразителями мысли сборника являются: разсказъ Ванъ-Дейка „Звѣзда Рождества“ и сказка „Человѣкъ безъ сердца“. Въ первомъ—разсказывается о четвертомъ волхвѣ Артабанѣ, который, въ ожиданіи грядущаго Спасителя, продаетъ все свое имущество, покупаетъ три великолѣпные драгоцѣнные камня и, бросивъ всѣ удобства жизни, идетъ отыскивать Царя царей, чтобы вмѣстѣ со своими товарищами-волхвами принести Ему, Владыкѣ міра, свои дары:

„сапфиръ, голубой, какъ ночное небо, сапфиръ, алѣе луча восходящаго солнца, и жемчугъ—бѣлый, какъ снѣговая горная вершина въ сумерки“. Но увлекшись состраданіемъ къ встрѣчному израненому путнику, Артабанъ проводитъ нѣсколько часовъ, ухаживая за больнымъ, не успѣваетъ пріѣхать въ назначенный день къ сборному пункту, лишается возможности поклониться Владыкѣ вмѣстѣ со своими сотоварищами - волхвами и 33 года проводитъ въ странствованіи и въ поискахъ Царя царей. „Если онъ не находилъ того, кому желалъ поклониться, зато встрѣчалъ многихъ, кому могъ помогать: онъ кормилъ голодныхъ, одѣвалъ нагихъ, лѣчилъ раненыхъ и навѣщалъ заключенныхъ“. Свои драгоцѣнные камни отдаетъ онъ на выкупъ несчастныхъ отъ рабства и съ горемъ думаетъ, что не достоинъ увидѣть Царя Истины, что ничего не можетъ принести Ему въ даръ. Но передъ смертью слышитъ онъ слова Спасителя: „то, что ты сдѣлалъ братьямъ моимъ меньшимъ, то сдѣлалъ Мнѣ“, и понялъ праведникъ, умирая, что нашелъ Царя-Истины, что дары его приняты Владыкой.

Этотъ художественный разсказъ производитъ глубокое впечатлѣніе на читателей, будитъ мысль и вызываетъ множество оживленныхъ толковъ и разсужденій среди маленькихъ читателей.

Сказка „Человѣкъ безъ сердца“ менѣе художественна, но мысль, въ ней выраженная,—прекрасна. Тутъ разсказано, какъ Сильванъ, чувствующій, что онъ „все равно, что истуканъ“ безъ сердца, идетъ за помощью къ волшебнику и силою волшебства дѣлается сначала царемъ, потомъ мудрецомъ, потомъ богачомъ и старательно служитъ людямъ въ надеждѣ пріобрѣсти сердце; онъ ощущаетъ въ себѣ сердце, начинаетъ радоваться и горевать только тогда, когда, обратясь въ бѣднаго дровосѣка, привязывается къ дочери своего товарища дровосѣка и радуется ея выздоровленію послѣ тяжелой болѣзни. Въ концѣ концовъ Сильванъ приходитъ снова къ волшебнику и спрашиваетъ, почему у него не было сердца, когда онъ служилъ людямъ, какъ царь, какъ ученый, какъ богачъ, а теперь, когда онъ уже не въ силахъ дѣлать добро людямъ, а самъ его получаетъ отъ нихъ,—онъ чувствуетъ, что его любятъ и въ груди его бьется сердце?—На это волшебникъ отвѣчаетъ: „Это потому что, когда ты былъ царемъ, ученымъ и богачомъ, ты былъ гордъ. Ты думалъ, что служишь народу, а всѣ тебѣ служили. Ты думалъ, что ты все знаешь, а ты не зналъ главнаго—любви людей другъ къ другу“.

Всѣ разсказы сборника и знакомятъ читателей съ силой этой „любви людей другъ къ другу“, съ значеніемъ этой любви въ жизни человѣка и невольно увлекаютъ читателей на путь добра силою своихъ художественныхъ образовъ.

Струджъ (въ разсказѣ Диккенса „Тѣнь Марлея“) силой раскаянія и любви изъ скупца и человѣконенавистника обращающійся въ общаго друга всѣхъ нуждающихся; старый каторжникъ (въ разсказѣ Пьера Лоти „Горе стараго каторжиика“), плачущій жгучими слезами о смерти своего ручного,

больного воробушка, шалунъ и бѣдокуръ Джуліо и маленькій Маріо (въ разсказахъ Амичиса „Сорванецъ" и „Буря на морѣ"), жертвующіе самой жизнью для спасенія любимыхъ людей, мать (въ сказкѣ того-же имени Андерсена), оживляющая кустъ силой своей любви къ сыну, добровольно лишающая себя зрѣнія для спасенія своего ребенка, калѣка Пріеронъ (въ разсказѣ „Пропавшій ребенокъ" Франсуа Коппе), берущій къ себѣ на воспитаніе сироту мальчика и съ нѣжностью относящійся къ случайному найденному—все это образы живой, дѣятельной любви, образы глубоко художественные, а потому производящіе особенно сильное, нисколько не навязываемое впечатлѣніе. А это и дѣлаетъ книгу Горбунова-Посадова—особенно дорогой для всякаго воспитателя.

Издана книга прекрасно и остается только пожелать, чтобы она нашла себѣ самое широкое распространеніе.

А. А. Ѳедоровъ-Давыдовъ. „Что сердце говоритъ". Разсказъ и сказки. Для младшаго возраста. Изданіе редакціи журналовъ „Свѣтлячекъ" и „Путеводный огонекъ". Москва. Цѣна 40 к.

Сердце говоритъ все хорошія вещи, что истинное мужество не въ томъ, чтобы не бояться темной комнаты, мышей и т. п., а въ томъ, чтобы, не задумываясь, броситься на помощь утопающему товарищу (разсказъ „Трусъ безъ страха"), что нужно умѣть отличать мягкость сердечную отъ слабости (повѣсть въ стихахъ „Трусишка"), что искру Божію можно найти въ каждомъ, даже самомъ испорченномъ человѣкѣ (разсказъ „Чудовище"), что премудро создали міръ Божій и живыя существа, населяющія его (лучшее по формѣ стихотвореніе сборника „Пчелки-заступницы") и т. д. Все это—правдивыя и хорошія мысли; но форма, въ которую онѣ облечены, совершенно не художественна. Небольшими дѣтьми сборникъ прочтется съ удовольствіемъ.

А. А. Ѳедоровъ-Давыдовъ. Собака—герой на войнѣ. Изд. редакціи журналовъ „Свѣтлячекъ" и „Путеводный огонекъ". Москва. Ц. 20 к.

Сборникъ состоитъ изъ разсказовъ о собакахъ-водолазахъ, сенъ-бернарахъ, овчаркахъ, сторожевыхъ собакахъ и собакахъ - воителяхъ, изъ которыхъ устраивается на войнѣ цѣпь секретовъ, съ которыми пересылаются депеши, которыя несутъ обязанности санитаровъ. Разсказы полубеллетристической формы изложены довольно живо и проникнуты любовью къ вѣрнымъ друзьямъ и помощникамъ человѣка. Въ разсказахъ о томъ, какъ дрессируютъ собакъ для разныхъ цѣлей, постоянно проводится мысль о томъ, что при обученіи собакъ можно достигнуть хорошихъ результатовъ только при условіи бережнаго, ласковаго, строгаго, но справедливаго отношенія къ животнымъ, которыя, дорожа лаской человѣка, чутки къ несправедливости, жестокости, способны не менѣе человѣка страдать отъ незаслуженной обиды. Такая тенденція въ разсказахъ о животныхъ придаетъ имъ большое воспитательное значеніе.

Элизе Реклю. Исторія горы. 2-е изданіе К. Тихомірова. Переводъ Д. А. Коропчевскаго. Стр. 140. Цѣна 50 к.

Имя автора въ достаточной степени рекомендуетъ книгу. И, дѣйствительно, „Исторія горы", по живости и увлекательности изложенія, представляетъ интересное и полезное чтеніе для дѣтей старшаго возраста.

Авторъ знакомитъ своихъ читателей съ внѣшнимъ видомъ горы, который такъ непохожъ на обыкновенное представленіе школьниковъ, съ различными горными породами, встрѣчающимися въ горахъ, разсказываетъ объ ихъ происхожденіи и разрушеніи, о происхожденіи и постепенномъ разрушеніи самихъ горъ, объ осыпяхъ, обвалахъ и вулканахъ; объясняетъ, какъ ученые по остаткамъ ископаемыхъ животныхъ опредѣляютъ время образованія земныхъ слоевъ.

Далѣе авторъ переходитъ къ атмосфернымъ осадкамъ и явленіямъ, связаннымъ съ ними, объ образованіи и движеніи ледниковъ и морей; разсказываетъ объ ужасныхъ бѣдствіяхъ отъ мятелей и паденія лавинъ.

Потомъ авторъ знакомитъ читателей съ растительнымъ и животнымъ міромъ въ горахъ и, наконецъ, съ человѣкомъ-жителемъ горъ. Авторъ объясняетъ значеніе горъ въ жизни народовъ и отдѣльныхъ людей, вліяніе горъ на занятіе, характеръ и физическое развитіе горцевъ; разсказываетъ объ отношеніи человѣка къ горамъ—о священныхъ горахъ и религіозныхъ миѳахъ, связанныхъ съ ними у различныхъ народовъ, о томъ, какъ древніе считали горы мѣстопребываніемъ боговъ, и какъ теперь люди смѣло и искусно эксплуатируютъ горы для своихъ цѣлей.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Изъ хроники народнаго образованія на Западѣ.

1. Залы для занятій студентовъ при Парижскомъ университетѣ.—2. Университетская группа соціальныхъ экскурсій въ Парижѣ.—3. Стипендіи для кругосвѣтныхъ путешествій лицамъ, подготовляющимся къ должности учителей и учительницъ.

За послѣдніе годы французскіе университеты стараются внести новую струю въ ходъ занятій студентовъ. Пассивное слушаніе лекцій и чтеніе указанныхъ профессорами книгъ признается недостаточнымъ. Учащимся предоставляется возможность работать самостоятельно, но подъ руководствомъ епро фессоровъ; кромѣ того, имъ дается возможность знакомиться на опытѣ съ общественными учрежденіями и съ общественною жизнью какъ родной страны, такъ и иностранныхъ государствъ. Къ новымъ способамъ подготовки учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ слѣдуетъ отнести устройство залъ для самостоятельныхъ занятій студентовъ—„salles de travail", соціальныя экскурсіи и, наконецъ, стипендіи для путешествій за-границу не съ цѣлью изученія какой-нибудь отрасли науки въ знаменитомъ иностранномъ университетѣ, а для ознакомленія съ природой, жизнью и учрежденіями различныхъ странъ съ цѣлью расширенія умственнаго горизонта при общеніи съ иной культурой и иными нравами. Для поясненія хода дѣятельности „salles de travail" приведемъ замѣтку, помѣщенную въ февральской книжкѣ Revue internationale за нынѣшній годъ, въ которой говорится о залахъ для занятій, устроенныхъ при юридическомъ и филологическомъ факультетахъ Тулузскаго университета. Находя, что студенты, которые на лекціяхъ только слушаютъ и пассивно воспринимаютъ, не могутъ безъ руководительства серьезно справиться съ самостоятельнымъ изученіемъ предмета по книгамъ и пособіямъ, профессора университета въ Тулузѣ рѣшили придти имъ на помощь организацией залъ для занятій. Въ этихъ залахъ студенты находятъ все, что имъ необходимо—источники, пособія, справочныя книги. При занятіяхъ студентовъ присутствуетъ профессоръ, который обсуждаетъ избранныя студентами темы, ихъ методу изслѣдованія, критику источниковъ, однимъ словомъ, является настоящимъ руководителемъ занятій, какъ бы „директоромъ умственной лабораторіи", какъ выражается авторъ замѣтки.

Это нововведеніе уже на второй годъ своего существованія имѣло такой успѣхъ, что въ будущемъ году вмѣсто двухъ функціонирующихъ теперь залъ для занятій потребуется открыть шесть или семь. Но эти занятія происходятъ въ стѣнахъ университета и сохраняютъ чисто кабинетный характеръ. Между тѣмъ въ послѣднее время университеты все больше и больше выходятъ изъ своей замкнутости; они несутъ свѣтъ знанія все болѣе и болѣе широкому

кругу жаждущихъ образованія. Они не остаются чужды общественнымъ движеніямъ и считаютъ необходимымъ изучать общественныя явленія не только по книгамъ.

Это стремленіе выразилось между прочимъ въ организаціи при юридическомъ факультетѣ Парижскаго университета „университетской группы соціальныхъ экскурсій“. Проектъ организаціи этихъ экскурсій былъ помѣщенъ въ мартовской книжкѣ Revue internationale de l'enseignement за прошлый годъ. Авторъ проекта г. Альфредъ Настъ, указывая на то, что все преподаваніе на юридическомъ и словесномъ факультетахъ носитъ исключительно теоретическій характеръ, говоритъ, что особенно сильно эта теоретичность проявляется на курсахъ политической экономіи и соціальныхъ наукъ, гдѣ именно между тѣмъ недостаточно довольствоваться абстрактными построеніями, а необходимо знакомиться на практикѣ съ тѣмъ, „какъ функціонируютъ различные рычаги народной жизни“. Г. Настъ находитъ дойстойнымъ подражанія примѣръ своего учителя профессора соціальной экономіи въ Парижскомъ университетѣ г. Жида, который иллюстрировалъ свой курсъ посѣщеніями вмѣстѣ со слушателями раза два въ годъ благотворительныхъ учрежденій, рабочихъ обществъ, учрежденій, имѣющихъ отношеніе къ гигіенѣ города и т. п. Но эти экскурсіи слишкомъ рѣдки, такъ какъ профессоръ не можетъ удѣлять на нихъ слишномъ много времени. Въ виду этого желательно, чтобы студенты сами организовались въ группы и устроили рядъ систематически расположенныхъ экскурсій для ознакомленія съ промышленными и экономическими учрежденіями.

Эти группы, по мнѣнію иниціатора, могли бы состоять преимущественно изъ студентовъ, изучающихъ политическую экономію, и словесниковъ, изучающихъ философію, педагогику и соціологію; къ нимъ могли бы присоединиться по желанію и студенты и другихъ факультетовъ, интересующіеся явленіями общественной жизни, и посѣтители народныхъ университетовъ. Подъ руководствомъ профессоровъ и спеціалистовъ-техниковъ экскурсанты могли бы осматривать рядъ учрежденій и дѣлиться впечатлѣніями осмотровъ.

Проектъ не остался только проектомъ: въ февралѣ 1905 г. въ Revue internationale напечатанъ былъ уже планъ экскурсій па вторую половину учебнаго года. Подъ руководствомъ профессора статистики г. Фернанда Фора студенты посѣщали бюро муниципальной статистики города Парижа и нѣкоторыя другія подобныя учрежденія. Затѣмъ группа экскурсантовъ займется изслѣдованіемъ организаціи торговли въ розницу, посѣтитъ нѣсколько большихъ магазиновъ разнообразнаго характера и закончитъ посѣщеніемъ потребительныхъ обществъ съ тѣми учрежденіями, которыя съ ними соприкасаются.

Подобныя экскурсіи будутъ устраиваться каждыя двѣ недѣли подъ руководствомъ извѣстныхъ профессоровъ и практиковъ. Участіе въ экскурсіяхъ будутъ принимать студенты различныхъ факультетовъ и слушатели народныхъ университетовъ. Еще шире область наблюденія для тѣхъ немногихъ, конечно, студентовъ, которымъ посчастливится получить стипендіи для кругосвѣтнаго путешествія, основанныя г. Альбертомъ Каномъ. Стипендіи эти, которыя выдаются ежегодно двумъ окончившимъ курсъ воспитанникамъ нормальной школы и тремъ окончившимъ курсъ правительственнаго или свободнаго университета, распредѣляются Совѣтомъ Парижскаго университета по представленію особой коммиссіи, избранной вице-ректоромъ академіи, состоящей подъ его предсѣдательствомъ. Кандидаты обязательно должны знать англійскій языкъ и представить свидѣтельство о здоровьи. Каждый стипендіатъ получаетъ 15.500

франковъ и 1.000 на экипировку; путешествіе длится около 15-ти мѣсяцевъ. По окончаніи путешествія стипендіаты представляютъ изслѣдованія по заинтересовавшимъ ихъ вопросамъ. Цѣль подобнаго путешествія такъ выражена въ запискѣ самого жертвователя: „Цѣль этихъ путешествій—дать возможность молодымъ профессорамъ пріобрѣсти точное понятіе о положеніи Франціи въ мірѣ и пробудить въ нихъ живое сознаніе необходимыхъ усовершенствованій, которыя должны поддержать Францію на высотѣ, достойной ея. Обязательный предметъ изученія—это изслѣдованіе, чуждое всякой предвзятой идеи, условій общественной жизни въ разныхъ странахъ, способовъ, которыми каждое правительство надѣется сформировать духъ общества, средствъ, употребляемыхъ для развитія національнаго генія, наконецъ, причинъ, которыя доставляютъ тому или иному народу то преимущество, которое онъ обнаруживаетъ въ той или иной области".

Въ статьѣ, помѣщенной въ январьской книжкѣ Revue pédagogique за нынѣшній годъ подъ заглавіемъ „Autour de monde" разбирается результатъ изслѣдованій, представленныхъ стипендіатами за 1898, 1899 и 1900 гг., изданныхъ въ одномъ объемистомъ томѣ. Изъ этого отчета видно, что путешественники остановили свое вниманіе на разныхъ внѣевропейскихъ странахъ—Новой Зеландіи, Соединенныхъ Штатахъ, Индостанѣ, Индокитаѣ, Японіи, Филиппинахъ, Канадѣ—и на разныхъ сторонахъ общественной жизни. Такъ, путешествовавшіе въ Новой Зеландіи особенно останавливались на политическихъ учрежденіяхъ этой страны, обращающихъ на себя вниманіе всего міра; другіе представили обстоятельныя изслѣдованія американской школы по сравненію съ французской; третій занялся вопросомъ о причинахъ паденія французской торговли въ Индіи или организаціей англійской администраціи въ Бомбеѣ. Вообще большинство монографій касаетсяобществ еннаго строя, школы общинъ и колоній. Рецензентъ указываетъ на серьезный характеръ трудовъ молодыхъ стипендіатовъ и на ихъ важное значеніе.

Подобныя же стипендіи для кругосвѣтныхъ путешествій учреждены съ нынѣшняго года при Парижскомъ университетѣ и для женщинъ. Учредитель, пожелавшій остаться неизвѣстнымъ, уже основавшій стипендіи для подготовляющихся въ профессора, прислалъ на имя ректора Парижской академіи г-на Ліарда очень интересное письмо, въ которомъ выражаетъ свой взглядъ на это дѣло. „Преподавательницы въ женскихъ лицеяхъ, говоритъ онъ, должны заботиться не только о томъ, чтобы изъ ввѣренныхъ имъ воспитанницъ вышли образованныя молодыя дѣвушки: онѣ должны стать настоящими воспитательницами, понимающими общественное значеніе своей миссіи, знающими, что будущая женщина окажется въ значительной степени такой, какой онѣ подготовятъ ее. Для этой то роли воспитательницъ я хотѣлъ бы подготовить ихъ еще болѣе, давъ возможность нѣкоторымъ изъ нихъ путешествовать по Европѣ и Америкѣ... Живя попеременно въ разной средѣ, научаешься исправлять свои заблужденія и предразсудки. Многіе вопросы, которые казались необходимыми, отходятъ на задній планъ. Другіе, на которые обращалось мало вниманія, оказываются капитальными по значенію. Предметы обрисовываются въ настоящую величину, выясняются ихъ дѣйствительныя пропорціи, ихъ истинный смыслъ, пріучаешься выполнять свою главную функцію—всякой вещи отводить ея дѣйствительное мѣсто". Придавая громадное значеніе роли женщины, которая „сильно способствуетъ сформированію національнаго идеала", авторъ письма находитъ необходимымъ, чтобы „женщины, посвящающія себя воспитанію дѣтей, сознавали ясно, каковъ долженъ быть этотъ идеалъ, и работали надя его обновленіемъ. Обновленіе идеала возможно только при сравненіи. Кажда-

нація имѣетъ свой особый взглядъ на счастіе, на долгъ, на тысячи великихъ и малыхъ вещей, которыя придаютъ жизни прелесть или значеніе. Будущее принадлежитъ тѣмъ, которые сумѣютъ изъ всѣхъ этихъ идеаловъ выбрать то, что есть лучшаго, возвыситься до самаго широкаго и самаго естественнаго пониманія жизни".

По мнѣнію автора, никто лучше женщины не подготовится къ этой работѣ сравненія, такъ какъ женщина одарена способностью ясно видѣть все, что касается жизни духа. „Изъ различныхъ идеаловъ она сумѣетъ выдѣлить эссенцію и внести къ намъ ея ароматъ". Изложивъ свои широкіе взгляды на это дѣло, великодушный жертвователь, уже нѣсколько лѣтъ дающій возможность широкой подготовки для молодыхъ людей, выясняетъ условія, на которыхъ будутъ выдаваться стипендіи.

Стипендій ежегодно выдается двѣ, по 7.500 франковъ.

Онѣ будутъ выдаваться дѣвушкамъ или женщинамъ выдерживавшимъ конкурсный экзаменъ и выказавшимъ практическое знаніе по крайней мѣрѣ одного иностраннаго языка.

Обѣ стипендіатки будутъ путешествовать вмѣстѣ по меньшей мѣрѣ годъ.

Онѣ должны будутъ посѣтить:

1. Главнѣйшія страны Европы, а именно: Англію, Бельгію, Голландію, Германію, Россію, Швецію и Норвегію, Швейцарію, Италію и Испанію;

2. Соединенные Штаты, въ особенности Нью-Іоркъ, Бостонъ, Чикаго, женскіе университеты и т. п.

Стипендіи распредѣляются особой коммиссіей, въ составъ которой, по предложенію жертвователя, должны входить:

Ліардъ, какъ предсѣдатель, Казиміръ Перье, президентъ общества друзей университета, докладчики бюджета народнаго образованія въ Сенатѣ и въ палатѣ депутатовъ, директриса нормальной школы въ Севрѣ и директриса какого-нибудь лицея для молодыхъ дѣвушекъ. Надо думать, что желающихъ совершить интересное и поучительное путешествіе найдется не мало, и новое дѣло будетъ имѣть такой же успѣхъ, какъ и стипендіи для путешествія окончившихъ университетъ студентовъ. **Е. Р.**

Хроника народнаго образованія.

Народъ ищетъ образованія: письмо донскихъ казаковъ о „хорошихъ школахъ и библіотекахъ"; ходатайство крестьянъ с. Баланды о вечернихъ курсахъ; заявленіе крестьянъ Гарской волости объ открытіи школъ съ расширенной программой; крестьянское сельскохозяйственное общество о школѣ. — Препятствія народному образованію: противодѣйствіе народному просвѣщенію со стороны земскихъ начальниковъ; школа, обращенная въ курятникъ; условія внѣшкольной просвѣтительной дѣятельности учителя; насилія надъ учителемъ; „законное требованіе", порою предъявляемое къ учителямъ; „нѣтъ надобности печатать труды съѣзда учителей", закрытіе общихъ собраній костромского учительскаго общества; закрытіе владимірскаго учительскаго общества на годъ.—Условія дѣятельности частныхъ обществъ въ области народнаго просвѣщенія: запрещенія общихъ собраній омскаго и ярославскаго просвѣтительныхъ обществъ; закрытіе ставропольскаго просвѣтительнаго общества.

Народъ стремится къ просвѣщенію, и на пути къ этому просвѣщенію его ждутъ непреодолимыя препятствія—вотъ два положенія, которыя стали совершенно несомнѣнными въ виду фактовъ изъ области народнаго просвѣще-

нія, имѣвшихъ мѣсто въ теченіе нынѣшняго года. Стремленіе къ просвѣщенію выражается въ крайне многочисленныхъ и самыхъ разнообразныхъ фактахъ. Останавливаться на всѣхъ ставшихъ извѣстными фактахъ подобнаго рода, конечно, нѣтъ никакой возможности. Отмѣтимъ только нѣсколько фактовъ этого рода, дабы уяснить именно разнообразіе проявленій общаго стремленія народныхъ массъ къ просвѣщенію.

3-я сотня 26-го донского казачьяго полка прислала на имя станичнаго атамана Константиновской станицы письмо изъ Манчжуріи. Въ письмѣ этомъ, напечатанномъ въ „Донскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ", казаки просятъ своего станичнаго атамана приложить какъ можно больше заботы объ устройствѣ „хорошихъ школъ и библіотекъ" не только въ станицѣ, но и въ каждомъ хуторѣ, такъ какъ путемъ знакомства съ плѣнными японцами казаки убѣдились въ томъ, что главною причиною японскихъ побѣдъ служатъ ихъ образованность и просвѣщенность. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что съ такому же выводу о необходимости „хорошихъ школъ" и „библіотекъ" пришли очень и очень многіе казаки и солдаты, побывавшіе въ Манчжуріи и имѣвшіе возможность убѣдиться въ томъ, насколько японецъ просвѣщеннѣе русскаго солдата и насколько отъ этого зависѣли всѣ наши неудачи на Дальнемъ Востокѣ.

Но, само собою разумѣется, не только война выясняетъ народу необходимость просвѣщенія. И обыденная борьба за существованіе на каждомъ шагу говоритъ ему все о томъ же,—о необходимости учить дѣтей и учиться самому. И отсюда цѣлый рядъ заявленій со стороны народа о необходимости расширенія программъ народныхъ школъ и учрежденія образовательныхъ учрежденій съ болѣе широкими программами. Напр., въ Саратовскую губенскую земскую управу поступило ходатайство крестьянъ села Баланды объ открытіи вечернихъ курсовъ. Необходимость устройства такихъ курсовъ мотивируется въ заявленіи тѣмъ, что при недостаточности земельнаго обезпеченія крестьянъ Баланды (получили „дарственный" надѣлъ), они вынуждены искать заработковъ внѣ земледѣлія, что безъ образованія трудно. Существующихъ же школъ мало, да онѣ и не даютъ достаточнаго образованія. Въ заявленіи отмѣчается усиленное стремленіе крестьянской молодежи къ самообразованію, но съ тѣми ничтожными начатками образованія, какіе даетъ начальная школа, это стремленіе къ самообразованію безъ болѣе свѣдущаго руководства оказывается почти неосуществимымъ. Вотъ почему баландинскіе крестьяне и просятъ объ устройствѣ въ ихъ селѣ вечернихъ курсовъ, которые давали бы возможность пополнять свое образованіе окончившимъ курсъ начальной школы.

Въ другихъ крестьянскихъ заявленіяхъ проводится мысль о необходимости созданія ежедневныхъ школъ съ болѣе широкими программами, нежели тѣ, какія примѣняются въ начальныхъ школахъ. Такимъ образомъ, крестьяне Гарской волости, Дмитровскаго уѣзда, по поводу начала постройки начальной земской школы въ с. Гаряхъ подали въ московскую губернскую земскую управу заявленіе, въ которомъ говорятъ, что „настоящая начальная земская школа по своей малой программѣ и по малому пребыванію въ ея стѣнахъ учениковъ не удовлетворяетъ требованіямъ жизни", такъ какъ окончившіе курсъ въ земскомъ училище „не могутъ поступать въ другія учебныя заведенія или поступаютъ съ большимъ ущербомъ во времени, какъ, напр., три года ученья въ земской начальной школѣ зачитаютъ въ городскомъ училищѣ за одинъ годъ, но жизнь убѣждаетъ, что учить дѣтей необходимо;

въ особенности это чувствуется въ настоящее время, когда мы отстаемъ отъ всѣхъ на свѣтѣ". Въ виду этого крестьяне просятъ губернскую земскую управу устроить имъ школу съ болѣе широкой программой.

Еще любопытнѣе, какъ имѣющее болѣе общій характеръ, постановленіе песковскаго сельскохозяйственнаго общества, Лохвицкаго уѣзда, Полтавской губерніи, принадлежащаго къ такъ называемымъ „сельскохозяйственныхъ обществамъ малаго района" и состоящаго изъ крестьянъ. Вопросъ о народной школѣ, какъ основѣ государственнаго благоустройства и народнаго благосостоянія, былъ поставленъ песковскимъ обществомъ самымъ серьезнымъ образомъ. Первоначально надъ нимъ работала избранная общимъ собраніемъ членовъ общества коммиссія, а затѣмъ докладъ коммиссіи обсуждался въ теченіе цѣлаго дня снова въ общемъ собраніи. Въ концѣ концовъ крестьяне, члены песковскаго сельскохозяйственнаго общества, пришли къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Настоящая сельская школа какъ земская, такъ и церковно-приходская, въ одинаковой степени не удовлетворяетъ своему назначенію, такъ какъ, кромѣ грамоты, которую дѣти весьма скоро забываютъ, онѣ ничего не даютъ, благодаря неудовлетворительности программы школъ, малой подготовленности учительскаго персонала, а также частой его перемѣнѣ. Необходима сельская школа съ возможно широкимъ введеніемъ въ программу слѣдующихъ предметовъ: естествовѣдѣнія, законовѣдѣнія и правовѣдѣнія, исторіи и отечествовѣдѣнія.

2) Сельская школа, являясь законченнымъ учебнымъ учрежденіемъ для села, вмѣстѣ съ тѣмъ должна быть связана по программѣ со средней, а средняя съ высшей школой, такъ, чтобы переходъ изъ средней въ высшую школу былъ безъ экзаменовъ.

3) Необходимо разрѣшеніе свободы преподаванія и открытія школъ частнымъ лицамъ и учрежденіямъ.

4) Обязательность обученія въ сельскихъ школахъ новаго типа какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ.

5) Обученіе на государственный счетъ для всѣхъ безплатное—во всѣхъ школахъ: сельскихъ, среднихъ и высшихъ.

Безчисленное множество фактовъ, аналогичныхъ приведеннымъ, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что сознаніе необходимости образованія стало въ народной средѣ всеобщимъ и что стремленіе къ просвѣщенію проявляется въ народныхъ массахъ все въ большихъ и большихъ размѣрахъ. Но не менѣе безчисленное множество фактовъ говоритъ о томъ, что народъ на этомъ пути къ просвѣщенію встрѣчаетъ самыя разнообразныя и порою прямо непреодолимыя препятствія. Становится все болѣе и болѣе несомнѣннымъ, что существуетъ стремленіе держать нашъ народъ въ возможно болѣе глубокомъ невѣжествѣ, идетъ борьба съ стремленіями народа къ просвѣщенію, съ тружениками, выступающими для работы на нивѣ народнаго просвѣщенія, и, наконецъ, съ тѣми общественными элементами, которые считаютъ своею обязанностью содѣйствовать этому просвѣщенію. Недавно въ газетахъ было сообщаемо, что министерство народнаго просвѣщенія оказалось вынужденнымъ обратить вниманіе министерства внутреннихъ дѣлъ на противодѣйствіе земскихъ начальниковъ дѣлу народнаго просвѣщенія и просить это министерство принять соотвѣтствующія мѣры къ прекращенію подобнаго явленія. Оказывается, что гг. земскіе начальники производятъ давленіе на сельскіе сходы, побуждая ихъ ставить различныя препятствія правильному и аккуратному

полученію народными учителями жалованья, а также отказывать въ выдачѣ субсидій на народныя школы и уменьшить уже ассигнованныя суммы.

Если „близкая къ народу власть“ проявляетъ такого рода активную дѣятельность въ области народнаго просвѣщенія, то нечему удивляться въ тѣхъ случаяхъ, когда она можетъ повредить народному просвѣщенію, лишь относясь пассивно къ дѣлу, лишь не принимая и не желая принимать мѣръ, которыми устранялось бы то или иное препятствіе народно-просвѣтительному дѣлу. До чего здѣсь можетъ доходить „апатія“ господъ, поставленныхъ блюсти народные интересы и въ частности интересы народнаго просвѣщенія, наглядно показываетъ слѣдующая корреспонденція изъ Бѣлева, Тульской губерніи, которую мы приводимъ цѣликомъ въ виду своеобразности факта, о которомъ она сообщаетъ:

„Верстахъ въ семи отъ нашего города, въ имѣніи барона М. И Черкасова, находится одноклассное училище министерства народнаго просвѣщенія. По мысли законодателя, училища этого типа должны служить примѣромъ для другихъ начальныхъ училищъ, почему и называются „образцовыми“. Можно спорить о преимуществахъ той или иной постановки учебной части, но врядъ ли возможно разногласіе въ томъ, допустимо ли превращать школу... въ курятникъ, хотя бы и для барскихъ куръ. Между тѣмъ со школой, о которой мы говоримъ, вотъ уже нѣсколько лѣтъ подрядъ продѣлывается именно такая „операція“. Каждую весну, какъ только кончатся учебныя занятія, классная комната и комната учащаго наполняются сотнями молодой птицы, принадлежащей г. Черкасову. Сюда же чрезъ открытыя окна стаями слетаются воробьи и голуби. Корректная птичница не протестуетъ противъ такого нашествія „иноплеменниковъ“, вполнѣ правильно разсуждая, что вольная Божья птица имѣетъ не меньше правъ пользоваться школой министерства народнаго просвѣщенія, чѣмъ куры и индѣйки М. И. Черкасова. Осенью, когда возобновляются, учебныя занятія, школу положительно осаждаютъ ея только что изгнанные обитатели. Проведшіе въ школѣ золотой періодъ своего дѣтства, голуби, воробьи, куры и индѣйки по старой памяти направляются въ школу, но тутъ вмѣсто гостепріимной птичницы далеко не дружелюбно встрѣчаютъ ихъ раздраженный учитель или учительница. Въ результатѣ—въ окнахъ разбитыя голубями стекла... Всякому понятно и безъ подробныхъ объясненій, какое „богатое наслѣдство“ оставляютъ послѣ себя въ школьномъ зданіи эти сотни, если не тысячи пернатыхъ дачниковъ. Въ теченіе всей зимы воздухъ въ школѣ бываетъ положительно нестерпимымъ; зданіе школы—деревянное и вообще содержится крайне неопрятно. Была надежда, что съ наступленіемъ предстоящаго учебнаго года, когда школу перенесутъ вонъ изъ экономіи, описанныя безобразія кончатся. Болѣе полугода назадъ изъ казенныхъ средствъ барону М. И. Черкасову, взявшему на себя трудъ перенести школу на новое мѣсто, выданы были 600 р. на расходы, но вотъ уже половина іюля, а къ дѣлу еще не приступлено. Въ Бѣлевѣ живетъ инспекторъ народныхъ училищъ, который, конечно, знаетъ о злой участи, тяготѣющей надъ училищемъ, находящемся въ его ближайшемъ и безраздѣльномъ вѣдѣніи, и тѣмъ не менѣе цѣлыхъ три года тянется дѣло о переносѣ школы на новое мѣсто; необходимый при перестройкѣ лѣсъ давно отпущенъ изъ казенной засѣки, деньги выданы. Зачѣмъ же теперь дѣло стало? Неужели инспекторъ народныхъ училищъ не можетъ взять на себя сдѣлать это, казалось бы, не такое уже головоломное дѣло?“ („Русскія Вѣдомости“, № 204).

Какъ мы ни пріучены ко всякимъ сюрпризамъ въ области народнаго

просвѣщенія, но все же фактъ превращенія школы въ курятникъ является, дѣйствительно, слишкомъ рѣзкимъ даже и для нашей дѣйствительности. Но такое впечатлѣніе получается только при первомъ знакомствѣ съ даннымъ фактомъ. Вдумавшись въ него, мы должны признаться, что онъ вполнѣ гармонируетъ со всѣмъ строемъ нашего народно-образовательнаго дѣла и представляетъ собою только логически-заключительное слово въ данной области. Въ самомъ дѣлѣ, почему, напр., школѣ не быть курятникомъ, если она давно обращена въ камеру одиночнаго заключенія для учителя? Нашъ народный учитель—это дѣйствительно узникъ, заключенный въ особаго рода камерѣ, изъ которой онъ не смѣетъ выглянуть на свѣтъ Божій, не смѣетъ вступить въ общеніе съ окрестнымъ населеніемъ, не смѣетъ выполнить самой естественной, казалось бы, для него функціи просвѣтителя окрестныхъ жителей. На эту тему чрезвычайно интересное сообщеніе было сдѣлано въ началѣ сентября въ школьной коммиссіи уѣзднаго нижегородскаго земства. Авторъ сообщенія, М. Г. Сябовъ, указывалъ на то, что подъ вліяніемъ переживаемыхъ Россіей событій крестянство предъявляетъ болѣе серьезныя требованія на книги для чтенія, не довольствуясь уже книжками вродѣ сказокъ о муравьѣ-чудодѣѣ", и въ то же время обращается къ учащимъ за объясненіями по поводу разныхъ вопросовъ". Они умоляютъ грамотнаго человѣка, а въ особенности учителя, прочитать имъ изъ газетъ или книгъ то, что ихъ интересуетъ, и объяснить то, что непонятно". Отмѣчая такіе факты, записка въ то же время указываетъ, что „по условіямъ переживаемаго времени учитель, если не желаетъ навлечь на себя непріятность, включительно до перевода на другое мѣсто, долженъ уклоняться отъ объясненія или чтенія самой цензурной книги или статьи, такъ какъ и надъ цензурой есть еще цензура". Такое положеніе вещей ведетъ къ тому, что учитель вызываетъ въ населеніи недовольство противъ себя. Не зная истинныхъ причинъ, по которымъ учитель уклоняется отъ исполненія такихъ просьбъ, крестьяне объясняютъ это тѣмъ, что учитель не хочетъ съ ними разговаривать, или самъ ничего не понимаетъ. И то, и другое, конечно, наноситъ существенный уронъ нравственному авторитету учителя въ глазахъ окружающаго населенія. Выслушавъ это сообщеніе, коммиссія постановила „признать законнымъ удовлетвореніе умственныхъ запросовъ населенія, т. е. читать и объяснять ему все, что разрѣшено общей цензурой", и возбудить въ этомъ смыслѣ ходатайство.

Вотъ о чемъ приходится еще „ходатайствовать" у насъ, и вотъ, что приходится постановлять „признавать законнымъ!" Едва ли возможно представить себѣ, чтобы гдѣ-либо за границей, даже въ Турціи и Персіи, было возможно что-либо подобное. Но, конечно, едва ли гдѣ-либо, не исключая опять-таки Персіи и Турціи, возможны и такія насилія и издѣвательства надъ народными учителями, какія стали обычнѣйшимъ явленіемъ нашей жизни. Вотъ для примѣра свѣжіе факты изъ этой области:

Въ станицѣ Аксайской, Донской области, бываетъ 28—30 іюля трехдневная ярмарка. На ярмаркѣ былъ пріѣхавшій погостить къ роднымъ учитель Ольгинской станицы Сафроновъ. Ему пришлось быть свидѣтелемъ возмутительнаго избіенія казаками мирныхъ обывателей, по распоряженію помощника атамана Аксайской станицы, которому, пьяному, захотѣлось такимъ образомъ позабавить свою пьяную фантазію. „Видя эту сцену,—разсказываетъ корреспондентъ „Приазовскаго Края" (№ 187),—учитель Сафроновъ выразилъ протестъ противъ такого насилія, что не понравилось помощнику атамана, распоряжавшемуся экзекуціей. Послѣдній, не долго думая, велѣлъ схватить

учителя Сафронова и потащить въ станичную тюрьму. Присутствовавшая публика возмутилась этимъ насиліемъ, но власть имущій администраторъ не обратилъ на это вниманія и приказалъ казакамъ бить учителя плетьми и взять его силою, что и было исполнено. Учителя начали стегать плетьми и дали ему около 30 ударовъ, послѣ чего положили на дроги и окровавленнаго отвезли въ станицу, гдѣ и заперли въ станичной тюрьмѣ. Весь костюмъ на избитомъ учителѣ разорвался въ клочки, и онъ подъ конецъ остался почти голымъ. Лишеніе свободы продолжалось только нѣсколько часовъ; должно быть, одумались и выпустили на свободу. Избитаго учителя мѣстный врачъ тотчасъ же освидѣтельствовалъ и констатировалъ всѣ тѣ слѣды и послѣдствія на тѣлѣ, какіе оставили тамъ удары плетьми. Объ истязаніи учителя донесли станичному атаману, который въ это время не бездѣйствовалъ, а встрѣчалъ праздникъ приличнымъ возліяніемъ. Узнавъ о случившемся, онъ воскликнулъ: „молодцы, бей ихъ, пусть знаютъ нашихъ!“

Приходилось ли вамъ, читатель, читать когда-нибудь о подобныхъ расправахъ съ учителями въ Турціи или Марокко? Увы, сколько пишущій эти строки ни перечиталъ разсказовъ путешественниковъ о названныхъ странахъ, всѣ они въ одинъ голосъ удостовѣряютъ, что тамъ учитель пользуется чрезвычайнымъ почетомъ, и невозможно даже представить себѣ, чтобы что либо, подобное только что разсказанной сценѣ, могло имѣть мѣсто въ Малой Азіи или среди полудикихъ племенъ, населяющихъ Марокко. Только въ одной странѣ въ мірѣ возможны подобные факты, и страна эта,—стыдно сказать,—наше отечество...

Впрочемъ, у насъ возможны факты и еще болѣе возмутительные. Вотъ одинъ изъ нихъ:

Намъ доставлена любопытная переписка изъ с. Александровки (Арнаутскаго), Херсонской губерніи,—читаемъ въ „Сынѣ Отечества“ (№ 140); она открывается доносомъ приходскаго священника о. Симеона Фащевскаго на замужнюю и недавно родившую учительницу С. „Послѣдняя—доноситъ о. Симеонъ инспектору народныхъ училищъ 4-го района—начала посѣщать храмъ безъ принятія сю отъ священника положенныхъ въ требникѣ молитвъ женѣ-родильницѣ по четыредесяти дней“... „Помянутое противозаконное посѣщеніе храма,—продолжаетъ о. Фащевскій,—учительницей С. дѣлается въ пику мнѣ... А посему, донося о семъ, имѣю честь обратить на то должное вниманіе и сдѣлать распоряженіе“... За доносомъ слѣдуетъ запросъ инспектора, отвѣтъ учительницы и въ заключеніе приказъ „управляющаго инспекціей“ г. Вельчинскаго: „Исполнить законное требованіе о. Фащевскаго“.

Согласитесь сами, что и подобные факты невозможны ни въ Турціи, ни въ Марокко. Только у насъ при помощи доносовъ можно домогаться, чтобы „жена-родильница“ выслушала „очистительную молитву“, и только у насъ можно предписывать такую молитву на казенномъ бланкѣ за надлежащимъ исходящимъ „номеромъ“...

Если нашъ народный учитель, въ отдѣльности взятый, является объектомъ всевозможныхъ экспериментовъ и насилій, то нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что и совокупность учителей извѣстнаго уѣзда, губерніи или даже цѣлой Россіи оказывается также въ совершенно безпомощномъ положеніи и надъ ними продѣлываются всевозможнѣйшіе эксперименты совершенно безнаказанно. Собираются, напр., съѣзды учителей. Обсуждаются на нихъ болѣе или менѣе серьезные вопросы; люди тратятъ умъ и энергію для разработки этихъ вопросовъ,—и что же? Члены съѣзда не только не могутъ

расчитывать на то, что ихъ постановленія получатъ осуществленіе,—куда ужъ тамъ!—но даже на то, что ихъ постановленія будутъ отпечатаны и сдѣлаются извѣстными хотя кому-нибудь, кромѣ участниковъ съѣзда. Такъ, въ началѣ января настоящаго года въ Ялтѣ имѣлъ мѣсто съѣздъ народныхъ учителей, и мѣстная земская управа предлагала напечатать труды этого съѣзда. Болѣе полугода пошло на „сношенія“ по этому поводу съ разнымъ начальствомъ, и въ концѣ концовъ директоръ народныхъ училищъ Таврической губерніи призналъ, что „основаній и надобности въ напечатаніи трудовъ съѣзда учителей 2—9 января 1905 года не имѣется“ („Русскія Вѣдомости“, № 219).

Впрочемъ, можно ли удивляться возможности подобныхъ фактовъ, когда у насъ до сихъ поръ оказывается невозможнымъ издать „Труды“ перваго всероссійскаго съѣзда учительскихъ обществъ, состоявшагося въ Москвѣ на Рожественскихъ святкахъ 1902—903 гг. Оффиціальное изданіе этихъ „трудовъ“ оказалось невозможнымъ, хотя въ положеніи о съѣздѣ прямо говорилось о такомъ изданіи. Попытка частныхъ лицъ издать обзоръ работъ съѣзда, сдѣланная лѣтомъ 1903 года, кончилась весьма плачевно, такъ какъ книга была задержана и превращена въ „бумажную массу“ на бумажной фабрикѣ. Такую же участь потерпѣла и вторая попытка такого же рода. И только недавно товариществу Сытина удалось издать обзоръ занятій съѣзда, составленный г. Василевичемъ, обзоръ, который, конечно, не можетъ замѣнить собою полнаго текста „Трудовъ“, но все же можетъ дать понятіе о работѣ представителей народныхъ учителей Россіи. И даже для возможности появленія этого скромнаго отчета пришлось ждать цѣлыхъ два съ половиною года...

Еще менѣе, конечно, церемонятся у насъ съ губернскими объединеніями народныхъ учителей въ видѣ учительскихъ обществъ. Здѣсь въ послѣднее время накопилось не мало любопытныхъ фактовъ, изъ которыхъ нѣкоторые мы и занесемъ въ нашу хронику.

...Во Владимірѣ закрыто на одинъ годъ не только общее собраніе членовъ учительскаго общества (это было сдѣлано еще въ маѣ), а и самое общество, о чемъ члены правленія общества получили извѣщенія чрезъ мѣстнаго полицейскаго надзирателя. Это закрытіе владимірскаго учительскаго общества влечетъ за собою, помимо другихъ послѣдствій, еще лишеніе возможности получать образованіе 36 учительскихъ дѣтей, которыя только что поселились въ „общежитіи“, устроенномъ обществомъ для дѣтей учителей, учащихся въ среднихъ школахъ Владиміра: родители этихъ дѣтей по своей бѣдности сами, безъ помощи общества, лишены всякой возможности дать дѣтямъ образованіе.

Въ указанномъ случаѣ нашли нужнымъ прибѣгнуть по отношенію къ учительскому обществу къ мѣрамъ чрезвычайнымъ—въ видѣ запрещенія общихъ собраній и закрытія самого общества. Въ Маріуполѣ поступили совсѣмъ иначе—по домашнему, причемъ фактически получился тотъ же результатъ—закрытіе общества за невозможностью продолжать его дѣятельность. Исторія эта очень характерна, и ее стоитъ разсказать.

До 23 мая настоящаго года предсѣдателемъ правленія общества взаимопомощи народныхъ учителей маріупольскаго уѣзда состоялъ мѣстный инспекторъ г. Павленко. Въ общемъ собраніи членовъ общества 23 мая было избрано новое правленіе, состоящее изъ народныхъ учителей подъ предсѣдательствомъ Я. С. Багненко, учителя одной изъ земскихъ школъ. Смѣна состава

правленій во всякихъ обществахъ—явленіе самое обычное, и нигдѣ не ведетъ ни къ какимъ недоразумѣніямъ. Старое правленіе сдаетъ новому бумаги и капиталы, и тѣмъ дѣло и кончается. Но въ Маріуполѣ произошло нѣчто совершенно небывалое: г. Павленко сообщилъ новому правленію учительскаго общества, что, по распоряженію директора народныхъ училищъ г. Колобановскаго, онъ, какъ инспекторъ, предлагаетъ себѣ, какъ предсѣдателю правленія, не сдавать ничего новому правленію. И вотъ новое правленіе обречено на полную бездѣятельность: оно вынуждено было отказывать всѣмъ нуждающимся членамъ общества въ пособіяхъ, волей-неволей отказываетъ въ выдачѣ пособій членамъ, воспитывающимъ дѣтей въ учебныхъ заведеніяхъ, и т. д. На требованія о передачѣ дѣлъ и суммъ общества г. Павленко просто не даетъ отвѣта. 28 августа было созвано общее собраніе членовъ общества для рѣшенія вопроса о томъ, что же дѣлать въ данныхъ обстоятельствахъ. Собраніе большинствомъ 39 голосовъ противъ 2 постановило: „поручить правленію, съ правомъ передовѣрія, возбудить противъ г. Павленко уголовный и гражданскій искъ отъ имени общества взаимопомощи“ („Сынъ Отеч.“, № 178).

Аналогичная исторія произошла съ екатеринославскимъ учительскимъ обществомъ, которое также оказалось вынужденнымъ предъявить искъ къ директору народныхъ училищъ г. Колобановскому объ отобраніи отъ него противозаконно задержанныхъ имъ документовъ и суммъ общества.

Нельзя не сказать, что, дѣлая постановленія о предъявленіи исковъ къ гг. Павленко и Колобановскому, члены учительскихъ обществъ совершаютъ акты выдающагося гражданскаго мужества, такъ какъ большинство членовъ этихъ обществъ—народные учителя, находящіеся въ полной зависимости отъ тѣхъ же гг. Павленко и Колобановскаго, которые могутъ всегда, когда имъ заблагоразсудится, уволить непріятныхъ имъ учителей рѣшительно безъ всякаго основанія и повода. Такъ оно и дѣлается въ дѣйствительности. Напримѣръ, изъ Маріуполя сообщаютъ, что тамъ устраненъ отъ должности учителя маріупольскаго городского училища г. Токаревъ, не угодившій начальству тѣмъ, что участвовалъ въ собраніи учителей въ маѣ настоящаго года („Приаз. Край“, № 219). Точно также начальству екатерининской жежѣзной дороги предложено перевести на худшія мѣста учителей Полякова, Мальтапара и Дійнегу, виновныхъ въ томъ, что они въ общемъ собраніи членовъ екатеринославскаго учительскаго общества открыто выступили съ рѣзкою критикою дѣятельности директора народныхъ училищъ г. Колобановскаго, какъ бывшаго предсѣдателя правленія общества. Благодаря заступничеству начальника екатерининской дороги, учителямъ Мальтапару и Дійнегѣ будетъ, вѣроятно, объявленъ только строгій выговоръ: на Полякова же заступничество начальника дороги не распространяется, и онъ переводится на худшее мѣсто“ („Сынъ Отечества“, № 169).

Если учительскія общества постепенно упраздняются путемъ закрытія ихъ на извѣстный срокъ, путемъ лишенія ихъ права собирать общія собранія членовъ или, наконецъ, путемъ спокойнаго захвата инспекторами и директорами народныхъ училищъ суммъ и документовъ учительскихъ обществъ, то не менѣе печальная участь постигаетъ и частныя просвѣтительныя общества. И здѣсь происходитъ упраздненіе обществъ тѣми же путями. Остановимся на нѣсколькихъ, относящихся сюда, фактахъ.

Указъ 18 февраля открывалъ, какъ извѣстно, частнымъ обществамъ возможность высказаться по вопросамъ „усовершенствованія государственнаго

благоустройства и улучшенія благосостоянія населенія". Наши просвѣтительныя общества поспѣшили воспользоваться этою возможностью, чтобы высказаться преимущественно, конечно, по отношенію къ области народнаго просвѣщенія, причемъ они, само собою разумѣется, не могли не затрогивать и общаго положенія дѣлъ, какъ обусловливающаго данное положеніе народнообразовательнаго дѣла. Тѣ просвѣтительныя общества, которыя успѣли высказаться и представили свои соображенія въ совѣтъ министровъ, получили отъ послѣдняго удостовѣреніе, что ихъ соображенія имѣлись въ виду совѣтомъ министровъ при обсужденіи разныхъ государственныхъ вопросовъ. Такимъ образомъ, очевидно, даже и съ точки зрѣнія высшаго правительства, просвѣтительныя общества въ данномъ случаѣ отнюдь не совершали чего-либо противозаконнаго. Къ сожалѣнію, многимъ просвѣтительнымъ обществамъ не пришлось высказаться, такъ какъ ихъ собранія просто не могли состояться вслѣдствіе противодѣйствія мѣстной администраціи.

Вотъ, напр., какая исторія произошла съ омскимъ просвѣтительнымъ обществомъ: „Мѣстнымъ обществомъ попеченія о начальномъ образованіи было назначено на 23 апрѣля общее собраніе, которое не состоялось. Бумага, которою совѣтъ общества извѣщалъ акмолинскаго губернатора о назначенномъ на 23 апрѣля общемъ собраніи, была возвращена обратно съ слѣдующей надписью: „Возвращаю предсѣдателю общества для перечисленія подробно тѣхъ вопросовъ, которые необходимо обществу начальнаго образованія выяснить на основаніи Высочайшаго указа 18-го февраля. Военный губернаторъ ген.-маіоръ Романовъ". Когда предсѣдатель общества лично выяснилъ губернатору, какіе вопросы общество намѣрено обсуждать на собраніи, то отъ губернатора послѣдовала бумага о томъ, что г. степной генералъ губернаторъ запретилъ собраніе въ виду предстоящаго разъясненія Высочайшаго указа 18 февраля министромъ внутреннихъ дѣлъ. 26 апрѣля совѣтъ общества вновь назначилъ общее собраніе уже на основаніи циркулярнаго разъясненія 12 апрѣля Высочайшаго указа 18 февраля министромъ внутреннихъ дѣлъ. Второе собраніе также встрѣтило препятствіе со стороны генералъ-губернатора Сухотина, запретившаго обсужденіе вопросовъ, касающихся нуждъ общества, согласно Высочайшему указу 18 февраля, такъ какъ г. Омскъ „находится на особомъ положеніи" („Сынъ Отечества", № 71).

Съ ярославскимъ просвѣтительнымъ обществомъ произошла исторія уже безъ отношенія къ указу 18 февраля. Ярославское общество содѣйствія народному образованію назначило общее собраніе своихъ членовъ на 13 февраля. Начальникъ Ярославской губерніи, ссылаясь на ст. 321 тома II свода законовъ, запретилъ это общее собраніе. Совѣтъ общества посылалъ жалобу министру на распоряженіе губернатора. Министръ отвѣтилъ, что жалоба направлена не по назначенію. Тогда совѣтъ рѣшилъ жаловаться въ сенатъ и предварительно запросилъ губернатора о томъ, запрещены ли общія собранія общества навсегда, или таковое запрещеніе относилось только къ собранію, назначавшемуся на 13 февраля. Въ продолженіе полутора мѣсяца губернаторъ не отвѣчалъ на упомянутый запросъ, и совѣтъ общества рѣшилъ созвать вновь общее собраніе на 15 мая. Собраніе и на этотъ разъ не могло состояться.

Что дѣлать въ подобныхъ случаяхъ просвѣтительнымъ обществамъ? Жаловаться въ сенатъ? Но, какъ извѣстно, теченіе такой жалобы требуетъ, какъ наименьшаго срока,—цѣлаго года. А въ теченіе этого года жизнь просвѣтительнаго общества должна оставаться неподвижною и замереть...

Печальная исторія, выпавшая на долю еще одного просвѣтительнаго общества, изложена въ письмѣ, помѣщенномъ въ № „Русскихъ Вѣдомостей“ отъ 3 сентября и подписанномъ членами его комитета. Въ виду характерности приводимъ это письмо цѣликомъ:

„Въ Ставрополѣ - Кавказскомъ существуетъ 27-ой годъ Общество для содѣйствія распространенію народнаго образованія. Ограниченное по уставу въ своей дѣятельности предѣлами городской территоріи, Общество дѣлало, что могло, для достиженія поставленныхъ ему основателями цѣлей. Въ истекшемъ учебномъ году Общество содержало три начальныхъ и двѣ воскресныхъ школы, публичную библіотеку имени В. Г. Бѣлинскаго, двѣ народныхъ библіотеки, устраивало народныя чтенія въ нѣсколькихъ аудиторіяхъ и принимало участіе въ содержаніи общеобразовательныхъ вечернихъ курсовъ для взрослыхъ, открытыхъ частнымъ лицомъ (вслѣдствіе неразрѣшенія тѣхъ же курсовъ Обществу). Общее число лицъ, пользовавшихся просвѣтительными учрежденіями Общества, достигало почти двухъ тысячъ человѣкъ, а на содержаніе своихъ учрежденій Обществомъ въ истекшемъ году было израсходовано 5.507 р. 45 коп. Средства эти лишь въ меньшей мѣрѣ поступаютъ въ видѣ процентовъ на собранные Обществомъ капиталы (1.293 р. 90 к.), а въ большей своей части буквально по грошамъ собираются Обществомъ въ видѣ членскихъ взносовъ, пожертвованій, доходовъ отъ устраиваемыхъ въ пользу Общества вечеровъ, концертовъ, лекцій и проч.

„Общество готовилось приступить къ своей дѣятельности обычнымъ порядкомъ и въ наступившемъ учебномъ году, какъ вдругъ совершенно неожиданно для членовъ Общества предсѣдателемъ комитета Общества было получено отъ и. д. ставропольскаго губернатора г. Гарднера отношеніе отъ 18 августа за № 2.978 слѣдующаго содержанія: „На основаніи именного высочайшаго указа правительствующему сенату 21-го мая сего года товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдующій полиціей, пыстановилъ: закрыть Общество для содѣйствія народному образованію въ г. Ставрополѣ на 6 мѣсяцевъ“.

„О причинахъ закрытія Общества въ отношеніи и. д. губернатора не говорилось ни слова, и члены Общества остались въ полной неизвѣстности относительно того, чѣмъ вызвана эта чрезвычайная мѣра, направленная притомъ не столько противъ членовъ Общества, сколько противъ лицъ, пользовавшихся учрежденіями Общества. Въ самомъ дѣлѣ, съ закрытіемъ Общества, 180 дѣтей, обучающихся въ его начальныхъ школахъ, лишаются возможности получить образованіе, 502 ученика и учениць воскресныхъ школъ Общества также останутся безъ возможности получить образованіе, 512 абонентовъ публичной библіотеки имени Бѣлинскаго и 250 абонементовъ народныхъ библіотекъ лишатся возможности читать книги и нѣсколько сотъ посѣтителей народныхъ аудиторій вынуждены будутъ проводить свой праздничный досугъ, вмѣсто слушанья чтеній, за распитіемъ „монопольки“ возлѣ казенныхъ винныхъ лавокъ.

„Самое поразительное въ этой исторіи составляетъ то обстоятельство, что Общество даже не удостоилось сообщенія о причинахъ постигшей его кары. Всякій преступникъ не только знаетъ о томъ, за что онъ подвергается тому или иному наказанію, но отъ него требуютъ объясненій по существу предъявляемаго къ нему обвиненія и предоставляютъ ему возможность защищаться противъ этого обвиненія. Отъ Общества не только не было потребовано никакихъ объясненій по взведенному на него обвиненію, но даже самое обви-

неніе осталось для Общества совершенно неизвѣстнымъ. Вѣдь вполнѣ возможно, что тотъ доносъ, послѣдствіемъ котораго, очевидно, явилось возложеніе столь тяжкой кары на Общество, оказался бы просто возмутительною ложью, разъ общество имѣло бы возможность дать объясненіе по существу дѣла. Предпочли, однако, просто погубить Общество, не давъ ему даже возможности знать, за что постигла его эта гибель.

„Получивъ приведенное выше отношеніе и. д. губернатора, комитетъ общества естественно долженъ былъ довести о немъ и о постигшей Общество карѣ до свѣдѣнія всего Общество, для чего и постановилъ созвать общее собраніе членовъ Общества. Казалось бы, вполнѣ ясно, что пока обществу не сообщено о распоряженіи товарища министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдывающаго полиціей, распоряженіе это не можетъ считаться приведеннымъ въ исполненіе. Да и какъ же не сообщить Обществу о мѣрѣ, касающейся этого общества? А такъ какъ единственнымъ правомочнымъ органомъ Общества, согласно его уставу, является собраніе его членовъ, то, казалось бы, созывъ этого собранія является естественнымъ, логическимъ послѣдствіемъ отношенія г. Гарднера отъ 18 августа на имя предсѣдателя комитета Общества. Если же, вопреки здравому смыслу и основнымъ юридическимъ понятіямъ, считать, что Общество закрыто уже съ того момента, какъ только состоялось постановленіе товарища министра, завѣдывающаго полиціей, тогда на сцену выступаетъ спеціальный § 38 Устава Общества, предусматривающій случай закрытія Общества по какимъ бы то ни было причинамъ и предписывающій созывъ въ этомъ случаѣ собранія для указанія употребленія капиталовъ Общества. Такимъ образомъ,—считать ли Общество уже закрытымъ еще до объявленія постановленія ген. Трепова общему собранію, или считать Общество до этого объявленія дѣйствующимъ,—комитетъ не только имѣлъ право, но и былъ обязанъ созвать общее собраніе. Произошло, однако, снова нѣчто совершенно неожиданное.

„Общее собраніе было назначено на 21 августа. Но въ этотъ день, еще до собранія, предсѣдатели комитета и общихъ собраній Общества получили отношенія отъ и. д. ставропольскаго губернатора, въ которыхъ тождественно говорится слѣдующее: „Въ виду закрытія на шесть мѣсяцевъ Общества для содѣйствія распространенію народнаго образованія въ г. Ставрополѣ, г. товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдывающій полиціей, не нашелъ возможнымъ допустить назначенное на сіе число общее собраніе членовъ названнаго Общества. Вслѣдствіе этого упомянутое собраніе мною допущено не будетъ. Школы и библіотеки закрытію не подлежатъ. Что же касается дальнѣйшаго на время закрытія Общества завѣдыванія капиталами и учрежденіями его, то по этому поводу я одновременно съ симъ прошу указаній министерства“.

„Надо сказать, что комитетъ Общества не просилъ, да и не могъ просить о разрѣшеніи общаго собранія, назначеннаго на 21 августа, такъ какъ, по уставу Общества, общія собранія созываются безъ всякаго предварительнаго испрашиванія разрѣшенія у кого бы то ни было, а лишь съ сообщеніемъ главѣ мѣстной полиціи о днѣ и времени собранія, т. е. г. Гарднеръ помимо желанія Общества взялъ на себя трудъ просить о разрѣшеніи общаго собранія, въ каковомъ разрѣшеніи Общество совсѣмъ не нуждалось. Точно также въ высшей степени странною является забота г. Гарднера объ употребленіи капиталовъ Общества, такъ кккъ уставъ Общества прямо (§ 38) устанавливаетъ, что въ случаѣ закрытія общества, употребленіе капиталовъ

его останавливается общимъ собраніемъ членовъ Общества, да и по элементарнымъ юридическимъ понятіямъ, очевидно, распоряжаться капиталами Общества можетъ только само же Общество, какъ его единственный хозяинъ.

„Но самымъ интереснымъ является сообщеніе о томъ, что „школы и библіотеки закрытію не подлежатъ“. Но какимъ же образомъ съ закрытіемъ Общества могутъ существовать его учрежденія? Кто же будетъ платить жалованье учительницамъ, законоучителямъ, сторожамъ, завѣдывающимъ библіотеками? Кто будетъ платить за наемъ помѣщенія, кто будетъ отапливать и освѣщать эти помѣщенія, кто будетъ покупать учебныя пособія и книги для пополненія библіотекъ? Откуда возьмутся на все это средства, разъ Общество будетъ закрыто? Или администрація полагаетъ, что школы и библіотеки будутъ существовать какимъ то чудомъ безъ всѣхъ этихъ расходовъ? Дѣло ясное: закрывъ Общество и такимъ образомъ лишивъ двѣ тысячи человѣкъ возможности получить образованіе и пользоваться книгами и газетами въ учрежденіяхъ Общества, хотятъ еще взвалить на то же Общество вину за гибель этихъ учрежденій: мы-де не закрывали учрежденій, а закрыли только самое Общество, а это уже само злонамѣренное Общество не воспользовалось нашимъ великодушнымъ рѣшеніемъ о томъ, что „школы и библіотеки“ закрытію не подлежатъ, такъ какъ не сумѣло ухитриться быть закрытымъ и въ то же время собирать средства и расходовать ихъ на содержаніе школъ и библіотекъ.

„Такова фактическая сторона гибели просвѣтительнаго Общества, 27 лѣтъ работавшаго безкорыстно на нивѣ народной и въ теченіе этого долгаго срока, давшаго образованіе многимъ тысячамъ дѣтей и взрослыхъ въ своихъ начальныхъ и воскресныхъ школахъ, давшаго тысячамъ людей возможность читатъ хорошую книгу въ своихъ библіотекахъ и читальняхъ и проводить разумно досугъ въ своихъ аудиторіяхъ.

„Думаемъ, что разсказанный фактъ настолько краснорѣчивъ, что ни въ какихъ поясненіяхъ не нуждается. Общество за 27 лѣтъ своего существованія переживало разныя времена. Были и такіе моменты, когда общее гоненіе на просвѣщеніе въ Россіи и на частную дѣятельность въ данной области въ особенности грозило печальными послѣдствіями и нашему обществу. И однако Общество пережило всѣ эти тяжелые моменты для того, чтобы погибнуть именно какъ разъ послѣ обнародоваія 6-го августа „Учрежденія Государственной Думы“, т. е. законодательнаго акта, которымъ, предполагалось, водворятся на Руси законность и просторъ для личной и общественной дѣятельности“.

Этими заключительными словами комитета ставропольскаго просвѣтительнаго общества мы и можемъ закончить нашу настоящую хронику, являющуюся лишь слабымъ отраженіемъ дѣйствительнаго печальнаго положенія нашего народно-просвѣтительнаго дѣла, никогда еще не переживавшаго такого тяжелаго момента, какъ тотъ, какой ему приходится переживать въ данное время.

Я. Абрамовъ.

Хроника профессіональнаго образованія.

Условія возобновленія занятій въ высшихъ техническихъ школахъ. — Къ вопросу о преобразованіи Нѣжинскаго Истор.-фил. Института.—Коммерческіе курсы.—Среднія и нижнія техническія школы. — Учебно-передвижная выставка.—Профессіональное образованіе для женщинъ.

Въ послѣднее время высшимъ школамъ пришлось заняться вопросомъ онѣ которыхъ измѣненіяхъ въ прохожденіи студентами курса, въ цѣляхъ дать имъ возможность хотя отчасти наверстать потерянное въ минувшемъ учебномъ году время. Въ этихъ видахъ, какъ передаетъ „Нов. Вр.", институтъ инженеровъ путей сообщенія выработалъ новый планъ учебныхъ занятій на предстоящій учебный годъ. Этимъ планомъ преслѣдуется цѣль дать возможность студентамъ нагнать потерянное во время забастовки этого года время. Предполагается устроить переходные экзамены съ курса на курсъ зимой этого года, съ тѣмъ, чтобы въ теченіе первой половины слѣдующаго года можно было прослушать полный курсъ слѣдующаго года, исполнить всѣ практическія упражненія и весною 1906 г. держать экзамены для перехода на слѣдующій очередной курсъ. Затрудненія представляютъ только студенты V курса, не дослушавшіе лекцій въ этомъ году. Въ отношеніи ихъ совѣтъ института еще не пришелъ къ окончательному заключенію, но во всякомъ случаѣ выпускъ долженъ состояться въ концѣ текущаго года. Что же касается перваго курса, то вновь могутъ быть приняты только 80 студентовъ, для которыхъ будетъ читаться паралелльный курсъ. Точно также, по словамъ „Руси", министръ народнаго просвѣщенія утвердилъ выработанныя учебнымъ комитетомъ технологическаго института новыя правила прохожденія учебнаго курса, извѣстныя подъ именемъ предметной системы. Въ новыхъ правилахъ особенно важны двя пункта, объясняющіе сжато всю систему: 1) „Студентамъ предоставляется право отступать отъ рекомендуемаго порядка прохожденія учебнаго курса, т. е. въ теченіе одного учебнаго года выполнять работы и сдавать экзамены по предметамъ разныхъ курсовъ, а также проходить учебный курсъ въ болѣе короткій или болѣе долгій сроки, но лишь съ соблюденіемъ указанной въ учебномъ планѣ послѣдовательности какъ въ сдачѣ экзаменовъ, такъ и въ исполненіи графическихъ, лабораторныхъ и другихъ работъ и, кромѣ того, съ соблюденіемъ предѣльныхъ сроковъ, указанныхъ особо". 2) „Въ теченіе времени, не превышающаго 14 семестровъ пребыванія въ институтѣ, кромѣ предметовъ спеціальныхъ, должны быть сданы всѣ обязательные экзамены по остальнымъ, не указаннымъ выше предметамъ, входящимъ въ программы первыхъ четырехъ курсовъ, и экзаменъ по одному изъ иностранныхъ языковъ (переводъ техническихъ статей на русскій языкъ); а также должны быть выполнены всѣ обязательныя графическія, лабораторныя, практическія и другія работы, входящія въ программы первыхъ четырехъ курсовъ (восьми семестровъ)". Новая система вводится съ текущаго учебнаго года.

Въ „Рус. Вѣд." нѣкто Б. П—ый весьма кстати напоминаетъ про давно уже стоящій на очереди вопросъ о желательности преобразовать Нѣжинскій историко-филологическій институтъ въ какое-либо другое учебное заведеніе, болѣе отвѣчающее запросамъ жизни. Дѣйствительно, уже и ранѣе у насъ наблюдалось своего рода перепроизводство филологовъ, съ послѣдовавшимъ же ослабленіемъ преподаванія древнихъ языковъ въ гимназіяхъ наличное число

разсадниковъ ихъ нужно признать уже ничѣмъ не оправдываемою роскошью для скромнаго бюджета нашего министерства народнаго просвѣщенія. Очень характерна и самая судьба бывшей „гимназіи высшихъ наукъ", на учрежденіе которой графъ Кушелевъ-Безбородко пожертвовалъ въ началѣ прошлаго вѣка 250 т. р. и значительную площадь земли. Завѣщатель ожидалъ отъ „гимназіи" великой пользы для мѣстныхъ дворянъ и „инаго состоянія людей, кои по скудости своей не могутъ имѣть достаточныхъ способовъ къ образованію себя". Черезъ 15 лѣтъ послѣ утвержденія планы были приведены въ исполненіе, а въ 1825 г. учебное заведеніе получило уставъ. Изъ устава явствуетъ что „гимназія высшихъ наукъ" значилась среди учебныхъ заведеній первой степени послѣ университетовъ и отличалась „передъ губернскими гимназіями, какъ высшею степенью преподаваемыхъ въ ней наукъ, такъ и особенными ей дарованными правами и преимуществами". Предметы средняго гимназическаг- курса завершались въ ней преподаваніемъ высшихъ наукъ. За двѣнадцат- лѣтъ существованія гимназія дала восемь выпусковъ съ 105 чел. Среди выпущенныхъ ею были Н. В. Гоголь, Н. В. Кукольникъ, Е. П. Гребенка, проф. П. Г. Рѣдкинъ. Но больше двѣнадцати лѣтъ гимназія существовать не могла, такъ какъ уже не подходила подъ ранжиръ „необходимаго единообразія", провозглашенный рескриптомъ 14-го мая 1826 г. И вотъ въ 1832 г. „гимназія высшихъ наукъ" преобразуется въ физико-математическій лицей съ трехгодичнымъ курсомъ. Несмотря на то, что лицей въ продолженіе восьми лѣтъ выпустилъ 150 человѣкъ, изъ которыхъ большая часть приходилась на мѣстныхъ дворянъ средней руки, главнымъ образомъ Черниговской и Полтавской губерній, онъ въ свою очередь былъ признанъ не отвѣчающимъ своему назначенію. Въ 1840 г. вмѣсто физико-математическаго былъ учрежденъ юридическій лицей, просуществовавшій въ этомъ видѣ до 1874 г. За свои 34 выпуска Нѣжинскій юридическій лицей далъ 850 человѣкъ. Онъ успѣлъ завоевать себѣ прочное положеніе, сталъ средоточіемъ провинціальной общественной и умственной жизни. Казалось бы, что дальнѣйшее существованіе лицея обезпечено, но какъ разъ въ то время, когда потребность въ юристахъ была наибольшей,—время судебной реформы Александра II,—снова учебному заведенію начинаетъ грозить преобразованіе. Уже учебное вѣдомство начинаетъ признавать его непригоднымъ, предлагая въ качествѣ цѣлительной мѣры закрытіе лицея. Однако финансовыя затрудненія замедлили эту реформу. Замедлили, но не предотвратили: въ 1866 году на подмосткахъ министерства народнаго просвѣщенія появился графъ Д. К. Толстой со своей знаменитой „классической" системой. Согласно этой системѣ необходимы стали преподаватели классическихъ языковъ, и въ Петербургѣ зацвѣлъ историко-филологическій институтъ. Такому же цвѣтку суждено было произрости и въ Нѣжинѣ. 20 ноября 1874 г. въ этомъ смыслѣ состоялось Высочайшее повелѣніе, а въ слѣдующемъ году „историко-филологическій институтъ князя Безбородко" получилъ свой уставъ. Изъ открытаго нѣжинское учебное заведеніе стало закрытымъ узко-спеціальнымъ училищемъ, наполненнымъ казеннокоштными стипендіатами, обязанными повинностью казенной службы по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія. За 25-тилѣтнее существованіе институтъ далъ 336 „классиковъ", т. е. по 13—14-ти человѣкъ въ годъ. По расчету попечителя института, гр. Мусина-Пушкина, каждый постигшій классическую мудрость обходится казнѣ въ 5,050 р. 50 к. Чтобы достигнуть приведенныхъ цифръ, понадобились энергическія мѣры: такъ, въ нѣжинскую классическую гимназію стягивались стипендіи кіевскаго округа, изъ духовныхъ семинарій

привлекались лучшіе воспитанники для обученія на казенный счетъ. И вотъ оказывается (1895 г.), что на долю Черниговской и ближайшихъ къ ней губерній приходится 24,5 воспитанниковъ, семиниристы жъ и воспитанники гимназій отдаленныхъ губерній составляютъ 63,5. Таково „мѣстное“ значеніе нѣжинскаго института.

Столь неудачные результаты послѣдняго преобразованія, сдѣланнаго вопреки волѣ учредителей и въ нарушеніе интересовъ мѣстнаго дворянства и „другаго состоянія людей“, побудило черниговскія дворянство и земство ходатайствовать о преобразованіи историко-филологическаго института въ сельскохозяйственный. Въ виду крайней нужды на Югѣ Россіи въ учебныхъ заведеніяхъ этой спеціальности земство вошло въ сношенія съ попечителемъ нѣжинскаго института гр. Мусинымъ-Пушкинымъ. Оно вмѣстѣ съ городскимъ управленіемъ Нѣжина и однимъ частнымъ лицомъ, И. Н. Терещенко, предоставляло для преобразованія значительныя средства. Въ томъ же смыслѣ въ 1897 г. высказалось и черниговское дворянство, подавъ на Высочайшее имя соотвѣтствующее ходатайство. Вслѣдствіе того, что разрѣшенія не послѣдовало, дворянство снова подало записку, но, не рѣшаясь настаивать на прежнемъ, оно высказалось въ ней за реорганизацію института въ высшее учебное заведеніе общеобразовательнаго характера. Несмотря на эти ходатайства вопросъ остается въ прежнемъ положеніи.

Авторъ замѣтки въ свою очередь приходитъ къ заключенію, что въ настоящее время слѣдовало бы возвратиться къ мысли о преобразованіи нѣжинскаго института въ высшее агрономическое учебное заведеніе. Въ крайнемъ случаѣ можно было-бы перенести сюда агрономическое отдѣленіе кіевскаго политехникума.

Существующіе въ Петербургѣ счетоводные курсы постепенно приближаются къ типу высшаго коммерческаго училища. Въ истекшемъ учебномъ году, какъ видно изъ отчета, окончили курсъ: 282 чел. по общебухгалтерскому классу и 158— по спеціальному коммерческому. Испытанія производились въ присутствіи представителей отъ учебнаго отдѣла Министерства Финансовъ, причемъ особое вниманіе было обращено на письменныя работы. Спеціальное отдѣленіе по финансово экономическимъ предметамъ въ 1901 году преобразовано въ высшіе коммерческіе курсы, въ программу которыхъ, кромѣ предметовъ коммерческихъ и экономическихъ, включены и предметы юридическіе. Полный курсъ обученія на преобразованнныхъ курсахъ двухгодичный.

Въ Россіи всѣхъ учебныхъ заведеній, дающихъ сельско-хозяйственное образованіе, насчитывается, по послѣднимъ свѣдѣніямъ департамента земледѣлія, 220. Изъ этого числа высшихъ учебныхъ заведеній только 2; это—московскій сельскохозяйственный институтъ и высшіе курсы по винодѣлію при Никитскомъ училищѣ садоводства и винодѣлія близъ г. Ялты. Число среднихъ учебныхъ заведеній доходитъ до 14. Низшія сельско-хозяйственныя учебныя заведенія дѣлятся на группы: низшихъ училищъ—9, низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ 1-го разряда—69, низшихъ, сельско-хозяйственныхъ школъ 2-го разряда—22, школъ молочнаго хозяйства—17, низшихъ школъ по разнымъ спеціальностямъ—8 и практическихъ школъ и курсовъ—50. Для жен-

щинъ существуютъ петербургскіе курсы и 16 низшихъ школъ: 11 сельскаго хозяйства и домоводства, 4 молочнаго хозяйства и 1 садоводства.

Слово изъ достовѣрныхъ источниковъ сообщаетъ, что самарское земледѣльческое училище, вслѣдствіе волненій среди учащихся минувшей весною текущаго года, закрыто на неопредѣленное время. Занятія съ 1 сентября, какъ нужно думать, не возобновятся. Ученики считаются уволенными, и 16 изъ нихъ, производившихъ обструкцію, отданы подъ судъ. Инспекторъ и 2 преподавателя должны выйти изъ состава педагогической корпораціи. Въ Маріинскомъ земледѣльческомъ училищѣ Саратовской губерніи уволены 92 ученика, заявившихъ, что они не могутъ продолжать занятій при существующемъ режимѣ. 61 ученикъ, изъявившіе желаніе продолжать занятія, оставлены на второй годъ въ тѣхъ же классахъ. Занятія возобновятся съ 1 сентября. 2-мъ преподавателямъ данъ двухмѣсячный отпускъ съ тѣмъ, чтобы въ этотъ срокъ было ими подано прошеніе объ увольненіи, въ противномъ случаѣ они будутъ уволены безъ прошенія.

Въ теченіе лѣта министромъ финансовъ дано разрѣшеніе на открытіе 20 новыхъ коммерческихъ школъ. Общее число коммерческихъ учебныхъ заведеній, находящихся въ вѣдѣніи министерства, превышаетъ 250.

Какъ сообщаетъ „Н. Вр.“, Общество распространенія ремесленнаго образованія среди бѣднаго населенія Петербурга и его пригородовъ постепенно развиваетъ и расширяетъ свою дѣятельность. Въ первомъ ремесленномъ училищѣ общества воспитывалась 21 ученица, а осенью въ младшій классъ будетъ принято уже 30—35 человѣкъ. На ряду съ изученіемъ разныхъ ремеслъ ученицы получаютъ и общее образованіе и, проводя большую часть дня въ школѣ, ближе знакомятся съ мастерскими и пріучаются къ хозяйству. Послѣ женской школы обществомъ намѣчено къ открытію мужское ремесленное училище тоже въ одномъ изъ пригородовъ, гдѣ больше бѣдныхъ и нуждающихся въ безплатномъ обученіи дѣтей. Цѣль такихъ училищъ отвлечь подростковъ отъ вліянія улицъ, не дать имъ опуститься до хулиганства, воспитать и выпустить въ жизнь съ запасомъ необходимыхъ знаній по тому или другому ремеслу. Современемъ, въ зависимости отъ средствъ и поддержки со стороны, общество предполагаетъ открыть училища на всѣхъ окраинахъ столицы и дать безплатное обученіе возможно большему числу желающихъ.

По словамъ „Пріаз. Кр.“. практическіе ремесленные курсы открываются въ непродолжительномъ времени въ гор. Новочеркасскѣ при мѣстномъ атаманскомъ техническомъ училищѣ. На курсахъ предполагается обученіе кузнечно-слесарному и столярному мастерствамъ, а также графическимъ искусствамъ и технологіи, причемъ ближайшей практической задачей ставится подготовка монтеровъ сельско-хозяйственныхъ орудій, въ которыхъ мѣстный край особенно нуждается Къ устройству необходимыхъ приспособленій для курсовъ — литейной и. кузницы—предполагается приступить въ маѣ будущаго года. На оборудованіе курсовъ попечительнымъ совѣтомъ училища возбуждено ходатайство о пособіи изъ войскового капитала въ видѣ безпроцентной ссуды въ размѣрѣ 25 тысячъ рублей, срокомъ на 15 лѣтъ.

Вторая передвижная учебно-показательная выставка для кустарей и ремесленниковъ, устроенная обществомъ для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ на особой специально приспособленной для этого баржѣ „Попытка“, двинулась въ путь изъ Петербурга 1-го іюня. Опытъ устройства первой передвижной выставки, по заключенію „Прав. Вѣстн.“, въ 1903 году далъ прекрасные результаты: въ 17 городахъ и 56 селеніяхъ, гдѣ она останавливалась, ее посѣтило свыше 65.000 чел., причемъ осматривавшіе ее кустари и ремесленники могли ознакомиться съ послѣдовательнымъ ходомъ изготовленія издѣлій при помощи усовершенствованныхъ орудій и улучшенныхъ пріемовъ обработки и тѣмъ самымъ улучшить свои производства. Вслѣдъ за окончаніемъ дѣятельности первой выставки, 11 земствъ признали необходимымъ оказать денежную помощь на устройство второй въ общей сложности на 1.150 р., а въ мартѣ текущаго года Министерство Финансовъ ассигновало на ея организацію 10.000 р. Вторая выставка, по сравненію съ первой, является значительно пополненной и расширенной. Всѣ собранные и доставленные сюда экспонаты расположены по восьми отдѣламъ. Въ первый отдѣлъ—металло-обрабатывающей промышленности—вошли: матеріалы, станки, инструменты и проч., относящіеся къ производствамъ: бурочному, бондарному, корзиночному, ложкарному, мебельному и столярному; кромѣ того, сюда же отнесены издѣлія изъ корешка и кона и экспонаты по сухой перегонкѣ дерева. Второй отдѣлъ—металлообрабатывающей промышленности—охватываетъ производства: литейное, кузнечное, слесарное, гвоздарное, цѣпное, металло-давильное, замочное, ножевое и по изготовленію скобяного и печного товара, самоваровъ, домашнихъ приборовъ, серповъ, косъ, вѣсовъ, ружей, хирургическихъ инструментовъ, молочной посуды и др. Въ третьемъ отдѣлѣ—художественно-промышленномъ—размѣщены, кромѣ чертежей и рисунковъ, разныя издѣлія изъ металла, дерева и глины. Четвертый—разныхъ производствъ—заключаетъ экспонаты по изготовленію сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій, часовъ, щетокъ, пчеловодныхъ принадлежностей, игрушекъ и музыкальныхъ инструментовъ, а также издѣлія: гончарныя, кожевенныя, по ткачеству, изъ рога и т. д. Пятый отдѣлъ—учебныхъ пособій—образуютъ коллекціи естественно-историческаго характера и для опытовъ по физикѣ. Въ шестомъ—двигателей малой силы—собраны разные паровые, газовые и дѣйствующіе грѣтымъ воздухомъ двигатели. Въ седьмомъ—борьбы съ пожарами—имѣются насосы и другія противопожарныя принадлежности, а также показательная модель по возведенію огнестойкихъ строеній. Наконецъ, въ восьмомъ отдѣлѣ сосредоточены разныя соотвѣтствующія цѣлямъ выставки полезныя издѣлія. Кромѣ того, на выставкѣ организованъ особый отдѣлъ по продажѣ кустарныхъ издѣлій и доступныхъ по цѣнѣ практическихъ руководствъ по разнымъ отраслямъ производства и по сельскому хозяйству и др. Изъ учебныхъ заведеній вновь экспонируютъ: Петровская томенская школа игрушечнаго дѣла, рыбинское техническое училище съ низшею ремесленною школою, ремесленное училище Цесаревича Николая, Строгановское художественно-промышленное училище и др. Благопріятные результаты первой выставки привлекли вниманіе нѣкоторыхъ нашихъ фирмъ, не экспонировавшихъ на ней своими издѣліями и принявшихъ нынѣ весьма видное участіе въ полезномъ предпріятіи общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ. Одно изъ первыхъ мѣстъ здѣсь занялъ торговый домъ техническихъ и механическихъ машинъ и инструментовъ въ С.-Петербургѣ „Пекъ и Прейсфрейндъ“, который представилъ, между прочимъ, прекрасныя и разнообразныя коллекціи инструментовъ и приборовъ, необходимыхъ для раз-

наго рода ремеслъ. Здѣсь имѣются: напильники, тиски и ножевки для металловъ, наборы—столярные, для рѣзьбы по дереву, для пиленія карнизовъ и др., разные ставни и проч. Кромѣ того, этотъ же участникъ даетъ большой выборъ сельско-хозяйственныхъ и садовыхъ инструментовъ и приспособленій. Фирма Р. Кенцъ изъ Москвы выставила, между прочимъ, также разные станки о инструменты для обработки дерева и сельско-хозяйственныя орудія. Слѣдуетъ отмѣтить издѣлія первой россійской фабрики наждачныхъ издѣлій и машиностроительнаго завода Н. Н. Струка въ С.-Петербургѣ, который представилъ выдающіеся образцы наждачно-точильныхъ, шлифовальныхъ и полировальныхъ станковъ и приборовъ. Въ издѣліяхъ остальныхъ частныхъ экспонентовъ замѣчается полное разнообразіе. Здѣсь имѣются коллекціи: плетеныхъ издѣлій, шкатулокъ, игрушекъ, мебели, скобяного товара, ножей, ружей, чеканныхъ издѣлій, пчеловодныхъ принадлежностей, гончарныхъ издѣлій и проч. Въ этой группѣ участниковъ исключительное мѣсто принадлежитъ торгово-фабричному товариществу „И. Винокуровъ, И. Зюзинъ и Н. Синицкій“, спеціальностью котораго являются столь распространенные въ русскомъ народѣ музыкальные инструменты: гитары, балалайки и гармоники. Инструменты этой мастерской, принятые, между прочимъ, въ состоящемъ подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Высочества покровительствомъ великорусскомъ оркестрѣ, будутъ, безъ сомнѣнія, служить прекрасными образцами для кустарнаго и ремесленнаго ихъ производства въ мѣстахъ остановки выставки. Видное участіе приняли на выставкѣ нѣкоторыя земства. Такъ, пермское губернское представило весьма поучительныя коллекціи по цѣлому ряду производствъ: чугунно-литейному, кузнечному, клепальному, мѣдно-издѣльному, сундучному, бурачному и мебельному, по изготовленію сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій, ковшей, подносовъ, лопатъ, серповъ и спичечной соломки, а также по сухой перегонкѣ деревъ. Цѣнность этихъ коллекцій увеличивается имѣющимися при нихъ печатными описаніями хода работъ. Затѣмъ, полтавское губернское земство выставило издѣлія: изъ металла и дерева — полтавскаго ремесленнаго училища по керамикѣ — миргородской художественно-промышленной школы имени Гоголя и Дегтяревской ткацкой учебной мастерской, а также плетенья изъ рогожи издѣлія, работы мѣстныхъ кустарей. Кромѣ этихъ земствъ, на выставкѣ участвуютъ: московское, вятское и чебоксарское.

На учрежденныхъ въ С.-Петербургѣ женскихъ политехническихъ курсахъ 7 сентября, какъ сообщаютъ „Бирж. Вѣд.“, состоялись выборы персонала высшей учебной администраціи.

Выбранный директоромъ курсовъ, профессоръ технологическаго института, Николай Леонидовичъ Щукинъ, въ отвѣтъ на сердечныя привѣтствія и горячіе аплодисменты, въ краткой рѣчи благодарилъ товарищей за довѣріе и высокую честь и указалъ на трудность предстоящей ему задачи. Особенность ея, по словамъ оратора, заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что учрежденіе, директоромъ совѣта котораго онъ избранъ, еще нужно создать „отъ А до Z“. Къ тому же слушательницами открываемыхъ курсовъ будутъ женщины — величина, пока неизвѣстная въ техникѣ. Одному не справиться съ такой трудной задачей—онъ надѣется единственно на дружную и единодушную работу всего совѣта, слугой и исполнителемъ котораго онъ и намѣренъ лишь быть. Громкія рукоплесканія покрыли слова профессора... Затѣмъ бла-

годарили собраніе за честь выбранные профессора, В. Н. Пясецкій (деканъ) и А. С. Тихановъ (секретарь). Они обѣщали прилагать всѣ усилія къ оправданію ихъ выбора и выразили увѣренность, что товарищи будутъ имъ помогать и откровенно указывать на всѣ недостатки ихъ будущей дѣятельности. Закончилъ г. Пясецкій свою рѣчь увѣреніемъ, что, при недовольствѣ хотя бы двухъ членовъ совѣта направленіемъ его дѣятельности, онъ немедленно и охотно уступитъ свое мѣсто другому.

Послѣ выборовъ былъ выработанъ текстъ извѣщенія для печати о пріемѣ прошеній. Продолжится онъ до 15 октября — прошенія должны быть направлены на имя директора курсовъ, исключительно по почтѣ (заказной корреспонденціей), по адресу совѣта общества изысканія средствъ для техническаго образованія женщинъ, Верейская 8—10, кв. товарища предсѣдателя общества, П. Н. Аріянъ. Открытіе курсовъ и начало занятій послѣдуетъ 1-го ноября текущаго года. Будетъ принято всего 180 человѣкъ: 100 на инженерностроительный факультетъ, 80 на электро-химическій. Пріемъ слушательницъ будетъ произведенъ по конкурсу аттестатовъ объ окончаніи 8 классовъ женскихъ учебныхъ заведеній. При поступленіи на инженерно строительное отдѣленіе предпочтеніе будетъ оказано лицамъ, имѣющимъ также свидѣтельство объ окончаніи какой-либо рисовальной школы. Курсъ 4-лѣтній (8 семестровъ). На 1 курсѣ занятія на обоихъ факультетахъ общія. Плата 100 р. вносится полностью впередъ, причемъ поступающія предупреждаются о томъ, что занятія на курсахъ займутъ все время и не дадутъ возможности слушательницамъ побочно чѣмъ-либо заниматься; также на I курсѣ чертежныя принадлежности и книги обойдутся каждой въ 100 руб. О пріемѣ или отказѣ будетъ каждой изъ кандидатокъ сообщено по почтѣ. Въ составъ профессоровъ вошли слѣдующіе профессора различныхъ нашихъ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній: Н. М. Абрамовъ. А. А. Байковъ, В. И. Бауманъ, Д. К. Бобылевъ, Н. А. Бѣлелюбскій, П. И. Дмитріевъ, И. П. Долбня, Н. Н. Ляминъ, В. В. Никитинъ, В. Н. Пясецкій, А. С. Тихановъ, А. О. Шалинъ, Н. А. Щукинъ, М. А. Шателэнъ, С. П. Гагэнзовскій, Вл. А. Косяковъ, В. И. Комарницкій и В. Н. Фидровская. Курсы будутъ помѣщаться первыя 5 лѣтъ (до постройки собственнаго зданія) на Загородномъ пр., № 63 (уголъ Серпуховской). Собраніе просило директора, въ цѣляхъ своевременнаго открытія курсовъ, немедленно войти съ ходатайствомъ къ попечителю с.-петербургскаго учебнаго округа о возможно скоромъ утвержденіи выбранныхъ должностныхъ лицъ и профессорскаго состава, положенія о курсахъ и учебнаго плана ихъ.

---

9 сентября начались занятія въ женскихъ художествено-промышленныхъ классахъ, находящихся при Императорскомъ обществѣ поощренія художествъ. Всего принято вновь 250 ученицъ и вмѣстѣ съ прежними въ стѣнахъ училища находится 600 женщинъ. Начало занятій въ вечернихъ мужскихъ классахъ состоится 10 сентября. Общее число учащихся достигаетъ 1100 человѣкъ.

По словамъ „Руси“, женскіе чертежные курсы, находящіеся въ вѣдѣніи Императорскаго русскаго техническаго общества, переводятся съ 15 августа изъ стараго помѣщенія (Знаменская, д. 6)—въ новое, въ домъ г. Муяки (№ 18) на углу Знаменской и Ковенскаго пер., причемъ подъ курсы отводится обширное и свѣтлое помѣщеніе.

Цѣль курсовъ заключается въ томъ, чтобы подготовить въ теченіе 2-хъ

лѣтъ опытныхъ чертежницъ, какъ помощницъ архитекторамъ и инженерамъ. Для большей успѣшности прохожденія курса рѣшено число учебныхъ часовъ увеличить вдвое противъ прежняго. Кромѣ учебныхъ занятій и въ дополненіе къ нимъ установлены осмотры построекъ, музеевъ, обмѣры зданій въ натурѣ, разбивка зданій съ плана на мѣстности и землемѣрная съемка. Эти занятія, хотя и считаются дополнительными, но имъ придается преподавателями курсовъ особенно серьезное значеніе. Составъ преподавателей слѣдующій: архитектора-художники—Георгій Косяковъ и Н. Л. Подберескій; гражданскіе инженеры—А. А. Алексѣевъ, А. И Викель, В. А. Гартманъ, А. А. Ломагинъ и В. Н. Пясецкій. Инспекторъ курсовъ Н. Л. Подберескій. Прошенія принимаются въ канцеляріи курсовъ (Знаменская, д. 6, кв. 1) до 15 августа, а послѣ 15-го въ новомъ помѣщеніи (Знаменская, д. № 18, кв. 5).

В. Б—чъ.

Народныя библіотеки въ Саратовской губерніи.

За послѣдніе годы библіотечное дѣло въ Саратовской губерніи быстро развивается. Развитіе это обязано главнымъ образомъ губернскому земству.

Насколько библіотечное дѣло прогрессируетъ, говорятъ слѣдующія цыфры: въ 1903 году число библіотекъ возросло сравнительно съ 1902 г. на 16%, тогда какъ въ 1904 г. оно увеличилось уже на 28%; вмѣсто бывшихъ въ 1903 г. 147 библіотекъ насчитывалось къ концу года 189. Губернская земская управа ведетъ статистику библіотекъ, и въ 1904 г. поступило 178 отчетовъ о дѣятельности библіотекъ. Такой обширный матеріалъ даетъ возможность губернской управѣ, а также и губернскому земскому собранію сдѣлать общій выводъ о положеніи въ губерніи библіотечнаго дѣла. Мы возьмемъ наиболѣе интересныя данныя изъ послѣдняго доклада губернской земской управы очередному собранію.

Наибольшее количество библіотекъ достигнуто въ прошломъ году въ Балашовскомъ уѣздѣ. На долю его изъ общаго числа библіотекъ падаетъ $1/2$ часть ихъ (37). Въ то же время весь сѣверный районъ губерніи, въ составъ котораго входятъ уѣзды: Сердобскій, Петровскій, Хвалынскій и Кузнецкій, имѣютъ у себя также только $1/5$ часть всего числа библіотекъ. Остальныя $3/5$ общаго числа распредѣляются между прочими 5-ю уѣздами, представляющими 3-ій районъ губерніи, расположенный вдоль береговъ р. Волги. Въ этомъ районѣ наибольшее число библіотекъ находится въ уѣздахъ: Камышинскомъ—30, Саратовскомъ—27 и т. д.

Всѣ библіотеки въ губерніи возникали по мѣстной иниціативѣ и при поддержкѣ губернскаго земства. Средства губернскаго земства распредѣляются сообразно съ числомъ библіотекъ въ каждой губерніи. Распредѣленіе суммъ губернскаго земства обусловливается, согласно постановленію прошлаго собранія, размѣрами дѣйствительной потребности въ библіотекахъ, отчасти же и другими обстоятельствами, болѣе или менѣе случайными: неполученіемъ, напримѣръ, ко времени распредѣленія суммъ отчетовъ по библіотекамъ. Послѣдніе годы губернское земство ассигнуетъ на сельскія библіотеки 8 тысячъ рублей, изъ числа которыхъ 2 тысячи рублей предназначались на вознагражденіе завѣдующихъ, а остальныя 6 тысячъ рублей на нужды библіотеки. Изъ этихъ суммъ въ 1904 г. 47% было израсходовано на пособіе въ размѣрѣ 20 руб. на каждую библіотеку, 44% на пособіе по 45 руб., 8% по 75 руб. и 1%

на пособіе въ 100 рублей. На 1905 г. губернское земство ассигновало на земскія библіотеки тоже 8 тысячъ рублей.

Въ 1904 г. только 2 уѣзда, Аткарскій и Кузнецкій, не увеличили числа библіотекъ сравнительно съ 1903 г., въ прочихъ же уѣздахъ ростъ колеблется отъ 12% (въ Саратовскомъ уѣздѣ) до 6% (въ Балашовскомъ). Слѣдующіе за Саратовскимъ уѣздомъ 4 уѣзда (Царицынскій, Камышинскій, Вольскій, Хвалынскій), хотя уже значительно слабѣе, тѣмъ не менѣе превышаютъ средній ростъ числа библіотекъ по губерніи. Остальные 5 уѣздовъ характеризуются менѣе интенсивнымъ ростомъ библіотечнаго дѣла, сравнительно съ среднимъ для всей губерніи, и среди нихъ послѣднее мѣсто, какъ мы сказали, занимаетъ Валашовскій уѣздъ. Такое обстоятельство можно объяснить тѣмъ, что этотъ уѣздъ усиленно развилъ свою дѣятельность по открытію библіотекъ въ предыдущіе годы и въ 1904 г. по числу библіотекъ все-таки занимаетъ первое мѣсто въ губерніи.

Что касается книжныхъ богатствъ въ сельскихъ библіотекахъ Саратовской губерніи, то о нихъ можно судить по слѣдующимъ даннымъ: въ среднемъ, по губерніи на одну библіотеку приходится 583 названія книгъ. Первое мѣсто здѣсь занимаетъ Саратовскій уѣздъ (755 названій), послѣднее Сердобскій (358 названія). Въ Саратовскомъ уѣздѣ появляется тенденція развивать библіотечное дѣло не только въ смыслѣ насажденія большого количества библіотекъ, но и параллельно съ тѣмъ, въ смыслѣ большаго обезпеченія этихъ библіотекъ книгами. Кузнецкій уѣздъ, гдѣ въ среднемъ на одну библіотеку приходится минимальное число названій книгъ (377), отличается обратной тенденціей: здѣсь и библіотекъ меньше и снабжены онѣ меньшимъ количествомъ книгъ. Въ прочихъ уѣздахъ губерніи, расположенныхъ между этими 2-мя крайними точками, вполнѣ опредѣленной тенденціи не обнаруживается.

Среднее абсолютное число читателей въ отдѣльныхъ уѣздахъ колеблется въ предѣлахъ отъ 159 до 333 для взрослыхъ и отъ 71 до 229—для дѣтей. Отношеніе читателей по возрастамъ въ общемъ по отдѣльнымъ уѣздамъ болѣе или менѣе равномѣрно. Въ среднемъ, по всей губерніи приблизительно приходится $^2/_3$ взрослыхъ читателей и $^1/_3$ дѣтей (64 : 34).

Въ отчетахъ завѣдующихъ библіотеками есть указанія на то, увеличивается ли число читателей, или остается безъ перемѣны. Сумма показаній по всѣмъ уѣздамъ принята за 100. Если при этомъ выдѣлить уѣзды Вольскій и Кузнецкій, то получимъ слѣдующее: процентъ показаній въ пользу того, что число читателей по уѣздамъ и въ среднемъ по губерніи остается приблизительно на одной и той же высотѣ и превышаетъ сумму другихъ показаній, т. е. число читателей обнаруживаетъ тенденцію возростать. Особенно обращаютъ на себя вниманіе колебанія разсматриваемыхъ данныхъ въ Кузнецкомъ и Балашовскомъ уѣздахъ—наибольшій процентъ показаній числа читателей въ Кузнецкомъ уѣздѣ, т. е. тамъ, гдѣ имѣется наименьшее число библіотекъ и, наоборотъ, наименьшій % показаній за увеличеніе числа читателей въ Балашовскомъ уѣздѣ, гдѣ наибольшее количество библіотекъ. Изъ этого видно, что въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ уже библіотеки существуютъ достаточное время и въ большомъ количествѣ, гдѣ библіотечная сѣть раскинулась довольно широко, читатель изъ народа, перечитавъ всѣ книги, уже не удовлетворяется богатствомъ книжныхъ библіотекъ. Его духовныя потребности народная библіотека не можетъ удовлетворить, и естественно у него является охлажденіе къ библіотекѣ. Въ тѣхъ же уѣздахъ, гдѣ сельскія библіотеки только что начинаютъ возникать, несомнѣнно замѣтна наличность спроса на книгу со стороны

крестьянскаго населенія. Пока книги нѣтъ, или она есть лишь въ ограниченномъ количествѣ, „жажда имѣть ее достигаетъ высшей степени напряженности“. Напримѣръ, въ Кузнецкомъ уѣздѣ 75 показаній говорятъ, что число читателей возросло, и не имѣется ни одного показанія объ уменьшеніи числа читателей.

Въ Балашовскомъ уѣздѣ, гдѣ библіотеки развились сравнительно широко, число показаній совершенно другое: только 38% показаній въ пользу увеличенія числа читателей, 33%—за уменьшеніе, 29% свидѣтельствуютъ, что число читателей не уменьшилось. Послѣдній фактъ констатируетъ то положеніе, что библіотеки по своему составу не удовлетворяютъ читателя изъ народа. Какъ только они ознакомятся съ библіотекой, имъ становится уже нечего читать въ ней. Министерскій каталогъ, конечно, оказываетъ свое воздѣйствіе, какъ тормазъ въ библіотечномъ дѣлѣ.

Кромѣ сельскихъ безплатныхъ библіотекъ, возникшихъ благодаря мѣстной иниціативѣ, въ Саратовской губерніи имѣется еще въ каждомъ уѣздѣ такъ называемыя „образцовыя“ библіотеки губернскаго земства. Ихъ всего въ губерніи 10, по одной въ уѣздѣ.

Въ образцовыхъ библіотекахъ книгъ значительно больше, чѣмъ въ библіотекахъ мѣстной иниціативы. Число названій книгъ въ образцовыхъ библіотекахъ колеблется между 700 (Балашовскій уѣздъ) и 1.490 (Аткарскомъ уѣздѣ). Въ среднемъ по губерніи на долю каждой изъ нихъ приходится свыше тысячи названій. Такимъ образомъ, въ смыслѣ обезпеченія книжнымъ матеріаломъ, какъ мы видимъ, образцовыя библіотеки стоятъ выше таковыхъ мѣстной иниціативы. Онѣ имѣютъ преимущество и въ матеріальномъ отношеніи: онѣ лучше обезпечены матеріальными средствами. Въ среднемъ на одну образцовую библіотеку земствомъ расходуется около 250 рублей, при колебаніи отъ 180 до 300 рублей ежегодно на каждую, между тѣмъ какъ средній размѣръ расхода на одну сельскую библіотеку мѣстной иниціативы Балашовскаго земства, ассигнующаго на этотъ предметъ болѣе другихъ уѣздныхъ земствъ, не превышаетъ 140 рублей. Для Саратовскаго же уѣзда такой средній расходъ еще ниже. Что же касается другихъ земствъ, то ихъ расходы на библіотеки значительно меньше, чѣмъ въ названныхъ двухъ.

На 10 образцовыхъ библіотекъ губернское земство ассигновало 2.500 р. на 1905 годъ.

Разсматривая положеніе библіотечнаго дѣла въ Саратовской губерніи, губернская земская управа, соглашаясь съ постановленіями уѣздныхъ земскихъ собраній объ отмѣнѣ ограниченій, существующихъ по отношенію къ народнымъ библіотекамъ, въ своемъ докладѣ послѣднему очередному губернскому собранію даетъ всестороннюю и обстоятельную критику существующихъ правилъ о народныхъ библіотекахъ и читальняхъ. Свой интересный докладъ, касающійся критики этихъ правилъ, управа заканчиваетъ слѣдующими словами: „Предусматривая такимъ образомъ все: способы получить разрѣшеніе на открытіе библіотеки или читальни, приглашеніе и устраненіе лицъ, завѣдующихъ ими, книги, только одобренныя, наконецъ, возможность „безпорядка“ и какихъ-то другихъ „дѣйствій“ въ читальняхъ, чуждыхъ ихъ назначенію, упомянутыя правила предусматриваютъ даже и то, чтобы самый подборъ этихъ одобренныхъ и допущенныхъ книгъ не былъ бы „одностороннимъ“, т. е. чтобы свѣтскій отдѣлъ не расширялся за счетъ религіозно-нравственнаго. Кромѣ того, при подборѣ книгъ во вновь учреждаемой библіотекѣ, должны быть прини-

маемы во вниманіе „знанія“, „сословіе“ и даже „образъ жизни населенія“, какъ будто бы та или другая область знанія доступна какому-то одному сословію и слою“.

„На основаніи изложеннаго, управа полагаетъ, что означенныя правила не соотвѣтствуютъ дѣйствительной потребности. Будучи стѣснены ими со всѣхъ сторонъ, учредители библіотекъ должны отказаться отъ мысли проводить въ населеніе знанія въ томъ объемѣ, на который жизнь предъявляетъ требованія, а потому въ настоящее время управа имѣетъ честь предложить собранію ходатайствовать о пересмотрѣ правилъ о безплатныхъ народныхъ библіотекахъ-читальняхъ“.

Губернское собраніе, выслушавъ этотъ докладъ управы, постановило слѣдующее: 1) народныя библіотеки должны находиться только въ вѣдѣніи одного министра народнаго просвѣщенія, и долженъ быть совершенно устраненъ контроль со стороны другихъ вѣдомствъ; 2) при учрежденіи библіотекъ должны быть устранены требованія отъ учредителей всѣхъ перечисленныхъ въ докладѣ формальностей, которыя должны быть замѣнены явочнымъ порядкомъ; 3) библіотеки могутъ быть закрываемы только по суду; 4) лица, состоящія на земской или государственной службѣ, не должны подвергаться особому утвержденію при принятіи на себя обязанности отвѣтственныхъ лицъ или библіотекарей; 5) всѣ книги, допущенныя общей цензурой, а равно и періодическія изданія безъ всякихъ ограниченій должны быть разрѣшены къ обращенію въ народныхъ библіотекахъ-читальняхъ.

Только при этихъ условіяхъ, по мнѣнію губернскаго земскаго собранія, можетъ развиваться въ губерніи библіотечное дѣло, только съ устраненіемъ бюрократическихъ „заставъ“ народныя библіотеки предоставятъ населенію хорошую книгу, которая дастъ ему возможность развить его политическое и общественное міросозерцаніе.

А. А. Локтинъ.

«Одинъ изъ немногихъ».

(Памяти незабвеннаго учителя).

Недавно наѣздомъ въ родной городъ я посѣтила кладбище. За двадцать съ небольшимъ лѣтъ моего отсутствія въ немъ произошли столь существенныя перемѣны, что я съ трудомъ узнавала когда-то любимые мною уголки и памятники. Чопорная культура на все наложила свою печать. Отъ строго расчищенныхъ, усыпанныхъ пескомъ дорожекъ, отъ педантично въ систематическомъ порядкѣ разставленныхъ памятниковъ и мавзолеевъ вѣяло холодомъ и отчужденностью. Я направилась въ глубь кладбища, туда, гдѣ скромно, по-сиротски стояли почернѣвшіе отъ времени кресты покоившейся бѣдноты, откуда съ горки разстилался видъ на море съ мелькающими на немъ бѣлыми, какъ крылья чайки, парусами. Здѣсь пахло богородской травой и шалфеемъ, столь любимымъ мною въ дѣтствѣ.

Солнце садилось, разливая вокругъ красный отсвѣтъ. Море казалось какъ бы кровавымъ. Медленно опускались въ него послѣдніе отблески угасающихъ лучей.

Влажный вѣтеръ съ тревожнымъ шумомъ проносился вдоль деревъ и кладбищенскихъ крестовъ, и когда онъ, жалобно стеная, качалъ вѣтвями акацій, то казалось, что вмѣстѣ съ нимъ качались бѣлые кресты, какъ бы

простирая впередъ длинныя руки. Отъ этого страннаго шума и колыханія деревъ въ сердце проникала неясная тревога и тоска. Когда порывы вѣтра смѣнялись минутнымъ затишьемъ, я слышала удары моего сердца и біеніе крови, приливавшей къ вискамъ. Взволнованная, сама не зная чѣмъ, я поспѣшила къ выходу, какъ вдругъ взоръ мой нечаянно упалъ на покосившійся отъ времени, какъ бы вросшій въ землю, каменный крестъ съ надписью, привлекшей мое вниманіе. Она гласила лишь: „Василій Иларіоновичъ Лонгиновъ!“ Чувство острое, какъ ножъ, повернулось въ моемъ сердцѣ, что то большое и твердое подкатилось къ моему горлу и сдавило его. Силясь подавить вдругъ нахлынувшія, далекія воспоминанія милаго юношества, я бѣжала къ выходу, точно за мной гнался призракъ этого забытаго мною челокѣка, умѣвшаго когда-то будить лучшія струны человѣческаго сердца. Забвеніе! Какой ужасъ въ этомъ небольшомъ словѣ! Сколько въ немъ постыднаго, эгоистичнаго и недостойнаго человѣка!

Стемнѣло, когда я пришла къ себѣ въ гостиницу. Ночь упорно и назойливо глядѣла въ мою комнату. Я сидѣла, не зажигая огня. Вспоминалось прошлое, болью въ сердцѣ отозвалось оно; горькое чувство волной заполонило грудь. Тамъ сзади остались золотые сны юности, незамѣтно подкралось безотрадное настоящее, а что несетъ будущее? Жизнь, жизнь, гдѣ же ты? Гдѣ твое счастье? И предо мною во весь ростъ встала тоже бѣдная, больная душа безвѣстнаго труженика. Скромный учитель словесности и русской исторіи, Василій Иларіоновичъ Лонгиновъ! Казалось бы, это лишь единица среди моря подобныхъ ему, отошедшихъ въ вѣчность, а между тѣмъ онъ былъ одинъ изъ немногихъ, умѣвшихъ сѣять „разумное, доброе, вѣчное“. И въ сумеркахъ предо мною, какъ живое, выплыло изсѣра-блѣдное лицо, каріе, полуопущенные глаза, плохо выбритый подбородокъ и крупные, красивые зубы подъ черными усами. Въ старенькомъ, потертомъ вицъ-мундирѣ, въ сомнительной чистоты бѣльѣ, рыжихъ сапогахъ онъ производилъ впечатлѣніе чего-то жалкаго и забитаго, но едва онъ начиналъ говорить или объяснять, его сгорбленная фигура преображалась. Станъ выпрямлялся; красивымъ жестомъ руки онъ отводилъ со лба падавшій непокорный локонъ; глаза его устремлялись куда-то выше присутствовавшей аудиторіи. Казалось, онъ воочію видитъ героевъ, образы которыхъ рисовалъ передъ нами сильными, красочными мазками. Однѣ за другой возникали безконечныя понорамы вѣковъ. Изъ глубины временъ передъ нами проносился потокъ человѣческой жизни. Въ стройномъ и строгомъ порядкѣ шествовали ея герои, вожди и великіе учителя.

„Medames,—вдохновляясь, говорилъ Василій Иларіоновичъ,—вотъ вы отсюда, изъ стѣнъ этого заведенія войдете въ жизнь. Будьте же, какъ стоики сѣдой древности, презирайте удобства жизни ради высшихъ цѣлей, высшихъ интересовъ во исполненіе воли Создавшаго насъ и Пославшаго въ міръ. Пусть гоненія, скорби, преслѣдованія не пугаютъ васъ, ибо во всемъ этомъ глубокій смыслъ. Христосъ далъ законъ самопожертвованія. Исполните же его. Не забывайте, что наше земное существованіе временно и слѣдовательно подвержено скорби, а „тамъ“ насъ ждетъ иная жизнь, жизнь вѣчная, „гдѣ же нѣсть ни печаль, ни воздыханіе“...

А то на урокѣ словесности начнетъ рисовать нѣжными и кроткими штрихами поэтическій образъ Татьяны Пушкина или негодующе обрушится на леди Макбетъ. Глаза его мечутъ искры и румянецъ возбужденія, заливъ блѣдныя щеки, дѣлаетъ его лицо прекраснымъ, озареннымъ какой-то особенной

одухотворенной красотой. Среди своихъ коллегъ рутинеровъ, педантовъ, полагавшихъ всю суть въ добросовѣстной зубрежкѣ—это была живая личность, умѣвшая заражать „святымъ огнемъ“ молодыя сердца, жаждавшія свѣта; эта была живая мысль, не скованная узкими рамками холоднаго формализма, столь губительнаго для юношества. И любили же мы его! Добровольно по собственному желанію мы оставались на шестой урокъ, который онъ предложилъ „не въ счетъ абонемента“, посвятивъ его исключительно разбору классиковъ и нашихъ сочиненій. Съ захватывающимъ интересомъ проходили эти послѣклассныя занятія, забывался голодъ, усталость. Одна передъ другой мы щеголяли сочиненіями, и нужно отдать справедливость: были между ними заслуживающія серьезнаго вниманія, отмѣченныя искрами творческаго таланта. Эти „шестые часы“ дали толчекъ нѣкоторымъ изъ моихъ коллегъ вступить на тернистый путь литераторства. Но и помимо послѣднихъ немногихъ, избранныхъ, нашъ выпускъ отличался, благодаря Василію Иларіоновичу, серьезностью духовныхъ запросовъ и интересовъ, любовью и вкусомъ къ чтенію, стремленіемъ къ исканію высшихъ идеаловъ и работоспособностью, что и подтвердилось впослѣдствіи плодотворною дѣятельностью многихъ изъ „нашихъ“.

Среди своихъ коллегъ Василій Иларіоновичъ былъ отщепенцемъ. Къ нему придирались за независимость мнѣній на совѣтахъ, его не любили за угрюмость, необщительность, презирали за вѣчно плохой костюмъ, за неумѣніе устроиться въ жизни. Каждому своя судьба. Судьба для В. И. была суровой мачехой. Нуждался онъ страшно, ибо былъ безсребренникъ. Гдѣ-то на сторонѣ у него была сестра-калѣка, которой онъ аккуратно высылалъ половину своего содержанія. Но и помимо этого деньги В. И. видѣлъ только двадцатаго числа, а затѣмъ они самымъ непостижимымъ для него образомъ уплывали, переходя съ рукъ на руки квартирной хозяйкѣ, лавочнику, а затѣмъ приходилъ сапожникъ поставщикъ и просилъ денегъ впередъ на товаръ или сосѣдъ бралъ взаймы для больного ребенка, а то и просто на хлѣбъ, и отказать было никакъ нельзя, да и въ характерѣ В. И. не водилось этого. Жилъ онъ гдѣ-то на Забѣгайловкѣ среди маленькихъ домиковъ и флигелечковъ съ геранями и фуксіями на окнахъ и безконечно длинными заборами, черезъ широкія щели которыхъ видно было все, что дѣлалось во дворѣ обывателей. Свиньи, куры, голодныя собаки и оборванныя, босоногія ребятишки безпрестанно дефилировали передъ маленькими оконцами педагога, склонившаго надъ тетрадками свою темноволосую голову, часто до глубокой полночи. Если стояло тепло и маленькія створки окна были открыты, то клубы пыли врывались въ комнату и густымъ слоемъ покрывали незатѣйливую мѣщанскую мебель, кровать съ выцвѣтшимъ одѣяломъ, гипсовый бюстъ Петра Великаго съ отбитымъ носомъ и часы съ позеленѣвшими гирями, засиженные мухами. За перегородкой неистово бранилась хозяйка, а съ кухни въ постъ доносился запахъ конопляннаго масла пригорѣлаго съ лукомъ или сбѣжавшаго молока въ скоромные дни. Кормили В. И. плохо, но онъ никогда не жаловался и не протестовалъ. Сѣро, одиноко и однообразно текла его жизнь. Ничто не мерцало ему, не согрѣвало его. Въ цѣломъ мірѣ у него не было никого, къ кому бы онъ могъ приклонить свою голову. Кто въ этомъ повиненъ, судить не берусь, но онъ былъ человѣкомъ, и ничто человѣческое ему не было чуждо, и потому, я думаю, онъ жестоко страдалъ. Чѣмъ дальше отъ насъ отодвигаются дни юности, тѣмъ сильнѣе тянемся мы къ нимъ воспоминаніями. Среди житейскихъ бурь искалѣченная душа невольно стремится къ чистому и свѣтлому облику юношества,

когда все еще въ насъ цѣльно и неподкупно. Тщетно мы силимся возстановить въ памяти прежній свой обликъ, исполненный чистоты и свѣжести чувствъ. Но иногда при болѣе яркомъ воспоминаніи въ лицо будто пахнетъ чѣмъ-то неуловимо далекимъ, дорогимъ, легкимъ и нѣжнымъ, какъ ароматъ зефира въ майскую ночь. И задрожатъ въ груди давно умолкнувшія струны, сладкая грусть сожметъ сердце, и тихая слеза незамѣтно покатится вдоль поблекшихъ ланитъ. И теперь я, сидя въ гостиницѣ, тоже уже почти отжившая жизнь, одинокая и больная, испытала это мгновенное, сладкое чувство, будто неожиданно въ растворившееся окно пахнуло дыханіемъ жизни. Милый и бѣдный Василій Иларіоновичъ! Онъ и не подозрѣвалъ, что сѣмена его падали на хорошую почву и дали добрые ростки, онъ не подозрѣвалъ, что сердце почти каждой изъ насъ горѣло къ нему огнемъ святой, юношеской любви, готовой на безчисленныя жертвы. По скромности своей и врожденной застѣнчивости онъ проходилъ мимо тянувшихся къ нему на встрѣчу теплыхъ чувствъ. Съ опущенной головой, потупленнымъ взоромъ онъ, внѣ классныхъ занятій, торопливо проскользалъ мимо жаждущихъ хотя бы лишь случайно брошеннаго взгляда, не замѣчая подавленнаго вздоха сожалѣнія и сочувствія. Это была добрая, но, среди рабской толпы, гордая душа, презиравшая неправду жизни, и потому онъ былъ недовѣрчивъ и одинокъ всю свою многострадальную жизнь. Одинъ въ полѣ не воинъ, и онъ палъ въ борьбѣ противъ многихъ, палъ, какъ честный солдатъ, до послѣдняго издыханія защищая знамя справедливости. Послѣ одного бурнаго совѣтскаго засѣданія по поводу присужденія медалей выпускнымъ, Василій Иларіоновичъ сказалъ горькую правду въ глаза коллегамъ и просилъ записать въ протоколъ свое особое мнѣніе. Ему предложили оставить службу. Взволнованныя, заплаканныя мы собрались въ послѣдній разъ на его урокъ. Его горячія слова острыми стрѣлами вонзались въ наше сердце. Онъ говорилъ: „Будьте свободны и любите правду и солнце больше всего на свѣтѣ. Не дѣлайтесь рабынями жизни, помните, что молодость разъ дается. Не продавайте за чечевичную похлебку роскоши чистоту и непосредственность чувствъ, не продавайте своего тѣла, ибо съ нимъ продадите и душу. Выходя замужъ, помните, что на васъ лежатъ великія и священныя обязанности воспитанія будущихъ честныхъ гражданъ государства. Но и помимо замужества многимъ изъ васъ, быть можетъ, предстоитъ быть воспитательницами и учительницами. Великая задача! Великія терніи ожидаютъ васъ на этомъ поприщѣ, но и великая жатва, если будетъ сдѣлана любящимъ сердцемъ и разумной направляющей рукой. Отъ всей души благословляю васъ на этотъ тяжелый, но святой трудъ. Быть можетъ, многихъ изъ васъ онъ разочаруетъ, но не смущайтесь этимъ, какъ не смущаюсь я. Что я такое? Солдатъ выбывшій изъ строя, но изъ этого не значитъ, что весь полкъ погибъ. Много, много впереди жертвъ! Но тѣмъ слаще будетъ побѣда свѣта надъ тьмой“!.. И онъ ушелъ, напутствуемый нашими рыданіями, унося въ груди оскорбленное сердце. Онъ и вѣрилъ и не вѣрилъ въ то, что свершилось въ его жизни нѣчто ужасное, какая-то незамѣнимая потеря. Да, онъ, самъ того не сознавая, страстно любилъ свое дѣло и, лишь утративъ его, почувствовалъ всю остроту и горечь отчаянія. На утро не было сомнѣнія, что его лишили не только цѣли въ жизни, но и куска хлѣба. Въ этотъ день въ первый разъ онъ напился. Съ этихъ поръ жизнь его пошла по наклонной плоскости. Пробиваясь грошевыми уроками, доставляемыми его бывшими ученицами, онъ все чаще и чаще находилъ забвеніе въ винѣ. И не надолго хватило слабаго организма. Той же зимой онъ жестоко простудился и былъ свезенъ въ городскую больницу. Тамъ

догорала жизнь, и страшенъ былъ ея закатъ. Страшенъ тѣмъ, что это были лишь послѣднія конвульсіи давно начавшейся агоніи, начавшейся съ увольненія его отъ службы. И онъ ждалъ и звалъ смерть-освободительницу. И кругомъ была мгла холодная и непроглядная. Долго билась бѣдная душа и не просила пощады, но не стало силъ терпѣть. За день передъ его смертью мы узнали о его болѣзни, и кое-кто изъ нашихъ поѣхалъ навѣстить его. Онъ насъ узналъ. Какой-то огонекъ промелькнулъ мгновенной искрой въ страшно провалившихся глазахъ и потухъ.

— Finita la comedia! — сухими губами прошепталъ онъ и попросилъ служителя повернуть его къ стѣнѣ.

Мы стояли съ поникшими головами, и непрошенныя слезы текли по нашимъ щекамъ. Казалось, что-то надвигается изъ угловъ полутемной палаты, страшное и неотвратимое, и съ жуткимъ страхомъ мы тихо вышли въ корридоръ; въ груди тѣснило, будто не хватало воздуху. А на утро онъ умеръ. Никто, кромѣ нѣсколькихъ нашихъ учениць, которыя могли вырваться (день былъ будній и шли занятія), не шелъ за одинокимъ, сосновымъ, больничнымъ гробомъ. Была ранняя весна, и нигдѣ еще не цвѣло ни одного цвѣточка. Талый снѣгъ подъ ногами проваливался, и мы чуть не по колѣна брели въ грязи. Смутно было на сердцѣ, когда мы окружили свѣже вырытую могилу.

Тихо лилось похоронное пѣніе, дымъ кадильный смѣшивался съ клубами тумана. Мы чувствовали въ этой смерти какую-то ужасную несправедливость судьбы; глухая злоба на тѣхъ, кого мы считали виновниками этой преждевременной смерти, поднималась въ груди, и это чувство для насъ было дико и ново. Мы не знали, что это было лишь преддверіе той жизни, въ которую рвались вступить. Опустили въ сырую могилу сосновый гробъ съ останками дорогого учителя, глухо ударился первый комъ земли о крышку. Прощай, незабвенный учитель, думали мы, глотая слезы, ты умеръ, но долго еще между нами будетъ жить духъ твой гордый и неподкупный, долго еще будутъ звучать горячія слова, призывающія къ добру и справедливости. Пусть же земля будетъ легка надъ тобой, ибо ты одинъ изъ немногихъ!

К. А. Пухлякова.

ъ опросу объ автономіи высшихъ учебныхъ заведеній.

Еще ранѣе опубликованія Высочайшаго повелѣнія о дарованіи высшимъ учебнымъ заведеніямъ нѣкоторой автономіи, собраніе младшихъ преподавателей Харькова пришло къ слѣдующему заключенію о возможномъ значеніи этой мѣры.

„Государственное право учитъ: правовая (а не привилегированная, которой академическіе дѣятели не хотятъ) свобода лицъ и учрежденій есть лишь органическая часть общей свободы, проникающей весь государственный порядокъ и гарантированной основными законами. Будемъ ли мы предварительно домогаться академической свободы и будетъ ли она дана, какъ таковая, т. е. временная, приступленіе къ занятіямъ перваго сентября можетъ быть прочнымъ лишь тогда, если параллельно съ нимъ дѣятельно и гласно, съ привлеченіемъ свободно выбранныхъ представителей отъ народа, станетъ разрабатываться и соотвѣтствующая общая реформа—conditio sine qua non бытія частной академической. И, наоборотъ, можетъ ли оставаться прочной она, если пропасть административнаго произвола открыта, если всякій неугодный

членъ временной автономіи можетъ быть легко туда ввергнутъ? Это мы видимъ и теперь, послѣ торжественнаго осужденія Высочайшей волей административнаго произвола. Если переживаемый нами напряженный историческій моментъ не получитъ безъ колебаній и искусственныхъ оттяжекъ, безъ выжиданія внѣшнихъ событій, честнаго и прямого разрѣшенія, если, другими словами, не состоится расширеніе правительственнаго канала, чтобы воспринять внутреннюю политику страны, то требовать отъ преподавателей (и до какихъ поръ?) отклоненія ея напора отъ высшихъ учебныхъ заведеній—значитъ съ неизбѣжностью увидѣть при первой же попыткѣ начать занятія тягостныя картины студенческихъ волненій и массовое оставленіе преподаванія, также фактически невозможнаго тогда, какъ и нынѣ. Непослѣдовательно прилагать двѣ діаметрально противоположныя мѣры къ одному и тому же положенію вещей. Высшія учебныя заведенія страны замерли. Правительству были высказаны причины. Если, съ одной стороны, онѣ остаются, а съ другой—правительствомъ не признаются правильными и заслуживающими устраненія, то можно спросить, почему совѣщанію ожидать 1 сентября и не принять своихъ мѣръ теперь же? И почему, не принявъ ихъ теперь, оно рѣшило принять ихъ 1 сентября, если положеніе вещей останется неизмѣннымъ? Затѣмъ, можетъ-ли одна академическая автономія устранить эти причины? Получивъ автономію, мы услышимъ: теперь, когда исполнено ваше желаніе, несите отвѣтственность за академическую жизнь; а если студенты будутъ продолжать волненія, потому что желательныхъ реформъ нѣтъ, исключайте ихъ, производите надъ ними свой судъ и расправу. Допустимъ, студенты начнутъ заниматься, а мы, получивъ автономію, развѣ перестанемъ желать и добиваться ея гарантій? И не заявимъ ли мы напередъ объ этомъ? Итакъ, если 1 сентября не увидимъ новыхъ общихъ условій для академической жизни, а выработка ихъ будетъ отдаляться, то можно ли возлагать, даже при автономіи, отвѣтственность за неоткрытіе осеннихъ занятій на академическій персоналъ? Вѣдь, пока фактическая сила, могущая выработать и приблизить общія условія, въ рукахъ нашихъ обвинителей и карателей, мы безсильны, при условіи, если они не желаютъ такого приближенія. Пусть съ помощью той же силы насъ сдѣлаютъ виновными за первое сентября и уволятъ въ отвѣтъ на требованіе частной, а за ней, или пареллельно съ ней — общей реформы. Эту историческую вину мы охотно на себя принимаемъ. Эта вина за всю страну насъ заставитъ уйти. И эта кара — наша заслуга передъ родной исторіей, какъ мы посильно ее понимаемъ. Мы уйдемъ съ чувствомъ исполненнаго долга, въ надеждѣ всѣмъ вмѣстѣ вернуться въ свободный университетъ. Не осуществится наша мечта—она заразитъ молодыя поколѣнія. Пусть хоть они будутъ счастливѣе насъ. Мы дѣлали, что могли, для вступленія родины на новый путь, столь желанный и нами ими. Бюро группы: приватъ-доценты:— Ар. Фатѣевъ, Т. Тимофѣевъ, П. Шатиловъ, Б. Поповъ. („Русь“).

Избранные ректоры университетовъ.

Старѣйшій русскій университетъ—московскій—выдвинулъ на постъ выборнаго ректора заслуженнаго общественнаго дѣятеля и талантливаго ученаго, князя С. Н. Трубецкого.

Князь Сергѣй Николаевичъ Трубецкой принадлежалъ къ молодымъ уче-

нымъ (род. въ 1862 г.). По окончаніи курса на историко-филологическомъ факультетѣ московскаго университета, съ 1888 г. состоялъ приватъ-доцентомъ по каѳедрѣ философіи. Черезъ годъ, вслѣдъ за магистерской диссертаціей („Метафизика въ древней Греціи"), С. Н. представилъ новый ученый трудъ („Ученіе о Логосѣ"), давшій ему званіе доктора философіи. Состоя профессоромъ московскаго университета, С. Н. принимаетъ дѣятельное участіе въ качествѣ сотрудника и затѣмъ редактора журнала „Вопросы философіи и психологіи". Въ текущемъ году князь С. Н. Трубецкой находился во главѣ земской исторической депутаціи 6 іюня, принятой Государемъ въ Петергофѣ.

Избранный ректоромъ с.-петербургскаго университета заслуженный профессоръ по каѳедрѣ физики, Иванъ Ивановичъ Боргманъ, окончилъ въ 1870 году курсъ въ с.-петербургскомъ университетѣ на физико-математическомъ факультетѣ. Оставленный при университетѣ для приготовленія къ степени магистра, И. И. былъ командированъ за границу, гдѣ въ гейдельбергскомъ университетѣ слушалъ лекціи и занимался подъ руководствомъ извѣстнаго Кирхгофа. Въ 1875 г. Боргманъ — лаборантъ. Въ 1877 г. диссертація „О гальваническомъ сопротивленіи углей при различныхъ температурахъ" дала молодому ученому магистерскую степень. Въ 1882 г. по защитѣ диссертаціи („О вліяніи среды на электродинамическія явленія и объ опредѣленіи функціи намагничиванія жидкостей") Боргманъ удостоенъ степени доктора физики. И. И. въ продолженіе многихъ лѣтъ читалъ лекціи одновременно въ с. петербургскомъ университетѣ и на высшихъ и педагогическихъ женскихъ курсахъ. На первыхъ изъ этихъ курсовъ имъ же былъ устроенъ физическій кабинетъ. Съ 1883 по 1890 г. профессоръ Боргманъ преподавалъ физику членамъ царской семьи. Одинъ простой перечень ученыхъ работъ и научныхъ статей И. И. занялъ бы мѣсто въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ настоящая замѣтка

Избранный ректоромъ харьковскаго университета профессоръ Людвигъ Васильевичъ Рейнгардтъ—питомецъ харьковскаго университета. Въ Харьковѣ Рейнгардтъ окончилъ курсъ на естественномъ факультетѣ, и здѣсь же началась его ученая дѣятельность (въ 1871 году). Съ 1880 по 1886 г. профессоръ Рейнгардтъ читалъ лекціи ботаники въ новороссійскомъ университетѣ, откуда перешелъ въ 1896 г. ординарнымъ профессоромъ опять въ Харьковъ. Ученые труды Рейнгардта вышли на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Особенно извѣстны въ научной литературѣ: „Characeae средней и южной Россіи" (1872 г.) „Zur Morphologie und Systematik der Bacillariaceen" (1880 г.), „Альгологическія изслѣдованія" (1885 г.).

Совѣтомъ профессоровъ кіевскаго университета св. Владиміра избранъ ректоромъ профессоръ по каѳедрѣ полицейскаго права Николай Мартиніановичъ Цытовичъ. Профессоръ Цытовичъ принадлежитъ къ молодымъ ученымъ (род. въ 1861 году). Воспитанникъ кіевскаго университета, Н. М. въ 1889 году получилъ степень магистра политической экономіи послѣ защиты диссертаціи: „Обзоръ ученій о предпринимательской прибыли". Въ университетѣ

св. Владиміра сначала преподавалъ статистику и въ 1895 г. занялъ самостоятельную каѳедру (полицейскаго права).

Докторская диссертація—„Мѣстные расходы Пруссіи въ связи съ теоріей мѣстныхъ расходовъ“ — представлена Н. М. въ 1898 г. Наиболѣе крупныя работы Цытовича, помѣщенныя въ научныхъ органахъ печати, касаются вопросовъ политической экономіи („О голодахъ въ Западной Европѣ“, „О страхованіи противъ безработицы“). Въ послѣднее время Н. М. состоялъ деканомъ юридическаго факультета кіевскаго университета.

Извѣстный патолого-анатомъ Николай Матвѣевичъ Любимовъ, новый ректоръ казанскаго университета, еще со временъ студенчества связанъ тѣсными узами съ роднымъ университетомъ. Въ Казани же началась и ученая дѣятельность Любимова, вслѣдъ за окончаніемъ имъ въ 1875 году медицинскаго факультета. Послѣ командировки за границу и защиты докторской диссертаціи („Къ ученію о развитіи гигантскихъ клѣтокъ при туберкулезѣ“ 1879 г.“) Н. М. былъ назначенъ прозекторомъ и затѣмъ доцентомъ патологической анатоміи, а съ 1891 года состоитъ ординарнымъ профессоромъ этой каѳедры. Большинство его ученыхъ работъ вышло одновременно на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Хорошо также извѣстны въ научной литературѣ выдержавшіе по нѣсколько изданій его „Курсы патологической академіи и бактеріологическихъ методовъ изслѣдованій“.

Евгеній Вячеславовичъ Пассекъ, избранный ректоромъ юрьевскаго университета, окончилъ курсъ московскаго университета по юридическому факультету, гдѣ и началъ въ качествѣ приватъ-доцента свою ученую дѣятельность. Въ юрьевскомъ университетѣ магистрантъ Пассекъ защитилъ въ 1893 г. свою магистерскую диссертацію „Неимущественный интересъ въ обязательствѣ“ и занялъ въ немъ каѳедру римскаго права.

Новый ректоръ варшавскаго университета, Евфимій Ѳедоровичъ Карскій, воспитанникъ минской духовной семинаріи и нѣжинскаго историко-филологическаго института. Съ 1894 года состоитъ экстраординарнымъ профессоромъ варшавскаго университета по каѳедрѣ русскаго и церковно-славянскаго языковъ. Изъ многочисленныхъ ученыхъ трудовъ Карскаго извѣстны: „Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи“ (1886 г.), „Къ вопросу о разработкѣ стараго западно-русскаго нарѣчія“ (1893 г.). Послѣдній трудъ вмѣстѣ съ тѣмъ явился магистерской диссертаціей Е. Ѳ.

На выборахъ 7 сентября совѣтомъ томскаго университета избранъ ректоромъ профессоръ по каѳедрѣ частной патологіи и терапіи, докторъ медицины Михаилъ Георгіевичъ Курловъ. М. Г.—питомецъ медико-хирургической академіи, курсъ которой онъ окончилъ съ отличіемъ въ 1883 г. Удостоенный степени доктора медицины въ 1886 г. (за диссертацію: „Усвоеніе и обмѣнъ азотистыхъ веществъ для кормленія чахоточныхъ по способу Дебова“), молодой ученый былъ командированъ академіей для усовершенствованія за гра-

ницу, гдѣ занимался подъ руководствомъ лучшихъ профессоровъ-терапевтовъ Мюнхена и Берлина. Послѣ возвращенія изъ заграничной командировки, д-ръ Курловъ былъ избранъ приватъ-доцентомъ академіи по клиникѣ внутреннихъ болѣзней; на этой должности М. Г. оставался вплоть до назначенія въ 1890 г. экстраординарнымъ профессоромъ въ Томскъ. Въ 1902 году профессоръ Курловъ былъ назначенъ ректоромъ того же университета. Ректорскія обязанности по назначенію М. Г. исполнялъ до 7 сентября, когда онъ былъ вновь призванъ къ нимъ, но уже по избранію совѣта профессоровъ томскаго университета. („Бирж. Вѣд.)".

Общество вспомоществованія студентамъ кіевскаго университета обратилось въ газеты съ слѣдующимъ письмомъ:

„М. Г. Общество вспомоществованія студентамъ университета св. Владиміра, вступая въ 24-й годъ своей дѣятельности, крайне озабочено недостаточностью средствъ и связанной съ этимъ печальной необходимостью сократить до минимума размѣры выдаваемыхъ студентамъ пособій. Сокращеніе средствъ общества послѣдовало, главнымъ образомъ, вслѣдствіе непонятнаго отношенія къ нему бывшихъ воспитанниковъ кіевскаго университета св. Владиміра, воспользовавшихся въ свое время матеріальной поддержкой общества.

Къ сожалѣнію, очень многіе изъ этихъ лицъ. будучи уже вполнѣ матеріально обезпеченными, совершенно позабыли о своемъ долгѣ и тѣмъ заставляютъ общество въ настоящее, экономически тяжелое для населенія Россіи время, отказывать въ поддержкѣ ихъ младшимъ товарищамъ — питомцамъ родного имъ университета.

Состоящая при обществѣ долговая коммиссія вполнѣ увѣрена, что должники общества, прочтя настоящее письмо, откликнутся на этотъ товарищескій призывъ, если не немедленнымъ возвратомъ своихъ долговъ полностью, то, въ крайнемъ случаѣ, сообщеніемъ своихъ адресовъ и заявленіями о своемъ желаніи разсчитаться съ обществомъ путемъ разсрочки платежа; но если бы эта надежда не осуществилась, то долговая коммиссія считаетъ своею обязанностью предупредить, что тогда она вынуждена будетъ прибѣгнуть къ крайнему средству моральнаго воздѣйствія, именно, оглашенію въ печати соотвѣтствующихъ именъ съ полнымъ, по возможности, указаніемъ адресовъ и общественнаго положенія. Серьезность испытываемаго обществомъ, вслѣдствіе неисправности его должниковъ матеріальнаго затрудненія, лучше всего доказывается слѣдующими цыфрами. По книгамъ общества числится невозвращенныхъ долговъ на сумму около ста семидесяти тысячъ (170,000) рублей, причемъ около пятидесяти семи тысячъ (57,000) рублей числится за лицами, адреса которыхъ остаются для общества неизвѣстными, несмотря на всѣ ихъ поиски. Долговая коммиссія, будучи вполнѣ увѣрена въ вашемъ сочувствіи цѣлямъ общества, приноситъ заранѣе свою искреннюю благодарность за оказанное содѣйствіе и покорнѣйше проситъ редакцію не отказать напечатать настоящее письмо въ трехъ номерахъ вашей уважаемой газеты. Прилагая при этомъ письмѣ одинъ экземпляръ не подлежащаго пока оглашенію въ печати списка должниковъ общества, адреса которыхъ канцеляріи неизвѣстны, долговая коммиссія рѣшается еще тревожить редакцію своей почтительнѣйшей просьбой: предоставить возможность просматривать этотъ списокъ всѣмъ желающимъ оказать помощь обществу сообщеніемъ необходимыхъ адресовъ. Лицъ, интересующихся спискомъ неразысканныхъ пока должниковъ, просятъ

письменно обращаться въ канцелярію общества для полученія соотвѣтственной книжки. Деньги и письма на имя общества вспомоществованія студентамъ университета св. Владиміра слѣдуетъ адресовать: Кіевъ, Гимназическая, д. № 3.

Женскій педагогическій институтъ.

Въ С.-Петербургѣ въ сентябрѣ открывается женскій педагогическій институтъ на Петербургской сторонѣ, въ новомъ собственномъ зданіи, которое въ очень короткій промежутокъ времени украсило глухую, на половину деревянную Малую Посадскую. Только въ прошломъ году, 1 іюля, было приступлено къ строительнымъ работамъ, 14 сентября совершена была торжественная закладка, а теперь зданіе уже вполнѣ готово. Усадьба института занимаетъ площадь въ $1^1/_2$ десятины земли, изъ нихъ около тысячи квадратныхъ саженъ приходится на одинъ садъ, выходящій въ Пѣвческій переулокъ, и около 800 квадр. саж. отведено подъ другой садъ въ противоположномъ углу. Трехъ-этажное зданіе института построено по контуру усадьбы въ видѣ буквы Г съ изогнутой верхней чертой. Кромѣ того, отдѣланъ во дворѣ оставшійся отъ фабрики каменный флигель, предназначенный для служителей и дворниковъ. Приблизительный объемъ зданія—5,000 куб. саж., изъ нихъ около 2,000 стараго фабричнаго корпуса. Небольшая часть зданія, слѣва отъ главной лѣстницы, отведена въ трехъ этажахъ подъ квартиры директора, начальницы гимназіи, лицъ педагогической администраціи. Въ нижнемъ этажѣ, въ корпусѣ, выходящемъ большими окнами въ садъ, будетъ помѣщаться восьмиклассная Константиновская женская гимназія; на улицу же выходятъ классная комната для начальной школы (на 25 дѣвочекъ) и помѣщеніе для дѣтскаго сада. Такимъ образомъ институтъ будетъ располагать въ своемъ зданіи соотвѣтствующими учрежденіями для практическихъ занятій по педагогіи. Во второмъ и въ третьемъ этажахъ находятся аудиторіи, лабораторіи, кабинеты, большіе рекреаціонные залы. Въ третьемъ этажѣ отстраивается небольшая церковь по проекту Н. В. Султанова въ стилѣ русскихъ церквей XVII столѣтія. Надъ церковью сооружена золоченая глава-луковица съ крестомъ, увѣнчивающая колоколенку. Большой актовый залъ отдѣляется отъ церкви механически свертывающеюся на роликахъ деревянною переборкою, которая во время богослуженій, при массѣ молящихся, будетъ открываться. Полная вентиляція въ залѣ разсчитана на восьмикратную смѣну объема воздуха въ теченіе часа; при обычномъ же дѣйствіи вентиляторовъ обмѣнъ воздуха совершается по четыре объема въ часъ. Рядомъ съ актовымъ заломъ находится большая столовая, куда кушанья будутъ подаваться на подъемной машинѣ изъ кухни съ четвертаго этажа. Въ этомъ мѣстѣ зданія корпусъ имѣетъ надстройку: здѣсь въ четвертомъ этажѣ помѣщаются большая выстланная метлахскими плитками кухня съ двумя очагами-плитами (причемъ средній очагъ будетъ нагрѣваться газомъ), кладовая съ регулируемой температурой, прачешная, комнаты для служителей. Отопленіе всего зданія пароводяное. Зданіе вентилируется нагрѣтымъ профильтрованнымъ воздухомъ. Все вообще зданіе производитъ весьма выгодное впечатлѣніе обиліемъ свѣта и воздуха. Несмотря на необычно короткій срокъ постройки, нигдѣ не чувствуется сырости. Строилъ зданіе гражданскій инженеръ В. В. Старостинъ. Постройка обошлась около 350,000 рублей. („Н. Вр.“)

Къ реформѣ средняго образованія.

Проектъ реформы средняго образованія окончательно составленъ. По этому проекту, среднія учебныя заведенія будутъ носить одно общее названіе гимназій, различаясь другъ отъ друга планомъ образованія. Такъ, будутъ гимназіи съ планомъ классическаго образованія, гимназіи съ планомъ классически-реальнаго образованія. Въ первыхъ гимназіяхъ будутъ изучаться оба древніе языка, во вторыхъ—одинъ древній (латинскій). Проектомъ допускается совмѣщеніе въ одной гимназіи преподаванія по обоимъ планамъ, причемъ выборъ того или другого плана предоставляется родителямъ учащихся. Новыя гимназіи будутъ шестиклассныя, причемъ это сокращеніе числа классовъ сдѣлано не за счетъ уменьшенія курса гимназіи, такъ какъ первый классъ новыхъ гимназій по своей программѣ соотвѣтствуетъ третьему классу существующихъ гимназій. Проектируется учрежденіе особыхъ подготовительныхъ школъ съ программой двухъ первыхъ классовъ нынѣшнихъ гимназій. Наибольшее число недѣльныхъ уроковъ (28) падаетъ въ новыхъ гимназіяхъ на второй, третій и четвертый классы, наименьшее число (24) на пятый и шестой классы. Проектъ находится въ настоящее время на окончательномъ разсмотрѣніи коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ директора департамента мин. нар. просвѣщенія Тихомирова, въ составѣ: вице-директора Билибина, членовъ совѣта министра Баранова и Дебольскаго и завѣдывающаго врачебно-санитарною частью профессора Хлопина. При этомъ подготовительныя училища, выдѣляемыя согласно новому проекту изъ состава среднихъ учебныхъ заведеній, должны, по мысли министерства, сыграть и самостоятельную весьма важную роль. Будучи болѣе доступными для массы населенія, подготовительныя училища послужатъ началомъ для распространенія всеобщаго обученія. На первую же очередь при осуществленіи реформы придется открыть цѣлую сѣть такихъ училищъ; въ этомъ отношеніи для министерства весьма желательна помощь общественныхъ учрежденій и частныхъ лицъ. Съ открытіемъ новыхъ училищъ среднія учебныя заведенія освободятся отъ неизбѣжнаго теперь смѣшенія 8—9 лѣтнихъ мальчиковъ съ 17—18 лѣтними юношами. Что касается методовъ преподаванія въ подготовительныхъ училищахъ, то они должны вполнѣ соотвѣтствовать возрасту учащихся и ихъ пониманію: въ этомъ отношеніи они близки къ методамъ, практикующимся въ двухклассныхъ народныхъ училищахъ. Подготовительныя училища будутъ съ пятилѣтнимъ курсомъ. Такимъ образомъ они приравниваются къ такъ-называемымъ двухкласснымъ училищамъ, имѣющимъ тоже пятилѣтній курсъ, отличаясь отъ послѣднихъ только обязательностью новыхъ языковъ. Выработанный проектъ преобразованой средней школы будетъ внесенъ министерствомъ въ Государственую Думу. („Н. Вр.").

Результаты совѣщанія родителей и воспитателей.

Попечитель петербургскаго учебнаго округа, П. П. Извольскій, систематизировалъ имѣвшіеся у него по вопросу о реформѣ средней школы матеріалы, полученные имъ на совѣщаніяхъ родителей и воспитателей. Пожеланія родителей, помимо тѣхъ, которыя носятъ частный характеръ, сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) отмѣна оцѣнки знанія ученика путемъ балловъ за каждый отдѣльный отвѣтъ по данному предмету; 2) отмѣна существующихъ „правилъ", которыми ученики средней школы должны руководствоваться внѣ

стѣнъ учебнаго заведенія. Находя оцѣнку знанія ученика балломъ за каждый отдѣльный его отвѣтъ слишкомъ поверхностной, родители учениковъ высказались за то, чтобы преподаватель, нашедшій отвѣтъ ученика неудовлетворительнымъ, каждый разъ приглашалъ въ учебное заведеніе родителей ученика и совмѣстно съ ними опредѣлялъ причину его неуспѣшности. Отмѣтки же за четверть года и годовыя, по желанію родителей, будутъ сохранены. По этому поводу попечитель петербургскаго учебнаго округа извѣстилъ педагогическіе совѣты гимназій, что ими могутъ быть возбуждаемы ходатайства о введеніи новыхъ правилъ, объ отмѣткахъ (согласно высказаннымъ пожеланіямъ родителей), и ходатайства эти будутъ удовлетворены. По вопросу о правилахъ внѣкласснаго поведенія учениковъ средней школы часть родителей высказалась за нежелательность ихъ существованія. Въ виду возникшаго на совѣщаніи разногласія по этому вопросу, попечитель учебнаго округа предложилъ педагогическимъ совѣтамъ высказаться, желательно ли сохраненіе правилъ и въ какой мѣрѣ. Отвѣты педагогическихъ совѣтовъ будутъ разсматриваться въ связи съ пожеланіями родителей. Между прочимъ, въ настоящемъ учебномъ году предполагается дать самую широкую самостоятельность педагогическимъ совѣтамъ. Ни одно рѣшеніе относительно отдѣльныхъ учениковъ какъ со стороны преподавателя, такъ и высшихъ педагогическихъ сферъ, не будетъ имѣть силы безъ обсужденія педагогическаго совѣта. Педагогическимъ совѣтамъ гимназій предстоитъ въ самомъ непродолжительномъ времени высказаться по вопросу о надзорѣ преподавателей за учениками внѣ стѣнъ заведенія. Долженъ быть вынясенъ вопросъ, обязанъ ли преподаватель дѣлать замѣчанія ученику, неприлично ведущему себя на улицѣ, или же не обязанъ. Какъ извѣстно, сами преподаватели тяготятся обязательнымъ надзоромъ за учениками внѣ стѣнъ учебныхъ заведеній. („Бирж. Вѣд.“).

Ходатайство казанскихъ родителей.

Въ Казани, какъ и во многихъ другихъ городахъ, зимой существовало сильное броженіе среди учащихся въ средней школѣ. Броженіе это выразилось въ крайне взволнованномъ настроеніи дѣтей, въ массовыхъ отказахъ давать отвѣты на урокахъ или даже посѣщать классы, порой въ возбужденныхъ объясненіяхъ съ начальствомъ, въ попыткахъ помѣшать правильному ходу школьной работы въ цѣломъ учебномъ заведеніи, въ уличныхъ шествіяхъ толпой и т. п. Учебное начальство принимало различныя мѣры къ водворенію спокойствія вродѣ временнаго удаленія учащихся, полицейскаго воздѣйствія на собиравшихся на улицахъ и у входовъ въ учебныя заведенія и т. п., причемъ дѣти подвергались риску быть избитыми. Все это, конечно, глубоко болѣзненно отражалось на родителяхъ, воспитателяхъ и на всемъ обществѣ. Какъ избѣжать такихъ бѣдствій на будущее время? Этотъ вопросъ обсуждался въ семейно-педагогическомъ кружкѣ, и результатомъ обсужденія явилось признаніе неотложно необходимымъ: 1) Произвести полный пересмотръ системы преподаванія, программъ и руководствъ при участіи свободно избранныхъ представителей общества, совмѣстно съ лицами, извѣстными въ наукѣ своими трудами по соотвѣтствующимъ вопросамъ. 2) Предоставить право всякому отдѣльному лицу или группѣ лицъ, безъ различія національности и вѣроисповѣданія, открывать учебныя заведенія какого угодно типа въ явочномъ порядкѣ. 3) Преподаваніе должно вестись на всякомъ языкѣ, по выбору откры-

вающихъ учебное заведеніе. 4) Всѣ правительственныя и общественныя учебныя заведенія сдѣлать доступными для лицъ всѣхъ сословій, безъ различія пола, вѣроисповѣданія, національности. 5) Организовать всѣ школы какъ существующія, такъ и вновь открываемыя, на слѣдующихъ основаніяхъ: а) учебное заведеніе, каково-бы оно ни было (правительственное, общественное), управляется совѣтомъ, который вѣдаетъ всѣ стороны жизни учебныхъ заведеній, опредѣляетъ учебные планы, избираетъ администрацію и преподавателей, равно какъ и опредѣляетъ вознагражденіе; б) совѣтъ учебнаго заведенія состоитъ изъ всего персонала даннаго учебнаго заведенія и уполномоченныхъ отъ общества, представляющихъ интересы родителей, на равныхъ правахъ съ другими членами совѣта. („Пр. В.“)

Петиція бѣлостокскихъ родителей.

Среди родителей и опекуновъ учащихся въ бѣлостокскомъ реальномъ училищѣ дѣятельно собирались подписи подъ петиціей на имя попечителя виленскаго учебнаго округа, слѣдующаго содержанія: „Мы, нижеподписавшіеся, просимъ о введеніи въ реальномъ училищѣ съ начала новаго учебнаго года слѣдующихъ положеній: 1) уничтоженія при поступленіи въ училище препятствій по вѣроисповѣданіямъ, національностямъ, возрасту и недостатку вакансій, 2) упраздненія инспекціи, какъ полицейской инстанціи, и института педелей, 3) свободнаго выбора квартиры для учениковъ, родители и опекуны которыхъ живутъ не въ Бѣлостокѣ, 4) уничтоженія внѣшкольнаго надзора за учениками, 5) уменьшенія платы за право ученія въ первыхъ четырехъ классахъ до 20 руб. въ годъ, 6) предоставленія родителямъ и опекунамъ права участія въ засѣданіяхъ педагогическаго совѣта съ рѣшающимъ голосомъ, 7) введенія преподаванія всѣхъ предметовъ по чисто-научнымъ основаніямъ, безъ примѣси политическихъ тенденцій, 8) обязательнаго преподаванія для дѣтей поляковъ—польскаго языка и его литературы, а также исторія польскаго народа—преподавателями поляками на польскомъ языкѣ, 9) расширенія училищной библіотеки введеніемъ въ нее польскихъ и еврейскихъ книгъ, 10) безпрепятственнаго чтенія учащимися всѣхъ безъ исключенія книгъ, допущенныхъ общей цензурой, 11) права участія учениковъ въ кружкахъ самообразованія, имѣющихъ научную и культурную цѣль, 12) возбужденія предъ мин. нар. просв. ходатайства о предоставленіи реалистамъ права поступать въ университеты, на всѣ факультеты, по выдержаніи дополнительнаго экзамена по латинскому языку, 13) допущенія въ учительскій персоналъ поляковъ, литовцевъ и евреевъ, 15) введенія вѣжливаго обращенія учительскаго персонала со всѣми учащимися, безъ различія національности и вѣроисповѣданія и 15) дозволенія учащимся свободно посѣщать публичныя лекціи научнаго и общественнаго характера, театры и концерты“.

(„Слово“).

Ходатайство кіевскихъ родителей—поляковъ.

Отъ имени родителей и опекуновъ дѣтей-поляковъ, воспитывающихся въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ кіевскаго учебнаго округа, подано попечителю учебнаго округа слѣдующее прошеніе: „Нравственно-религіозное

воспитаніе молодого поколѣнія составляетъ главную заботу родителей и воспитателей. Высокія начала религіи и нравственности, глубоко укоренившіяся въ юномъ возрастѣ, служатъ лучшей опорой и путеводнымъ свѣточемъ въ жизни. Средствомъ къ этому является преподаваніе въ учебныхъ заведеніяхъ Закона Божія. Но чтобы преподаваніе этого предмета могло принести благіе результаты, оно должно быть поставлено въ такія условія, при которыхъ дѣти смотрѣли бы на науку Закона Божія не какъ на школьный предметъ, необходимый только для перевода изъ класса въ классъ, а какъ на самую близкую ихъ душевному міру науку религіи, первыя правила которой заложены въ душу ребенка въ ранніе годы его жизни самымъ дорогимъ для него существомъ—матерью. Необходимо поэтому, чтобы Законъ Божій преподавался дѣтямъ на ихъ родномъ языкѣ, на томъ языкѣ, на которомъ они съ колыбели привыкли возносить свои молитвы къ Богу и усваивать начальныя основы религіи. Дѣти наши молятся на польскомъ языкѣ, поэтому и Законъ Божій долженъ преподаваться на польскомъ языкѣ; иначе преподаваніе этого предмета превратится въ одну формальность, которая неспособна ни вызвать чувства, ни создать твердыя начала, долженствующія сдѣлаться современемъ устоями жизни. Наряду съ религіознымъ вѣрованіемъ самой природой врождена людямъ любовь къ ихъ родному языку, языку ихъ предковъ, языку ихъ исторіи и культуры, языку, который они хранятъ, какъ святыню. Польскому языку дѣти наши не обучаются ни въ среднихъ, ни въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такое положеніе, лишающее ихъ возможности свободно и открыто изучать дорогой и близкій сердцу родной языкъ, вызываетъ въ дѣтяхъ понятное чувство горечи и является первымъ зерномъ, изъ котораго выростаетъ національная вражда. Мы искренно желаемъ уберечь нашихъ дѣтей отъ пагубнаго вліянія взаимнаго озлобленія и глубоко убѣждены въ томъ, что введеніе преподаванія польскаго языка для поляковъ въ кругъ предметовъ школьнаго образованія оказалось-бы въ высшей степени благотворнымъ, удовлетворяя одной изъ насущнѣйшихъ потребностей польскаго населенія края. На этихъ основаніяхъ мы ходатайствуемъ, чтобы въ среднихъ и низшихъ, мужскихъ и женскихъ, учебныхъ заведеніяхъ кіевскаго учебнаго округа Законъ Божій преподавался для дѣтей-поляковъ на польскомъ языкѣ и чтобы польскій языкъ былъ также для нихъ предметомъ обученія. А потому имѣемъ честь почтительнѣйше просить ваше превосходительство дать настоящему прошенію дальнѣйшій ходъ въ установленномъ порядкѣ, не отказавъ съ своей стороны въ вашемъ благосклонномъ содѣйствіи къ удовлетворенію нашего ходатайства". Слѣдуетъ 251 подпись. („Кіев. Газ.")

Педагогическіе курсы въ Петербургѣ.

Недавно открытъ педологическій отдѣлъ имени К. Ушинскаго при педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній въ „Соляномъ городкѣ". При этомъ музеѣ имѣется лабораторія экспериментальной педологической психологіи, уже успѣвшая опубликовать рядъ произведенныхъ въ ней наблюденій. Съ осени же 1904 года педологическимъ отдѣломъ, съ разрѣшенія попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа, были организованы спеціальные курсы для желающихъ работать въ области педологіи. Курсы имѣютъ цѣлью доставить возможность педагогамъ и всѣмъ вообще

лицамъ, интересующимся дѣломъ воспитанія, познакомиться съ главнѣйшими результатами и практическими пріемами педологическихъ изслѣдованій. Въ предстоящемъ 1905—6 учебномъ году, наряду съ чтеніемъ лекцій, будутъ происходить практическія занятія въ лабораторіи курсовъ и въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ программу практическихъ занятій, между прочимъ, войдетъ: изслѣдованіе личности учащихся; изученіе развитія разнаго рода воспріятій у слѣпыхъ и нормальныхъ дѣтей; лабораторное и массовое изслѣдованіе психологическихъ основъ дидактики и дѣтской преступности и т. п. Слушателями курсовъ могутъ быть лица съ высшимъ или среднимъ образованіемъ, безъ различія пола и возраста. Плата за слушаніе лекцій—25 руб. Занятія начнутся 19-го сентября. Заявленія о желаніи поступить на курсы посылаются на имя распорядительнаго бюро педологическаго отдѣла, Фонтанка, 10. („Пр. В.“)

Курсы для учителей въ Царскомъ Селѣ.

Занятія на курсахъ для учителей и учительницъ городскихъ и двухклассныхъ училищъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, открытыя 16 іюня при царскосельскомъ реальномъ училищѣ, закончились 14 іюля. Наряду съ лекціями въ широкомъ размѣрѣ были организованы практическія занятія. Курсистами изготовлялись простые приборы и производились простые опыты по физикѣ, химіи, ботаникѣ, физіологіи животныхъ; было много экскурсій, и организованы занятія по фотографіи, гальванопластикѣ и друг. Въ заключеніе занятій курсисты пришли къ сознанію необходимости измѣнить методъ и программы преподаванія естествознанія, введя въ курсы практическій элементъ въ видѣ опытовъ, экскурсій и т. п. По предложенію управляющаго учебнымъ округомъ составлены подъ руководствомъ лекторовъ проекты новыхъ программъ по физикѣ, природовѣдѣнію и географіи. Министръ народнаго просвѣщенія посѣтилъ курсы, подробно интересовался ходомъ практическихъ работъ и далъ возможность учителямъ и учительницамъ высказаться объ ихъ нуждахъ. Лекторами и главными руководителями практическихъ занятій на курсахъ были по природовѣдѣнію И. И. Полянскій и по физикѣ Я. И. Ковальскій. При нихъ были три лаборанта-помощника; завѣдующимъ курсами состоялъ Я. И. Рудневъ, прочитавшій нѣсколько лекцій по методикѣ географіи. Въ день закрытія курсовъ за подписью всѣхъ присутствовавшихъ учителей и учительницъ была отправлена министру народнаго просвѣщенія слѣдующая телеграмма: „Позволяемъ себѣ непосредственно обратиться къ вашему высокопревосходительству и принести нашу искреннюю благодарность за учрежденные по вашей личной иниціативѣ и впервые на средства министерства народнаго просвѣщенія курсы по естествознанію и физикѣ, которые научили насъ, какъ изучать съ дѣтьми не только книги о природѣ, но и самую природу“.

(„Н. Вр.“)

С.-Петербургское общество грамотности.

Въ 1904 году оно насчитывало 309 членовъ, въ томъ числѣ 13 пожизненныхъ, 218 дѣйствительныхъ и 78 членовъ сотрудниковъ. Въ вѣдѣніи общества попрежнему состояли 5 коммиссій, курсы грамоты и бюро снабженія книгами воинскихъ чиновъ во время войны. Издательская коммиссія разсмо-

трѣла 28 сочиненій, изъ которыхъ 7 получили одобреніе. Кромѣ того, оммиссія въ минувшемъ году издала сборникъ избранныхъ сочиненій для народа А. С. Пушкина и В. А. Жуковскаго. Библіотечная коммиссія закончила составленіе списка книгъ въ числѣ 717 названій, для безплатныхъ народныхъ библіотекъ, и выпустила въ свѣтъ сборникъ рецензій книгъ, изданныхъ для народа. Въ книжномъ складѣ продано 94,855 экземпляровъ книгъ, на 6,809 руб. 33 коп. Въ разныхъ мѣстахъ столицы, по почину общества, устраивались чтенія религіозно-просвѣтительнаго и историческаго характера, со свѣтовыми картинами. Чтенія пользовались большимъ успѣхомъ; такъ, напримѣръ, въ ново адмиралтейской столовой каждый разъ присутствовало до 2,000 слушателей. На курсахъ грамоты для взрослыхъ при самсоніевскомъ городскомъ училищѣ обучалось 52 человѣка, въ возрастѣ отъ 16 до 27 лѣтъ. Въ школѣ имени А. Энгельгардта воспитывалось 3 мальч. и 9 дѣвоч. Воскресную школу при исаакіевскомъ начальномъ народномъ училищѣ посѣщало 22 чел. обоего пола. На рождественскихъ праздникахъ для учащихся устраивались елки съ раздачею книгъ и недорогихъ подарковъ Въ бюро снабженія книгами воинскихъ чиновъ поступило пожертвованій въ видѣ печатныхъ изданій 90.000 нумеровъ газетъ и 136.000 экз. книгъ и журналовъ. Отправлено различнымъ госпиталямъ и лазаретамъ на Дальнемъ Востокѣ 328 ящиковъ съ 84.000 экз. книгъ. Сверхъ того, отправлено въ складъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, для русскихъ плѣнныхъ въ Японіи, 20.000 экз. журналовъ и газетъ. Оборотный капиталъ общества къ началу 1905 года достигалъ 53.803 руб. 73 коп.

(„Пр. В.“)

Переполненіе школъ въ Екатеринбургѣ.

Однимъ изъ наиболѣе назрѣвшихъ вопросовъ является здѣсь переполненіе мѣстныхъ средне-учебныхъ заведеній, причемъ первенствующее въ этомъ положеніи мѣсто занимаютъ женскія. Екатеринбургъ, являющійся центромъ громаднаго по пространству и густо населеннаго района, естественно служитъ въ то же время и культурнымъ центромъ, гдѣ сосредоточены многія учебныя заведенія, обслуживающія не только этотъ городъ, но и весь вообще край. Здѣсь расположено очень много учебныхъ заведеній: мужская и женская гимназіи, реальное училище, уральское горнозаводское, художественно-промышленная и торговая школы, женское епархіальное и мужское духовное училища, мужская и двѣ женскія прогимназіи, два 4 классныхъ городскихъ училища и нѣсколько частныхъ школъ. Тѣмъ не менѣе этихъ учебныхъ заведеній далеко недостаточно, и ежегодно въ маѣ въ дни пріема новыхъ учащихся въ первый и приготовительный классы болѣе половины кандидатовъ, вполнѣ успѣшно выдержавшихъ вступительные экзамены, остаются за дверями школы. Какъ сказано выше, Екатеринбургъ, въ качествѣ центра умственной и иной жизни края, привлекаетъ ежегодно массу учащейся молодежи, такъ какъ почти во всѣхъ сосѣднихъ городахъ среднеучебныя заведенія отсутствуютъ и имѣются лишь въ губернскомъ городѣ Перми.

За послѣднія 10 лѣтъ вопросъ о переполненіи мѣстныхъ учебныхъ заведеній обострился до крайности, и число дѣтей, остающихся ежегодно за дверями школы, никакъ не меньше 50 проц. Куда дѣваются эти дѣти, какая постигаетъ ихъ участь—неизвѣстно, ибо въ этомъ направленіи не имѣется никакихъ статистическихъ данныхъ. Предполагать, что они поступаютъ въ

учебныя заведенія другихъ городовъ, едва ли возможно, такъ какъ тамъ и своихъ учащихся дѣвать некуда. Особенно переполнена здѣсь женская гимназія. Достаточно сказать, что въ зданіи, выстроенномъ на 400 учениць, помѣщается 900; въ каждомъ классѣ имѣется по 3 отдѣленія, а въ нихъ по 50—60 учениць. Это ненормальное, крайне вредно отзывающееся на преподаваніи и здоровьи учащихся положеніе обратило на себя вниманіе высшаго учебнаго начальства, бывшаго попечителя округа Ростовцева, который предложилъ или расширить помѣщеніе путемъ найма или постройки подходящаго зданія, или же довести комплектъ учащихся до нормы, соотвѣтствующей размѣрамъ существующаго помѣщенія путемъ постепеннаго закрытія излишнихъ въ этомъ смыслѣ паралелльныхъотдѣленій. Городъ и земство, содержащіе это учебное заведеніе, не найдя возможнымъ выбросить изъ школы 500 учениць, послѣ ужасно долгихъ споровъ и проволочекъ, рѣшили открыть на соединенныя средства прогимназію, которая постепенно обратится въ гимназію, чѣмъ, казалось бы и положенъ предѣлъ дальнѣйшему переполненію существовавшей гимназіи. Однако стремленіе женскаго элемента къ образованію не могло быть, какъ оказалось, удовлетворено и этой мѣрой, и оба эти женскія учебныя заведенія, несмотря даже на существованіе частной женской прогимназіи, продолжаютъ быть переполненными, а въ пріемѣ въ I классъ нынѣ, какъ и раньше, отказано значительному числу дѣвочекъ. Не въ лучшемъ положеніи находятся и младшіе классы гимназіи: въ VII классѣ нынѣ было 120 учениць, изъ которыхъ 80 пожелали продолжать образованіе въ VIII классѣ гимназіи, между тѣмъ принято въ этотъ классъ могло быть лишь 40. Педагогическій совѣтъ гимназіи, не имѣя рѣшимости отказать этимъ 40 своимъ ученицамъ продолжать ученіе, обратился за разрѣшеніемъ вопроса къ попечителю округа, который предложилъ ему войти въ соглашеніе съ попечительнымъ и педагогическимъ совѣтомъ прогимназіи относительно устройства при послѣдней педагогическихъ курсовъ на правахъ VIII класса для сорока остающихся за флагомъ воспитанниць гимназіи. Къ сожалѣнію, изъ этого ничего не вышло, и 40 учениць, имѣющихъ всѣ права для окончанія ученія, должны принудительно покинуть учебное заведеніе. Въ минувшемъ году не принято въ VIII классъ 50 воспитанниць. („Н. Вр.")

Въ Тверской коммиссіи по нар. образованію.

Состоялось засѣданіе коммиссіи по народному образованію губернскаго земства, первое послѣ возстановленія тверского земства. Собраніемъ поручено управѣ вмѣсто общеобразовательныхъ курсовъ для учащихъ организовать въ г. Бѣжецкѣ публичныя общедоступныя лекціи и дать пособіе учителямъ, желающимъ прослушать эти лекціи. Въ коммиссіи было высказано мнѣніе, что разсчитывать на то, чтобы земству было разрѣшено устройство такихъ курсовъ, невозможно, и потому было предложено предоставить устройство ихъ частнымъ лицамъ съ пособіемъ отъ земства. Предложеніе это коммиссіею принято. Затѣмъ разсматривался планъ дѣятельности отдѣла по народному образованію. По поводу предложенія объ образованіи двухъ губернскихъ коммиссій съ участіемъ учителей, одной—статистической, другой — для разсмотрѣнія и выбора вновь выходящихъ книгъ, пригодныхъ для школьныхъ и народныхъ библіотекъ, возникъ вопросъ объ организаціи постоянной коммиссіи по всѣмъ вопросамъ народнаго образованія изъ учителей и гласныхъ, организованной на тѣхъ же началахъ, на какихъ организованы уѣздная и губерн-

ская медицинская коммиссіи. Поручено управѣ разработать проектъ такихъ организацій. Приняты предложенія о содѣйствіи губернскаго земства уѣзднымъ въ дѣлѣ пріобрѣтенія и выбора книгъ для школьныхъ библіотекъ и наглядныхъ учебныхъ пособій, образцовымъ оборудованіемъ на счетъ губернскаго земства хотя бы одной школы на уѣздъ всѣми возможными въ настоящее время учебно-воспитательными средствами, устройствомъ по одному сельскому народному дому на уѣздъ. Одинъ такой домъ имени А. А. Головачева строится въ Корчевскомъ уѣздѣ. Рѣшено оказывать пособіе всѣмъ открывающимся въ губерніи воскреснымъ школамъ и народнымъ библіотекамъ-читальнямъ, содержимымъ на счетъ частныхъ лицъ и обществъ. Въ цѣляхъ распространенія хорошихъ книгъ рѣшено отпускать по заготовительной стоимости изъ земскаго книжнаго склада тѣ книги распространеніе которыхъ особенно желательно всему населенію, и всѣ книги съ уступкой 50% всѣмъ учащимъ земскихъ школъ (на 10 р. на каждаго). Поручено управѣ заняться разработкою плана школы высшаго типа, съ курсомъ болѣе обширнымъ, чѣмъ курсъ нынѣшнихъ начальныхъ народныхъ училищъ, и устроить передвижную выставку наглядныхъ учебныхъ пособій.

(„Р. В“.)

Отклоненіе ходатайства.

Вятское губ. земство ходатайствовало предъ министерствомъ финансовъ объ обложеніи въ доходъ земства на нужды народнаго образованія продаваемаго въ Вяткой губ. казеннаго вина 40—копеечнымъ съ каждаго ведра сборомъ. Въ отвѣтъ на это министерство финансовъ увѣдомило, что оно не признало возможнымъ удовлетворить это ходатайство такъ же, какъ и ходатайства по этому предмету другихъ земствъ, и объ отклоненіи входило съ представленіемъ въ комитетъ министровъ. 3-го іюня 1904 года комитетъ министровъ, принимая во вниманіе, что въ возмѣщеніе убытковъ земства, причиненныхъ отмѣной сбора, получавшагося съ патентовъ на винокуренные заводы, земствамъ уже выдается соотвѣтствующее вознагражденіе изъ средствъ государственнаго казначейства, а также—находя, что и при законѣ о предѣльности обложенія, на который ссылаются земства, не встрѣчается препятствій къ удовлетворенію нуждъ населенія, напр., путемъ ходатайствъ о сверхпредѣльномъ обложеніи, или же о правительственной помощи — не нашелъ достаточныхъ поводовъ къ принятію какихъ либо особыхъ мѣръ для возвышенія земскихъ доходовъ, къ тому же и непредусмотрѣнныхъ дѣйствующими узаконеніями. По поводу однородныхъ ходатайствъ по тому же вопросу комитетъ министровъ, въ засѣданіи 9-го ноября 1904 года, принимая въ соображеніе, что всѣ подобныя ходатайства были оставляемы до сего времени комитетомъ безъ послѣдствій, и не усматривая въ ходатайствѣ, между прочимъ, вятскаго земства какихъ-либо новыхъ данныхъ, — положилъ согласиться съ мнѣніемъ министра финансовъ и отказать въ ходатайствахъ земствамъ.

(„Вят. г.“).

Музей учебныхъ пособій въ Москвѣ.

Вопросъ объ устройствѣ въ Москвѣ музея учебныхъ пособій для городскихъ начальныхъ училищъ впервые былъ поднятъ нѣсколькими гласными еще въ 1901 г. Дума въ томъ же году единогласно постановила передать этотъ

вопросъ разсмотрѣнію училищной коммиссіи. Кромѣ того, въ 1902 г. въ одномъ изъ собраній попечителей и попечительницъ московскихъ городскихъ училищъ было сдѣлано предложеніе объ устройствѣ при московской городской управѣ *постоянной выставки учебныхъ пособій, школьныхъ книгъ и учебныхъ принадлежностей.* Предложеніе это мотивировалось такими соображеніями: учащимъ въ городскихъ училищахъ крайне трудно слѣдить за всѣмъ тѣмъ, что появляется новаго въ отношеніи учебныхъ пособій и принадлежностей, слѣдить за всѣми выходящими новостями въ школьной и дѣтской литературѣ и разыскивать выходящіе въ свѣтъ учебники и иныя книги, интересныя въ дѣлѣ народнаго образованія. Для облегченія всего этого учащимъ было бы весьма полезно устройство постоянной выставки, о которой сказано выше. Каталоги выставки, требующей особой правильно поставленной организаціи, могли бы печатататься въ „*Думскихъ Извѣстіяхъ*“, что дало бы возможность еще болѣе широкаго распространенія свѣдѣній по вопросамъ народнаго образованія и начальной школы не только для Москвы, но и для всей Россіи. Собраніе попечителей и попечительницъ вошло 29-го января 1903 г. въ городскую Думу съ заявленіемъ объ устройствѣ такой выставки при управѣ, и Дума 4-го февраля 1903 г. постановила оба предложенія передать на разсмотрѣніе училищной коммиссіи. Комиссія, признавъ цѣлесообразность обоихъ предложеній, представила свой докладъ на разсмотрѣніе и утвержденіе городской Думы, которая и рѣшила учредить съ 1-го января 1905 г. *городской музей учебныхъ пособій*, причемъ на обзаведеніе и на содержаніе музея на первый годъ ассигновала одну тысячу рублей. Такимъ образомъ съ начала 1901 г., по начало 1905 г., т. е. цѣлыхъ четыре года вопросъ этотъ оставался открытымъ и никакого реальнаго движенія не получилъ. Теперь образована особая подкоммиссія состоящая изъ нѣкоторыхъ городскихъ учителей, учительницъ, попечителей и попечительницъ, которая подъ предсѣдательствомъ члена управы, завѣдующаго училищнымъ отдѣленіемъ, и приступила къ устройству названнаго музея. Но при этомъ скудныя средства, ассигнованныя Думой на первоначальное устройство городского музея (1.000 р.), и отсутствіе помѣщенія для него значительно сузило какъ самую мысль, положенную лицами, предлагавшими устройство музея, въ основаніе ихъ предложеній, такъ и осуществленіе ея. Соображаясь со средствами и съ имѣющимся въ виду городскимъ помѣщеніемъ, на Домниковской улицѣ, коммиссія склонна признать на первое время полезнымъ: 1) собрать въ этомъ помѣщеніи коллекцію самыхъ необходимыхъ и, насколько возможно, лучшихъ наглядныхъ пособій, *безусловно желательно въ каждой* начальной городской школѣ, причемъ такой *минимальный* наборъ наглядныхъ учебныхъ пособій долженъ служить подспорьемъ въ преподаваніи Закона Божія, міровѣдѣнія, отечественной и общей географіи, отечественной исторіи, физики и естествовѣдѣнія, и 2) собрать коллекцію наглядныхъ пособій и тоже самыхъ необходимыхъ, лучшихъ и безусловно желательныхъ въ каждомъ *школьномъ домѣ*, т. е. такомъ домѣ, гдѣ помѣщаются нѣсколько, до 6—8-ми училищъ. При такихъ школьныхъ домахъ коллекціи должны и могутъ быть значительно большія и разнообразнѣе. Такимъ образомъ; предположено еще въ текущемъ году положить начало будущаго музея пріобрѣтеніемъ такихъ двухъ коллекцій, которыя, будучи размѣщены въ городскомъ зданіи, на Домниковской улицѣ, и послужатъ образцами необходимыхъ предметовъ нагляднаго обученія и пособій, желательныхъ для каждой отдѣльной школы и для учительскихъ домовъ. Все это, конечно очень далеко отъ того, что было предложено го-

родской Думѣ въ 1901 и въ 1903 гг. лицами въ ихъ заявленіяхъ объ устройствѣ въ Москвѣ городского школьнаго музея. Городской школьный музей долженъ быть устроенъ на самыхъ широкихъ началахъ и только при такой постановкѣ дѣла онъ явится однимъ изъ просвѣтительныхъ учрежденій въ вопросѣ народнаго образованія. („Р. В.“)

Свободная школа.

Министерствомъ народнаго просвѣщенія въ настоящее время окончательно выработанъ проектъ о свободныхъ школахъ. Въ окончательной своей редакціи проектъ полагаетъ допустить открытіе школъ какъ средняго, такъ и всѣхъ низшихъ типовъ всѣмъ лицамъ и общественнымъ учрежденіямъ, причемъ предлагается допустить полную свободу какъ въ смыслѣ программъ, такъ и по отношенію къ уставу. Каждое лицо или общество, намѣревающееся открыть школу, можетъ выработать для своей школы свой уставъ и программу, не руководствуясь существующими нормальными. Эти программы и уставы должны быть утверждаемы, если въ нихъ не имѣется ничего противорѣчащаго общимъ узаконеніямъ страны. Точно такъ же предоставляется полная свобода въ выборѣ языка, на которомъ будетъ производиться преподаваніе предметовъ. Обязательнымъ для всѣхъ является преподаваніе: русскаго языка, отечественной исторіи и отечественной географіи; всѣ эти предметы должны преподаваться на русскомъ языкѣ. Правами и преимуществами лица, кончившія такія школы, пользуются въ томъ только случаѣ, если уставъ и программа школъ при утвержденіи признаны нормальными. Въ противномъ случаѣ, лица, окончившія эти школы, при желаніи пользоваться соотвѣтственными правами, должны сдать установленный экзаменъ въ объемѣ программы правительственнаго учебнаго заведенія соотвѣтствующаго типа.

(„Н. Ж.“).

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И СООБЩЕНІЯ.

Рэзолюція совѣта петербургскаго университета по поводу указа 27 августа. „Признавая, что временныя правила по управленію высшими учебными заведеніями содержатъ въ принципѣ полный отказъ отъ пагубныхъ началъ университетскаго устава 1884 г., что ими предоставляется совѣту широкая власть во всѣхъ университетскихъ дѣлахъ какъ учебныхъ, такъ и административныхъ, что тѣмъ самымъ совѣту и его выборнымъ органамъ ввѣряется забота о спокойствіи университетской жизни и охрана студенческихъ интересовъ, совѣтъ с.-петербургскаго университета привѣтствуетъ указанное нововведеніе, какъ первый шагъ на пути къ осуществленію академическаго благоустройства. Принимая на себя въ настоящее трудное время отвѣтственную обязанность содѣйствовать по мѣрѣ силъ и возможности болѣе спокойному теченію университетской жизни, совѣтъ, однако, считаетъ необходимымъ указать при этомъ на слѣдующее:

1) Благотворное вліяніе на академическую жизнь указъ 27-го августа можетъ имѣть лишь при условіи неуклоннаго со стороны всѣхъ властей уваженія къ полномочіямъ, врученнымъ нынѣ совѣту. Всякое нарушеніе этого принципа привело бы академическую жизнь къ новымъ потрясеніямъ и поставило бы совѣтъ въ горькую необходимость совершенно отказаться отъ полномочій, пріобрѣтаемыхъ имъ въ силу временныхъ правилъ.

2) Какъ совѣтъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, такъ и само правительство признаютъ зависимость студенческихъ волненій отъ общихъ политическихъ условій русской жизни. Пока жизнь русскаго общества не будетъ умиротворена осуществленіемъ и органическимъ развитіемъ возвѣщенныхъ общихъ реформъ, полное успокоеніе академической жизни не можетъ быть достигнуто ни властью, ни нравственнымъ вліяніемъ совѣта. Въ частности, и въ интересахъ академической жизни, по глубокому убѣжденію совѣта, особенно настоятельнымъ слѣдуетъ признать обезпеченіе свободы печатнаго и устнаго слова, свободы собраній и союзовъ и неприкосновенности личности. Только при такихъ условіяхъ, устраняющихъ возможность административнаго произвола и обезпечивающихъ всѣмъ и каждому право открыто выражать какъ единолично, такъ и коллективно свое убѣжденіе, взволнованное настроеніе студенчества найдетъ нормальные выходы, и тѣмъ самымъ будетъ устранена коренная причина тѣхъ печальныхъ явленій, которая донынѣ тормозитъ нормальный ходъ научной и академической работы“.

(„Наша Жизнь“)

Рѣчь князя С. Н. Трубецкого. Избраніе на должность ректора Московскаго Университета кн. Трубецкого вызвало шумныя и продолжительныя рукоплесканія. Кн. С. Н. Трубецкой отвѣтилъ на это выраженіе сочувствія рѣчью приблизительно слѣдующаго содержанія: „Помните, теперь положеніе измѣнилось. Власть и отвѣтственность за университетъ лежитъ теперь на всѣхъ насъ въ равной мѣрѣ. Положеніе въ высшей степени трудное, но оно не безнадежное. Мы должны вѣрить въ то дѣло, которому служимъ. Мы отстоимъ университетъ, если мы сплотимся. Чего бояться намъ? Университетъ одержалъ великую нравственную побѣду. Мы получили разомъ то, чего желали; мы побѣдили силы реакціи. Неужели бояться намъ общества, нашей молодежи? Вѣдь не останутся же они слѣпыми къ торжеству свѣтлаго начала въ университетѣ? Правда, все бушуетъ вокругъ, волны захлестываютъ; мы ждемъ, чтобы онѣ успокоились. Мы можемъ пожелать, чтобы разумныя требованія русскаго общества получили желательное удовлетвореніе. Будемъ вѣрить въ наше дѣло и въ нашу молодежь. Та преграда, которая намъ раньше мѣшала дать молодежи свободно организоваться и войти съ ней въ правильныя сношенія, теперь пала. Тотъ порядокъ, который нельзя было ранѣе осуществить, получилъ возможность осуществленія. Мы должны осуществить его совокупными нашими усиліями. Намъ надо быть солидарными и вѣрить въ себя, въ молодежь и въ святое дѣло, которому мы служимъ. Я прошу, я требую отъ васъ дѣятельной мнѣ помощи. Совѣтъ нынѣ есть хозяинъ университета“. Рѣчь его вызвала новыя, шумныя рукоплесканія. („Рус. В.“)

Постановленія Московскаго Университета. Въ засѣданіи совѣта профессоровъ московскаго университета, между прочимъ, было высказано, что собранія студентовъ съ участіемъ въ этихъ собраніяхъ постороннихъ лицъ не должны быть допускаемы. Въ помѣщеніяхъ, свободныхъ отъ учебныхъ занятій съ разрѣшенія ректора могутъ происходить собранія студентовъ, причемъ порядокъ въ собраніи поддерживается самими студентами. Далѣе совѣтъ согласился съ мнѣніемъ коммиссіи и постановилъ слѣдующую резолюцію: „Озабочиваясь правильнымъ ходомъ учебныхъ занятій студентовъ, совѣтъ университета признаетъ необходимымъ сохраненіе на будущее время въ полной мѣрѣ принципа, согласно которому посторонніе слушатели допускаются къ слушанію лекцій. Принимая, однако, во вниманіе потребность въ широкомъ образованіи русскаго общества, совѣтъ считаетъ необходимымъ организацію вечернихъ лекцій въ университетѣ. Эти лекціи могутъ начаться лишь по возстановленіи нормальныхъ занятій въ университетѣ и могутъ быть читаемы только во время правильнаго теченія этихъ лекцій“. Затѣмъ совѣтъ постановилъ начать чтеніе лекцій 15-го сентября.

Учрежденная университетомъ коммиссія профессоровъ высказалась противъ условнаго перевода на слѣдующій курсъ. Коммиссія предлагаетъ оставить студентовъ на тѣхъ же курсахъ, а такъ какъ полукурсовыя программы уже пройдены студентами, то профессора должны читать курсъ, который обычно читается во второмъ полугодіи. Что же касается студентовъ послѣдняго выпускного курса, то ими долженъ быть прочитанъ въ первомъ полугодіи курсъ 8-го семестра, а послѣ рождественскихъ каникулъ должны быть назначены выпускные экзамены. („Р. В.“)

Воззваніе В. А. Гольцева. Въ „Русск. Вѣд.“ напечатано слѣдующее письмо В. А. Гольцева:

„Дорогіе товарищи! Съ чувствомъ глубокаго нравственнаго удовлетворенія встрѣчено избраніе кн. Трубецкого ректоромъ, проф. Мануилова — помощникомъ ректора московскаго университета. Университету возвращено самоуправленіе. Вы прочли въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ статью, привѣтствующую начало свободной науки въ свободномъ университетѣ. Конечно, это — не все, на что мы могли надѣяться, къ чему мы должны стремиться; но это — большая нравственная побѣда. Вы получаете возможность, вы пріобрѣтаете право учиться, какъ свободные граждане, на пользу наукѣ, на благо родному народу. Учиться! Какое это благородное и отвѣтственное назначеніе! Вы должны вернуть народу то, что идетъ на ваше образованіе, въ той или другой формѣ; вы должны послужить нашему многострадальному народу для того, чтобы онъ достойно занялъ подобающее ему великое мѣсто среди другихъ народовъ, опередившихъ насъ въ просвѣщеніи и въ формахъ государственнаго устройства. Намъ необходимо, чтобы университетская молодежь впитывала въ себя,— сознательно, вдумчиво,—все, что даетъ европейская наука, чтобы въ лучшій, цвѣтущій періодъ своего пребыванія въ университетѣ молодежь эта, чуткая, трудолюбивая, взвѣсила насущныя нужды страны и пошла на ихъ удовлетвореніе полная знаніемъ и убѣжденностью. Учиться, учиться! Что можетъ быть въ настоящее время настоятельнѣе? Учиться не подъ палкой, не въ полицейскомъ режимѣ, а подъ руководствомъ людей,—ими, при всѣхъ горькихъ условіяхъ, не оскудѣли русскіе университеты,—всею душею преданныхъ свободному изслѣдованію и гражданскому долгу. Общественныя явленія много сложнѣе біологическихъ. Ни одинъ добросовѣстный студентъ-медикъ первыхъ курсовъ не возьмется лѣчить труднаго больного. Почему же такъ относятся къ врачеванію общественныхъ недуговъ? Повѣрьте, что во мнѣ говоритъ не охладѣвшая кровь, что я по-прежнему преклоняюсь передъ великодушіемъ и самоотверженіемъ молодости. Но во имя народа, которому не въ моготу разоряющее его экономически и духовно невѣжество, учитесь, учитесь! Верните съ историческими процентами то, что вы должны. Потерпите нѣкоторыя неудобства: вѣдь вы—будущее великаго народа. Для васъ уже приходитъ настоящій день. Теперь практическое соображеніе: не сыграйте въ руку реакціи. Нѣкоторые органы „истинно русскаго“ хамства уже учитываютъ въ свою пользу безпорядки въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, уже видятъ съ злодѣйскимъ злорадствомъ крушеніе профессорской автономіи. Помните, что общественному мнѣнію дорога эта автономія Товарищи, поработаемъ для науки, поучимся для народнаго блага, для политической свободы!“

Въ Московскомъ университетѣ. Въ московскій университетъ подано всего 1.800 прошеній. Изъ этого количества зачислено 1.300, а остальнымъ отказано вслѣдствіе неисправности въ документахъ. Объ условномъ переводѣ подано 1.500 прошеній. Отъ евреевъ поступило 124 прошенія, но пока зачислено всего 39. На фармацевтическое отдѣленіе подано прошеній: христіанами 82 и евреями 30. Всего же можетъ быть принято евреевъ только 6, за исключеніемъ тѣхъ, которые подаютъ прошеніе уже въ третій разъ. Послѣдніе принимаются сверхъ нормы. („Р. В.“)

О допущеніи персіянъ въ русскіе университеты. Персидскимъ правительствомъ было возбуждено ходатайство о допущеніи персіянъ, окончившихъ образованіе въ Персіи, къ слушанію лекцій въ русскихъ университетахъ. Въ настоящее время ходатайство это удовлетворено съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы выдержавшимъ выпускные экзамены въ испытательныхъ комиссіяхъ были выдаваемы дипломы на степень кандидата безъ указанія на права, предоставленныя этимъ званіемъ въ Россіи. („Слово“).

Въ историко-филологическомъ институтѣ. На состоявшейся 9-го сентября сходкѣ студентами большинствомъ 74 изъ 105, не считая не принимавшихъ участія въ сходкѣ 10 „свобододѣйствующихъ“, принята слѣдующая резолюція: „Ясно сознаваемыя нами, студентами историко-филологическаго института, ненормальности во всѣхъ областяхъ институтской жизни вызываются, по нашему мнѣнію, тѣмъ обстоятельствомъ, что заведеніе это по своимъ задачамъ и цѣлямъ является созданіемъ силъ и интересовъ, имѣющихъ очень мало общаго съ интересами народа. Исходя изъ этого взгляда, мы считаемъ основательный пересмотръ институтскаго устава и нормировку дальнѣйшей жизни института на болѣе жизненныхъ и цѣлесообразныхъ началахъ—насущнѣйшей и безусловно необходимой задачей даннаго момента. Залогъ же достиженія этого новаго лучшаго будущаго мы видимъ въ немедленномъ распространеніи на нашъ институтъ принциповъ автономіи и академической свободы, возвѣщенныхъ указомъ 27 августа. Объ этомъ мы и доводимъ до свѣдѣнія конференціи профессоровъ института и предлагаемъ ей настаивать на немедленной ликвидаціи стараго порядка“. („Бирж. В.“)

Новое студенческое общество. Группой студентовъ петербургскаго университета организовано общество, представляющее собой среднее между умирающей корпораціей „Денница“ и либеральной частью студенчества. Новое общество поставило цѣлью возстановленіе правильнаго теченія академической жизни и борьбу съ забастовкой, но въ то же самое время оно сочувствуетъ прогрессивнымъ стремленіямъ студенчества. Во главѣ новой партіи стоитъ графъ Зубовъ. („Сл.“).

Сокращеніе спеціальныхъ средствъ въ университетахъ. Министерство народнаго просвѣщенія обратилось въ министерство финансовъ съ ходатайствомъ объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства довольно крупной суммы около милліона рублей на покрытіе расходовъ, производимыхъ по закону высшими учебными заведеніями изъ своихъ спеціальныхъ средствъ. Настоящее нѣсколько необычайное ходатайство министерства народнаго просвѣщенія объясняется тѣмъ, что высшія учебныя заведенія, будучи закрыты, не получили вслѣдствіе этого платы за право слушанія лекцій, что поставило ихъ въ настоящее время въ трудное положеніе. („Н. Вр.“).

На высшихъ женскихъ курсахъ. 8-го сентября на совѣщаніи профессоровъ была избрана коммиссія для помощи директору курсовъ г. Раеву

при передачѣ дѣлъ будущему выборному директору. Въ составъ коммиссіи вошли профессора Ростовцевъ, Фаусекъ, Гриммъ и Поссе. Въ засѣданіи коммиссіи были предложены 2 кандидата на должность директора: проф. Фаусекъ (22 гол.) и проф. Введенскій (20 гол.). На совѣщаніи профессора единогласно высказались противъ условныхъ переводовъ и осеннихъ экзаменовъ. Профессора предполагаютъ, что автономія курсамъ будетъ дана не ранѣе 20 сентября. Профессора рѣшили ходатайствовать передъ министромъ народнаго просвѣщенія о принятіи тѣхъ 300 курсистокъ, которыя въ 1904 году были уволены послѣ того, какъ выразили протестъ по поводу извѣстныхъ дѣйствій нѣкоторыхъ изъ профессоровъ. Профессоръ Фаусекъ высказалъ предположеніе, что отъ министра отказа не послѣдуетъ. На совѣщаніи былъ поднятъ вопросъ о сходкахъ курсистокъ. Профессора высказались за допущеніе частныхъ сходокъ курсистокъ, если онѣ не мѣшаютъ учебнымъ занятіямъ и если посторонній элементъ на нихъ не допускается. 9-го сентября на сходкѣ слушательницъ II го курса была принята резолюція:

1) Настаивать на принятіи обратно на курсы 300 курсистокъ, уволенныхъ въ 1904 году; 2) высказаться за распространеніе автономіи на высшіе женскіе курсы; 3) до введенія ея не приступать къ регулярнымъ занятіямъ; 4) настаивать на введеніи курса политической экономіи какъ на историко-филологическомъ, такъ и на физико-математическомъ отдѣленіи; 5) не назначать общей сходки до совѣщанія делегатовъ съ профессорами, которое состоится 11-го сентября, въ 2 часа дня. Кромѣ того, рѣшено собраться 12-го сентября въ 11 ч. утра, чтобы выслушать отвѣтъ, который дадутъ профессора делегаціи. („С. О.“).

Пособіе высшимъ женскимъ курсамъ. Забастовка прошлаго учебнаго года поставила высшіе женскіе курсы въ трудное въ матеріальномъ отношеніи положеніе, такъ какъ средства общества для доставленія средствъ высш. женск. курс. составляются *главнымъ образомъ изъ взносовъ за слушаніе лекцій*. Общество избѣжало кризиса только благодаря тому, что директоръ и часть профессоровъ отказались отъ своего жалованья. Однако, пришлось сократить число служащихъ при интернатѣ, въ аудиторіяхъ и при кабинетахъ. Въ настоящее время ожидается *субсидія* отъ министерства народнаго просвѣщенія въ размѣрѣ *пятидесяти тысячъ рублей*, что дастъ общ-ву возможность не только выполнить обязательства въ отношеніи профессоровъ, но и продолжать необходимыя постройки.

(„Сл.“)

Въ военно-медицинской академіи. Многимъ изъ командируемыхъ на Дальній Востокъ врачей приходится прерывать начатые ими въ военно-медицинской академіи экзамены на степень доктора медицины. Всѣмъ такимъ врачамъ конференція академіи обѣщаетъ, въ случаѣ желанія закончить экзамены по возвращеніи въ С.-Петербургъ, зачесть начатые экзамены, но для этого необходимо будетъ по пріѣздѣ обратиться въ конференцію съ соотвѣтствующимъ ходатайствомъ, подкрѣпивъ такое необходимымъ документомъ о нахожденіи въ командировкѣ. („Бирж. В.“).

Курсы для учителей въ городѣ Павловскѣ. С.-Петербургскимъ учебнымъ округомъ разрѣшены, послѣ годичнаго перерыва, курсы для учителей въ г. Павловскѣ. Курсы открыты 15 августа и разсчитаны на 200

человѣкъ. Руководить курсами будетъ помощникъ попечителя учебнаго округа В. А. Латышевъ; чтеніе лекцій продолжается до 15 сентября. Земства, командирующія на курсы учителей, вносятъ за каждаго слушателя по 20 руб. („Нов. В.“).

Общежитія при среднихъ школахъ. Министерствомъ народнаго просвѣщенія обращено вниманіе на то, что воспитанники и воспитанницы среднихъ учебныхъ заведеній, живущіе на частныхъ квартирахъ, въ нынѣшнее тревожное время часто подпадаютъ „вреднымъ“ стороннимъ вліяніямъ. Въ виду этого министерствомъ признано желательнымъ при возможно большемъ числѣ среднихъ учебныхъ заведеній открытіе благоустроенныхъ пансіоновъ или общежитій, состоящихъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ учебнаго начальства. Въ этомъ направленіи не меньшую пользу могли бы принести, по мнѣнію министерства пансіоны-общежитія, устраиваемыя городами, земствами или частными благотворительными обществами, принимающими на себя отвѣтственность за правильное воспитаніе и нравственное развитіе учащихся. Начальствамъ среднихъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній предложено войти въ обсужденіе вопроса объ изысканіи средствъ на учрежденіе общежитій и пансіоновъ, стараясь привлечь къ участію въ расходахъ по открытію и содержанію такихъ учрежденій мѣстныя общества. („Слово“)

Реформа женскихъ гимназій. Одновременно съ реформой мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, которыя будутъ значительно видоизмѣнены, министерствомъ народнаго просвѣщенія предпринимается реформа и женскихъ гимназій. Кромѣ измѣненій программъ отдѣльныхъ предметовъ во всѣхъ женскихъ гимназіяхъ предполагается ввести дополнительные педагогическіе классы, сдѣлавъ ихъ обязательными. Въ близкой связи съ этимъ находится и проектъ устройства женскихъ учительскихъ семинарій, въ которыхъ къ преподаванію будутъ допускать тоже женщинъ. („Н. Вр.“)

Курсы для учителей въ Орловской губ. Общеобразовательные курсы для учителей и учительницъ начальныхъ народныхъ училищъ уѣздовъ: Брянскаго, Карачевскаго, Дмитровскаго, Сѣвскаго и Трубчевскаго отмѣняются, „въ виду неполученія отвѣта отъ министерства народнаго просвѣщенія о разрѣшеніи этихъ курсовъ въ гор. Брянскѣ, а также вслѣдствіе отказа лекторовъ“. Курсы эти предполагались въ Брянскѣ еще въ прошломъ году, но не были разрѣшены министерствомъ, вслѣдствіе несоблюденія, кажется, какихъ-то формальностей со стороны организаторовъ курсовъ — орловской губернской управы; въ нынѣшнемъ году — отвѣта на ходатайство управы не получено. Такимъ образомъ, стремленіе земства внести больше свѣта въ нашу народную школу, путемъ улучшенія личнаго состава учащихъ, вторично не увѣнчалось успѣхомъ. („Р. В.“)

Курсы воспитательницъ и руководительницъ физическаго воспитанія. На курсы воспитательницъ и руководительницъ физическаго образованія до настоящаго времени поступило до 700 прошеній о зачисленіи въ составъ слушательницъ курсовъ. По вопросу о переводѣ слушательницъ, про-

слушавшихъ въ прошломъ учебномъ году до перерыва занятій лекціи перваго полугодія, совѣтомъ курсовъ постановлено считать этихъ слушательницъ переведенными на слѣдующій курсъ съ условіемъ сдачи переходныхъ экзаменовъ въ январѣ наступающаго года. („Слово“)

Преобразованіе учительскихъ семинарій. Министерство народнаго просвѣщенія проектируетъ реформировать учительскія семинаріи. Программа ихъ и система преподаванія признаются неудовлетворительными и не отвѣчающими современнымъ потребностямъ. Трехлѣтній курсъ найденъ недостаточнымъ, особенно съ увеличеніемъ объема программы, а потому семинаріи будутъ имѣть четыре класса, изъ коихъ одинъ приготовительный, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и обязательный для поступающихъ въ семинарію: четвертый же классъ намѣчается сдѣлать практическимъ для изученія метода преподаванія.
(„Слово“)

Къ улучшенію быта учителей частныхъ школъ. Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія поднятъ вопросъ о привлеченіи учителей частныхъ начальныхъ школъ въ число участниковъ пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ. Согласно уставу кассы, каждый участникъ кассы вноситъ въ кассу 6% своего содержанія и столько же вносится въ кассу за каждаго участника казною или земствомъ. Предполагается на будущее время при открытіи частныхъ начальныхъ школъ обществами или частными лицами ставить имъ въ обязанность уплачивать за учащихъ такое же пособіе пенсіонной кассѣ.
(„Русь“).

Учительская доля. Въ „Югѣ“ помѣщено письмо учащихъ въ Херсонскомъ уѣздѣ въ училищный совѣтъ по поводу самоубійства учительницы новотягинской школы В. М. Куракиной. Въ этомъ письмѣ рельефно рисуется тяжелая доля учителей и учительницъ, поставленныхъ подчасъ въ условія, при которыхъ заниматься преподавательскою дѣятельностью совершенно немыслимо. По словамъ сотоварищей Куракиной, она рѣшилась наложить на себя руки по причинамъ чисто внѣшнимъ, а именно: школа, въ которой работала покойная, помѣщается въ полуразрушенной избушкѣ, среди улицы. Въ ней нѣтъ ни надворныхъ построекъ, ни ограды. Сторожемъ школы, поставщикомъ соломы и прочихъ хозяйственныхъ предметовъ является сельскій староста, который положительно сдѣлалъ жизнь учительницы невозможной. Въ такихъ же условіяхъ служатъ и всѣ остальные и могутъ очутиться въ такомъ же положеніи. Авторы письма находятъ, что смерть Куракиной „не самоубійство, а убійство, и убійцей этимъ является сельскій староста“. („Югъ“).

Кавказскій учебный округъ. Система, по которой кавказскій учебный округъ за послѣднія 25 лѣтъ, лишая довѣрія туземцевъ, упорно избѣгалъ назначенія ихъ на административныя должности, безповоротно осуждена намѣстникомъ Его Величества графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ. По его приказанію въ послѣднее время состоялось нѣсколько назначеній грузинъ и армянъ на должности директоровъ и инспекторовъ кавказскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, что вноситъ успокоеніе въ среду учащихся и возбуждаетъ чувство благодарности къ графу. Въ населеніи ходятъ слухи, что попечитель учебнаго округа Завадскій оставляетъ Кавказъ. („Р. А.“).

Реформа духовной школы. Въ печати уже появились извѣстія о готовящейся по духовному вѣдомству реформѣ духовной школы, причемъ о проектѣ, выработанномъ духовно-учебнымъ комитетомъ, дѣлались неблагопріятные отзывы, такъ какъ проектомъ этимъ предполагаются лишь частичныя измѣненія въ учебномъ строѣ духовныхъ семинарій и училищъ, касающіяся программъ преподаванія и распредѣленія учебнаго времени, между тѣмъ духовная школа нуждается въ коренномъ преобразованіи. Мы слышали, что въ св. Синодъ вмѣстѣ съ журналомъ учебнаго комитета, какъ отдѣльное къ нему мнѣніе, поступила также записка одного изъ членовъ комитета (Д. И. Тихомирова) о необходимости коренныхъ преобразованій въ строѣ духовной школы съ проектомъ такихъ преобразованій. Сколько извѣстно, журналъ учебнаго комитета, записка Д. И. Тихомирова и другіе матеріалы по отпечатаніи будутъ разосланы членамъ св. Синода и другимъ лицамъ для отзыва и такимъ образомъ сдѣлаются достояніемъ гласности. Вопросъ о реформѣ духовной школы будетъ однимъ изъ главныхъ предметовъ обсужденія и на предполагаемомъ помѣстномъ соборѣ русской церкви. („Н. Вр.“)

Измѣненія въ уставѣ общества взаимопомощи. Въ уставѣ общества вспомоществованія бывшимъ воспитанникамъ уч. заведеній вѣдомства учрежденій Импер. Маріи, въ видахъ пополненія состава членовъ общества лицами, наиболѣе заинтересованными въ развитіи его дѣятельности, рѣшено произвести существенныя измѣненія. Пособіями какъ временными, такъ и постоянными ранѣе пользовались всѣ нуждающіяся бывшія ученицы гимназій и институтовъ вѣдомства; нынѣ же рѣшено отказывать помощь по преимуществу тѣмъ изъ нихъ, которыя состоятъ членами общества, причемъ для нихъ пятирублевый годовой членскій взносъ уменьшенъ до 3 руб. („Н. Вр.“).

Общество попеченія о народномъ образованіи въ Барнаулѣ. Существующее здѣсь общество попеченія о начальномъ образованіи, исходя изъ мысли, что, согласно указу 18-го февраля, оно не только имѣетъ право, но и обязано сообщить совѣту министровъ свои виды и предположенія, касающіеся народнаго образованія, приняло въ общемъ собраніи резолюціи, главнѣйшія изъ которыхъ сводятся къ слѣдующему: 1) Обществу должно быть предоставлено право самостоятельно руководить содержимыми имъ школами; 2) необходимо отмѣнить всѣ ограниченія, установленныя по отношенію литературныхъ произведеній, употребляемыхъ въ народныхъ библіотекахъ и аудиторіяхъ; 3) чтобы на народныхъ чтеніяхъ лекторами могли выступать всѣ желающіе, причемъ отвѣтственность за нихъ передъ закономъ Общество принимаетъ на себя; 4) Обществу должно быть предоставлено право издавать и продавать книги на общихъ основаніяхъ и т. п. Принявъ эти резолюціи, собраніе Общества признало необходимымъ указать, что осуществленіе намѣченныхъ преобразованій возможно только при условіяхъ строгаго, на законѣ основаннаго государственнаго правопорядка, ограждающаго свободу и неприкосновенность личности, жилища, свободу слова, печати, собраній, союзовъ. Всѣ эти резолюціи общество рѣшило представить въ совѣтъ министровъ.

Почтовая льгота для училищъ. Главное управленіе почтъ и телеграфовъ циркулярно разъяснило, что начальныя школы, получающія содержаніе отъ земства, состоятъ въ распоряженіи правительства, а потому, на основаніи 373 ст. почтоваго устава, служебныя письма и посылки безъ цѣны вѣсомъ до 1 пуда отъ завѣдующихъ означенными школами надлежитъ принимать на почту, за присвоенною имъ казенною печатью, безъ платежа вѣсовыхъ денегъ. („Сл.").

Развитіе грамотности среди инородцевъ. Въ Петербургѣ организуется новое общество развитія грамотности среди инородцевъ и ознакомленія этой части населенія съ произведеніями русскихъ писателей. Иниціаторами названнаго общества является группа интеллигенціи, которая въ настоящее время занята вопросомъ о скорѣйшемъ приведеніи въ исполненіе задуманныхъ ею задачъ и мѣрахъ призванія къ жизни проектируемаго дѣла.

(„Разсвѣтъ")

Книги на малорусскомъ языкѣ въ народ. читальняхъ. Департаментъ общихъ дѣлъ министерства народнаго просвѣщенія увѣдомилъ винницкій уѣздный комитетъ попечительства о народной трезвости, что ходатайство его о допущеніи въ безплатную библіотеку-читальню при винницкомъ народномъ домѣ 11 брошюръ на малороссійскомъ языкѣ мнѣніемъ ученаго комитета, утвержденнымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, отклонено.

(„Кіевл.")

Польскій языкъ въ средней школѣ. По слухамъ, съ 1-го сентября сего года разрѣшено открыть въ Кѣльцахъ частное коммерческое училище съ преподаваніемъ всѣхъ предметовъ, кромѣ русскаго языка и исторіи, на польскомъ языкѣ. Точно на такихъ же условіяхъ разрѣшено открыть въ Варшавѣ, частное училище реальнаго типа. („Слово")

Преподаваніе еврейскаго языка, какъ самостоятельнаго предмета, въ школахъ для лицъ іудейскаго вѣроисповѣданія, разрѣшено министерствомъ народнаго просвѣщенія. Разрѣшеніе это относится къ частнымъ школамъ, при чемъ число уроковъ опредѣлено не свыше шести въ недѣлю, при продолжительности каждаго урока въ одинъ часъ времени. („Слово")

Нормы для печатанія учебниковъ. Медицинскій совѣтъ одобрилъ особыя нормы для печатанія учебниковъ и пособій, намѣченныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, и постановилъ, въ цѣляхъ санитарныхъ, рекомендовать ихъ всѣмъ вѣдомствамъ, имѣющимъ на своемъ попеченіи школы. Находя, вмѣстѣ съ тѣмъ, предусмотрѣнное этими нормами дѣленіе книгъ, по величинѣ буквъ и длинѣ строкъ, на книги для дѣтей до 14-ти лѣтъ и на книги для учащихся старшаго возраста стѣснительнымъ и непрактичнымъ, медицинскій совѣтъ высказался за исключеніе изъ нормы этого дѣленія.

(„Бирж. В.")

Школа для малоуспѣвающихъ. Въ сентябрѣ настоящаго года въ Петербургѣ открывается новая городская школа для малоуспѣвающихъ и отсталыхъ въ своемъ развитіи дѣтей. Такая школа, гдѣ преподаваніе будетъ происходить по особой методѣ, разсчитана на 20 дѣтей. При школѣ будетъ интернатъ. Въ настоящее время училищной коммиссіей командированы за границу нѣсколько городскихъ учительницъ для ознакомленія съ постановкой учебнаго дѣла въ подобныхъ школахъ на Западѣ.

(„Н. Вр.")

Резолюція Батумской думы Въ засѣданіи Батумской городской думы было разсмотрѣно заявленіе гласныхъ: гг. Гогиджанова, Еліава, Кн. М. М. и Н. П Накашидзе о наилучшей постановкѣ дѣла образованія и воспитанія дѣтей въ школахъ, подвѣдомссвенныхъ городскому управленію. Въ своемъ заявленіи названные гласные говорятъ, что печать, общество и органы самоуправленія настойчиво твердятъ, что дѣло народнаго образованія требуетъ коренной и безотлагательной реформы, что въ настоящемъ видѣ оно никого не удовлетворяетъ; что если признать, что народное образованіе есть фундаментъ, на которомъ зиждется вся культура и благосостояніе общества, то безспорно всѣ усилія должны быть приложены къ тому, чтобы устранить всѣ условія, такъ или иначе мѣшающія ея правильному развитію и росту; что малѣйшая инициатива со стороны общества въ дѣлахъ улучшенія и развитія народнаго образованія встрѣчаетъ сильный отпоръ и парализуется, какъ дѣяніе, идущее въ разрѣзъ съ господствующимъ нынѣ направленіемъ, неуклонное слѣдованіе принципамъ коего устраняетъ всѣ проявленія общественной жизни и дѣлаетъ столь живое дѣло, какъ народное образованіе, безжизненнымъ, идущимъ мимо своей цѣли; что дѣло это такъ крѣпко втиснуто въ рамки сухого и строгаго формализма, что совершенно теряетъ смыслъ, какъ важнѣйшій факторъ преуспѣянія и развитія общества; что, наконецъ, жизнь вполнѣ доказала полную несостоятельность такой системы, общество давно сознало, что ее пора сдать въ архивъ и что само общество, дающее всѣ нужныя средства на народное образованіе, должно имѣть право главнаго руководителя дѣломъ. Въ этихъ видахъ гласные предлагали представить министерству народнаго просвѣщенія ходатайство объ удовлетвореніи слѣдующихъ нуждъ народнаго образованія: 1) Предоставленіе городскому самоуправленію всей организаціонной стороны школьнаго дѣла—учебной и хозяйственной. 2) Открытіе библіотекъ, читаленъ воскресныхъ школъ и безплатныхъ курсовъ для народа; 3) Возложеніе руководства педагогическою стороною школъ на особыхъ спеціалистовъ-педагоговъ, назначаемыхъ городомъ; 4) Право назначенія и увольненія лицъ педагогическаго персонала собственною властью городского управленія; 5) Независимая организація городомъ совѣщаній учащихъ по всѣмъ вопросамъ школы; 6) Приглашеніе законоучителей на основаніяхъ, одинаковыхъ съ учителями, и допущеніе свѣтскихъ лицъ къ преподаванію Закона Божія; 7) Предоставленіе права созывать публичные съѣзды учителей; 8) Снабженіе библіотекъ при школахъ (учительск. и ученическ.) всякими цензурными книгами, по выбору совѣта преподавателей; 9) Введеніе въ школахъ обязательнаго преподаванія для туземцовъ туземныхъ языковъ и обученіе слова Божія на родномъ языкѣ учащихся.

Дума единогласно приняла это предложеніе и поручила управѣ представить соотвѣтствующее ходатайство. („Черн. В.")